ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Томъ II.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

a) МАССОВОЕ ДВИЖЕНІЕ.

b) ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО МАРКСИЗМА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», В. Подъяческая, 39.

1910.

Открыта подписка на новое изданіе

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ

въ началѣ XX-го вѣка

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ: Л. Мартова, П. Маслова. и А. Потресова (Старовѣра).

Изданіе въ 5 томахъ, всего около 2500 страницъ большого формата.

(Вмѣсто предположенныхъ 150 листовъ по 40.000 буквъ, изданіе будетъ содержать такихъ-же до 200 листовъ).

Изданіе ставитъ своей цѣлью ознакомить читателя съ наиболѣе существенными сторонами русской общественной жизни начала текущаго столѣтія и дать анализъ тѣхъ причинъ, которыя привели къ измѣненію ея строя.

Преслѣдуя чисто научныя задачи, изданіе стремится—собраніемъ возможно болѣе полно и объективно разработаннаго фактическаго матеріала—представить картину этого важнаго періода развитія русской общественной жизни и по возможности освѣтить всю совокупность отношеній, сложившихся въ процессѣ этого рзвитія.

СОДЕРЖАНІЕ:

Томъ I. Предвѣстники и основныя причины движенія.

ЧАСТЬ I. Отд. 1. Экономическое состояніе страны къ началу 20-го вѣка и эволюція хозяйственныхъ отношеній: а) въ сферѣ земледѣлія, б) промышленности, в) торговли и кредита. Отд. 2. Государственное хозяйство—финансы. Отд. 3. Международныя отношенія и въ особенности Русско-Японская война, какъ показатель состоятія государственной организаціи.

ЧАСТЬ II. Отд. 4. Движеніе общесвенныхъ группъ и классовъ: а) рабочихъ, б) крестьянъ, в) крупной буржуазіи, г) землевладѣльцевъ, д) интеллигенціи, е) національныя движенія, ж) зарожденіе партій, ихъ строеніе и дѣятельность. Отд. 5. Общая политика правительства и характеръ государственнаго строя. Отд. 6. Культурное движеніе. Отд. 7. Развитіе идеологіи. Отд. 8. Художественная литература. Отд. 9. Общіе выводы о состояніи страны передъ революціей и анализъ причинъ, вызвавшихъ послѣднюю: а) въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній, б) въ политикѣ.—Итоги.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Томъ II.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

a) МАССОВОЕ ДВИЖЕНІЕ.
b) ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО МАРКСИЗМА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1910.

Оглавленіе.

т. II. ч. II.

стр.

I. Массовое движеніе (продолженіе).

Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ. Движеніе землевладѣльцевъ 1

А. ЕРМАНСКІЙ. Крупная буржуазія.

1. Періодъ либеральныхъ записокъ 30
2. Отношеніе къ рабочему вопросу въ періодъ либеральныхъ записокъ 41
3. Отношеніе къ Госуд. Думѣ. Партійныя образованія въ средѣ крупной буржуазіи 50
4. Выступленія городскихъ самоуправленій. Съѣзды городскихъ дѣятелей 60
5. Союзы работодателей. Локауты 70
6. Всероссійское объединеніе капитала 86
7. Заключеніе 97

Ѳ. ДАНЪ. Очеркъ политической эволюціи буржуазныхъ элементовъ городского населенія . 101

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Движеніе интеллигенціи.

1. До 9 января 146
2. Послѣ 9 января 163
3. Образованіе интеллигентскихъ союзовъ и ихъ платформы . 170
4. Отъ Манифеста 6 августа до Манифеста 17 октября . . . 183
5. Послѣ 17 октября. 196

П. МАСЛОВЪ. Крестьянское движеніе.

1. Экономическое положеніе крестьянъ въ началѣ столѣтія. . 202

1905 годъ.

2. Начало движенія. 209
3. Причины движенія 229
4. Отношеніе Правительства и политическихъ партій къ движенію 233
5. Крестьянскій союзъ 236
6. Крестьянское движеніе послѣ 17 октября 239

стр.

1906 годъ.

1. Выборы въ Государственную Думу и наказы 263
2. Крестьянское движеніе въ 1906 году 267
3. Конецъ и результаты крестьянскаго движенія 277

Приложеніе.

А. МАРТЫНОВЪ. Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма.

1. Группа Освобожденія труда 285
2. 90-ые годы 304
3. Переходное время (1900—1903) 323

Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

Движеніе землевладѣльцевъ.

I.

Требованія, выставленныя ноябрьскимъ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей 1904 г., были вынесены на банкеты; подхватившая ихъ демократическая волна росла и ширилась, углубляя вмѣстѣ съ тѣмъ самыя требованія. Начиналось усиленное броженіе въ крестьянствѣ; все громче раздавались голоса нароставшаго пролетарскаго движенія. Въ то же время русская армія несла на Дальнемъ Востокѣ одно пораженіе за другимъ. Все это вмѣстѣ взятое накладывало на всю общественную жизнь печать какой-то неоформленности, въ атмосферѣ носилось предчувствіе крупныхъ событій. И не было въ то время ни одного значительнаго общественнаго слоя, который обращалъ бы свои взоры назадъ. «Весна», возвѣщенная за нѣсколько мѣсяцевъ до того кн. Святополкъ-Мирскимъ, казалась чѣмъ-то давно изжитымъ, неспособнымъ вдохновить и вызвать активность даже въ тѣхъ умѣренныхъ землевладѣльческихъ кругахъ, которые въ сентябрѣ и октябрѣ съ энтузіазмомъ привѣтствовали на земскихъ собраніяхъ эпоху «довѣрія» власти къ общественнымъ силамъ. На очередь даже въ этихъ кругахъ выдвигался иной вопросъ, вопросъ о «довѣріи» общественныхъ силъ къ власти, и яснѣе обрисовывалось, что эта власть все болѣе и болѣе утрачивала довѣріе тѣхъ элементовъ, съ которыми раньше у нея было такъ много общихъ интересовъ.

Будучи изолированной, власть обнаружила неустойчивость и въ то же время неумѣнье взять курсъ, который, удовлетворяя хотя бы въ нѣкоторой части требованія широкихъ слоевъ населенія, примирялъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ ее съ умѣренными элементами «общества». Союзъ ея съ нимъ былъ созданъ позже, благодаря надвинувшейся общей опасности, передъ лицомъ которой должны были смолкнуть пререканія съ «бюрократіей». А между тѣмъ въ то время требованія умѣренно-либеральныхъ землевладѣльческихъ слоевъ были еще очень и очень скромны и вполнѣ пріемлемы для власти стараго режима. Объ этомъ свидѣтельствуютъ между прочимъ губ. земскія собранія декабрьской сессіи 1904 г. Лишь одно *Черниговское* земство опредѣленно поставило вопросъ о созывѣ на-

родныхъ представителей для ограниченія самовластія бюрократіи; другія же собранія были въ своихъ требованіяхъ болѣе скромны [1]). Такъ, *Екатеринославское*, *Казанское*, *Рязанское*, *Калужское* и др. земства говорили объ участіи въ государственныхъ дѣлахъ «представителей земли» въ столь неопредѣленной формѣ, сопровождали свои заявленія такими оговорками, что бюрократіи не было основаній вступать съ ними въ конфликтъ въ то смутное время. Напр., *Калужское* земство выражало увѣренность, что «лучшіе люди, облеченные довѣріемъ Вашего Величества и довѣріемъ общества, сплотятся вокругъ великаго престола, готовые защищать его отъ враговъ твердаго порядка»... Самый созывъ «лучшихъ людей» калужскіе земцы ставили въ зависимость отъ усмотрѣнія верховной власти. «Если настанетъ день,—писали они,—когда Вашему Величеству будетъ угодно призвать къ государственной работѣ представителей земли» и т. д. *Нижегородское* земство просило о томъ, чтобы «повелѣно было созвать на творческую работу... свободно избранныхъ представителей народа». *Рязанское* губ. собраніе выражало увѣренность въ томъ, что «общественная жизнь получитъ правильное и закономѣрное теченіе при дальнѣйшемъ развитіи самодѣятельности земства, при неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти и слова. Народныя силы при этихъ условіяхъ обновятъ государственную жизнь и по повелѣніямъ Вашимъ поведутъ Россію къ славѣ и благоденствію».

Предложеніе включить въ адресъ пожеланіе о созывѣ «свободно избранныхъ силъ страны» было отвергнуто изъ боязни проявить «посягательство на права монарха».

Такимъ образомъ, губ. земскія собранія декабрьской сессіи выказали большую умѣренность въ своихъ пожеланіяхъ. Нѣкоторую роль въ данномъ случаѣ сыграло, конечно, также и опасеніе репрессій. У всѣхъ на виду была кара, постигшая черниговскаго предводителя дворянства А. А. Муханова, который получилъ Высочайшій выговоръ за допущеніе обсужденія либеральнаго адреса. Однако, это соображеніе въ общемъ не играло крупной роли, и мы должны констатировать, что губ. собранія декабрьской сессіи 1904 г. показали, сколь далеки были дворянско-землевладѣльческіе круги отъ того, чтобы усвоить себѣ credo земскаго совѣщанія 6—9 ноября, хотя бы въ формѣ мнѣнія «меньшинства».

Съ др. стороны, приходится отмѣтить, что именно въ это время въ дворянскихъ кругахъ стало нарастать и выявляться смутное предчувствіе грядущей грозы, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала проявляться тенденція къ сплоченію вокругъ исконныхъ началъ. Первой ласточкой въ этомъ отношеніи надо признать постановленіе *Симбирскаго* земства, принятое по иниціативѣ губ. предводителя дворянства В. Н. Поливанова, впослѣдствіи дѣятельнаго участника дворянскихъ съѣздовъ. «Преступное уклоненіе отъ основныхъ началъ русской государственной жизни, навѣянное чуждыми намъ вожделѣніями,—говорится во Всеподданнѣйшемъ адресѣ Симбирскаго земства (1904 г.),—страшитъ насъ за ея будущее». По убѣжденію симбирскихъ земцевъ-дворянъ, «въ единеніи съ Самодержавнымъ царемъ православная Русь искони черпаетъ ту необходимую мощь, которая заставитъ смириться и внутренняго, и внѣшняго врага».

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ губ. собраніяхъ (тамбовскомъ, смоленскомъ и др.) вопросы подобнаго рода не были допущены предсѣдателями къ обсужденію.

Подъ вліяніемъ нараставшаго возбужденія въ различныхъ кругахъ населенія правительство въ декабрѣ 1904 г. дѣлаетъ, наконецъ, слабую попытку удовлетворить нѣкоторыя требованія, но то, что оно обѣщаетъ дать, именно въ это время менѣе всего могло удовлетворить кого бы то ни было. Дѣйствительно, изданный 12 декабря 1904 г. указъ [1]) слишкомъ запоздалъ. Обѣщанные имъ «расширеніе компетенціи земства», «пересмотръ исключительныхъ положеній», «расширеніе свободы печати», «государственное страхованіе рабочихъ» и т. п. далеко отставали отъ уровня поднявшейся волны общественныхъ требованій; съ другой стороны, даже тѣ слои, которые примирились бы съ этими мѣропріятіями,—широкіе круги землевладѣльцевъ,—не удовлетворились этимъ указомъ, такъ какъ не имѣли увѣренности въ твердости курса правительственной политики. Неувѣренность эта имѣла подъ собой прочныя основанія и скоро получила еще одно оправданіе. О появленіи указа 12 декабря распространены различныя легенды, но во всякомъ случаѣ очевидно, что изданіе его было полной неожиданностью даже для хорошо освѣдомленныхъ бюрократическихъ круговъ. И, какъ бы спѣша исправить свой промахъ, руководители правительственнаго корабля тотчасъ послѣ указа 12 декабря взяли опредѣленный курсъ вправо. Циркуляромъ 31 декабря кн. Святополкъ-Мирскій взялъ на себя задачу завершить эту стадію колебаній и сгладить промахъ 12 декабря. Этимъ циркуляромъ были возстановлены работы «губернскихъ совѣщаній» по крестьянскому дѣлу—дѣтище фонъ-Плеве—и имъ было преподано указаніе въ томъ духѣ, что указъ 12 декабря отнюдь не покушается на «крестьянскій сословный строй».

Этотъ поворотъ правительственной политики вправо, достигшій апогея 9 января 1905 г.,—содѣйствовалъ сплоченію широкихъ слоевъ такъ называемаго «общества», въ томъ числѣ и землевладѣльческихъ круговъ, мечтавшихъ о водвореніи столь желаннаго и необходимаго для нихъ правопорядка въ деревенскихъ отношеніяхъ.

Подъемъ опозиціонности землевладѣльческихъ круговъ не замедлилъ сказаться въ возобновившейся въ январѣ 1905 г. сессіи губ. земскихъ собраній. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эту сессію земскія собранія въ послѣдній разъ стали сосредоточіемъ того демократическаго движенія, которое проявилось въ банкетахъ, и носителями котораго являлись представители «третьяго элемента» и т. п. слои. Именно въ эту сессію «публика» заявила себя наиболѣе опредѣленно на губернскихъ собраніяхъ, и удаленіе ея предсѣдателями собраній въ иныхъ случаяхъ давало гласнымъ поводъ бастовать, т. е. прерывать сессію (напр., въ *Самарскомъ* собраніи). Въ другихъ случаяхъ перерывъ сессіи вызывался иными условіями, являлся демонстраціей противъ стараго режима, противъ усилившихся репрессій и въ частности противъ событія 9 января 1905 г. Такъ поступили земства: *Вологодское, Воронежское, Владимірское, Московское, Новгородское, Петербургское, Саратовское* и *Таврическое*. Подъ вліяніемъ же событія 9 января состоялось и единственное въ то время постановленіе *Саратовскаго* губ. земства объ обезпеченіи, наряду съ проч. политическими свободами, также и права стачекъ.

---

[1]) См. т. I „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX-го вѣка“, стр. 481.

Собранія, которыя состоялись въ январѣ 1905 г., протекали въ общемъ въ значительно повышенномъ оппозиціонномъ настроеніи. Во главѣ оппозиціонеровъ, какъ и въ послѣдующіе годы, шли костромскіе земцы; однако и они въ это время проявляли большую умѣренность. Такъ, они отвергли предложеніе комиссіи включить во всеподданнѣйшій адресъ указаніе на «неотложность» созыва выборныхъ по 4-хъ-членной формулѣ, а приняли редакцію адреса, въ которомъ говорилось лишь «о постоянномъ участіи въ осуществленіи законодательной власти свободно избранныхъ представителей страны».

Въ такомъ же въ общемъ духѣ были сдѣланы заявленія и др. земствами. Напр., въ адресѣ отъ 14 января 1905 г. *Екатеринославское* земство просило о томъ, чтобы «повелѣно было разрушить вѣковую преграду, отдѣляющую русскій народъ отъ своего Вѣнценоснаго Вождя», и о призваніи «свободно избранныхъ представителей земли для настоящаго участія ихъ въ разработкѣ законоположеній, долженствующихъ утвердить великія начала».

Во всеподданнѣйшемъ адресѣ *Таврическаго* земства говорилось между прочимъ слѣдующее: «указъ Вашего Величества, данный въ 12-й день декабря, окрылилъ русскій народъ надеждой на близость желаемаго внутренняго мира, всегда и всюду покоющагося на охраненіи полной силы закона, на равноправности всѣхъ гражданъ, на свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданій, свободѣ слова и печати, союзовъ и собраній. Мы искренно вѣримъ..., что, призвавъ представителей народа къ законодательству, къ составленію государственной росписи, Вы создадите изъ Россіи мощную державу»...

Сессіи дворянскихъ губ. собраній въ большинствѣ губерній въ этомъ году не было; высказалось по поводу текущаго момента едва ли не одно Костромское дворянство, которое проявило солидарность съ господствовавшимъ земскимъ теченіемъ. Дѣйствительно, *Костромское дворянство* (11 января) приносило «благодарность за повелѣнія, изложенныя въ указѣ 12 декабря». Однако, этотъ указъ не удовлетворилъ всецѣло костромское дворянство. «Въ цѣляхъ государственнаго спокойствія и удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ мѣстнаго дворянства, которыя въ то же время являются и общенародными,—писали дворяне,—считаемъ долгомъ высказать... глубокую увѣренность въ томъ, что лишь непосредственное общеніе Самодержавнаго Государя съ свободно избранными представителями населенія можетъ успокоить умы»...

Едва закончились въ январѣ губернскія земскія собранія, какъ стали проявляться и усиливаться аграрныя волненія въ рядѣ губерній, преимущественно въ формѣ лѣсныхъ порубокъ. Становилось очевиднымъ, что и деревня выходитъ изъ состоянія своего оцѣпенѣнія и начинаетъ такъ или иначе возвышать свой голосъ, пріобщаться къ сонму «внутреннихъ враговъ». Это обстоятельство оказалось чреватымъ многими послѣдствіями. Съ одной стороны, оно толкнуло правительство еще разъ въ сторону уступокъ, и рескриптомъ 18 февраля на имя Булыгина было возвѣщено объ образованіи совѣщанія для выработки положенія о Госуд. Думѣ, а затѣмъ предоставлено «всѣмъ вѣрноподданнымъ» право подавать петиціи «по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія». Съ другой стороны, въ средѣ землевладѣльческаго класса, подъ вліяніемъ рескрипта 18 февраля

и опасенія обостренія аграрнаго движенія, сталъ рѣзко намѣчаться расколъ. Часть этого класса, солидаризировавшаяся съ дворянскими интересами, была всецѣло удовлетворена рескриптомъ и начала объединяться для противодѣйствія крестьянскимъ волненіямъ. Другая часть землевладѣльцевъ, во главѣ съ либеральными земцами, шла въ своихъ политическихъ требованіяхъ дальше того, что было обѣщано рескриптомъ, а затѣмъ пыталась также овладѣть крестьянскимъ движеніемъ путемъ удовлетворенія хотя бы отчасти земельныхъ требованій крестьянства и посредствомъ прямого воздѣйствія на организацію массъ. Между этими двумя теченіями существовалъ рядъ оттѣнковъ, и вообще дифференціація въ землевладѣльческой средѣ—земской вообще и дворянской въ частности—пошла съ этихъ поръ усиленнымъ темпомъ.

II.

Вопросъ о созывѣ «представителей земли» къ концу января былъ уже почти предрѣшенъ въ правительственныхъ сферахъ. Свободнѣе о немъ стали говорить и на различныхъ общественныхъ собраніяхъ. Земскія и дворянскія собранія, состоявшіяся въ то время, также пытались подойти къ нему съ опредѣленной точки зрѣнія. При этомъ впервые открыто проявилось расхожденіе въ этомъ вопросѣ различныхъ слоевъ землевладѣльческаго класса, солидарныхъ однако въ одномъ: въ томъ, что развивавшееся народное движеніе необходимо парализовать возможно скорѣе созывомъ «представителей земли». Лишь голосъ *Московскаго* дворянства звучалъ иначе и звалъ правительственную власть въ первую очередь заняться подавленіемъ крамолы.

Адресъ Московскаго дворянства, принятый 219 голосами, гласилъ: «Нынѣ ли, въ столь тяжелую пору, думать о какомъ-либо коренномъ преобразованіи государственнаго строя Россіи? Пусть минуетъ военная гроза, пусть уляжется смута; тогда, направляемая державной десницей Твоей, Россія найдетъ пути для надежнаго устроенія своей внутренней жизни на завѣщанныхъ намъ нашей исторіей началахъ единенія Самодержавнаго Царя съ землей. Царствуй въ сознаніи своей силы, Самодержавный Государь! Въ полнотѣ Твоей власти—сила и надежда русскаго народа»...

Меньшинство (153 человѣка) присоединилась къ другому проекту адреса, въ которомъ выражалось пожеланіе получить обѣщаніе, что, когда Государь «найдетъ нужнымъ», онъ «призоветъ избранныхъ отъ народа людей къ участію въ государственной работѣ» (Н. А. Хомяковъ, кн. С. Н. Трубецкой, Д. Н. Шиповъ, кн. П. Д. Долгоруковъ, Ю. А. Новосильцовъ).

Петербургское дворянство (24 января) большинствомъ 158 противъ 20 приняло редакцію адреса «центра», въ которомъ говорилось о томъ, что внѣшнія и внутреннія «враждебныя силы ополчились на наше отечество. Довести Россію до постыднаго мира, подкопаться подъ ея благосостояніе, оторвать ея окраины и разрушить ея освященный вѣками государственный строй,—вотъ цѣль много-

численныхъ ненавистниковъ нашихъ». Чтобы побороть эти силы, «повелите..., дабы свободно избранные отъ земли русской достойнѣйшіе люди могли возвысить свой голосъ до высоты Престола и *участвовать*, по указанію верховной власти, при разработкѣ и *обсужденіи* законопроектовъ и правительственныхъ мѣропріятій».

Это заявленіе являлось въ то время типичнымъ для дворянско-земскихъ адресовъ. Въ такомъ же духѣ высказались *Бессарабское* земство, *Курское* дворянство и нѣкоторыя другія. Болѣе радикальны были лишь немногія, какъ, напр., *Саратовское* земство, которое высказалось за созывъ народныхъ представителей по 4-хъ-членной формулѣ и за немедленное обезпеченіе «свободъ», въ томъ числѣ и за свободу стачекъ. Въ общемъ, такимъ образомъ, уже въ то время было ясно, что земскіе дѣятели, собравшіеся на съѣздъ 6—9 ноября 1904 г., по своимъ политическимъ требованіямъ (экономическія въ то время ими еще не выдвигались) далеко опередили ту массу дворянъ-землевладѣльцевъ, на которую они первое время пытались опереться. Когда заходила рѣчь на земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ о болѣе конкретномъ опредѣленіи характера народопредставительнаго учрежденія, тотчасъ же обнаруживалось, что землевладѣльческая масса настроена отнюдь не радикально; ея симпатіи были ближе къ мнѣнію Шиповскаго «меньшинства», на ноябрьскомъ съѣздѣ. Съ другой стороны, часть дворянства выступила въ это время и съ болѣе опредѣленными по своей консервативности постановленіями, чѣмъ расплывчатое «особое мнѣніе» меньшинства указаннаго съѣзда. Такъ, напр., *Курскіе* дворяне во всеподданнѣйшемъ адресѣ спѣшили заявить, что они «не идутъ за лжеучителями, дерзающими колебать основу народной мощи — святыню Самодержавія». «До тѣхъ поръ,— говорили они,—пока не смѣшались и не спутались въ безличной и безпочвенной толпѣ хранители исконныхъ законовъ, истые собиратели земли русской—старыя сословія земскія, до тѣхъ поръ тверда земля русская». Въ заключеніе говорилось о томъ, что «не о себѣ болѣетъ сердце русскаго дворянства, оно болѣетъ о народѣ русскомъ, ибо знаетъ твердо, что съ одними наемниками, безъ сословій земскихъ, не устоитъ самодержавіе, а безъ самодержавія не устоитъ русская земля».

Бессарабское земство просило о созывѣ земскаго собора, «свободно избранныхъ представителей дворянства и всей земли русской сказать свое правдивое слово». Въ такомъ же духѣ высказалось и *калужское* дворянство. Болѣе неопредѣленно, но въ такомъ же смыслѣ составленъ адресъ *нижегородскаго* дворянства, а отчасти и резолюція *Кіевскаго* общества сельскаго хозяйства.

Вполнѣ понятно, что изданіемъ рескрипта 18 февраля 1905 г. на имя Булыгина эти слои землевладѣльческаго класса были вполнѣ удовлетворены. Обѣщаніе созвать Государственную Думу совѣщательнаго характера съ сохраненіемъ «исторически сложившагося бытового уклада»—сословнаго строя—вполнѣ отвѣчало пожеланіямъ дворянско-землевладѣльческой фронды, мечтавшей лишь объ ограниченіи власти «бюрократіи» въ свою пользу. Наиболѣе рельефно это отношеніе проявилось *на съѣздѣ губернскихъ предводителей дворянства* въ мартѣ 1905 г. въ Москвѣ. Въ особой запискѣ, выработанной этимъ съѣздомъ, развивался тотъ взглядъ, что съ изданіемъ рескрипта 18 февраля 1905 года «время

порицанія существующихъ порядковъ и общаго нестроенія, ими порожденнаго. прошло... Люди порядка и законности, независимо отъ ихъ политическихъ взглядовъ, должны сознать, что только ихъ спокойная, трезвая работа можетъ умиротворить смущенные умы». «Но этого мало», говорится въ запискѣ,—«въ средѣ общественныхъ дѣятелей существуетъ весьма значительная по своему личному составу, сплоченная группа сторонниковъ западно-европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія». Съ ними «надлежитъ бороться, проводя въ общественное сознаніе необходимость объединенія на почвѣ рескрипта 18 февраля». «Мы утверждаемъ,—говорится далѣе въ запискѣ,—что проченъ будетъ лишь тотъ строй..., который образуется путемъ естественнаго развитія существующихъ основъ... Помимо сего, мы настаиваемъ на томъ, что самодержавіе, при наличности народнаго представительства, одно способно въ настоящее время обезпечить въ равной мѣрѣ нужды разноплеменнаго населенія россійскаго государства и всѣхъ его разнохарактерныхъ классовъ и сословій, крестьянскаго въ особенности». Народопредставительное учрежденіе «не должно, по примѣру конституціонныхъ учрежденій, ограничивать самодержавной власти». «Оно должно уничтожить произволъ правительственныхъ чиновъ, достовѣрно доводя до монарха назрѣвшія нужды народа и страны. Оно должно состоять изъ выборныхъ людей. Кромѣ права разсмотрѣнія всѣхъ законопроектовъ... оно должно имѣть право возбужденія вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ. Чтобы отвратить извращеніе законовъ исполнительными властями и ради охраненія свободы совѣсти, личности и слова, оно должно имѣть право запроса министрамъ, которые остаются отвѣтственными передъ Государемъ. Оно должно имѣть право разсмотрѣнія государственной росписи и право контроля надъ исполненнымъ бюджетомъ».

Почти одновременно съ адресомъ предводителей дворянства Д. Н. Шиповъ выступилъ съ «программой партіи», всецѣло сходной съ заявленіемъ предводителей. Въ ней лишь добавлялось, что «народное представительство должно быть построено не на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а на основѣ реорганизованнаго представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія».

Такимъ образомъ, лозунгъ «законосовѣщательная дума» или «сословный земскій соборъ» сплотилъ въ это время вокругъ себя значительное большинство дворянско-землевладѣльческихъ элементовъ; рескриптъ 18 февраля заставилъ замолкнуть многіе протестующіе голоса изъ среды этого класса, тѣмъ болѣе, что волна аграрнаго движенія разросталась все шире и шире, являясь серьезной угрозой господству дворянскаго помѣстнаго элемента. Отмѣченное нами выше стремленіе обратить народопредставительное учрежденіе въ орудіе подавленія революціоннаго движенія сказалось въ это время особенно рельефно. Характернымъ является, напр., постановленіе *Буйскаго* земства. Выразивъ полное удовлетвореніе рескриптомъ 18 февраля, буйскіе земцы вмѣстѣ съ тѣмъ заявляли полную готовность отнынѣ «отдать себя на борьбу съ внутренними врагами».

Но наряду съ этимъ движеніемъ, стремившимся сконцентрироваться около рескрипта 18 февраля съ цѣлью охраненія сословныхъ привилегій землевладѣльческаго класса, въ наиболѣе передовыхъ слояхъ землевладѣльцевъ все болѣе укрѣплялось сознаніе необходимости болѣе коренныхъ уступокъ разроставшемуся

народному движенію, болѣе рѣшительныхъ шаговъ навстрѣчу требованіямъ капиталистическаго развитія. Въ отношеніи политическихъ требованій это движеніе проявилось въ то время заявленіемъ о необходимости созвать не законосовѣщательное, а законодательное народное представительство на основѣ 4-хъ-членной формулы и отмѣнить исключительныя положенія. Такъ, напр., *Ветлужское* земское собраніе (24 марта), разбирая резолюцію съѣзда предводителей дворянства, пришло къ заключенію, что «время порицанія (старыхъ порядковъ) не только не прошло, но... болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо подробное обсужденіе въ свободной печати и обществѣ текущихъ событій и порицаніе обнаружившихся язвъ нашего государственнаго организма». Съ своей стороны, Ветлужское земство высказалось за «скорѣйшій призывъ народныхъ представителей, свободно избранныхъ на основѣ 4-хъ-членной формулы; необходимо также немедленно даровать политическія свободы, отмѣнить исключительныя положенія» и т. д.

Нѣкоторыя земства, выражая сочувствіе 4-хъ-членной избирательной формулѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ выражали пожеланіе о допущеніи представителей «общества» къ разработкѣ Положенія о Госуд. Думѣ. Такъ, напр., *Ярославское* губ. земское собраніе въ засѣданіи 27—28 марта высказалось за приглашеніе «представителей существующихъ въ странѣ общественныхъ учрежденій» къ участію въ разработкѣ Положенія о Государственной Думѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно постановило образовать соотвѣтственную комиссію при губ. управѣ, пригласивъ въ нее между прочимъ крестьянъ, «по возможности путемъ избранія всѣми гласными отъ крестьянскихъ обществъ уѣзда».

Наиболѣе характернымъ для либерально-землевладѣльческаго движенія этого періода является однако не столько болѣе радикальная постановка политическаго credo, сколько то, что именно въ это время начинаетъ получать признаніе тотъ фактъ, что политическая реформа должна сопровождаться реформой аграрной. Непосредственный толчокъ къ повороту въ эту сторону дало несомнѣнно крестьянское движеніе, вспыхнувшее въ началѣ 1905 г. Впервые этотъ вопросъ былъ затронутъ группой земскихъ дѣятелей, съѣхавшихся въ концѣ февраля въ Москвѣ и засѣдавшихъ совмѣстно съ нѣкоторыми профессорами (М. Я. Герценштейномъ, А. А. Мануйловымъ и др.). Пунктъ 3-й резолюціи, принятой этимъ съѣздомъ, гласитъ, что «предстоящая аграрная реформа должна быть построена на слѣдующихъ началахъ: а) улучшеніе экономическаго положенія земледѣльческаго класса путемъ обязательнаго выкупа изъ частновладѣльческихъ земель необходимыхъ прирѣзокъ въ интересахъ малоземельныхъ группъ разныхъ категорій; б) признаніе государственнымъ земельнымъ фондомъ казенныхъ и части удѣльныхъ земель, увеличеніе этого фонда путемъ покупки и выкупа частновладѣльческихъ земель и эксплоатація его въ интересахъ трудящагося населенія; в) упорядоченіе условій аренды путемъ государственнаго вмѣшательства въ арендныя отношенія; г) образованіе общественно-государственныхъ посредническихъ комиссій для проведенія въ жизнь аграрныхъ мѣропріятій согласно вышеуказаннымъ началамъ; д) правильная постановка на широкихъ началахъ разселенія и переселенія, облегченіе пользованія различными видами кредита, реформа крестьянскаго банка и содѣйствіе кооперативнымъ предпріятіямъ; е) коренной пересмотръ межевого законодательства въ видахъ облегченія, ускоренія и удешевленія размежеванія земель,

уничтоженія черезполосицы частновладѣльческихъ и надѣльныхъ земель, обмѣна участковъ и т. п.».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что предѣлы аграрной реформы *на февральскомъ совѣщаніи* были намѣчены еще слишкомъ неопредѣленно. Подлежало установить, каковъ долженъ быть размѣръ «выкупа» и «необходимыхъ прирѣзокъ». Но принципъ «обязательнаго» или принудительнаго выкупа все-таки былъ положенъ въ основу аграрныхъ построеній. Какъ мы покажемъ далѣе, это положеніе, принятое на совѣщаніи либеральныхъ профессоровъ и наиболѣе прогрессивныхъ земцевъ, оказалось далеко не по плечу не только рядовымъ землевладѣльцамъ, но даже и большинству «земскихъ дѣятелей», участниковъ общеземскихъ съѣздовъ. Лишь единичныя земства въ это время выдвинули на очередь аграрныя и вообще соціальныя мѣропріятія. Такъ, напр., *Старицкое* земство, высказавшись за всеобщее и т. д. избирательное право, оговорило, что проведеніе «программы государственныхъ преобразованій должно быть неразрывно связано съ осуществленіемъ какъ широкой просвѣтительной дѣятельности со стороны государства, такъ и разумныхъ уравнительныхъ мѣропріятій въ области аграрныхъ отношеній, фабричнаго и ремесленнаго труда, финансовой политики и въ области земскаго и городского управленія и хозяйства».

Но если даже въ средѣ наиболѣе передовыхъ земцевъ-землевладѣльцевъ въ то время еще слишкомъ смутно носилась идея о необходимости немедленной коренной аграрной реформы, то гораздо популярнѣе была другая идея,—именно идея подчинить своему руководству крестьянское броженіе. Въ данномъ случаѣ передовые земцы шли рука объ руку, или, вѣрнѣе, увлекались подъемомъ демократическаго движенія, выразителемъ котораго являлся «третій элементъ»—эта спайка оппозиціонно-землевладѣльческаго и революціоннаго крестьянскаго движенія. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ этой стадіи «хожденія» либеральныхъ земцевъ «въ народъ» [1]); отмѣтимъ лишь главнѣйшіе этапы этого «хожденія» въ періодъ до вспышки аграрнаго возстанія осенью 1905 г.

До іюня 1905 г. лишь единичныя земства пытались воздѣйствовать на массы населенія. Такъ, *Саратовская* губ. управа въ мартѣ этого года разослала въ волостныя правленія разъясненіе по поводу начавшейся агитаціи «темныхъ силъ» въ деревнѣ, настраивающихъ населеніе противъ интеллигенціи и въ частности противъ третьяго элемента. Подобныя воззванія были выпущены тогда и нѣкоторыми другими земствами.

Вторая стадія земскаго «хожденія въ народъ» связана съ пріемомъ царемъ земской депутаціи 6 іюня. Рядъ земствъ (*Самарское*, *Херсонское*, *Ярославское*, *Балашовское*, *Лохвицкое*, *Рузское*, *Новгородское* и др.) сдѣлали попытку распространить въ крестьянствѣ свѣдѣнія о рѣчахъ этой депутаціи, а также о рескриптѣ 18 февраля. Однако, въ большинствѣ случаевъ, благодаря противодѣйствію администраціи, попытки подобнаго рода были парализованы.

Наконецъ, третья стадія сближенія земцевъ съ населеніемъ, въ которой

---

[1]) См. объ этомъ нашу работу „Крестьянскій вопросъ и крестьянское движеніе въ Россіи (1902—1906 гг.)“, гл. IV.

наибольшую роль сыгралъ «третій элементъ», началась лѣтомъ 1905 г. и выразилась въ формѣ привлеченія крестьянъ къ участію въ экономическихъ и т. п. совѣтахъ, а осенью 1905 г.—и къ участію кое-гдѣ въ засѣданіяхъ земскихъ собраній съ правомъ совѣщательнаго голоса (въ *Вологодскомъ*, *Новоузенскомъ*, *Николаевскомъ* и др.).

Привлекая крестьянъ къ участію въ «экономическихъ совѣтахъ» при управахъ, либеральные земцы (кн. П. Д. Долгоруковъ, Ширковъ и др.) агитировали вмѣстѣ съ тѣмъ за образованіе «крестьянскаго союза», надѣясь, такимъ образомъ, парализовать разрушительный характеръ аграрнаго движенія. Въ этомъ смыслѣ одно земство сдѣлало даже постановленіе. Такъ, 17 іюля *Саратовское* губ. собраніе признало, что правила 10 апрѣля 1905 г. о комиссіяхъ для борьбы съ аграрнымъ движеніемъ принесутъ лишь вредъ, «обостряя классовый антагонизмъ между крестьянами и землевладѣльцами». Поэтому, «участіе общественныхъ дѣятелей въ комиссіяхъ несовмѣстимо съ культурными задачами земства». Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе высказалось за желательность образованія «крестьянскихъ союзовъ» и за устройство совѣщаній земскихъ дѣятелей съ крестьянами по вопросамъ политической и соціальной реформъ.

Наибольшее развитіе экономическіе совѣты при управахъ съ участіемъ крестьянъ получили въ слѣдующихъ земствахъ: *Павлоградскомъ* (до 50 крестьянъ), *Старобѣльскомъ*, *Симферопольскомъ*, *Петровскомъ*, *Городнянскомъ* (до 60), *Коломенскомъ* (61), *Новоторжскомъ*, *Духовщинскомъ* (до 60) и др.

Начиная съ августа, засѣданія при управахъ «совѣтовъ» съ участіемъ крестьянъ замѣтно участились. Состоялось аналогичное совѣщаніе, по иниціативѣ таганрогскаго предводителя дворянства, и въ *Таганрогскомъ* округѣ. Осеннія уѣздныя земскія собранія проявили значительное сочувствіе такого рода сближенію съ крестьянствомъ. При этомъ нѣкоторыя земства содѣйствовали «крестьянскому союзу» (*Старобѣльское*, *Сумское* и др.), другія—устраивали совѣщанія съ крестьянами (*Мологское*, *Переяславское* и пр.); наконецъ, третьи разсылали воззванія по волостямъ или же ассигновывали суммы для раздачи брошюръ по политическимъ вопросамъ (*Малмыжское*, *Малоархангельское*, *Никольское*, *Свіяжское* и пр.). Въ одномъ случаѣ была сдѣлана попытка широкаго общенія съ крестьянами на сходахъ,—именно въ Рузскомъ у., предводителемъ дворянства кн. П. Д. Долгоруковымъ. Въ общемъ, однако, эти попытки не достигли той цѣли, какую ими ставили земцы; волна демократическаго движенія все болѣе и болѣе захлестывала скромныя пожеланія либеральныхъ землевладѣльцевъ, и всѣ эти «совѣты» превращались въ организаціонныя ячейки крестьянскаго движенія, ускользавшаго изъ-подъ руководства земцевъ. Эти попытки сближенія съ массами, въ цѣляхъ политическаго подчиненія ихъ, окончились вмѣстѣ со вспышкой осенью 1905 г. аграрныхъ волненій, и на сцену выдвинулись иныя мѣры.

III.

Выше мы сказали, что едва намѣтившееся въ январѣ 1905 г. расхожденіе въ средѣ земско-землевладѣльческаго класса съ изданіемъ рескрипта 18 февраля сказалось уже съ полной отчетливостью. Изъ массы земскихъ дѣятелей и дворянъ выдѣлилась группа, которая въ лицѣ предводителей дворянства, съѣхавшихся въ мартѣ въ Москвѣ, опредѣленно заявила, что уступкамъ долженъ быть положенъ конецъ, что пора сплотиться для энергичной борьбы съ «внутреннимъ врагомъ». Къ этой группѣ примыкалъ, какъ мы видѣли, и Д. Н. Шиповъ, не раздѣлявшій, однако, боевыхъ стремленій дворянъ; въ согласіи со своимъ мнѣніемъ на ноябрьскомъ совѣщаніи онъ продолжалъ отстаивать законосовѣщательное, построенное на сословномъ принципѣ, народо-представительное учрежденіе.

Съ этого времени, подъ вліяніемъ въ значительной степени аграрнаго движенія и роста общественнаго возбужденія, явно угрожавшаго сословно-крѣпостническимъ устоямъ стараго режима, дворянскіе голоса начинаютъ звучать громче и громче, при чемъ закладывается основаніе прочныхъ землевладѣльческихъ организацій. Такъ, напр., весной 1905 г. въ Москвѣ образовался «союзъ русскихъ людей всѣхъ сословій и званій, непоколебимо вѣрующихъ, что святая церковь, самодержавный царь и русскій народъ въ нераздѣльномъ единствѣ составляютъ великую и могущественную Россію». Союзъ этотъ былъ образованъ дворянами-землевладѣльцами; въ числѣ его учредителей мы находимъ трехъ гр. Шереметьевыхъ, четырехъ гр. Олсуфьевыхъ, кн. П. Н. Трубецкого, кн. В. П. Волконскаго, кн. А. Д. Голицына, кн. В. М. Урусова, С. Ѳ. Шарапова, гр. А. В. Гудовича, кн. А. Г. Щербатова, рядъ другихъ графовъ и князей и нѣкоторыхъ профессоровъ.

Почти одновременно возникъ союзъ дворянъ-реакціонеровъ и въ Петербургѣ. Инициаторами его явились: К. Ѳ. Головинъ, А. П. Струковъ (бывшій екатеринославскій губ. предводитель дворянства), сенаторъ гр. Бобринскій, А. А. Нарышкинъ, гр. Гудовичъ (петербургскій предводитель дворянства) и др. Они призывали дворянъ сплотиться на защиту самодержавія и отстаивать думу, какъ совѣщательный органъ, съ преобладаніемъ въ ней дворянъ. Мѣстные союзы землевладѣльцевъ (въ Саратовской, Кіевской и др. губ.) стали возникать значительно позже, послѣ вспышки аграрнаго движенія 1905 г. Лозунгомъ дворянъ-крѣпостниковъ въ это время было: сохраненіе самодержавія въ полной неприкосновенности, ограниченіе вліянія бюрократіи путемъ учрежденія законосовѣщательнаго органа, «съ преобладаніемъ» въ немъ дворянъ и, наконецъ, сохраненіе сословнаго уклада общественнаго строя. Интересно отмѣтить, что крестьянство, несмотря на начавшееся аграрное движеніе, все еще представлялось дворянамъ и правящимъ кругамъ оплотомъ «исконныхъ» началъ, элементомъ вполнѣ благонадежнымъ въ политическомъ отношеніи; на реакціонности крестьянской массы базировались между прочимъ составители Полож. 6 августа о Госуд. Думѣ.

Параллельно съ реакціоннымъ-дворянскимъ движеніемъ росло и дифферен-

цировалось земское либеральное движеніе. Дѣйствительно, уже на апрѣльскомъ съѣздѣ обнаружилось, что «большинство» ноябрьскаго совѣщанія далеко не представляетъ однородной массы.

Большинство *апрѣльскаго съѣзда* сдѣлало значительный шагъ впередъ по пути уступокъ нараставшему народному движенію; надо замѣтить, что и на этотъ разъ дѣло шло лишь о политической платформѣ, соціальная же программа не была поставлена на очередь. Большинство апрѣльскаго съѣзда (71 человѣкъ) высказалось за однопалатную систему и за 4-хъ-членную формулу. Другая часть съѣзда (37), во главѣ съ П. П. Петрункевичемъ, была противъ прямыхъ выборовъ. И то, и другое мнѣніе касалось, впрочемъ, выборовъ въ первое представительное собраніе, какъ общую же норму будущей организаціи народнаго представительства съѣздъ имѣлъ въ виду двухпалатную систему и прямые выборы въ нижнюю палату.

Тѣмъ временемъ, однако, волна народнаго движенія поднималась все выше и выше; вмѣстѣ съ тѣмъ на Дальнемъ Востокѣ одинъ крахъ слѣдовалъ за другимъ, и 17 мая грянулъ громъ Цусимы. Собравшіеся подъ всѣми этими впечатлѣніями на свой третій съѣздъ земцы (въ концѣ мая) сдѣлали попытку, «отложивъ всякую рознь и всякія различія», разъединявшія ихъ, обратиться съ призывомъ къ верховной власти, «пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными». На резолюціи этого съѣзда объединились различные земскіе элементы, начиная отъ П. П. Петрункевича, Д. Н. Шипова и кончая А. А. Столыпинымъ, и самый съѣздъ въ общемъ носилъ иной характеръ, включалъ иные элементы по сравненію съ предыдущими съѣздами и частными «совѣщаніями». На этомъ съѣздѣ впервые приняли участіе *выборные* представители губ. собраній, на предшествующихъ же совѣщаніяхъ раздавался голосъ лишь наиболѣе передовыхъ, примыкавшихъ къ конституціонному «большинству» ноябрьскаго съѣзда, земскихъ дѣятелей. Эта масса рядовыхъ, болѣе умѣренно настроенныхъ, земцевъ и положила печать на постановленія майскаго съѣзда. Въ общемъ мы видимъ, насколько передовымъ «земскимъ дѣятелямъ» пришлось понизить свои хотя бы апрѣльскія требованія, чтобы сплотить землевладѣльческія массы, настроенныя хоть сколько-нибудь оппозиціонно.

Какъ извѣстно, по уполномочію майскаго съѣзда 6 іюня депутація изъ 12 лицъ вручила государю адресъ. Въ этомъ адресѣ содержатся нападки на бюрократію, тормозящую Высочайшія предначертанія, а затѣмъ говорится:

«Государь, пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими; пусть рѣшатъ они въ согласіи съ Вами жизненный вопросъ государства,—вопросъ о войнѣ и мирѣ. Пусть опредѣлятъ они условія мира или отвергнутъ его, превратятъ эту войну въ войну народную; пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію не раздѣленную, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи, сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго; пусть установятъ они въ согласіи съ Вами обновленный государственный строй».

При представленіи этого адреса кн. С. Н. Трубецкой произнесъ свою извѣстную рѣчь, въ которой онъ указывалъ на то, что русскій царь—не есть царь дворянъ или крестьянъ, а—царь «всея Руси».

Постановленія майскаго съѣзда были встрѣчены въ земскихъ кругахъ весьма сочувственно; то же слѣдуетъ сказать и о рѣчи кн. Трубецкого. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что земскія собранія (май—іюль 1905 г.) въ массѣ своей примыкали къ меньшинству апрѣльскаго съѣзда, высказавшемуся за степенные, а не прямые выборы; наконецъ, два земства—*Рязанское* и *Нижегородское*—примкнули къ взглядамъ другого меньшинства апрѣльскаго съѣзда, представленнаго 17 лицами и стоявшаго за организацію выборовъ по системѣ земскаго положенія 1864 года. Въ общемъ губ. собранія, будучи, какъ правило, прогрессивнѣе уѣздныхъ, оказались и на этотъ разъ позади требованій большинства «земскихъ дѣятелей». Линія расхожденія, намѣтившаяся уже въ концѣ 1904 г., пошла еще глубже.

Изъ числа наиболѣе радикальныхъ постановленій отмѣтимъ постановленія Новоторжскаго, Балашовскаго и Творского губ. земствъ. «Безъ прямой измѣны отечеству нельзя, читаемъ мы въ единогласно принятой 30 мая резолюціи *Новоторжскаго* земства,—не только на неопредѣленное время, но и на самый короткій срокъ оставить безотвѣтственное и безотчетное управленіе Россіей въ рукахъ лицъ..., безцѣльно и частью своекорыстно растратившихъ достояніе народа и надолго запятнавшихъ его честь». По мнѣнію Новоторжскаго земства необходимо, «не теряя ни одного дня», созвать на основѣ 4-хъ-членной формулы учредительное собраніе; оно должно рѣшить вопросъ о войнѣ и «объ основахъ новаго государственнаго строя и правомѣрнаго порядка управленія въ Россіи». *Тверское* губ. собраніе (іюнь) всецѣло присоединилось къ мнѣнію Новоторжскаго земства, указавъ съ своей стороны на то, что «политика полумѣръ, палліативовъ и откладыванія способна лишь зародить и распространить въ обществѣ и народѣ роковую мысль о невозможности оздоровленія государственнаго организма иначе, какъ путемъ насильственнаго переворота». Еще дальше пошло *Балашовское* земство (12 іюня), высказавшись за «немедленное устраненіе лицъ, стоящихъ нынѣ во главѣ министерствъ, какъ явно противодѣйствующихъ реформамъ». Балашовское земство принадлежитъ къ числу немногихъ, высказавшихся за свободу стачекъ.

Четвертый земскій съѣздъ (въ іюлѣ въ Москвѣ) состоялся при участіи городскихъ дѣятелей. Этотъ съѣздъ обнаружилъ, что Шиповъ, Гучковъ и т. п. являются лучшими выразителями землевладѣльческихъ оппозиціонныхъ массъ, чѣмъ лѣвое крыло земскихъ дѣятелей; съ іюльскаго съѣзда умѣренное либеральное движеніе среди земцевъ окончательно опредѣляется и получаетъ опору благодаря Манифесту 6 августа. Какъ въ свое время рескриптъ 18 февраля, такъ теперь этотъ актъ, внесъ разладъ въ землевладѣльческую массу; непримиримое меньшинство ея все болѣе и болѣе изолировалось и, тѣмъ самымъ, толкалось въ сторону сліянія съ демократическими слоями мелкой городской буржуазіи, становившейся по мѣрѣ хода движенія все болѣе и болѣе оппозиціонной. Въ сущности этотъ распадъ «земскихъ дѣятелей» завершился въ октябрѣ, съ образованіемъ к.-д. партіи, съ одной стороны, и съ обособленіемъ октябристовъ,—съ другой.

Какъ мы упоминали, весной 1905 г. зародились организаціи реакціонныхъ элементовъ землевладѣльцевъ, преимущественно дворянъ. Каковы были ихъ цѣли, мы уже видѣли. Своей же ближайшей задачей они ставили противодѣйствіе вліянію въ высшихъ сферахъ со стороны земскихъ съѣздовъ. И вотъ, вскорѣ послѣ пріема земской депутаціи (6 іюня), московскій и петербургскіе союзы сорганизовали (21 іюня) депутацію во главѣ съ Бобринскимъ и Нарышкинымъ, причемъ было нѣсколько и крестьянъ—для декораціи. Въ рѣчахъ депутатовъ настойчиво проводилась та мысль, что Госуд. Дума должна быть сословной; иначе въ нее проникнутъ люди, «съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности».

Однако, до конца 1905 г. реакціонная группа дворянъ не успѣла достигнуть прочныхъ успѣховъ; лишь начиная съ 1906 г., ея голосъ оказывается рѣшающимъ въ наиболѣе критическіе моменты; параллельно этому росла и ея организованность.

IV.

Вскорѣ послѣ изданія Полож. 6 августа состоялось частное *совѣщаніе тверскихъ земцевъ* по вопросу объ отношеніи къ этому Положенію. Принятая ими формула легла и въ основу резолюціи сентябрьскаго общеземскаго съѣзда; она гласила, что Положеніе 6 августа «вовсе не удовлетворяетъ законныхъ ожиданій русскаго народа», но это не даетъ основанія къ бойкоту; слѣдуетъ только, чтобы выбранныя въ думу лица не ставили себѣ задачей заниматься «органической работой». Ихъ задача должна заключаться въ измѣненіи выборовъ въ Думу по 4-хъ-членной формулѣ и «обезпеченіи всѣхъ видовъ политической и гражданской свободы».

Резолюція *сентябрьскаго съѣзда*, какъ мы сказали, была составлена въ томъ же духѣ. Въ одобренномъ этимъ съѣздомъ воззваніи къ избирателямъ отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «по существу дѣла законъ 6 августа не далъ ничего, что могло бы дѣйствительно устранить недостатки нашего теперешняго строя и вывести Россію изъ тяжелаго положенія». Раскритиковавъ далѣе этотъ законъ, воззваніе говоритъ: «при такомъ характерѣ Госуд. Думы участіе въ предстоящихъ выборахъ является тяжелой обязанностью, и только сознаніе гражданскаго долга заставляетъ участвовать въ выборахъ съ цѣлью добиваться скорѣйшаго измѣненія всѣхъ указанныхъ неправильностей».

Эта резолюція, какъ и вообще постановленія сентябрьскаго съѣзда, были встрѣчены весьма сочувственно уѣздными земскими собраніями [1]), происходив-

---

[1]) Въ духѣ резолюціи съѣзда высказались въ сентябрѣ земства: александровское, балахнинское, бердянское, бѣлозерское, буйское, грязовецкое, городнянское, екатеринбургское, ирбитское, золотоношское, льговское, любимовское, макарьевское (Костр. г.), малоярославецкое, новоторжское, переяславское, сосницкое, старицкое, судогодское, череповецкое, трубчевское, юрьевецкое, устюженское, ярославское и др.

шими въ то время, и это свидѣтельствуетъ о томъ подъемѣ настроенія, которое наблюдалось въ то время въ земскихъ кругахъ. Оно достигло тогда, непосредственно передъ вспышкой аграрнаго движенія, своего апогея.

Рѣшительнѣе всѣхъ высказались *Грязовецкое*, *Городнянское* и *Стрицкое* земства. Это послѣднее признало, что депутаты должны преслѣдовать только одну цѣль—преобразованіе самой Думы на основахъ всеобщаго, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, съ присвоеніемъ Думѣ рѣшающаго законодательнаго права, контроля надъ дѣятельностью органовъ правительственной власти, при отвѣтственности министровъ и пользованіи всѣмъ русскимъ обществомъ правами личной и гражданской свободы».

Остальныя земства были менѣе радикальны, причемъ нѣкоторыя высказались и рѣшительно въ консервативномъ духѣ [1]). Напр., *Макарьевское* земство отвергло резолюцію к.-д. Иконникова и приняло резолюцію В. В. Хвощинскаго, гласившую о томъ, что «хотя законъ о Госуд. Думѣ и имѣетъ рядъ несовершенствъ, но тѣмъ не менѣе собраніе полагаетъ, что и при настоящемъ законѣ населеніе имѣетъ достаточную возможность выбрать своихъ лучшихъ людей въ Думу», при этомъ необходимо, «чтобы члены Думы стали выше страстныхъ увлеченій различными отвлеченными научными теоріями», и не занялись бы «на первыхъ же порахъ измышленіями по расширенію своей власти».

Этотъ взглядъ можно считать типичнымъ для значительнаго круга реакціоннаго дворянства, мечтавшаго о сословномъ «земскомъ соборѣ». Положеніе 6 августа по существу удовлетворило эти мечты и окончательно заставило «объединенныхъ дворянъ» и родственные имъ элементы смотрѣть не впередъ, а назадъ, чтобы на почвѣ добытаго бороться съ потокомъ дальнѣйшей демократизаціи. Манифестъ 17 октября казался этимъ элементамъ черезчуръ большой и вредной уступкой требованіямъ массъ. Рѣчь объ этомъ будетъ у насъ далѣе, а сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи земскихъ круговъ того времени къ рѣшенію аграрнаго вопроса.

Впервые экономическая программа была принята земскими дѣятелями на сентябрьскомъ съѣздѣ 1905 г. Опасеніе раскола по такому животрепещущему и затрагивающему землевладѣльческіе интересы вопросу побуждало возможно долѣе откладывать его рѣшеніе. Все большее и большее обостреніе аграрнаго кризиса и стремленіе подчинить массы своему политическому руководству побудили, наконецъ, либеральныхъ землевладѣльцевъ высказаться, и мы видимъ, что сентябрьскій съѣздъ, послѣ горячихъ преній, выставилъ требованіе отмѣны выкупныхъ платежей и увеличеніе площади крестьянскаго землепользованія кабинетскими, государственными, удѣльными и «въ случаѣ надобности» помѣщичьими землями,—«съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ землевладѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ».

Какъ ни скромна была эта программа, но и она встрѣтила мало сочувствія даже въ средѣ болѣе прогрессивныхъ земствъ. Вообще, въ экономическихъ

---

[1]) Напр., богородское, калужское у., кинешемское, макарьевское (Нижегор. губ.), ряжское, сапожковское и др.

вопросахъ эти послѣднія въ то время шли очень и очень недалеко, причемъ большинство обходило экономическія реформы молчаніемъ. За неотложность аграрной реформы въ 1905 г. высказались земства: *Елисаветградское* (за переселенія и противъ принудительнаго отчужденія), *Нижегородское* губ. (за отчужденіе «съ вознагражденіемъ владѣльцевъ»), *Макарьевское* (за проведеніе трудового начала), *Любимовское*, *Ардатовское* и *Пермское* губ.—за расширеніе дѣятельности крест. Банка и т. п., *Горбатовское* (за принудительное отчужденіе и расширеніе дѣятельности Банка) и немногія другія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ области аграрнаго вопроса, столь остро стоявшаго въ деревнѣ, даже наиболѣе передовые слои землевладѣльцевъ были склонны лишь на крайне ничтожные уступки; рѣшеніе вопроса к.-д. партіей было непріемлемо для нихъ, и по мѣрѣ того, какъ отъ земскихъ дѣятелей жизнь требовала опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, радикальные земскіе дѣятели должны были порывать съ массой, на которую они до того опирались, и опираться на слои средней и мелкой городской буржуазіи.

Аграрный вопросъ, какъ мы сказали, былъ центральнымъ на сентябрьскомъ съѣздѣ; въ сущности, онъ занялъ у съѣзда большую половину времени и въ немъ намѣтилось наиболѣе рѣзко расхожденіе между «земскими дѣятелями»—землевладѣльцами. Городская буржуазія, во главѣ съ А. И. Гучковымъ («городскіе дѣятели»), относилась къ этому вопросу болѣе спокойно, но за то она, вмѣстѣ съ правыми «земскими дѣятелями», не преминула рѣзко намѣтить линію своего политическаго credo въ рядѣ другихъ вопросовъ, напримѣръ, о «мѣстной автономіи и правахъ національностей». Вопросъ о національной автономіи былъ выдвинутъ во всю ширь позднѣе, на съѣздѣ въ ноябрѣ 1905 г., о уже въ сентябрѣ сторонники А. И. Гучкова высказались на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленно и настояли на томъ, чтобы вопросы о децентрализаціи законодательства, автономіи, федераціи и т. д. остались открытыми и не включались въ воззваніе къ населенію «Отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей». Въ этомъ отношеніи они нашли поддержку, какъ со стороны землевладѣльческихъ круговъ, такъ и со стороны ряда земскихъ собраній (напримѣръ, Бугульминское, Константиноградское и др. спѣшили заявить свой протестъ противъ «федерализма» части сентябрьскаго съѣзда). Съ тѣхъ поръ эти два вопроса—аграрный и національный—становятся центромъ, около котораго организуется реакція, причемъ національный вопросъ усиленно эксплоатируется для воздѣйствія на массы малосознательнаго населенія.

V.

Какъ мы уже сказали, манифестъ 17 октября создалъ въ средѣ консервативныхъ элементовъ дворянства тревожное настроеніе, опасеніе за судьбу «исконныхъ началъ». Тревога эта перешла въ паническій страхъ подъ вліяніемъ вспыхнувшихъ въ концѣ октября 1905 года аграрныхъ волненій. Съ другой стороны, болѣе прогрессивная часть землевладѣльцевъ, составившая впослѣдствіи

ядро «октябристовъ», почувствовала себя вполнѣ удовлетворенной указаннымъ выше актомъ и съ помощью скорѣйшаго осуществленія возвѣщенныхъ въ немъ началъ надѣялась «потушить пожаръ» народнаго возстанія. Такъ, напримѣръ, въ адресѣ *Калужскаго* земства говорилось: «умоляемъ Ваше Величество, прикажите Вашему правительству немедленно созвать Государственную Думу на началахъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17 октября». При этомъ Калужское земство отвергло предложеніе о включеніи въ адресъ указанія на неотложность «устроенія крестьянскаго землевладѣнія». Въ такомъ же смыслѣ высказались и другія земства. Въ иныхъ случаяхъ, однако, испугъ, вызванный подъемомъ народнаго движенія, былъ столь великъ, что побуждалъ землевладѣльцевъ соглашаться и на экономическія уступки. Такъ, въ адресѣ *саратовскаго* дворянства выражалась увѣренность въ томъ, что «только возможно скорый созывъ государственной думы можетъ остановить дальнѣйшее разложеніе дорогой родины, только одно надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ новою землею можетъ возстановить миръ и спокойствіе въ деревнѣ. Если признано будетъ необходимымъ выкупить часть нашихъ дворянскихъ имѣній, то мы, саратовское дворянство, впередъ высказываемъ готовность содѣйствовать осуществленію такого выкупа по мѣрѣ нашихъ средствъ и нашихъ достатковъ».

Наконецъ, третье теченіе въ землевладѣльческой средѣ составили послѣ 17 октября руководители земскихъ съѣздовъ, оказавшіеся совершенно изолированными. Отнынѣ они должны были довольствоваться скромной ролью оппозиціи на земскихъ собраніяхъ; земскіе выборы 1906—7 гг. нанесли окончательный ударъ представителямъ этого либеральнаго направленія, шедшаго въ руслѣ к.-д. партіи. Нѣкоторое значеніе, но очень скромное, слѣдуетъ приписать въ этомъ отношеніи и выборгскому процессу, устранившему съ арены общественной дѣятельности наиболѣе популярныхъ руководителей земскихъ съѣздовъ. Въ общемъ слѣдуетъ признать, что роль земскихъ съѣздовъ, съ наступленіемъ октябрьскихъ дней была сыграна; неустойчивый конгломератъ «земскихъ дѣятелей» быстро распался подъ напоромъ усложнившейся жизни. Ноябрьскій земскій съѣздъ 1905 г. представлялъ картину этого распада, причемъ характерно то, что тонъ на этомъ съѣздѣ задавало уже не лѣвое крыло земскихъ дѣятелей, а центръ, склонный удовлетвориться манифестомъ 17 октября и глубоко протестовавшій противъ идеи созыва Учредительнаго собранія, которую выдвинуло между прочимъ и бюро съѣзда.

Кромѣ вопроса объ учредительномъ собраніи, расколъ въ средѣ съѣзда рельефно наблюдался и по отношенію къ національному вопросу и въ отношеніи къ правительству гр. Витте. Въ результатѣ было рѣшено послать къ Витте депутацію въ составѣ П. П. Петрункевича, Ѳ. Ѳ. Кокошкина и С. А. Муромцева. Въ своемъ заявленіи, поданномъ гр. Витте (22 октября), эта депутація указывала на то, что «только смѣлое, цѣлостное и послѣдовательное осуществленіе широкой государственной программы можетъ успокоить населеніе, возстановить ходъ нормальной хозяйственной жизни и возродить государственную мощь». Далѣе депутація указала на необходимость организовать Государственную Думу на основѣ 4-хъ-членной формулы, на что гр. Витте отвѣтилъ, что эта, какъ и

другія подобныя мѣры, должны быть предприняты самой Думой, буде она того пожелаетъ.

На *ноябрьскомъ съѣздѣ* закатилась звѣзда традиціоннаго земскаго либерализма; усложнившаяся до крайности жизнь требовала болѣе опредѣленныхъ и ясныхъ отвѣтовъ на текущія событія. Пора «безсмысленныхъ мечтаній» и общихъ заявленій прошла; они сыграли свою роль, и теперь элементы, группировавшіеся около знамени стараго земскаго либерализма, разбрелись по различнымъ партійнымъ ячейкамъ. Интересно отмѣтить, что во всѣхъ острыхъ вопросахъ, выдвинутыхъ на ноябрьскомъ съѣздѣ 1905 года (въ національномъ, объ отношеніи къ учредительному собранію и къ правительству гр. Витте, къ аграрному движенію и т. д.), болѣе или менѣе ясно намѣтились теченія, выкристализовавшіяся затѣмъ въ опредѣленныя партійныя группировки—к.-д., октябристовъ и мирнообновленцевъ. Отсутствовали лишь крайніе правые, непримиримые противники новаго строя, созданнаго октябрьскимъ движеніемъ.

Центральнымъ пунктомъ ноябрьскаго съѣзда былъ вопросъ «объ отношеніи къ правительству», а затѣмъ національный вопросъ.

По первому пункту намѣтилось три основныхъ теченія. «Крайніе лѣвые» (Власичъ изъ Самарской губ. и немногіе др.) настаивали на введеніе въ резолюцію требованія о немедленнной передачѣ представителямъ общества функцій исполнительной власти на мѣстахъ и т. д.; правое крыло (М. А. Стаховичъ, Н. П. и А. П. Гучковы, кн. Волконскій и др.) предлагало резолюцію противъ учредительнаго собранія, такъ какъ «революціонное движеніе, при отсутствіи крѣпкой правительственной власти можетъ довести Россію до анархіи»; вмѣстѣ съ тѣмъ эта группа предлагала «оказать правительству содѣйствіе въ поддержаніи порядка», а въ частности А. П. Гучковъ защищалъ сохраненіе военнаго положенія въ Польшѣ. Большинство съѣзда заняло промежуточную позицію по вопросу о «содѣйствіи» правительству, обусловивъ это содѣйствіе созывомъ собранія народныхъ представителей съ «учредительными функціями» и принятіемъ ряда предварительныхъ мѣръ (полная амнистія по политическимъ и религіознымъ преступленіямъ, отмѣна смертной казни и т. д.).

Тѣ же 3 основныхъ теченія намѣтились и по національному вопросу. Часть (главнымъ образомъ представители окраинъ) горячо отстаивала полную автономность Кавказа, Польши и т. д. А. И. Гучковъ и его сторонники, наоборотъ, считали, что «только единство Россіи является ея могуществомъ», что вопросъ объ автономіи—это вопросъ «инстинкта, чувства, вѣры», и его инстинктъ, инстинктъ великоросса, противъ «автономистскихъ» стремленій. Большинство съѣзда высказалось за «введеніе въ Ц. Польскомъ автономнаго устройства при условіи сохраненія государственнаго единства Имперіи», и хотя, такимъ образомъ, устранило нѣкоторые острые углы, оно все же рѣзко разошлось съ буржуазно—землевладѣльческимъ теченіемъ съѣзда. Все говорило за то, что конфликтъ между этимъ теченіемъ и теченіемъ лѣвымъ, представлявшимся к.-д. партіей и старыми земскими либералами,—окончательно созрѣлъ.

Послѣдовавшія вслѣдъ за съѣздомъ земскія собранія показали, что симпатіи земской массы лежали на сторонѣ болѣе умѣреннаго, октябристскаго теченія на съѣздѣ. Цѣлый рядъ земскихъ собраній выразилъ полное удовлетвореніе началами,

положенными въ основу манифеста 17 октября, ни словомъ не упомянувъ не только объ учредительномъ собраніи, но даже и о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Такъ, еще 10 ноября *ярославское* губернское земство, привѣтствуя происходившій въ Москвѣ съѣздъ, выражало надежду, что «съѣздъ найдетъ путь, пріемлемый современнымъ правительствомъ, и на этомъ пути выразитъ правительству довѣріе дружной работой по проведенію въ полномъ объемѣ реформъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября». *Псковское* губернское земство высказало полную солидарность со взглядами своихъ представителей на съѣздѣ, бывшими тамъ въ рядахъ крайней правой. *С.-Петербургское* губернское собраніе опредѣленно выразило порицаніе, «большинству» ноябрьскаго съѣзда, примкнувъ точно также къ точкѣ зрѣнія меньшинства [1]). *Псковское* уѣздное земство постановило «высказать увѣренность, что актъ 17 октября 1905 года вполнѣ отвѣчаетъ желаніямъ и интересамъ населенія» и что «гр. Витте и совѣтъ министровъ употребляютъ и употребятъ всѣ усилія къ скорѣйшему осуществленію этой воли Государя».

Гораздо рѣшительнѣе выразили свой консерватизмъ земства Ливенское и Карачевское. *Ливенское* земское собраніе, «находя всякія попытки къ ослабленію и нарушенію цѣлости Россіи недостойными земскихъ людей», высказало порицаніе «направленію большинства послѣдняго московскаго съѣзда». Такое же постановленіе приняло и *Карачевское* земство, выразившее, кромѣ того, порицаніе «всѣмъ союзамъ и организаціямъ», сѣющимъ смуту въ Россіи.

Въ то время, подъ впечатлѣніемъ аграрныхъ погромовъ, не только земскія собранія, но и болѣе реакціонно настроенные съѣзды землевладѣльцевъ взывали о скорѣйшемъ созывѣ Государственной Думы, ибо лишь въ этомъ они видѣли средство къ «успокоенію населенія».

Съ другой стороны, земскія собранія и съѣзды землевладѣльцевъ были настроены опредѣленно враждебно противъ забастовочнаго движенія, и въ этомъ смыслѣ принимались ими резолюціи. Примѣръ въ этомъ отношеніи подало *Елецкое* земство, которое еще 11 октября обратилось къ правительству съ просьбой о немедленномъ принятіи мѣръ къ прекращенію забастовокъ на желѣзныхъ дорогахъ. Это постановленіе было поддержано между прочимъ М. А. Стаховичемъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ заявленія подобнаго рода участились.

Подъ вліяніемъ нахлынувшихъ событій оживились и *дворянскія общества*, въ теченіе долгаго времени не проявлявшія замѣтной политической жизни. Надо сказать, что какъ разъ въ 1905 году въ большинствѣ губерній происходили очередныя губернскія дворянскія собранія, на которыхъ въ предводительскія должности были избраны наиболѣе подходящіе для даннаго момента люди; всѣ же либеральные дѣятели, выдвинувшіеся въ эпоху 1902 — 1904 гг., были отстранены. Свое преимущественное вниманіе дворянскія собранія обратили на ликвидацію крестьянскаго движенія; они дружно возбуждали ходатайства о присылкѣ войска, объ усиленіи полицейской стражи и т. д., вплоть до присылки диктаторовъ для подавленія возстанія.

---

[1]) Такое же постановленіе было сдѣлано земствами: Орловскимъ губ., Вытегорскимъ, Лодейнопольскимъ, Олонецкимъ у. и губ., Козельскимъ, Рязанскимъ губ., Тульскимъ губ., Харьковскимъ губ., Лужскимъ и мн. др.

Рѣзко измѣнилось, какъ мы уже сказали, и настроеніе земскихъ круговъ подъ вліяніемъ аграрнаго движенія. Сессія 1905 года останется навсегда наиболѣе мрачнымъ пятномъ въ земской дѣятельности. Земцы-дворяне какъ бы спѣшили изгнать всякую память о недавнихъ своихъ увлеченіяхъ. Въ первую очередь походъ былъ объявленъ противъ третьяго элемента; ему было поставлено въ вину аграрное движеніе, и вообще онъ явился для земскихъ дѣятелей козломъ отпущенія. Если присмотрѣться внимательнѣе ко всѣмъ вандальскимъ опустошеніямъ, произведеннымъ въ сессію 1905 г. въ земскомъ хозяйствѣ, то нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ разгромовъ лежало стремленіе нанести ущербъ прежде всего третьему элементу, а не тѣмъ или другимъ отраслямъ самимъ по себѣ. Особенный натискъ должны были выдержать тѣ отрасли, гдѣ третій элементъ былъ сорганизованъ лучше всего; нечего говорить также и о томъ, что едва намѣтившимся попыткамъ третьяго элемента къ объединенію въ спеціальные профессіональные союзы былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Такъ окончилась для части русской интеллигенціи эпоха «хожденія въ земство».

Какъ мы упомянули, волна разрушенія, охватившая земства въ 1905 г., глубоко захватила различныя стороны земскаго дѣла. Уничтожалось все, что было создано съ такимъ большимъ трудомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Особенно пострадала статистика, книжные склады, внѣшкольное образованіе, агрономія, земскіе органы печати и т. п. Эти упраздненія происходили непосредственно на политической почвѣ и имѣли въ виду, какъ мы сказали, главнымъ образомъ изгнать изъ земства «неблагонадежный» третій элементъ. Цѣль была несомнѣнно достигнута.

Другое, на что направилось вниманіе земства, это—прямая борьба съ революціей. Какъ извѣстно, указомъ 6 декабря 1905 г., въ цѣляхъ борьбы съ аграрнымъ движеніемъ, частнымъ лицамъ и учрежденіямъ было предоставлено право формировать полицейскую стражу. Вотъ этимъ и воспользовались нѣкоторыя земства, преимущественно южныя (*Ананьевское*, *Александрійское*, *Елисаветградское*, *Херсонское* губ., *Курское*, *Жиздринское*, *Екатеринославское* губ., *Новомосковское*, *Верхнеднѣпровское*, а также нѣкоторыя земства Курской губ.), ассигновавшія на полицейскую стражу крупныя средства; напр., *Екатеринославское* до 200 т. р. Точно также и дворянство нѣкоторыхъ губерній ввело особый налогъ на дворянскія земли *тульское*—(100 т. р., *кіевское*—100 т. р., *нижегородское*—50 т. р., *херсонское* и др.).

Слѣдуетъ также упомянуть, что, начиная съ ноября 1906 г., съѣзды землевладѣльцевъ, дворянскія собранія и т. д. не перестаютъ обращаться къ правительству съ просьбами о продленіи чрезвычайныхъ мѣръ, о присылкѣ войскъ; они зорко слѣдятъ также за карательными отрядами, не упуская случая довести до свѣдѣнія правительства свою аттестацію по поводу усмиреній (см., напр., постановленіе союза *саратовскихъ* землевладѣльцевъ 2 декабря 1906 г.).

Въ январѣ 1906 г., послѣ подавленія рабочаго и крестьянскаго движенія, дворянство почувствовало свои позиціи настолько укрѣпившимися, что нашло своевременнымъ выступить съ «положительной программой», особенно выдвинувъ аграрный вопросъ. Съ такой именно программой выступилъ второй *съѣздъ предводителей дворянства*, состоявшійся въ Москвѣ въ январѣ. По мнѣнію съѣзда, для «умиротворенія страны» и «укрѣпленія всего государства» прежде всего необходимы: 1) «сильная, твердая, закономѣрная правительственная власть, проводящая послѣдовательныя и разумныя мѣры для подавленія революціоннаго движенія»; 2) «увѣренность, что Государственная Дума будетъ созвана; 3) огражденіе свободы выборовъ и законныхъ предвыборныхъ собраній». По аграрному вопросу съѣздъ призналъ, что въ основу разрѣшенія его «долженъ быть поставленъ принципъ неприкосновенности частной собственности»; затѣмъ съѣздъ указалъ на необходимость расширенія переселенческаго дѣла и «отвода казенныхъ земель для переселенцевъ», уничтоженія чрезполосности и сервитутовъ, «широкаго облегченія свободнаго перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному и хуторскому съ правомъ свободной продажи своего участка»... Далѣе было указано на необходимость расширенія дѣятельности крестьянскаго банка; пониженія % по ссудамъ крестьянскаго банка до уровня % дворянскаго банка; необходимость отвода малоземельнымъ крестьянамъ казенныхъ и удѣльныхъ земель «за уплату по оцѣнкѣ.»

«Объединенные дворяне», обезпокоенные слухами о готовящейся «экспропріаціи» частновладѣльческихъ земель по проекту, вырабатывавшемуся Н. Н. Кутлеромъ въ качествѣ главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ въ кабинетѣ гр. Витте [1]),—повели рѣшительную кампанію противъ этого проекта, завершившуюся отставкой Кутлера и изданіемъ 4 марта 1906 г. закона о дворянско-бюрократическихъ землеустроительныхъ комиссіяхъ. Это былъ первый шагъ къ осуществленію аграрной программы «объединенныхъ дворянъ».

Какъ извѣстно, з.-у. комиссіи до конца іюня 1906 г. не были сформированы, и вообще правительство выжидало... Но вотъ въ іюнѣ 1906 г. роспускъ первой Думы, подъ давленіемъ «объединенныхъ дворянъ», былъ рѣшенъ, и правительство отдало приказъ о формированіи з.-у. комиссій, а затѣмъ стало осуществлять и др. пункты дворянской программы. Такъ, появились указы 12 и 27 августа о распродажѣ казенныхъ и удѣльныхъ земель, указъ 14 сентября о пониженіи % по ссудамъ крестьянскаго банка и, наконецъ, указъ 9 ноября о разрушеніи общины. Широкіе круги общества обычно склонны считать всю совокупность этихъ мѣропріятій, предпринятыхъ послѣ роспуска первой Государственной Думы, дѣломъ рукъ П. А. Столыпина. Однако, какъ мы это и видѣли, всѣ эти мѣры были указаны еще дворянскимъ съѣздомъ въ январѣ 1906 г., и

---

[1]) Проектъ этотъ приведенъ въ сборникѣ „Аграрный вопросъ“, т. II стр. 629 и слѣд.

на долю Столыпина выпала лишь честь осуществлять ихъ. Здѣсь особенно слѣдуетъ остановиться на указѣ 9 ноября. Какъ извѣстно, реакціонное дворянство всегда являлось защитникомъ патріархальной, сословной общины, цѣня въ ней сдержку противъ «разлагающихъ вѣяній времени», оплотъ сословно-крѣпостническаго строя. Аграрныя волненія 900-хъ гг. вызвали среди дворянства рѣзкій поворотъ въ отношеніи общины; она стала казаться теперь оплотомъ чуть-ли не соціализма, и во всякомъ случаѣ была заподозрѣна въ неблагонадежности. Насажденіе мелкой личной собственности—вотъ что стало лозунгомъ для реакціоннаго дворянства въ его стремленіи къ закрѣпленію status quo въ деревенскихъ отношеніяхъ. Этимъ цѣлямъ и спѣшилъ содѣйствовать указъ 9 ноября.

Какъ мы уже сказали, аграрная программа дворянъ стала осуществляться лишь съ роспускомъ первой Гос. Думы. До этого же времени дворяне одерживали рядъ болѣе или менѣе мелкихъ побѣдъ; таковы, напр., отставка Н. Н. Кутлера, законъ 27 апрѣля о стачкахъ сельскихъ рабочихъ и т. п. Въ это время голосъ дворянства не являлся еще рѣшающимъ въ сферѣ аграрныхъ мѣропріятій, да и само вниманіе дворянъ было больше направлено на ликвидацію убытковъ отъ аграрнаго движенія. Цѣлый рядъ съѣздовъ землевладѣльцевъ начала 1906 г. обсуждалъ этотъ вопросъ и предъявлялъ къ правительству претензію о возмѣщеніи убытковъ. Стѣсненное въ средствахъ, правительство, однако, медлило. Между тѣмъ голоса становились все рѣшительнѣе, и уже въ началѣ февраля «дворянинъ» Павловъ обратился къ правительству съ открытымъ требованіемъ. «Я требую,—писалъ онъ, вдохновляемый реакціонной кликой дворянъ,—требую полнаго возмѣщенія помѣщикамъ ихъ убытковъ»... Еще немного промедленія, и правительство уступило: 15 марта 1906 г. было ассигновано 8 милл. руб. для выдачи помѣщикамъ безпроцентныхъ ссудъ.

Всю первую половину 1906 г. въ воздухѣ висѣла гроза повторенія аграрныхъ волненій, мѣстами продолжавшихъ вспыхивать то тутъ, то тамъ въ небольшихъ размѣрахъ. Затѣмъ, по мѣрѣ выясненія результатовъ выборовъ въ Гос. Думу, тревога реакціоннаго дворянства все усиливалась.

Какъ извѣстно, разсчеты на «крѣпкое крестьянство» не оправдались, крестьяне не довѣрили своихъ голосовъ помѣщикамъ, и эти послѣдніе прошли въ Думу въ незначительномъ количествѣ, при чемъ все правое въ землевладѣльческой средѣ осталось внѣ Думы. Дѣйствительно, изъ 46 помѣщиковъ—членовъ первой Думы—огромное большинство (31) принадлежало къ оппозиціоннымъ фракціямъ, затѣмъ 9 было націоналистовъ и лишь 3 октябриста.

Нечего и говорить о томъ, съ какой тревогой слѣдило дворянство за каждымъ шагомъ Думы и въ особенности за ходомъ аграрныхъ преній въ Думѣ, разжигавшихъ, по его мнѣнію, страсти крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ закулисная борьба достигла наивысшаго предѣла. Инспирируемое дворянствомъ, правительство И. Л. Горемыкина въ своей декларацiи 13 мая заявило, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса «на предположенныхъ Г. Думою основаніяхъ» [1]), безусловно недопустимо.

---

[1]) Т. е. на основѣ частичнаго принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель.

Предостереженіе, однако, не помогло, и тревога дворянъ естественно росла и росла. Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ всеподданнѣйшій адресъ дворянства.

Состоявшійся въ маѣ 1906 г. *«всероссійскій дворянскій съѣздъ»* въ своемъ всеподданнѣйшемъ адресѣ писалъ: «Стремясь къ политическому и экономическому господству, враги русской государственности пытаются завоевать мечтою о землѣ слѣпое довѣріе крестьянъ и, возбуждая низменные инстинкты, поднять крестьянскія массы на безсознательную борьбу... Затуманивая и обольщая народную мысль, силы, враждебныя государственности, скрываютъ затаенное стремленіе захвата верховной власти монарха, охраняемой основными законами; но дворянство утверждаетъ, что верховная самодержавная власть есть неизмѣнное вѣрованіе русскаго народа, есть залогъ оздоровленія русской жизни и дальнѣйшаго ея развитія».

Далѣе, переходя къ аграрному вопросу, «дворянство твердо заявляетъ, что проведеніе земельнаго закона на началахъ принудительнаго отчужденія частнаго землевладѣнія поколеблетъ въ корнѣ одинъ изъ наиболѣе твердыхъ устоевъ государственной жизни—неприкосновенность права собственности.

Проповѣдь отчужденія земли скрываетъ за собой и служитъ первымъ шагомъ къ побѣдѣ идеи соціализма».

На этомъ адресѣ Государь сдѣлалъ слѣдующую надпись: «цѣню готовность земельнаго трудового дворянства служить и впредь нуждамъ и пользѣ дорогой родины».

Вытѣсненные изъ Гос. Думы, дворяне получили въ это время возможность сорганизоваться около выборовъ въ Госуд. Совѣтъ. Само по себѣ участіе въ Госуд. Совѣтѣ не могло, конечно, компенсировать потерю дворянства, но это послѣднее перенесло центръ своей борьбы въ закулисную область и для него важно было выбрать своихъ наиболѣе видныхъ представителей для совмѣстнаго натиска противъ крамольной Думы. Какъ извѣстно, въ члены Госуд. Совѣта, за очень немногими исключеніями, прошли отъ земствъ и дворянскихъ обществъ крайніе правые и октябристы, большею частью губ. предводители дворянства и т. п. Лишь земства Вологодской, Костромской, Московской, Уфимской и немногихъ др. губерній послали к.-д. или близкихъ къ нимъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что какъ на составѣ землевладѣльцевъ-депутатовъ (въ Гос. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ), такъ и вообще на настроеніи землевладѣльческихъ круговъ всегда можно прослѣдить печать мѣстныхъ отношеній, и прежде всего вліяніе аграрныхъ волненій, хозяйственнаго уклада мѣстности. Въ общемъ, какъ въ дни «свободъ», такъ и теперь, наиболѣе передовыми являются земства и землевладѣльцы промышленнаго района; и наоборотъ, въ губерніяхъ черноземныхъ, гдѣ въ болѣе сильной степени сохранилась крѣпостническая эксплоатація крестьянскихъ массъ, настроеніе землевладѣльческихъ круговъ въ дооктябрьскіе дни или проявилось въ очень умѣренномъ видѣ, или вовсе не сказалось, а въ послѣоктябрьскіе дни—пріобрѣло ярко черносотенную окраску (Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Курская и др. губ.).

Вспыхнувшее въ іюнѣ съ необыкновенной силой, аграрное движеніе въ Воронежской губ. было поставлено реакціонными кругами всецѣло въ связь съ

думскими рѣчами по аграрному вопросу; оно явилось сильнымъ козыремъ въ рукахъ дворянства противъ крамольной Думы и вдохновило его на усиленную аттаку. Дальнѣйшій ходъ событій извѣстенъ. Толкаемое дворянствомъ, правительство въ срединѣ іюня выступаетъ съ воззваніемъ къ населенію, въ которомъ, какъ въ декларацiи 13 мая, проводилась мысль о «безусловной недопустимости» разрѣшенія аграрнаго вопроса «на предположенныхъ Гос. Думой основаніяхъ». Попытка Думы выступить съ контръ-воззваніемъ окончилась роспускомъ Думы 8 іюля. Дворянство одержало первую крупную побѣду, за которой въ 1906 г. послѣдовалъ рядъ другихъ,—въ видѣ перечисленныхъ выше аграрныхъ указовъ и въ видѣ положенія 24 августа о военно-полевыхъ судахъ, о которыхъ неоднократно просило дворянство. Что всѣ эти мѣропріятія, въ томъ числѣ и роспускъ Гос. Думы, обязаны своимъ происхожденіемъ «объединенному дворянству»,— это мы знаемъ, между прочимъ, изъ доклада А. И. Зыбина, члена дворянской организаціи.

Одержавъ крупную побѣду наверху, дворянство спѣшило укрѣпить свои позиціи на мѣстахъ. Какъ разъ въ 1906 г. лѣтомъ происходили перевыборы земскихъ гласныхъ въ большинствѣ губерній, и реакціонное дворянство энергичнымъ натискомъ удалило изъ земства мало-мальски либеральныхъ дѣятелей. Затѣмъ на дворянскихъ собраніяхъ конца 1906 г., по иниціативѣ *курскаго* дворянства, были подвергнуты остракизму лица, подписавшія выборгское воззваніе; они были исключены изъ дворянскаго общества въ большинствѣ губерній въ теченіе 1906 г., а затѣмъ и 1907 г. Лишь одно *костромское* дворянство не послѣдовало общему примѣру и не только не исключило изъ среды дворянъ своей губерніи собственныхъ «выборжцевъ», но даже сдѣлало постановленіе о пріемѣ въ свою среду нѣкоторыхъ выборжцевъ, подвергшихся остракизму въ др. губерніяхъ. Въ оправданіе своего постановленія костромское дворянство ссылалось на то, что «своей безграничной любовью къ родинѣ, своимъ стойкимъ самоотверженнымъ трудомъ они много способствовали осуществленію реформъ, волею нынѣ царствующаго Государя Императора въ русскомъ государствѣ проводимыхъ. Они сумѣли объединить освободительное движеніе и вести его правильнымъ путемъ, чуждаясь всякаго рода насилія; удостоенные выборомъ всѣхъ сословій своей мѣстности въ число лучшихъ русскихъ людей, призванныхъ Государемъ въ первую Думу, они также стойко, также самоотверженно и въ Думѣ работали для достиженія своихъ идеаловъ государственнаго строительства родины и прилагали всевозможныя усилія, дабы Дума не нарушила конституціонныхъ условій своего существованія. Затѣмъ, по окончаніи государственной работы въ Думѣ, всѣ вышеперечисленные дворяне подъ впечатлѣніемъ невозможныхъ условій работы въ Думѣ, отношенія къ нимъ правительства и настоящій ихъ товарищей слѣва по работѣ въ Думѣ, если и совершили, какъ то думаетъ депутатское собраніе, ошибочный шагъ, предлагая народонаселенію впредь до созыва новой Думы не платить податей и не давать рекрутовъ, то эти ошибочныя дѣйствія ихъ не повлекли за собой никакихъ пагубныхъ для государства послѣдствій и уже тѣмъ болѣе не носятъ въ себѣ ничего безчестнаго».

Постановленіе костромскаго дворянства вызвало протестъ въ средѣ «объединенныхъ дворянъ» и не получило осуществленія.

Земскія собранія конца 1906 и начала 1907 г. прошли въ столь же боевомъ настроеніи, какъ и дворянскія. Цѣлый рядъ уѣздныхъ собраній въ телеграммахъ на имя П. А. Столыпина спѣшилъ засвидѣтельствовать полное удовлетвореніе политикой военнаго обновленія [1]). Такъ, *Юхновское* собраніе «рѣшительно» осуждало «смуту», признавало «временные исключительные законы, вызванные крайней необходимостью», и вѣрило, «что дарованныя права вполнѣ обезпечиваютъ мирное обновленіе страны». *Орловское* земство увѣряло, что «только твердая власть возстановитъ миръ, необходимый для проведенія реформъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ земскія собранія сессій 1906 г. подхватили лозунгъ, брошенный «объединеннымъ дворянствомъ»,—лозунгъ объ измѣненіи избирательной системы въ Госуд. Думу, установленной закономъ 11 декабря 1905 г. При этомъ одни (напр. *Екатеринославское* губ., *Курское* губ.) ходатайствовали о введеніи въ эту систему принципа сословности; другія (напр., *Казанское* у.) просили о предоставленіи городскимъ и земскимъ учрежденіямъ права выбирать изъ своей среды по 1—2 члена въ Г. Думу; наконецъ, третьи земства (*Смоленское*, *Вяземское* и проч.), считая, что «первая Госуд. Дума оказалась односторонней и не выражала воли всего народа»,—ходатайствовали: 1) о пониженіи земельнаго ценза и 2) объ отмѣнѣ мажоритарныхъ выборовъ и о введеніи принципа пропорціональности.

Только весьма немногія земства (*Макарьевское*, *Осинское*, *Балахнинское* и др.) стали на либеральную точку зрѣнія и заявили, что лишь немедленный созывъ Г. Думы на прежнихъ основаніяхъ «въ состояніи вывести Россію на путь мира, свободы и благосостоянія».

Очередная сессія 1906 г. также ознаменовалась гоненіями на третій элементъ; все, что не было разгромлено губ. собраніями годъ тому назадъ, ликвидировалось теперь какъ уѣздными, такъ и губернскими земствами. На губ. собраніяхъ на этотъ разъ шла травля не столько 3-го элемента, сколько «общеземской организаціи по продовольственной помощи», которая напоминала земскимъ «зубрамъ» былое господство «либераловъ». Цѣлый рядъ земскихъ собраній въ 1906 г. сдѣлалъ постановленія о выходѣ изъ этой крамольной организаціи.

Слѣдуетъ, наконецъ, указать также и на попытки нѣкоторыхъ земствъ (*Курскаго*, *Екатеринославскаго* и др.) придти на помощь черносотеннымъ изданіямъ въ цѣляхъ проведенія въ населеніе желательныхъ имъ взглядовъ.

Какъ мы уже сказали выше, вопросъ объ измѣненіи въ интересахъ дворянства избирательнаго закона 11 декабря 1905 г. выдвинулся въ дворянскихъ кругахъ тотчасъ послѣ роспуска первой Государственной Думы; въ соотвѣтственномъ смыслѣ возбуждались земскія ходатайства и дѣлались представленія въ Царскомъ Селѣ. Правительство, однако, сразу не рѣшалось на такой шагъ и

---

[1]) Земства: екатеринославское, елисаветградское, уфимское, вязниковское, сердобское, полтавское, нерехтское, петербургское, петровское, новохоперское, рославльское, мышкинское, вольское, зеньковское, юхновское, корсунское, меленковское, новомосковское, вологодское, нижегородское, новгородъ-сѣверское, льговское, ирбитское, малмыжское и мн. др.

рядомъ сепаратныхъ мѣропріятій («разъясненіями» Сената и т. д.) попыталось приспособить законъ 11 декабря къ интересамъ «перваго сословія» и вообще благонадежныхъ элементовъ. Попытки эти не увѣнчались успѣхомъ. Во второй Госуд. Думѣ интересы дворянства были представлены не лучше, чѣмъ въ первой, хотя все же кое-гдѣ землевладѣльцамъ удалось сплотиться и при поддержкѣ реакціонной крестьянской буржуазіи провести своихъ людей. Дѣйствительно, уже во второй Думѣ раздаются голоса Пуришкевичей, Бобринскихъ и Крупенскихъ, которые составили такой дружный хоръ въ 3-ей Думѣ. Въ общемъ и вторая Государственная Дума оказалась не менѣе крамольной, чѣмъ первая, и она также проявила стремленіе поставить въ первую очередь аграрныя мѣропріятія въ ненавистномъ для дворянства духѣ. Успѣхъ вдохновляетъ, и мы знаемъ, что роспускъ второй Государственной Думы и актъ 3 іюня были въ такой же мѣрѣ дѣтищемъ реакціоннаго дворянства, какъ и роспускъ первой Думы, и военно-полевые суды 24 августа 1906 г., и всѣ аграрныя мѣропріятія Столыпинскаго кабинета. Актомъ 3 іюня 1907 г. реакціонное дворянство обезпечило себѣ руководство въ государственныхъ дѣлахъ въ той же мѣрѣ, въ какой оно имъ пользовалось въ земскихъ учрежденіяхъ. Обѣ законодательныя палаты—Государственная Дума и Государственный Совѣтъ—очутились, такимъ образомъ, въ рукахъ дворянскаго сословія, и это послѣднее отнынѣ могло спокойно приняться за свою контръ-революціонную «органическую» дѣятельность. Изъ наступающей стороны это дворянство превратилось въ вершителя народныхъ судебъ; оно приступило къ «созидательной» работѣ. Принимая во вниманіе весь ходъ предшествовавшихъ событій, мы поймемъ, съ какимъ восторгомъ актъ 3 іюня 1907 г. былъ встрѣченъ въ землевладѣльческихъ кругахъ, при чемъ правое крыло, мечтавшее о полной реставраціи, увидѣло въ немъ первый крупный шагъ къ ликвидаціи всѣхъ вообще наслоеній, созданныхъ освободительнымъ движеніемъ. Этотъ взглядъ рельефно выраженъ во всеподданнѣйшемъ *адресѣ московскаго дворянства*. «Великій Государь!—писали московскіе дворяне,—во дни тяжелыхъ испытаній, не разъ постигавшихъ русскую землю, древне-служилое сословіе вмѣстѣ со всѣми русскими людьми, въ теченіе вѣковъ дѣломъ и словомъ являло свою вѣру въ зиждительную силу Самодержавной Царской власти во всей ея полнотѣ и нераздѣльности. Эта вѣра не поколебалась и донынѣ въ московскомъ дворянствѣ. Государь! Склонись къ голосу вѣрноподданнаго Твоего дворянства и милостиво прими его искреннія, отъ души идущія слова. Нынѣ, какъ и встарь, нѣтъ на Руси политической силы, равной царской власти. Царь—единый представитель Своего народа, державный выразитель его совѣсти. Онъ одинъ верховный руководитель его судебъ и отвѣтственъ лишь передъ Богомъ. Древняя царская власть въ сознаніи народа выше преходящихъ внѣшнихъ правъ. Слово царское живитъ мертвую букву закона. Проникнутое этою вѣрою московское дворянство радостно привѣтствуетъ властное рѣшеніе Твое, Государь, проявленое 3-го іюня минувшаго года, видя въ немъ проявленіе свободной воли царской, которая въ единеніи съ народомъ можетъ дать желанное обновленіе русской землѣ. Судьбы Россіи зависятъ отъ Тебя, Государь. Подъ гнетомъ соблазновъ и сомнѣній мутится народная жизнь. Царскою волею Твоею и единымъ державнымъ голосомъ Твоимъ, Государь, водвори въ ней законъ и порядокъ; охрани жизнь и благосостояніе всѣхъ подданныхъ Твоихъ»

VI.

Добившись измѣненія основного закона, конституціи 11 декабря 1905 г., добившись вмѣстѣ съ тѣмъ направленія аграрныхъ мѣропріятій въ желательномъ для себя смыслѣ,—реакціонное дворянство не могло примириться еще съ однимъ—съ проектами министерства П. А. Столыпина относительно реформы мѣстнаго строя управленія—общаго административнаго и земскаго. Начиная съ 1907 г., оно ведетъ систематическую борьбу противъ либерально-бюрократическихъ поползновеній въ этомъ направленіи со стороны кабинета П. А. Столыпина. Какъ извѣстно, еще въ февралѣ 1907 года во вторую Государственную Думу правительствомъ былъ внесенъ законопроектъ о реформѣ поселковой, волостной и уѣздной. Въ основу этихъ реформъ правительство считало своевременнымъ положить то соображеніе, что «тамъ, гдѣ только существуетъ серьезная потребность упорядоченнаго общежитія..., тамъ весьма затруднительно сохранить въ управленіи начало сословной обособленности». Согласно этому правительство стремилось перестроить сословное сельско-волостное устройство на началахъ буржуазнаго либерализма. То же самое оно проектировало впослѣдствіи сдѣлать и относительно земскаго положенія. Съ другой стороны, цѣлью мѣстной реформы ставилось «устраненіе господствовавшаго до сихъ поръ въ области крестьянскаго управленія принципа административной опеки». Мы не станемъ останавливаться на томъ, что правительственные законопроекты далеко не послѣдовательно проводили оба указанные принципа—устраненіе сословности и административной опеки въ мѣстномъ управленіи. Для насъ въ настоящее время важно отмѣтить, что дворянство усмотрѣло, и въ значительной мѣрѣ справедливо, въ этихъ законопроектахъ покушеніе на свое «исконное» господство въ сферѣ мѣстнаго управленія. Особенную опасность усмотрѣло оно, во-первыхъ, въ устраненіи принципа сословности крестьянскаго управленія, а, во-вторыхъ, въ стремленіи лишить предводителей дворянства руководящей роли въ системѣ уѣздныхъ учрежденій, замѣнивъ ихъ «уѣздными начальниками».

На состоявшемся въ концѣ марта 1907 г. частномъ совѣщаніи представителей губернскихъ земствъ, въ количествѣ 92 лицъ отъ 27 губерній, было признано необходимымъ, чтобы всѣ подготовляемые правительствомъ законопроекты по вопросу о реформѣ мѣстнаго самоуправленія поступали предварительно на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній. Тогда же, до роспуска 2-й Государственной Думы, иниціаторы этого совѣщанія были оповѣщены, что правительство готово идти навстрѣчу желаніямъ земствъ и что всѣ законопроекты, какъ по реформѣ мѣстнаго самоуправленія, такъ и по другимъ вопросамъ мѣстной жизни, будутъ по возможности поступать на предварительное разсмотрѣніе земствъ.

Какъ извѣстно, черезъ 2 мѣсяца послѣ этого вторая Государственная Дума была распущена, и правительство, въ угоду реакціонному дворянству, поспѣшило взять обратно внесенные имъ законопроекты о поселковомъ, волостномъ и уѣздномъ управленіи и передѣлало ихъ въ желательномъ для дворянства смыслѣ. Дѣйствительно, поступившіе въ декабрѣ 1908 г. въ третью Государственную

Думу соотвѣтственные законопроекты подверглись сильной переработкѣ въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства при участіи земскихъ представителей. Отнынѣ правительство признало возможнымъ сохранить въ сельскомъ и волостномъ управленіи сословное начало. Вопросъ о реформѣ земскаго и уѣзднаго управленія до сихъ поръ, благодаря противодѣйствію дворянства, виситъ въ воздухѣ, разрабатывается въ канцеляріяхъ. Особенное противодѣйствіе при этомъ встрѣчаетъ попытка правительства сконцентрировать власть въ рукахъ «уѣзднаго начальника» и отстранить уѣзднаго предводителя дворянства отъ руководства наиболѣе существенными сторонами уѣзднаго административнаго механизма.

Обезпечивъ себя въ отношеніи проведенія аграрной реформы, дворянство, какъ мы сказали, переноситъ центръ своего вниманія на реформу мѣстнаго управленія. Ей почти исключительно посвящаютъ свое вниманіе «съѣзды» уполномоченныхъ дворянскихъ обществъ со второй половины 1907 г. и до настоящаго времени. Особенно много остановились на этомъ вопросѣ четвертый (1908 г.) и пятый (1909 г.) съѣзды. Въ докладной запискѣ, составленной по порученію IV-го съѣзда В. І. Гурко и представленной въ Царское Село, рѣзкой критикѣ подвергается вся правительственная программа въ области реформы мѣстнаго управленія. По мнѣнію дворянства, осуществленіе правительственныхъ проектовъ «сулитъ такія непредвидимыя и грозныя для всей страны опасности, о свойствѣ которыхъ нельзя составить себѣ даже приблизительнаго представленія». Въ заключеніе дворяне выражали «твердую надежду, что предположенная реформа, являющаяся отраженіемъ преходящихъ общественныхъ настроеній, никогда не осуществится». Особенно подчеркивалось въ запискѣ то, что «преобразованію подвергаются именно тѣ установленія, которыя только что выдержали на своихъ плечахъ весь натискъ революціоннаго движенія и одни оказали ему стойкое противодѣйствіе».

Мы видимъ, что опасенія дворянъ по существу являлись вполнѣ основательными; съ уничтоженіемъ сословности во всемъ строѣ мѣстнаго управленія и отмѣной въ данномъ отношеніи дворянскихъ привилегій—господству дворянства въ политической жизни страны былъ бы нанесенъ крупный ударъ. Вотъ противъ этого-то и борются теперь «объединенные дворяне». «Земскій соборъ»—наверху, сохраненіе сословнаго status quo на мѣстахъ,—таковъ лозунгъ праваго крыла дворянства. Въ качествѣ средства къ обезпеченію себѣ господства дворяне этого типа выдвигаютъ мѣры всяческаго обузданія, начиная отъ военно-полевыхъ судовъ, иниціаторами которыхъ они были, и кончая гоненіемъ на печать, о чемъ такъ усиленно хлопоталъ III-й дворянскій съѣздъ.

Но, кромѣ этого праваго крыла реакціоннаго дворянства, въ средѣ землевладѣльцевъ есть и другія теченія, въ большей или меньшей степени подверженныя воздѣйствію буржуазныхъ элементовъ и стремящіяся приспособиться къ условіямъ, созданнымъ революціоннымъ движеніемъ, использовать плоды этого движенія въ интересахъ господства буржуазіи. Въ предѣлахъ этихъ двухъ полюсовъ—реакціоннаго дворянства и умѣренно-либеральнаго октябризма, и колеблются въ настоящее время симпатіи дворянско-землевладѣльческой массы. Солидарная во всемъ, что касается подавленія ненавистнаго ей революціоннаго

движенія, эта масса дифференцируется по партіямъ, едва заходитъ рѣчь объ «органической работѣ».

Итакъ, подводя итоги всему сказанному выше, мы должны признать, что контръ-революціонная роль дворянства въ 1905—1909 гг. была велика. Именно дворянство продиктовало всѣ наиболѣе крупные акты политической жизни со времени подавленія освободительнаго движенія. Оно вдохновило акты 8 іюля 1906 г. и 3 іюня 1907 г., оно явилось творцомъ закона 24 августа 1906 г. о военно-полевыхъ судахъ, оно же было вдохновителемъ всего аграрнаго законодательства кабинета П. А. Столыпина и оно же тормозитъ проведеніе мѣстной реформы. Въ союзѣ съ бюрократическимъ правительствомъ реакціонное дворянство явилось и является той силой, съ которой освободительному движенію придется еще серьезно считаться.

Б. Веселовскій.

А. ЕРМАНСКІЙ.

Крупная буржуазія въ 1905—1907 г.

I. Періодъ либеральныхъ записокъ.

Бурныя событія 1905 года вырвали россійскую крупную буржуазію изъ атмосферы исключительно отсталыхъ, подчасъ реакціонныхъ политическихъ тенденцій, во власти которыхъ этотъ классъ находился въ теченіе всего предшествующаго періода, какъ мы это видѣли въ предыдущемъ очеркѣ (т. I, «Крупная буржуазія до 1905 года»).

Перемѣна эта совершилась не сразу. Солидные, практичные люди—дѣятели промышленности поддались всеобщему увлеченію позже всѣхъ остальныхъ общественныхъ слоевъ. Уже развернулась во всю мобилизація земскаго либерализма, формулировавшаго свою позицію на тайныхъ и явныхъ съѣздахъ. Уже потокъ банкетовъ и общественныхъ собраній по системѣ «захватнаго права» наполнилъ своимъ шумомъ послѣдніе мѣсяцы 1904 года. Но все это движеніе совершенно не затронуло крупно-промышленныхъ круговъ, какъ не сдвинула ихъ со старой политической позиціи еще раньше неблагопріятно для нихъ сложившаяся экономическая конъюнктура (промышленный кризисъ, сокращеніе казенныхъ заказовъ, желѣзнодорожнаго строительства и пр.).

Однако наступилъ таки моментъ, когда и крупно-промышленная буржуазія зашевелилась и присоединила свой голосъ—«голосъ сотенъ милліоновъ рублей» [1])—къ общему хору политическихъ требованій.

Конечно, солидные промышленники, примкнувъ, наконецъ, къ общенаціональному движенію, не вели въ немъ *активной* линіи, не пошли по пути *борьбы*,—даже не использовали упрочившагося въ то время захватнаго права. Въ своихъ старыхъ, издавна кристаллизовавшихся и архи-легальныхъ организаціяхъ они составляли записки, петиціи и пр., обращенныя къ высшимъ органамъ старой власти. Но въ этихъ запискахъ нерѣдко звучала серьезная гражданская нота, сквозила политическая мысль, стоявшая болѣе или менѣе на уровнѣ политическаго сознанія русскаго общества того періода.

---

[1]) Выраженіе докладной записки конторы желѣзозаводчиковъ отъ 28-го января 1905 года.

Оставаясь въ своихъ «запискахъ» на почвѣ защиты своихъ классовыхъ матеріальныхъ интересовъ, къ которой они привыкли съ давнихъ поръ, промышленники, однако, теперь совершенно отчетливо прежде всего формулируютъ и на разные лады варьируютъ мысль о *непосредственной зависимости судебъ промышленности отъ культурныхъ и политическихъ условій народной жизни*—мысль, которую трудно встрѣтить въ ихъ выступленіяхъ предыдущихъ десятилѣтій. Очевидно, урокъ, преподанный Россіи ея разгромомъ въ Японской войнѣ, не прошелъ безслѣдно и для сознанія крупной буржуазіи. Яркая демонстрація этимъ разгромомъ того губительнаго дѣйствія, которое оказывала политика подавленія личности въ населеніи и истощенія его матеріальныхъ рессурсовъ, политика произвола бюрократіи и ея хищническаго хозяйничанія въ странѣ—не могла не отразиться на взглядахъ промышленниковъ.

Нужны—говоритъ докладная записка группы фабрикантовъ и заводчиковъ *центральнаго района* [1])—«коренныя реформы... Мы ясно видимъ, что сама промышленность, опредѣляющаяся дѣятельностью личности, ея развитіемъ, неприкосновенностью, полнотою ея инициативы, зависящая отъ степени культурности и развитія народа, изъ котораго она черпаетъ свои рабочія руки, явно страдаетъ отъ общаго нестроенія».

Формулируя ту же мысль, *контора желѣзозаводчиковъ*—та самая, которая рекомендуетъ свою «записку» какъ «голосъ сотенъ милліоновъ рублей»—заявляетъ: «Положеніе промышленности находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ устойчивости правовой организаціи страны, отъ обезпеченности свободной инициативы личности, отъ свободы науки и научной истины и отъ уровня просвѣщенія народа, изъ котораго она вербуетъ свои рабочія силы, тѣмъ болѣе производительныя, чѣмъ болѣе онѣ просвѣщены и матеріально обезпечены» [2]).

Говоря о нарушеніи промышленной жизни рабочими волненіями, записка *московскихъ* фабрикантовъ и заводчиковъ заявляетъ, что недовольство рабочихъ «при прочномъ правовомъ порядкѣ, при неотъемлемыхъ гарантіяхъ неприкосновенности личности, при свободѣ коалицій и союзовъ различныхъ группъ населенія, связанныхъ общностью интересовъ, могло бы вылиться въ спокойныя законныя формы борьбы... Отсутствіе въ странѣ прочнаго закона, опека бюрократіи, распространяющаяся на всѣ области русской жизни, выработка въ мертвыхъ канцеляріяхъ, далекихъ отъ всего того, что происходитъ въ неостанавливающемся теченіи бурнаго потока текущихъ жизненныхъ явленій, нормъ и правилъ на всѣ случаи могосложныхъ народныхъ потребностей, задерживаетъ развитіе хозяйственной жизни въ странѣ...» [3])

«Промышленность не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ народъ бѣдствуетъ»

---

[1]) Составлена въ февралѣ 1905 г. и подписана 47 наиболѣе крупными фирмами московск. пром. района съ болѣе чѣмъ 125.000 рабочими.

[2]) Записка эта (съ датой 28 января 1905 г.) подписана Норпе, Вольскимъ, Эрдели, Тилло и др. Изъ нея позаимствовали многое нѣкоторыя другія записки промышленниковъ.

[3]) Принята въ концѣ января 1905 г. въ собраніи болѣе чѣмъ 200 промышленниковъ, при громѣ аплодисментовъ, и подана предсѣдателю комитета министровъ, Витте.

заявляютъ записка *петербургскихъ* фабрикантовъ и заводчиковъ [1]). И далѣе: «Будущее и даже настоящее (металлической промышленности) зависитъ отъ потребленія желѣза населеніемъ», а это потребленіе «предполагаетъ непремѣннымъ условіемъ поднятіе народнаго благосостоянія, распространеніе образованія, развитіе промысловъ, коренное измѣненіе условій жизни сельскаго населенія, нынѣ приниженнаго, хозяйственно истощеннаго, бѣднаго» ..

Ту-же мысль проводитъ записка *уральскихъ* промышленниковъ [2]): «Духъ инициативы и предпріимчивости, столь важный для развитія промышленности, живетъ только тамъ, гдѣ каждый увѣренъ въ строгомъ соблюденіи разумнаго и справедливаго закона, въ независимости суда, въ отсутствіи административнаго произвола... Протекціонизмъ полезенъ при подобающей *политической* обстановкѣ и экономической свободѣ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, при постоянной же опекѣ онъ приноситъ только вредъ. Главный тормазъ въ развитіи русской промышленности—это отсутствіе внутренняго рынка, вслѣдствіе голодовки крестьянскихъ массъ, ибо народный желудокъ—лучшій рынокъ».

Съ нѣсколько своеобразнымъ оттѣнкомъ, но та-же мысль проводится въ запискѣ *южныхъ горнопромышленниковъ*, всегда стоявшихъ въ переднихъ рядахъ промышленныхъ дѣятелей *дореволюціоннаго закала*. «Какая-бы то ни была промышленность—говорится въ ихъ запискѣ [3]) можетъ развиваться только при условіи существованія прочныхъ законовъ и *сильной власти* [4])—всѣми уважаемой и признаваемой. Она можетъ процвѣтать только среди народа, способнаго потреблять ея произведенія. Между тѣмъ, при существующемъ бюрократическомъ режимѣ, въ созданіи и отмѣнѣ законовъ существуетъ полный произволъ. Законъ поэтому не можетъ служить основаніемъ для правильнаго промышленнаго разсчета».

Достаточной опредѣленностью отличаются и самыя *политическія desiderata*, формулируемыя въ запискахъ промышленныхъ круговъ. Записка промышленниковъ *центральнаго района* требуетъ: «1) непоколебимаго равноправія всѣхъ и каждаго предъ прочнымъ закономъ, 2) полной неприкосновенности личности и жилища всѣхъ русскихъ гражданъ, 3) свободы слова и печати, такъ какъ лишь тогда возможенъ правильный и успѣшный ростъ промышленности и народнаго благосостоянія, 4) всеобщаго обязательнаго школьнаго обученія по расширенной программѣ и упрощеннаго порядка открытія всякихъ школъ, библіотекъ, читаленъ, просвѣтительныхъ учрежденій и обществъ, 5) участія представителей всѣхъ классовъ населенія, въ томъ числѣ отъ промышленниковъ и рабочихъ, въ выработкѣ законодательныхъ нормъ и бюджета».

Въ тѣхъ же выраженіяхъ формулированы политическія требованія и въ запискѣ *московскихъ* заводчиковъ и фабрикантовъ, а также *уральскихъ* промышленниковъ, причемъ послѣдніе еще прибавляютъ требованія свободы вѣроиспо-

---

[1]) Представлена 5-го февраля черезъ депутацію министру финансовъ отъ лица 83 фирмъ.

[2]) Составлена въ февралѣ 1905 года, въ связи съ Конторою Желѣзозаводчиковъ.

[3]) Принята и подписана 12-го марта 1905 года 18 членами Совѣта съѣзда и 11 горнопромышленниками, послана Авдаковымъ Министру Землед. и Гос. имуществъ 30-го марта.

[4]) Курсивъ нашъ здѣсь и вездѣ, гдѣ не оговорено противоположное.

вѣданія и «права сходокъ, собраній и союзовъ для рабочихъ и хозяевъ». Таковы-же политическія требованія резолюціи *Бакинскаго* биржевого общества [1]). Къ тому-же сводятся требованія *сахарозаводчиковъ*, позаимствовавшихъ свою формулу изъ резолюціи большинства земскаго съѣзда 6—8 ноября 1904 года: «Лишь господство законности, обезпечиваемое постояннымъ участіемъ свободно избранныхъ представителей народа въ осуществленіи законодательной власти и въ контролѣ надъ бюджетомъ и администраціей, въ силахъ спасти наше отечество отъ истерзавшихъ его колебаній государственной политики»—заявляетъ записка сахарозаводчиковъ [2]).

Указанныя двѣ черты, характерныя для всѣхъ записокъ промышленныхъ организацій періода отъ января до мая 1905 года, далеко, однако, не исчерпываютъ ихъ содержанія. Сюда привходятъ нѣкоторые другіе моменты, бросающіе весьма своеобразный свѣтъ и на приведенные два пункта.

Изъ этихъ моментовъ на первомъ планѣ стоитъ отношеніе промышленниковъ къ *экономическимъ* требованіямъ, выдвинутымъ *рабочимъ движеніемъ* этого періода.

Это движеніе пріобрѣло, какъ извѣстно, необычайно острый характеръ и—особенно съ 9-го января—стояло въ центрѣ общественнаго вниманія. Считаясь съ этимъ крупнѣйшимъ факторомъ революціоннаго броженія, правительство, наряду съ военно-полицейской расправой (9-го января и пр.), пыталось,—какъ оно это дѣлало, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, всегда раньше—усмирить волны рабочаго движенія, умасливая его экономическими уступками. Отсюда большой размахъ правительственныхъ законопроектовъ того времени въ защиту труда, натискъ министерства финансовъ на промышленниковъ, совѣщаніе 24-го января (объ этомъ подробнѣе ниже), созывъ комиссіи Шидловскаго и т. д.

Если въ прежнее, дореволюціонное время организованные промышленники энергично сопротивлялись законодательнымъ попыткамъ бюрократіи въ защиту труда, не брезгуя, какъ мы видѣли, никакими средствами—вплоть до выдвиганія народническихъ идиллій исключительно аграрнаго строя русской экономической жизни и отрицанія существованія въ Россіи капитализма и рабочаго класса, то теперь обстановка была иная, а потому и средства примѣнялись иныя для достиженія *той-же цѣли*. На лицо было широкое народное движеніе, сила котораго еще увеличивалась отъ нѣкоторыхъ уступокъ правительства. И вотъ рабочее движеніе, отъ котораго правительство хотѣло откупиться экономическими уступками, промышленники всячески стараются изобразить лишеннымъ экономической основы и коренящимся *исключительно* въ недостаткахъ *политическаго* механизма страны.

Этой тенденціей настолько сильно окрашены всѣ либеральныя записки промышленниковъ, что подчасъ онѣ производятъ впечатлѣніе выступленій не столько *въ защиту* необходимости *политическаго* переустройства, сколько *противъ* умѣстности *экономическихъ* уступокъ рабочимъ.

---

[1]) Принята 17-го февраля 1905 года (послѣ армяно-татарской рѣзни 6—10 февраля).

[2]) Обсуждалась многими сахарозаводчиками въ Кіевѣ въ февралѣ 1905 г.

«Промышленность не можетъ работать въ убытокъ—аргументируетъ цитированная выше записка *петербургскихъ* фабрикантовъ и заводчиковъ (февраль 1905 года)—и не можетъ руководствоваться мотивами благотворительности; состояніе ея тяжелое, и она дастъ рабочему только то, что можетъ дать. Съ развитіемъ народнаго образованія, съ увеличеніемъ благосостоянія населенія, съ ростомъ его потребностей поднимется и улучшится *естественнымъ путемъ* (!) матеріальное положеніе рабочаго класса... Обращеніе къ фабрикантамъ и заводчикамъ объ удовлетвореніи требованій рабочихъ даетъ основаніе предполагать, что вопросамъ объ экономическомъ положеніи рабочихъ отводится очень видная роль въ объясненіи послѣднихъ волненій; но это представляется ошибочнымъ. Даже отъ полнаго удовлетворенія всѣхъ требованій рабочихъ прочнаго успокоенія все-же ожидать нельзя, такъ какъ рабочее движеніе не возникло изъ общаго сознанія рабочихъ объ экономическихъ невзгодахъ, а возбуждено и поддерживается изъ окружающей среды».

«Давно минуло—увѣряетъ записка *конторы желѣзозаводчиковъ*—то время, когда интересы предпринимателя и рабочаго считались неизбѣжно непримиримыми. Опытъ всѣхъ промышленныхъ странъ доказалъ совершенно противоположное» (!).

Рабочее движеніе имѣетъ политическую почву—заявляетъ памятная записка *Костромскаго* Комитета торговли и мануфактуръ [1]),—«поэтому большинство проектируемыхъ нынѣ министерствомъ мѣропріятій будетъ только преждевременнымъ выступленіемъ на путь уступокъ рабочимъ, которыя породятъ лишь новыя требованія со стороны рабочихъ».

И вотъ всѣ записки упорно твердятъ: никакихъ экономическихъ уступокъ рабочимъ!

«Россія во всѣхъ своихъ частяхъ прогрессивно оскудѣваетъ и ея потребительная способность неуклонно сжимается»—пишутъ *желѣзозаводчики*. «Что-же при такихъ условіяхъ, русскіе промышленники могутъ сдѣлать, сами по себѣ, для улучшенія быта рабочихъ? Въ лучшемъ случаѣ они могли-бы отказаться отъ справедливаго дохода со своихъ капиталовъ и употребить эти доходы на улучшеніе быта рабочихъ, т. е. превратить промыселъ въ благотвореніе... Итакъ не въ рукахъ русскихъ промышленниковъ находится судьба рабочаго вопроса и ключъ къ его разрѣшенію». Нужны «коренныя реформы, за необходимость которыхъ единодушно высказались земскіе дѣятели, представители городского самоуправленія и разныхъ другихъ обществъ и сословій».

Въ наиболѣе красочной формѣ проведена эта позиція въ запискѣ *петербургскихъ* фабрикантовъ и заводчиковъ. «Едва-ли не ошибка въ томъ, что правительство быстро реагируетъ на грубое проявленіе рабочихъ волненій и въ то-же время даетъ такъ мало вниманія гораздо болѣе сильному, болѣе обширному и, по существу своему, болѣе важному *общему* волненію, проявляющемуся, конечно, не въ насиліи и въ грубыхъ демонстраціяхъ, а въ формахъ мягкихъ и корректныхъ. Ни одинъ слой общества не имѣетъ такой *удачи* въ своихъ домогательствахъ, какъ рабочіе, которые уже отлично усвоили и помнятъ, что каждая крупная забастовка приносила имъ существенное улучшеніе, они помнятъ даты

---

[1]) Подана въ мартѣ 1905 года.

стачекъ и даты узаконеній по рабочему вопросу. Они увѣрены и сейчасъ, что настойчивымъ и единодушнымъ домогательствомъ, подкрѣпленнымъ массовыми демонстраціями, они быстро достигнутъ всего возможнаго и даже, быть можетъ, больше чѣмъ возможнаго при существующемъ режимѣ. Руководители рабочаго движенія достигнутъ снизу такихъ результатовъ, какіе для верхнихъ общественныхъ слоевъ будутъ недостижимы, и это будетъ *опасное* логическое послѣдствіе того факта, что къ *грубымъ демонстраціямъ* прислушиваются внимательнѣе, чѣмъ къ *заявленіямъ корректнымъ*».

«Все вышеизложенное—говоритъ записка въ заключеніе—приводитъ насъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, къ тому заключенію, что *ни какія либо уступки рабочимъ по частнымъ вопросамъ, ни пересмотръ фабричнаго законодательства* не могутъ вселить полнаго успокоенія въ тревожное состояніе рабочихъ. Средствомъ же безспорно дѣйствительнымъ къ умиротворенію рабочаго движенія въ будущемъ или, по крайней мѣрѣ, къ устраненію въ немъ той жгучести, какая теперь въ немъ наблюдается, являются болѣе глубокія реформы *общегосударственнаго* характера».

Даже одно прямое *положительное* требованіе—свободы рабочихъ организацій,—выдвигаемое теперь въ заявленіяхъ промышленниковъ, оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, только средствомъ для достиженія отрицательной цѣли: *устраненія* законодательной защиты труда. Пусть рабочіе и хозяева имѣютъ возможность организованно регулировать свои отношенія, но пусть государство предоставитъ рабочихъ ихъ собственнымъ силамъ. Или, какъ формулировалъ это положеніе горнопромышленникъ Ауэрбахъ: «Очень опасно стремленіе сокращать законодательнымъ порядкомъ продолжительность рабочаго времени... Гораздо основательнѣе предоставить сокращеніе рабочаго дня соглашенію работодателей съ рабочими и ихъ организаціями [1]).

Впрочемъ, исходная точка промышленниковъ болѣе непосредственно отражается и на самыхъ *политическихъ требованіяхъ*, формулированныхъ въ ихъ запискахъ: въ требованія свободы слова, печати и пр. очень искусно вплетены требованія, прямо направленныя *противъ рабочихъ*. Такъ, въ запискѣ *московскихъ* заводчиковъ и фабрикантовъ въ обычныя требованія свободъ вкраплены пункты: «4) право для каждаго рабочаго поступать на работу на условіяхъ, какія онъ найдетъ для себя пріемлемыми, если только они не противозаконны, 5) личность рабочаго законнымъ порядкомъ должна быть ограждена отъ насилій рабочихъ стачечниковъ, если, не сочувствуя объявленной стачкѣ, рабочій присоединиться къ ней не желаетъ (знаменитый «Schutz der Arbeitswilligen»! А. Е.) 6) Владѣльцы промышленныхъ предпріятій свободны въ установленіи распорядковъ фабрики, рабочей платы, выработкѣ расцѣнокъ, назначеніи и выборѣ служащихъ».

То-же требованіе «огражденія личности рабочаго, желающаго работать» вплетено и въ записку фабрикантовъ и заводчиковъ *центральнаго* района.

Значеніе и смыслъ либеральныхъ записокъ промышленниковъ модифици-

---

[1]) Докладъ комиссіи Ауэрбаха, „Труды“ 31-го съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи.

*

руется въ зависимости не только отъ приведеннаго момента — стремленія оставить безъ удовлетворенія спеціальныя требованія рабочаго движенія.

Для правильной оцѣнки періода записокъ первой половины 1905 г. необдимо еще прежде всего остановиться на вопросѣ: съ какого момента начинается этотъ періодъ, *послѣ какихъ событій* открылся потокъ политическихъ либеральныхъ записокъ промышленныхъ организацій. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, на первый взглядъ, даетъ одна записка — конторы желѣзозаводчиковъ: «Послѣ того какъ русская желѣзная промышленность перестала быть главнымъ образомъ поставщицей по казеннымъ заводамъ, послѣ того какъ русскому желѣзному промышленнику пришлось усиленно искать сбыта своимъ товарамъ среди частныхъ потребителей, неустойчивость нашей жизни, съ крайне слабой потребительской способностью страны, стала для русскаго желѣзнаго промышленника очевиднымъ крайне тягостнымъ явленіемъ».

Но вполнѣ-ли точенъ этотъ отвѣтъ «желѣзныхъ» промышленниковъ, воспроизводящій мысль, формулированную на банкетѣ инженеровъ 5 декабря 1904 г.? Что указанное тутъ измѣненіе въ положеніи русской промышленности вообще и металлической въ частности было для нея тягостнымъ — совершенно очевидно. Но вѣдь это положеніе создалось гораздо раньше 1905 г., за цѣлыхъ 5 лѣтъ до него. А между тѣмъ мы тщетно искали въ поведеніи промышленныхъ организацій до конца 1904 г. признаковъ пониманія даже той элементарной истины: что для нормальнаго развитія промышленности необходимо широкими мѣропріятіями направить политику государства въ сторону поднятія «крайне слабой потребительской способности страны». Еще меньше мысль промышленниковъ въ дореволюціонный періодъ проникалась политическими требованіями записокъ 1905 года: наоборотъ, весь этотъ періодъ промышленныя организаціи держались въ сторонѣ отъ политической оппозиціи и даже подъ самый конецъ его способны были, какъ мы видѣли [1]), проникаться заботами о сохраненіи въ цѣлости старой абсолютистской системы.

Очевидно, какъ ни навязывало объективное положеніе вещей промышленникамъ формулированный желѣзозаводчиками въ 1905 г. выводъ, но усвоенію его препятствовала унаслѣдованная отъ предыдущаго періода классовая психологія промышленной буржуазіи. Очевидно, необходимы были еще другія условія, которыя-бы устранили это препятствіе.

Ближе подходятъ къ отвѣту на поставленный выше вопросъ тѣ мѣста записокъ, гдѣ подчеркивается сила царящихъ кругомъ волненій, смуты. Непрекращающееся общественное броженіе, съ одной стороны, дезорганизовало всю промышленную жизнь страны, съ другой—производило впечатлѣніе растущей, *непреодолимой* стихіи, которая, рано или поздно, возьметъ свое. Въ этомъ отношеніи особенную роль сыграли событія 9-го января и послѣдовавшая за ними стачечная волна [2]).

---

[1]) Напримѣръ, въ вопросѣ о рабочихъ старостахъ. См. „Обществ. движеніе въ Россіи, т. I, стр. 325, 328 и др.

[2]) Нѣтъ *ни одного* либеральнаго выступленія промышленниковъ, которое бы предшествовало 9 января, если не считать сочувствія моск. биржеваго комитета моск. городской думѣ за ея либеральное постановленіе 30 ноября 1904 г. (объ этомъ

О «грандіозной и небывалой, можно сказать, исторической стачкѣ, наблюдавшейся только-что въ С.-Петербургѣ», говоритъ записка *московскихъ* заводчиковъ и фабрикантовъ. Она же ссылается, какъ мы видѣли, на «неостанавливающееся теченіе бурнаго потока текущихъ жизненныхъ явленій». Та же сила впечатлѣнія отъ «бурнаго потока» отражается и въ другихъ запискахъ. Особенно характерный въ этомъ отношеніи вопль содержитъ записка *сахарозаводчиковъ*, которая говоритъ: «Еще большія опасности, нежели рабочее движеніе, несетъ для сахарной промышленности надвигающаяся гроза крестьянскихъ волненій». И далѣе: «Вооруженная сила еще можетъ оградить фабриканта противъ обостряющагося рабочаго движенія; наряды войскъ могутъ охранять ютящіяся по городамъ фабрики отъ буйства разошедшейся толпы. Но какая вооруженная сила въ состояніи оберечь раскиданные по лицу всей нашей безпредѣльной равнины заводы и усадьбы»?

Другой моментъ, повышавшій градусъ оппозиціонности промышленныхъ круговъ, это—политическія заявленія общественныхъ *верховъ*, все болѣе разраставшіяся и примыкавшія къ непрекращающемуся движенію низовъ. Безконечные банкеты, съѣзды земскихъ дѣятелей, многочисленныя записки и резолюціи общественныхъ органовъ и самочинныхъ организацій и собраній—все это создавало картину непреодолимаго, *общенаціональнаго* движенія, охватывающаго всѣ слои населенія. На это выступленіе другихъ слоевъ и ссылаются непрестанно промышленники въ своихъ обращеніяхъ къ власти, какъ бы объясняя этой ссылкой свою смѣлость.

«Мы думали—заявляетъ *московская* записка—что и намъ, фабрикантамъ и заводчикамъ, своевременно было бы, подобно тому, какъ это сдѣлали и другіе представители существующихъ организацій, поднять свой голосъ и заявить»...

Контора «не могла остаться безучастной къ тому движенію—гласитъ записка *желѣзозаводчиковъ*—которое объяло рабочій людъ всей Россіи... Нужны коренныя реформы, за необходимость которыхъ единодушно высказались земскіе дѣятели, представители городскихъ самоуправленій и разныхъ другихъ обществъ и сословій».

Необходимы свободы и коренныя реформы всему населенію, такъ какъ этого уже требовали разныя общества и собранія, а также указы 12-го декабря и 18-го февраля—заявляетъ записка *костромского* комитета торговли и мануфактуръ.

Послѣдняя ссылка на правительственные указы [1])—непосредственно приводитъ насъ къ третьему фактору, который не меньше, а то и больше другихъ подбадривалъ оппозиціонныя ноты въ заявленіяхъ крупно-промышленныхъ кру-

---

рѣчь ниже). Упоминаемая часто резолюція, принятая на банкетѣ у Контана (5 декабря 1904 г.), подписана 485 лицами, изъ которыхъ 149 инженеровъ разныхъ спеціальностей и 26 профессоровъ не-инженеровъ (въ томъ числѣ 15 генераловъ). Если всѣхъ остальныхъ 40 человѣкъ и принять за промышленниковъ, то они все же составляли ничтожную долю собранія и активной роли въ немъ не играли.

[1]) Такая же ссылка встрѣчается и въ другихъ запискахъ; съ нея, напримѣръ, прямо начинается записка южныхъ горнопромышленниковъ, точно воспроизводящая формулу указа 18-го февраля.

говъ. Для осторожныхъ и практическихъ дѣятелей промышленности мало было дѣйствія указанныхъ двухъ факторовъ: необходимо было еще, чтобы сама правящая *бюрократія*, противъ которой движеніе было направлено, рядомъ уступокъ пошла на встрѣчу этому движенію и этимъ *санкціонировала* его въ глазахъ тѣхъ, кто всѣмъ своимъ прошлымъ былъ воспитанъ въ духѣ мирнаго, дружнаго сожительства съ самовластной бюрократіей.

Понятно, поэтому, какую важную роль сыгралъ въ зарожденіи промышленнаго либерализма указъ 12-го декабря 1904 г., ставившій на видъ въ близкомъ будущемъ «крупныя внутреннія преобразованія». Еще большую, конечно, роль сыгралъ въ этомъ отношеніи рескриптъ на имя Булыгина отъ 18-го февраля 1905 года о «привлеченіи довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній», а также указъ сенату, приглашавшій частныхъ лицъ и учрежденія высказаться объ «усовершенствованіи государственнаго благоустройства» [1]).

При всей осторожности и двусмысленности этихъ торжественныхъ признаній и обѣщаній, они имѣли *огромное вліяніе* на господствующія представленія о соотношеніи борющихся силъ: въ глазахъ населенія вообще, промышленниковъ въ частности, напирающія на старый строй силы вырастали, благодаря уступкамъ правительства, до размѣровъ не боящейся никакихъ препятствій колоссальной мощи, самый же строй этотъ представлялся со всѣми признаками прогрессирующаго безсилія.

Къ тому же результату, впрочемъ, велъ съ самаго начала японской войны весь потокъ развертывавшихся необычайныхъ событій—точно все это была не дѣйствительность, а нарочито созданная фантазіей сказка. Всѣ Ляояны и Мукдены, гульскій инцидентъ и гибель «Петропавловска» съ Макаровымъ, паденіе Портъ-Артура, затѣмъ Цусимскій позоръ, вскрывшіяся въ связи съ войной глубокія язвы всей бюрократической системы и обнаружившееся интенсивное броженіе во всѣхъ слояхъ населенія, не исключая арміи и флота—все это было точно нарочито придумано для того, чтобы концентрированнымъ свѣтомъ необычайно яркихъ событій выставить фонды стараго режима въ *утрированно* жалкомъ, безнадежномъ свѣтѣ. Казалось, что этотъ режимъ, въ конецъ опозоренный, ждетъ только толчка, чтобъ рухнуть навсегда, безслѣдно. Даже *губернскіе предводители дворянства* писали въ своей запискѣ:«Россія — въ преддверіи анархіи; осталась *только тѣнь правительства*... Во всей Россіи теперь умы кипятъ, а чувства пылаютъ... Самые благонамѣренные люди и сторонники порядка видятъ, что *правительство нравственно рухнуло*» [2]).

На безсиліе тогдашней правительственной власти указываютъ въ своихъ запискахъ и промышленники, обнаруживая тоску по сильной власти, необходимой для правильнаго хода «дѣлъ». Мы уже встрѣтились съ указаніемъ записки

---

[1]) Изъ числа нѣсколькихъ десятковъ извѣстныхъ намъ политическихъ записокъ и выступленій промышленниковъ только *одна* записка желѣзозаводчиковъ (да еще составленная подъ ея вліяніемъ записка московскихъ фабрикантовъ) составлена раньше 18-го февраля (но, конечно, *послѣ* 12-го декабря и 9-го января).

[2]) Записка 26 губ. предводителей дворянства, см. „Освобожденіе“ № 75.

южныхъ горнопромышленниковъ на необходимость «сильной власти, всѣми уважаемой и признаваемой»; между тѣмъ теперь «обнаружилась—говоритъ записка—полная несостоятельность власти бюрократіи, *не находящей въ себѣ силы* обезпечить неприкосновенность имущества частныхъ лицъ отъ разрушительныхъ инстинктовъ некультурной толпы»... Совѣщаніе же уральскихъ горнопромышленниковъ [1]) прямо объясняетъ рабочія волненія «шатаніемъ и безсиліемъ власти».

Въ той же мѣрѣ, въ какой падалъ въ глазахъ промышленниковъ и другихъ классовъ кредитъ старой власти, выростало представленіе о силѣ революціи. «Русскіе желѣзные промышленники—говоритъ записка желѣзозаводчиковъ—какъ классъ интеллигентный и преданный престолу, обязаны заявить Вашему Высокопревосходительству, что настроеніе народныхъ массъ въ странѣ является грознымъ предостереженіемъ, что *никакими репрессіями не остановить движенія*, имѣющаго глубокіе корни въ народѣ, съ каждымъ днемъ дающаго все новые и новые ростки»...

Тогда никто не вѣрилъ въ силу репрессій. Въ этотъ замѣчательный періодъ массоваго увлеченія идеями политической свободы, всѣхъ, не исключая и самой бюрократіи, охватила *иллюзія абсолютно неизбѣжной скорой побѣды революціи* надъ старымъ режимомъ. Всѣмъ казалось, что, разъ «во всей Россіи умы кипятъ, а чувства пылаютъ», то та организація, которая представляетъ собою «только тѣнь правительства» и которая уже «нравственно рухнула»—если не сегодня, то обязательно завтра рухнетъ и физически, безслѣдно. Это была пора, когда среди лицъ, подписывавшихъ рѣзкія оппозиціонныя записки, фигурировали элементы, обычно чуждые политикѣ; когда революціонные митинги устраивали гимназисты; когда требованія предъявляли собранія чиновниковъ и полицейскихъ; когда отрицательное отношеніе къ старому строю проникало и въ среду святѣйшаго синода.

И если въ такой исключительной обстановкѣ, при такой всеобщей *переоцѣнкѣ силъ революціи* и *недооцѣнкѣ степени жизнеспособности до-революціоннаго строя*, практичные дѣятели промышленности, отдавая дань носящейся въ воздухѣ иллюзіи, стали поворачиваться спиною къ «тѣни правительства», то неудивительно, что они способны были порою стать выше своихъ собственныхъ органическихъ тенденцій. «Совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ *далеко не поклонница всеобщаго избирательнаго права*»—заявляли желѣзозаводчики въ своей запискѣ нѣсколько позже, когда старая власть достигла кульминаціонной точки своихъ уступокъ революціи, издавъ манифестъ 17-го октября—«однако рабочее движеніе показало» и пр. и потому контора «проситъ исходатайствовать *безотлагательно* актъ, возвѣщающій участіе въ государственной Думѣ представителей всего народа, избранныхъ *всеобщимъ* голосованіемъ».

Въ такомъ же духѣ подано было заявленіе въ *нижегородскій* биржевой комитетъ еще до 17-го октября. Здѣсь говорится, между прочимъ: «Теперь, когда мы стоимъ, повидимому, *передъ лицомъ полной революціи*, мы, какъ *умѣренные элементы*, вновь должны указать правительству, вновь умолять

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1905 г., см. „Трудъ Инженера и Техника“ № 13.

его дать Россіи правильное народное представительство, т. е. основанное на *всеобщемъ* избирательномъ правѣ и съ *законодательною* властью».

Послѣ всего изложеннаго не приходится удивляться и тому, что промышленниковъ *не отталкивала* отъ оппозиціонной волны *чрезмѣрная* для нихъ *требовательность рабочаго движенія;* что ихъ либерализмъ не разлагался отъ дѣйствія такъ называемаго «соціальнаго испуга»: его вліяніе совсѣмъ не было замѣтно, пока линія революціоннаго движенія шла въ гору, а положеніе абсолютизма продолжало казаться безнадежнымъ. Промышленники не только считали экономическія требованія рабочихъ чрезмѣрными, они это постоянно подчеркиваютъ въ своихъ запискахъ въ самыхъ *утрированныхъ* выраженіяхъ. «Экономическія требованія рабочихъ завѣдомо непріемлемы... Они сами убѣждены, что ихъ требованія будутъ отвергнуты» — увѣряетъ записка *московскихъ* заводчиковъ и фабрикантовъ. «Большинство заявленныхъ рабочими требованій часто были такъ неумѣренны, такъ явно неосуществимы, что и сами рабочіе не придавали имъ серьезнаго значенія»—заявляетъ записка фабрикантовъ и заводчиковъ *центральнаго* раіона.

Пусть эти утвержденія грубо-тенденціозны, пусть въ нихъ сквозитъ то-же стремленіе отвлечь вниманіе отъ спеціальныхъ требованій рабочихъ въ сторону общенаціональныхъ *политическихъ* требованій. Но все же нельзя отрицать того факта, что формулировка рабочихъ требованій въ то время отличалась большимъ размахомъ. Есть даже отдѣльный случай, когда вызываемый этимъ «соціальный испугъ» нашелъ себѣ болѣе или менѣе откровенное выраженіе. Этотъ случай представляетъ намъ, конечно, самая старая промышленная организація, наиболѣе прочно сложившаяся въ дореволюціонный періодъ и наиболѣе органически связанная съ старымъ политическимъ режимомъ. Мы имѣемъ въ виду организацію *южныхъ горнопромышленниковъ*,—собственно не всю ее, а отдѣльную группу членовъ, подписавшихъ особое «добавленіе» къ выше цитированной запискѣ южныхъ горнопромышленниковъ отъ 12-го марта 1905 года. «Настоящее волнующееся положеніе государства—гласитъ сущность этого добавленія—не позволяетъ, однако, спокойно заниматься проведеніемъ всѣхъ намѣченныхъ мѣропріятій, вслѣдствіе чего въ данный моментъ безусловно необходимо *быстрое успокоеніе* государства *какими-бы то ни было мѣрами*».

Изъ подписавшихъ это добавленіе пяти лицъ [1]) одно—Размарица, завѣдующій горнопромышленнымъ обществомъ «Желтая Рѣка» въ Кривомъ Рогѣ—подало еще «особое мнѣніе», которое любопытно не только по своей чудовищной безграмотности. «Движенія заводскихъ и рудничныхъ рабочихъ, не вытекая изъ экономическаго быта ихъ, блестяще обставленнаго по сравненію съ крестьянами и рабочими-земледѣльцами, указываетъ, что движеніе это политическое, обоснованное на соціалдемократической пропагандѣ и требующихъ реформъ государственныхъ и общества въ размѣрахъ, далеко превосходящихъ наши желанія, выражаемыя въ сегодняшней запискѣ... Въ ней мы, идя какъ бы параллельно съ желаніями рабочихъ, тѣмъ не менѣе, точно умышленно, замалчиваемъ о

---

[1]) Размарица, Н. Шелгуновъ, С. Пастуховъ, И. Степановскій и А. Рутченко (послѣдній противъ словъ „какими бы то ни было мѣрами“).

вопросахъ чисто соціальныхъ, а вѣдь идеалы *этого соціализма* довольно ясно выступаютъ въ пунктахъ заявленій рабочихъ (участіе въ расцѣнкахъ, вмѣшательство въ права администраціи, сокращеніе рабочаго времени при увеличеніи заработной платы и проч.); эту часть мы обходимъ... Намъ, какъ представителямъ горнопромышленныхъ предпріятій, людямъ, которымъ ввѣрены огромные чужіе капиталы, необходимо *сейчасъ же безотлагательно* обратиться къ правительству съ просьбою *объ охраненіи порядка* на промыслахъ и защиты отъ произвола и грабежей толпы, еще не перевоспитанной. Это во власти правительства, и *всякое правительство это сдѣлаетъ*».

Таково было мнѣніе одного г. Размарицы. Остальные же промышленники далеки были отъ мысли, что «всякое» правительство это сдѣлаетъ. Мы видѣли, какъ даже горнопромышленники констатировали, что бюрократія «не находитъ въ себѣ *силы* обезпечить неприкосновенность имущества частныхъ лицъ», а другіе промышленники не меньше раздѣляли господствующее представленіе о безсиліи и близости конца старой бюрократической системы.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, подавляющее большинство промышленниковъ, всячески стараясь отдѣлаться отъ экономическихъ требованій рабочихъ, въ общемъ единодушно варьировало въ своихъ запискахъ одинъ и тотъ же ходъ мыслей: при существующихъ условіяхъ промышленность не можетъ развиваться; кругомъ-ростущая смута изъ-за недостатковъ существующаго политическаго строя; всѣ слои требуютъ политическихъ реформъ; само правительство признало и обѣщало, а потому и т. д.

Что же касается момента «соціальнаго испуга», то ему суждено было сказаться *позже*—когда линія общественнаго движенія стала уже клониться *внизъ*, когда дружный общественный натискъ на абсолютизмъ, истощивъ весь запасъ силъ, остановившись передъ вопросомъ «какъ» въ большемъ затрудненіи, чѣмъ передъ вопросомъ «что», сталъ проявлять вялость и этимъ давалъ бюрократіи все больше возможности оправиться и вернуть потерянныя позиціи.

А до этого момента крупно-буржуазные круги, стоя въ сторонѣ отъ самой гущи общественной борьбы, внимательно, однако, присматривались къ ея ходу и *учитывали*, какъ могли, ея результаты. Привыкшіе «*долго думать, прежде чѣмъ рискнуть кому-нибудь оказать кредитъ*» [1]) промышленники находили теперь, что акціи стараго режима падаютъ съ головокружительной быстротой, и не прочь были попробовать предоставить кредитъ нарождающемуся новому порядку.

II. Отношеніе къ рабочему вопросу въ періодъ либеральныхъ записокъ.

Борьбу противъ экономическихъ требованій рабочаго движенія промышленники вели не только контрабанднымъ способомъ въ своихъ либеральныхъ запискахъ, но и другими методами—всегда *рѣшительными и организованными*. Вся первая половина 1905 года наполнена рядомъ съѣздовъ, совѣщаній, ходатайствъ, ходъ и содержаніе которыхъ представляетъ не мало любопытныхъ, даже драматическихъ моментовъ.

---

[1]) Выраженіе С. Морозова на обѣдѣ, данномъ купечествомъ Витте въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1896 г. (См. т. I, стр. 348).

Главнымъ мѣстомъ дѣйствія является Петербургъ, а исходнымъ моментомъ массовое движеніе, связанное съ *9-мъ января*. Еще до этого дня промышленники петербургскаго района, обезпокоенные стихійнымъ броженіемъ рабочихъ массъ, собрались на рядъ совѣщаній для выработки общаго плана дѣйствій. Въ то же время они вели непрерывныя сношенія съ Коковцевымъ—предсѣдателемъ намѣченной правительствомъ комиссіи «по упорядоченію быта рабочихъ».

Общій ходъ этихъ сношеній и переговоровъ мы можемъ описать словами изъ рѣчи самого Коковцева, произнесенной скоро послѣ этого въ предварительномъ совѣщаніи фабрикантовъ и заводчиковъ петерб. района 24-го января. «Около 2 недѣль тому назадъ—говорилъ Коковцевъ—всѣ присутствующіе нынѣ представители частной промышленности выдвинули послѣдовательность, *стойкость и твердость* со стороны фабрикантовъ, какъ средство борьбы съ народившимся рабочимъ движеніемъ». Одну категорію требованій вы признали разрѣшимой только въ законодательномъ порядкѣ; къ другой—частныя требованія—«представители промышленности отнеслись тогда скорѣе отрицательно, не предполагая идти на встрѣчу запросамъ рабочихъ, а спокойнымъ и *твердымъ отпоромъ* водворяли нарушенное спокойствіе въ ходѣ промышленной жизни. Однако, 7-го января явившіеся въ министерство финансовъ представители промышленности обнаружили уже другое отношеніе къ происходящему среди рабочихъ броженію. Мѣсто спокойнаго ожиданія смѣнила замѣтная *тревога*. Фабриканты утратили увѣренность въ прекращеніи волненія заявленными ими наканунѣ средствами и просили министерство финансовъ придти имъ на помощь».

Упоминаемое Коковцевымъ постановленіе относительно различныхъ категорій требованій рабочихъ было выработано на десяти собраніяхъ петербургскихъ промышленниковъ и формулировано въ видѣ резолюціи слѣдующаго содержанія: 1) «общіе пункты рабочихъ требованій (8 часовой раб. день, отмѣна штрафовъ, участіе въ распорядкахъ) *не подлежатъ обсужденію*», они должны быть рѣшены въ законодательномъ порядкѣ (при участіи промышленниковъ); 2) относительно частныхъ требованій «признано вообще *несоотвѣтственнымъ входить въ обязывающія отношенія* съ рабочими, но въ частности, въ цѣляхъ успокоенія, приходится вести переговоры»; 3) такъ какъ рабочіе «вовлечены въ движеніе причинами внѣшними, не экономическаго характера» и «отсутствуетъ взаимное озлобленіе», то «*въ данномъ случаѣ* штрафовъ не примѣнять, зачинщиковъ и главарей не искать и не карать» [1]) и собрать средства для помощи семьямъ рабочихъ, пострадавшихъ 9-го января, а распредѣленіе пособій предоставить Спб. Обществу для содѣйствія улучшенію и пр.; 4) «Не желая создать ложнаго прецедента на будущее время, постановлено *не платить* рабочимъ *за время забастовки*, но, идя навстрѣчу возможной крайней нуждѣ, оказать помощь въ видѣ безвозвратныхъ пособій по усмотрѣнію владѣльцевъ».

---

[1]) Въ этихъ „великодушныхъ“ постановленіяхъ чувствуется уже рѣшительный, боевой тонъ союза работодателей, каковымъ скоро конституировалось петерб. „Общество для содѣйствія улучшенію“ и пр. (петерб. общество фабрик. и заводчиковъ).

Явившіеся съ такими директивами на совѣщаніе 24-го января, 400 фабрикантовъ и заводчиковъ должны были выдержать тутъ энергичную аттаку министерства финансовъ.

«Изданіе новыхъ законовъ о рабочихъ—доказывалъ Коковцевъ — не можетъ устранить потребности въ мѣрахъ менѣе рѣшительныхъ и общихъ, но за то быстрыхъ и легко осуществимыхъ... На выработку законовъ требуется время... Отложивъ разрѣшеніе вопросовъ, требующихъ законодательной санкціи, совѣщанію надлежитъ перейти къ разрѣшенію частныхъ вопросовъ, затронутыхъ и въ выставленныхъ рабочими требованіяхъ»... Обращаюсь къ вамъ «съ пожеланіемъ скорѣйшаго *перехода* отъ такихъ импульсовъ къ *дѣлу* и къ осуществленію возложенныхъ на васъ надеждъ и правительствомъ, и печатью, и общественнымъ мнѣніемъ. Нельзя забыть, что *общественное мнѣніе* имѣетъ въ настоящее время огромное значеніе... Министерство не желаетъ, да и по закону не облечено для этого властью стѣснять свободную волю промышленниковъ. Я не предъявляю къ вамъ никакихъ требованій и лишь предлагаю перейти отъ добрыхъ намѣреній къ плодотворному дѣлу. Не требованіе и насиліе, *не приказъ, а дружескій совѣтъ* осуществить выработанныя въ ихъ-же средѣ (? А. Е.) пожеланія должны усмотрѣть промышленники въ настоящемъ обращеніи къ нимъ министра финансовъ».

Краснорѣчіе министра финансовъ оказывало, однако, весьма слабое дѣйствіе. Промышленники всячески отпирались, ссылаясь на ожидаемые законодательные акты, а съ другой стороны тутъ-же заявляли, что нельзя принять одинаковыя мѣры для всѣхъ отраслей промышленности и т. д. Министръ финансовъ попробовалъ перейти къ иному тону и «*въ энергичной* рѣчи» [1]) заявилъ, что онъ и не предлагаетъ изобрѣсти универсальное средство для окончательнаго рѣшенія рабочаго вопроса, онъ только «хочетъ, чтобъ фабриканты согласно выраженному ими-же самими ранѣе желанію, выяснили, что они могутъ сдѣлать *теперь*... безъ участія законодательной санкціи».

Но и «энергія» министра не помогла. Не менѣе энергичные промышленники, очевидно, ободренные фактомъ непосредственнаго подавленія движенія 9-го января, твердо стояли на своемъ. Опять выступилъ лидерствовавшій и раньше директоръ Путиловскаго завода, Смирновъ, настаивая на томъ, что «частичныя уступки вредны». Онъ же выдвинулъ и новый пріемъ, чтобъ избавиться отъ приставаній министра финансовъ: надо, молъ, разбиться по группамъ (по отраслямъ производства) и такимъ путемъ обсудить вопросъ...

На томъ и разошлись. Мнѣніе правительства о поведеніи фабрикантовъ въ совѣщаніи 24-го января формулировали сами петербургскіе фабриканты и заводчики во вступительныхъ словахъ упомянутой уже записки, поданной 5-го февраля: «Совѣщаніе это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и было истолковано въ томъ смыслѣ, что представители промышленности *не желаютъ понять нуждъ и интересовъ рабочаго класса* и ожидаютъ лишь уступокъ рабочимъ и мѣръ со стороны правительства»...

Не прошло и мѣсяца, какъ позиція промышленниковъ обнаружилась недву-

---

[1]) Выраженіе „Горнозаводскаго Листка“, № 12—13, стр. 7634.

смысленно: 22-го февраля состоялось, подъ предсѣдательствомъ Глезмера, общее собраніе петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ для обсужденія плана дальнѣйшихъ дѣйствій въ виду закрытія комиссіи Шидловскаго. Собраніе рѣшило: нѣтъ основаній для дальнѣйшаго существованія «комиссіи фабрикантовъ и заводчиковъ»; поэтому остались *безъ разсмотрѣнія* докладныя записки по рабочему вопросу. Былъ тутъ формулированъ и мотивъ такого рѣшенія: «рабочее движеніе *постепенно затихаетъ* и стачки уже не носятъ того стихійнаго характера, какой имѣли раньше» [1])... Соображеніе откровенное, хотя и поспѣшное.

Такую позицію заняли не только петербургскіе промышленники. Южные горнопромышленники собрались 21 февраля на совѣщаніе, организованное ихъ совѣтомъ съѣздовъ. Совѣщаніе высказалось: 1) противъ всякаго сокращенія рабочаго времени на рудникахъ и безусловно противъ сокращенія его на заводахъ ниже 10-ти-часовой нормы, ибо «частныя предпріятія назначены для того, чтобы давать *хоть небольшую* прибыль вложеннымъ въ нихъ капиталамъ»; 2) противъ нормированія заработной платы, ибо она есть результатъ *свободнаго* соглашенія между предпринимателемъ и рабочимъ; 3) за сверхурочныя работы, какъ «непринудительныя»; 4) противъ платы за время забастовки; 5) противъ голоса особой комиссіи выборныхъ отъ рабочихъ въ дѣлѣ увольненія рабочихъ; 6) противъ участія рабочихъ въ опредѣленіи расцѣнокъ; 7) противъ отмѣны штрафовъ, «ибо въ такомъ случаѣ исчезаетъ всякая возможность воздѣйствовать на правильность отношенія рабочихъ къ своимъ обязанностямъ»; 8) противъ безплатнаго предоставленія квартиръ, отопленія и воды [2]).

Особенное негодованіе вызывало въ промышленныхъ кругахъ проектируемое Коковцевымъ введеніе 10-ти-часового рабочаго дня (для ночныхъ работъ 9-ти-часового).

Предсѣдатель Совѣта съѣзда южныхъ горнопромышленниковъ, ф.-Дитмаръ, выпустилъ обширную записку съ такими аргументами, какъ «не обосновано», «недостаточно, такъ какъ охватываетъ не всѣ категоріи рабочихъ» и пр. Комиссія Алмазнаго района донецкаго бассейна «вычислила», что 10-ти-часовой рабочій день подниметъ стоимость добычи угля до 0,4 коп. съ пуда. Записка петербургскаго Общества для содѣйствія и пр. тоже «вычислила», что 10 час. день увеличитъ расходы производства въ размѣрѣ 10—30 процентовъ заработной платы. Ясюковичъ и Вольскій нѣсколько позже тоже «высчитывали», что даже отъ введенія $10^1/_2$ часового рабочаго дня «выплавка чугуна удорожилась бы не менѣе, чѣмъ на 1,25 коп. съ пуда, а выдѣлка готоваго металла стала бы дороже даже на 5,5 коп. съ пуда. Число же рабочихъ необходимо было бы увеличить на 41,86%. А вообще примѣненіе министерскаго законопроекта въ жизни нашей южной металлургіи должно обойтись не дешевле 7.900.000 руб. въ годъ» [3]).

Не ограничивая своей борьбы «теоретической» аргументаціей, промышленныя организаціи мобилизовали свои силы и организовались для сопротивленія

---

[1]) „Горнозаводскій Листокъ“ № 12—13, стр. 7640.

[2]) См. „Труды“ 30-го съѣзда горнопром. юга Россіи.

[3]) См. „Труды“ 31 съѣзда горнопром. юга Россіи.

по всему фронту. Уполномоченный на это московскій биржевой комитетъ избралъ особую комиссію, которая въ засѣданіяхъ 14, 18, 22 и 28 февраля и 4 и 8 марта выработала планъ *«заключенія конвенціи* между фабрикантами на предметъ установленія для ея участниковъ перечня тѣхъ требованій, по которымъ *уступки не должны быть допускаемы»*. Установлены были пункты «насилія, которое должно быть безусловно караемо; среди нихъ»: 1) предъявленіе требованій скопомъ и большой толпой; 2) всякія угрозы и насилія по отношенію лицъ, желающихъ продолжать работу, и лицъ, желающихъ вновь за нее приняться; 3) всякое уничтоженіе и порча заводскаго имущества; къ такой же порчѣ относится и всякая неизбѣжная порча имущества, происходящая отъ внезапной остановки работъ.

Принято было 7 пунктовъ конвенціи между фабрикантами и заводчиками: 1) о рабочемъ днѣ—не сокращать, ждать рѣшенія въ законодательномъ порядкѣ; 2) оплата времени забастовки—«невозможна, ибо привела бы промышленность въ безвыходное положеніе»; 3) участіе рабочихъ въ опредѣленіи заработной платы и правилъ внутренняго распорядка невозможно, ибо это «элементы свободнаго договора между обѣими сторонами»; 4) не допустима комисія для увольненія рабочихъ съ участіемъ представителей отъ рабочихъ, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ; 5) отмѣна штрафовъ невозможна; 6) минимумъ заработной платы явился бы преміей для наиболѣе лѣнивыхъ рабочихъ и удорожилъ бы продукты за счетъ потребителей; 7) обязательныя сверхурочныя работы не поддаются нормировкѣ.

Въ заключеніи этой знаменательной «конвенціи», могущей составить весьма своеобразную рамку для одновременно составлявшихся тѣми же промышленниками либеральныхъ политическихъ записокъ, говорится: «Было бы несправедливо и *произвело бы дурное впечатлѣніе на рабочихъ*, если бы фабриканты, добиваясь извѣстной организаціи для себя, не высказались бы въ пользу допущенія таковой для рабочихъ», а потому «не входя въ детальное разсмотрѣніе частностей и *не предрѣшая вопроса объ ея формѣ*, признать организацію фабричныхъ рабочихъ *допустимою»*.....

Такимъ образомъ, промышленники были готовы къ дружной борьбѣ въ комиссіи Коковцева о рабочемъ законодательствѣ, первое (подготовительное) засѣданіе которой было назначено на 15-е марта. Не получивъ къ этому дню приглашенія въ комиссію, представители районовъ центральнаго, южнаго, петербургскаго, варшавскаго, рижскаго, кіевскаго, уральскаго, домбровскаго и бакинскаго, уже собравшіеся на предварительное засѣданіе при московскомъ биржевомъ комитетѣ, потеряли терпѣніе и отправили Коковцеву телеграмму съ выраженіемъ тревоги и опасенія, что «при обсужденіи столь сложнаго спеціальнаго вопроса безъ участія одной изъ наиболѣе заинтересованныхъ, вполнѣ компетентной стороны могутъ создаться трудно устранимыя бѣдствія въ будущемъ и нарушеніе нормальнаго теченія промышленной жизни».

Въ отвѣтъ была получена успокоительная телеграмма Коковцева: промышленникамъ «будетъ предоставлено широкое участіе въ трудахъ коммиссіи». Приглашены были выборные представители: отъ обоихъ столичныхъ комитетовъ торговли и мануфактуръ и отъ петербургскаго общества содѣйствія улучшенію

и развитію фабрично-заводской промышленности по 3 члена, отъ горнопромышленниковъ юга Россіи, царства Польскаго и Урала, отъ конторы желѣзозаводчиковъ, конторы золото и платинопромышленниковъ, отъ сахарозаводчиковъ, мукомоловъ, пивоваренныхъ заводчиковъ, металлозаводчиковъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ и отъ бакинскихъ нефтепромышленниковъ по 2 члена, а всего 62 представителя промышленности. Рабочихъ комиссія (послѣ опыта съ комиссіей Шидловскаго) рѣшила не приглашать, а какъ ознакомиться съ ихъ мнѣніями—«изыщетъ отдѣлъ промышленности».

Первое засѣданіе комиссіи (съ участіемъ промышленниковъ) состоялось 16-го марта; участвовало больше 130 человѣкъ. Оно открылось рѣчью Коковцева, который всячески старался найти *оправданіе* «рабочелюбію» правительства. «У насъ въ Россіи,—говорилъ, между прочимъ, министръ,—правительство.... занялось прежде всего созданіемъ наиболѣе благопріятныхъ условій для привлеченія частной предпріимчивости.... Важнѣйшимъ средствомъ для этого послужило таможенное покровительство и въ этомъ отношеніи правительство пошло *полною мѣрою* на встрѣчу интересамъ работодателей». Промышленники «издавна обладали «правомъ письменныхъ заявленій», участвовали въ правительственныхъ совѣщаніяхъ, имѣли и «объединенныя организаціи». «Ничего подобнаго не знали рабочіе, и забастовки были *единственнымъ*, хотя незаконнымъ для нихъ средствомъ обращать вниманіе работодателей и правительства на свое тяжелое положеніе.... Толчкомъ для ихъ осуществленія (законовъ о рабочихъ А. Е.) являлись большею частью именно забастовки. Такимъ образомъ предпринятыя правительствомъ теперь, вслѣдъ за безпорядками на фабрикахъ, работы по дальнѣйшему упорядоченію быта... отнюдь *не представляются чѣмъ либо необычнымъ*».

«Я считаю нужнымъ—подчеркивалъ министръ—остановиться на этомъ соображеніи *потому, что* правительству... *дѣлался упрекъ*, будто бы оно пошло на уступки рабочимъ безъ достаточной осмотрительности, съ одной лишь цѣлью—во что бы то ни стало достигнуть успокоенія, хотя бы цѣною интересовъ работодателей... Говорятъ, что теперешнее движеніе... вызвано исключительно политической пропагандой... Но не подлежитъ сомнѣнію, что пропаганда можетъ дѣйствовать столь успѣшно среди рабочихъ потому именно, что условія ихъ быта оказывались мѣстами крайне тяжелыми и неприглядными.... Какъ болѣзнь развивается въ организмѣ въ мѣстахъ наименьшаго сопротивленія, такъ и политическій недугъ всего легче находитъ себѣ почву въ средѣ людей обездоленныхъ, терпящихъ нужду и лишенія».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь Крестовниковъ тутъ же заявилъ отъ имени всѣхъ промышленниковъ: комиссія вызвана массовыми забастовками. Причиной ихъ является не столько экономическое положеніе рабочихъ, сколько «стороннія обстоятельства». «Общее крайне возбужденное состояніе всѣхъ классовъ» населенія... явленіе не требующее доказательствъ, а потому «разрѣшеніе намѣченныхъ законопроектовъ не послужитъ къ успокоенію рабочихъ... Работа эта будетъ подвергаться всякаго рода нападкамъ,.... такъ какъ въ ней не могутъ принять участіе рабочіе... Важно быть оріентированными относительно предположеній правительства... о свободѣ союзовъ». Въ заключеніе: «слѣдовало бы

придать работѣ значеніе *подготовительной* для внесенія ея въ предуказанное Высочайшимъ рескриптомъ отъ 18-го февраля учрежденіе».

Коковцевъ тотчасъ же успокоилъ промышленниковъ: проекты все равно будутъ отложены до созыва «учрежденія»; коммиссія «никакихъ иныхъ, кромѣ подготовительныхъ задачъ и не преслѣдуетъ... Какое законодательное учрежденіе будетъ функціонировать къ окончанію работъ комиссіи, предугадать трудно», но въ ней будутъ представлены ея работы.

Отъ своихъ прежнихъ требованій *немедленныхъ* уступокъ рабочимъ, не дожидаясь законодательныхъ мѣръ, Коковцевъ, очевидно, отказался. Бюрократія опять сдалась подъ напоромъ организованныхъ промышленниковъ.

Успокоенные промышленники могли перейти къ «подготовительнымъ» работамъ, которые ни къ чему не обязываютъ. Успѣли въ этомъ засѣданіи поговорить о статьяхъ, карающихъ за стачки. Отъ лица промышленниковъ говорили Нератовъ и Крестовниковъ: центръ тяжести въ *гражданской* отвѣтственности рабочихъ, и тутъ противъ фабрикантовъ и законъ, и фабричная инспекція, и мировые судьи, теперь хотятъ уничтожить и уголовную отвѣтственность— «послѣднее, что могло бы внушить страхъ». Отмѣнить ее можно при свободѣ стачекъ «какъ промышленниковъ, такъ и рабочихъ» и другихъ условіяхъ.

Это пожеланіе сводится къ узаконенію синдикатовъ и картелей—возразилъ Коковцевъ: но это не входитъ въ компетенцію коммиссіи [1]).

Слѣдующее засѣданіе назначено было на 20 апрѣля, но состоялось лишь 18-го мая, какъ увидимъ ниже. За этотъ промежутокъ времени борьба промышленниковъ противъ рабочаго законодательства сосредоточивается въ «*Совѣтѣ по горнопромышленнымъ дѣламъ*», гдѣ они имѣютъ *рѣшающій* голосъ.

Тутъ въ засѣданіи 24 марта представители промышленности поспѣшили указать на изданный министерствомъ финансомъ *циркуляръ* объ образованіи, въ промышленныхъ районахъ, *мѣстныхъ совѣщаній* по рабочему вопросу. Такъ какъ совѣщанія уже шли кое-гдѣ (съ участіемъ и не промышленниковъ) и одно изъ нихъ уже высказалось за 9-часовой рабочій день, то постановили: ходатайствовать о *немедленной отмѣнѣ циркуляра* [2]).

По вопросу о рабочемъ днѣ Ауэрбахъ, Авдаковъ и другіе протестовали противъ 10 часовой нормы министерскаго проекта: меньше 11 часовъ никакъ нельзя. Гукасовъ, представитель нефтепромышленниковъ, у которыхъ рабочіе уже отвоевали 9-часовой раб. день, заявилъ: «Слѣдуетъ считаться не только съ собственными интересами, но и съ интересами рабочихъ. Въ Баку сочли же возможнымъ установить 9 часовой раб. день... [3]). Нельзя въ самомъ дѣлѣ изъ рабочихъ сдѣлать, простите за выраженіе, рабочую скотину». Но всѣ поддержали Авдакова, а представитель московской промышленности даже высказался вообще противъ нормировки: «*взрослый человѣкъ* долженъ имѣть *право работать столько, сколько онъ хочетъ*» [4]).

---

[1]) „Нефтяное дѣло“ № 10 за 1905 годъ.

[2]) «Сынъ Отечества» 1905 г, № 32.

[3]) Надо прибавить: 9-часовой раб. день былъ введенъ еще въ февралѣ 1905 г. во всѣхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ январѣ въ мастерскихъ артиллерійскаго вѣдомства, а въ казенныхъ винныхъ складахъ существуетъ уже нѣсколько лѣтъ.

[4]) Тамъ-же.

Въ итогѣ Совѣтъ *отвергъ 26 марта большинство параграфовъ министерскаго проекта* о рабочемъ днѣ: отвергнута нормировка праздничнаго отдыха— «пусть это останется дѣломъ внутренняго распорядка каждаго предпріятія»; отвергнута нормировка сверхурочныхъ работъ: «предоставить взаимному соглашенію, иначе весь законъ будетъ въ ущербъ рабочимъ». Съ трудомъ представителю министерства В. И. Ковалевскому удалось отстоять § 15, устанавливающій нормы непрерывныхъ работъ.

По вопросу о свободѣ стачекъ въ Совѣтѣ также горячо критиковали довольно либеральный министерскій проектъ. Ясюковичъ: отмѣна стт. 1358,1358[1] 1358[3] устава о наказаніяхъ (карающихъ стачки рабочихъ) будетъ «уже не свобода, а поощреніе стачки... Если рабочія организаціи станутъ мощными— стачки въ ихъ рукахъ будутъ страшнымъ оружіемъ... поэтому пусть отвѣчаютъ частью своихъ средствъ». Гужонъ: «Русскіе рабочіе далеко еще не такіе... («культурные!» подсказываютъ ему)... культурные, чтобъ ихъ можно было освободить отъ мѣръ устрашенія. Нашъ рабочій все пропиваетъ—что съ него взыщешь? А между тѣмъ они вовсе не дѣти и отлично знаютъ, какой вредъ можетъ причинить остановка. Они будутъ нарочно это дѣлать... Нужно *уголовное наказаніе»* [1]).

Озлобленіе противъ заигрывающаго съ рабочими министерства финансовъ рѣзко вырвалось наружу при обсужденіи въ Совѣтѣ проекта государственнаго страхованія рабочихъ, особенно параграфа, по которому «завѣдываніе государственнымъ страхованіемъ возлагается... на министерство финансовъ»:

— «Кто угодно—только не министерство финансовъ, которое помѣститъ огромныя средства, собранныя съ промышленности, какъ ему заблагоразсудится... Получится косвенный заемъ—съ какой стати?!» Въ результатѣ отвергнуто слово «государственное» страхованіе, ибо государство въ немъ не участвуетъ, и постановлено сдать проектъ въ комиссію для коренной переработки [2]).

Къ предстоявшему продолженію занятій коммиссіи Коковцева промышленники дѣятельно готовились. А Совѣтъ съѣздовъ южныхъ горнопромышленниковъ далъ своимъ делегатамъ инструкцію добиться того, чтобы всѣ промышленники и вовсе *бойкотировали* эту ненавистную комиссію [3]).

Какъ встрѣченъ былъ этотъ планъ бойкота въ *закулисныхъ* совѣщаніяхъ представителей промышленныхъ организацій—мы не знаемъ. Но бойкотъ *былъ осуществленъ* дружно всѣми,—правда въ *замаскированной* формѣ: подъ флагомъ патріотической скорби, вызванной вѣстями о *Цусимскомъ* сраженіи... Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ эта красивая поза была выдержана промышленниками до конца.

18-го мая, какъ только открылось засѣданіе комиссіи, Крестовниковъ прочиталъ отъ имени всѣхъ промышленниковъ заявленіе: «Великое бѣдствіе, которое постигло наше отечество, не могло не отразиться на насъ всѣхъ самымъ тяжелымъ образомъ. Заниматься спокойнымъ обсужденіемъ вопросовъ нашей повседневной жизни, когда наше государство постигъ страшный уронъ, когда оно находится въ такомъ тяжеломъ положеніи, какъ теперь,—право, сверхъ силъ

---

[1]) «Сынъ Отечества» 1905 г. №№ 35,37.

[2]) Тамъ же, №№ 38,40.

[3]) См. «Труды» 30-го съѣзда южн. горнопром.

обыкновенныхъ людей... Мы сейчасъ заявляемъ, что по первому вашему требованію мы готовы возобновить нашу работу... но тревожное настроеніе, вызванное послѣдними событіями на Дальнемъ Востокѣ, въ связи съ тѣмъ, что происходитъ въ Польшѣ, Литвѣ, на Кавказѣ и др. мѣстахъ Россіи, приводитъ насъ въ такое нервное настроеніе, что право же нѣтъ никакой возможности обсуждать эти вопросы... Позвольте отсрочить это засѣданіе до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ... Откладывая комиссію, мы ровно ничего не упустимъ. Если то громадное бѣдствіе, которое постигло Россію, не успокоитъ и *не образумитъ нашихъ рабочихъ, которые и въ настоящее время продолжаютъ свои смуты*, то во всякомъ случаѣ *не тѣ законы, которые мы вырабатываемъ и придумываемъ, будутъ въ состояніи ихъ успокоить*»...

Вливъ послѣднимъ заявленіемъ здоровую ложку классоваго эгоистическаго дегтя [1]) въ бочку національно-патріотическаго меда, представитель промышленниковъ заявилъ, что промышленники покидаютъ и совѣщаніе о промысловомъ налогѣ, происходившее одновременно съ комиссіей по рабочему вопросу.

Коковцевъ попробовалъ возразить: рабочій вопросъ—«животрепещущій»; кромѣ того «тѣ, которые ждутъ и ждутъ съ напряженнымъ вниманіемъ... эти милліоны рабочихъ могутъ и не проникнуть въ нашу душу и не раздѣлить того настроенія, которое мы переживаемъ... Поэтому надо взвѣсить, не лучше-ли поработать 2—3 дня», ибо «не столько я, сколько вы выслушаете слова укора' и укоръ этотъ можетъ оказаться для васъ очень тяжелымъ».

Въ отвѣтъ на это Крестовниковъ, повидимому, не подготовленный съ этой стороны, опять нарушилъ цѣльность торжественнаго патріотическаго выступленія промышленныхъ дѣятелей. «*Вопросъ о рабочемъ времени*—отвѣтилъ онъ, между прочимъ, есть вопросъ о томъ, насколько Россія или Русское государство должны работать; а *работать, по нашему мнѣнію, оно* [2]) *должно очень много*, по тому что Россія отстала отъ всѣхъ государствъ, отстала по всѣмъ отраслямъ»... «Но не время теперь—спохватился подъ конецъ Крестовниковъ—сводить между собою разные счеты, можетъ быть мелочные, можетъ быть крупные».

Какъ ни уговаривалъ Коковцевъ, какъ ни думалъ измѣнить рѣшеніе промышленниковъ, назначивъ перерывъ засѣданія, они оставались непоколебимыми въ своемъ «патріотическомъ» порывѣ [3])... Коммиссія опять была отсрочена Въ предвидѣніи, однако, возможнаго ея возобновленія, промышленники подали 20-го мая Коковцеву, за подписью представителей всѣхъ организацій, новое заявленіе: они,—молъ, «предполагали, что имъ будетъ предложено обсужденіе рабочаго вопроса во всемъ его объемѣ». Между тѣмъ «изъ 7 намѣченныхъ къ

---

[1]) Въ иномъ родѣ, но того же дегтя прибавляетъ Совѣтъ съѣздовъ южныхъ горнопромышленниковъ въ своемъ докладѣ 31-му съѣзду, когда говоритъ, что промышленники должны были уйти, «такъ какъ положеніе дѣлъ и неустойчивое настроеніе рабочихъ массъ *требовало присутствія ихъ на мѣстахъ*".

2) Характерная для лидера промышленниковъ игра словъ.

[3]) Въ то же время тутъ же, на Совѣщаніи, ходила по рукамъ записка Петербургскаго Общества фабрикантовъ съ жалобами на правительство, обирающее предпринимателей ради интересовъ „порядка", и съ выводомъ, что надо оттянуть, чтобъ не дать лишняго въ моментъ всеобщаго возбужденія.

разсмотрѣнію вопросовъ... предложено обсудить только два [1]) и то уже въ значительной мѣрѣ разрѣшенныхъ самою жизнью», а потому «неспособныхъ внести въ рабочую среду успокоеніе»; а потому просятъ, «чтобъ ко второму созыву коммиссіи были разработаны всѣ законопроекты... чтобы обсудить рабочій вопросъ во всемъ объемѣ... послѣ чего перейти къ обсужденію отдѣльныхъ частей, изъ коихъ на первомъ планѣ необходимо поставить вопросъ о свободѣ союзовъ, въ связи съ общимъ для всей Россіи вопросомъ о неприкосновенности личности и жилища».

Словомъ, промышленники сдѣлали все, что могли, чтобъ, во-первыхъ, *оттянуть*, *елико* возможно, осуществленіе мѣръ въ защиту труда, во-вторыхъ, по возможности подставить на ихъ мѣсто мѣры *политическаго* характера.

III. Отношеніе къ Госуд. Думѣ. Партійныя образованія въ средѣ крупной буржуазіи.

Ко времени наступленія второй половины 1905 года выступленія промышленныхъ организацій начинаютъ все больше вращаться около одного конкретнаго пункта—созыва *народнаго представительства*, проектъ положенія котораго должна была выработать комиссія Булыгина. Привыкши до сихъ поръ, въ теченіе десятилѣтій, къ систематическому «участію въ дѣлахъ управленія, касающихся интересовъ торговли и промышленности» [2]), промышленники, конечно, не могли относиться безразлично къ тому, какъ будетъ составленъ новый органъ государственнаго управленія. Тутъ прежде всего проявляется забота промышленной буржуазіи о томъ, чтобъ этотъ узелъ новыхъ формъ жизни былъ завязанъ не безъ *ея* активнаго участія. И въ этой заботѣ чаще всего сказывается старый духъ *узко-групповыхъ* вожделѣній.

Еще въ февралѣ 1905 года во всеподданнѣйшемъ адресѣ московскаго «торгово-промышленнаго сословія» говорилось о «призывѣ къ работѣ въ области государственной дѣятельности подданныхъ Вашихъ, *объединенныхъ родомъ своихъ занятій*, въ лицѣ ихъ избранниковъ, опытомъ ознакомленныхъ съ насущными потребностями народной жизни... Торгово-промышленное сословіе... съ готовностью принесетъ свои силы и знанія служенію, согласно предуказаніямъ Вашимъ, на пользу отечества».

На той же точкѣ зрѣнія олигархическаго представительства владѣющихъ классовъ стояла и петиція, поданная Булыгину 19 марта 1905 года, *отъ всѣхъ промышленныхъ организацій*, особой депутаціей изъ генераловъ отъ промышленности— С. Морозова, Э. Нобеля и П. Авдакова. Эта петиція заявляетъ: «Правильность и успѣшность осуществленія задачи (булыгинской комиссіи) зависитъ отъ того, насколько полно будутъ представлены въ этомъ совѣщаніи *главнѣйшія* группы населенія». Далѣе доказывается «весьма важное мѣсто», занимаемое русской промышленностью въ жизни государства и общества, нужды которой не могутъ быть выражены представителями земства и городовъ; затѣмъ идетъ ходатайство: «призвать къ участію въ совѣщаніи представителей промышленности въ такомъ числѣ, которое соотвѣтствовало бы ея важному значенію въ жизни Россіи... Представителями отъ промышленности должны явиться выборныя лица

---

[1]) 10-ти-часовой рабочій день и законъ о стачкахъ.

[2]) См. томъ I, стр. 318, 321 и др.

отъ тѣхъ совѣщательныхъ учрежденій, на которыя нынѣ возложены закономъ выраженіе и защита интересовъ соотвѣтственныхъ промышленныхъ раіоновъ или отдѣльныхъ отраслей промышленности». И больше ничего не сочли нужнымъ заявить промышленники объ условіяхъ работы Булыгинской комиссіи.

Это узко-групповое ходатайство подписано чуть не всей гвардіей крупно-промышленной арміи. Тутъ имена С. Морозова, Четверикова, Крестовникова, Коновалова, Рябушинскаго, Авдакова, Норпе, Ясюковича, Нобеля, Гукасова, Глезмера, В. Жуковскаго и многихъ другихъ.

Булыгинъ отвѣтилъ депутаціи, что «обязательно будутъ приглашены выборные отъ всѣхъ промышленныхъ учрежденій Россійской Имперіи».

Кромѣ этого общаго классоваго ходатайства послѣдовалъ рядъ частныхъ. Такъ, въ мартѣ же послана Булыгину телеграмма отъ *самарскаго* биржевого общества, какъ «стоящаго во главѣ торговаго раіона съ населеніемъ больше 7 милліоновъ, знающаго его нужды» и потому ходатайствующаго о разрѣшеніи прислать своего уполномоченнаго въ совѣщаніе. Тогда же и о томъ же послано ходатайство отъ *симбирскаго* биржевого собранія.

Еще яснѣе обозначена олигархическая позиція крупной буржуазіи въ запискѣ *южныхъ горнопромышленниковъ* (въ томъ же мартѣ). Здѣсь прямо говорится о выборныхъ «*отъ существующихъ уже* общественныхъ организацій— земствъ, городовъ, промышленныхъ группъ и ученыхъ корпорацій», т. е. о той системѣ, которая лежитъ теперь въ основѣ выборовъ въ Государственный Совѣтъ.

Очевидно, если не считать тѣ моменты, когда промышленныя организаціи видѣли себя *вынужденными*, подъ давленіемъ внѣшнихъ силъ, высказываться за всеобщее избирательное право, онѣ, не исключая и тѣхъ, которыя за него высказались, въ сущности мечтали именно о цензовомъ представительствѣ господствующихъ классовъ.

Когда впослѣдствіи они такое представительство получили въ Государственномъ Совѣтѣ, то ни одного слова протеста не раздалось изъ ихъ среды противъ самой системы. Они жаловались только на недостаточность *числа* и рода ихъ представителей въ верхней палатѣ. Объ этомъ они подавали неоднократно ходатайства [1]), объ этомъ не переставала говорить ихъ пресса. Такъ, «Горнозаводскій Листокъ» жаловался [2]) на то, что выбираютъ въ Государственный Совѣтъ старыя оффиціальныя учрежденія (комитеты торговли и мануфактуръ), а не новыя (съѣзды), говоря: «По мнѣнію офиціальной записки... услуги, оказанныя съѣздами промышленности, многообразны и значительны... содѣйствіе, оказанное ими правительству... не подлежитъ сомнѣнію и, однако, они почему-то по характеру и составу являются наименѣе отвѣчающими нуждамъ промышленнаго представительства. Странная логика!.. Можетъ быть, чиновникъ, составлявшій проектъ положенія о Государственномъ Совѣтѣ, ничего не слыхалъ о съѣздахъ»?..

На самомъ дѣлѣ причина какъ указанной непослѣдовательности, такъ и сравнительно малаго числа (12) представителей промышленности, введенныхъ въ верхнюю палату, лежитъ, конечно, не столько въ недостаткахъ канцеля-

---

[1]) Напримѣръ 29-го декабря 1905 года записка представителей 13 промышленныхъ организацій.

[2]) № 9 за 1906 годъ.

*

скаго творчества бюрократіи, сколько въ ея сознательной и интимной большей близости въ данный моментъ къ другому господствующему классу—помѣстному дворянству.

По мѣрѣ роста народнаго движенія промышленникамъ приходится занять то или иное положеніе въ вопросѣ о *предѣлѣ правъ* проектируемаго представительства.

Въ іюнѣ московское биржевое общество горячо дебатировало вопросъ о совѣщательныхъ или законодательныхъ функціяхъ Госуд. Думы. Значительное *большинство* высказалось на собраніи 2 іюня за *совѣщательную* Думу. На это былъ заявленъ протестъ меньшинства собранія, содержащій слѣдующую характерную мотивировку: «Ежели бы можно было допустить такую форму рѣшенія государственныхъ вопросовъ, что царь самодержавный пріѣзжаетъ въ народную думу, держитъ совѣтъ съ выборными своего народа и, по выясненіи вопроса, полагаетъ свое Царево рѣшеніе, то, вѣроятно, *никто бы противъ совѣщательной роли* народнаго представительства *не сталъ возражать*» [1]) и т. д. Подписанъ протестъ 14 выборными биржевого общества (П. Рябушинскій, И. Морозовъ, В. Бахрушинъ и др.).

Въ іюнѣ самарскій биржевой комитетъ беретъ тонъ довольно необычный въ средѣ промышленныхъ организацій: комитетъ разослалъ другимъ биржевымъ комитетамъ циркуляръ по поводу «возвышенія цѣнъ на нефть за 2 года на 100% вслѣдствіе народныхъ волненій, забастовокъ рабочихъ». Въ циркулярѣ говорится: «единственное средство успокоенія... въ Баку состоитъ въ изъятіи полиціи изъ вѣдѣнія губернатора и отдачѣ въ распоряженіе городского самоуправленія, въ организаціи въ Баку народной милиціи, немедленномъ созывѣ народныхъ представителей и переходѣ Россіи къ другому политическому строю, но не по проекту министра А. Г. Булыгина, а на основаніи *всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ*, при условіи свободы слова, собраній, союзовъ, печати, неприкосновенности личности, жилища» [2]).

Еще рѣшительнѣе добавленіе къ этому циркуляру, сдѣланное при отправкѣ его въ Казанскую биржу: тутъ выражается «надежда, что путемъ переписки или путемъ обмѣна мнѣній на общемъ съѣздѣ можно будетъ выработать способы *добиться* осуществленія необходимой реформы. Очевидно, ни ходатайства, ни резолюціи, ни даже депутаціи не достигаютъ цѣли. Приходится обратиться *къ изысканію другихъ способовъ*» [3]).

Эта мысль о съѣздѣ для «изысканія другихъ способовъ» не встрѣтила, однако, сочувствія въ промышленной средѣ и прежде всего въ московскомъ биржевомъ обществѣ, куда самарцы попробовали обратиться съ предложеніемъ созыва съѣзда. Такимъ образомъ излишне стало доносительское усердіе «Московскихъ Вѣдомостей», поднявшихъ крикъ о «бредѣ съ жиру взбѣсившихся самарскихъ биржевиковъ» и приглашавшихъ «губернскую высшую власть и жандармское управленіе... пресѣкать зло въ корнѣ и наказать лицъ за злодѣй-

---

[1]) Право № 30 за 1905 р.

[2]) „Промышленный міръ“ 1905 г., № 25.

[3]) „Промышленный міръ“ 1905 г., № 30.

скія покушенія, клонящіяся къ возмущенію всего торговаго сословія въ Россіи въ сторону революціонеровъ».

Аналогичный окрикъ встрѣтило вскорѣ послѣ того и постановленіе (въ іюлѣ) московской хлѣбной биржи, заявлявшее, что «для успокоенія страны» необходимы скорѣйшій созывъ государственной думы, приглашеніе въ комиссію Булыгина выборныхъ отъ земствъ, городовъ и др., неприкосновенность ихъ личности, гласность работъ этой комиссіи и пр. Отвѣтъ министра финансовъ гласилъ: хотатайство это, выраженное въ формѣ категорическаго требованія и къ тому же совершенно не обоснованное, не входитъ кромѣ того въ кругъ дѣятельности биржи... [1]).

Въ дальнѣйшемъ, чѣмъ выше поднимается барометръ общенароднаго движенія, чѣмъ энергичнѣе и смѣлѣе напоръ низовъ, чѣмъ безпомощнѣе и растерянѣе органы власти, тѣмъ чаще случаи конституціоннаго размаха въ средѣ промышленной буржуазіи.

Въ моментъ наивысшаго напряженія революціонной волны, въ самый разгаръ октябрьской всеобщей забастовки, комиссія, избранная московскими фабрикантами, дѣлаетъ представленіе генералъ-губернатору о нежелательности введенія военнаго положенія въ Москвѣ, о необходимости дать рабочимъ возможность свободно обсуждать свои нужды въ помѣщеніяхъ фабрикъ, «даровать русскому народу основныя свободы и реорганизовать положеніе о Государственной Думѣ на *конституціонныхъ* началахъ» [2]).

Въ это же время, передъ самымъ днемъ 17-го октября, въ Нижегородскомъ биржевомъ комитетѣ читается заявленіе, гдѣ говорится: «жить такъ больше нельзя, порядокъ нуженъ всѣмъ намъ, какъ воздухъ. Единственный исходъ... только въ *неотложномъ немедленномъ* проведеніи реформы: въ созывѣ народнаго представительства съ законодательной властью, основаннаго на всеобщемъ избирательномъ правѣ... Теперь, когда мы стоимъ, повидимому, передъ лицомъ полной революціи, мы, какъ умѣренные элементы, вновь должны... умолять правительство» и пр. [3]).

Впечатлѣніе мощнаго октябрьскаго движенія было такъ сильно, что конституціонный размахъ *нѣкоторыхъ* круговъ промышленной буржуазіи продолжался и послѣ 17-го октября, когда только что достигнутая высшая степень уступчивости старой власти еще увеличивала впечатлѣніе ея безсилія. Такъ, 20-го октября нижегородское биржевое общество послало въ Петергофъ благодарственную телеграмму по поводу манифеста, гдѣ выражаетъ увѣренность въ скорѣйшемъ упроченіи конституціи на началахъ всеобщаго избирательнаго права и въ дарованіи амнистіи [4]).

20-го же октября контора желѣзозаводчиковъ отправила записку съ выраженіемъ *недовѣрія самому Витте*. Цитируя слова Витте о «прямотѣ и искренности» (изъ его доклада, одобреннаго 17-го октября), записка заявляетъ: «мы не можемъ не выразить вашему сіятельству прямо и искренно, что между сло-

---

[1]) „Право“ 1905 г., № 30.

[2]) „Право“, приложеніе къ № 45—46 за 1905 г., стр. 54.

[3]) „Нижегородскій листокъ“, 18 октября 1905 г.

[4]) „Нижегородскій листокъ“ 22 октября 1905 года.

вомъ и дѣломъ существуетъ огромное разстояніе». Контора «жаждала бы видѣть *доказательства* сей прямоты и искренности правительства въ актахъ 17 октября. Мы должны прямо заявить: *Россія вѣритъ только фактамъ; ея кровь и ея нищета не позволяютъ уже вѣрить словамъ*». Далѣе записка требуетъ «полной амнистіи, безъ всякихъ оговорокъ, лицамъ, пострадавшимъ по политическимъ дѣламъ», «констатируетъ фактъ, что со стороны *борцовъ за свободу и счастіе русскаго народа* проявленіе насилій было крайне ограничено и что масса народная дѣйствовала *съ соблюденіемъ неслыханной дисциплины*», проситъ объ отмѣнѣ исключительныхъ положеній, заявляетъ, что «должна быть покинута прямо и искренно система подпорокъ къ завѣдомо негоднымъ зданіямъ»; въ заключеніе, дѣлается цитированное уже заявленіе, что «контора желѣзозаводчиковъ, далеко не поклонница всеобщаго избирательнаго права», видитъ себя вынужденною просить «исходатайствовать безотлагательно актъ» о выборахъ «всеобщимъ голосованіемъ».

Но въ общемъ и цѣломъ надо считать *вторую половину октября поворотнымъ пунктомъ* въ настроеніи крупно-промышленныхъ круговъ. Съ этого времени термометръ ихъ оппозиціоннаго жара падаетъ, сначала медленно, потомъ все стремительнѣе. Съ одной стороны, этимъ «умѣреннымъ элементамъ» уступки и обѣщанія, содержащіяся въ манифестѣ 17 октября, казались вполнѣ достаточными. Съ другой стороны, къ этому времени движеніе, очевидно, все болѣе становится втупикъ передъ вопросомъ о дальнѣйшемъ планѣ дѣйствій и все болѣе проявляетъ безсиліе неорганизованной стихіи, даже нѣкоторую растерянность. Въ той же мѣрѣ начинаетъ собираться съ силами старая власть, которая дерзаетъ все больше и больше. И вотъ «умѣренные элементы» все менѣе видятъ себя «вынужденными» не только требовать всеобщаго избирательнаго права, но даже вообще поддерживать оставшіяся въ силѣ общенародныя требованія. *На фонѣ этого измѣнившагося настроенія*, совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ раньше, производятъ на промышленную буржуазію вторая и третья всеобщія забастовки, въ особенности попытка ввести немедленно революціоннымъ путемъ 8-часовой рабочій день.

Этотъ знаменательный поворотъ, начавшись съ мало замѣтныхъ проявленій, къ концу 1905 года развертывается во всю и быстро возвращаетъ крупно-промышленную буржуазію въ ряды союзниковъ правительственной власти.

Началось съ представителей банковъ. Еще 13-го октября въ Москвѣ на собраніи *банкировъ*, куда представители прессы не были допущены, большинство высказалось за введеніе военнаго положенія [1]) и убѣждало министра финансовъ не поддаваться запугиваніямъ забастовщиковъ. Банковые круги вообще были весьма впечатлительны и нервно реагировали на бурный ходъ событій. Манифестъ 17 октября сначала вызвалъ на биржѣ взрывъ восторга: фонды и дивидендныя бумаги сдѣлали рѣзкій скачокъ вверхъ, ибо на нихъ появился огромный спросъ со стороны спекулирующей публики, готовой видѣть въ манифестѣ конецъ всѣхъ невзгодъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Но это продолжалось недолго.

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1905 г. № 269. За то-же высказалась часть собранія фабрикантовъ московск. района того-же 13 октября.

Уже контрреволюціонная волна во второй половинѣ октября вызвала на биржѣ тревогу. Хотя биржа и возвела Витте въ спасителя отечества, но кронштатскія событія, военное положеніе въ Польшѣ и вторая забастовка вызвали настоящую панику. Бумаги стремительно выбрасывались на рынокъ. Испугавшіеся за цѣлость своихъ on call'ныхъ счетовъ банкиры стали «экзекутировать» своихъ кліентовъ, не внесшихъ доплатъ по ссудамъ, что еще больше усиливало панику. Въ биржевыхъ сферахъ раздавались стоны и проклятія по адресу «виновниковъ» событій,—особенно доставалось забастовщикамъ [1]).

То-же настроеніе постепенно охватывало и другіе слои крупной буржазіи. Стоящіе всегда на ея крайнемъ правомъ флангѣ *южные горнопромышленники* 10-го ноября сочли нужнымъ послать Витте подписанную болѣе чѣмъ 100 фирмами телеграмму съ выраженіемъ довѣрія. Такую же телеграмму послалъ Витте и *костромской комитетъ торговли и мануфактуръ* въ соединенномъ засѣданіи съ представителями промышленности костромской губерніи: телеграмма признавала, что невозможно въ короткій срокъ рѣшить сложнѣйшія задачи, выражала Витте полнѣйшее довѣріе и обѣщаніе поддержки.

Въ томъ же ноябрѣ *московское биржевое общество* телеграфировало Витте между прочимъ: «мужайтесь, доводите дѣло до конца, до образованія гос. думы на основаніи манифеста 17-го октября... Требованія крайнихъ партій не должны смущать правительство». Аналогичныя телеграммы послали биржевые комитеты самарскій, царицынскій, рыбинскій и др.

Разгромъ декабрьскихъ возстаній еще больше отбросилъ промышленную буржуазію въ сторону отъ оппозиціонныхъ рядовъ общества, а то и въ лагерь реакціи. Съ этого времени *совершенно прекращаются* либеральныя политическія выступленія промышленныхъ организацій. Онѣ возвращаются въ *старое русло* дореволюціонныхъ методовъ дѣятельности своей, да еще сосредоточиваютъ свою энергію на новомъ дѣлѣ—организаціи своихъ силъ для *непосредственной* борьбы съ рабочимъ движеніемъ. Объ этомъ подробнѣе ниже.

Теперь замѣтимъ только, что уже въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 года въ Петербургѣ частные заводы поддерживаютъ реакцію, выбрасывая своихъ рабочихъ параллельно съ выбрасываніемъ ихъ изъ казенныхъ заводовъ. Съ этого времени на разбитый реакціей рабочій классъ обрушивается и промышленная буржуазія рядомъ *локаутовъ*. По всей линіи идетъ походъ на рабочихъ, у которыхъ, подъ прикрытіемъ торжествующей реакціи, отнимаются экономическія пріобрѣтенія революціоннаго года. Со временемъ разрывъ съ оппозиціей идетъ еще дальше—вплоть даже до такихъ, хотя бы и единичныхъ, явленій, что администрація завода (напримѣръ, завода «Старая Баварія») насильно удерживаетъ изъ заработка рабочихъ деньги въ пользу «союза русскаго народа [2])»...

Въ общемъ и цѣломъ, съ конца 1905 года крупная буржуазія возвращается къ старому взаимоотношенію съ самовластной бюрократіей. Если, съ одной стороны, промышленные круги, отвернувшись отъ оппозиціи, этимъ оказали *значительную поддержку бюрократіи*, давъ ей *почувствовать подъ ногами почву*

---

[1]) См. „Промышленный Міръ“ 1905 г.

[2]) „Рабочій по металлу“ № 6.

и быстро оправиться. то съ другой—оправившаяся бюрократія показала, что, при наличности благопріятныхъ для нея условій, на время вполнѣ *возможно «репрессіями остановить движеніе»*, вопреки всѣмъ страхамъ, охватившимъ «желѣзныхъ» и иныхъ промышленниковъ въ началѣ 1905 года. И буржуазія не замедлила учесть этотъ урокъ 1905 года въ своемъ настроеніи.

Въ самый разгаръ революціоннаго движенія промышленные круги не преминули сдѣлать рядъ попытокъ спеціальныхъ *партійныхъ* образованій. Разсчитанныя на уловленіе избирателей, программы этихъ промышленныхъ партій, естественно, приноравливались, сколько могли, къ доминировавшимъ тогда запросамъ и требованіямъ. Самыя партіи оказались *недолговѣчными*. Первая попытка этого рода относится еще къ іюню 1905 года, когда въ средѣ петербургскихъ промышленниковъ былъ поднятъ вопросъ объ организаціи *торгово-промышленной партіи*. Были отправлены делегаты въ Москву, чтобы просить московскій биржевой комитетъ взять на себя иниціативу созыва съѣзда промышленниковъ и торговцевъ. Съѣздъ состоялся 4—6 іюля; онъ избралъ особое бюро изъ 22 человѣкъ для дальнѣйшей разработки вопроса. «Политическій союзъ однако не имѣлъ видовъ на успѣхъ, и бюро рѣшило покинуть мысль о политическомъ союзѣ и ограничиться исключительно экономической стороною единенія»—разсказываетъ предсѣдатель бюро, М. Норпе [1]).

Бюро іюльскаго съѣзда промышленниковъ, въ которое входили графъ А. Бобринскій, Вольскій, Глезмеръ, Гужонъ, Коноваловъ, Нобель, Рябушинскій, Триполитовъ и другіе, попыталось въ іюлѣ же достигнуть координаціи дѣйствій промышленнаго съѣзда съ засѣдавшимъ тогда въ Москвѣ съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, но почвы для такой координаціи не оказалось. Попытка, потерпѣвъ фіаско, была возобновлена въ сентябрѣ во время слѣдующаго земскаго съѣзда путемъ переговоровъ Норпе, Рябушинскаго и др. съ одной стороны, Головина, Вернадскаго, князя Д. И. Шаховского—съ другой. «Однако—говоритъ «Горнозаводскій Листокъ»—14-го сентября состоялся въ Москвѣ земскій съѣздъ, постановленія котораго по вопросамъ финансовымъ и экономическимъ составлены безъ всякаго вниманія къ интересамъ заинтересованныхъ лицъ и учрежденій [2]), *рѣзко задѣвая интересы промышленности и торговли»* [3]). Выяснилось, что *о соглашеніи* между обоими съѣздами—промышленнымъ и земско-городскимъ—*рѣчи быть не можетъ*. Больше попытокъ въ этомъ направленіи уже не дѣлалось.

Хотя совершенно правъ былъ Норпе, когда говорилъ, что политическій союзъ промышленниковъ «не имѣлъ видовъ на успѣхъ» въ смыслѣ привлеченія другихъ элементовъ, однако партійныя образованія все таки возникали. То-же бюро съ Норпе во главѣ выработало все таки программу *«прогрессивной партіи русскихъ промышленниковъ и торговцевъ»* и опубликовало ее въ октябрѣ [4]).

---

[1]) Докладъ 12 го января 1906 г. на съѣздѣ „Союза промышленныхъ и торговыхъ предпріятій Россіи".

[2]) Сентябрьскій съѣздъ принялъ кадетскую программу по аграрному вопросу, 8-часовой раб. день. и пр.

[3]) 1905 годъ, № 41.

[4]) „Торгово-промышленная газета" № 235.

Тогда-же была опубликована [1]) программа и другой петербургской партіи «*прогрессивно-экономической*». Ядромъ, изъ котораго образовалась послѣдняя, было дѣятельное петербургское «Общество для содѣйствія улучшенію и пр.», выдѣлившее изъ себя партійный центръ. Знамя прогрессивно-экономической партіи—«Свобода, знаніе, трудъ»; оттѣнокъ—умѣренно-конституціонный. Эту партію вдохновляетъ въ прошломъ фигура Петра Великаго, «истиннаго выразителя серьезнаго, дѣлового, патріотическаго настроенія». Особенно настаиваетъ она на развитіи торговопромышленной дѣятельности, на покровительствѣ отечественной промышленности (доступный кредитъ, пути сообщенія, таможенный протекціонизмъ, казенные заказы только русскимъ фабрикамъ и заводамъ). Обѣ программы весьма близки другъ къ другу: московская сравнительно демократичнѣе; петербургская больше проникнута протекціонизмомъ. Въ политическомъ отдѣлѣ программы *обходится* вопросъ о размѣрѣ правъ народнаго представительства и объ избирательномъ правѣ. Въ экономической части устраняется законодательное ограниченіе рабочаго времени взрослыхъ мужчинъ. Въ отдѣлѣ «рабочій вопросъ» фигурируетъ такой пунктъ: «предоставленіе фабрично-заводскимъ и инымъ промысловымъ рабочимъ права и возможности общественной и политической дѣятельности *въ соотвѣтствіи съ сельскимъ населеніемъ*».

Верхи промышленной буржуазіи участвовали и въ «*партіи правоваго порядка*», организовавшейся 15-го октября [2]): здѣсь выставлялись идеи сильной государственной власти, усовершенствованія военныхъ силъ; также обходился вопросъ о функціяхъ народнаго представительства и объ избирательномъ законѣ.

Въ концѣ года, однако, опять какимъ-то образомъ воскресаетъ «торговопромышленная партія»—воскресаетъ, конечно, только на бумагѣ. Отъ имени этой партіи выпущено въ ноябрѣ *воззваніе* «Къ избирателямъ въ Государственную Думу» за подписью 87 лицъ, среди которыхъ фигурируютъ всѣ звѣзды первой величины московскаго промышленнаго небосклона [3]). Указавъ на сплоченность крайнихъ партій, воззваніе ратуетъ за необходимость «быстро соединиться лицамъ правопорядка», какъ *опоръ «сильной правительственной власти*, безъ которой немыслимо успокоеніе», и затѣмъ формулируетъ программу партіи. Ея пункты: I. «Полное содѣйствіе правительству по проведенію въ жизнь началъ 17-го октября и по огражденію закономѣрнаго порядка». II. «Сохраненіе цѣлости Россіи». III. «Регулированіе (!? А. Е.) дарованныхъ манифестомъ 17-го октября правъ... законами, гарантирующими цѣлость государства и ограждающими какъ личность отдѣльныхъ гражданъ, такъ и вообще населеніе». Въ отдѣлѣ IV («Созидательная дѣятельность Госуд. Думы») фигурируютъ большею частью туманныя фразы, вродѣ: «Развитіе мѣстнаго самоуправленія», «заботы объ усиленіи производительности земли и развитіи всѣхъ родовъ промышленной дѣятельности», «коренной пересмотръ (?! А. Е.) дѣйствующаго рабочаго законодательства» и т. д.

---

[1]) Ibidem № 231.

[2]) Въ комитетѣ ея участвовали нѣкоторые промышленники (Виссендорфъ и др.).

[3]) Крестовниковъ, Якунчиковъ, Рябушинскіе, Баршевъ, Коншины, Бахрушины, Кнопы, Морозовы, Листъ, Арманъ, Коноваловъ, Корзинкинъ, Прохоровы, Кузнецовъ, Бѣляевъ, Дербеневы, Мальцевъ, Кокоревъ и др.

Замѣчательно, что «Воззваніе къ предстоящимъ выборамъ въ Госуд. Думу» выпустила еще раньше (21 октября) «прогрессивно-экономическая партія» (петербургская). Такимъ образомъ промышленники едва-ли не *раньше всѣхъ* другихъ слоевъ начали предвыборную кампанію, пытались жать тамъ, гдѣ не сѣяли. До избирательной жатвы, однако, было еще далеко. И торговопромышленная партія, въ лицѣ ея «Комитета», скоро опять выплываетъ наружу, но въ совершенно иной «кампаніи».

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ московскихъ газетахъ напечатано было [1]) объявленіе этого комитета о пріемѣ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ во время декабрьскихъ событій воиновъ, полицейскихъ чиновъ и обывателей. Для пріема пожертвованій указаны адреса крупныхъ фирмъ [2]). Тотъ же «Комитетъ» участвовалъ въ «*блокѣ правыхъ партій*» въ Москвѣ, наряду съ комитетами союза 17-го октября, партіи правового порядка и умѣренно-прогрессивной партіи. Блокъ выпустилъ въ декабрѣ воззваніе противъ забастовщиковъ, гдѣ говорится, что кровь всюду проливаютъ не правительство, а революціонеры и т. под. въ томъ же духѣ.

Кончилась революція—исчезли всѣ «партіи» торговопромышленныхъ дѣятелей. Эти партійныя образованія были, прежде всего, принаровлены къ перспективѣ грядущаго народнаго представительства, какъ *властной, рѣшающей силы*. Съ побѣдой реакціи эта перспектива потускнѣла,—вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла свою остроту надобность въ партійныхъ образованіяхъ. Не надобно стало партій еще и потому, что, въ сущности, вся крупно-промышленная буржуазія *фактически составляетъ*, можно сказать, *одну партію*, и ея организованные кадры давно существуютъ и дѣйствуютъ уже много лѣтъ. Правда, Норпе и другіе промышленники всегда увѣряютъ, что они изъ своей организаціи устранили элементъ «политики», но въ дѣйствительности устранена здѣсь политика только въ смыслѣ *оппозиціонной* политической дѣятельности. Наконецъ, разсчеты на уловленіе избирателей на выборахъ тоже оказались несбыточными: крупно-промышленная буржуазія никого не могла привлечь въ свои ряды, кромѣ себя самой же; массы никакой у нея не было для партійнаго существованія.

Такъ и исчезли всѣ промышленныя «партіи», какъ таковыя. И только впослѣдствіи образовалась «*торгово-промышленная группа*» членовъ Госуд. Думы и Государственнаго Совѣта: здѣсь встрѣчаются другъ съ другомъ старые знакомые—дѣятели отечественной промышленности, привыкшіе и раньше дѣйствовать вмѣстѣ въ своихъ крѣпкихъ организаціяхъ и въ правительственныхъ совѣщаніяхъ.

Что касается отношенія промышленныхъ круговъ къ народному представительству въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ нѣдръ революціи, то это отношеніе было неодинаково въ началѣ существованія Государственной Думы и впослѣдствіи.

Въ первое время предстоящая дѣятельность Госуд. Думы вызывала въ промышленныхъ кругахъ напряженный интересъ и—*тревогу*. Какъ ни увлекались эти круги идеей народнаго представительства въ періодъ либеральныхъ

---

[1]) Напр., „Русскія Вѣдомости“ № 326.

[2]) Н. Коншина, А. Карпова, Филатова, Титова.

записокъ, но со временемъ, когда идея эта такъ или иначе воплощалась въ имѣющее открыть свои дѣйствія учрежденіе, практичныхъ дѣятелей промышленности не могло не охватить нѣкоторое чувство неувѣренности, безпокойства: неизвѣстно было, каковъ будетъ составъ и направленіе этого новаго органа законодательства, будутъ-ли въ немъ представители промышленности окружены тою-же атмосферой снисходительности, расположенія, къ которой они привыкли раньше.

Этой тревогѣ промышленники неоднократно давали опредѣленное выраженіе. Еще въ мартѣ 1905 года, когда въ Совѣтѣ по горно-промышленнымъ дѣламъ, подъ предсѣдательствомъ В. И. Ковалевскаго, разсматривался проектъ положенія о горно-промышленныхъ съѣздахъ и Ковалевскій все тщетно уговаривалъ промышленниковъ высказаться за свободное начало явочнаго союза и отказаться отъ метода опеки въ видѣ зависимыхъ отъ министра съѣздовъ съ *назначенными* предсѣдателями, то старый лидеръ промышленниковъ, Авдаковъ, ему отвѣтилъ: «Вся бѣда въ томъ, что вы исходите изъ будущаго, которое намъ *еще невѣдомо*, а я изъ практики. А эта практика такова, что *до сихъ поръ насъ никто никогда ни въ чемъ не стѣснялъ*, а даже, напротивъ, мы *всегда пользовались широкимъ просторомъ*» [1]).

Въ мартѣ 1906 года, на 30-мъ съѣздѣ южныхъ горно-промышленниковъ, проводилась аналогичная мысль: «Происшедшій переворотъ въ нашей государственной жизни ставитъ промышленниковъ въ *совершенно другія отношенія* къ органамъ государственнаго управленія и вызываетъ цѣлый рядъ *новыхъ вопросовъ*, требующихъ отъ представителей промышленности, съ одной стороны, много работы и энергіи для надлежащей разработки и освѣщенія входящихъ въ сферу интересовъ промышленности вопросовъ, чтобы, когда таковые станутъ предметомъ разсмотрѣнія народныхъ представителей, послѣднимъ даны были въ руки матеріалы достаточно разработанные и освѣщенные, а съ другой стороны требующихъ *много настойчивости* въ достиженіи того, чтобы справедливые интересы горной и горно-заводской промышленности получали надлежащее удовлетвореніе» [2]).

Еще недвусмысленнѣе, въ почти классическихъ выраженіяхъ формулировано отношеніе къ Государственной Думѣ почти наканунѣ ея созыва, въ брошюркѣ, выпущенной въ февралѣ 1906 года иниціаторами всероссійскаго объединенія промышленниковъ. Тутъ говорится: «Надѣяться, что Дума отнесется къ промышленности и торговлѣ *сочувственно*, что вопросы рабочей и таможенной политики не будутъ разрѣшены *во вредъ* имъ, что *налоги* будутъ справедливо распредѣляться между всѣми классами населенія, а не лягутъ почти *исключительно на промышленниковъ и торговцевъ*, *едва ли возможно*, такъ какъ наши земледѣльческіе элементы очень мало знакомы съ дѣйствительнымъ значеніемъ промышленности и торговли, а наше *общество* почти не сознаетъ той громадной роли, которую эти отрасли играютъ въ народномъ хозяйствѣ, и смотрятъ на промышленниковъ и торговцевъ, какъ на *паразит-*

---

[1]) „Сынъ Отечества“ 1905. г., № 26.

[2]) Изъ доклада Прядкина о новомъ положеніи о съѣздахъ горно-промышленниковъ.

ный денежный классъ, который безъ особаго затрудненія можетъ нести тяготы налоговъ» [1]).

Въ докладной запискѣ министру юстиціи петербургскаго общества для содѣйствія и пр. о необходимости примѣненія уголовныхъ каръ къ рабочимъ «въ случаяхъ насилій и угрозъ», Государственная Дума характеризуется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Дума, при неизбѣжной неопытности и отсутствіи навыка ея руководителей, при неустановившемся порядкѣ ея дѣйствій, въ теченіе значительнаго времени будетъ до такой степени обременена массою накопившагося дѣла, что несомнѣнно замедлитъ разсмотрѣніе многихъ назрѣвшихъ законодательныхъ мѣръ» [2]).

Особенно рѣзко отрицательное отношеніе, естественно, вызывали къ себѣ въ промышленныхъ кругахъ первыя двѣ Думы. О первой Думѣ, напримѣръ, предсѣдатель петербургскаго «Общества заводчиковъ и фабрикантовъ», Глезмеръ, выразился такъ: «Если бы предложенія первой Думы, клонящейся къ тому, чтобы раздѣлить землю по 4 десятины на человѣка, осуществилось, то, конечно, наша промышленность осталась-бы и безъ потребителей и безъ рабочихъ» [3]). Его-же формула гласитъ: «*Чѣмъ позже будутъ разсматриваться эти законы въ новой Государственной Думѣ, тѣмъ правильнѣе будетъ ихъ рѣшеніе*» [4]).

Послѣ приведеннаго нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ что актъ 3-го іюня 1907 года былъ встрѣченъ въ промышленныхъ кругахъ безъ всякаго протеста, чтобъ не сказать больше...

IV. Выступленія городскихъ самоуправленій. Съѣзды городскихъ дѣятелей.

Вопреки довольно распространенному взгляду, торгово-промышленный классъ *далекъ отъ того, чтобы доминировать въ нашихъ органахъ городского самоуправленія* и окрашивать собою ихъ дѣятельность; вѣрно лишь то, что изъ всѣхъ органовъ самоуправленія и общественныхъ учрежденій [5]) торгово-промышленный классъ сильнѣе представленъ въ городскихъ думахъ. Соотвѣтственно этому было бы *весьма ошибочнымъ* относить выступленія гор. думъ цѣликомъ за счетъ промышленной буржуазіи.

Здѣсь не мѣсто подробно обосновывать и развивать это положеніе. Кое-что сказать, однако, для его оправданія необходимо. Сошлемся прежде всего на извѣстнаго изслѣдователя городского самоуправленія, Гр. Шрейдера, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришелъ къ такому-же заключенію [6]), изучая об-

---

[1]) Изъ брошюры „Что до сихъ поръ сдѣлано для объединенія отечественной промышленности и торговли на экономической почвѣ?“

[2]) Докладная записка отъ 23 ноября 1905 года.

[3]) Въ рѣчи 14 декабря 1906 года въ совѣщаніи министра торговли и промышленности.

[4]) *Конецъ той-же рѣчи.*

[5]) Если, конечно, не считать организацій промышленниковъ.

[6]) См. его статьи: „Къ пересмотру городового положенія“ въ „Народномъ хозяйствѣ“, за ноябрь и декабрь 1901 г. и „О городскихъ управахъ“ тамъ же за январь—февраль 1903 года.

ширный фактическій матеріалъ, касающійся болѣе чѣмъ 40 крупныхъ и мелкихъ городовъ и характеризующій послѣдовательно составъ какъ избирателей, такъ гласныхъ и управъ нашихъ муниципалитетовъ. Изъ работъ Шрейдера мы здѣсь приведемъ лишь нѣсколько цифръ и общіе его выводы.

Изъ числа *избирателей* принадлежатъ къ торгово-промышленному классу:

въ мелкихъ городахъ	19.5	проц.	всѣхъ	избирателей
въ среднихъ »	12.2	»	»	»
въ крупныхъ »	27.0	»	»	»

«Въ широкихъ кругахъ общества—говоритъ г. Шрейдеръ—весьма распространена, поддерживаемая и печатью, *легенда* о будто-бы господствующемъ положеніи, занимаемомъ въ муниципальной области торгово-промышленнымъ классомъ населенія. Очевидно, *наши цифры, если даже не уничтожаютъ вполнѣ этой легенды, то во всякомъ случаѣ пробиваютъ въ ней довольно широкую брешь»* [1]).

Если принять число *избирателей* изъ купечества за 100, то, какъ это вытекаетъ изъ цифровыхъ данныхъ Шрейдера, число избирателей дворянъ и разночинцевъ выразится въ слѣд. числахъ:

въ городахъ съ населеніемъ до 10.000 . . .	146
въ городахъ » » 10.000—50.000 . .	122
въ » » » 50.000 и болѣе . .	144

Если принять процентъ *гласныхъ* опредѣленной группы наканунѣ реформы 1892 г. за 100, то тотъ же процентъ въ 1901 г. выразится въ числахъ:

	для купеч. группы,	для интел.-чин. группы
Для города Саратова	96	192
» » Ростова-на-Дону . .	89	165
» » Екатеринослава . .	87	141
» » Нижняго-Новгорода .	98	128
» » Одессы	54	148

«Если принять во вниманіе—говоритъ Шрейдеръ—что мы имѣемъ тутъ дѣло по преимуществу [2]) съ быстро растущими торгово-промышленными центрами, гдѣ, поэтому, казалось-бы, должно-бы усиленно рости вліяніе купечества, то надо будетъ признать приведенныя данныя весьма знаменательными и, во всякомъ случаѣ, въ значительной мѣрѣ подрывающими столь распространенную *легенду* о голово-кружительномъ ростѣ *купеческой муниципальной гегемоніи*... Въ дѣйствительности мы стоимъ ужс *лицомъ къ лицу* съ совершенно другою *надвигающейся гегемоніей—интеллигентско-чиновничьей* или—вѣрнѣе—даже просто чиновничьей»... [3]).

Не найдя въ литературѣ болѣе свѣжихъ данныхъ, чѣмъ приведенныя г. Шрейдеромъ, мы попробовали изучить съ интересующей насъ стороны данныя о гласныхъ петербургской гор. думы. Матеріалами послужили: 1) «Общій и поразрядный списки *гласныхъ* с.-петербургской городской думы, исправленные на 1 января 1909 года», 2) «Участковые списки спб. городскихъ *избирателей*,

---

[1]) „Народное хозяйство" ноябрь 1901 г., стр. 135, 138.

[2]) У Шрейдера цифры для 11 крупныхъ городовъ.

[3]) „Народное Хозяйство", декабрь 1901 г., стр. 127.

составленные къ выборамъ въ гласные гор. думы на 6-тилѣтіе 1907—1913 гг»., 3) дополнительныя устныя разъясненія свѣдущихъ лицъ о соціальномъ положеніи гласныхъ—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на этотъ вопросъ не давали отвѣта списки гласныхъ и избирателей (среди послѣднихъ и выбранные гласные).—Беремъ гласныхъ, избранныхъ въ 1906 г.: по I разряду 27 гласныхъ и 12 кандидатовъ; по II разряду 54 гласныхъ и 20 кандидатовъ,—всего 81 гласный и 32 кандидата; изъ нихъ удалось опредѣлить соціальные признаки для 98 гласныхъ кандидатовъ или 86.6%.

Классификація принята по слѣд. 4 группамъ:

Группа I—представители промышленности, торговли и кредита (хотя бы они были въ то же время чиновниками, помѣщиками, домовладѣльцами).

Группа II—чиновники гражданскіе и военные (по домовладѣльческому цензу или квартирному налогу), *не* являющіеся промышленниками или торговцами.

Группа III—помѣщики (по тѣмъ же цензамъ), хотя бы они были въ то же время чиновниками, но *не* промышленниками или торговцами.

Группа IV—лица либеральныхъ профессій (по тѣмъ-же цензамъ), *не* являющіеся промышленниками или торговцами.

При такой классификаціи получаемъ для упомянутыхъ 98 гласныхъ и кандидатовъ слѣд. таблицу:

Группа.	Число гласныхъ.			Въ процентахъ.		
	I разр.	II разр.	Всего	I разр.	II разр.	Всего.
I	7	25	32	23.3%	36.7%	32.6%
II	10	11	21	33.3%	16.2%	21.4%
III	5	2	7	16.7%	2.9%	7.1%
IV	8	30	38	26.7%	44.2%	38.9%
Всего . . .	30	68	98	100%	100%	100%

Итакъ группа торгово-промышленная имѣетъ меньше $^1/_3$ гласныхъ. Одна разночинная интеллигенція имѣетъ 39% гласныхъ, а вмѣстѣ съ бюрократіей—цѣлыхъ 60% гласныхъ.

Мы, конечно, не забываемъ, что Петербургъ городъ чиновничества, что здѣсь кромѣ того квартирный налогъ даетъ избирательный цензъ. Но за всѣмъ тѣмъ цифры относительно Петербурга являются не лишеннымъ интереса дополненіемъ къ даннымъ и выводамъ г. Шрейдера.

Въ общемъ, если отвлечься отъ индивидуальныхъ особенностей отдѣльныхъ городовъ, наши городскія самоуправленія представляютъ по соціальному составу такую картину. Нѣкоторое *меньшинство* состоитъ изъ представителей капитала промышленнаго или—чаще—торговаго. Другая группа, большею частью численно *преобладающая*, рекрутируется изъ чиновничества и представителей либеральныхъ профессій, преимущественно обладающихъ домовладѣльческимъ цензомъ. Эта группа по уровню своего политическаго развитія сильно отстаетъ отъ не-

большой группы выдѣляющихся на ея фонѣ представителей профессіональной интеллигенціи, играющихъ *самую активную роль* въ дѣятельности городскихъ думъ и—еще больше—городскихъ управъ. [1])

Эти положенія необходимо имѣть въ виду при чтеніи дальнѣйшаго изложенія. Они сдѣлаютъ понятнымъ то обстоятельство, почему въ движеніи 1905 г., городскія думы въ общемъ и цѣломъ отставали отъ земскихъ съѣздовъ, а также то, какимъ соціальнымъ элементамъ принадлежатъ рѣшительныя ноты, которыя иногда раздавались на засѣданіяхъ нашихъ муниципалитетовъ. Это, впрочемъ, будетъ видно и по именамъ выступавшихъ городскихъ дѣятелей.

Такъ какъ дѣятельность многихъ городскихъ думъ нашла себѣ уже отраженіе въ «Общей картинѣ движенія», [2]) то мы здѣсь дадимъ только *дополнительные* штрихи и остановимся преимущественно на фактахъ, рисующихъ роль *торговопромышленныхъ* элементовъ въ выступленіяхъ городскихъ думъ и съѣздовъ городскихъ дѣятелей.

Полоса либеральныхъ заявленій городскихъ муниципалитетовъ открывается выступленіемъ *московской* думы 30-ноября 1904 года. Въ засѣданіи этого дня, передъ обсужденіемъ смѣты на 1905 годъ, группа гласныхъ внесла обширное заявленіе. «Разсмотрѣніе въ московской гор. думѣ—говорится въ заявленіи—проекта смѣты доходовъ и расходовъ на будущій 1905 годъ, долженствующее составить одинъ изъ послѣднихъ, существенно важныхъ актовъ дѣятельности гор. думы настоящаго состава, невольно заставляетъ обратить взглядъ назадъ»... Далѣе идетъ характеристика препятствій, встрѣчавшихся думой въ ея дѣятельности: устарѣлый и неуравнительный городской налогъ; «не предоставленіе общинѣ, вопреки постановленія закона, участія въ нѣкоторыхъ видахъ государственныхъ налоговъ и оставленіе на городской казнѣ тягости обширныхъ расходовъ общегосударственнаго характера», обременительность государственныхъ обложеній, «непомѣрность натуральныхъ повинностей, отбываемыхъ населеніемъ исключительно по соображеніямъ государственнаго порядка», а также вслѣдствіе безправнаго положенія населенія по отношенію къ администраціи, наконецъ, тѣ правовыя условія, въ которыя поставлены городская община и населеніе города». Эти послѣднія «принуждены постоянно подвергаться и подчиняться административнымъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, основаннымъ на «усмотрѣніи» и во многихъ случаяхъ несогласнымъ съ закономъ». «Вслѣдствіе существующихъ условій, опредѣляющихъ въ русскомъ обществѣ положеніе личности, права общей печати, предѣлы гласности и право совѣщаній, живая и тѣсная связь общественнаго управленія съ населеніемъ и откровенное обсужденіе общественныхъ вопросовъ неосуществимы».

«На основаніи вышеизложеннаго — говоритъ въ заключеніе заявленіе—имѣемъ честь предложить Думѣ принять слѣдующее постановленіе: представить

---

[1]) Изъ 52 членовъ управы имѣютъ торгово-промышленный цензъ только 8 или 15.4%. Управскихъ мѣстъ принадлежало: купцамъ и потомственнымъ почетнымъ гражданамъ 43.9% до 1892 г. и 39.1% послѣ 1892 г.; дворянамъ 37.8% до и 52.2%, послѣ 1892 года. Изъ 34 городскихъ головъ было купцовъ и потомственныхъ почетныхъ гражданъ 13 или 38.2%, а дворянъ и разночинцевъ 21 или 61.8%. См. Гр. Шрейдеръ. „Нар. Хоз.“ 1901 г. № 10.

[2]) Т. II, часть 1-ая.

высшему правительству, что, по мнѣнію московской гор. думы, неотложно необходимо: установить огражденіе личности отъ внѣ-судебнаго усмотрѣнія; отмѣнить дѣйствіе исключительныхъ законовъ; обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу слова и печати, свободу собраній и союзовъ; провести вышеуказанныя начала въ жизнь на обезпечивающихъ ихъ неизмѣнность незыблемыхъ основахъ, выработанныхъ при участіи свободно избранныхъ представителей населенія; установить правильное взаимодѣйствіе правительственной дѣятельности съ постояннымъ, на законѣ основаннымъ, контролемъ общественныхъ силъ надъ законностью дѣйствій администраціи» [1]).

Для своего времени и для московскаго муниципалитета такое заявленіе, благосклонно принятое 82 гласными въ присутствіи многочисленной публики [2]), было настолько смѣлымъ, что въ литературѣ наталкиваешься на склонность объяснять эту смѣлость желаніемъ выиграть во мнѣніи избирателей, въ виду непосредственно предстоявшихъ тогда новыхъ выборовъ гласныхъ московской думы [3]).

Вѣроятнѣе, однако, усмотрѣть въ этомъ выступленіи московской думы вліяніе непосредственно передъ тѣмъ состоявшагося *съѣзда земскихъ дѣятелей* 6—8 того же ноября. Отчасти это подсказывается отраженіемъ формулированныхъ земскимъ съѣздомъ desiderata на заключительной части заявленія думскихъ гласныхъ. Еще больше въ пользу этой мысли говоритъ близость круга дѣятелей московской думы къ земскимъ кругамъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые гласные московской думы непосредственно участвовали въ земскомъ съѣздѣ 6—8 ноября.

Это выступленіе московской думы стоитъ одиноко въ лѣтописи либеральныхъ заявленій городскихъ думъ вообще: послѣднія выступили на этотъ путь только *послѣ* изданія *указа 12-го декабря*. Вліяніе всякой уступки правительства, производившей впечатлѣніе *санкціи* требованій народнаго движенія, на ростъ смѣлости либеральныхъ выступленій сказывается здѣсь, конечно, не меньше, чѣмъ въ запискахъ промышленныхъ организацій. Нѣкоторыя думы проявили даже непомѣрно утрированную оцѣнку значенія указа 12 декабря. Напр. *саратовская* дума въ своемъ вѣрноподданническомъ адресѣ (январь 1905 года) говоритъ, что этотъ указъ «освѣтилъ страну лучемъ радостныхъ надеждъ и упованій», что онъ «явился тѣмъ великимъ словомъ Русскаго Царя, тѣмъ творческимъ призывомъ на великій путь обновленія и усовершенствованія, который не замедлитъ вывести дорогую нашу родину на свѣтлый путь счастья и благоденствія» [4]).

Указъ 12-го декабря и—особенно—рескриптъ 18-го февраля какъ будто развязываютъ руки городскимъ думамъ. Послѣ этихъ актовъ, послѣ періода банкетовъ и паденія Портъ-Артура, послѣ 9-го января и разгара забастовочнаго

---

[1]) „Извѣстія московской городской думы“, отдѣлъ общій, январь 1905 года, стр. 47—49.

[2]) Губернаторъ, конечно, опротестовалъ постановленіе, состоявшееся по обсужденіи этого заявленія.

[3]) Къ этому отчасти даютъ поводъ вступительныя слова заявленія.

[4]) „Право“ 1905 годъ., № 4 стр. 246—7.

движенія,—начинаютъ выступать думы различныхъ городовъ. На ихъ заявленіяхъ болѣе или менѣе отражается та ступень политическаго подъема, которой достигло въ это время движеніе болѣе демократическихъ слоевъ, отголоскомъ котораго и были выступленія городскихъ думъ. Но отражается не на всѣхъ одинаково. Муниципалитеты *крупныхъ* центровъ, представляющіе вѣскіе, самостоятельные организмы, либо вовсе не выступаютъ, либо выступаютъ въ традиціонныхъ вѣрноподданническихъ формахъ (Петербургъ, Саратовъ и др.), высказываются весьма робко, неопредѣленно о характерѣ будущаго народнаго представительства (Нижній-Новгородъ, Вильна, Саратовъ и др.).

Совсѣмъ иной характеръ носятъ выступленія городскихъ думъ въ мелкихъ, *не промышленныхъ* провинціальныхъ пунктахъ. Тутъ, очевидно, отцы города не живутъ обособленною самостоятельною жизнью; они слишкомъ легко, безъ сопротивленія, растворяются въ окружающей ихъ массѣ родственныхъ соціальныхъ элементовъ, а зачастую являются, въ періодъ всеобщаго подъема, воскомъ, изъ котораго могутъ лѣпить любую форму болѣе активные демократическіе низы. Читая резолюціи думъ такихъ мелкихъ пунктовъ, чувствуешь навѣянность этихъ резолюцій, ощущаешь легкость, съ которой онѣ примыкали къ крайнимъ требованіямъ и лозунгамъ, подхваченнымъ внѣ думской среды, на какомъ-либо банкетѣ, въ прокламаціи и пр. Самыя рѣшительныя, крайнія демократическія требованія формулированы въ постановленіяхъ муниципалитетовъ ставропольскаго, краснохолмскаго, симбирскаго, эриванскаго, ковенскаго и др., которые, очевидно, озабочены тѣмъ, чтобъ не «отстать отъ вѣка».

Вотъ, напримѣръ, петиція *эриванской* думы [1]). Она начинается съ заявленія: «Всеобщее недовольство современными порядками русской жизни, вызвавшее во всѣхъ слояхъ общества... выкрикъ «такъ жить нельзя», охватило и нашу окраину». Далѣе идетъ аргументація *мѣстными* нуждами, а за ними, безъ всякаго промежуточнаго звена, заявляются «нужды»: созывъ учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, прямого и пр., выборность судей; націонализація земли; полное равноправіе женщинъ; восьмичасовой рабочій день; подоходный прогрессивный налогъ и т. д.

Ставропольская дума единогласно, безъ преній, принимаетъ [2]) *всеподданнѣйшій адресъ*, гдѣ предъявляется требованіе *учредительнаго собранія* по 4-хчленной формулѣ и пр. Того же требуетъ *симбирская* дума [3]). *Краснохолмскій* муниципалитетъ тоже выкладываетъ во *всеподданнѣйшемъ адресѣ* [4]) всю демократическую программу, включая принудительное отчужденіе земли, однопалатную систему, отвѣтственность министровъ, выборность судей, подчиненіе полиціи городскому самоуправленію и пр.

Масса провинціальныхъ пунктовъ фигурируетъ только со своими заявленіями о неотложности созыва народныхъ представителей — особенно послѣ 18-го февраля и Цусимы. Саратовская дума въ петиціи своей [5]) такъ и пишетъ,

---

[1]) Ковецъ мая 1905 г.
[2]) Въ апрѣлѣ 1905 г.
[3]) 8-го апрѣля 1905 г.
[4]) 22-го февраля 1905 г.
[5]) Май 1905 года.

между прочимъ: «И если 18-го февраля, до пережитыхъ Россіей пораженій на театрѣ войны, Ваше Величество находитъ необходимымъ призывъ избранниковъ народа, то нынѣ (послѣ Цусимы. А. Е.) немедленный созывъ этихъ избранниковъ народа является единственной и неотложной мѣрой, могущей еще вывести Россію изъ настоящаго невыносимаго положенія».

Въ отличіе отъ петиціоннаго движенія земствъ, имѣвшаго свой центръ (организаціонное бюро), выступленія думъ идутъ *безъ организаціоннаго центра* довольно продолжительное время. На путь съѣздовъ городскіе дѣятели выступаютъ гораздо позже земцевъ и—что еще важнѣе—на этихъ съѣздахъ они почти всегда (если не считать гласныхъ изъ профессіональной интеллигенціи) занимаютъ самый правый флангъ, отстаивая наиболѣе консервативную, а то и реакціонную позицію. И почти всегда *застрѣльщиками* этого фланга выступаютъ элементы изъ *торговопромышленной* среды,—изъ нихъ на первомъ планѣ извѣстный А. И. Гучковъ. Что позиція земско-городскихъ съѣздовъ весьма существенно расходилась съ позиціей промышленниковъ pur sang—лучше всего иллюстрируется приведеннымъ уже фактомъ *краха*, который потерпѣла дважды попытка *соглашенія* обѣихъ группъ. Мы видѣли, что, по словамъ самихъ промышленниковъ, постановленія сентябрьскаго земско-городского съѣзда *«рѣзко задѣвали интересы торговли и промышленности»*.

Въ то время, какъ прослѣдить роль различныхъ соціальныхъ элементовъ въ составленіи адресовъ и петицій отдѣльныхъ думъ чрезвычайно трудно и намъ въ этомъ случаѣ пришлось присмотрѣться къ различію въ *типѣ* выступленій крупныхъ промышленныхъ центровъ съ одной стороны и непромышленныхъ съ другой,—въ занятіяхъ *съѣздовъ* городскихъ дѣятелей представляется большая возможность прослѣдить роль представителей торгово-промышленнаго класса. На этихъ съѣздахъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе, поскольку позволяетъ мѣсто.

Первое совѣщаніе городскихъ дѣятелей состоялось одновременно съ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей въ Москвѣ въ концѣ февраля 1905 г. При этомъ, земцы выставили тогда уже требованіе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Городскіе-же дѣятели ограничились постановленіемъ объ участіи въ совѣщаніи Булыгина.

24-го мая состоялся, по поводу Цусимы, коалиціонный съѣздъ земцевъ съ участіемъ меньшинства ноябрьскаго съѣзда («шиповцевъ») и городскихъ дѣятелей. Составленный здѣсь конституціонный адресъ былъ 6-го іюня переданъ въ Петергофѣ депутаціей изъ 11 земцевъ и 3 гласныхъ петербургской думы. Въ этой попыткѣ столковаться съ самодержавіемъ, какъ и во всемъ съѣздѣ, однако, вліяніе думскихъ дѣятелей сказалось весьма мало, а торгово-промышленныхъ элементовъ и вовсе нѣтъ.

2-го іюня частное совѣщаніе городскихъ головъ Москвы, Нижняго Новгорода, Казани и Харькова, съ участіемъ гласнаго московской думы, Н. Щепкина, рѣшаетъ, наконецъ, образовать общегородскую организацію и выбираетъ временное бюро. Оно организуетъ 15—16 іюня въ Москвѣ уже общій съѣздъ городскихъ дѣятелей, оказавшійся и болѣе многолюднымъ и содержательнымъ, соотвѣтственно состоянію общей политической атмосферы, насыщенной революціонными парами.

Изъ приглашенныхъ 205 человѣкъ явилось 117 представителей губернскихъ городовъ. Съѣздъ принялъ формулу земскаго съѣзда 6—8 ноября 1904 г., высказался за законодательную Думу, отвѣтственность министровъ, немедленное осуществленіе свободъ, двухпалатную систему; съѣздъ поднялъ возрастный цензъ для нижней палаты съ 21 года до 25 лѣтъ (но и для женщинъ) и установилъ, что число жителей на одного депутата въ городѣ должно быть въ 2 раза меньше, чѣмъ въ деревнѣ (противъ послѣдняго постановленія протестовалъ М. Петрункевичъ и еще 18 членовъ.) Судя по списку ораторовъ, активную роль на съѣздѣ играли представители интеллигенціи,—той, которая выступаетъ и на земскихъ съѣздахъ. Въ бюро совѣщаній были, напр., выбраны: князь В. Голицынъ (моск. гор. голова), проф. Погорѣлко, проф. Лучицкій, Мануиловъ, Меморскій, Н. Щепкинъ, Н. Гучковъ, М. П. Федоровъ, М. И. Петрункевичъ, Астровъ и др.

Іюньскій съѣздъ городскихъ дѣятелей создалъ почву для ихъ совмѣстныхъ дѣйствій съ земцами,—такъ осуществился впервые съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей 6 іюля, гдѣ отъ губернскихъ городовъ было по одному представителю (гор. голова), а отъ городовъ съ населеніемъ больше 100 тысячъ и отъ университетскихъ городовъ еще по одному представителю, по выбору думы. Здѣсь торгово-промышленный классъ не игралъ роли. Представителями отъ городовъ были, напр.: Астровъ, Н. Щепкинъ, Кокошкинъ, Пржевальскій, и Муромцевъ отъ Москвы; Арсеньевъ, Набоковъ отъ Петербурга, проф. Лучицкій отъ Кіева, Родзянко отъ Екатеринослава, кн. Д. Шаховской отъ Ярославля и т. д.

Болѣе значительную роль играли торгово-промышлонные элементы городскихъ думъ на слѣдующемъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей, состоявшемся 12—15 сентября и собравшемъ 126 представителей отъ земствъ и 68 отъ городовъ. Этотъ съѣздъ имѣлъ опредѣленный базисъ для преній—булыгинскую Думу 6-го августа, которая и подвергалась критикѣ. Постановленія въ общемъ были «земскія» (по тогдашнему времени). Было рѣшено, что первая задача Государственной Думы—преобразованіе самой Думы; избирательныя права женщинъ были отвергнуты 72 голосами противъ 60. Аграрная и рабочая программа были приняты въ духѣ кадетовъ. Былъ принятъ текстъ конституціоннаго воззванія къ гражданамъ. Горячія пренія сосредоточились вокругъ вопросовъ о децентрализаціи и національной автономіи. Противъ обоихъ этихъ пунктовъ демократической программы горячо возстали именно члены, представляющіе торгово-промышленную среду: А. П. Гучковъ и саратовскій городской голова А. Немировскій. На этомъ съѣздѣ ярко опредѣлилась политическая линія А. П. Гучкова. Московскіе купцы «земными поклонами» благодарили его послѣ съѣзда за то, что онъ «отстоялъ» Россію.

Еще болѣе характернымъ былъ послѣдній (6-й) съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, собравшійся въ Москвѣ 6—13 ноября. Начавшая уже падать линія революціоннаго движенія сказалась въ менѣе рѣшительномъ тонѣ всего съѣзда. Въ то время какъ 21-го октября приглашенное къ Витте бюро земско-городскихъ съѣздовъ (въ лицѣ Ф. Головина, Кокошкина и кн. Г. Львова) еще отстаивало предъ нимъ созывъ учредительнаго собранія по 4-хчлен. форм.,

какъ единственный выходъ изъ создавшагося положенія,—теперь ноябрьскій съѣздъ огромнымъ большинствомъ высказался только за «передачу первому собранію народныхъ представителей (по 4-член. форм.) учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи Россійской Имперіи». Шли горячіе дебаты, велась ожесточенная борьба, и опять-таки въ этой борьбѣ именно представители городовъ стояли большей частью на правомъ флангѣ, а представители промышленной буржуазіи—на самомъ крайнемъ правомъ.

Астраханскій биржевой комитетъ прислалъ телеграмму, рекомендуя *сплотиться вокругъ правительства* на основахъ манифеста 17 октября [1]). Казанская дума въ присланномъ заявленіи высказывалась за немедленный созывъ Государственной Думы *по закону 6-го августа*. Кронштадтская дума протестовала противъ учредительнаго собранія.

Что касается отдѣльныхъ городскихъ думъ, то актъ 6-го августа еще вызвалъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ (Москва, Вологда, Вильна, Нахичевань) заявленія о необходимости всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Но къ концу октября настроеніе многихъ думъ падаетъ; нѣкоторымъ изъ нихъ манифестъ 17 октября даже развязалъ руки: онѣ выражаютъ довѣріе правительству Витте и начинаютъ относиться отрицательно къ народной борьбѣ.

Эпидемія погромовъ, подъ аккомпаниментъ которыхъ во многихъ мѣстахъ читался манифестъ 17-го октября,—въ связи съ уступкой правительства, еще вызвала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ боевую нотку у городскихъ муниципалитетовъ, поставившихъ даже вопросъ объ образованіи милиціи и комитетовъ общественнаго спасенія. Но то былъ моментальный порывъ, который сами отцы города сейчасъ же послѣ того старались основательно забыть, какъ только нѣкоторые элементы народнаго движенія, принявъ этотъ порывъ въ серьезъ, пробовали примкнуть къ думамъ. Другіе муниципалитеты проявили при этомъ скандальную безпомощность. Во время погрома въ Ростовѣ на Дону 18—19 октября «ростовскіе гласные не проявили достаточнаго гражданскаго мужества. Всѣ мѣры ихъ окончились рѣшеніемъ помолиться Богу и идти увѣщевать съ городскими знаменами воровъ и хулигановъ» [2]).

Къ ноябрю городскія самоуправленія совсѣмъ съежились. Тутъ чувствуется и дѣйствіе непрекращающихся забастовокъ, особенно больно ударявшихъ по интересамъ торговыхъ элементовъ изъ городскихъ гласныхъ. Тревога все болѣе охватываетъ думскихъ гласныхъ [3]). Въ московской думѣ, на которую до тѣхъ поръ оказывали давленіе засѣдавшіе въ Москвѣ земско-городскіе съѣзды, отклоняется внесенное во второй половинѣ ноября группой гласныхъ предложеніе—ходатайствовать, чтобы къ матросамъ въ Севастополѣ не была примѣнена смертная казнь [4]). Еще болѣе крутой поворотъ дѣлаетъ настроеніе думскихъ сферъ къ декабрю. И тутъ на первомъ планѣ стоитъ Москва, сдѣлавшаяся съ 7-го декабря театромъ чрезвычайныхъ событій.

---

[1]) «Право» 1905 г., № 44, стр. 3617.

[2]) Изъ заявленія, поданнаго въ нахичеванскую думу гласнымъ, прис. повѣреннымъ Г. Х. Чалхушьяномъ.

[3]) И не только ихъ: бѣгство богатыхъ слоевъ становится эпидемичнымъ, особенно въ столицахъ.

[4]) „Москва въ декабрѣ 1905 г.," стр. 214.

Здѣсь дума собралась только на пятый день послѣ начала гражданской войны. Здѣсь ярко обнаружились симпатіи братьевъ Гучковыхъ и поддерживавшихъ ихъ элементовъ. На предложеніе В. Пржевальскаго организовать продовольствіе населенія, А. И. Гучковъ возражаетъ: это неосуществимо при желѣзно-дорожной забастовкѣ и баррикадахъ на улицахъ; разрѣшить продовольственный кризисъ *нельзя безъ подавленія мятежа.* М. Челноковъ сообщаетъ, что въ Хамовнической части черносотенцу Шмакову разрѣшена вооруженная организація изъ 200 человѣкъ, что на нее назначено 6.000 р. въ мѣсяцъ, а расходы будутъ покрываться сборами съ домохозяевъ. Противъ кого же это— спрашиваетъ Челноковъ,—когда только патрули разстрѣливаютъ мирныхъ обывателей? А. И. Гучковъ и тутъ оправдываетъ дѣйствія администраціи: городъ находится въ такомъ положеніи, когда спокойствія можно ждать только при самообороне.

На предложеніе организовать милицію гор. голова Н. И. Гучковъ заявилъ, что онъ и всѣ члены управы рѣшительно противъ этого, и, если милиція будетъ учреждена, то управа въ полномъ составѣ сложитъ съ себя обязанности. По поводу предложенія обратиться съ воззваніемъ къ населенію, А. И. Гучковъ разразился горячей филиппикой: бѣда въ томъ, что у администраціи мало силъ: не время теперь составлять зажигательныя резолюціи: всякая резолюція, осуждающая дѣйствія администраціи, подливаетъ только масло въ огонь; это въ кружкахъ рабочихъ явится новымъ призывомъ..... И эта рѣчь Гучкова вызвала аплодисменты гласныхъ [1]).

15-го декабря московская дума выбираетъ своихъ представителей (Перепелкина и Геннерта) въ совѣтъ при генералъ-губернаторѣ и такимъ образомъ санкціонируетъ дѣйствія Дубасова [2]). 20-го декабря заявленіе прис. повѣреннаго С. Левицкаго о примѣненіи всеобщаго голосованія къ выборамъ въ городскую думу встрѣчаетъ отпоръ со стороны гласныхъ съ А. И. Гучковымъ во главѣ. Королевъ и Карякинъ переходятъ въ наступленіе и заявляютъ: надо закрыть народный домъ на Введенской площади, ибо это очагъ крамолы. Другой гласный поддерживаетъ это предложеніе и прибавляетъ: это желаніе мѣстныхъ фабрикантовъ [3]). По поводу убійства доктора Воробьева приставомъ Ермоловымъ многіе гласные дѣлаютъ заявленія о подробностяхъ этого событія. Городской голова, Н. Гучковъ, сообщаетъ, что онъ передастъ прокурору не весь матеріалъ, а то, что сочтетъ нужнымъ. Всѣ протесты гр. С. Л. Толстого, заявляющаго, что голова обязанъ дѣлать то, что находитъ нужнымъ дума, не помогаютъ: Гучковъ остается при своемъ рѣшеніи.

Наконецъ, когда реакція окончательно одолѣла врага, Н. И. Гучковъ могъ пировать съ московскими властями и, чокаясь подъ новый годъ бокаломъ шампанскаго съ Дубасовымъ, торжественно заявить ему: «Въ нашемъ содѣйствіи Вы не должны сомнѣваться: всякій изъ насъ готовъ положить на это дѣло все свое

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1905 годъ, № 325.

[2]) Резолюцію думы, посвященную декабрьскимъ событіямъ, см. въ ст. „Общая картина движенія“, т. II, часть 1-я, стр. 146—147.

[3]) „Русскія Вѣдомости“ 1905 г., № 326.

разумѣніе, всѣ свои силы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ велико и то значеніе, которое выпало на Вашу долю въ данномъ дѣлѣ, какъ нашего руководителя»... [1])

V. Союзы работодателей. Локауты.

Революціонный шквалъ прошелъ. Изъ него крупная буржуазія вышла, въ концѣ концовъ, съ прежними, въ общемъ, чертами *политической* несамостоятельности и зависимости отъ бюрократической власти. Что-же касается области регулированія своихъ классовыхъ дѣлъ и дѣлишекъ, то тутъ отношеніе крупной буржуазіи къ власти государственной, какъ мы видѣли, было уже задолго до революціи далеко отъ дѣтской безпомощности и зависимости. Но было бы ошибочнымъ думать, что послѣ 1905 г. промышленная буржуазія возвратилась совсѣмъ въ «первобытное» состояніе дореволюціоннаго періода, что великій урокъ историческаго года ее ничему не научилъ. Процессъ *европеизаціи* россійской буржуазіи сдѣлалъ за этотъ годъ шагъ впередъ. Главнѣйшимъ его проявленіемъ была усиленная *классовая самоорганизація по всему фронту*, а ея наиболѣе характерной формой — организація *союзовъ работодателей*, имѣющихъ цѣлью организованный *отпоръ растущему рабочему движенію*.

Такихъ союзовъ совсѣмъ *не зналъ* дореволюціонный періодъ исторіи нашей буржуазіи. Какъ мы видѣли, старыя дореформенныя организаціи [2]) промышленныхъ и торговыхъ дѣятелей, заложенныя еще во времена графа Канкрина и долго влачившія жалкое существованіе, приблизительно съ 80-хъ годовъ оттѣсняются на задній планъ боевыми вліятельными организаціями совсѣмъ иного типа, преимущественно принимающаго форму «*съѣздовъ*» съ ихъ постоянными совѣтами и уполномоченными. Всѣ организаціи этого типа были преимущественно организаціями для систематическаго *воздѣйствія на органы государственной власти*. Къ ней-то исключительно и обращены были лицомъ промышленныя организаціи этого періода. *Черезъ ея посредство* промышленники регулировали всѣ свои дѣла—*въ томъ числѣ и отношенія къ рабочимъ*. Въ этотъ періодъ, когда рабочее движеніе проходило первоначальную стадію, когда немногочисленныя рабочія организаціи не выходили изъ подполья, когда рабочимъ приходилось только массовой практикой *стихійно* осуществлять формально непризнанное за ними право экономической борьбы, — капиталистическій классъ могъ предоставить борьбу съ рабочимъ движеніемъ органамъ правительства. Въ частныхъ же конфликтахъ по отдѣльнымъ заводамъ и фабрикамъ промышленники дѣйствовали на свой рискъ и страхъ.

1905 годъ въ значительной степени измѣнилъ обстановку. Рабочее движеніе разлилось широкимъ потокомъ по всей Россіи. Требованія рабочихъ росли непрерывно и довольно часто оказывались реализованными. Рабочее движеніе сдѣлалось общепризнаннымъ кореннымъ факторомъ всего революціоннаго движенія. Стачечная борьба легализовалась и фактически, и формально-юридически. Пріобрѣла нѣкоторое конкретное содержаніе связь рабочихъ съ политической партіей

---

[1]) „Москва въ декабрѣ 1905 года", стр. 220.

[2]) „Мануфактурные и коммерческіе совѣты" и „комитеты", позже „Совѣтъ торговли и мануфактуръ" и пр.

пролетаріата. Наконецъ, спѣшно создавались и пріобрѣтали боевой характеръ *профессіональныя организаціи* рабочихъ.

Всѣ эти обстоятельства, особенно *послѣднее* изъ нихъ, обострили въ промышленныхъ кругахъ потребность въ новой формѣ организаціи, спеціально задающейся цѣлью давать организованный отпоръ рабочимъ. Повторилось то, что раньше имѣло мѣсто въ другихъ капиталистическихъ странахъ. Въ Германіи, напримѣръ, организація спеціальныхъ союзовъ работодателей («Arbeitgeberverbände») тоже начинается только съ конца 80-хъ годовъ, т. е. со времени замѣтнаго усиленія профессіональныхъ рабочихъ союзовъ («Gewerkschaften»). Совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ классическаго новѣйшаго изслѣдованія о германскихъ союзахъ работодателей, д-ръ Кесслеръ: «*Gewerkschaft всюду предшествуетъ Arbeitgeberverband'у* [1]). Gewerkschaft, по природѣ вещей, нападаетъ, Arbeitgeberverband обороняется (что порою отношенія становятся обратными, — не мѣняетъ вѣрности этого положенія въ общемъ). Gewerkschaft, въ пору своей юности, преимущественно стачечный союзъ, Arbeitgeberverband— противостачечный».

Въ отношеніи русскихъ союзовъ работодателей это положеніе совершенно опредѣленно выставляется самими промышленниками — и съ полнымъ основаніемъ, хотя иногда со специфическимъ оттѣнкомъ. Рекомендуя «господамъ членамъ Общества» работу В. В. Громана объ организаціи работодателей въ Германіи и предвидя, что читатели, «чуждые промышленному дѣлу», вынесутъ «впечатлѣніе чего-то жесткаго, не гуманнаго» изъ чтенія этой книги, петербургское Общество заводчиковъ и фабрикантовъ говоритъ: «Но въ борьбѣ и не можетъ быть ничего иного, тѣмъ болѣе въ борьбѣ навязанной извнѣ доктринерами, не считающимися съ жертвами и не несущими никакой отвѣтственности. Въ этой борьбѣ позиція работодателей во всякомъ случаѣ оборонительная, а не наступательная» [2]). «Подъ вліяніемъ требованій дѣйствительности и въ частности *подъ вліяніемъ рабочаго движенія*, въ самое послѣднее время создаются, на подобіе петербургской промышленной организаціи, районные союзы фабрикантовъ и заводчиковъ въ другихъ промышленныхъ центрахъ»—заявляетъ предсѣдатель петербургскаго союза работодателей, С. Глезмеръ [3]).

Въ секретномъ докладѣ московскаго союза владѣльцевъ типографій говорится: «Въ настоящее время главной причиной, побуждающей владѣльцевъ... къ болѣе тѣсному общенію и взаимной поддержкѣ, является *рабочій вопросъ* въ широкомъ смыслѣ слова... Чѣмъ большую поддержку окажетъ союзъ своимъ членамъ въ ихъ *борьбѣ съ рабочими*» и т. д. [4]).

---

[1]) „*Die Gewerkschaft ist überall die primäre, der Arbeitgeberverband die sekundäre Erscheinung*“ (курсивъ Кесслера). Dr. Gerhard Kesslers „Die deutschen Arbeitgeberverbände“, S. 20. То-же явленіе отмѣчаетъ и Кулеманъ „Berufsvereine“, Band III относительно Германіи, Гриммъ относительно Швейцаріи, Каффъ относительно Австріи и т. д.

[2]) В. В. Громанъ „Организація работодателей въ Германіи“, изданіе „Общества заводчиковъ и фабрикантовъ“, предисловіе—обращеніе „Общества“.

[3]) Докладная записка министру торговли и промышленности отъ 25 февраля 1906 г., стр. 13.

[4]) „Трудъ и Техника“, 1907 г., № 11.

Объяснительная записка съѣзду фабрикантовъ и заводчиковъ въ маѣ 1906 г. говоритъ: «Массовый характеръ забастовокъ, а также редакціонная тожественность большинства пунктовъ требованій, предъявляемыхъ рабочими, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что означенное движеніе является результатомъ извѣстнаго *объединенія и организаціи рабочихъ массъ*... Вѣроятность и близость этой опасности выдвигаетъ на первую очередь необходимость объединенія фабрикантовъ и заводчиковъ въ *союзъ для противодѣйствія* всему ненормальному въ означенномъ движеніи» [1]).

Наконецъ, приведемъ заявленіе, сдѣланное еще въ концѣ 1905 года С. П. Четвериковымъ, предсѣдателемъ комиссіи по рабочему вопросу при московскомъ биржевомъ комитетѣ [2]). Въ письмѣ, напечатанномъ Четвериковымъ въ «Русскомъ Словѣ», доказывается, что фабриканты должны объединиться въ союзъ для борьбы съ рабочими, и говорится: «Я употребляю слово «*борьба*» и думаю, что этого слова бояться нечего. Старые устои рушатся, многія прерогативы капитала оказываются крайне неустойчивыми... Не встрѣчая должнаго отпора, рабочимъ трудно уяснить себѣ, гдѣ возможный предѣлъ ихъ желаніямъ...» [3]).

Моментомъ зарожденія русскихъ Arbeitgeberverbände надо считать ноябрьскіе дни второй политической всеобщей забастовки. Зародились они въ нѣдрахъ петербургскаго «Общества для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности», которое впослѣдствіи «перевоплотилось» въ петербургское «Общество Заводчиковъ и Фабрикантовъ» [4]). Здѣсь проведено было массовое закрытіе заводовъ въ отвѣтъ на забастовки рабочихъ, и этотъ методъ борьбы перебросился въ нѣкоторые другіе города тогда же. Къ 16 ноября 1905 г. было закрыто: въ Петербургѣ 72 завода (съ 110.000 раб.), въ Москвѣ 26 заводовъ (58.634 раб.), въ Ревелѣ 4 зав. (8.000 раб.), во Владимірѣ 6 зав. (16.000 раб.) и т. д. [5]).

Съ того времени самоорганизація промышленной буржуазіи, въ цѣляхъ борьбы съ рабочими, развивалась не только систематически, но и сознательно. Европеизирующаяся россійская буржуазія планомѣрно пользовалась опытомъ своихъ старшихъ сестеръ, особенно опытомъ болѣе сознательной германской буржуазіи. Въ отчетѣ знаменитой общегерманской центральной организаціи крупныхъ промышленниковъ «Hauptstelle deutscher Arbeitgeberverbände» сообщалось въ 1907 г., что къ ней часто обращались за совѣтомъ по части самоорганизаціи промышленные круги Петербурга, Риги, Москвы, гдѣ не одинъ союзъ работодателей учрежденъ на основаніи нормальнаго устава «Hauptstelle» [6]). Любопытно при этомъ отмѣтить, что нѣмцы-промышленники города Риги проявили при этомъ большую иниціативу. Они организовались независимо отъ

---

[1]) Журналъ „Союзъ“ (Харьковъ), 1906 г., № 3.

[2]) Онъ же предсѣдатель организац. комиссіи союза работодателей центральныхъ губерній.

[3]) „Горнозаводскій Листокъ“, 1905 г., № 47.

[4]) Впрочемъ, предвѣстникомъ грядущей полосы союзовъ работодателей была уже упомянутая выше *конвенція* между фабрикантами, заключенная еще въ мартѣ 1905 г. подъ главенствомъ того же петербургскаго „Общества“.

[5]) См. „Міръ Божій“, 1905 г. и „Русь“, 1905 г., № отъ 17 ноября.

[6]) Kessler. „Die deutschen Arbeitgeberverbände“, S. 54.

Петербурга. Еще въ телеграммѣ отъ 27 октября 1905 года на имя Витте, они, настаивая на необходимости «положить, наконецъ, предѣлъ всѣмъ забастовкамъ», предъявляютъ это ходатайство отъ имени только-что «организовавшагося союза всѣхъ рижскихъ промышленниковъ» [1]).

Дать болѣе или менѣе полную картину дѣятельности русскихъ союзовъ работодателей невозможно, въ виду скудости имѣющагося на лицо опубликованнаго матеріала. Это положеніе характерно не только для Россіи. Въ Германіи этихъ союзовъ значительно больше [2]), да и возникли они почти на 20 лѣтъ раньше, а опубликованнаго матеріала о нихъ весьма мало [3]). Еще хуже обстоитъ дѣло съ матеріаломъ объ этихъ союзахъ въ другихъ странахъ. Въ Россіи же здѣсь сказывается не только сравнительная новизна даннаго явленія, но и *тайна*, которою его облекаютъ промышленники.

Мы здѣсь дадимъ о русскихъ союзахъ работодателей самыя краткія свѣдѣнія, а нѣсколько подробнѣе, поскольку позволяетъ мѣсто, остановимся на лидерѣ всѣхъ этихъ союзовъ—петербургскомъ «Обществѣ заводчиковъ и фабрикантовъ».

Какъ и въ западной Европѣ, наши союзы работодателей организованы по 2 типамъ: 1. союзы промышленниковъ данной отрасли производства и 2. смѣшанные союзы даннаго района независимо отъ отрасли промышленности. Изъ союзовъ перваго типа самое видное мѣсто занимаютъ, какъ и слѣдовало ожидать по организованности типографскихъ рабочихъ, *союзы владѣльцевъ типографій*. Къ апрѣлю 1907 г. они имѣлись въ Петербургѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ростовѣ на Дону и Тифлисѣ (повидимому, еще въ Житомірѣ, Таганрогѣ и др.). Изъ нихъ московскій союзъ объединялъ хозяевъ, у которыхъ работаетъ около 6 тысячъ рабочихъ (изъ 12—15 тысячъ всѣхъ типографскихъ рабочихъ Москвы). Въ Петербургѣ въ январѣ 1907 г произошло сліяніе Совѣта Общества владѣльцевъ печатныхъ заведеній и Комитета союза С.-Петербургскихъ типографовъ. Въ Ригѣ заправилами союза являются 3—4 крупныхъ типографа, такъ какъ для каждаго члена установлено число голосовъ по числу скоропечатныхъ машинъ.

Изъ союзовъ смѣшаннаго типа на первомъ планѣ стоитъ (кромѣ петербургскаго) «Общество фабрикантовъ и заводчиковъ центральнаго промышленнаго района» [4]), уставъ котораго утвержденъ въ октябрѣ 1906 года. «Общество» разбито на 3 группы: мануфактурную, металлическую и остальныхъ производствъ. Союзы смѣшаннаго типа существуютъ еще въ Ригѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Бѣлостокѣ [5]), въ Костромскомъ районѣ.

---

[1]) „Горнозаводскій Листокъ“, 1905 г., №№ 44—45.

[2]) Изданный германскимъ министерствомъ внутр. дѣлъ „списокъ“ этихъ союзовъ съ краткими данными о нихъ („Verzeichniss der im deutschen Reiche bestehenden Vereine gewerblicher Unternehmer zur Wahrung ihrer wirthschaftlichen Interessen“),— большой томъ въ 928 стр.

[3]) Это подчеркиваетъ и Kessler въ предисловіи къ упомянутому труду.

[4]) Губерніи: московская, костромская, калужская, нижегор., рязанская, смоленская, тверская, тульская, ярославская.

[5]) Этотъ союзъ возникъ по инициативѣ временного *генералъ-губернатора*. Первое собраніе союза состоялось подъ предсѣдательствомъ *полковника* Тяжельникова. (См. „Горнозав. листокъ“ 1906 г. № 33).

Затѣмъ упомянемъ союзъ прошивочныхъ фабрикантовъ въ Калишѣ, союзъ фабрикантовъ шерстяной промышленности въ Лодзи, союзъ ювелировъ и владѣльцевъ мастерскихъ золотыхъ и серебрянныхъ издѣлій; далѣе образовавшійся въ 1907 г. въ Симбирскѣ союзъ 19 суконныхъ фабрикъ района Волги [1]), союзъ писчебумажныхъ фабрикантовъ въ Россіи, союзъ кожевенныхъ заводчиковъ Сѣверо-Западнаго края и пр. и пр.

Что касается дѣятельности этихъ союзовъ, то надо сказать, что по характеру ея, союзы сразу стали на путь самой безпощадной борьбы съ рабочими. Этому содѣйствовалъ не только использованный ими опытъ германскихъ боевыхъ Arbeitgeberverbände, но и та накаленная соціальная атмосфера, въ которой они родились.

Въ дѣятельности нашихъ союзовъ работодателей встрѣчается чуть не съ первыхъ же шаговъ весь ассортиментъ тѣхъ «жесткихъ и не—гуманныхъ» средствъ и методовъ, которые выработаны западно-европейской практикой непосредственной и неприкрашенной классовой борьбы. Тутъ и черные списки, система локаутовъ, противостачечные фонды для покрытія убытковъ отъ «насилій», справочныя и забастовочныя бюро, выполненіе работъ предпріятій, гдѣ идетъ забастовка, вербовка штрейкбрехеровъ и т. д. и т. д.

Въ этихъ видахъ союзы прежде всего вооружаются *матеріальными рессурсами*. Союзъ центральнаго района, напр., какъ организація наиболѣе крупныхъ [2]) промышленниковъ, собираетъ со своихъ членовъ по 10 р. въ годъ съ каждаго рабочаго [3]), и еще въ 1906 году, при основаніи союза предположено было собрать къ концу года капиталъ въ $1^1/_2$ милл. рублей. Многіе союзы, сверхъ того, берутъ со своихъ членовъ извѣстныя денежныя гарантіи солидарнаго дѣйствія съ союзомъ. Лодзинскій союзъ беретъ съ поступающаго въ него члена залогъ отъ 15 до 20 тысячъ рублей, утрачиваемыхъ имъ при несоблюденіи устава А уставъ, между прочимъ, запрещаетъ дѣлать уступки рабочимъ безъ согласія комитета союза, по рѣшенію котораго членъ обязанъ закрыть свою фабрику. Союзъ петербургскихъ владѣльцевъ типографій еще въ январѣ 1907 года выработалъ планъ дѣятельности, по которому, между прочимъ, члены союза выдаютъ обязательства, предъявляемыя ко взысканію по постановленію совѣта союза. Рижскій союзъ типографовъ-хозяевъ беретъ съ каждаго члена въ обезпеченіе вексель на 4000 рублей, который предъявляется ко взысканію въ случаѣ нарушенія солидарности.

О содержаніи дѣятельности союзовъ работодателей даетъ нѣкоторое представленіе упомянутый планъ союза петербургскихъ типографовъ, сводящійся къ слѣдующему: 1) поднятіе цѣнъ и измѣненіе условій найма въ союзныхъ типографіяхъ до заключенія тарифа не допускается; 2) рабочіе забастовавшихъ типографій не принимаются въ союзныя типографіи, для чего списокъ забастовщиковъ (черный списокъ) сообщается *конфиденціально* всѣмъ членамъ союза; 3) союзныя типографіи

---

[1]) 236 суконныхъ аппаратовъ съ капиталомъ свыше 20 милл. рублей.

[2]) По уставу въ союзъ принимаются только тѣ хозяева у которыхъ работаютъ не меньше 100 раб. въ московск. губ. и не меньше 300 раб. въ остальныхъ губерніяхъ.

[3]) Къ началу 1907 г. члены союза имѣли 139 тысячъ рабочихъ. Вознагражденіе члену за забастовку равно 75% оплаченной имъ стоимости забастовочнаго дня.

обязаны принять немедленно и исполнять работы отъ тѣхъ союзныхъ типографій, въ которыхъ идетъ забастовка; 5) за забастовочное время не платить, 6 и 7) пункты о денежныхъ обязательствахъ; 8) сообщеніе въ совѣтъ союза свѣдѣній о рабочихъ, нарушающихъ установленный порядокъ и т. д. [1]). Или вотъ *«основныя правила»* союза фабр. и заводчиковъ центральнаго района (за нарушеніе одного изъ этихъ правилъ совѣтъ долженъ по § 51 исключить изъ союза): 1) ни прямо, ни скрыто не платить за дни забастовки; 2) не измѣнять самовольно продолжительность раб. дня, установленную союзомъ; 3) не допускать вмѣшательства рабочихъ депутатовъ въ установку расцѣнковъ, наемъ и увольненіе рабочихъ, въ качествѣ постояннаго органа. («Горнозав. листокъ» 1906 г. № 18).

Комитетъ рижскаго союза фабрикантовъ разослалъ 21-го іюня 1906 года своимъ членамъ циркуляръ, гдѣ требуетъ, чтобы хозяева «не соглашались ни на какія уступки коллективнымъ требованіямъ рабочихъ», и рекомендуетъ закрывать фабрики. Если закрытіе отдѣльныхъ фабрикъ не приведетъ къ цѣли, то предусматривается отказъ отъ работы всѣмъ рабочимъ одной катеторіи съ забастовщиками. Если и эта мѣра окажется безуспѣшной, то будетъ созвано общее собраніе фабрикантовъ, чтобы обсудить постановленіе о всеобщемъ локаутѣ». [2]) О локаутахъ говоритъ и постановленіе (1906 г.) съѣзда фабрикантовъ и заводчиковъ центральнаго района, признавшее *право* объявленія локаута *по большинству голосовъ* предпріятій данной отрасли [3]).

О примѣненіи системы *черныхъ списковъ* [4]) можетъ дать представленіе хотя-бы конфиденціальный циркуляръ петербургскаго общества владѣльцевъ печатныхъ заведеній [5]). «Въ дополненіе къ обращенію отъ 17 января, за № 60, Совѣтъ имѣетъ честь увѣдомить, что на засѣданіи Совѣта отъ того же числа единогласно постановлено...., чтобы въ случаѣ забастовки у кого либо изъ членовъ Общества, списки забастовавшихъ рабочихъ немедленно сообщались въ Совѣтъ съ препровожденіемъ въ копіи требованій рабочихъ, предъявленныхъ владѣльцу. Ни въ какомъ случаѣ безъ вѣдѣнія общества ничего рабочимъ не прибавлять. Совѣтъ проситъ также сообщить званіе, имя, отчество, фамилію и лѣта рабочихъ, отличающихся пьянствомъ, озорничествомъ и *вообще* по своему поведенію нетерпимыхъ въ благоустроенныхъ заведеніяхъ... Съ подлиннымъ вѣрно: дѣлопроизводитель Общества Евг. Шварцъ.»

Наиболѣе полно и выпукло выступаютъ черты нашихъ союзовъ работодателей въ дѣятельности *петербургскаго «Общества Заводчиковъ и Фабрикантовъ»*, ранѣе именовавшагося «Обществомъ для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности». Какъ ни рѣшительна и прямолинейна дѣятельность этого общества, но матеріалы объ этой дѣятельности облечены еще большей, сугубой тайной, приближая Общество къ типу *заговорщиц-*

---

[1]) „Вѣстникъ печатниковъ“, 1907 г. № 1.

[2]) „Горнозаводскій листокъ“, 1906 г. № 26—27.

[3]) Тамъ же.

[4]) И въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. списковъ съ *постояннымъ* или длительнымъ дѣйствіемъ, и такихъ, которые дѣйствуютъ только во время забастовки или локаута и тоже часто называются „черными“.

[5]) Отъ 18 января 1907 г., за № 61.

кихъ [1]). И хотя въ нашемъ распоряженіи имѣется очень большое количество съ трудомъ добытыхъ записокъ, докладовъ, циркуляровъ этого Общества, однако совершенно несомнѣнно, что наиболѣе «пикантный» матеріалъ его либо вовсе не печатается, либо чрезвычайно зорко охраняется отъ посторонняго взора. Изъ имѣющагося матеріала приведемъ вкратцѣ самое существенное.

Петербургское Общество, возникшее въ 1893 году (хотя оффиціально открытое лишь въ 1897 году), дѣйствовало до 1905 года въ томъ же направленіи, какъ и большинство промышленныхъ организацій того времени, т. е. преимущественно въ направленіи давленія на аппаратъ государственной власти. На новый путь оно становится съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1905 года, дѣйствуетъ съ необычайной энергіей и скоро занимаетъ *самое видное мѣсто* въ ряду русскихъ союзовъ работодателей.

Съ полнымъ правомъ Общество само себя характеризуетъ какъ блестяще «выдержавшее серьезное испытаніе» (въ совѣщаніи министерства пром. и торговли въ 1906 г. по рабочему вопросу). «Въ этомъ важномъ совѣщаніи по кардинальному для промышленности вопросу Обществу пришлось выступать параллельно съ представителями другихъ промышленныхъ организацій... По общему признанію нашихъ коллегъ, Общество явилось однимъ изъ наиболѣе подготовленныхъ и умѣло вело защиту общаго дѣла, руководясь ясно выработаннымъ и согласованнымъ въ деталяхъ планомъ. Въ рѣчахъ его представителей чувствовалось, что общество уже имѣетъ традиціи, что оно уже прошло достаточный путь, пріобрѣло прочный опытъ и созрѣло для широкой планомѣрной дѣятельности....» [2]).

Въ сентябрѣ 1906 г. Общество, уже вполнѣ опредѣлившееся, сбрасываетъ съ себя и старую оболочку—названіе «Общества содѣйствія», переименовавшись въ «Общество Заводчиковъ и Фабрикантовъ» съ уставомъ, проектъ котораго выработанъ комиссіей подъ предсѣд. Б. Эфрона, при энергичномъ содѣйствіи Э. Нобеля. Во главѣ общества съ давнихъ поръ стоитъ его предсѣдатель С. Глезмеръ, затѣмъ вице-предсѣдатель Триполитовъ. Общество дѣлится на нѣсколько группъ. Число членовъ общества сильно выросло въ періодъ революціи. Размѣры и составъ общества иллюстрируется слѣд. таблицей:

	Число фирмъ.		Число рабочихъ.	
	1897 г.	1906 г.	1897 г.	1906 г.
Текстильная группа	35	37	27.760	29.150
Механическая »	22	66	9.840	52.510
Писчебумажныя фабр.	9	11	3.240	4.270
По обработкѣ дерева	5	9	575	880
Производство питат. прод. . .	4	12	2.190	6.330
Кожевенные заводы	5	6	1.160	3.600
Разные техно-химическіе . . .	18	26	9.770	12.600
Итого.	98	167	54.535	109.340

[1]) Достаточно указать на то, что общество доставляетъ только самую микроскопическую долю своихъ матеріаловъ даже въ Совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли,—центральную всероссійкую промышленную организацію, членомъ которой петерб. Общество состоитъ.

[2]) Отчетъ общества за десять лѣтъ, 1897—1906 гг., стр. 15.

Тутъ характерно не только увеличеніе почти вдвое числа всѣхъ членовъ, но также увеличеніе *втрое* числа членовъ механической группы. До революціи Общество объединяло преимущественно представителей текстильной промышленности; 1905 годъ съ его выдающейся борьбою петерб. рабочихъ металлической промышленности, даетъ огромный приростъ механической группы Общества.

Весь періодъ массовыхъ политическихъ забастовокъ конца 1905 года Общество проявляетъ огромную энергію въ дѣлѣ организаціи сопротивленія предпринимателей собственными силами напору рабочихъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ въ Обществѣ идутъ почти ежедневныя засѣданія [1]), и тутъ выковывается острое оружіе противъ рабочихъ: отвергается сокращеніе рабочаго дня и плата за время забастовки; тутъ замышляется и организуется упомянутая выше конвенція всѣхъ фабрикантовъ о тѣхъ пунктахъ, по которымъ нельзя уступать рабочимъ; тутъ рѣшаютъ закрытіе заводовъ, обращеніе къ содѣйствію полиціи и войска и заявленія правительству о вредѣ политики уступокъ.

Общество напечатало въ огромномъ количествѣ и разослало своимъ членамъ печатные бланки для заполненія ихъ свѣдѣніями о положеніи на ихъ заводахъ: предъявляютъ-ли рабочіе требованія, вводятъ ли насильственно сокращеніе раб. дня, забастовали ли, объявили ли разсчетъ, былъ ли «бунтъ, столкновеніе съ войсками», «былъ ли митингъ: съ посторонними, безъ постороннихъ; съ разрѣшенія администраціи, безъ разрѣшенія», какова военная охрана и т. д. На бланкахъ поясненіе жирнымъ шрифтомъ: «*Надо посылать листки ежедневно*, даже если на заводѣ все спокойно или безъ перемѣнъ». Въ ноябрѣ Общество выпускало каждые 4—5 дней или чаще бюллетени о заводахъ и фабрикахъ со свѣдѣніями о томъ, какіе «бездѣйствуютъ цѣликомъ», «частично», какіе «неспокойно работаютъ», «приступили къ работамъ», гдѣ «совершено насиліе надъ личностью» и т. д. [2]). Во время почтово-телеграфной забастовки Общество спѣшно организуетъ свою собственную почту [3]), разсылая письма безъ марокъ черезъ посредство биржи, какъ своего главнаго почтамта. Тогда же оно вступаетъ въ сношеніе съ градоначальникомъ о недопущеніи на фабрикахъ и заводахъ собраній рабочихъ, устраиваемыхъ вопреки желанію администраціи [4]). Въ декабрѣ Общество предпринимаетъ походъ противъ организаціи заводскихъ служащихъ, находя, что «организація служащихъ могла бы принять полезныя формы при спокойномъ состояніи страны»; теперь же «участіе въ организаціяхъ несовмѣстимо съ дѣятельностью на заводахъ и фабрикахъ» [5]).

Нечего и говорить, что общество руководитъ всѣми актами противодѣйствія требованіямъ рабочихъ и регулируетъ массовое выбрасываніе рабочихъ изъ закрываемыхъ заводовъ.

Характерно для силы старой закваски промышленниковъ то, что, наряду

---

[1]) Число засѣданій: въ 1903 г.—31, въ 1904 г.—37, въ 1905—184!

[2]) Изданіе этихъ бюллетеней продолжалось и въ 1906 г. (встрѣчается бюллетень № 22 отъ 27 февраля 1906 г.).

[3]) Циркуляръ отъ 18 ноября.

[4]) Отношеніе отъ 4 ноября за № 820.

[5]) Постановленіе общаго собранія 21-го декабря.

съ этой кипучей внутренней работой, Общество находитъ время и для примѣненія стараго метода—давленія на органы правительства.

Обществу принадлежитъ инціатива комедіи съ «Цусимой», въ засѣданіи 18 мая 1905 г., въ комиссіи Коковцева по рабочему вопросу.

Въ октябрѣ Общество представляетъ Министру Юстиціи докладную записку съ протестомъ противъ «несправедливыхъ и противорѣчивыхъ» рѣшеній мировыхъ судей по дѣламъ объ искахъ рабочихъ за дни забастовокъ. Въ запискѣ Общество настаиваетъ на примѣненіи пресловутой ст. 1358[1] уложенія о наказаніяхъ, какъ не отмѣненной, и дальше неожиданно выдвигаетъ такую аргументацію: «Январьскія событія... [1]) въ Высочайшемъ манифестѣ 18 февраля 1905 г. названы «смутою» и «мятежнымъ движеніемъ». *Въ силу нашего государственнаго строя, Высочайшій манифестъ есть законъ*, и его опредѣленія и постановленія имѣютъ силу закона». Ставъ на такую почву, записка ходатайствуетъ о внесеніи на разсмотрѣніе сената вопроса о законности рѣшеній мировыхъ судей.

Въ связи съ этой запиской подана Обществомъ и другая, гдѣ выставляется смѣло такое утвержденіе: «Забастовки, охватывавшія Россію въ теченіе послѣдняго времени, обошлись промышленности въ *нѣсколько сотенъ милліоновъ рублей. Приблизительно на такую сумму* [!] *предъявляются нынѣ рабочими исковыя требованія*». Наконецъ, тогда же—именно въ день 17-го октября!—Общество входитъ о томъ-же съ повторнымъ ходатайствомъ къ министру юстиціи, а за 2 дня до засѣданія сената разсылаетъ еще особую записку сенаторамъ [2]).

Въ томъ же духѣ Общество подало министру юстиціи и другую записку о неоходимости давать законный ходъ дѣламъ о «насиліяхъ на фабрикахъ и заводахъ», при томъ *«внѣ очереди»* [3]). Тутъ рабочія забастовки изображаются, какъ продуктъ «давленія крайне незначительной группы лицъ, являющихся подстрекателями и зачинщиками безпорядковъ» и дѣйствующихъ «угрозами и насиліями». Тутъ—также ссылка на манифестъ, но уже другой—17 октября, съ изданіемъ котораго «Россія стала правовымъ государствомъ». Но изъ этого факта капиталистическая логика дѣлаетъ своеобразный выводъ о необходимости примѣнять, да еще внѣ очереди, отжившее наслѣдіе «не-правового» строя, въ видѣ извѣстныхъ статей 269[1], 318, 1358 и 1548 уложенія о наказаніяхъ [4]).

Такого рода обращенія къ правительству, систематическое давленіе на него путемъ непосредственныхъ сношеній занимаютъ видное мѣсто въ дѣятельности Общества, составляя связующее звено между этимъ союзомъ работодателей и промышленными организаціями дореволюціоннаго періода. Особенно энергично

---

[1]) Т. е. забастовки.

[2]) Въ результатѣ сенатъ удовлетворилъ требованіе Общества 28 января 1906 г. Этимъ промышленники,—публично выступавшіе за свободную борьбу капитала и труда, „подъ сурдинку еще до начала борьбы лишили своего противника оружія", какъ выражается юристъ Гольдмерштейнъ въ своемъ „Открытомъ письмѣ" къ промышленникамъ. Вскорѣ Общество добилось отъ сената еще разъясненія, что не обязательно платить за двѣ недѣли рабочимъ, разсчитаннымъ изъ-за забастовки въ одномъ отдѣленіи завода. Это было провоцированіемъ локаутовъ.

[3]) Курсивъ записки.

[4]) Записка „О примѣненіи дѣйствующаго закона въ случаяхъ насилій и угрозъ" отъ 23 ноября 1905 года.

петербургское Общество дѣйствовало въ этомъ направленіи въ концѣ 1906 года, стараясь надлежащимъ образомъ направить работы предстоявшаго 14-го декабря совѣщанія при министерствѣ торговли и промышленности по рабочему вопросу. Общество подало рядъ обширныхъ и очень ловко составленныхъ записокъ: относительно правилъ о наймѣ, относительно проектовъ страхованія рабочихъ и пр.

Общество ходатайствовало и по вопросамъ промысловаго обложенія, всячески стараясь обойти циркуляръ министра финансовъ отъ 16-го декабря 1905 г., направленный противъ мошенническихъ пріемовъ фирмъ, искусственно уменьшающихъ подлежащую обложенію прибыль помощью такихъ пріемовъ, какъ отнесеніе въ графу расхода «процентовъ» на капиталы, «занятые» у собственныхъ пайщиковъ и акціонеровъ. Въ концѣ концовъ Общество могло съ чувствомъ удовлетворенія заявить: «Первоначальный проектъ инструкціи, съ которымъ представители пром. и торговли имѣли возможность ознакомиться на совѣщаніяхъ въ министерствѣ финансовъ 15-го, 17 и 18-го сего мѣсяца, *выступалъ изъ рамокъ закона*, но представителямъ промышленности въ общемъ *удалось* свести его къ установленнымъ въ законѣ нормамъ» [1]).

Впрочемъ, что характерно для петербургскаго «Общества», какъ союза работодателей, это не сношенія съ правительствомъ, а проявленіе самодѣятельности при защитѣ своихъ интересовъ въ тѣхъ-же областяхъ. И тутъ петерб. Общество неутомимо. По тому же вопросу о промысловомъ обложеніи оно разсылаетъ 4 марта 1906 года своимъ членамъ «справку»,—подборъ законовъ и циркуляровъ, которые «необходимо принимать во вниманіе при заключеніи отчетности за 1905 г.», съ указаніемъ, какъ можно обходить законы, истолковывая ихъ въ свою пользу. Ходатайствуя передъ правительствомъ объ организаціи промышленниковъ не стараго типа, а по типу самостоятельныхъ союзовъ, Общество въ то-же время вырабатываетъ и разсылаетъ своимъ членамъ примѣрные уставы такихъ союзовъ. Въ 1906 году Общество организуетъ у себя постоянную юридическую комиссію [2]) и регистрацію несчастныхъ случаевъ, оказывающія его членамъ специфическія услуги.

И въ этихъ актахъ самодѣятельности Общество не останавливается предъ организованнымъ противодѣйствіемъ органамъ правительства. Въ томъ же 1906 году, по поводу циркуляра казенной палаты, требующаго отъ подотчетныхъ предпріятій свѣдѣній, касающихся промыслового налога, предсѣдатель Общества, Глезмеръ, разсылаетъ членамъ обширнѣйшій циркуляръ, не перестающій внушать: это «требованіе (казенной палаты) незаконно», «представленіе такихъ данныхъ необязательно», «предложенный казенной палатой разсчетъ податной прибыли не соотвѣтствуетъ закону», «пользоваться бланкомъ каз. палаты для разсчета податной прибыли не слѣдуетъ», «ни въ какомъ случаѣ каз. палата не вправѣ требовать» и т. д. Циркуляръ предлагаетъ исключать изъ прибыли такія-то статьи и пр., — все это согласно постановленія общаго собранія 11-го апрѣля [3]). Въ томъ же духѣ составленъ циркуляръ «господамъ членамъ

---

[1]) Памятная записка Глезмера объ инструкціи къ закону 2 января 1906 г. (о повышеніи промысловаго обложенія).

[2]) Это *она* аттакой на сенатъ добилась упомянутыхъ важныхъ „разъясненій“.

[3]) Циркуляръ отъ 26 апрѣля 1906 за № 287.

Общества»: «По вопросу требованія Казенной Палатой вѣдомости счетовъ Главной Книги» единогласно постановлено (въ общемъ собраніи 9 октября 1906 г.): означенной вѣдомости Казенной Палатѣ *не представлять*» [1]).

Другой циркуляръ Общества сообщаетъ, что общее собраніе 8 марта 1906 года протестовало противъ проекта обложенія акцизомъ электрической энергіи и свѣтильнаго газа и рѣшило не слушаться требованія—представлять въ акцизное вѣдомство статистическія данныя о количествѣ потребляемой элекрической энергіи и газа. Циркуляръ предлагаетъ направлять эти данныя въ «Общество», а ужъ оно сдѣлаетъ съ ними, что нужно [2]).

Но, конечно, главная сфера дѣятельности Общества это—борьба съ рабочими. Тутъ веденіе *черныхъ списковъ* занимаетъ, конечно, видное мѣсто. Изъ многочисленныхъ случаевъ этого рода укажемъ слѣдующіе. Общее собраніе 11 августа 1906 г., по поводу забастовки на 5 фабрикахъ и заводахъ, постановило между прочимъ: «а) не принимать на заводы и фабрики рабочихъ съ закрытыхъ фабрикъ и заводовъ, согласно спискамъ, которые будутъ препровождены каждому члену Общества; б) распространить означенное постановленіе и на тѣхъ рабочихъ, которые могли бы быть принятыми съ означенныхъ фабрикъ и заводовъ до полученія оговоренныхъ списковъ» [3]). Въ другомъ циркулярѣ предписывается членамъ Общества прекратить бойкотъ рабочихъ «согласно препровожденнымъ въ свое время спискамъ А, Б, В» [4]). Черные списки разсылаются Обществомъ въ видѣ отдѣльныхъ листовъ съ перечисленіемъ фамилій, именъ, отчествъ, мѣста родины бойкотируемыхъ рабочихъ—въ родѣ списка рабочихъ завода Струка [5]), или списка отъ 16 ноября 1907, содержащаго 15 фамилій, и т. п.

Другой пунктъ—организованное регулированіе *рабочей платы*. Такъ, по поводу предъявленія рабочими карднаго отдѣленія одной мануфактуры требованія повышенія заработной платы, Общество въ засѣданіи членовъ волокнистой группы 28 іюня постановило, что каждый хозяинъ «имѣетъ право увеличить плату въ кардномъ отдѣленіи *при соблюденіи слѣд. условій*» [6]).

Ту же организованность проявляютъ члены общества въ вопросѣ о продолжительности *рабочаго дня*. Такъ, совѣщаніе текстильной группы 3 ноября 1906 г. приняло взаимное обязательство: 1) «установленную продолжительность работъ по девяти часовъ въ сутки для каждой смѣны рабочихъ сохранять и въ дни субботніе и предпраздничные и 2) не вводить никакихъ измѣненій въ рабочемъ времени на отдѣльныхъ фабрикахъ безъ предварительнаго соглашенія съ представителями другихъ фабрикъ текстильной группы». Извѣщеніе объ этомъ заканчивается такъ: «настоящее сообщеніе, *во избѣжаніе ненужной огласки*, препровождается *лично представителямъ фабрикъ*» [7]).

---

[1]) Циркуляръ отъ 14 октября 1906 г. за № 690.

[2]) Циркуляръ отъ 10 марта 1906 г. за № 242.

[3]) Циркуляръ отъ 14 августа за № 507.

[4]) Циркуляръ отъ 14 октября 1906 г. за № 690.

[5]) Списокъ разосланъ при отношеніи отъ 22 мая 1907 г. за № 418.

[6]) Документъ за подписями фирмъ: Паль, Бекъ, Джонсонъ, Воронинъ, Говардъ и др.

[7]) Отношеніе отъ 4 ноября 1906 г., за № 842.

Общество руководитъ согласованными дѣйствіями своихъ членовъ не только въ вопросѣ матеріальнаго свойства. Напримѣръ, въ апрѣлѣ 1906 г. Общество разослало своимъ членамъ циркуляръ съ точнымъ текстомъ того отрицательнаго отвѣта, который они должны дать на запросъ комиссіи о безработныхъ при петерб. городской думѣ о допущеніи собраній рабочихъ для выбора депутатовъ въ эту комиссію [1]).

Упорно добиваясь защиты интересовъ заводчиковъ и фабрикантовъ, Общество не останавливается передъ самыми беззастѣнчивыми средствами. Такъ, въ ноябрѣ 1906 г. Общество разослало своимъ членамъ записку о сверхурочныхъ работахъ. Идетъ рѣчь о мюльщикахъ, которыхъ заставляютъ являться раньше начала работъ для чистки и смазки мюль-машинъ, за что мюльщики осмѣливались требовать особой платы, какъ за сверхурочную работу. И вотъ, что говоритъ объ этомъ записка Общества. «Приходъ рабочихъ до пусканія двигателей отвѣчаетъ интересамъ... рабочаго, такъ какъ является *разрѣшеніемъ пользоваться помѣщеніемъ фабрики, свѣтомъ и отопленіемъ сверхъ установленной нормы*... Разрѣшеніе это, въ видахъ чистки и смазки, сверхъ $11^1/_2$ часовой нормы, имѣетъ въ виду интересы и пользу не одного лишь фабриканта, но и рабочаго. *Оно является уступкой въ пользу рабочаго, а не, наоборотъ, принужденіемъ къ безплатному труду*» [2]).

Петербургское общество не пренебрегаетъ и борьбою «духовнымъ оружіемъ» («Kampf mit geistigen Waffen»). Въ началѣ 1906 года оно распространяло брошюру Ососова «О забастовкахъ»—изданіе пресловутой (правительственной) «Постоянной Комиссіи народныхъ чтеній». Г. Ососовъ натравливаетъ читателей на аптекарей-забастовщиковъ,—они, молъ, говорятъ: «пусть умираютъ!» Авторъ увѣряетъ, что за границей «всѣ стачки этихъ годовъ (1894—98) окончились или пораженіемъ рабочихъ или взаимными уступками», [3]) и заявляетъ: «Наше правительство... удѣляетъ весьма много заботливости дѣлу охраненія рабочихъ интересовъ... Оно сдѣлало для рабочаго вопроса несравненно больше, чѣмъ законодательство западныхъ государствъ» [4]). Къ этой брошюрѣ сдѣлано приложеніе: указъ 2 декабря 1905 г. противъ угрозъ и насилій стачечниковъ.

Въ общемъ собраніи Общества 28 ноября 1905 г. была выдвинута идея изданія «малой популярной газеты» [5]); подписка тутъ же дала фондъ въ 50 тысячъ рублей. Въ собраніи 5 декабря того же года уже имѣлся на лицо газетный фондъ 78.000 рублей (775 паевъ отъ 66 фирмъ). Идея и была осуществлена — въ видѣ газеты «Новый путь», изданной въ количествѣ 8 номеровъ Н. А. Демчинскимъ. На этомъ кончилась затѣя: воздѣйствіе Общества на читателей оказалось менѣе удачнымъ, чѣмъ обычное его давленіе на правительство. Въ іюнѣ 1906 г. пришлось дѣло ликвидировать и отказаться отъ субсидированія газеты «Переломъ», предлагавшей Обществу свои услуги.

---

[1]) Циркуляръ помѣченъ: „Къ свѣдѣнію. Конфиденціально“.

[2]) Докладная записка, стр. 4.

[3]) Ососовъ, стр. 23.

[4]) Тамъ же, стр. 39.

[5]) Для „противодѣйствія раздражающему вліянію современной газетной прессы“.

Общество продолжало литературное издательство, но разсчитанное на самихъ членовъ общества. Такъ, имъ издана упомянутая выше книга В. В. Громана [1]), который подробно и сочувственно описываетъ организацію и дѣятельность германскихъ работодателей. Книга снабжена предисловіемъ-обращеніемъ «Общества заводчиковъ и фабрикантовъ»—«Господамъ членамъ общества», гдѣ говорится: «каждому русскому заводчику и фабриканту слѣдуетъ внимательно прочитать предлагаемую книгу и справляться въ ней всякій разъ, когда нарушеніе нормальнаго хода работъ вызываетъ необходимость организованныхъ мѣръ»... Въ Іюлѣ 1907 года Общество издало особую «Справочную книжку по нѣкоторымъ вопросамъ о наймѣ и разсчетѣ рабочихъ» съ подробнымъ перечисленіемъ правъ (но не обязанностей) хозяевъ. Въ ноябрѣ 1907 г. Общество рекомендуетъ своимъ членамъ книжку Эліссона «Законы объ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими въ области фабрично-заводской промышленности».

Политикой «Общество» не занимается—такъ постоянно увѣряетъ и оно, и другія организаціи промышленниковъ. Но поддержка Союза 17 октября—дѣло важное для петербургскаго Общества. Передъ выборами въ 3-ю Думу, Общество поддерживало кандидатуры октябристовъ, и въ спеціальномъ циркулярѣ [2]) рекомендовало голосовать за Бѣляева, Лерхе и Анрепа; затѣмъ въ особомъ циркулярѣ «съ удовольствіемъ» извѣщало членовъ объ избраніи «Бѣляева—дѣятельнаго участника общества заводчиковъ и фабрикантовъ» и просило на перебаллотировкѣ «поддержать двухъ другихъ нашихъ кандидатовъ: В. К. Анрепа и Г. Г. Лерхе» [3]).

Всѣ черты дѣятельности петербургскаго «Общества заводчиковъ и фабрикантовъ» въ большей или меньшей мѣрѣ характерны и для остальныхъ нашихъ союзовъ работодателей.

Обо всей этой категоріи промышленныхъ организацій надо сказать, что періодъ ихъ интенсивнаго образованія и проявленія—время отъ конца 1905 г. приблизительно до средины 1907 года. Послѣ этого интенсивность замѣтно *падаетъ*. Въ частности это относится и къ петербургскому обществу заводчиковъ и фабрикантовъ, какъ показываетъ слѣдующая таблица [4]):

ГРУППЫ.	Число фирмъ.			Число рабочихъ.		
	1897	1906	1907	1897	1906	1907
Текстильная группа . . .	35	37	35	27.760	29.150	29.216
Механическая » . . .	22	66	72	9.840	52.510	53.603
Писчебум. фабр.	9	11	11	3.240	4.270	3.308
Группа по обработкѣ дерева .	5	9	10	575	880	1.097
Производство питат. прод. .	4	12	13	2.190	6.330	7.093
Кожевенные заводы . . .	5	6	5	1.160	3.600	3.512
Разные техно-химич. . . .	18	26	25	9.770	12.600	12.536
Всего	98	167	171	54.535	109.340	110.365

[1]) „Организація работодателей въ Германіи“.

[2]) Циркуляръ отъ 12 октября 1907 г., за № 646.

[3]) Циркуляръ отъ 20 октября за № 655.

[4]) См. отчеты Общества за 1906 и 1907 годы.

Очевидно, въ 1907 г. по своимъ размѣрамъ Общество въ цѣломъ принимаетъ стаціонарное положеніе, а по отдѣльнымъ группамъ замѣчается даже регрессъ.

Понять это явленіе нетрудно, если принять во вниманіе тотъ факторъ, который собственно и создалъ союзы работодателей—подъемъ *рабочаго движенія*, развитіе профессіональныхъ организацій рабочихъ. Въ той мѣрѣ, въ какой задавлено движеніе рабочихъ и разгромлены ихъ профессіональные союзы, ослабѣваетъ и стимулъ самоорганизаціи работодателей. Несомнѣнно, *какъ только рабочія организаціи обнаружатъ признаки оживленія, опять поднимется интенсивность развитія нашихъ союзовъ работодателей.*

Мы цитировали выше слова изслѣдователя германскихъ союзовъ работодателей, Кесслера: «Рабочій профессіональный союзъ, по природѣ вещей, нападаетъ, союзъ работодателей обороняется». Конечно, эти слова Кесслера относятся къ вопросу только о *генезисѣ* хозяйскихъ союзовъ, а не объ ихъ фактической роли. Недаромъ самъ Кесслеръ тутъ-же прибавляетъ къ цитированнымъ словамъ: «что порою *отношенія становятся обратными*,—не мѣняетъ вѣрности этого положенія въ общемъ».

Эту оговорку было-бы совершенно излишне дѣлать въ отношеніи къ *россійскимъ* союзамъ работодателей: она сама собою разумѣется. Болѣе того,—здѣсь отношенія стали обратными ужъ *очень скоро* послѣ возникновенія промышленныхъ союзовъ новаго типа. Положеніе обороняющихся имъ суждено было занимать весьма недолго. Извѣстные европейскимъ союзамъ работодателей и нерѣдко встрѣчающіеся въ ихъ практикѣ тарифные договоры, примирительныя камеры и пр. въ обстановкѣ россійской дѣйствительности, можно сказать, отцвѣли, не успѣвши расцвѣсти. Наблюдались они, конечно, только въ дни бурнаго 1905 года и—опять таки—преимущественно въ той области промышленности, гдѣ рабочіе отличались наибольшей активностью—въ типографской.

Такъ, въ Ригѣ совмѣстныя совѣщанія 22 представителей владѣльцевъ типографій и 28 делегатовъ отъ ихъ рабочихъ выработали 4 и 8-го марта 1905 г. рядъ пунктовъ, среди которыхъ $9^1/_2$ часовой раб. день, минимальная плата (11 р. въ недѣлю) и пр. [1]). Въ Петербургѣ состоялось 14 ноября того же года первое засѣданіе примирительной камеры для урегулированія недоразумѣній между владѣльцами типографій и рабочими—въ составѣ 8 человѣкъ, по 4 съ каждой стороны. Тогда же союзъ владѣльцевъ петербургскихъ типографій принялъ 9 часовой раб. день и минимальный тарифъ. Но уже въ апрѣлѣ 1906 г. констатируется въ петербургскихъ типографіяхъ рядъ конфликтовъ, вызываемыхъ «чаще всего выбрасываніемъ дѣятельныхъ товарищей... Не было ни одного случая, чтобы рабочіе не подчинились рѣшенію примирительной камеры; обратное мы наблюдаемъ только у хозяевъ» [2]). Впрочемъ, продолжительные переговоры о тарифномъ соглашеніи въ петербургскихъ типографіяхъ велись еще въ 1907 г.

Но пріобрѣтенія, сдѣланныя рабочими организаціями благодаря ихъ борьбѣ

---

[1]) „Печатный Вѣстникъ“ 1905 г., № 9.

[2]) „Вѣстникъ печатниковъ“, 1906 г., № 5.

*

въ 1905 и 1906 годахъ, не давали покоя предпринимателямъ, и больше всего ихъ раздражало одно пріобрѣтеніе—самыя *организаціи* рабочихъ. И вотъ по мѣрѣ того, какъ старый политическій режимъ, оправившись отъ растерянности 1905 года, занимаетъ опять свои прежнія позиціи и обрушивается всей тяжестью репрессіи на рабочій классъ, по мѣрѣ того, какъ классъ промышленниковъ, забывъ свои увлеченія «безумнаго» года, подъ крылышкомъ того-же режима, организуется въ спеціальные союзы работодателей,—начинается періодъ *аггрессивныхъ* дѣйствій, систематическій походъ на завоеванія рабочихъ. Хозяйскіе союзы облегчаютъ переходъ капиталистовъ въ наступленіе, а самое это наступленіе въ свою очередь, стимулируетъ образованіе и укрѣпленіе хозяйскихъ союзовъ.

Въ этомъ процессѣ выковывается *новое* оружіе, позаимствованное у Западной Европы и въ русскій обиходъ такъ и перешедшее съ западно-европейскимъ названіемъ—*локаутъ*. И, можетъ быть, нѣтъ болѣе яркаго проявленія интимной связи перехода промышленной буржуазіи въ наступленіе противъ рабочихъ съ торжествомъ воинствующей правительственной реакціи, какъ то обстоятельство, что эпидемія локаутовъ обрушивается на рабочихъ именно *послѣ роспуска первой Думы*,—этой репетиціи акта 3 іюня 1907 года, долженствовавшей доказать, что бюрократія попрежнему «*все можетъ*». И, опять-таки, вичто другое, быть можетъ, не въ силахъ бросить такой яркій свѣтъ на специфическія особенности крупно-буржуазнаго либерализма, выдвигавшаго въ запискахъ 1905 года *требованіе свободы профессіональныхъ организацій рабочихъ*, какъ то обстоятельство, что *на разрушеніе этихъ организацій* и были главнымъ образомъ направлены локауты со стороны промышленниковъ. Опираясь на свои боевые союзы, подъ прикрытіемъ реакціи, промышленная буржуазія начинаетъ наносить профессіональнымъ союзамъ ударъ за ударомъ, въ конецъ обезсиливая рабочую массу, главнѣйшаго врага абсолютизма.

О локаутахъ за періодъ отъ разгона 1-ой Думы до разгона второй даны свѣдѣнія въ 1-ой части настоящаго тома [1]). Мы здѣсь дадимъ только дополнительные штрихи.

Мысль о локаутахъ бродила въ головахъ промышленниковъ еще въ дни свободъ — и, конечно, то были промышленники, дѣйствовавшіе въ *петербургскомъ* союзѣ работодателей. По поводу попытки введенія 8-часового раб. дня въ ноябрѣ 1905 г. въ заводскихъ мастерскихъ было вывѣшено длинное извѣщеніе отъ «собранія представителей 72 механическихъ и металлургическихъ заводовъ петербургскаго района», заканчивавшееся словами: «Собраніе признало совершенно невозможнымъ соглашаться на сокращеніе нынѣ установленнаго рабочаго времени, если же къ этому будутъ вынуждать сами рабочіе, то *рѣшено закрывать заводы*» [2]). Частичное закрытіе и имѣло тогда мѣсто, но дальнѣйшаго развитія этотъ пріемъ пока не получилъ.

Первый союзъ, серьезно пригрозившій общимъ локаутомъ, былъ *рижскій*

---

[1]) См. статью „Рабочіе въ 1905—07 годахъ", стр. 297—300 и 325—330.

[2]) „Русскій Экономистъ", 1905 г. № 42—43.

союзъ фабрикантовъ, пустившій въ оборотъ лозунгъ: *никакихъ уступокъ рабочимъ* [1]).

Послѣ роспуска 1-ой Думы, когда профессіональные союзы рабочихъ подверглись полицейскому разгрому, промышленники почувствовали, что на ихъ улицѣ наступилъ праздникъ. Господствовавшее среди нихъ настроеніе выразилъ 23 іюля владѣлецъ петербургской типографіи Яблонскій въ весьма обнаженной формѣ, заявивъ рабочимъ: «*Вашего союза нѣтъ, онъ умеръ, а потому нашъ союзъ рѣшилъ перейти къ старымъ порядкамъ*. Когда у васъ былъ союзъ, вы были сильны и мы, хозяева, должны были вамъ уступать; теперь у васъ союза нѣтъ, вы разбиты, а потому должны намъ уступать» [2]).

Вскорѣ послѣ того разгорается локаутъ *щетинщиковъ* въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ хозяева постановили: 1) не вести никакихъ переговоровъ съ союзомъ рабочихъ, 2) не принимать на работу болѣе дѣятельныхъ членовъ союза рабочихъ, 3) въ случаѣ упорства рабочихъ, выдавать ихъ руководителей полиціи [3]). Тогда же разыгрывается полный драматическихъ моментовъ знаменитый *лодзинскій* локаутъ и цѣлая *эпидемія локаутовъ* въ Царствѣ Польскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ. При этомъ «въ особенности возбуждаетъ недовольство капиталистовъ вмѣшательство профессіональныхъ союзовъ въ дѣло установленія внутренняго фабричнаго распорядка, въ дѣло найма и увольненія рабочихъ... Поэтому почти во всѣхъ нашихъ локаутахъ одно изъ главныхъ требованій хозяевъ сводится къ отстраненію профессіональнаго союза отъ этой роли» [4]). Однимъ словомъ, знаменитая формула германскихъ работодателей—«*Herr im Hause sein*»—властно руководитъ и нашими промышленниками въ этой эпидеміи локаутовъ [5]).

Что при этомъ промышленники не перестаютъ обращаться за содѣйствіемъ полиціи и военной силы—неудивительно [6]). Особенно достойно быть отмѣченнымъ усердіе *московской городской управы*, которая старалась не отстать отъ пріемовъ заправскихъ предпринимателей во время 2-недѣльнаго локаута на трамваѣ [7]). Не довольствуясь тѣмъ, что управа обрекла на голодъ 3.000 рабочихъ съ ихъ семьями, городской голова, Н. Гучковъ, ходатайствовалъ у прокурора о привлеченіи рабочихъ къ уголовной отвѣтственности. Такъ какъ прокуроръ не находилъ въ ихъ дѣйствіяхъ состава преступленія, то Гучковъ, возмущенный «либерализмомъ» московскаго прокурора, жалуется министру юстиціи, который и удовлетворяетъ ходатайство головы. Въ то же время управа старается провоцировать нарушеніе мирнаго хода стачки со стороны служащихъ: она

---

[1]) См. приведенное выше постановленіе отъ 21 іюня 1906 г.

[2]) „Голосъ Печатника“ 1906 г. № 1.

[3]) „Профессіональный Вѣстникъ“ № 1.

[4]) „1-ая конференція проф. союзовъ рабочихъ по металлу“, стр. 45.

[5]) Были и раньше признаки этого. О стачкахъ 1905 года оффиціальный статистикъ говоритъ: „... Но наибольшее упорство обнаружено предпринимателями въ спорахъ о порядкѣ въ заведеніяхъ“. В. Варзаръ, „Статистика стачекъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за 1905 годъ“.

[6]) Владѣльцы „Русскаго общества парох. и торговли“ даже входятъ въ кооперацію съ союзомъ русскаго народа во время борьбы командъ за „регистрацію“.

[7]) См. часть 1-ю, стр. 326.

отказываетъ имъ въ избраніи делегатовъ для веденія съ управой переговоровъ; она даже предлагаетъ инженерамъ набрать штатъ штрейкбрехеровъ и составить списки всѣхъ агитирующихъ и упорствующихъ въ забастовкѣ рабочихъ для представленія ихъ градоначальнику. Не даромъ же во главѣ московской управы стоялъ человѣкъ, органически связанный съ торгово-промышленной средой.

VI. Всероссійское объединеніе капитала.

Дореволюціонный періодъ не зналъ вовсе *общероссійской организаціи* промышленниковъ. Мы встрѣчаемся до 1905 года съ всероссійскими торгово-промышленными съѣздами (1870 г., 1882 г. и 1896 г. [1]); но, уже не говоря о томъ, что они далеки были отъ того, чтобъ представлять интересы промышленнаго капитала,—они, кромѣ того, были именно временными съѣздами только, а не постоянными организаціями. А тѣ прочныя *и постоянно* дѣйствующія организаціи, которыя—тоже подъ названіемъ «Съѣздовъ», — мощно развились въ періодъ 80 и 90 годовъ, объединяли представителей только опредѣленнаго района, либо охватывали во всей Россіи только одну отрасль промышленности.

Экстраординарная встряска, которую задалъ всѣмъ общественнымъ классамъ періодъ 1905 года, чрезвычайно подогрѣла организаціонную энергію класса крупныхъ промышленниковъ. Развилась она въ двухъ направленіяхъ [2]): съ одной стороны, возникло ново-образованіе—организація союзовъ работодателей; съ другой—старыя организаціи потянулись другъ къ другу: возникли тенденціи къ *общенаціональному* объединенію представителей торгово-промышленнаго капитала.

Прежде, чѣмъ остановиться на задачахъ, которыя ставили себѣ учредители общероссійской организаціи, и на характеристикѣ ея дѣятельности, скажемъ вкратцѣ объ исторіи ея возникновенія.

Мы видѣли, какъ попытка образованія торгово-промышленной партіи привела промышленниковъ въ іюнѣ 1905 г. къ мысли «ограничиться исключительно экономической стороною единенія». Иниціаторомъ былъ кружокъ промышленниковъ, сгруппировавшихся при конторѣ желѣзо-заводчиковъ. Къ ноябрю 1905 г. списокъ учредителей общеимперскаго союза промышленниковъ включалъ уже около 100 виднѣйшихъ именъ изъ этой среды. Состоялось 2 съѣзда—въ январѣ и апрѣлѣ—и одно делегатское совѣщаніе—въ февралѣ 1906 г. Они выработали «Положеніе» о всероссійской организаціи подъ именемъ «*Съѣзды представителей промышленности и торговли*» [3]). Выбранный на апрѣльскомъ «учредительномъ» съѣздѣ исполнительный органъ—«Временный Совѣтъ» представилъ «Положеніе» правительству, коимъ оно и было утверждено 24 августа того-же года. А въ октябрѣ уже состоялся «1-ый очередной Съѣздъ представителей промышленности и торговли». Почти наканунѣ того момента, которымъ

---

[1]) См. т. I, стр. 341—347.

[2]) Это въ сферѣ общественно-политической. Въ области-же экономической еще усилилось образованіе *синдикатовъ* и *картелей*.

[3]) Мы эту организацію будемъ, ради краткости, называть просто „Съѣздами".

ограничивается во времени настоящій очеркъ—3 іюня 1907 года,—состоялся 2-ой очередный съѣздъ 22—24 мая 1907 года. [1]) Съѣзды выбираютъ Совѣтъ, изъ 28—36 человѣкъ, а Совѣтъ съѣздовъ выдѣляетъ изъ своей среды исполнительный органъ—Комитетъ.

«Съѣзды представителей промышленности и торговли»—организація исключительно *крупнаго капитала*. По уставу, *дѣйствительными членами* Съѣздовъ состоятъ не отдѣльныя лица или фирмы, а *только цѣлыя организаціи* промышленниковъ и торговцевъ (§ 7) [2]). Совѣщательными членами Съѣздовъ могутъ состоять отдѣльныя акціонерныя предпріятія, складочный *капиталъ которыхъ не меньше 300.000 р.*, а также предпріятія, не обязанныя публичною отчетностью, имѣющія годовой оборотъ не ниже 300.000 рублей (§ 8). Размѣръ ежегоднаго взноса дѣйствительныхъ членовъ опредѣляется каждый годъ въ зависимости отъ класса, къ которому отнесена данная организація. На 1907 года размѣръ взноса опредѣленъ для организаціи I класса въ 5000 р., II класса—3.000 р., III кл.—1.500 р., IV кл.—500 и V кл.—200 р. Взносы совѣщательныхъ членовъ зависятъ отъ размѣровъ ихъ капиталовъ или оборотовъ; минимальный взносъ 100 р. въ годъ (§ 38).

Къ концу разсматриваемаго періода составъ «Съѣздовъ» представлялся въ слѣдующемъ внушительномъ видѣ: дѣйствительныхъ членовъ было 48, совѣщательныхъ 101 членъ. Въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ значатся: 12 общихъ биржъ, 3 хлѣбныхъ биржи, харьковская каменноугольная и желѣзоторговая биржа, 4 комитета торговли и мануфактуръ, 14 организацій, носящихъ названіе «съѣздовъ» (горнопромышленники всѣхъ районовъ, нефтепромышленники, металлозаводчики, мукомолы, стеклозаводчики и т. д.), 9 Обществъ (почти всѣ типа союзовъ работодателей), 2 совѣщательныя конторы (желѣзозаводчиковъ и золото-платинопромышленниковъ), всероссійское Общество сахарозаводчиковъ и др.,—словомъ, весь цвѣтъ промышленныхъ организацій Россіи. Среди совѣщательныхъ членовъ: Общество юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ [3]), рядъ банковъ, страховыхъ и транспортныхъ Обществъ; затѣмъ крупнѣйшія промышленныя акціонерныя товарищества и предпріятія. Предсѣдатель Совѣта Съѣздовъ—членъ Госуд. Совѣта Н. С. Авдаковъ.

Участіе такого большого числа представителей *различныхъ* районовъ и отраслей промышленности въ Съѣздахъ вызвало съ самаго начала особенныя заботы о сохраненіи *автономіи* за дѣйствительными членами. Еще на подготовительномъ съѣздѣ, въ январѣ 1906 года, подымался протестъ противъ централистическихъ тенденцій учредителей представителями и московскаго района, и Царства Польскаго, и уральскихъ горнопромышленниковъ; тогда же было рѣшено, что интересы отдѣльныхъ организацій и отраслей не должны быть подавляемы

---

[1]) Въ мартѣ 1908 г. состоялся 3-й съѣздъ, а въ моментъ, когда пишутся эти строки, организуется 4-ый.

[2]) Сюда входятъ и организаціи кредитныхъ, страховыхъ и транспортныхъ предпріятій.

[3]) Вообще желѣзнодорожныя общества держатся вдали отъ Съѣздовъ, въ виду расхожденія ихъ интересовъ съ интересами промышленниковъ по многимъ существеннымъ вопросамъ (особенно о желѣзнодорожныхъ тарифахъ).

большинствомъ другихъ организацій, «имѣющихъ противоположные интересы» [1]). Въ результатѣ введены въ «Положеніе» «о Съѣздахъ» особые параграфы (§ 19 и 31) для обезпеченія автономіи групповыхъ интересовъ. По § 31, каждый районъ или отрасль промышленности могутъ требовать предварительнаго обсужденія *или* тѣхъ «вопросовъ, кои ближайшимъ образомъ касаются означенныхъ отраслей» или районовъ. И тогда постановленіе, даже принятое большинствомъ съѣзда, не имѣетъ силы, если съ нимъ не согласна данная отрасль или данный районъ.

Каковы же *задачи*, преслѣдуемые Съѣздами? Отвѣтъ опредѣляется какъ особенностями того времени, когда создалось это всероссійское объединеніе капитала, такъ и чертами тѣхъ организацій, которыя вошли въ составъ «Съѣздовъ представителей пром. и торговли». И иниціатива, и преобладающее вліяніе въ нихъ принадлежитъ тѣмъ, знакомымъ намъ, организаціямъ дореволюціоннаго періода, которыя центръ тяжести своей дѣятельности видѣли въ систематическомъ организованномъ *давленіи на власть*—въ цѣляхъ удовлетворенія своихъ классовыхъ вожделѣній. Аппаратъ этого давленія наладился у нихъ превосходно и былъ отлично приспособленъ къ дореволюціоннымъ условіямъ. Эти условія явно измѣнились въ процессѣ событій 1905 года, какъ это ясно обозначилось уже въ самомъ началѣ его. Появился новый факторъ государственнаго творчества — *общественное мнѣніе*. Въ какую форму облечется оно, каковы будутъ размѣры его вліянія — этого, конечно, не знали промышленные круги. Но все внушало имъ увѣренность, что съ этимъ новымъ факторомъ придется серьезно считаться, не меньше, чѣмъ до революціи съ «видами» бюрократіи. Промышленники имѣли преувеличенное представленіе о силѣ этого фактора: отъ иллюзій неизбѣжнаго теперь-же торжества демократіи они, какъ мы уже видѣли, были также мало свободны, какъ и сама демократическая масса.

И вотъ въ промышленной средѣ назрѣваетъ мысль о необходимости спѣшно реорганизовать свои силы — вѣрнѣе, создать новую организацію, приспособленную къ новымъ условіямъ. Вотъ какъ аргументировали въ пользу общеимперскаго объединенія сами его иниціаторы: «При проявившемся нынѣ измѣненіи государственной жизни, рѣшеніе всѣхъ государственныхъ вопросовъ... можетъ имѣть мѣсто *только подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія*, ибо—разумѣется—оно будетъ имѣть *рѣшающее* значеніе въ общественныхъ теченіяхъ, а слѣдовательно и въ постановленіяхъ Государственной Думы» [2]). И далѣе: надо будетъ «входить къ правительству съ вполнѣ обоснованными и вполнѣ разработанными представленіями отъ имени всей промышленности и торговли. И разумѣется, къ такому мнѣнію, находящему притомъ *сочувствіе въ общественномъ мнѣніи*, каждое правительство не можетъ не прислушиваться» [3]).

Еще ярче ставитъ точку надъ і А. Вольскій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ иниціаторовъ общенаціональной организаціи капитала. Въ своемъ докладѣ вре-

---

[1]) См. „Объяснит. записку къ Положенію объ общеимперскихъ Съѣздахъ представителей учрежденій промышл. и торговли".

[2]) „Для чего нуженъ Союзъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій Россійской имперіи?"—стр. 1.

[3]) Тамъ-же, стр. 3.

менному Совѣту Съѣздовъ г. Вольскій, перечисливъ вопросы («о налогахъ, о трудѣ» и пр.), которые будутъ разсматриваться въ Государств. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ, заявляетъ: «По всѣмъ такимъ вопросамъ русская промышленность и торговля должны, въ интересахъ собственнаго самосохраненія, высказать не только свои широко обоснованные взгляды, но и умѣть *привить эти взгляды тѣмъ учрежденіямъ* и группамъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть проведеніе въ жизнь тѣхъ или иныхъ законовъ и мѣръ... *Тутъ-то и лежитъ весь корень работы и весь смыслъ Общеимперскихъ Съѣздовъ* Представителей Промышленности и Торговли» [1]).

Итакъ: «прививать свои взгляды» правительству—такова была задача дореволюціонныхъ организацій промышленниковъ; прививать свои взгляды и правительству *и* общественному мнѣнію—эту цѣль преслѣдовало основаніе всероссійской организаціи капитала послѣ революціи.

Однако политическая конъюнктура вообще и роль Госуд. Думы въ частности все больше измѣнялась въ такую сторону, что тяжелая обязанность прививать свои взгляды органамъ общественнаго мнѣнія все больше теряла свое значеніе въ глазахъ общеимперскихъ Съѣздовъ. Тѣмъ реальнѣе и явственнѣе намѣчался для нихъ старый путь фактическаго господства посредствомъ культа органической связи съ органами власти.

На открытіи 1-го очередного съѣзда Н. Авдаковъ, въ торжественной рѣчи своей, заявилъ: «Пробужденіе политическаго сознанія вызвало къ жизни множество *политическихъ* партій и союзовъ, но среди этихъ разнообразныхъ голосовъ не слышно было голоса промышленности и торговли. *Теперь* это молчаніе прекратилось: *промышленность и торговля заговорили*»... Какъ-бы замѣтивъ противорѣчіе этихъ словъ обычному refrain' у «Съѣздовъ», что они не касаются политики, Авдаковъ поспѣшилъ поправиться въ той же рѣчи, заявивъ, что Съѣзды должны стоять «на почвѣ *общегосударственныхъ интересовъ* и *отказываться отъ всякой партійности*» [2]).

Конечно, россійской крупной буржуазіи еще гораздо труднѣе, чѣмъ какой-бы то ни было другой, увѣрить кого-либо, что она стоитъ на точкѣ зрѣнія «общегосударственныхъ интересовъ», а не узко-классовыхъ. Но когда дѣятели Съѣздовъ послѣ-революціонныхъ, какъ и организацій дореволюціонныхъ, увѣряютъ насъ, что они устраняютъ изъ своей дѣятельности политику, то они какъ уже было замѣчено, совершенно правы, если разумѣть политику *оппозиціонную*, борьбу за политически-гарантированныя гражданскія права и свободы. *Такой* политикой «Съѣзды» дѣйствительно не занимаются. Они продолжаютъ линію дореволюціонныхъ организацій промышленниковъ, энергично добиваясь *фактическаго* расширенія предѣловъ вліянія и власти промышленниковъ, пренебрегая политическими *гарантіями* этой власти. Они, какъ люди практики, довольны, какъ говорилъ Авдаковъ, разъ «эта практика такова, что до сихъ поръ насъ никто никогда ни въ чемъ не стѣснялъ, а даже напротивъ, мы всегда пользовались широкимъ просторомъ».

---

[1]) „Программа ближайшей дѣятельности Общеимперскихъ Съѣздовъ Представителей Промышленности и Торговли".

[2]) Журналъ I-го засѣданія 12 октября 1906 г.

Любопытно, что это положеніе, давно и хорошо извѣстное нашимъ практикамъ, счелъ нужнымъ развить имъ еще особо теоретикъ: *профессоръ И. И. Иванюковъ* въ своемъ докладѣ «О торговыхъ и торгово-промышленныхъ палатахъ въ Западной Европѣ», прочитанномъ на подготовительномъ съѣздѣ промышленниковъ въ январѣ 1906 г., описывалъ роль этихъ палатъ въ другихъ странахъ, особенно въ Германіи, гдѣ, по закону 1897 года, всякій законопроектъ, касающійся промышленности, торговли и судоходства, до внесенія въ рейхстагъ, обязательно передается на обсужденіе торговыхъ палатъ. Отсюда профессоръ извлекалъ и подсказывалъ своей почтенной аудиторіи, что центральная власть «не можетъ обходиться уже безъ непрерывнаго содѣйствія и представительства торгово-промышленнаго класса, *фактически получившаго почти рѣшающій голосъ*» [1]).

Тутъ теоретику профессору промышленники могли бы показать, что они давно искушены въ дѣлѣ пріобрѣтенія фактически рѣшающаго голоса подъ флагомъ совѣщаній и пр. и что именно поэтому они охотно подхватываютъ аргументы, подсказываемые имъ теоретиками [2]).

Въ томъ-же 1906 году горно-промышленники пошли еще дальше, предъявивъ такое требованіе: выработанный правительствомъ «проектъ о выборныхъ учрежденіяхъ торговли и промышленности долженъ быть переданъ на разсмотрѣніе всѣхъ торгово-промышленныхъ учрежденій и *лишь по полученіи отъ нихъ заключеній* можетъ быть внесенъ на разсмотрѣніе Особаго Совѣщанія министровъ и далѣе въ Госуд. Думу и Госуд. Совѣтъ, гдѣ обсужденіе проекта въ соединенномъ присутствіи этихъ учрежденій должно быть *при участіи представителей всѣхъ учрежденій торговопромышленнаго класса* и съѣздовъ горно-промышленниковъ [3]).

Еще черезъ 8 мѣсяцевъ Авдаковъ уже формулируетъ цѣлый планъ преобразованія всего горнаго вѣдомства *съ персоналомъ изъ горно-промышленниковъ*: «Учредить на твердыхъ началахъ въ Главномъ Горномъ Управленіи Совѣтъ по горно-промышленнымъ дѣламъ съ рѣшающимъ правомъ голоса, и чтобъ *исполнителемъ* рѣшеній Совѣта былъ главноуправляющій дѣлами Горнаго Управленія, какъ въ предѣлахъ власти, предоставленной сему учрежденію, такъ и для доклада рѣшеній Совѣта высшему правительству — Совѣту Министровъ и далѣе Госуд. Совѣту и Госуд. Думѣ» [4]).

И эта не пустая претензія южныхъ горно-промышленниковъ — самаго виднаго члена всероссійскихъ «съѣздовъ». Въ томъ же 1906 г., разсылая промышленнымъ организаціямъ проектъ положенія о выборныхъ учрежденіяхъ торговопромышленнаго класса, министерство торговли и промышленности писало въ препроводительной бумагѣ: „*Согласно постановленію Совѣщанія представителей торговли и промышленности* 17—18 марта сего года, Министерство

---

[1]) Журналъ засѣданія 12 января.

[2]) Менѣе чѣмъ черезъ 2 мѣсяца Авдаковъ уже повторялъ доводъ о Германіи и пр. въ своемъ докладѣ на 30-омъ съѣздѣ южныхъ горнопромышленниковъ.

[3]) „Труды“ 30-го съѣзда горнопром. юга Россіи (въ мартѣ 1906 г.).

[4]) „Труды“ 31-го съѣзда горнопром. юга Россіи, докладъ о желат. преобразов. горн. вѣдомства.

Торговли и Промышленности препровождаетъ при семъ *переработанный, на основаніи сужденій Совѣщанія, проектъ* положенія... покорнѣйше прося не позже 20 апрѣля сего года сообщить свой отзывъ Министерству по существу проекта. При этомъ, еслибъ встрѣтилось затрудненіе дать письменный отзывъ, то желательно сообщить его *по телеграфу*, такъ какъ несвоевременное полученіе отзыва лишитъ Министерство возможности *принять его въ соображеніе при внесеніи законопроекта въ Госуд. Думу»* [1]). Изъ другихъ фактовъ этого рода здѣсь достаточно упомянуть два: участіе промышленниковъ въ совѣщаніи о реформѣ органовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и участіе въ междувѣдомственной комиссіи А. Арбузова, для пересмотра временныхъ правилъ 4 марта 1906 года объ обществахъ и союзахъ, А. Вольскаго—*единственнаго* представителя общественныхъ группъ въ этой комиссіи.

Эту свою функцію *преддумья*, нисколько не уступающаго Vorparlament'у германскихъ промышленниковъ, очень цѣнятъ и культивируютъ какъ общенаціональная организація русскихъ промышленниковъ, такъ и ея составныя части. По поводу проекта о страхованіи отъ болѣзней (больничныя кассы) они могли въ 1907 году съ удовольствіемъ констатировать: «Большинство сдѣланныхъ въ разное время промышленниками замѣчаній по вопросамъ объ устройствѣ больничныхъ кассъ приняты во вниманіе при выработкѣ окончательнаго проекта» [2]).

И такихъ побѣдъ могли бы промышленники перечислить *великое множество* въ области рабочаго законодательства, промысловаго обложенія, передачи казенныхъ заказовъ и поставокъ исключительно россійскимъ промышленникамъ хотя-бы по болѣе высокимъ цѣнамъ и т. д., и т. д.

Эта близость крупно-промышленныхъ организацій къ правительственному механизму была продемонстрирована при самомъ основаніи ихъ общенаціональнаго объединенія: на первомъ очередномъ Съѣздѣ представителей промышленности и торговли присутствовали *три министра* [3]): финансовъ, путей сообщенія и торговли и промышленности, изъ которыхъ послѣдній—представитель ихъ «собственнаго» министерства, учрежденнаго 27 октября 1905 года. Всѣ 3 министра произнесли привѣтственныя рѣчи, въ которыхъ всячески увѣряли, что «и въ будущемъ всегда будутъ готовы содѣйствовать успѣшной дѣятельности возникающей сегодня организаціи» и пр.

Есть въ выступленіяхъ Съѣздовъ за то время, къ которому относится нашъ очеркъ, два пункта, въ которыхъ какъ будто проявляется способность промышленной организаціи нѣсколько шире разсматривать дѣйствительность.

Первый пунктъ—отношеніе къ *народному образованію*—занимаетъ въ дѣятельности Съѣздовъ самое подчиненное мѣсто и былъ предметомъ занятій только одинъ разъ въ одномъ докладѣ. Мы, однако, упоминаемъ объ этомъ докладѣ не только ради большей полноты и разносторонности картины, но и потому, что въ извѣстныхъ предѣлахъ—поскольку не придется входить въ серьезный кофликтъ съ правительствомъ — Съѣзды, повидимому, имѣютъ шансы и впредь выражать, по крайней мѣрѣ, не-реакціонныя тенденціи въ этомъ вопросѣ.

---

1) Отношеніе въ Совѣтъ съѣздовъ южн. горнопром. отъ 29 марта за № 1627.

2) „Труды“ 32-го съѣзда южн. горнопром., докладъ № VI, стр. 6.

3) Ужъ не говоря о членахъ Госуд. Совѣта, директорахъ департамента и т. д.

Мы имѣемъ въ виду докладъ о «школахъ при фабрично-заводскихъ и горныхъ предпріятіяхъ». Докладъ сосредоточиваетъ свою аттаку на ст. 5 утвержденнаго 26 мая 1882 года мнѣнія Госуд. Совѣта объ училищахъ, открываемыхъ Техническимъ Обществомъ, которая гласитъ: «школы и классы открываются съ разрѣшенія попечителя округа, который *входитъ предварительно въ сношенія съ мѣстнымъ губернаторомъ, градоначальникомъ или полицмейстеромъ по принадлежности*[1])». Аттака ведется докладчикомъ въ необычайно рѣзкой формѣ. «Связываніе открытія школъ съ полицмейстерскими принадлежностями— это «курьезъ» достойный фигурировать въ собраніи диковинокъ изъ области упованія на дѣеспособность полиціи въ государственномъ управленіи вообще и въ просвѣтительной политикѣ въ особенности». Далѣе указывается на доказательства «самой ощутительной зловредности простонароднаго невѣжества», вродѣ «харьково-полтавскаго крестьянскаго бунта» и пр., и опять: «Всѣ дѣйствующіе законы, правила и распоряженія властей въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.... покоятся на поразительномъ по своему недомыслію заблужденію, будто-бы всякая лишняя школа усугубляетъ въ Россіи закваску революціоннаго соціализма, а въ инородческихъ окраинахъ.... сепаратизма. Въ дѣйствительности только круглое невѣжество и поверхностное верхоглядство не считается съ жизненными условіями.... Промышленно-торговая среда въ любой культурной странѣ никакъ ужъ не можетъ быть заподозрѣна въ повадливости къ соціалистическому или націоналистическому авантюризму.... Если, слѣдовательно, отъ этой среды исходятъ просвѣтительныя стремленія, то стало-быть правило «ученье свѣтъ, неученье тьма» оправдываетъ себя». И въ заключеніе: «Съѣзды должны заботиться объ искорененіи изъ нашихъ административныхъ нравовъ рѣшающаго вліянія урядниковъ, пономарей и низшихъ тайныхъ агентовъ полиціи на судьбу школъ и преподавательскаго персонала [2])».

Къ сожалѣнію, имѣющійся матеріалъ о дѣятельности Съѣздовъ не даетъ данныхъ о выступленіи промышленной организаціи въ области постановки *общенароднаго* образованія—внѣ фабричныхъ школъ. Трудно также судить о томъ, въ какой мѣрѣ тутъ сказывается раздраженіе хозяина, дающаго деньги на фабричныя школы и не могущаго быть «Herr im Hause» въ области «судьбы школъ и преподавательскаго персонала». Наконецъ, отношеніе представителей промышленности въ Госуд. Думѣ и Совѣтѣ къ ассигновкамъ на церковно-приходскія школы, гдѣ какъ разъ дѣйствуютъ «пономари», тоже какъ будто мѣшаетъ смотрѣть на приведенный докладъ, какъ на прочно сложившуюся уже позицію организованныхъ промышленниковъ въ области постановки народнаго образованія.

Другой пунктъ — это взгляды промышленниковъ на *отношенія между развитіемъ промышленности и сельскаго хозяйства.* Одно пріобрѣтеніе мысль нашей промышленной буржуазіи все таки, повидимому, сдѣлала за послѣдніе годы: это пріобрѣтеніе — идея о томъ, что нельзя обезпечить тріумфъ промышленности политикой полнаго пренебреженія къ интересамъ развитія сельскаго хозяйства. Это все таки шагъ впередъ по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда торговопромышленные съѣзды (напримѣръ, нижегородскій 1896 г.) были

---

[1]) Курсивъ доклада.

[2]) Докладъ Врем. Совѣта 1-му очередному Съѣзду (октябрь 1906 г.).

наполнены шумомъ огульной аггрессивной борьбы промышленниковъ съ представителями сельско-хозяйственныхъ интересовъ. Теперь мы слышимъ иныя рѣчи.

«Поднятіе народнаго благосостоянія—заявилъ Г. А. Крестовниковъ, какъ предсѣдатель перваго очереднаго съѣзда (въ октябрѣ 1906 года)—зависитъ всецѣло отъ благополучія двухъ *неразрывно связанныхъ* источниковъ—сельскаго хозяйства и промышленности» [1]). «Должна быть постоянно указываема необходимость *согласованія сельско-хозяйственной политики съ торгово-промышленной и наоборотъ*», говоритъ А. Вольскій въ своей «Программѣ ближайшей дѣятельности Общеимперскихъ Съѣздовъ Представителей Пром. и Торг. [2])». Да и въ другихъ случаяхъ промышленники стали проводить мысль, что нѣтъ противорѣчія между правильно понимаемыми интересами сельскаго хозяйства съ одной стороны и промышленности и торговли—съ другой.

Но, опять таки, пока не видно, чтобы промышленники вкладывали осмысленное содержаніе въ эту общую формулу. Если въ такомъ общемъ видѣ эта формула, можетъ быть, и хороша, какъ *внѣшнее оправданіе блока обоихъ господствующихъ классовъ Россіи въ союзѣ 17 октября*, то нельзя сказать, чтобы промышленники дѣлали изъ этой формулы тѣ *выводы*, которые изъ нея вытекаютъ въ области аграрной, финансовой и вообще внутренней политики. Ибо поддерживать безмѣрные военные расходы и эксцессы желѣзнодорожнаго строительства вродѣ амурской ж. д., законъ 9-го ноября, усиливающій пауперизацію крестьянскихъ массъ, и систему подавленія самодѣятельности крестьянскаго населенія, «просвѣтительную» политику министерства Шварца и исключительныя положенія—поддерживать все это, какъ это дѣлаетъ *торгово-промышленная группа обѣихъ палатъ*, это во всякомъ случаѣ непохоже на заботы о «согласованіи сельско-хозяйственной политики съ торгово-промышленной»,—если, конечно, подъ послѣдней разумѣть систему мѣръ, обезпечивающихъ нормальное прочное развитіе промышленности.

Въ концѣ концовъ, изъ всего комплекса требованій, очевидно вытекающихъ изъ выставляемой лидерами «Съѣздовъ» формулы, они себѣ вычеканили, въ сущности, одинъ только твердо исповѣдуемый ими символъ вѣры: *чтобъ поднять крестьянство, надо всячески поддержать «промышленность» т. е, промышленниковъ* [3]). А когда ставится вопросъ о томъ, *какъ* поддержать, то тутъ-то и выдвигаются всѣ знакомыя намъ узкоклассовыя вожделѣнія промышленниковъ, осуществленіе которыхъ какъ разъ неизбѣжно должно еще увеличить пауперизацію массы населенія и, слѣдовательно, подрѣзать тотъ сукъ, на которомъ держится промышленность.

За всѣмъ тѣмъ оба указанныхъ пункта представляютъ то направленіе, въ

---

[1]) Журналъ засѣданія 12 октября.

[2]) Докладъ Временному Совѣту 3 мая 1906 года.

[3]) Надо еще самому сельскому хозяйству индустріализироваться, т. е. перейти отъ производства хлѣбовъ къ производству продуктовъ, служащихъ сырымъ матеріаломъ обрабатывающей промышленности,—проповѣдуетъ бюрократическій лидеръ промышленниковъ, Литвиновъ-Фалинскій, въ своей книгѣ „Наше экономическое положеніе и задачи будущаго“.

которомъ иногда все таки пробивается сравнительно болѣе дальновидное пониманіе задачъ у представителей промышленности.

Для оцѣнки роли Съѣздовъ огромный интересъ представляетъ ихъ центральный органъ—выходящій 2 раза въ мѣсяцъ подъ редакціей А. Вольскаго, журналъ «Промышленность и Торговля». Но изданіе его начато лишь съ января 1908 г. [1]). Такимъ образомъ изъ рамокъ нашего очерка, ограниченнаго во времени актомъ 3-го іюня 1907 г., выходитъ разсмотрѣніе позиціи этого журнала, равно какъ тѣхъ явленій и теченій, которыя замѣчались въ организаціи промышленниковъ со 2-ой половины 1907 г. до настоящаго момента, а стало быть, и перспективъ, которыя намѣчаются относительно вѣроятной дальнѣйшей линіи настроенія и поведенія крупно-промышленной буржуазіи.

За тотъ сравнительно короткій промежутокъ времени, который прошелъ отъ основанія Съѣздовъ до 3-го іюня 1907 г., работа этой организаціи была сосредоточена *преимущественно на рабочемъ вопросѣ*. На этой работѣ мы и остановимся, тѣмъ болѣе, что тутъ методы дѣйствія и физіономія Съѣздовъ опредѣлилась чрезвычайно рельефно. Совѣтъ Съѣздовъ представилъ *рядъ записокъ* и принималъ *активнѣйшее* участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ при министерствѣ торговли и промышленности (особенно въ декабрѣ 1906 г.) и имѣетъ *полное право быть довольнымъ результатами* своей дѣятельности. Отъ либеральныхъ проектовъ рабочаго законодательства временъ Коковцева (1905 г.), благодаря дѣятельности «Съѣздовъ», *осталось очень мало*: законъ о наймѣ принялъ видъ, весьма близкій къ желаніямъ промышленниковъ, законы о страхованіи могутъ ихъ совсѣмъ удовлетворить, а проектъ о 10 час. рабочемъ днѣ (превратившись въ проектъ 10½ час. дня) и совсѣмъ исчезъ въ тайникахъ министерской канцеляріи.

Тенденціи объединенной буржуазіи въ рабочемъ вопросѣ достаточно выясняются изъ обширнаго доклада Временнаго Совѣта 1-му очередному съѣзду въ октябрѣ 1906 г.,—доклада, очевидно имѣвшаго цѣлью вооружить представителей промышленности данными и аргументами для предстоявшаго два мѣсяца спустя совѣщанія при министерствѣ промышленности и торговли. Съ этимъ докладомъ стоитъ познакомиться, привести изъ него характерныя выдержки.

«Принципъ «въ единеніи сила»—такъ начинаетъ докладъ—блестящимъ образомъ еще разъ доказалъ свою силу—требованія группы рабочихъ, зачастую совершенно несправедливыя и нерѣдко безсмысленныя, властно поставили на очередь рабочій вопросъ. Публика наша, только изъ газетъ узнававшая обыкновенно о существованіи въ Россіи фабрикъ и заводовъ, лопатой, по мнѣнію публицистовъ, огребающихъ деньги, съ удивленіемъ увидѣла изъ ряда забастовокъ силу соединившагося рабочаго класса. Въ самомъ парламентѣ нашемъ наиболѣе если не сильная, то крикливая группа депутатовъ называла себя представительницей интересовъ рабочихъ... И вотъ на столбцахъ большинства бьющихъ на популярность газетъ начинается кампанія въ пользу или въ защиту

---

[1]) По рѣшенію 2-го съѣзда въ маѣ 1907 г. Кромѣ журнала, при Совѣтѣ Съѣздовъ организовано статистическое бюро, библіотека и пр.—все на широкую ногу и со специфическими задачами.

«пасынковъ» русской промышленности, рабочихъ. Эта газетная болтовня не заслуживала бы вниманія, если бъ русскій рабочій, подобно своему европейскому коллегѣ, былъ-бы болѣе грамотенъ и могъ-бы самостоятельно разбираться въ своемъ немногосложномъ умственномъ хозяйствѣ. Но, къ сожалѣнію, почти вся масса рабочихъ, какъ и общество наше, глубоко неподвижна, и ничтожная шайка сплоченныхъ «товарищей», оправдывая вышеприведенный девизъ, сумѣла нарушить правильный ходъ жизни страны и *даже угрожала одно время и самой свободѣ, вырванной съ такимъ трудомъ и усиліями лучшею частью общества* изъ рукъ всемогущей бюрократіи»... [1]).

Далѣе, посмѣявшись надъ брошюрой «проф. И. Х. Озерова (цѣна 5 коп.)» и другими брошюрами «съ ничтожной цѣной», рисовавшими «чуть ли не золотой вѣкъ, наступившій въ Германіи благодаря страхованію рабочихъ», докладъ рисуетъ послѣдствія, получившіяся отъ чтенія этихъ брошюръ. «Начитавшійся подобныхъ брошюръ рабочій видитъ въ каждомъ промышленникѣ врага, забастовки слѣдуютъ за забастовками; народъ отвыкаетъ отъ труда и народное хозяйство, равно какъ и промышленность наша все падаетъ и падаетъ... Съ другой стороны правительство наше въ угоду или изъ боязни рабочаго класса... собирается наложить на промышленность нашу еще болѣе тяжкое бремя неслыханнымъ нигдѣ сокращеніемъ рабочаго времени и обезпеченіемъ рабочихъ врачебной помощью на случай болѣзни за счетъ предпринимателя».

Между тѣмъ тутъ «на государство, какъ на таковое, возлагаются задачи, несвойственныя самому понятію о государствѣ, въ государственную идею не могутъ и не должны входить опекунскія обязанности по отношенію къ взрослымъ полноправнымъ гражданамъ, идея принужденія насильно одного класса общества заботиться о другомъ *мало заключаетъ въ себѣ гуманнаго и христіанскаго*... Первое и главное, чѣмъ Россія отличается отъ Германіи и прочихъ государствъ, это то, что въ нашемъ государствѣ *нѣтъ рабочихъ*, какъ таковыхъ, *какъ строго обособленнаго класса* [2]). Даже рабочіе въ крупнѣйшихъ...

---

[1]) Врядъ-ли можно отнести на счетъ всего состава „Съѣздовъ“ *всѣ* доводы доклада, поражающіе своей беззастѣнчивостью, прямо цинизмомъ. Это обычная черта многихъ лидеровъ промышленниковъ, что они, ради достиженія своихъ цѣлей, готовы приводить какую угодно аргументацію какъ въ одномъ направленіи (вышецитированный докладъ о школѣ), такъ и въ другомъ. *Въ полномъ объемѣ* принимать въ серьезъ эти аргументы не приходится. Кромѣ того въ обоихъ этихъ докладахъ вульгарно-хлесткій стиль носитъ, повидимому, отпечатокъ опредѣленной индивидуальности и сильно напоминаетъ малограмотныя и очень развязныя полемическія упражненія, встрѣчающіяся на страницахъ „Промышленности и Торговли“ и носящія подпись редактора этого журнала. Но, для насъ важно то, что докладъ о страхованіи рабочихъ былъ представленъ отъ имени *всего* Временнаго Совѣта. Его доводы освѣщаютъ любопытные закоулки психологіи и идеологіи крупно-промышленныхъ круговъ.

[2]) Это опять образчикъ неразборчивости въ средствахъ для достиженія цѣли. *Совершенно обратное* утверждали промышленники, когда имъ хотѣлось запереть рабочихъ въ особую курію при выборахъ въ Госуд. Думу: тогда они въ пользу „необходимости особаго представительства рабочихъ“ приводили прежде всего тотъ доводъ, что *„рабочій классъ въ крупныхъ центрахъ совершенно обособился отъ крестьянства“*. См. „Горнозаводскій Листокъ“ 1905 г. № 40.

предпріятіяхъ—не задумываясь, разсчитываются и идутъ кочевать дальше, пропивая, разумѣется, первымъ долгомъ полученныя ими въ разсчетъ деньги... *Каковъ-бы ни былъ политическій гнетъ власти, мало культурные классы мало отъ него и страдаютъ.* Собственность является факторомъ прогресса, и къ сожалѣнію, любви къ собственности и не наблюдается въ русскомъ рабочемъ».

Далѣе какъ иллюстрація «несправедливости, полнѣйшей необоснованности, *безнравственности*» закона 2 іюня 1903 г. (о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ) приводится сравненіе рабочаго, у котораго оторвало правую руку и который получаетъ отъ предпринимателя пожизненную пенсію 240 р. въ годъ, съ *казакомъ*, георгіевскимъ кавалеромъ, получившимъ 15 ранъ и за то пенсію отъ казны 57 рублей въ годъ. «Сопоставленіе напрашивается само собою: одинъ работалъ на себя, хорошо питался, хорошо зарабатывалъ... и онъ получаетъ немедленно безъ хлопотъ 240 р., въ годъ; второй работалъ на отечество, питался плохо, вознаграждался еще болѣе скудно, потерялъ совершенно трудоспособность—и съ громадными хлопотами 57 рублей». Далѣе слѣдуютъ жалобы на «суды и администрацію, неизвѣстно въ силу какихъ причинъ смотрящіе до нельзя враждебно на промышленность». «То-же самое и съ фабричной инспекціей, съ окружными инженерами... постоянно самыя дикія требованія рабочихъ не отвергаются».

Протестуя противъ возложенія (правительственнымъ проектомъ о страхованіи) денежныхъ взносовъ на однихъ промышленниковъ, докладъ указываетъ на «этическую сторону вопроса». Рабочіе «получаютъ какъ бы *милостыню* отъ капиталиста. Эта глубоко унижающая лучшихъ изъ рабочихъ необходимость принимать какъ бы подачки, глубоко-же *развращаетъ* массы, пріучая къ ничего недѣланію... и ставя идеаломъ сорваніе хорошаго куша за полученное иногда *нарочно* увѣчье». Между тѣмъ *взиманіе взносовъ съ рабочихъ «помогло бы рабочему сознавать себя полноправнымъ гражданиномъ»*. «Авторитетнѣйшее по своему составу учрежденіе», какимъ являются «Съѣзды», должно указать правительству, что его проекты—«бумажные кабинетные», а облегченіе положенія рабочихъ «можетъ быть достигнуто лишь *свободнымъ соглашеніемъ*, каковое въ свою очередь возможно лишь при предоставленіи промышленникамъ и рабочимъ... абсолютнаго и неотъемлемаго права свободы собраній, союзовъ и сходокъ». «Тогда и только тогда справедливыя *требованія рабочихъ будутъ навѣрно охотно удовлетворены промышленниками*».

Такимъ образомъ этотъ въ высшей степени характерный и яркій докладъ заканчивается знакомымъ намъ refrain'омъ 1905 года: пусть будетъ свобода собраній и союзовъ, но пусть совершенно будетъ устранена законодательная защита труда...

Кромѣ «Съѣздовъ Представителей Промышленности и Торговли» существуетъ еще другая—также всероссійская—организація: «*Съѣздъ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства*». Это embarras de richesses, надо думать, явленіе временное и въ значительной мѣрѣ коренится въ игрѣ

личныхъ самолюбій. Въ первой организаціи превалируютъ *промышленники*; вторая—организація *биржевого купечества*. «Сельское хозяйство» упоминается въ его титулѣ совершенно всуе, такъ какъ нельзя биржевиковъ, ведущихъ хлѣбныя операціи, считать представителями сельскаго хозяйства. Вторая организація играетъ весьма подчиненную роль по сравненію съ первой. Внѣшнимъ выраженіемъ этого различія можетъ служить бюджетъ обѣихъ: въ то время какъ въ первой организаціи еще подготовительный съѣздъ (въ апрѣлѣ 1906 г.) утвердилъ смѣту расходовъ въ суммѣ 100.000 рублей, а вскорѣ ежегодный бюджетъ одного лишь журнала «Промышленность и Торговля» былъ установленъ въ 50.000 рублей,—во второй организаціи весь балансъ за періодъ 1 декабря 1906—1 января 1908 г. составляетъ всего 8.850 рублей.

Генезисъ «Съѣздовъ» биржевиковъ связанъ съ Особымъ Совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, которое, между прочимъ, признало полезнымъ устройство *хлѣбо-торговыхъ съѣздовъ*. Созванные на совѣщаніе комиссіи ген.-адъютанта Чихачева (въ ноябрѣ 1903 г.), представители всѣхъ биржевыхъ комитетовъ, конечно, превратили идею хлѣбо-торговыхъ съѣздовъ въ проектъ съѣздовъ *биржевой торговли вообще*. 30 мая 1905 г. было утверждено положеніе о «Съѣздахъ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства», напоминая второй частью титула только свою *исходную* точку.

1-ый съѣздъ этой организаціи состоялся въ ноябрѣ 1906 г., второй—въ январѣ 1908 г., третій—въ январѣ 1909 г. Предсѣдателемъ совѣта состоитъ все время предсѣдатель петербургской фондовой биржи, А. Прозоровъ. Дѣятельность Совѣта и Съѣздовъ сводится преимущественно къ ходатайствамъ предъ министерствами въ области интересовъ биржевой торговли, къ участію въ различныхъ правительственныхъ совѣщаніяхъ, наконецъ къ сношеніямъ съ заграничными организаціями—германскимъ «Handelstag'омъ», Балтійско-Черноморской Конференціей въ Копенгагенѣ и пр.

Черты дѣятельности биржевыхъ «Съѣздовъ» въ общемъ тѣ же, что и дѣятельности «Съѣздовъ представителей промышленности и торговли», выше охарактеризованной,—но отличаются отъ нихъ меньшей яркостью и менѣе сильнымъ вліяніемъ. Между обоими «Съѣздами» есть много точекъ соприкосновенія и въ ихъ личномъ составѣ.

VII. Заключеніе.

Послѣднія двѣ главы, на первый взглядъ, какъ будто отвлекли насъ отъ темы настоящей работы, отъ вопроса о роли крупно-промышленной буржуазіи въ общественно-политическомъ движеніи за разсматриваемый періодъ.

На самомъ дѣлѣ, однако, это видимое отклоненіе есть только внѣшнее выраженіе того факта, что сама буржуазія отвернулась отъ тѣхъ идей политическаго преобразованія Россіи, потокомъ которыхъ она была захвачена въ 1905 году.

Если въ теченіе этого бурнаго года крупно-промышленная буржуазія пріобщается къ обще-національному движенію, и, благодаря этому, до извѣстной

степени сглаживается ея былая рѣзкая обособленность отъ оппозиціоннаго настроенія, нароставшаго и въ пролетарскихъ низахъ, и въ буржуазномъ классѣ въ цѣломъ,—то послѣ краха народнаго движенія, нашедшаго свое наиболѣе яркое выраженіе въ событіяхъ 1905 года, крупный капиталъ снова замѣтно *обособляется* отъ болѣе или менѣе демократическихъ элементовъ Россіи съ ихъ неугасающими политическими запросами.

Съ этого времени энергія крупно-капиталистическихъ круговъ цѣликомъ направляется въ сферу дѣятельности тѣхъ двухъ категорій организацій, которымъ посвящены двѣ предыдущія главы настоящаго очерка.

Съ одной стороны, передъ нами развертывается непосредственный организованный *отпоръ* промышленниковъ *экономическимъ требованіямъ рабочихъ*, превращающійся скоро въ систематическій походъ противъ всѣхъ экономическихъ завоеваній, сдѣланныхъ рабочей массой въ 1905—06 гг., и, въ частности, противъ проявленій профессіональной рабочей организаціи. При этомъ связующимъ звеномъ между выступленіями буржуазіи въ 1905 г. и дѣятельностью союзовъ работодателей послѣ 1905 г. служитъ та борьба противъ рабочихъ требованій, о которой, какъ мы видѣли, промышленныя организаціи не забывали и въ моменты наибольшаго своего увлеченія либеральными политическими идеями.

Съ другой стороны, отдѣльныя капиталистическія организаціи до-революціоннаго періода объединяются въ національную федерацію капитала, которая даетъ ему возможность еще больше концентрировать свою энергію для достиженія своихъ узко-классовыхъ цѣлей.

При этомъ вошедшія въ обще-имперскіе «Съѣзды представителей промышленности и торговли» старыя промышленныя организаціи, за десятилѣтіе своего существованія выработавшія въ области систематическаго *давленія на органы государственной власти* богатую практику, приносятъ ее съ собою въ центральную организацію, которой приходится только продолжать и совершенствовать ее примѣнительно къ нѣсколько измѣнившимся внѣшнимъ пріемамъ бюрократіи. И тутъ, въ этой области, лежитъ центръ тяжести дѣятельности объединенныхъ промышленниковъ.

Далѣе, національной организаціи капитала приходится считаться также съ вышедшимъ изъ нѣдръ революціи новымъ факторомъ общественной жизни—*общественнымъ мнѣніемъ*, главнымъ образомъ, въ лицѣ Государственной Думы. Этой, хотя и подчиненной, цѣли служатъ какъ ежегодные всероссійскіе съѣзды—парады, устраиваемые промышленниками, такъ и издаваемый центральнымъ комитетомъ ихъ организаціи періодическій центральный органъ.

Таково, соотвѣтственно усложненію общественной жизни Россіи, нѣсколько *развѣтвившееся* русло дѣятельности промышленной буржуазіи, по которому она идетъ съ 1905 года и направленіе котораго въ общемъ намъ знакомо по ея дѣятельности до революціи.

Что связываетъ общую политическую позицію крупной буржуазіи въ концѣ разсматриваемаго періода, т. е. ко времени акта 3 іюня 1907, съ ея позиціей до 1905 года, это — *ограниченность* ея политическаго кругозора. Корни-же этой ограниченности лежатъ, главнымъ образомъ, въ исторически сложившемся

давнишнемъ интимномъ *сотрудничествѣ* крупнаго капитала *съ государственной властью.*

Одну сторону этого двусторонняго процесса представляетъ собою увеличеніе силы сопротивленія стараго абсолютистскаго режима, который уже задолго до революціи *приспособился* къ капиталистическимъ формамъ экономическаго развитія Россіи, связавъ свою судьбу съ растущей силой капитализма, вмѣсто того, чтобы, какъ въ доброе старое время, имѣть своей соціальной основой исключительно крѣпостническія отношенія. Другой своей стороною этотъ процессъ не только приноситъ колоссальныя матеріальныя выгоды крупно-промышленнымъ слоямъ, но и создалъ для нихъ ту своеобразную обстановку, о которой мы говорили въ первомъ томѣ и которую старый лидеръ промышленниковъ характеризовалъ, какъ мы видѣли, словами: «практика такова, что до сихъ поръ насъ никто никогда ни въ чемъ не стѣснялъ, а даже, напротивъ, мы *всегда пользовались широкимъ просторомъ*».

Въ результатѣ, къ концу разсматриваемаго періода крупная буржуазія вырисовывается передъ нами съ чертами бьющей въ глаза *политической близорукости.* Послѣднюю приходится констатировать не съ точки зрѣнія политическихъ стремленій демократическихъ низовъ населенія, ибо такой масштабъ, конечно, не приложимъ къ представителямъ капитала въ какой-бы то ни было странѣ, а съ точки зрѣнія буржуазнаго развитія въ цѣломъ,—въ частности, съ точки зрѣнія нормальнаго развитія самого-же промышленнаго капитализма.

Эта близорукость выражается, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что крупно-промышленная буржуазія остается *безъ собственной политической партіи,* если не считать того характернаго субстрата партіи, которымъ до извѣстной степени являются общеимперскіе «Съѣзды». Эта близорукость не менѣе ярко сказывается и въ томъ обстоятельствѣ, что промышленники слѣпо идутъ по старому пути даже въ сферѣ непосредственныхъ задачъ экономической политики. Промышленники твердо отстаиваютъ опредѣленныя программы свои по ряду отдѣльныхъ вопросовъ—о таможенной системѣ, желѣзнодорожныхъ тарифахъ, казенныхъ заказахъ, промышленномъ представительствѣ. Но у нихъ нѣтъ экономической программы *въ цѣломъ*, нѣтъ программы *подъема производительныхъ силъ* страны.

И нѣтъ именно потому, что построеніе такой программы неизбѣжно задѣваетъ вопросъ о созданіи *политическихъ* и культурныхъ предпосылокъ поднятія производительныхъ силъ населенія, т. е. вопросъ объ измѣненіи установившагося послѣ 1905 года въ нѣсколько подкрашенномъ видѣ стараго политическаго режима. По той-же причинѣ крупно-промышленные круги не проявляютъ склонности добиваться серьезнаго измѣненія налоговой системы и связанной съ ней структуры государственнаго бюджета, хотя существенной его стороною являются огромные непроизводительные расходы, подтачивающіе производительныя силы населенія.

Антагонизмъ между *помѣщичьимъ классомъ* и промышленной буржуазіей не оказываетъ серьезнаго вліянія на политическую позицію послѣдней. Съ одной стороны сферы ихъ интересовъ въ общемъ достаточно отмежеваны другъ отъ друга, точки антагонистичнаго соприкосновенія весьма малочисленны и взаимно

уравновѣшиваются. Съ другой стороны, начинающая привиться въ средѣ промышленниковъ идея построенія благополучія промышленности на процвѣтаніи сельскаго хозяйства намѣчаетъ даже мыслимый базизъ нѣкотораго сближенія обоихъ господствующихъ классовъ.

Вліяніе классоваго и политическаго *антагонизма пролетаріата* на политическое настроеніе и поведеніе крупной буржуазіи весьма мало замѣтно къ концу разсматриваемаго періода, — что объясняется, конечно, дезорганизаціей и упадкомъ настроенія рабочихъ массъ. Подъемъ новой волны политическаго рабочаго движенія могъ-бы отразиться ростомъ оппозиціонности въ средѣ крупной буржуазіи только при наличности хотя бы приблизительно такого-же *исключительнаго* стеченія условій, какое мы констатировали въ 1905 году. При условіи-же, что движеніе рабочихъ не захватываетъ широкихъ слоевъ буржуазнаго общества въ цѣломъ, не превращается въ движеніе общенаціональное, грозящее смести старый политическій строй,—въ особенности, при условіи, что правительственная власть проявляетъ достаточно увѣренности въ себѣ и силы для рѣшительнаго и успѣшнаго противодѣйствія рабочему движенію, — послѣднее въ силахъ только обострить чувство классоваго антагонизма въ крупной буржуазіи и сильнѣе спаять ее со старымъ режимомъ.

Въ общемъ и цѣломъ, къ серединѣ 1907 года крупно-промышленная буржуазія, по своей общественно-политической позиціи, тѣсно примыкаетъ къ сложившемуся послѣ революціи «представительному строю», съ его господствующей силой—правящей бюрократіей, легко балансирующей на комбинаціи интересовъ крупнаго капитала и дворянскаго землевладѣнія. Дальнѣйшая вѣроятная линія движенія крупно-капиталистическаго класса зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ линіи движенія той-же правительственной власти, т. е., въ послѣднемъ счетѣ, отъ того, въ какой мѣрѣ и какими средствами она произведетъ уплату по векселю исторіи, на которомъ значится властное обязательство: создать хоть нѣкоторый культурно-политическій просторъ для дальнѣйшаго роста производительныхъ силъ Россіи.

А. Ерманскій.

Ф. ДАНЪ.

Очеркъ политической эволюціи буржуазныхъ элементовъ городского населенія [1]).

Революція застала русскую буржуазію совершенно неорганизованною политически. Въ прошломъ у нея не было той систематической борьбы съ феодальнымъ дворянствомъ, которую продѣлали въ свое время европейскія городскія коммуны. А господство отсталыхъ формъ хозяйства и въ пореформенную эпоху стояло на пути ея превращенію въ самостоятельную силу. Экономическая роль широкихъ слоевъ мелкой и средней буржуазіи сводилась — кромѣ ремесленной работы на заказчиковъ,—главнымъ образомъ, къ полупаразитическому и хищническому «посредничеству» въ товарооборотѣ, возникшемъ на основѣ отсталыхъ формъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности. Содѣйствуя разложенію этихъ формъ и пробивая бреши въ старомъ хозяйственномъ укладѣ, эта роль пока что связывала непосредственные интересы значительной части занятаго ею люда съ сохраненіемъ общей экономической и политической отсталости. Съ другой стороны, крупная буржуазія, промышленная, финансовая и торговая, всѣмъ ходомъ своего развитія была тѣсно связана съ развитіемъ государственнаго организма, ея главнаго заказчика, клієнта и потребителя, и потому въ значительной мѣрѣ находилась въ непосредственной зависимости отъ государственной власти [2]).

Все это обусловило собою, вопреки противодѣйствовавшему вліянію быстро развивавшагося рабочаго движенія, крайнее замедленіе процесса формированія русской буржуазіи въ классъ. Не только не было и рѣчи о выработкѣ опредѣленной соціально-политической программы, но крайне замедленнымъ темпомъ шло и усвоеніе того общаго склада мышленія и чувства, который, при всемъ разнообразіи оттѣнковъ и деталей, такъ характеренъ для всѣхъ слоевъ западноевропейской буржуазіи сверху до низу.

Сложившіяся въ предреволюціонную эпоху организаціи торговцевъ и про-

---

[1]) Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду лишь *экономически-активные* слои буржуазіи въ ихъ непосредственныхъ проявленіяхъ. Такимъ образомъ, буржуазная интеллигенція, а вмѣстѣ съ тѣмъ философія, наука, литература, искусство—остаются внѣ рамокъ данной статьи.

[2]) Подробнѣе объ экономической роли русской буржуазіи см. въ I т. настоящаго изданія въ статьяхъ М. Балабанова и В. Мукосѣева.

мышленниковъ, точно такъ же, какъ биржевыя и сословныя общества—купеческія и мѣщанскія—въ своей дѣятельности обычно не выходятъ за предѣлы корпоративныхъ интересовъ и непосредственныхъ «нуждъ» данной отрасли торговли и промышленности. Только съ точки зрѣнія этихъ непосредственныхъ «нуждъ» опредѣляется и отношеніе экономическихъ и сословныхъ организацій торговцевъ и промышленниковъ къ государству, какъ къ огромной экономической силѣ, надѣленной исключительными средствами и полномочіями и потому имѣющей возможность по своему усмотрѣнію распредѣлять вёдро и дождь. Не связанныя между собою, не успѣвшія выработать единой «средней» линіи поведенія, которая, сглаживая острые углы специфическихъ интересовъ отдѣльныхъ группъ, соотвѣтствовала бы ихъ общимъ экономическимъ интересамъ, эти организаціи засыпаютъ правительство противорѣчивыми ходатайствами, преимущественно въ области экономической политики—таможенной, налоговой, кредитной, тарифной. Вопросы общей политики входятъ въ ихъ кругозоръ лишь эпизодически и почти исключительно постольку, поскольку непосредственно соприкасаются съ поглощающими ихъ вниманіе «нуждами». Понятно, что и рѣшаются эти вопросы безсистемно, въ зависимости отъ непосредственной выгоды того или иного рѣшенія въ примѣненіи къ конкретнымъ особенностямъ того или другого случая. И только къ «рабочему вопросу», настойчиво напоминающему о себѣ все учащающимися и все болѣе организованными проявленіями, начинаетъ, по крайней мѣрѣ, въ передовыхъ слояхъ крупной буржуазіи, вырабатываться опредѣленное отношеніе въ смыслѣ требованія «свободы» договора и экономической борьбы, какъ наилучшаго, при данныхъ историческихъ условіяхъ, способа справиться съ экономическимъ движеніемъ рабочихъ.

Органы мѣстнаго самоуправленія также не играли въ до-революціонную эпоху роли опорныхъ пунктовъ для политической организаціи буржуазіи. Въ земствахъ купцы и промышленники ведутъ борьбу съ землевладѣльцами и крестьянами на почвѣ распредѣленія земскихъ налоговъ, съ одной стороны, вліянія на экономическую политику государства, съ другой. Противоставляя себя «либеральному» въ эту эпоху землевладѣнію, они, естественно, играютъ роль «реакціонной» силы. И, какъ ни относительны въ историческомъ смыслѣ эти понятія въ виду того часто явно реакціоннаго содержанія, которое покрывалось «либеральнымъ» землевладѣльческимъ флагомъ (напр., въ области аграрной политики), несомнѣнно, что, не умѣя занять самостоятельной политической позиціи и подрывая позицію земскаго либерализма, торгово-промышленные слои большею частью являлись въ земскомъ самоуправленіи опорой старой государственной власти.

Благодаря всѣмъ намѣченнымъ выше причинамъ, и городскія думы—эта казалось бы, самая естественная арена политической организаціи буржуазіи—не стали для нея такими центрами политическаго самоопредѣленія, какими были земства для землевладѣльцевъ и даже для части крестьянъ. Борьба на почвѣ выборовъ въ городскія думы и внутри ихъ сосредоточивалась почти исключительно вокругъ непосредственныхъ матеріальныхъ интересовъ различныхъ слоевъ, а часто и различныхъ кликъ городского торгово-промышленнаго населенія, поскольку эти интересы задѣвались раскладкой налоговъ и повинностей,

завѣдываніемъ городскими капиталами, домами и землями, управленіемъ городскимъ хозяйствомъ и городскимъ бюджетомъ. На этой почвѣ возникали иногда бурные конфликты (какъ, напр., въ посадѣ Клинцахъ Черниговской губ., въ 1904 году), но по содержанію своему эти конфликты за предѣлы борьбы мѣстныхъ интерессовъ не выходили. Точно также почти никогда не носили политическаго характера и столкновенія, возникавшія у городскихъ думъ съ представителями правительственной власти. Эти столкновенія вызывались тѣсною связью мѣстнаго административнаго и полицейскаго персонала съ тѣми или иными изъ боровшихся на почвѣ городскаго самоуправленія котерій, стремленіемъ администраціи—законными или незаконными способами—переложить на городскія средства часть своихъ издержекъ; привлеченіемъ городскихъ жителей къ несенію различныхъ полицейскихъ обязанностей; вмѣшательствомъ въ ходъ торгово-промышленной жизни путемъ «обязательныхъ постановленій»; наконецъ, слишкомъ чувствительно задѣвавшими интересы тѣхъ или другихъ слоевъ представленнаго въ думахъ населенія проявленіями произвола и взяточничества.

Таково было положеніе, когда вскрытое неудачною войною крушеніе военной и финансовой мощи государства, съ одной стороны, расшатыванье «стараго порядка» стихійными народными движеніями, бурнымъ потокомъ, прорвавшимся въ январьскіе дни 1905 года, съ другой, впервые поставили всѣ слои русской буржуазіи лицомъ къ лицу съ политическимъ вопросомъ во всемъ его объемѣ и положили начало сложному и затяжному процессу ихъ политическаго самоопредѣленія.

На январьскія событія различные слои буржуазіи отозвались разно. То низшее и среднее купечество, интересы значительной части котораго, какъ мы указывали, были тѣсно связаны съ эксплуатаціей разлагавшагося экономическаго и политическаго «стараго порядка», реагировало на нихъ, прежде всего, тѣмъ, что выдѣлило группу, ставшую активно на защиту этого «порядка». Эта группа дѣйствовала увѣренно и активно, въ то время какъ зарождавшіеся въ этихъ же слояхъ оппозиціонные элементы мало давали о себѣ знать. Въ рядѣ судебныхъ процессовъ, ликвидировавшихъ дѣла о погромахъ и избіеніяхъ интеллигенціи въ январьскіе—февральскіе дни 1905 года, въ качествѣ главныхъ застрѣльщиковъ избіеній и руководителей босяцкихъ шаекъ, неизмѣнно фигурируютъ «торговцы»,—«мучные лабазники» и т. п. Они же, подталкиваемые полицейскими, чиновниками и реакціонерами изъ мѣстныхъ дворянъ, стоятъ въ эту эпоху во главѣ начинающихся складываться мѣстныхъ «черносотенныхъ» организацій и всею силою своей ненависти обрушиваются на «интеллигенцію» какъ живое воплощеніе отрицанія «стараго порядка». [1]) Тотъ же характеръ

---

[1]) Въ типичномъ черносотенномъ воззваніи, распространенномъ 18 февр. 1905 г. въ Орлѣ и направленномъ (сохраняемъ орѳографію подлинника) противъ „жидовъ, докторовъ, адвокатовъ, студентовъ, курсистокъ, гимназистокъ и всякой тому подобной сволочи“, опредѣленно подчеркивается, напр., что „православная есть у насъ еще сила мѣщанство *самое низшее купечество* и наши сѣрые мужички“.—Въ засѣданіи Нижегородской думы (27 Марта 1905 г.) было, между прочимъ, доложено, что шайками, избивающими интеллигентовъ, руководятъ „купеческіе сыновья съ сыномъ мѣстнаго исправника во главѣ“.

протеста не противъ землевладѣльцевъ, а противъ интеллигентовъ, носило и избіеніе тамбовскихъ земцевъ, случившееся еще въ концѣ 1904 года. Такая позиція части мѣщанства и низшихъ слоевъ купечества надолго сдѣлала ихъ, въ политическихъ проявленіяхъ, слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ полиціи, реакціоннаго духовенства, а затѣмъ и дворянства.

Иначе отозвалась на событія крупная буржуазія. Передъ нею во всей очевидности встаетъ невозможность строить и дальше все свое существованіе на казенныхъ заказахъ и необходимость все въ большей мѣрѣ разсчитывать на народное потребленіе. И если посмотрѣть рядъ «записокъ» съ политическими требованіями, поданныхъ въ это время представителями капитала, то въ нихъ совершенно отчетливо формулируются два источника этихъ требованій крупной буржуазіи [1]). Первый источникъ—это порожденная крушеніемъ стараго государственнаго порядка необходимость разсчитывать на «покупательную способность населенія» и отсюда—требованіе политическихъ реформъ, какъ непремѣннаго условія для «поднятія народнаго благосостоянія», особенно же благосостоянія «сельскаго населенія, нынѣ приниженнаго, хозяйственно истощеннаго, бѣднаго». Другой источникъ—это развертывающееся все шире и шире рабочее движеніе. Правительство создаетъ въ это время рядъ коммисій по рабочему вопросу (Шидловскаго, Коковцева) и ищетъ средства для успокоенія рабочихъ въ улучшеніи ихъ экономическаго положенія. Въ противовѣсъ этому стремленію правительства, промышленники настаиваютъ, что объясненіе послѣднихъ волненій экономическимъ положеніемъ рабочихъ ошибочно, что «рабочее движеніе возникло не изъ общаго сознанія рабочихъ объ экономическихъ невзгодахъ, а возбуждено и поддерживается изъ окружающей среды». А отсюда—необходимость «глубокихъ реформъ общегосударственнаго характера», какъ единственнаго средства «къ умиротворенію рабочаго движенія въ будущемъ или, по крайней мѣрѣ, къ устраненію той жгучести, которая теперь въ немъ наблюдается.»

Для политическихъ взглядовъ крупной буржуазіи въ это время въ высшей степени характерно, что мы тщетно будемъ искать въ «запискахъ» этого періода опредѣленно формулированной политической программы. Даже тамъ, гдѣ, какъ въ запискѣ Конторы желѣзозаводчиковъ (28 Января 1905 г.), представители промышленниковъ ссылаются на постановленія, которыя «единодушно высказали земскіе дѣятели» (ноябрьскій съѣздъ), они сами не формулируютъ *конституціонныхъ* требованій, а говорятъ лишь объ «участіи представителей всѣхъ классовъ населенія, и въ томъ числѣ промышленниковъ и рабочихъ, въ выработкѣ законодательныхъ нормъ», не опредѣляя ближе ни степени, ни характера этого участія. Они имѣютъ уже довольно ясную программу дѣйствій по рабочему вопросу («свобода» договора и организаціи и возможно большее невмѣшательство государства въ экономическую борьбу), но сознаніе или предвидѣніе *политическаго* антагонизма съ пролетаріатомъ не проявляется въ многочисленныхъ «запискахъ» ни однимъ штрихомъ. И—что, б. м., еще характернѣе для низкаго уровня политическаго самоопредѣленія буржуазіи въ эту эпоху,—несмотря

---

[1]) См., напр., цитируемую въ текстѣ, типичную для этого времени записку петерб. фабрикантовъ и заводчиковъ, поданную министру финансовъ 31 Янв. 1905 г.

на предшествовавшую длительную борьбу съ землевладѣльцами на почвѣ таможенной, тарифной и налоговой политики, совершенно отсутствуетъ сознаніе *политическаго* антагонизма съ землевладѣльцами или, хотя бы, съ земельнымъ дворянствомъ. Точно также неопредѣленнымъ остается и отношеніе къ крестьянскому вопросу: оно ограничивается формулировкой общаго требованія объ «уравненіи въ правахъ», но до построенія сколько-нибудь отчетливой аграрной программы, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, не доходитъ. Единственное исключеніе представляютъ сахарозаводчики (записка 16 февраля 1905 г.), требующіе нарѣзки крестьянамъ земли, «хотя бы мѣстами для этого пришлось даже прибѣгнуть къ принудительному выкупу». Но сахароваренiе—это наиболѣе «сельско-хозяйственная» отрасль промышленности и отъ ея имени говоритъ не буржуазія, а либеральное землевладѣніе. Поэтому въ этой-же «запискѣ» сахарозаводчики требуютъ, прежде всего, вниманія государства къ сельскому хозяйству и отказа отъ исключительнаго покровительства фабричной промышленности и выставляютъ обычную «земскую» программу, не идущую дальше расширенія правъ земства, повсемѣстнаго введенія его, разрѣшенія земскаго объединенія и т. п. Нѣкоторою политическою опредѣленностью отличается лишь адресъ (16 февраля) «сосредоточеннаго при московской биржѣ торгово-промышленнаго сословія внутренняго округа». Этотъ адресъ настаиваетъ на необходимости сохраненія «*самодержавной* власти» и «призыва къ работѣ въ области государственной дѣятельности подданныхъ, *объединенныхъ родомъ своихъ занятій* въ лицѣ ихъ избранниковъ» [1]). Но поданная одновременно «записка» представителей 47 наиболѣе крупныхъ *промышленныхъ* предпріятій того же «внутренняго округа»—этой программы отсталыхъ слоевъ московскаго купечества не воспринимаетъ и по содержанію своему ничѣмъ изъ ряда однородныхъ, уже характеризованныхъ выше «записокъ» не выдается.

Въ «банкетной» кампаніи купечество, сколько намъ извѣстно, организованнаго участія нигдѣ не принимаетъ, а лишь отдѣльные представители его появляются за столами либеральныхъ и демократическихъ банкетовъ, не внося въ резолюціи ихъ своей особой ноты. Такъ, напр., на банкетѣ 21 янв. 1905 г. въ Вологдѣ, гдѣ газеты спеціально отмѣтили участіе купечества, резолюціи подчеркивали тѣ же требованія, какія обычно формулировались въ то время, «только развѣ болѣе опредѣленно и рельефно» («Русск. Вѣд.») [2]).

---

[1]) Явно реакціонный соціально-политическій характеръ носитъ также записка „московскихъ фабрикантовъ, заводчиковъ и развыхъ промышленниковъ и торговцевъ средней Россіи“. Иниціаторами этой записки были фабриканты и купцы крайне отсталаго въ экономическомъ и культурномъ отношеніи Кинешемско - Вичужскаго подрайона Костромского округа. См. „Борьба обществ. силъ“. Вып. I. В. Мечъ. „Силы реакціи“ стр. 45—46.

[2]) Для характеристики уровня политическаго развитія буржуазіи, съ одной стороны, опредѣленно земской окраски тогдашняго русскаго либерализма, съ другой,—въ высшей степени интересно отмѣтить, что „освобожденцы“, въ 1903—1904 годахъ, старательно искавшіе всюду новые опорные пункты для оппозиціоннаго движенія, и не подумали обратить свое вниманіе на городскія думы. Присоединеніе московской думы (30 ноября 1904 г.) къ постановленіямъ земцевъ было для осво-

На событія 9 января и связанную съ ними широко разлившуюся забастовку городскія думы реагировали непосредственно очень слабо, и политическія требованія въ связи съ этими событіями не были выдвинуты думами почти нигдѣ. Но избіенія интеллигенціи и учащихся вызвали въ массѣ городовъ градъ направленныхъ въ думы заявленій обывателей и отдѣльныхъ группъ гласныхъ съ требованіемъ принять тѣ или другія мѣры для защиты гражданъ отъ произвола и насилій полиціи. Такія заявленія дѣлались въ Москвѣ, Курскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Могилевѣ, Минскѣ, Екатеринодарѣ, Симферополѣ, Мелитополѣ, Томскѣ и друг. городахъ. Иногда эти заявленія требовали принятія рѣшительныхъ мѣръ. Такъ новороссійскіе граждане предлагали думѣ прекратить выдачу содержанія чинамъ полиціи. Калужскіе—въ телеграммѣ, посланной графу Витте, и заявленіи, поданномъ въ думу, угрожали «организаціей вооруженной охраны дѣтей самимъ обществомъ». Рѣже подавались въ эту пору заявленія въ думѣ по другимъ вопросамъ. Такъ, 24 гласныхъ полтавской думы требовали протеста противъ дѣйствій попечителя учебнаго округа. 20 гласныхъ кіевской думы требовали отмѣны усиленной охраны въ Кіевѣ и организаціи съѣзда выборныхъ представителей городскихъ думъ, подчеркивая въ то же время необходимость «участія въ законодательствѣ свободно избранныхъ представителей населенія». Наконецъ, 200 гражданъ Херсона настаивали на возбужденіи думой ходатайства о «созывѣ свободно избранныхъ представителей народа для обсужденія способовъ прекращенія войны и устраненія коренныхъ причинъ нашего неустройства». 15 февраля постановленіе о такомъ ходатайствѣ было принято херсонскою думою, и это—одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ выставленія думами широкихъ политическихъ требованій въ то время [1]).

Энергичнѣе отзывались думы на требованія обывателей объ огражденіи ихъ отъ насилій полиціи. Думы требовали назначенія слѣдствія надъ дѣйствіями полиціи, отстраненія отъ должности полицеймейстеровъ и приставовъ, снятія съ полиціи обязанностей политическаго характера, передачи полиціи въ вѣдѣніе городского самоуправленія и т. п. (Курскъ, Казань, Калуга, Томскъ и друг.). Но дальше возбужденія подобнаго рода ходатайствъ думы не шли. Одно изъ немногочисленныхъ исключеній представляетъ мелитопольская дума, постановившая, въ виду ялтинскихъ безпорядковъ, организовать городскую самооборону.

Нельзя не замѣтить, что, поскольку думы даютъ о себѣ знать, представленная въ нихъ буржуазія играетъ въ это время роль пассивную. Инициатива всѣхъ заявленій, ходатайствъ и проч. исходитъ отъ обывателей и отдѣльныхъ группъ гласныхъ. И если присмотрѣться ближе къ составу этихъ иниціаторовъ, то нетрудно замѣтить, что, хотя отдѣльные представители купечества и участвуютъ въ заявленіяхъ и протестахъ, но руководящая роль принадлежитъ не имъ. Такъ иниціаторами упомянутаго выше кіевскаго заявленія являются проф. И. В. Лучицкій и кн. Е. Н. Трубецкой; калужскаго, покрытаго 250 подписями,—

божденцевъ полною неожиданностью. По свидѣтельству кн. Д. И. Шаховского („Союзъ Освоб.“ въ сборн. „Зарницы“, № 2), „съѣздъ союза не предусмотрѣлъ этого выступленія“.

[1]) О московскомъ постановленіи 30 ноября 1904 г. мы уже упоминали выше.

предсѣдатель губернской земской управы В. Обнинскій, губернскій гласный Новосильцевъ, членъ суда А. Голицынъ, врачи, адвокаты, инженеры, учителя и проч., и проч. И то же самое наблюдается и въ другихъ городахъ. Застрѣльщиками протеста являются либеральные земцы и примыкающая къ нимъ интеллигенція. Буржуазные элементы городскихъ думъ, выведенные изъ равновѣсія нахлынувшей волной бурныхъ событій, плетутся за ними.

Болѣе опредѣленно высказались думы по политическимъ вопросамъ въ связи съ указомъ и рескриптомъ 18 февраля. Образованіе булыгинскаго совѣщанія вызвало рядъ ходатайствъ, какъ отъ думъ, такъ и отъ биржевыхъ обществъ, о допущеніи ихъ представителей въ это совѣщаніе. Указъ 18 февраля далъ желанную опору стремленію болѣе иниціативныхъ общественныхъ группъ втянуть и думы въ обсужденіе политическихъ вопросовъ. Право такого обсужденія неоспоримо принадлежало думамъ въ силу указа, предоставлявшаго составленіе «видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія», какъ «частнымъ лицамъ», такъ и «учрежденіямъ». Несмотря на это, думамъ, особенно въ началѣ описываемаго періода, пришлось натолкнуться на противодѣйствіе мѣстныхъ представителей правительственной власти, требовавшихъ то полнаго снятія съ очереди политическихъ вопросовъ, какъ «не подлежащихъ вѣдѣнію» думъ, то, по крайней мѣрѣ, обсужденія этихъ вопросовъ при закрытыхъ дверяхъ. На этой почвѣ возникаютъ въ рядѣ городовъ (Орелъ, Владиміръ, Елисаветградъ, Лубны, Тирасполь, Екатеринославъ, Вологда, Казань, Минскъ, Иркутскъ, Баку, Тифлисъ и т. д.) конфликты между думами и губернаторскою властью, имѣющіе впервые не мѣстный, а обще-политическій характеръ. На почвѣ протеста противъ дѣйствій губернаторовъ возникаетъ общеніе между головами различныхъ городовъ въ видѣ созваннаго московскимъ головою «частнаго собранія», въ свою очередь приходящаго къ мысли о необходимости созыва съѣзда городскихъ дѣятелей.

Что касается самого существа высказанныхъ думами политическихъ пожеланій, то лишь немногія думы, и то въ самомъ началѣ, ограничились благодарственными адресами за обѣщанный созывъ народныхъ представителей (Петербургъ, Херсонъ, Саратовъ и др.). Точно такъ же немногія изъ высказавшихся по поводу рескрипта думъ примирились или прошли молчаніемъ совѣщательный характеръ обѣщаннаго народнаго представительства (Вильна, Енисейскъ и др.). Наоборотъ, большинство думъ высказалось рѣшительно за законодательное представительство, употребляя подчасъ, въ противовѣсъ формулѣ рескрипта—«участіе въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній» формулу большинства ноябрьскаго земскаго съѣзда—участіе въ «осуществленіи законодательной власти»—и тѣмъ подчеркивая свою солидарность съ требованіями земскаго либерализма (Москва, Симбирскъ, Ковна, Красный холмъ, Луцкъ и т. д.). Съ политическими же требованіями крайней демократіи (учредительное собраніе и проч.) выразили въ эту пору солидарность лишь немногія думы на Кавказѣ (Ставрополь, Эривань, Тифлисъ).

По вопросу объ избирательномъ правѣ большинство высказавшихся думъ, подъ впечатлѣніемъ грандіознаго рабочаго движенія, восприняло формулу все-

общаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія (Ставрополь, Эривань, Ковна, Красный Холмъ, Вятка, Майкопъ, Симбирскъ, Могилевъ, Луцкъ и друг.). При этомъ Ковенская дума опредѣленно настаивала на предоставленіи избирательнаго права и женщинамъ.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о государственномъ переустройствѣ во многихъ думахъ былъ поставленъ на очередь и вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи, рѣшавшійся обыкновенно въ смыслѣ необходимости демократизаціи этого самоуправленія и введенія земства тамъ, гдѣ его еще не было (Енисейскъ, Ковна, Могилевъ и друг.). Одновременно города Кавказа и Сѣверо-Западнаго края требовали національнаго равноправія. Обычно упоминаются въ думскихъ резолюціяхъ и требованія свободы печати, собраній, слова, союзовъ и проч. Иногда—отвѣтственность министерства передъ народнымъ представительствомъ.

Усилившееся весною 1905 г. крестьянское движеніе заставляетъ думы высказываться по крестьянскому вопросу. Требованіе уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями является при этомъ обычною составною частью думскихъ программъ. Но выставляются и другія требованія—начиная отъ неопредѣленной «широкой помощи государства» сельскому населенію (Майкопъ) и кончая заявленіемъ о необходимости передачи крестьянамъ государственныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и части частно-владѣльческихъ земель на условіяхъ выкупа (Тифлисъ, Вятка, Красный Холмъ и друг.). Дальше этой программы «принудительнаго отчужденія» идетъ эриванская дума, требующая націонализаціи земли.

По рабочему вопросу всѣ высказавшіяся думы безъ исключенія стоятъ на точкѣ зрѣнія не «свободы договора», а законодательной охраны труда. И въ другихъ отношеніяхъ думы нерѣдко идутъ въ этотъ періодъ навстрѣчу требованіямъ рабочихъ. Такъ Томская дума, въ связи съ рабочею забастовкою, настаиваетъ на необходимости свободы и неприкосновенности собраній всѣхъ классовъ населенія. Новороссійская дума, выражая «презрѣніе» казакамъ, стрѣлявшимъ въ іюлѣ въ безоружныхъ ж.-д. рабочихъ, признаетъ заработную плату этихъ рабочихъ недостаточною и требуетъ ея повышенія.

Во главѣ разгорающагося на протяженіи 1905 года общественнаго и народнаго движенія, или хотя бы во главѣ какой либо части его, думы отнюдь не стоятъ. Наоборотъ; на ихъ собственное поведеніе накладываетъ явственный отпечатокъ ходъ рабочаго и крестьянскаго движенія и, въ особенности, событія на войнѣ и связанныя съ ними проявленія глубокаго броженія, охватившаго армію и флотъ.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣтную роль сыграла гибель эскадры Рождественскаго въ половинѣ мая и послѣдовавшее за нею въ началѣ іюля возстаніе части черноморскаго флота. Эти событія послужили толчкомъ къ цѣлому ряду думскихъ заявленій, требовавшихъ «скорѣйшаго» и даже «немедленнаго» созыва обѣщаннаго народнаго представительства (Симферополь, Самара, Казань, Нижній Новгородъ, Владикавказъ, Минскъ, Верхнѣднѣпровскъ, Маріуполь, Владиміръ, Оренбургъ, Москва, Ставрополь, Астрахань и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, расширился и кругъ полномочій, предоставленія которыхъ будущему народному представительству требовали думы. И хотя въ это время лишь немногія изъ нихъ

рѣшались выставить прямое требованіе «учредительнаго собранія», но мысль объ учредительныхъ функціяхъ этого представительства начала завоевывать себѣ болѣе прочное мѣсто въ думскихъ программахъ. Эти учредительныя функціи должны были обнимать собою или частный вопросъ о войнѣ и мирѣ—требованіе, которое уже черезъ недѣлю послѣ гибели эскадры выдвинула московская дума, и къ которому присоединился рядъ провинціальныхъ городовъ—или общій вопросъ о государственномъ устройствѣ (Ставрополь, Симбирскъ и др.). Иногда думы, избѣгая упоминанія «учредительнаго собранія», требовали предоставленія будущему народному представительству даже «организаціонныхъ полномочій» (Астрахань).

Что въ этой «радикализаціи» думскихъ требованій выражалась до извѣстной степени эволюція политической мысли и политическаго настроенія верхнихъ торгово-промышленныхъ слоевъ русской буржуазіи,—это несомнѣнно. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы тотъ параллелизмъ въ наростаніи оппозиціонности думъ и торгово-промышленныхъ организацій, который такъ ярко проявился послѣ гибели эскадры. Именно въ это время, напримѣръ, и наиболѣе крупные московскіе промышленники, выборные биржевого общества (Четвериковъ, Рябушинскій А. Морозовъ, Бахрушинъ, Н. Гучковъ и др.), и собраніе петербургскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ опредѣленно требовали не законосовѣщательнаго, а законодательнаго собранія, а московская хлѣбная биржа настаивала даже на ограниченіи работъ Булыгинскаго совѣщанія исключительно выработкой избирательнаго закона, т. е. на предоставленіи будущему собранію самому опредѣлить размѣры своихъ полномочій,—требованіе, вызвавшее рѣзкую отповѣдь со стороны министерства финансовъ.

Но по самому строю городского самоуправленія, гдѣ рѣшающій голосъ принадлежитъ домовладѣльцамъ и болѣе состоятельнымъ квартирантамъ, думы провинціальныхъ русскихъ городовъ никоимъ образомъ не могли служить точными выразителями желаній этихъ верхнихъ слоевъ буржуазіи. Какъ нельзя яснѣе сказалось это въ отношеніи думъ къ той части требованій крупной буржуазіи, которая уже въ эту эпоху была, какъ мы выше говорили, отлита въ наиболѣе опредѣленныя и принципіальныя формы. Мы говоримъ объ отношеніи къ рабочему вопросу. Мы уже видѣли, что ни одна изъ думъ не встала въ этомъ вопросѣ на формулированную крупными промышленниками точку зрѣнія «свободы договора». И наоборотъ извѣстны случаи, когда, излагая свои требованія по рабочему вопросу, и думы въ цѣломъ (Ставрополь, Эривань, и др.), и отдѣльныя группы болѣе инициативныхъ городскихъ гласныхъ (напр. 74 гласныхъ Московской думы) воспринимали почти цѣликомъ требованія соціалдемократической программы.

Но въ этой первой систематической оппозиціонной кампаніи городскихъ думъ начиналъ свою политическую выучку новый слой буржуазіи—среднее провинціальное купечество. Эта выучка начиналась подъ ударами войны, подъ давленіемъ народныхъ движеній, настойчиво выдвигавшихъ свои требованія и заставлявшихъ и указанные слои купечества идти въ своихъ политическихъ заявленіяхъ дальше, чѣмъ то вытекало изъ уровня ихъ собственнаго политическаго развитія. Съ другой стороны, впервые пробужденные отъ политическаго

небытія и брошенные въ водоворотъ развивающейся революціи средне-и мелко-буржуазные слои города встрѣчались съ прочно формированною либеральною идеологіей земско-дворянскою, носителями которой въ городахъ являлись и сами землевладѣльцы и, еще больше, выросшіе въ тѣсной идейной связи съ земскимъ либерализмомъ многочисленные кадры служилой интеллигенціи и людей «свободныхъ профессій». Всѣмъ этимъ элементамъ было нетрудно — въ качествѣ домовладѣльцевъ и квартиро-нанимателей занять руководящее положеніе въ первой политической кампаніи городскихъ думъ [1]). А эта новая позиція въ мѣстномъ самоуправленіи была для нихъ тѣмъ важнѣе, что разроставшееся аграрное движеніе уже начало измѣнять настроеніе въ помѣщичьихъ массахъ въ сторону, грозившую выбить либеральные элементы изъ ихъ традиціоннаго земскаго убѣжища.

Естественно, что при такихъ условіяхъ новые элементы буржуазіи, вступая въ политическую жизнь, шли цѣликомъ въ фарватерѣ земскаго либерализма, усваивая его лозунги и его методы дѣйствія и вмѣстѣ съ нимъ продѣлывая тѣ зигзаги, къ которымъ толкало его давленіе внѣшнихъ событій. Средне-буржуазные слои города шли за этимъ движеніемъ, не внося въ него, повидимому, своихъ самостоятельныхъ нотъ. И нужно было бы подробно изслѣдовать груду мелкихъ «мѣстныхъ» дѣлъ, чтобы вылущить то специфическое содержаніе, которое начинали вкладывать въ земскій либерализмъ его новые адепты, тѣмъ самымъ измѣняя соціальный характеръ либеральной программы.

Интересный примѣръ такого усвоенія средне-и мелко-буржуазными слоями радикализированной подъ вліяніемъ народныхъ движеній земской программы и въ то же время приспособленія этой программы къ запросамъ новыхъ носителей ея представляетъ собою Всеподданнѣйшій адресъ Краснохолмской городской думы. Этотъ адресъ развертываетъ полностью будущую программу к.-д.-ой партіи съ законодательнымъ собраніемъ, избраннымъ на основѣ четырехъ-членной формулы, отвѣтственностью министерства и принудительнымъ отчужденіемъ частно-владѣльческихъ земель. Но въ этой программѣ есть одинъ существенный пробѣлъ: полное умолчаніе о рабочемъ вопросѣ. Этотъ пробѣлъ врядъ-ли можно признать случайнымъ, если вспомнить ту роль, которую играло въ эту эпоху рабочее движеніе, съ одной стороны, а съ другой—принять во вниманіе прямое

---

1) Политическое сближеніе среднихъ слоевъ городского населенія съ либеральною интеллигенціею облегчалось предшествующею совмѣстною борьбою ихъ на почвѣ чисто муниципальныхъ вопросовъ съ кучками городскихъ магнатовъ. Вообще, какъ отмѣчаетъ Г. И. Шрейдеръ („Городская контръ-реформа 11 іюня 1892 г.“ въ „Исторіи Россіи XIX в. изд. Т-ва „Гранатъ“), реакціонная городская реформа 1892 г. привела, наряду съ относительнымъ усиленіемъ значенія крупнѣйшихъ домовладѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ, также къ относительному усиленію значенія разночинцевъ—„по преимуществу отставныхъ и служащихъ чиновниковъ разнаго ранга“. Навстрѣчу этимъ тенденціямъ новаго избирательнаго закона, усиливая ихъ, шла и эволюція въ составѣ городского населенія. Въ результатѣ —„во многихъ, особенно-же небольшихъ (правильнѣе было-бы, кажется, сказать—среднихъ. Ф. Д.) городахъ въ распоряженіи разночинцевъ оказалось даже такое солидное количество голосовъ, что нерѣдко они получаютъ рѣшающее значеніе на городскихъ выборахъ“. Такъ напр., въ Черниговѣ въ періодъ 1883—1893 гг. дворяне и разночинцы составляли 48,6—43% гласныхъ, а въ 1893—901 гг.—78,1—70, 7%.

указаніе адреса, что краснохолмская дума исходитъ въ своихъ требованіяхъ изъ «развитія интересовъ торгово-промышленнаго характера». Торгово-промышленные интересы, какъ исходная точка,—это, несомнѣнно, новая нота въ обычномъ ходѣ мыслей земско-народническаго либерализма, нота, внесенная тѣми новыми слушателями, къ которымъ этотъ либерализмъ обращается. Но и на это проявленіе новыхъ соціальныхъ интересовъ традиціонная идеологія накладываетъ свой отпечатокъ: адресъ опредѣленно выдвигаетъ интересы «мелкаго и средняго торговца», противополагая ихъ интересамъ «представителей крупной торговли и промышленности», умѣющихъ сваливать со своихъ плечъ бремя налоговъ; но антагонизмъ этого «мелкаго и средняго торговца» къ дворянину-землевладѣльцу не отмѣчается ни единою черточкою. Достаточно сопоставить презрительный отзывъ родовитаго земскаго либерала, будущаго предсѣдателя 2-ой Думы, Ф. А. Головина, о Булыгинской думѣ, какъ о думѣ «лавочниковъ», потому-что въ ней «первенствующее положеніе будутъ занимать мелкіе уѣздные торговые промышленники», а «такое положеніе вещей вызоветъ ужасъ» [1]), достаточно сопоставить этотъ отзывъ со сказавшимся въ краснохолмскомъ адресѣ стремленіемъ опредѣленно связать всю традиціонную земско-либеральную программу съ интересами «мелкаго и средняго торговца уѣзднаго города», чтобы получить представленіе о томъ взаимо-приспособленіи между движеніемъ новаго общественнаго слоя и старою идеологіею, которое начало совершаться въ эту эпоху.

Но это взаимоприспособленіе, на почвѣ котораго совершился постепенно процессъ кристаллизаціи к.-д. партіи, лишь начиналось. Бурное развитіе событій не давало ему времени протекать послѣдовательно и систематически. И въ общемъ и цѣломъ, пробуждаясь къ оппозиціонной политической жизни, новые буржуазные слои отдавались цѣликомъ руководству стараго либеральнаго штаба. Распространяемое въ эту пору воззваніе черносотеннаго «народнаго союза» указываетъ новый очагъ оппозиціи—городскія думы—и отмѣчаетъ «въ большихъ городахъ» появленіе, наряду съ старыми бунтующими силами—«адвокатами, профессорами, студентами, учителями, прогорѣлыми помѣщиками», новаго протестующаго элемента—«*одворянившихся*» купцовъ. Этотъ эпитетъ «одворянившіеся»—въ общемъ какъ нельзя лучше характеризуетъ внѣшнее соотношеніе между земско-дворянскимъ либерализмомъ и движеніемъ тѣхъ слоевъ средняго и мелкаго купечества, которые начинали въ это время рвать идеологическія узы, связывавшія ихъ со «старымъ порядкомъ».

Выступленіе городскихъ думъ въ указанныхъ условіяхъ на путь политической оппозиціи приводитъ къ тому, что на съѣздахъ земскихъ дѣятелей—начиная съ февральскаго—появляются все въ большемъ количествѣ представители отдѣльныхъ городовъ вплоть до іюльскаго съѣзда, который—послѣ предварительнаго самостоятельнаго съѣзда городскихъ дѣятелей—оффиціально уже называется съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Но участіе городскихъ дѣятелей ничѣмъ не измѣняетъ общаго характера съѣздовъ, судьбы которыхъ опредѣляются по прежнему всецѣло землевладѣльческими элементами. Можно

---

[1]) „Право“, 1905 г. № 32, стр. 2615.

лишь отмѣтить большую пассивность городскихъ представителей. Такъ, напр., на февральскомъ совѣщаніи земскіе дѣятели разсмотрѣли въ особыхъ засѣданіяхъ не только вопросъ о необходимости участія представителей мѣстнаго самоуправленія въ Булыгинскомъ совѣщаніи, но и вопросы объ организаціи народнаго представительства и аграрный, рѣшивъ тотъ и другой въ общемъ въ духѣ будущей к.-д. программы. Въ это самое время городскіе дѣятели ограничились лишь вопросомъ о необходимости участія въ Булыгинскомъ совѣщаніи, рѣшивъ его, какъ и земцы, въ положительномъ смыслѣ. Итакъ, въ общемъ выступленія городскихъ дѣятелей цѣликомъ растворяются въ выступленіяхъ земской оппозиціи. Никакой розни между ними нѣтъ и, напримѣръ, постановляя въ концѣ мая 1905 года отправить депутацію къ государю съ конституціоннымъ адресомъ, петербургская городская дума въ то же время рѣшаетъ отложить подачу этого адреса до выясненія результатовъ майскаго земскаго съѣзда съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать съ нимъ совмѣстно.

Выше мы упоминали о съѣздѣ представителей городовъ, мысль о которомъ зародилась на совѣщаніи у Московскаго городского головы. Этотъ съѣздъ состоялся въ Москвѣ 15 іюня. На него были приглашены представители отъ городовъ съ населеніемъ не менѣе 60 тысячъ жителей, по разсчету одного представителя на 100 тысячъ населенія. Изъ 205 приглашенныхъ прибыло 117 городскихъ дѣятелей, главнымъ образомъ, изъ губернскихъ городовъ.

Временное организаціонное бюро, состоявшее подъ предсѣдательствомъ московскаго городского головы, кн. Голицына, представило проектъ «основныхъ началъ общегородской организаціи». Этотъ проектъ начинается нѣсколькими пунктами, въ которыхъ провозглашаются, какъ неотъемлемыя права человѣка и гражданина, свобода совѣсти, мысли, слова, вѣроисповѣданій богослуженій, общественныхъ собраній, союзовъ, неприкосновенность личности, частнаго жилища и переписки, свобода передвиженій, независимость и самостоятельность суда, равенство личныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ всѣхъ гражданъ Россійской имперіи и активное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ законодательствѣ. Затѣмъ идетъ требованіе «организаціи народнаго представительства на началахъ всеобщности и равенства» «для совмѣстнаго съ монархомъ строительства земли»; необходимость постановки на первую очередь коренныхъ экономическихъ реформъ, направленныхъ къ разрѣшенію аграрнаго вопроса и улучшенію положенія рабочаго класса»; «необходимость немедленной отмѣны законовъ, учрежденій, постановленій и распоряженій, противныхъ началамъ свободы личности, свободы духа и жизни, и необходимость возстановленія въ правахъ всѣхъ лицъ, пострадавшихъ за религіозныя и политическія убѣжденія». Далѣе: требованіе школьной реформы, реорганизація мѣстнаго самоуправленія, «освобожденіе православной церкви отъ государственнаго закрѣпощенія» и самоустроеніе ея «на соборныхъ началахъ». Въ послѣднихъ двухъ пунктахъ проектъ выражалъ солидарность съ земскимъ адресомъ и депутаціей 6 іюня и указывалъ на необходимость объединенія дѣятельности общегородской организаціи съ общеземской.

По предложенію выбранной совѣщаніемъ редакціонной коммисіи изъ этого проекта были приняты лишь 2 послѣднихъ пункта, въ остальномъ же вырабо-

танъ совершенно новый проектъ, исходящій изъ резолюцій ноябрьскаго земскаго съѣзда и ограничивающійся указаніемъ на необходимость созыва конституціоннаго народнаго представительства, безъ «декларацiи правъ» и безъ упоминанія тѣхъ реформъ (аграрная, рабочая, церковная, школьная и пр.), которыя должны были составлять содержаніе дѣятельности будущаго народнаго представительства. Затѣмъ новый проектъ заключалъ въ себѣ указаніе на необходимость свободы слова, печати, собраній и союзовъ, неприкосновенности личности, отмѣны усиленной охраны и возстановленія въ правахъ лицъ, пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія, какъ условія для правильнаго созыва народнаго представительства. Два послѣдніе пункта содержали въ себѣ выраженіе отрицательнаго отношенія къ Булыгинскимъ проектамъ и къ методу ихъ выработки. Всѣ эти пункты были приняты и подписаны единогласно, хотя въ преніяхъ 16 человѣкъ возражали противъ конституціоннаго характера будущаго представительства и критики Булыгинскихъ проектовъ.

Такимъ образомъ, въ результатѣ преній, въ которыхъ главными ораторами выступали элементы либерально-интеллигентскіе (профессора Лучицкій и Мануиловъ, В. Пржевальскій и др.) и земскіе (Хижняковъ, М. Петрункевичъ и др.), резолюція городского съѣзда приняла видъ, дѣлавшій этотъ съѣздъ лишь резонаторомъ для съѣзда земскаго и не заключавшій въ себѣ ни одного намека на специфическіе интересы или навыки мысли того городского населенія, выразителемъ требованій котораго должны были явиться съѣхавшіеся городскіе дѣятели.

Слѣдующимъ пунктомъ занятій съѣзда былъ вопросъ объ организаціи народнаго представительства. Этимъ вопросомъ уже раньше занималась коммиссія при московской думѣ, и, въ общемъ, въ духѣ ея рѣшеній состоялось и постановленія съѣзда. Такъ, была признана (противъ 11 голосовъ) необходимость двухъ палатъ, изъ которыхъ верхняя—«изъ представителей, избранныхъ органами мѣстнаго самоуправленія, преобразованными на демократическихъ началахъ и распространенными на всю Россійскую Имперію». Въ основу организаціи нижней палаты было положено всеобщее избирательное право, причемъ, въ отличіе отъ Московскаго проекта, было предположено (противъ 21 голоса) распространить это право и на женщинъ.

Разногласія возникли въ связи съ вопросомъ о предоставленіи избирательныхъ льготъ городамъ. Московская комиссія проектировала такія льготы лишь для крупнѣйшихъ городовъ (съ населеніемъ не менѣе 50 тысячъ), мотивируя это тѣмъ, что въ этихъ городахъ «сосредоточены громадные торгово-промышленные интересы и почти все, что въ Россіи имѣется наиболѣе культурнаго». Съѣздъ рѣшилъ распространить эти льготы на всѣ города, разсчитывая городской избирательный округъ на число населенія, вдвое меньшее, чѣмъ сельскій округъ. Въ этомъ разногласіи до извѣстной степени сказался, конечно, тотъ антагонизмъ между крупными городами и земствомъ, который возникъ на почвѣ распредѣленія земскаго обложенія и толкалъ крупные города къ ходатайствамъ о выдѣленіи ихъ въ самостоятельныя земскія единицы. Но въ той постановкѣ, которая была придана вопросу объ избирательныхъ льготахъ городамъ на съѣздѣ, звучала—и притомъ сильнѣе—и другая нота: при всеобщемъ изби-

рательномъ правѣ и извѣстномъ страхѣ земскаго либерализма передъ деревенскою «некультурностью», сами земцы были заинтересованы въ этихъ льготахъ городамъ, являющимся мѣстомъ сосредоточенія какъ земскихъ дѣятелей, такъ и примыкающей къ нимъ интеллигенціи... Этимъ объясняется и распространеніе льготъ, въ противоположность московскому проекту, не на крупные торгово-промышленные центры, а на всѣ городскія поселенія вообще. Этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что рѣшеніе съѣзда по данному вопросу было оспариваемо лишь 19 участниками съѣзда, съ М. И. Петрункевичемъ во главѣ.

Наконецъ, послѣдній пунктъ занятій съѣзда касался вопроса объ организаціи городского самоуправленія. Представленный проектъ, учитывая всѣ пагубныя для думъ стороны городового положенія 1892 г., исходилъ изъ тезиса, что, по существу своему, «самоуправленіе есть децентрализованное государственное управленіе», почему «предѣлы вѣдомства городского самоуправленія подлежатъ распространенію на всѣ отрасли мѣстнаго управленія». Въ основѣ этого самоуправленія долженъ лежать осѣдло-налоговой цензъ (безъ различія пола), съ пропорціональнымъ представительствомъ для огражденія правъ меньшинства. Совѣщаніе не высказалось по поводу этихъ предположеній, рѣшивъ поставить ихъ на обсужденіе думъ. Поскольку думы высказывались по этому вопросу, всѣ онѣ восприняли тезисъ проекта, касающійся опредѣленія существа самоуправленія. Въ этомъ случаѣ слишкомъ громко говорилъ весь предшествующій опытъ административной опеки.

Итакъ, разсматриваемый періодъ въ политической эволюціи городского непролетарскаго населенія характеризуется, во первыхъ, вступленіемъ думъ въ фарватеръ земскаго либерализма и, во вторыхъ, начинающимся перемѣщеніемъ соціальнаго центра тяжести этого либерализма. Естественно, что этотъ процессъ намѣтился, прежде всего, въ крупныхъ—главнымъ образомъ, губернскихъ—городахъ, гдѣ были сосредоточены наиболѣе культурныя и политически зрѣлыя общественныя силы, и гдѣ предшествующій ходъ развитія наиболѣе успѣлъ «европеизировать» соціальныя отношенія. Но мы указывали уже, въ какой сложный клубокъ сплелись взаимоотношенія между различными элементами нарождавшейся русской буржуазіи и «старымъ порядкомъ». Естественно, что въ то самое время, когда одни слои буржуазнаго городского населенія дѣлали первые шаги по пути политической оппозиціи, въ другихъ слояхъ или элементахъ тѣхъ же самыхъ соціальныхъ пластовъ усиливался процессъ оборонительной организаціи отъ натиска новыхъ порядковъ, и что не стремленіе къ новому, а именно необходимость встать активно и организованно на защиту угрожаемаго «стараго порядка» клала конецъ политическому небытію этихъ слоевъ.

Такое явленіе наблюдалось въ низахъ крупныхъ городовъ. Еще болѣе интенсивно долженъ былъ протекать этотъ процессъ въ мелкихъ уѣздныхъ городахъ, въ которыхъ различные элементы мѣщанъ, скупщиковъ, мелкихъ торговцевъ, кустарей и пр. самыми разнообразными узами были связаны съ устоями стараго политическаго, экономическаго и гражданскаго быта. Но этотъ процессъ въ весьма малой степени отмѣченъ текущей литературой, ибо онъ происходилъ въ сторонѣ отъ большой исторической дороги, по которой шло все нароставшее общественное движеніе, а, съ другой стороны, и самое существо складывавшихся на этой

почвѣ отношеній между представителями мелко-буржуазнаго городского населенія и представителями старой власти было отнюдь не таково, чтобы стремиться вынести его на свѣтъ гласности. Мы встрѣчаемъ отдѣльныя указанія на сношенія городскихъ головъ съ полиціей и жандармами (Меленки, Мензелинскъ и др.), на собранія, подчеркивающія необходимость сохраненія самодержавія (Ростовъ Яросл.) и т. п. Но вполнѣ выступаютъ на открытую политическую сцену эти элементы и складывающіяся черносотенныя организаціи лишь во время погромовъ, какъ еврейскихъ (Кишиневъ, Мелитополь, Дусяты, Житоміръ, Симферополь), такъ и интеллигентскихъ (Новочеркасскъ, Нижній, Балашовъ).

Но, какъ въ «черносотенномъ» движеніи вообще, такъ и спеціально въ черносотенномъ движеніи нѣкоторыхъ слоевъ мелко- и средне-буржуазнаго городского населенія, сплелись самые разнообразные и противорѣчивые общіе и мѣстные интересы. Нѣкоторое представленіе объ этихъ интересахъ можетъ дать, напримѣръ, эпизодъ, произошедшій въ Аткарскѣ. Здѣсь, на засѣданіе думы, 11-го іюня, внезапно явились всѣмъ сходомъ мѣщане (болѣе 100 человѣкъ) и потребовали, въ виду неурожая, немедленнаго уменьшенія на половину арендной платы за городскія земли,—требованіе, которое терроризованная дума удовлетворила единогласно. Нужно было бы тщательно изслѣдовать всѣ такого рода мѣстные конфликты, чтобы вполнѣ выяснить процессъ политической эволюціи городского населенія.

Но, какъ бы то ни было, въ общемъ, думы крупныхъ городовъ служатъ въ этотъ періодъ однимъ изъ опорныхъ пунктовъ общественнаго движенія. А народныя волненія и черносотенные погромы все больше втягиваютъ ихъ въ непосредственную борьбу съ старымъ режимомъ, прежде всего,—съ полиціею, какъ наиболѣе боевою организаціею этого режима. Рядъ городовъ (Рязань, Брянскъ, Ставрополь и т. д.) отказываютъ въ ассигнованіи средствъ на дальнѣйшее усиленіе полиціи или содержаніе казаковъ; другіе (Минскъ, Нижній-Новгородъ, Желѣзноводскъ и др.) приходятъ къ мысли о необходимости созданія городской стражи или милиціи для защиты обывателей отъ насилій и т. д.

II.

Одновременно съ опубликованіемъ положенія 6-го августа о созывѣ государственной думы было, какъ извѣстно, прекращено дѣйствіе указа 18 февраля и администрація начала энергично противиться дальнѣйшему обсужденію политическихъ вопросовъ въ городскихъ думахъ (Бѣлостокъ, Уфа, Полтава, Тобольскъ, Тифлисъ и пр.). Слабость и несамостоятельность думскаго движенія выразилась, между прочимъ, въ томъ, что думы не нашли въ себѣ силы бороться съ этими запрещеніями администраціи. Къ этому присоединился принявшій въ это время замѣтные размѣры кризисъ традиціоннаго либерализма подъ вліяніемъ все выше вздымавшагося рабочаго, крестьянскаго и національно-окраиннаго движенія. Сильный толчокъ этому кризису былъ данъ опубликованіемъ положенія о Государственной Думѣ, заставлявшаго,—хотя бы въ интересахъ предстоящей выборной борьбы—болѣе опредѣленно формулировать отношеніе къ цѣлому ряду

жгучихъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Начался процессъ распада стараго либерально-политическаго блока на его составныя части, заворачиваніе фронта направо одними элементами, налѣво—другими, формированіе консервативныхъ, либеральныхъ и демократическихъ направленій—предтечъ будущихъ партій. Этотъ процессъ имѣлъ пока хаотическій характеръ, различныя вліянія переплелись и скрещивались, то усиливая, то парализуя другъ друга, различные элементы стараго либеральнаго блока лишь ощупью начинали выбираться на свой собственный соціально-политическій путь, и во всякой изъ возникавшихъ организацій единствомъ временнаго настроенія сочетались въ самыхъ причудливыхъ комбинаціяхъ разнородные соціальные элементы. Но, какъ бы то ни было, пока что—единство и сплоченность либерально-демократическаго блока потерпѣли ущербъ, и это не могло не отразиться и на поведеніи думъ, въ основѣ движенія которыхъ до сихъ поръ лежало именно единство этого блока, подчинявшаго своему вліянію пробуждавшіеся къ политической оппозиціонности слои городского населенія. Наконецъ, условія времени были таковы, что на первую очередь вставали вопросы тактики, на которыхъ разнороднымъ элементамъ былое гораздо труднѣе сойтись, чѣмъ на общихъ, растяжимыхъ по своему смыслу и подлежащихъ осуществленію лишь въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ програмныхъ формулахъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, на актъ 6-го августа отозвалось болѣе или менѣе опредѣленно лишь очень незначительное число думъ (Москва, Вологда, Вильна, Минскъ, Нахичевань). Но, поскольку думы отозвались на Булыгинское положеніе, онѣ не имѣли причины быть имъ довольными Слишкомъ очевидно было, что это положеніе, исключавшее изъ числа избирателей рабочихъ, все мелкое городское населеніе и огромную часть интеллигенціи и надѣлявшее будущую Думу крайне ограниченными законосовѣщательными полномочіями не въ состояніи положить конецъ все ширившейся «смутѣ». Но и тѣ верхи городского населенія, которые были допущены къ участію въ выборахъ, испытывали невольныя сомнѣнія на счетъ вліянія, какимъ они смогутъ пользоваться въ будущемъ представительномъ учрежденіи. Если однимъ, какъ мы упоминали выше, Булыгинская дума представлялась въ видѣ думы «лавочниковъ», то другіе видѣли въ положеніи 6-го августа попытку подавить голос имущихъ и «культурныхъ» классовъ голосами крестьянскихъ депутатовъ, къ тому же тщательно подобранныхъ руками полиціи и администраціи; третьимъ, наконецъ, казалось, что правительство отводитъ въ будущей думѣ главное мѣсто помѣщикамъ. Хаотическое избирательное положеніе оставляло мѣсто массѣ недоумѣній, и, повидимому, само правительство не рѣшалось опредѣленно опереться на одинъ какой-либо соціальный слой, а строило свои разсчеты, главнымъ образомъ, на столкновеніи и взаимной нейтрализаціи тѣхъ имущественныхъ и сословныхъ интересовъ, которые были положены въ основу избирательной системы, и еще больше—на сохраненіи за собою руководства всѣми выборными операціями. Пожеланіе съѣзда городскихъ дѣятелей о выдѣленіи городовъ въ самостоятельныя избирательныя единицы не было выполнено, и лишь крупнымъ городамъ, имѣющимъ болѣе 100.000 жителей, было дано особое представительство, «въ виду неизбѣжнаго почти, въ противномъ случаѣ, поглощенія предста-

вительства городскихъ интересовъ интересами прочихъ мѣстностей, что и наблюдается нынѣ при земскихъ выборахъ». Къ этимъ крупнѣйшимъ городамъ были присоединены и нѣсколько менѣе крупныхъ городовъ съ цѣлью нейтрализаціи окраинныхъ городскихъ депутатовъ депутатами изъ коренной Россіи [1]). Но, въ результатѣ такого огражденія городскихъ интересовъ, лишь 26 городовъ (Петербургъ, Москва, Астрахань, Баку, Варшава, Вильна, Воронежъ, Екатеринославъ, Иркутскъ, Казань, Кіевъ, Кишиневъ, Курскъ, Лодзь, Нижн. Новгородъ, Одесса, Орелъ, Рига, Ростовъ на Д. совмѣстно съ Нахичеванью, Самара, Саратовъ, Ташкентъ, Тифлисъ, Тула, Харьковъ, Ярославль) получили право посылать 28 депутатовъ изъ 412.

Исходя изъ сдѣланнаго въ манифестѣ указанія на дальнѣйшее усовершенствованіе учрежденія государственной думы, отозвавшіяся на этотъ манифестъ городскія думы выдвигали, какъ самыя неотложныя «усовершенствованія», — всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право (Виленская дума ограничилась упоминаніемъ о всеобщности), съ одной стороны, «полноправное участіе Гос. Думы въ осуществленіи законодательной власти»,—съ другой. Минскъ и нѣкоторые другіе города ходатайствовали объ отдѣльномъ представительствѣ. Въ качествѣ необходимаго условія для правильнаго производства выборовъ тѣ же думы требовали немедленнаго введенія свободы слова, печати, собраній и пр.,— а вологодская дума, вообще выдѣлявшаяся въ эту эпоху своимъ радикализмомъ, настаивала на общей амнистіи всѣмъ, пострадавшимъ за политическія и религіозныя убѣжденія. Въ видѣ кары за такой радикализмъ, избранный думою купецъ Клюшинъ не былъ утвержденъ въ званіи городского головы.

Въ общемъ же затишье въ думскомъ движеніи распространилось въ это время и на борьбу думъ съ полиціей и администраціей. Но нѣсколько случаевъ энергичнаго выступленія можно все же указать. Такъ, тов. одесскаго головы, К. Андреевскій, публично протестовалъ противъ увольненія отъ должности, по распоряженію градоначальника, дѣлопроизводителя отдѣленія по народному образованію. Тифлисскій городской голова расклеилъ по городу объявленіе, въ которомъ опровергалъ попытку тифлисскаго генералъ-губернатора взвалить на него часть отвѣтственности за разстрѣлъ рабочихъ, собравшихся 29 августа въ зданіи городской думы. Въ еще болѣе внушительной формѣ былъ выраженъ протестъ противъ «безчеловѣчной бойни, учиненной казаками надъ беззащитной публикой», въ видѣ коллективнаго сложенія съ себя полномочій всѣмъ составомъ гласныхъ тифлисской думы впредь до принятія неотложныхъ мѣръ, въ числѣ которыхъ «должны быть поставлены на первую очередь: отмѣна военнаго положенія и усиленной охраны, свобода собраній и печати, неприкосновенность личности, производство строжайшаго слѣдствія и преданіе суду всѣхъ виновниковъ кровавой расправы 29 августа». Наконецъ, Смоленская дума, въ виду учащающихся насилій солдатъ надъ мирными жителями, постановила расклеить на улицахъ и раздать по рукамъ воззваніе къ солдатамъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Вы должны знать, что не населеніе затѣяло кровавую войну, что

---

[1]) Матеріалы по учрежденію Гос. Думы 905 г. Вып. I. Меморія Совѣта Министровъ. Стр. 29—30.

мирные граждане города Смоленска такъ же, какъ и весь народъ въ Россіи, не хотѣли этой войны, не отвѣтственны за нее и страдаютъ и терпятъ отъ нея такъ же, какъ и другіе..... Общими силами должно теперь населеніе Россіи поддерживать другъ друга, чтобы устроить въ нашей родинѣ лучшую, чѣмъ до сего времени, жизнь, и солдаты, такіе же граждане, не должны поступать иначе».

Вопросы тактики по отношенію къ выборамъ въ Думу и использованію будущаго представительнаго учрежденія вовсе не обсуждались въ городскихъ думахъ. За то они послужили главнымъ предметомъ занятій новаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей. Какъ извѣстно, резолюція объ участіи въ выборахъ и вхожденіи въ Думу «съ цѣлью достигнуть черезъ ея посредство гарантій гражданской свободы и равенства, указанныхъ въ постановленіи совѣщаній 6—9 ноября 1904 г., и введенія народнаго представительства на началахъ, установленныхъ совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. и 22—26 апрѣля 1905 г. и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 г.», была принята почти единогласно (противъ нея голосовалъ лишь кн. Касаткинъ-Ростовскій).

Точно также безъ большихъ разногласій было рѣшено организовать повсемѣстно избирательные комитеты съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей съ примѣненіемъ партійной дисциплины. По внѣшности могло казаться, что съѣздъ 12 сентября служитъ какъ бы завершеніемъ всѣхъ предшествующихъ съѣздовъ въ томъ смыслѣ, что объединяетъ всѣ оппозиціонные земскіе и городскіе элементы въ одну политическую партію. На самомъ дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ: съѣздъ 12 сентября далъ толчокъ распаденію того блока, который такъ тщательно культивировался на всѣхъ предшествующихъ съѣздахъ. И это обнаружилось тотчасъ же, лишь только были поставлены на очередь соціальные вопросы. Съѣздъ вынужденъ былъ отказаться отъ формулированія экономической программы и хотя большинствомъ и были приняты извѣстныя общія положенія по крестьянскому и рабочему вопросамъ, но объ единогласіи не было уже и рѣчи.

Еще болѣе боевой характеръ пріобрѣлъ на съѣздѣ окраинный вопросъ, при обсужденіи котораго А. И. Гучковымъ была взята нота воинствующаго націонализма, нашедшая откликъ, какъ въ нѣкоторыхъ элементахъ купечества, такъ и въ тѣхъ слояхъ землевладѣльцевъ, которые въ это время круто поворачивали направо. Надо знать дѣйствительное соціально-политическое содержаніе русскаго націонализма того времени [1]), чтобы понять, какую глубокую трещину въ оппозиціонномъ движеніи означало категорическое заявленіе Гучкова: «если только по одному этому вопросу мы разойдемся, мы—политическіе враги; если сойдемся, мы—союзники».

Самый характеръ представительства городовъ на съѣздѣ обусловилъ собою разнорѣчивость позиціи, занятой по вопросу объ автономіи («децентрализаціи законодательства») представителями различныхъ городовъ. Если Саратовскій депутатъ (Немировскій) и Нижегородскій (Меморскій) склонились больше къ точкѣ зрѣнія А. Гучкова, то представитель Петербурга (М. Ѳедоровъ), наоборотъ, го-

---

[1]) См. объ этомъ м. пр., „Общ. Дв.“, т. I, с. 444.

рячо отстаивалъ принципъ автономіи исторически сложившихся областей. И хотя въ результатѣ большинствомъ голосовъ были приняты въ крайне обезцвѣченномъ видѣ общіе тезисы о необходимости «децентрализаціи законодательства», а резолюція объ автономіи Польши прошла даже всѣми голосами противъ голоса одного Гучкова, но въ дѣйствительности было слишкомъ очевидно, что расколъ по этимъ вопросамъ гораздо глубже и шире, чѣмъ можно судить по результатамъ голосованія, и побѣдившее большинство не рѣшилось включить принятые имъ тезисы въ воззваніе къ избирателямъ. Тезисы же по крестьянскому и рабочему вопросу, хотя и были включены, но воззваніе спѣшило оговорить, что все это—вопросы, «рѣшать которые придется только впослѣдствіи», и призывало избирателей объединиться на основѣ программы, которая включала въ себя лишь требованіе правъ личности, свободы слова, печати, сходокъ, собраній, союзовъ; всеобщее (безъ другихъ 3 членовъ), избирательное право; законодательныя полномочія думы и дѣйствительный контроль надъ бюджетомъ и администраціей.

Остается еще упомянуть, что съѣздъ благопріятно отнесся къ пожеланію Одессы и Тифлиса о расширеніи представительства ихъ въ думѣ, и поддержалъ настоянія сибирскихъ городовъ о принятіи мѣръ,—которыя дали бы имъ возможность успѣть выбрать своихъ депутатовъ къ сроку созыва думы.

На основѣ принятой программы единство было какъ будто возстановлено. А. Гучковъ тутъ же на съѣздѣ заявилъ, что принятая формулировка воззванія устраняетъ опасность раскола, и въ городахъ начали постепенно образовываться земско-городскіе избирательные комитеты [1]). Но это видимое единеніе на почвѣ устраненія всѣхъ жгучихъ вопросовъ не могло задержать процесса распаденія оппозиціоннаго блока. Это распаденіе происходило отнюдь не по линіи раздѣленія земскихъ элементовъ отъ городскихъ, или помѣщиковъ отъ буржуазіи. Какъ мы говорили выше, процессъ распада старой организаціи и нарожденія новыхъ былъ гораздо сложнѣе. Но онъ совершался неудержимо, и событія октября-декабря 1905 г. мощно двинули его впередъ.

III.

Политическая слабость и несамостоятельность городскихъ думъ естественно привела къ тому, что во дни бурнаго развитія народныхъ движеній, онѣ не только не стали средоточіемъ этихъ движеній, но, наоборотъ, безпомощно но-

---

[1]) Для характеристики избирательной агитаціи, которую повели эти комитеты, упомянемъ, напр., воззваніе самарскаго комитета. Указавъ на то, что „принципъ всеобщаго избирательнаго права при прямомъ и тайномъ голосованіи“ выставляли „даже такія консервативныя общественныя группы, какъ наши городскія думы и биржевые комитеты“, воззваніе подчеркиваетъ, что новый законъ совершенно исключаетъ „городской рабочій классъ и всю неимущественную интеллигенцію“, и „имъ предпочитаются имущественные и промышленные цензовики, большинство которыхъ до послѣдняго времени совершенно не интересовалось политическими вопросами“. Затѣмъ воззваніе рѣшительно критикуетъ „уродливую“ компетенцію Думы по положенію 6 августа.

сились по волнамъ разгулявшейся стихіи, противопоставляя лишь силу привычной пассивности. Можно, конечно, указать рядъ постановленій и мѣръ, принятыхъ думами во дни октябрьской и послѣдующихъ забастовокъ. Такъ, напр., Московская дума, привѣтствуя въ актѣ 17 октября «рѣшительный разрывъ съ тяжкимъ историческимъ прошлымъ» и создаваемую имъ «для русскаго генія» возможность «во всей своей мощи проявить себя на аренѣ міровой исторіи», настаиваетъ въ то же время на полной амнистіи по политическимъ преступленіямъ (ея—требуетъ и петербургская дума) и отмѣнѣ исключительныхъ положеній, а также постановляетъ ассигновать средства «на дѣла благотворительности» съ тѣмъ, чтобы при этомъ было принято во вниманіе «бѣдственное положеніе семей рабочихъ, участвовавшихъ въ забастовкѣ». Иногда принимаемыя думами мѣры и постановленія носятъ, на первый взглядъ, даже очень энергичный характеръ. Такъ, петербургская дума еще 12 октября объявляетъ свои засѣданія безпрерывными и принимаетъ единогласно резолюцію, въ которой указываетъ «на необходимость принятія со стороны правительства безотлагательно мѣръ къ удовлетворенію назрѣвшихъ экономическихъ и политическихъ требованій населенія». Московская дума [1]) и цѣлый рядъ провинціальныхъ протестуютъ противъ поведенія казаковъ и полиціи, учреждаютъ—въ той или иной формѣ—такъ называемые «комитеты общественной безопасности», въ видѣ совѣщаній городскихъ дѣятелей съ представителями различныхъ общественныхъ и политическихъ организацій и организуютъ или постановляютъ организовать такъ называемую «милицію», городскую стражу, призванную смѣстить полицію, внушающую жителямъ недовѣріе. Саратовская дума отправляется 12 октября въ полномъ составѣ въ участокъ для разслѣдованія жалобъ на избіеніе казаками лицъ, арестованныхъ на митингѣ, и въ результатѣ этого посѣщенія постановляетъ, между прочимъ, ходатайствовать объ удаленіи казаковъ изъ города, прекратить имъ выдачу квартирнаго довольствія и избрать особый комитетъ для завѣдыванія всѣми дѣлами, вытекающими изъ создавшагося положенія. Полтавская дума, рѣшивъ 16 октября перенесть свои засѣданія, съ цѣлью приданія имъ большей публичности, въ зданіе театра, становится во главѣ шествія многочисленной публики для огражденія ея отъ насилій казаковъ и полиціи по пути отъ зданія городской думы къ театру.

Но, въ общемъ и цѣломъ, городскія думы не играютъ сколько-нибудь замѣтной политической роли ни въ ту, ни въ другую сторону. Ихъ политическія резолюціи—какъ это видно и по приведенному нами петербургскому примѣру—остаются безсодержательными и своею неопредѣленностью, отсутствіемъ конкретныхъ требованій и указанія опредѣленныхъ мѣръ для ихъ достиженія свидѣтельствуютъ о продиктовавшей ихъ растерянности и нерѣшительности; «комитеты безопасности» нигдѣ не дѣлаютъ сколько-нибудь энергичной попытки взять въ свои руки функціи мѣстной власти—единственный шагъ, который могъ бы сдѣлать ихъ серьезнымъ факторомъ движенія [2]); постановленія о милиціи

---

[1]) Резолюція С. А. Муромцева, 14 октября.

[2]) Мы оставляемъ въ сторонѣ окраины—Кавказъ, Прибалтійскій край и отчасти Сибирь.

остаются на бумагѣ, а тамъ, гдѣ проводятся въ жизнь, «милиція» принимаетъ видъ невооруженной и неорганизованной городской стражи, осужденной на бездѣятельность и—въ лучшемъ случаѣ – лишь нѣсколько увеличивающей личную и имущественную безопасность болѣе состоятельнаго слоя городскихъ обывателей. И, въ концѣ концовъ, «безпрерывныя» засѣданія цѣликомъ поглощаются ближайшими хозяйственными городскими вопросами: обезпеченіемъ продовольствія жителей, съ одной стороны, заботами о возстановленіи различныхъ муниципальныхъ службъ (водопроводъ, трамваи, больницы и т. д.), съ другой. Но и въ вопросѣ о продовольствіи думы не предпринимаютъ никакихъ самостоятельныхъ шаговъ, ограничиваясь, главнымъ образомъ, различными ходатайствами, обращаемыми къ центральной и мѣстной правительственной власти. Въ вопросѣ же о возстановленіи муниципальныхъ службъ роль думъ сводится къ переговорамъ со стачечниками, обѣщанію имъ различныхъ уступокъ, признанію ихъ организацій и т. д. и т. д.

Въ этой стадіи развитія ясно обнаруживается отсутствіе за думами сплоченнаго, политически опредѣленнаго, самостоятельнаго и активнаго общественнаго слоя, въ рукахъ котораго онѣ служили бы орудіемъ и который, въ свою очередь, могъ бы дать имъ прочную опору въ предпринимаемыхъ шагахъ. Искаженное представительство городского населенія въ думахъ и ихъ ничтожная роль въ предшествующую эпоху, съ одной стороны, сложные, но въ то же время зародышевые процессы политическаго броженія и самоопредѣленія, какіе переживали въ это время средне- и мелко-городскіе элементы, съ другой, достаточно объясняютъ этотъ фактъ. Давленія же рабочихъ и интеллигенціи, въ которыхъ воплощалось въ эту эпоху активное городское движеніе, было достаточно, чтобы побудить думы къ нѣкоторой уступчивости въ вопросахъ, непосредственно затрагивавшихъ интересы мѣстнаго пролетаріата и интеллигенціи, б. м. даже, къ своего рода дружѣственному нейтралитету по отношенію къ общему ходу движенія, но явно недостаточно для того, чтобы подвинуть ихъ на рѣшительные политическіе шаги.

При томъ же самый характеръ и формы революціоннаго движенія октябрьско-декабрьскихъ дней вносили, въ свою очередь, новыя осложненія въ процессъ политической эволюціи городского населенія. Забастовочное движеніе носило двойственный характеръ не только потому, что въ немъ сплетались политическія и экономическія требованія втянутыхъ въ движеніе массъ, но и потому, что самая форма движенія—забастовка, независимо отъ выставляемыхъ участниками его требованій, остро врѣзывалась въ весь торгово-промышленный оборотъ страны. Остановка въ подвозѣ готовыхъ продуктовъ къ рынкамъ и сырыхъ матеріаловъ къ промышленнымъ заведеніямъ, рѣзкіе скачки цѣнъ, нарушеніе всѣхъ срочныхъ сдѣлокъ—все это прямо или косвенно задѣвало непосредственно экономическіе интересы всѣхъ слоевъ городского населенія и, такимъ образомъ, то стимулировало, то задерживало или даже обращало вспять начавшійся процессъ ихъ политической эволюціи. Въ хаосѣ противорѣчивыхъ вліяній лишь незамѣтно и исподволь, съ постоянными перерывами и колебаніями закладывались прочные устои политическаго движенія средне- и мелкобуржуазныхъ элементовъ и намѣчались грани, раздѣляющія движеніе различныхъ слоевъ города.

Достаточно извѣстно, какое значеніе для опредѣленія позиціи крупной буржуазіи имѣли сопряженная съ революціоннымъ движеніемъ борьба за 8-ми часовой рабочій день и—еще больше—то общее разстройство, которое внесено было въ хозяйственную жизнь рядомъ непрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ забастовокъ, частичныхъ и общихъ. Въ первые дни послѣ октябрьской побѣды и видимаго проявленія освободительной мощи рабочаго движенія и крупная буржуазія безоговорочно аплодируетъ пролетаріату, какъ это особенно ярко выразилось въ извѣстной докладной запискѣ совѣщательной Конторы желѣзозаводчиковъ. Привѣтствуя манифестъ 17 октября, авторы записки въ то же время подчеркиваютъ, что «между словомъ и дѣломъ существуетъ огромное разстояніе», и заявляютъ, что «Россія вѣритъ только фактамъ; ея кровь и ея нищета не позволяютъ уже вѣрить словамъ». Поэтому, указывая, что «гражданская свобода Россіи явилась плодомъ поразительной борьбы 140 милліоннаго народа», записка требуетъ «полной амнистіи, безо всякихъ оговорокъ, лицамъ, пострадавшимъ по политическимъ дѣламъ». Констатируя, что «со стороны борцовъ за свободу и счастье русскаго народа проявленіе насилій было крайне ограничено», и возлагая вину за грабежи, поджоги и разбой на «черную сотню, во главѣ которой нерѣдко выступали правительственные агенты и даже священники», Контора настаиваетъ на безотлагательной и повсемѣстной «отмѣнѣ военнаго положенія и положенія объ усиленной охранѣ». Наконецъ, будучи «далеко не поклонницей всеобщаго избирательнаго права въ теоріи», Контора желѣзозаводчиковъ, ссылаясь на политическую сознательность рабочаго класса и роль, сыгранную имъ и интеллигенціей въ октябрьскомъ движеніи, требуетъ немедленнаго введенія всеобщаго голосованія.

Но уже ноябрьскій локаутъ въ Петербургѣ, начало которому было положено казенными заводами, и бездѣятельность избранной петербургской думой, согласно предложенію гл. Кедрина, комиссіи для посредничества въ этомъ конфликтѣ служатъ достаточно характерной иллюстраціей поворота въ настроеніи крупной буржуазіи. Но и этотъ поворотъ, по крайней мѣрѣ, въ октябрѣ-ноябрѣ, когда исходъ революціонныхъ битвъ остается еще неяснымъ,—не носитъ вполнѣ устойчиваго характера. Промышленники и торговцы колеблются между желаніемъ оградить свои непосредственные интересы, хотя бы за счетъ правительства, и начинающимъ возникать сознаніемъ политическаго антагонизма своего съ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата. Они идутъ за казной въ дѣлѣ объявленія локаута, но въ то же время почтово-телеграфная забастовка вызываетъ рядъ заявленій купечества различныхъ городовъ и даже посылку особой депутаціи отъ крупнаго московскаго купечества къ премьеръ-министру съ цѣлью настоять передъ правительствомъ на уступкѣ требованіямъ стачечниковъ. Они участвуютъ въ локаутѣ, явно направленномъ не столько противъ экономическаго, сколько противъ общеполитическаго движенія рабочаго класса, и образуютъ рядъ союзовъ, открыто ставящихъ себѣ цѣлью (какъ, напр., въ Ростовѣ на-Дону) борьбу съ «ненасытнымъ» пролетаріатомъ, но въ то же время, въ концѣ ноября, напр., петербургскіе хозяева-типографы, требуя отъ рабочихъ отказа въ теченіе 4 мѣсяцевъ отъ забастовокъ, спеціально оговариваютъ, что для политическихъ забастовокъ дѣлается исключеніе, а въ томъ же Ростовѣ на-Дону биржевой комитетъ

настаиваетъ на необходимости организаціи общественныхъ работъ для помощи безработнымъ. И еще 28 ноября, послѣ отказа гр. Витте выполнить требованія, предъявленныя ему депутаціей ноябрьскаго земско-городского съѣзда, газета «Новости», отражая настроеніе петербургскихъ биржевиковъ, пишетъ: «Пусть не радуются тамъ, наверху, расколу между либеральной буржуазіей и пролетарскими партіями. Когда положеніе станетъ невыносимымъ,—а это можетъ случиться завтра,—буржуазія пойдетъ къ пролетаріату и станетъ подъ красное знамя».

Это неустойчивое настроеніе крупной буржуазіи—готовность отойти отъ революціоннаго движенія и даже напасть на него въ тылъ, сдерживаемая неувѣренностью въ томъ, на чьей сторонѣ окажется побѣда,—сказалось во всей силѣ и въ дни декабрьскихъ возстаній. Типично въ этомъ случаѣ поведеніе московской думы. Еще въ концѣ ноября вновь избранный голова, Н. И. Гучковъ, въ своей программной рѣчи рекомендуетъ думѣ отказаться отъ слишкомъ усерднаго участія въ политической жизни и сосредоточиться на хозяйственныхъ задачахъ, что въ переживаемый моментъ имѣло смыслъ рекомендаціи—занять по отношенію къ революціонной борьбѣ нейтральное, выжидательное положеніе. Въ этомъ духѣ и дѣйствуетъ московская дума въ дни декабрьскаго возстанія, колеблясь въ своей позиціи сообразно ходу движенія. Такъ, еще 13 декабря она принимаетъ резолюцію,—выражающую явное недовѣріе правительству и подчеркивающую его медлительность въ проведеніи въ жизнь манифеста 17 октября, какъ главную причину смутнаго и невыносимаго положенія, въ которое поставлена вся Россія и, въ частности, Москва. Но уже 15 декабря, когда движеніе явно терпитъ неудачу и прѣсненскіе рабочіе просятъ голову о посредничествѣ въ переговорахъ ихъ съ генералъ-губернаторомъ объ условіяхъ сдачи, дума, выражая въ новой резолюціи увѣренность, что событія не задержатъ либеральныхъ реформъ, видитъ причину смуты въ отсутствіи законовъ, *регулирующихъ* свободы 17 октября, и одновременно отказывается отъ своего постановленія объ организаціи милиціи. На слѣдующій день она поручаетъ управѣ представить ей докладъ объ обезпеченіи семействъ пострадавшихъ во время возстанія воинскихъ чиновъ, городовыхъ и дворниковъ, по отношенію же къ пострадавшему населенію лишь о неопредѣленныхъ «мѣрахъ помощи». Наконецъ, когда все движеніе раздавлено, московскій городской голова, Н. И. Гучковъ, произноситъ свой извѣстный благодарственный тостъ, обращенный къ московскому генералъ-губернатору, адмиралу Дубасову.

Какъ видимъ, А. С. Суворинъ правильно характеризовалъ позицію верховъ буржуазіи, когда въ самый разгаръ «смуты» («Нов. Вр.», 24 ноября) смущенно восклицалъ: «Гдѣ вы, спокойное и разумное общество, вы, собственники, вы, домовладѣльцы, купцы, фабриканты, рантьеры, буржуазія, вы, друзья порядка и политической свободы, гдѣ вы?» Элементы «спокойнаго и разумнаго общества», «друзья порядка» имѣлись уже въ наличности въ достаточно внушительныхъ размѣрахъ, на ихъ существованіе опиралось правительство въ своей репрессивной дѣятельности, но политической активности они проявляли въ это время еще очень мало. Они таились въ сторонѣ отъ поля битвы и выходили наружу лишь въ сумерки, когда подсчитывались результаты сраженій, всегда

готовые перекинуться на сторону побѣдителя и ввести новыя политическія карты въ игру.

Однородные процессы происходятъ въ это время и въ мелкобуржуазныхъ слояхъ города. Мелкіе предприниматели и хозяева-ремесленники также образуютъ союзы для отстаиванія своихъ интересовъ, частью прямо обращенные противъ рабочихъ, частью занимающіе по отношенію къ рабочимъ нейтральную и даже дружественную позицію. Такъ, союзъ владѣльцевъ малярныхъ заведеній въ Москвѣ ставитъ своею задачею обслуживаніе интересовъ и рабочихъ, проектируя съ этою цѣлью учрежденіе бюро труда, организацію помощи безработнымъ и т. п. Владѣльцы золотосеребряныхъ ремесленныхъ заведеній въ Петербургѣ, основывая свой союзъ, постановляютъ удовлетворить требованія, предъявленныя подмастерьями въ октябрьскую забастовку. Лавочники города Вольска на совмѣстномъ собраніи со своими приказчиками рѣшаютъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о прекращеніи торговли въ праздничные дни, а петербургскіе мелочные лавочники заселенной рабочими Выборгской стороны постановляютъ пригласить на свои собранія по вопросу о праздничномъ отдыхѣ представителей соціалъ-демократической партіи. Вообще же мелкая буржуазія, подъ вліяніемъ бурныхъ событій, начинаетъ поднимать голову и сплачиваться. Это отражается отчасти и на ходѣ городского самоуправленія. Такъ мы имѣемъ, напр., извѣстіе, что на ноябрьскихъ выборахъ въ гомельскую городскую думу старый интеллигентскій составъ гласныхъ былъ вынужденъ удалиться, и всѣ мѣста были заняты мѣщанами и ремесленниками...

Этотъ процессъ политическаго самоопредѣленія мелкой и средней городской буржуазіи на первыхъ порахъ не всегда и не во всѣхъ слояхъ носилъ политически-прогрессивный характеръ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же бурныхъ событій и, въ частности, подъ вліяніемъ организованной вслѣдъ за изданіемъ манифеста 17 октября волны еврейскихъ и интеллигентскихъ погромовъ, ускорялось—особенно, среди цензовыхъ (по городскому управленію) слоевъ буржуазіи и въ мелкихъ городахъ—сплоченіе и «черносотенныхъ» элементовъ и закрѣплялась ихъ связь съ подонками городского населенія, съ одной стороны, съ представителями администраціи и реакціоннаго дворянства, съ другой.

Рѣшительно вездѣ, гдѣ устраивались «патріотическія» манифестаціи или вспыхивали погромы,—мы встрѣчаемъ въ числѣ организаторовъ и руководителей ихъ представителей городской буржуазіи. Такъ въ Харьковѣ во главѣ манифестаціи 11 октября стоитъ купецъ Леоновъ.

Въ Петербургѣ видную роль въ черносотенной агитаціи играютъ торговцы, мясники и рыбники на Сѣнной. Въ Казани, въ числѣ организаторовъ погрома 16—17 окт. фигурируютъ «лица изъ русскаго купечества и кабатчиковъ». Въ Ярославлѣ въ устройствѣ избіенія 18 окт. участвуютъ «краснорядцы—лабазники». Въ Калугѣ центральной фигурой черносотенной агитаціи является мясникъ Черновъ. Въ Тулѣ во главѣ толпы идетъ купецъ А. С. Баташевъ. Купецъ же стоитъ во главѣ черносотенцевъ въ Владимірѣ.

Въ Костромѣ въ избіеніи учащихся 19 окт. участвуютъ базарные торговцы. Въ Рязани поджигаетъ 23 окт. клубъ, гдѣ происходитъ митингъ, «толпа торговцевъ и простолюдиновъ». Въ Воронежѣ участвуютъ въ погромѣ лабазники.

Въ Рыбинскѣ рабочіе въ поданномъ думѣ заявленіи указываютъ, какъ на организаторовъ черной сотни, «отдѣльныхъ лицъ биржевого общества». Въ Архангельскѣ рекруты требуютъ удаленія изъ состава воинскаго присутствія члена городской управы, купца Антонова, какъ главнаго виновника бойни 18—19 Октября. Въ Красноярскѣ во главѣ черной сотни стоятъ купцы Афанасій Смирновъ, Семеновъ, Романовъ и др. Въ Муромѣ, въ числѣ главныхъ черносотенцевъ, наряду съ исправникомъ и другими чинами полиціи, фигурируютъ кабатчикъ, хлѣботорговецъ, владѣлецъ гастрономическаго магазина, ямщикъ, рыбакъ, мѣщанскій староста и т. д. и т. д.

Эти примѣры можно было бы умножить до безконечности. Ясно во всякомъ случаѣ, что передъ нами явленіе, отнюдь не случайное. Хотя, съ другой стороны, не слѣдуетъ думать, что въ черносотенномъ движеніи, въ данномъ его фазисѣ, мы имѣемъ дѣло съ отлившимся въ прочныя формы движеніемъ опредѣленнаго слоя буржуазіи. Мы уже говорили выше о томъ, какія разнообразныя вліянія скрещивались въ этомъ случаѣ, и какую роль играли при этомъ различныя мѣстныя и временныя обстоятельства.

Этимъ и объясняется, что въ то время, какъ въ Рыбинскѣ, напр., «лица биржевого общества» являются организаторами черной сотни, въ Нижнемъ Новгородѣ, по свидѣтельству корреспондента «Начала» (№ 3), биржевики выражаютъ открытое сочувствіе «краснымъ», т. е. соціалъ-демократамъ, и оказываютъ поддержку сормовскимъ рабочимъ, идущимъ на выручку города отъ господства черной сотни, главной опорой которой въ средѣ городской буржуазіи являются мелкіе лавочники.

Затѣмъ нужно имѣть въ виду, что сила черносотеннаго движенія буржуазныхъ элементовъ города легко принимаетъ преувеличенный видъ, благодаря тому, что это движеніе происходило на фонѣ той пассивности умѣренныхъ и прогрессивныхъ слоевъ буржуазіи, о которой мы говорили выше. Въ то время, какъ въ этихъ слояхъ незамѣтно подготовлялись тѣ теченія и настроенія, которыя вполнѣ отчетливо сказались лишь впослѣдствіи на троекратныхъ выборахъ въ Государственную Думу, черносотенные элементы буржуазіи, благодаря своей связи съ люмпенъ-пролетарскими элементами, всегда склонными къ грабежу и насиліямъ, и мощной и дѣятельной поддержкѣ со стороны полиціи, общей администраціи, богатыхъ дворянъ имѣли возможность проявить самую широкую активность въ первые же дни своей политической мобилизаціи.

Правда, погромное движеніе тѣми непосредственными опасностями, которыми оно грозило жизни и имуществу городскихъ обывателей, какъ бы встряхнуло и вывело изъ бездѣятельности и болѣе прогрессивные элементы буржуазіи. Именно на періодъ усиленнаго развитія черносотенной агитаціи и погромнаго движенія падаетъ и большинство постановленій городскихъ думъ объ образованіи «комитетовъ безопасности» и организаціи «милиціи» (Москва, Харьковъ, Одесса, Казань, Черниговъ, Вильна, Томскъ, Вологда и др.). Иногда даже думы, какъ это было въ Севастополѣ, прямо поручаютъ организацію милиціи мѣстному соціалъ-демократическому комитету, иногда (Иркутскъ) рѣшаютъ вручить всю распорядительную власть общему забастовочному комитету. Но, въ общемъ, всѣ такого рода постановленія страдаютъ нерѣшительностью, непослѣдовательностью

и, какъ мы уже говорили, въ концѣ концевъ, остаются на бумагѣ. Но и для принципіальнаго протеста противъ черносотенства думы—по указаннымъ нами выше причинамъ—находятъ въ себѣ силу почти исключительно въ крупныхъ городахъ [1]). Въ мелкихъ—сколько-нибудь прогрессивная буржуазія чувствуетъ себя очевидно крайне слабой, и протесты противъ черносотенства исходятъ не изъ ея среды. Въ примѣръ можно привести посланное графу Витте протестующее заявленіе жителей города Звенигорода Кіевской губ., въ которомъ опредѣленно указывается составъ протестантовъ, а именно: «землевладѣльцы, лица свободныхъ профессій и состоящія на государственной службѣ».

При такихъ условіяхъ черносотенное движеніе въ городахъ разливается широкимъ потокомъ. Въ то же время оно претерпѣваетъ и важныя внутреннія измѣненія подъ вліяніемъ новаго фактора—крутого поворота значительной части землевладѣльцевъ направо. На ноябрьскомъ съѣздѣ землевладѣльцевъ въ Москвѣ, среди реакціонныхъ помѣщиковъ окончательно созрѣваетъ мысль объ использованіи черносотеннаго движенія въ своихъ цѣляхъ. То, что прежде уже—съ самаго возникновенія «черносотенства»—дѣлалось въ отдѣльныхъ мѣстахъ и безсистемно, то теперь должно было практиковаться въ масштабѣ всероссійскомъ и быть приведено въ стройную систему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если раньше политическую печать на черносотенное движеніе накладывали, главнымъ образомъ, полицейскіе и чиновники, заставлявшіе его служить интересамъ старой бюрократіи, то теперь оно должно было служить орудіемъ въ рукахъ дворянскаго сословія, политически объединившагося и начавшаго подчинять себѣ расшатанную ударами войны и революціи бюрократію. Въ черносотенномъ движеніи выступаетъ съ этихъ поръ все болѣе планомѣрно и открыто объединенное помѣстное дворянство, сразу занимающее въ немъ, благодаря своей большей политической зрѣлости, соціальному положенію, богатству, связямъ, руководящее политическое положеніе и постепенно подчиняющее его цѣликомъ своимъ соціально-политическимъ интересамъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этой новой стадіи въ развитіи черносотенства явились депутаціи 1 и 23 декабря, въ которыхъ, наряду съ родовитыми дворянами и делегатами союза землевладѣльцевъ, участвовали купцы, крестьяне, мѣщане и представители духовенства.

Но само собою понятно, что, становясь во главѣ движенія, въ которомъ съ реакціонными элементами буржуазіи сплетаются демократическіе и люмпенскіе элементы городского населенія, дворянство не можетъ и не считаетъ нужнымъ открыто выставить свою соціально-политическую программу, какъ оффиціальное знамя новаго союза. Такимъ знаменемъ является «націонализмъ», и самая неопредѣленность этого знамени дѣлаетъ его очень удобнымъ для прикрытія тѣхъ противорѣчивыхъ интересовъ, которые ищутъ себѣ удовлетворенія въ черносотенномъ движеніи. Это знамя покрываетъ собою одинаково и стремленіе къ укрѣпленію старыхъ соціальныхъ отношеній и къ эксплоатаціи «инородческихъ» окраинъ «кореннымъ» населеніемъ, и ненависть мелкаго «православнаго» капиталиста къ крупному «иновѣрному» капиталу, и жажду возстановленія разру-

---

[1]) Изъ думъ крупныхъ городовъ лишь кіевская стала съ самаго начала вполнѣ опредѣленно на сторону черносотенцевъ.

шеннаго внѣшняго могущества государства, какъ выхода изъ внутреннихъ затрудненій, и пр. и пр. А въ то же время «націонализмъ» является какъ нельзя болѣе удобнымъ идеологическимъ знаменемъ для проповѣди возвращенія къ старому традиціонному «національному» политическому строю, является символомъ тяготѣнія къ «старому порядку» вообще.

Такимъ образомъ «націонализмъ» облегчилъ сплоченіе на службѣ дворянско-бюрократическимъ интересамъ самыхъ разношерстныхъ соціальныхъ элементовъ. Съ другой стороны—и это не случайность—тѣ же вопросы «націонализма», хотя и въ иной постановкѣ, явились рѣшающимъ моментомъ въ совершавшейся подъ вліяніемъ событій перегруппировкѣ общественныхъ силъ, тяготѣвшихъ къ земско-городскимъ съѣздамъ. Именно эти вопросы провели грани между различными теченіями на послѣднемъ ноябрьскомъ съѣздѣ старой земско-городской организаціи и дали толчекъ къ ея окончательному распаденію.

Какъ мы упоминали выше, «національное» знамя было поднято А. И. Гучковымъ еще на сентябрьскомъ съѣздѣ и тогда уже обнаружило свою притягательную силу для разнородныхъ элементовъ. Попытки создать партію «чистой» капиталистической буржуазіи (какъ напр. «торгово-промышленная партія») оказались эфемерными—все предшествующее развитіе русской крупной буржуазіи не подготовило еще ее къ самостоятельному политическому выступленію и не создало еще для нея прочной политической опоры въ странѣ. Наоборотъ, неопредѣленное «національное» знамя «Союза 17 окт.» дало ему возможность сплотить въ своихъ рядахъ такіе элементы буржуазіи и землевладѣльцевъ, которые, отнюдь не желая возстановленія «стараго порядка», въ то же время были напуганы перспективами, развернутыми революціей, и соціальными требованіями пролетаріата и крестьянства, жаждали успокоенія и мирнаго развитія на основѣ обѣщаній, данныхъ въ манифестѣ 17 октября. На этой стадіи своего развитія «Союзъ 17 октября», во главѣ котораго встали А. Гучковъ, Д. Шиповъ, М. Стаховичъ, гр. Гейденъ и др., отнюдь не стремится вполнѣ солидаризироваться съ старою государственною властью, и его члены (Гучковъ, Шиповъ) отказываются отъ предложенныхъ имъ министерскихъ портфелей. Но своимъ «національнымъ» знаменемъ они свидѣтельствуютъ о своемъ нежеланіи дальнѣйшаго «крутого разрыва» съ прошлымъ, о своемъ взглядѣ на манифестъ 17 октября, какъ на предѣльный пунктъ движенія, о своей готовности поддержать старую государственную власть въ ея шагахъ по выполненію обѣщаній манифеста, о своемъ протестѣ противъ «крайностей» революціи, которая именно на окраинахъ достигла наивысшаго напряженія, и, наконецъ, о своемъ стремленіи, путемъ поднятія «національной» и военной мощи государства, задержать дальнѣйшую демократизацію политическаго строя и дальнѣйшее развитіе пролетарскаго и крестьянскаго движенія.

Сплоченной группѣ «Союза 17 октября» противостояла на съѣздѣ другая сплоченная группа «конституціонно-демократической» партіи, объединившей въ своихъ рядахъ на первыхъ порахъ, главнымъ образомъ, оставшіеся вѣрными своему знамени либерально-земскіе элементы и демократическую интеллигенцію, но въ то же время разсчитывавшей найти себѣ опору въ мелко-и-средне-буржуазныхъ массахъ города и деревни и потому все больше и больше приспособлявшей

свою программу къ выраженію общихъ интересовъ капиталистическаго развитія Россіи. Въ противоположность «октябристской» группѣ, «кадетская» отстаивала на съѣздѣ ту точку зрѣнія, что манифестъ 17 октября не есть конечный пунктъ требуемыхъ реформъ, что необходимы «гарантіи» въ видѣ немедленной отмѣны исключительныхъ положеній, введенія всеобщаго и пр. избирательнаго права, «учредительныхъ» функцій перваго народнаго представительства и перехода власти въ руки «общественныхъ дѣятелей».

Весь этотъ споръ о довѣріи или недовѣріи къ министерству Витте, какъ его можно было кратко формулировать, — покрывался, по указаннымъ выше причинамъ, «національнымъ» вопросомъ, и главныя битвы на ноябрьскомъ съѣздѣ, какъ и на сентябрьскомъ, происходили вокругъ «окраиннаго» вопроса, въ частности, вопроса объ автономіи Польши.

На съѣздѣ побѣдила кадетская группа и ея точка зрѣнія. Въ ея духѣ была составлена и записка, которую вручила премьеръ-министру депутація отъ бюро съѣздовъ и на которую Витте отвѣтилъ рѣшительнымъ заявленіемъ, что, не намѣреваясь отступить ни на шагъ назадъ отъ манифеста 17 октября, правительство не сдѣлаетъ ни шагу и впередъ отъ него.

Но побѣда на съѣздѣ отнюдь еще не означала побѣды въ тѣхъ слояхъ общества, которые до тѣхъ поръ стояли за съѣздами, придавали имъ вѣсъ и значеніе. Наоборотъ. И на самомъ съѣздѣ, и въ связи съ нимъ, и немедленно послѣ его окончанія обнаружились симптомы, свидѣтельствовавшіе, что старая армія начинаетъ покидать свой штабъ, засѣдавшій на съѣздѣ подъ флагомъ к.-д. партіи, и что этому штабу предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ вербовать себѣ новую армію. Симптомы такого отпаденія сказались не только въ многочисленныхъ постановленіяхъ земскихъ и дворянскихъ круговъ, но и въ той позиціи, которую заняли многія городскія думы и торгово-промышленныя организаціи.

Лишь немногія думы высказались въ это время въ духѣ тѣхъ требованій, которыя отстаивала кадетская группа. И, наоборотъ, многія, въ лицѣ своихъ представителей на съѣздѣ или въ обращенныхъ къ съѣзду резолюціяхъ встали на точку зрѣнія тогдашнихъ «октябристовъ». Такъ, казанская дума настаивала на «немедленномъ созывѣ думы на основаніи закона 6 августа», а 800 казанскихъ гражданъ заявили, что «считаютъ необходимымъ поддержать существующее правительство и протестуютъ противъ учредительнаго собранія». Въ то же время представитель Казани на съѣздѣ заявилъ, что населеніе этого города—монархическое, желаетъ поскорѣе приступить къ устройству государства на началахъ манифеста 17 октября и всеобщихъ выборовъ не желаетъ. Делегатъ Рязани высказался, какъ и делегатъ Кронштадта, противъ учредительнаго собранія и выразилъ мнѣніе, что «лучше идти на всякіе компромиссы, чѣмъ обострять борьбу до кровавыхъ ужасовъ». Представитель Екатеринослава передалъ рѣшенія екатеринославской думы «стоять на почвѣ манифеста, не отклоняясь ни влѣво, ни вправо». Саратовскій представитель находилъ, что «настоятельная потребность минуты — порядокъ». Телеграмма астраханскаго биржевого комитета призывала съѣздъ «сплотиться вокругъ правительства на основахъ манифеста 17 октября» и т. д. и т. д. Рядъ думъ и биржевыхъ комитетовъ выразили оти-

крыто свой протестъ противъ постановленій съѣзда и заявили о своемъ довѣріи министерству Витте (кіевская, новгородская, епифанская, саратовская, тамбовская, кузнецкая и др. думы, астраханскій, рижскій, елецкій и др. биржевые комитеты, костромской комитетъ торговли и мануфактуръ и т. д.). Военныя возстанія еще больше содѣйствовали росту такого настроенія въ верхахъ напуганной развитіемъ революціи буржуазіи и, посылая адмиралу Чухнину восторженное выраженіе благодарности за подавленіе Севастопольскаго возстанія, московскій биржевой комитетъ выражалъ, конечно, не свое только настроеніе.

Такимъ образомъ, — оставляя въ сторонѣ промежуточныя образованія, не игравшія сколько-нибудь замѣтной роли, — въ трехъ различныхъ группировкахъ—черносотенной, октябристской и кадетской, одинаково сочетались, хотя и разнородные, буржуазные и землевладѣльческіе элементы. Выборы въ Думу подвинули дальше процессъ ихъ кристаллизаціи и въ то же время дали толчекъ ихъ дальнѣйшей эволюціи.

IV.

Все учрежденіе Государственной Думы было построено примѣнительно къ октябрьско-декабрьскому зениту революціоннаго движенія. Но собираться ей пришлось впервые уже въ эпоху упадка этого движенія, когда ни избирательное право, ни полномочія Думы даже въ томъ ограниченномъ видѣ, въ какомъ они были формулированы творцами положенія о Думѣ, манифеста 17 октября и закона 11 декабря, явно не соотвѣтствовали ни реальному соотношенію силъ, какое установилось въ результатѣ октябрьско-декабрьской революціи, ни тѣмъ скромнымъ реальнымъ завоеваніямъ, какія сдѣлало общественное движеніе.

Широкія массы городского и сельскаго населенія остались безправными, получили въ свое распоряженіе лишь ничтожные зародыши права организаціи и политической самодѣятельности, — зародыши, которые еще предстояло путемъ долгой, упорной и систематической борьбы развить въ цѣнное оружіе, оборонительное и наступательное. А въ то же время именно эти массы, вопреки всѣмъ несовершенствамъ закона 11 декабря 1905 г., получили возможность оказывать рѣшающее вліяніе на составъ Думы и ея политику. И наоборотъ. Тѣ реальныя права, которыми ходъ событій надѣлилъ буржуазные и землевладѣльческіе верхи общества, не находили себѣ адэкватнаго выраженія въ новорожденной «конституціи». Ея формальный «демократизмъ» не только мѣшалъ имъ отлить свои права въ прочную юридическую форму, но и угрожалъ этимъ исключительнымъ правамъ, какъ непосредственно, такъ еще больше тѣмъ, что будилъ въ «низахъ» надежды на дальнѣйшія завоеванія. А эта угроза, въ свою очередь, заставляла «верхи» умѣрять свое стремленіе къ всестороннему соціально-политическому самоопредѣленію, сглаживать свои внутренніе антагонизмы и закрѣплять ту недифференцированность буржуазныхъ и крѣпостническихъ элементовъ, которая, какъ мы видѣли, не была еще преодолѣна предшествующимъ развитіемъ.

Все это наложило рѣзкій отпечатокъ на выборы въ первую Государственную Думу. Для массъ городского населенія эти выборы были непосредственнымъ

продолженіемъ предыдущей борьбы. Разбитыя въ открытомъ бою и не успѣвшія отдать себѣ отчета въ размѣрахъ пораженія, онѣ пытались новымъ способомъ, новой концентраціей силъ—на этотъ разъ вокругъ Думы—добиться реализаціи тѣхъ правъ, которыя формально числились за ними. На борьбу съ давленіемъ администраціи и привилегированныхъ классовъ, на преодолѣніе тѣхъ препятствій, которыя ставились свободному выраженію воли избирателей, была направлена вся энергія оппозиціонныхъ слоевъ города. Въ предвыборной агитаціи чисто тактическія задачи, вопросы о способахъ использованія Думы, какъ орудія борьбы, господствовали надъ вопросами программными, вопросами точнаго опредѣленія тѣхъ цѣлей, конечныхъ и ближайшихъ, къ которымъ слѣдуетъ стремиться. Понятно, что, въ смыслѣ соціально-политическаго самоопредѣленія массъ городского населенія, такая постановка вопросовъ умаляла значеніе выборовъ. Такому умаленію способствовала и, психологически объяснимая, но политически глубоко ошибочная и порожденная иллюзіями тактика бойкота, усвоенная большинствомъ организацій «лѣвыхъ партій». Бойкотъ еще больше сосредоточивалъ избирательную агитацію вокругъ вопросовъ тактики и дѣлалъ въ глазахъ избирателей единственную оппозиціонную партію, участвовавшую въ выборахъ, кадетовъ, представительницей не столько опредѣленной программы, сколько опредѣленнаго метода борьбы. Но отрицательно бойкотистская тактика соціалистическихъ партій имѣла важное значеніе для политическаго развитія средне и мелко-буржуазныхъ слоевъ города: она ускоряла и облегчала процессъ высвобожденія ихъ изъ-подъ вліянія идейной гегемоніи пролетаріата. Впервые въ ходѣ освободительной борьбы оппозиціонному мелкому городскому населенію приходилось выступать независимо и даже въ сознанномъ антагонизмѣ съ лозунгомъ соціалистическихъ организацій.

На выборахъ въ 1-ую Думу обнаружилось съ очевидностью, что большинство городского населенія настроено оппозиціонно. По неполнымъ, но достаточно характернымъ даннымъ г. Н. А. Бородина [1]) изъ 115 депутатовъ, посланныхъ въ выборщики городскимъ населеніемъ, не менѣе 95 (если не считать 10 «безпартійныхъ» и 6 «автономистовъ») принадлежали къ оппозиціи, а изъ этого числа подавляющее большинство (83) къ к.-д.-ой фракціи, которая, такимъ образомъ, явилась на этихъ выборахъ главной выразительницей стремленій мелкаго и средняго непролетарскаго населенія городовъ. Это-же обстоятельство, въ свою очередь, наложило печать на дальнѣйшую эволюцію к.-д.-ой партіи. Мы уже указывали выше причины, по которымъ эта партія, зародившаяся какъ организація либеральныхъ помѣщиковъ и «третьяго элемента», вынуждена была въ ходѣ своего развитія искать себѣ новой опоры въ средне и мелко-буржуазныхъ слояхъ города и деревни. Выборы въ 1-ю Думу закрѣпляли эту тенденцію развитія. По даннымъ того же г. Бородина, изъ 153 опрошенныхъ имъ депутатовъ к.-д.-ой фракціи 83, т. е. больше половины, были выбраны городскими избирателями и 24—крестьянами. Изъ 74 выбранныхъ землевладѣльцами на долю к.-д.-овъ пришлось всего 24 [2])

---

[1]) Государственная Дума въ цифрахъ. Спб. 1906.

[2]) Въ качествѣ показателя настроенія населенія крупныхъ городовъ очень характерны приводимыя „Вѣстникомъ народной свободы“ цифры выборщиковъ по

Какъ ни одностороння была постановка избирательной кампаніи, и какъ ни слабо относительно политическое самоопредѣленіе тѣхъ купеческихъ, мѣщанскихъ, ремесленныхъ и приказчичьихъ элементовъ города, на которые опиралась въ своихъ избирательныхъ побѣдахъ к.-д-ая партія, все же эта новая армія накладывала свой отпечатокъ на политическую и, быть можетъ, еще больше на соціальную программу партіи. Даже тамъ, гдѣ мелкій городской людъ, подъ вліяніемъ бурнаго развитія крестьянскаго движенія, шелъ не за к. д., а за трудовиками, слѣды его специфическихъ соціальныхъ требованій замѣтны въ тѣхъ наказахъ, которые получали депутаты. Такъ, напр., «граждане города Купянска» требуютъ «широкаго мелкаго кредита за счетъ государства». Точно такъ же «кредита за счетъ государства», и притомъ «безпроцентнаго», требуютъ «мѣщане-ремесленники» города Кузнецка, ссылающіеся на непосильные налоги и господство скупщиковъ. Они же (вспомнимъ расказанную выше аткарскую исторію) жалуются на свое устраненіе отъ «управленія городскимъ имуществомъ» и съ этой стороны подходятъ къ требованію равноправія «бѣдныхъ и богатыхъ» «въ управленіи городскимъ хозяйствомъ». Интересно также отмѣтить, что 8-часового рабочаго дня, увеличенія заработной платы, государственнаго страхованія они требуютъ лишь «для рабочихъ на *фабрикахъ и заводахъ*».

Такъ обстояло дѣло въ городскихъ «низахъ». Умѣренные «верхи» буржуазіи, успѣвшіе уже достаточно опредѣленно отмежеваться отъ «революціи» подъ знаменемъ «Союза 17 октября», вступали въ избирательную борьбу съ открыто-конституціонными заявленіями и формулированнымъ на съѣздѣ новой партіи выраженіемъ недовѣрія министерству Витте. Но съ первыхъ же шаговъ избирательной кампаніи съ очевидностью обнаружилось, что, въ общемъ, массовой опоры «Союзъ 17 октября» въ томъ видѣ, какъ онъ возникъ, найти не не можетъ. Логика положенія, внутренняя неоднородность «союза», неопредѣленность его программы и тактики, двусмысленность выкинутаго имъ «націоналистическаго» знамени — все это неудержимо двигало впередъ эволюцію «союза» въ направленіи, намѣтившемся уже при самомъ его зарожденіи, — въ направленіи сближенія съ реакціонными общественными и бюрократическими элементами и, въ концѣ концовъ,—особенно въ виду преобладанія тактическихъ вопросовъ,—въ ходѣ избирательной кампаніи октябристскія организаціи, за немногими исключеніями, сливались со всѣми видами черносотенныхъ въ «одну реакціонную массу», оттѣнки которой были съ трудомъ доступны рядовому избирателю.

Такая позиція октябризма подготовляла существенныя измѣненія въ группировкѣ соціальныхъ элементовъ внутри самого «союза 17 октября»: отхожденіе отъ него болѣе прогрессивныхъ элементовъ умѣренной крупной буржуазіи, присоединеніе новыхъ слоевъ менѣе «дикаго» реакціонаго землевладѣнія, обиль-

---

20 городамъ съ отдѣльнымъ представительствомъ (цит. по книгѣ В. Обнинскаго—„Полгода русской революціи", 1906 г. с. 177). Изъ 1761 выборщиковъ 1468 прошли по к-д- списку, 128—„союза 17 октября", 32—торгово-пром. партіи, 76—правыхъ партій. Неопредѣленныхъ „погрессистовъ" было 32, а безпартійныхъ—25. Возможныя неточности въ опредѣленіи партійности выборщиковъ, конечно, не могутъ существенно измѣнить общей картины.

*

ный притокъ членовъ изъ рядовъ средняго чиновничества. А наряду съ симпатіями этихъ новыхъ вліятельныхъ элементовъ, и неудачи открытаго выступленія передъ избирателями на почвѣ октябрьско-декабрьской конституціи усиливали тяготѣніе «союза» къ сближенію съ государственною властью, какъ наилучшему, при данныхъ условіяхъ, средству для огражденія представленныхъ «союзомъ» политическихъ и соціальныхъ интересовъ.

Однородную съ октябризмомъ эволюцію переживали и городскія думы, въ которыхъ объединеніе части крупной буржуазіи, землевладѣльцевъ и «служилой» интеллигенціи могло составить прочное контръ-революціонное большинство. Лишь немногія думы—и не только мелкихъ, но и крупныхъ городовъ—сохранили къ этому времени сколько-нибудь прогрессивный характеръ. Крайне немногочисленны, напр., случаи обращенія городскихъ думъ къ государственной съ выставленіемъ хотя бы такихъ элементарныхъ политическихъ требованій, какъ амнистія и отмѣна смертной казни. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ думахъ, отрѣзанныхъ высокимъ цензомъ отъ массы городского населенія, замираетъ и вообще политическая жизнь, едва начавшая складываться вокругъ нихъ за 1905 годъ. Въ лицѣ своихъ исполнительныхъ органовъ—городскихъ управъ и головъ—думы дѣйствуютъ во время выборовъ рука объ руку съ администраціей и, въ лучшемъ случаѣ, молчаливо санкціонируютъ всѣ предвыборныя стѣсненія и искаженія избирательнаго процесса. И въ то время, какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Лодзи и другихъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ фабриканты и заводчики организуются уже съ прямою цѣлью борьбы со стачками и устройства локаутовъ, думы начинаютъ усиленно рѣшать свой собственный «рабочій вопросъ»: у городскихъ рабочихъ и служащихъ отбираются одно за другимъ завоеванія, сдѣланныя ими въ предшествующую эпоху, и постепенно подготовляется ликвидація помощи безработнымъ, служившей въ свое время выраженіемъ, если не сочувствія, то хоть нейтралитета представленныхъ въ думахъ цензовыхъ элементовъ по отношенію къ освободительной борьбѣ пролетаріата. Эта помощь окончательно ликвидируется въ періодъ перваго «междудумья».

V.

Первая Государственная Дума пала жертвою конфликтовъ, неизбѣжныхъ при несоотвѣтствіи между формальною конституціею и реальнымъ соотношеніемъ силъ въ странѣ. Одну сторону этого несоотвѣтствія мы уже отмѣчали выше. Опубликованіе «основныхъ законовъ» почти наканунѣ открытія засѣданій Государственной Думы подчеркнуло съ перваго же дня ея существованія другую сторону—несоотвѣтствіе между формальными правами народнаго представительства и его дѣйствительною силою по отношенію къ старой государственной власти. А дѣятельность Думы и связанное съ нею общее политическое оживленіе сильно обостряли всѣ внутреннія противорѣчія создавшагося положенія и дѣлали ихъ доступными сознанію все болѣе широкихъ круговъ.

При общемъ упадкѣ революціоннаго настроенія, все населеніе, вообще, и, въ особенности, городское сдѣлало за этотъ періодъ, несомнѣнно, крупный

шагъ впередъ въ своемъ политическомъ развитіи. Роспускъ Думы, какъ извѣстно, не вызвалъ сколько-нибудь широкаго народнаго движенія. Передъ очевидностью факта исчезали иллюзорныя надежды на близость новаго пролетарско-крестьянскаго «выступленія». Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнялось и отношеніе къ Думѣ.

Выбирая въ первую думу, рядовой городской избиратель нерѣдко смотрѣлъ на депутатовъ, какъ на людей, которые предъявятъ правительству ультиматумъ и въ случаѣ отверженія его будутъ немедленно поддержаны взрывомъ массоваго движенія. Теперь, при выборахъ во 2-ую Думу, представленіе о роли ея стало, какъ будто, менѣе опредѣленнымъ. Какъ должна дѣйствовать Дума,— этотъ вопросъ оставался темнымъ, и на самихъ депутатовъ ихъ избиратели смотрѣли часто, какъ на «обреченныхъ», перенося съ себя на нихъ всю тяжесть борьбы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начало возникать сознаніе необходимости систематической и прочной организаціи на мѣстахъ для отстаиванія своихъ интересовъ. Какъ ни элементарны были зачатки такой организаціонной работы въ не-пролетарскихъ слояхъ города (главнымъ видомъ такихъ организацій были, на первыхъ порахъ, потребительскія общества, кредитныя товарищества и т. п.), въ процессѣ соціальнаго и политическаго самоопредѣленія аморфнаго городского населенія значеніе ихъ было велико.

Еще большее значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что, наряду съ продолжающимися страстными дебатами по тактическимъ вопросамъ, дѣятельность первой Думы и избирательная кампанія во вторую начинали, хотя пока еще въ очень общихъ чертахъ, ставить передъ избирателями вопросы и программные. Въ этомъ отношеніи независимо отъ своей обще-политической цѣнности—важную роль сыграло вступленіе соціалистическихъ партій въ избирательную борьбу.

Что городское населеніе въ массѣ своей настроено оппозиціонно, на этотъ счетъ никакого сомнѣнія быть не могло. Сенатскія «разъясненія», стремившіяся подрѣзать вліяніе пролетарскихъ элементовъ, интеллигенціи и городской бѣдноты на исходъ выборовъ по городской куріи, въ общемъ, цѣли не достигли. Убыль числа избирателей въ результатѣ этихъ «разъясненій» была съ избыткомъ покрыта усиленнымъ участіемъ въ выборахъ. Такъ, въ 18 городахъ [1]) (въ томъ числѣ 6 съ отдѣльнымъ представительствомъ), благодаря сенатскимъ «разъясненіямъ», стало вмѣсто 319.200 избирателей лишь 272.200. Несмотря на это къ избирательнымъ урнамъ явилось на выборахъ въ 1-ую Думу— 161.400 избирателей (50,5%), во вторую—161.760 (59,4%). При этомъ, для характеристики политическаго развитія, интересно отмѣтить, что участіе въ избирательной борьбѣ усилилось въ мелкихъ городахъ (съ 40,5 до 51,5, т. е. на 11%) больше, чѣмъ въ крупныхъ (съ 52,1% до 60,8%, т. е. на 8,1%).

По даннымъ о 80 городахъ изъ 318.975 голосованій [2]) на долю оппозиціи приходится 218.809 или 68,6% (въ томъ числѣ к.-д.—86.188, блокъ всѣхъ оппоз. партій—83.117 и «лѣвые»—49.504), на долю контръ-революю-

---

[1]) Эти и ниже слѣдующія цифровыя данныя о выборахъ во 2-ую думу взяты нами изъ книги А. Смирнова: „Какъ прошли выборы во 2-ю г. д.". Спб. 1907.

[2]) Число голосованій, какъ извѣстно, не совпадаетъ съ числомъ голосующихъ, такъ какъ одному избирателю приходится нерѣдко подавать голосъ за нѣсколько выборщиковъ.

ціонныхъ и реакціонныхъ партій—100.166 или 31,4% (октябристы—47.592, правые—41.927, блокъ—10.647).

Въ результатѣ изъ 1.305 городскихъ выборщиковъ въ губернскихъ избирательныхъ съѣздахъ оппозиціонныхъ оказалось 1.099, или 84,3% (въ томъ числѣ к.-д.—501, «лѣвыхъ»—315 и неопредѣленныхъ «прогрессистовъ»—283), октябристовъ же (55), правыхъ (119) и умѣренныхъ (11) всего 185. На долю «безпартійныхъ» пришлось 21. Въ городахъ съ прямымъ представительствомъ было выбрано 15 к.-д. и 2 примыкающихъ къ нимъ, 4 с.-д., 3 трудовика, 3 польскихъ народовца, 2 октябриста, 2 правыхъ, 1 нар. соц. и 1 польскій прогрессистъ [1]).

Для характеристики условій и тенденцій политическаго развитія городского населенія Россіи въ высшей степени интересны данныя о партійномъ распредѣленіи городскихъ выборщиковъ по районамъ [2]).

РАЙОНЪ.	Правые.	К.-д. и прогрес.	Лѣвые.	Безпарт.
Сѣверъ	26%	60%	13%	1%
		73%		
Моск. Влад. промышл. . .	32%	57%	11%	—
		68%		
Центр. землед.	22%	65%	9%	4%
		74%		
Югъ	6%	62%	28%	4%
		90%		
Сѣв.-Зап.	16%	51%	31%	2%
		82%		
Поволжье	13%	35%	52%	—
		87%		
Уралъ	8%	40%	52%	—
		92%		
Сибирь и Ср. Азія	7%	15%	75%	3%
		90%		
Кавказъ	3%	13%	77%	7%
		90%		

[1]) Разумѣется, что, оцѣнивая всѣ цифровыя данныя о выборахъ въ думу, нельзя упускать изъ виду разносторонняго воздѣйствія администраціи, направленнаго къ усиленію „правыхъ“ и ослабленію „лѣвыхъ“ элементовъ.

[2]) Заимствуемъ эти данныя изъ статьи Л. Мартова: „Передъ новой думой“ въ сборникѣ „Отголоски“ № 4, Спб. 1907. Надо имѣть въ виду, что цифры, которыми пользовался Мартовъ, не вполнѣ совпадаютъ съ приведенными нами цифрами изъ

Эта таблица наглядно показываетъ бо́льшую оппозиціонность городского населенія на окраинахъ и югѣ—въ районѣ болѣе высокаго уровня экономическаго и соціальнаго развитія. То же наблюдается на Уралѣ, гдѣ на весь укладъ жизни налагаетъ свой отпечатокъ пролетарское движеніе, съ одной стороны, рѣзкій антагонизмъ къ тѣсно связанному съ государственной властью и поддерживаемому ею полу-крѣпостническому, посессіонному землевладѣнію, съ другой. То же, наконецъ, и въ Поволжьѣ, гдѣ оппозиціонность мелкаго городского населенія поддерживается быстрой ломкой традиціонныхъ соціальныхъ отношеній подъ напоромъ капиталистическаго товарооборота и давленіемъ аграрнаго движенія, именно въ Поволжьѣ принявшаго особенно широкіе размѣры. Во всѣхъ этихъ районахъ не только 90 и больше % городскихъ выборщиковъ принадлежатъ къ оппозиціи, но и въ средѣ этой оппозиціи господствующее мѣсто занимаютъ «лѣвые»—с. д.-ы въ районахъ съ сильнымъ пролетарскимъ движеніемъ, народническія группы различныхъ оттѣнковъ—въ районахъ преимущественно аграрнаго движенія. И въ с.-д-ахъ, и въ народникахъ мелкій городской избиратель видитъ, очевидно, прежде всего, послѣдовательныхъ демократовъ, опирающихся на широкія массы. К.-д-ая партія и по своей программѣ, и по своей тактикѣ, и, больше всего,—по своему общему «настроенію», не удовлетворяетъ въ эту эпоху мелкое городское населеніе этихъ районовъ. За то за нее голосуютъ здѣсь буржуазные «верхи», и это, разумѣется, вноситъ новые противорѣчивые элементы въ сложную по своему соціальному составу к.-д. партію, налагаетъ новый отпечатокъ на ея идеологію и ея дальнѣйшую эволюцію. Черносотенные элементы въ этихъ районахъ играютъ роль ничтожную. Подъ знаменемъ реакціи собираются лишь «люмпенскіе» и явно паразитическіе слои городского мѣщанства, тѣсно связанные съ реакціонными общественными «верхами», бюрократіею и полиціею. По вѣрному замѣчанію Л. Мартова, «элементы дѣйствительной соціальной реакціи, заключающіеся во всякой мѣщанской средѣ, здѣсь еще скрыты, придавленные гнетомъ стараго порядка и необходимостью дружной борьбы противъ него». Противорѣчіе между сравнительно высокимъ уровнемъ соціально-экономическаго развитія этихъ районовъ и отсталыми политическими формами, обостренными контръ-революціоннымъ терроромъ, очевидно, сильно даютъ себя знать. И только въ Поволжьѣ сравнительно высокій процентъ правыхъ выборщиковъ указываетъ, что въ торговыхъ приволжскихъ городахъ «старый порядокъ» имѣетъ кое-какую соціальную опору.

Переходный типъ представляетъ сѣверно-западный районъ, гдѣ соціально-политическая борьба сплетается съ борьбою національной, и гдѣ національное меньшинство, особенно русское, легко идетъ на союзъ съ силами стараго порядка» и поставляетъ кадры «правыхъ» избирателей.

Другую картину представляетъ коренной русскій «центръ» и сѣверъ. Правые выборщики здѣсь тоже въ меньшинствѣ, но цифры ихъ достаточно внушительны. Въ отсталыхъ соціально-экономическихъ условіяхъ этихъ районовъ, ре-

---

книги А. Смирнова. По даннымъ Мартова изъ 1.286 городскихъ выборщиковъ на долю оппозиціи приходилось 1.078 или 83,5% (к.-д. и прогрессисты—654 или 51%, „лѣвые“—424 или 33%), на долю правыхъ и умѣренныхъ партій—179 или 14% и безпартійныхъ 29 или 2%.

акція нашла еще, очевидно, достаточно обильную пищу, и черносотенное движеніе носитъ въ значительной мѣрѣ «почвенный» характеръ [1]). Здѣсь значительная часть крупной буржуазіи голосовала за «правыя» и «умѣренныя» партіи, и, наоборотъ, кадеты явились представителями городской мелкоты, что конечно, въ общемъ повышало ихъ «лѣвость» по сравненію съ другимъ крыломъ к. д., выбраннымъ въ другихъ районахъ и другими соціальными пластами.

Какъ видно изъ предыдущаго, не только мелкая и средняя, но и крупная буржуазія въ эту эпоху отнюдь не собрала своихъ главныхъ силъ подъ знаменемъ одной какой-либо партіи. Въ частности, такой партіей отнюдь не стали октябристы. Они, несомнѣнно, ставили себѣ цѣлью объединить въ своихъ рядахъ умѣренные элементы буржуазіи и землевладѣльцевъ, но, какъ мы уже указывали, логика занятой ими позиціи толкала ихъ въ другую сторону — прежде всего, къ союзу съ государственною властью, у которой они искали опоры въ борьбѣ противъ демократіи. Фактически на этой почвѣ стояли октябристы уже на выборахъ въ первую Думу, вопреки заявленіямъ своей собственной избирательной платформы. Опытъ этихъ выборовъ и думской дѣятельности, какъ и давленія тѣхъ новыхъ элементовъ, которые, какъ мы уже говорили, начали собираться подъ ихъ знаменемъ, заставилъ ихъ сдѣлать дальнѣйшій рѣшительный шагъ по этому пути. Уже вскорѣ послѣ роспуска первой Думы, появляется письмо А. И. Гучкова къ князю Е. Н. Трубецкому съ одобреніемъ правительственной программы, какъ дающей почву для «мирнаго соглашенія» общественныхъ группъ съ правительствомъ. Военно-полевые суды—мѣра, въ которой занятая правительствомъ позиція нашла наиболѣе яркое выраженіе,— признаются необходимыми и выставляется общій тезисъ: «революція, а не правительство является помѣхой къ обновленію нашего отечества».

Этотъ тезисъ пріобрѣтаетъ особый политическій смыслъ потому, что имъ отрицается не только революція послѣ 17 октября, но въ отличіе отъ предшествующей позиціи октябристовъ—и все то общественное и народное движеніе, которое привело къ написанному на знамени «Союза 17 октября» манифесту. Не въ этомъ манифестѣ, а въ Булыгинскомъ положеніи 6-го августа видитъ теперь лидеръ октябристовъ тотъ пунктъ, на которомъ общественное движеніе должно было остановиться раньше, чѣмъ вызвало и поддержало революціонную вспышку народныхъ массъ. По утвержденію А. И Гучкова, все то положительное, что принесло дальнѣйшее движеніе — «демократизація избирательнаго права и расширеніе правъ народнаго представительства»,—«было намъ обезпечено и черезъ посредство Думы 6 Августа». И вождь октябристовъ призываетъ круто порвать съ прошлымъ «политическимъ прекраснодушіемъ», ибо «когда пробилъ часъ призыва общества къ суровому государственному дѣлу, оказалось, что мы и шагу ступить не могли, не вступая въ противорѣчіе съ нашимъ прошлымъ». Такова была платформа «Союза 17 оятября», съ которою онъ вы-

---

[1]) Въ качествѣ иллюстраціи можетъ служить, напр., избіеніе въ Вологдѣ, въ 1906 году, рабочихъ, праздновавшихъ 1 мая, толпою, состоявшею изъ крестьянъ, пріѣхавшихъ на базаръ и озлобленныхъ закрытіемъ лавокъ, и мѣстныхъ лабазниковъ.

ступилъ на новыхъ выборахъ, и которая означала не «мирное соглашеніе» съ правительствомъ,—для этого не было на лицо двусторонности принимаемыхъ обязательствъ, а переходъ къ его безповоротной поддержкѣ.

Этотъ переходъ отразился и на позиціи, занятой въ избирательной кампаніи городскими думами. Городскія управы еще болѣе открыто и опредѣленно, чѣмъ на выборахъ въ 1-ю Думу, дѣйствуютъ почти повсемѣстно въ тѣсномъ союзѣ съ администраціею.

Но рѣшительный поворотъ октябризма не ограничился сближеніемъ съ государственною властью. Сама власть къ этому времени уже существенно измѣнила свой характеръ, подпавъ цѣликомъ подъ вліяніе реакціоннаго дворянства. Дворянскій съѣздъ, собравшійся въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1906 года, намѣтилъ уже всю ту систему мѣропріятій, начиная отъ военно-полевыхъ судовъ и кончая аграрнымъ законодательствомъ, которая была впослѣдствіи осуществлена министерствомъ Столыпина. Ставя свои силы на службу правительству, «союзъ 17-го октября» тѣмъ самымъ подчинилъ свою политику, прежде всего интересамъ реакціоннаго землевладѣльческаго дворянства. Это не только помѣшало «союзу» стать центромъ политическаго сплоченія сколько-нибудь широкихъ слоевъ буржуазіи, но и привело къ выдѣленію въ мало-активную партію «мирнаго обновленія» части крупно-буржуазныхъ (Г. Крестовниковъ и др.) и земскихъ (гр. Гейденъ, Д. Шиповъ и др.) элементовъ, ставшихъ ранѣе подъ его знамя. «Капиталистамъ не хочется истратить на борьбу со смутой и нѣсколькихъ сотенъ тысячъ», — жаловался М. Меньшиковъ на пассивное отношеніе крупной буржуазіи къ избирательной кампаніи октябристовъ [1]).

Но и вообще этотъ періодъ отмѣченъ сравнительно пассивнымъ отношеніемъ крупной буржуазіи къ открытой политической дѣятельности, поскольку она находила выраженіе въ Государственной Думѣ и концентрировалась вокругъ нея. Отказъ отъ демократизма и прямая борьба съ демократіей—прежде всего, въ лицѣ рабочаго класса—умаляли силу сопротивленія самой буржуазіи давленію государственной власти и дворянства. Соціально-политическія условія страны еще далеко не созрѣли для того, чтобы позволить собрать подъ открыто-буржуазною политическою программою сколько-нибудь значительной силы. Да и самая программа эта еще не была выработана, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Нуженъ былъ, очевидно, еще долгій процессъ перерожденія соціальной структуры Россіи и политической выучки самой буржуазіи, едва начавшей освобождаться изъ подъ идейной власти стараго дворянско- земскаго либерализма, чтобы сдѣлать возможнымъ возникновеніе самостоятельной крупно-буржуазной партіи.

Крупная буржуазія временно какъ бы сходитъ съ открытой политической сцены, сосредоточиваетъ свои усилія на созданіи мѣстныхъ и областныхъ, а вскорѣ (1906 г.) и всероссійской, организацій для защиты промышленныхъ и торговыхъ интересовъ, прибѣгая снова къ закулисному воздѣйствію на государственную власть. По внѣшности, это—какъ бы возвратъ къ старому. На самомъ дѣлѣ, это—зародышъ новаго. Предметомъ закулиснаго столкновенія съ

---

[1]) „Новое Время", 20 окт. 1906 г.

правительствомъ начинаютъ все больше становиться не отдѣльныя и несвязанныя между собой ходатайства о льготахъ, тарифахъ, казенныхъ заказахъ, какъ это было прежде, а цѣлостная экономическая программа, постепенно вырабатываемая организаціями буржуазіи. Русская буржуазія впервые начинаетъ выступать передъ государственною властью, какъ классъ — хотя пока только въ сферѣ экономическихъ интересовъ своихъ, удовлетворенія которыхъ она пытается добиться, не покушаясь на установившійся политическій порядокъ. И такой же ареной не политическаго воздѣйствія на государственную власть, а столкновенія съ нею является для крупной буржуазіи и Государственный Совѣтъ, гдѣ промышленность и торговля имѣютъ своихъ представителей.

Совершенно иной характеръ имѣетъ въ это время, по внѣшности сходная, организація реакціоннаго дворянства. Оно имѣетъ прочную политическую основу въ земскомъ самоуправленіи и тѣсно связано со всѣмъ правительственнымъ персоналомъ. И въ то время, какъ всероссійская организація крупной буржуазіи—съѣзды представителей промышленности и торговли—не выходятъ въ своей дѣятельности за предѣлы экономической и финансовой программы, всероссійская организація дворянства, какъ и его мѣстныя организаціи, равно какъ и земскіе съѣзды новой формаціи, выдвигаютъ на первую очередь, наряду съ аграрнымъ законодательствомъ, политическія требованія. Такъ, еще въ маѣ 1906 года, во время засѣданій 1-й Думы, всероссійскій дворянскій съѣздъ въ своемъ адресѣ открыто выступаетъ противъ принудительнаго отчужденія земли и противъ «всемогущей силы международнаго капитала», которому такое отчужденіе пойдетъ на пользу. А тульское дворянство еще до созыва 2-ой Думы, въ телеграммѣ отъ 14 октября 1906 года, «дерзаетъ выразить убѣжденіе, что совершенно необходимо измѣненіе избирательнаго закона». Въ то же время дворянство организуетъ въ защиту своихъ политическихъ требованій черносотенныя организаціи, въ которыхъ, какъ мы говорили, оно заняло къ этому времени руководящее положеніе.

Въ результатѣ новый избирательный законъ 3 іюня 1907 годо цѣликомъ удовлетворилъ требованія дворянства. Онъ урѣзалъ избирательныя права крестьянъ и горожанъ—особенно мелкихъ—и не только далъ землевладѣльцамъ абсолютное преобладаніе въ губернскихъ съѣздахъ (по 49 губерніямъ 2594 выборщика изъ 5025), но и въ предѣлахъ землевладѣльческой куріи обезпечилъ перевѣсъ крупнымъ землевладѣльцамъ надъ мелкими. Выдѣленіе богатаго городского населенія въ особую курію съ сравнительно малымъ числомъ выборщиковъ (по 53 губерніямъ 788) не могло вознаградить крупной буржуазіи за привилегіи, данныя дворянству: она пожинала плоды своего политическаго абсентеизма и предательства.

VI.

Исходъ выборовъ въ 3-ю Думу былъ предрѣшенъ избирательнымъ закономъ 3 іюня. Землевладѣльцы всесторонне учли предоставленныя имъ привилегіи, давъ изъ своей среды 77% (1909 изъ 2469, о которыхъ имѣются свѣдѣнія) [1]) правыхъ, умѣренно-правыхъ и октябристскихъ выборщиковъ и оказавъ

[1]) Цифры, заимствованныя изъ „Рѣчи“, цитированы нами по ст. Н. Іорданскаго—„Вопросы текущей жизни“, „Совр. Міръ“, ноябрь 1607 г.

существенное вліяніе на выборъ депутатовъ изъ числа выборщиковъ другихъ курій.

Но исходъ выборовъ еще ничего не говорилъ объ измѣненіяхъ въ тенденціи тѣхъ процессовъ политическаго самоопредѣленія, которыя намѣтились въ населеніи въ предшествующій періодъ. Такія измѣненія, быть можетъ, слѣдуетъ констатировать въ нѣкоторыхъ слояхъ крестьянства (43% правыхъ, умѣренно-правыхъ и октябристскихъ выборщиковъ: 467 изъ 1096), для котораго эта эпоха полнаго крушенія прежнихъ формъ аграрнаго движенія и связанныхъ съ нимъ надеждъ на Думу, эпоха крутого соціальнаго кризиса деревни подъ напоромъ закона 9-го ноября 1906 г., была, дѣйствительно, эпохой перелома. Про городское населеніе сказать этого нельзя. Для него рѣшающимъ моментомъ въ ходѣ политическаго самоопредѣленія былъ роспускъ не 2-ой, а первой Думы. Просматривая партійное распредѣленіе городскихъ выборщиковъ на выборахъ въ 3-ю Думу, приходится констатировать, что политическое развитіе городского населенія продолжало идти по намѣтившемуся уже руслу, хотя, въ силу особенностей закона 3 іюня, и не получало достаточнаго выраженія въ окончательныхъ результатахъ выборовъ въ партійномъ составѣ Думы. Такъ, 2-я городская курія, курія мелкихъ избирателей, дала 405 оппозиціонныхъ выборщиковъ (76%) изъ 533 и лишь 101 (19%) правыхъ, умѣренно правыхъ и октябристовъ (безпартійныхъ и неизвѣстныхъ—27). А въ средѣ оппозиціи, по прежнему, главное мѣсто занимаютъ кадеты (209) съ примыкающими къ нимъ «прогрессистами» (96). «Лѣвые» провели 100 выборщиковъ. Быть можетъ, еще характернѣе результаты выборовъ по 1-ой городской куріи, вмѣщающей въ себя, наряду съ дворянскими и чиновничьими элементами, также и крупную городскую буржуазію. Правые, умѣренные октябристы и народовцы завоевали очень видную долю числа выборщиковъ этой куріи, но все же меньше половины (306 изъ 701 или 43%); въ то же время оппозиціонныхъ выборщиковъ оказалось 359, или 52%, причемъ на долю «лѣвыхъ» пришлось всего 38 выборщиковъ (5%), всѣ же остальные оппозиціонные выборщики принадлежали къ к.-д. (194) и прогрессистамъ (127).

Въ этихъ цифрахъ съ наглядностью проявляется уже неоднократно отмѣченный нами характеръ политической эволюціи непролетарскаго городского населенія, какъ и характеръ эволюціи тѣхъ двухъ главныхъ партій—к.-д. и октябристовъ, которыя претендовали на его политическое представительство: все большій помѣщичье-чиновничій уклонъ октябризма, и все болѣе *городской* характеръ кадетизма. На выборахъ въ 3-ю Думу землевладѣльческая курія дала лишь 5% (133) кадетскихъ выборщиковъ, а крестьянская—лишь 4% (43 изъ 1096). Въ то-же время еще разъ подчеркивается и двойственный характеръ к.-д., какъ городской партіи: въ ней находятъ свое политическое выраженіе и верхніе и нижніе слои непролетарскаго городского населенія. Это свидѣтельствуетъ объ относительно малой политической дифференцированности этого населенія, о зачаточномъ періодѣ его политическаго самоопредѣленія, или, по крайней мѣрѣ, о различной степени этого самоопредѣленія въ разныхъ районахъ, затрудняющей объединеніе однородныхъ слоевъ буржуазіи въ самостоятельную политическую силу.

Отличительною чертою этихъ выборовъ, по сравненію съ предшествующими, былъ сильный абсентеизмъ. Въ значительной степени онъ обусловливался самою системою выборовъ по закону 3 іюня, дѣлавшихъ для оппозиціоныхъ избирателей почти безнадежною попытку завоевать себѣ большинство въ будущей Думѣ. Но въ немъ сказывалась и та а-политическая тенденція буржуазныхъ классовъ, которую мы отмѣчали выше. Избирательный абсентеизмъ являлся показателемъ абсентеизма и политическаго, подъ покровомъ котораго происходилъ глубокій переворотъ въ соціальныхъ отношеніяхъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ міросозерцаніи широкихъ слоевъ населенія. И эти отношенія, и это міросозерцаніе начали пріобрѣтать все болѣе опредѣленный *буржуазный* характеръ вопреки политическому торжеству дворянства и старой государственной власти.

Этотъ процессъ трудно прослѣдить въ низахъ городского населенія, гдѣ онъ протекаетъ очень сложно, противорѣчиво и недостаточно отмѣчается текущей прессой, какъ недостаточно отмѣчается ею и вся незамѣтная жизнь городскихъ низовъ. Но онъ сказывается въ измѣненіи навыковъ мышленія и умственныхъ запросовъ мѣщанской, мелкоторговой и ремесленной среды и находитъ свое политическое выраженіе, между прочимъ, въ быстромъ разложеніи мѣстныхъ черносотенныхъ организацій, которыя раньше въ этой именно средѣ городского населенія черпали свой человѣческій матеріалъ. Это разложеніе ускоряется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по мѣрѣ затиханія революціоннаго движенія, дворянство и бюрократія, въ свою очередь, начинаютъ чувствовать значительныя неудобства отъ тѣснаго общенія съ демократическими массами, заставляющими своихъ руководителей прибѣгать, хотя бы въ интересахъ демагогіи, къ такимъ пріемамъ агитаціи и къ такимъ методамъ дѣйствія, которые подрываютъ тотъ самый политическій порядокъ, на службу которому должно было быть поставлено черносотенное движеніе.

Новый базисъ для теченій опредѣленно буржуазнаго характера создается въ крестьянствѣ подъ вліяніемъ того потрясенія, которое внесено въ соціальныя отношенія деревни аграрнымъ движеніемъ 1905—1906 года и послѣдовавшимъ за нимъ аграрнымъ законодательствомъ. Усиленная мобилизація какъ дворянскихъ, такъ и государственныхъ и надѣльныхъ земель, ускоривъ процессъ пролетаризаціи значительной части крестьянства, создаетъ въ то же время въ деревнѣ постепенно слой собственниковъ, ставящихъ свои хозяйства на вполнѣ буржуазныя основанія, предъявляющихъ спросъ на буржуазную идеологію и, въ свою очередь, накладывающихъ на эту идеологію свой отпечатокъ [1]).

Съ особенною отчетливостью выяснилось за это время политическая позиція крупной и примыкающей къ ней средней торгово-промышленной буржуазіи. Мы уже говорили выше о причинахъ, породившихъ у этихъ слоевъ буржуазіи равнодушіе къ открытой политической дѣятельности и тенденцію отстаивать свои классовые интересы, опираясь на экономическія организаціи и прибѣгая къ непосредственному воздѣйствію на правительство. И, дѣйствительно, мы напрасно

---

[1]) Это новое явленіе деревенской жизни неоднократно отмѣчалось уже въ литературѣ. См., напр., статью Аникина „Чего проситъ деревня?“ въ „Вѣст. Европы“, февраль 1909 г., или ст. Ив. Коновалова „Новый помѣщикъ“ въ „Русск. Богатствѣ“, сентябрь 1909 г.

будемъ искать въ Государственной Думѣ группы, которая выражала бы послѣдовательно и систематически политическую точку зрѣнія русской капиталистической буржуазіи. Болѣе опредѣленно эта точка зрѣнія выдвигается въ Госуд. Совѣтѣ, гдѣ существуетъ особая торгово-промышленная группа [1]). Но и эта группа выступаетъ почти исключительно по вопросамъ, имѣющимъ непосредственное хозяйственное значеніе, а не по вопросамъ обще-политическимъ. Главной же ареной самодѣятельности капиталистической буржуазіи остаются съѣзды представителей промышленности и торговли, а также различныя правительственныя комиссіи, въ которыя приглашаются делегаты отъ промышленниковъ и торговцевъ. Тутъ именно капиталистическая буржуазія пытается выработать и провести въ жизнь свою экономическую программу, не затрагивая установившагося политическаго порядка.

Добиваясь льготныхъ условій промысловаго обложенія, крѣпко держась за протекціонный таможенный тарифъ, отстаивая въ области рабочаго вопроса «свободу договора», свободу организаціи и экономической борьбы и возставая противъ законодательной охраны труда, капиталистическая буржуазія требуетъ въ то же время созданія внѣшнихъ условій, благопріятныхъ для развитія промышленности и торговли. Выработанная третьимъ съѣздомъ представителей торговли и промышленности (1908 г.) экономическая программа выдвигаетъ на первый планъ развитіе желѣзнодорожныхъ и водныхъ путей сообщенія, организацію кредита вообще и муниципальнаго въ особенности, развитіе всевозможныхъ «коопераций» (въ смыслѣ самочинныхъ хозяйственныхъ организацій) и освобожденія ихъ отъ стѣсненій со стороны администраціи. На службу этой хозяйственной программѣ должна быть поставлена и финансовая политика: сокращеніе непроизводительныхъ расходовъ (куда относятся и такіе, какъ постройка Амурской ж. д., броненосцевъ и т. п.) и развитіе заемныхъ операцій съ указанными выше производительными цѣлями. Въ какихъ размѣрахъ рисуются эти финансовыя операціи, видно, между прочимъ, изъ замѣчанія органа Совѣта Съѣздовъ [2]), мечтающаго о привлеченіи «въ теченіе ближайшихъ 10 лѣтъ 10 милліардовъ рублей» иностраннаго капитала. Одновременно дѣлаются попытки развить экспортъ и такимъ путемъ освободить промышленность и торговлю отъ тѣхъ путъ, которыя налагаютъ на ея развитіе недостаточность внутренняго рынка, связанная какъ съ методами дворянско-бюрократическаго рѣшенія аграрнаго вопроса, такъ и съ общимъ политическимъ положеніемъ.

Но предѣлы, въ которыхъ политически господствующія силы могутъ идти на встрѣчу хозяйственнымъ потребностямъ капитализма, оказываются крайне

---

[1]) „Пром. и Торговля" (1909 г., № 13) пишетъ по этому поводу: „наша Нижняя Палата построена по системѣ курій. Въ ней имѣетъ своихъ представителей землевладѣніе, крестьянство, горожане и рабочій классъ. А представительство промышленности и торговли совсѣмъ забыто... Господствующимъ классомъ въ нашей Нижней Палатѣ является то же помѣстное дворянство, что и въ земствахъ, чуждое всему тому, что волнуетъ, тревожитъ и радуетъ промышленность и торговлю. ...Торгово-промышленная курія въ Государственномъ Совѣтѣ является, при настоящемъ положеніи дѣлъ, единственной отдушиной для нашего торгово-промышленнаго класса".

[2]) „Пром. и Торг." 1909 г. № 1.

узкими. Тѣсно связанныя между собой гипертрофія милитаризма, господство бюрократіи и финансовая поддержка дворянства поглощаютъ такія колоссальныя денежныя средства, что дѣлаютъ совершенно невозможнымъ реформированіе бюджета въ желательномъ для буржуазіи направленіи. Тѣ же факторы стоятъ непреодолимымъ препятствіемъ на пути къ созданію такихъ культурно-правовыхъ условій, которыя необходимы для болѣе или менѣе нормальнаго развитія капиталистическаго хозяйства. Наконецъ, они же, какъ показалъ ходъ событій на Балканскомъ полуостровѣ и въ Персіи, осуждаютъ государство на безсиліе въ области внѣшней политики, а, слѣдовательно, уменьшаютъ и безъ того малые шансы русской промышленности и торговли на завоеваніе внѣшнихъ рынковъ.

Тѣ шаги (напр. въ сферѣ вопросовъ промысловаго обложенія и рабочей политики), которые существующій политическій режимъ дѣлаетъ навстрѣчу пожеланіямъ капиталистической буржуазіи, не могутъ ни въ малѣйшей степени замѣнить выработанной сю экономической программы. И даже значеніе такого крупнаго съ точки зрѣнія буржуазіи акта, какъ усиленное насажденіе буржуазной собственности въ деревнѣ, обезцѣнивается какъ финансовой эксплоатаціей этого аграрнаго переворота въ интересахъ землевладѣльческаго дворянства, такъ и тою «агрономической и культурной обстановкой», въ которой, по признанію совѣщанія крупнѣйшихъ представителей московской мануфактуры, новый законъ «явится лишь внѣшней перестройкой крестьянскаго быта» и «уменьшитъ еще больше нашъ и безъ того ограниченный внутренній рынокъ, ослабитъ и безъ того слабую покупную способность деревни» [1]).

Въ трехъ послѣдовательныхъ свиданіяхъ членовъ правительства съ представителями капитала въ лицѣ московскаго биржевого купечества опредѣленно выяснилась невозможность воплощенія въ жизнь экономической программы буржуазіи въ рамкахъ существующихъ политическихъ условій. Въ мартѣ 1908 г. министръ торговли и промышленности, И. Шиповъ въ отвѣтъ на заявленіе предсѣдателя московскаго биржевого комитета, Г. Крестовникова, о необходимости разрѣшенія аграрнаго вопроса съ точки зрѣнія созданія и роста внутренняго рынка, вынужденъ былъ признать безсиліе правительства пойти въ этомъ дѣлѣ навстрѣчу желаніямъ буржуазіи. Черезъ годъ другой министръ торговли и промышленности отвѣтилъ такимъ же признаніемъ на пожеланіе купечества о приспособленіи дѣятельности всѣхъ министровъ къ задачѣ «развитія производительныхъ силъ». Наконецъ, въ октябрѣ 1909 г. изъ обмѣна рѣчей между г. Крестовниковымъ и В. Коковцевымъ выяснилась невозможность для министерства финансовъ осуществить ту программу «производительныхъ» займовъ, которую написала на своемъ знамени буржуазія.

Все это поневолѣ начинаетъ возвращать капиталистическую буржуазію къ политическимъ интересамъ. На страницахъ органа совѣта съѣздовъ промышленности и торговли все опредѣленнѣе начинаетъ выдвигаться требованіе упорядоченія тарифнаго, податного и финансового хозяйства, водворенія законности въ управленіи, широкихъ культурныхъ начинаній, распространенія народнаго образованія, реформы арміи и флота и т. д. Въ качествѣ средства подчиненія своему

---

[1]) „Голосъ Москвы", 27 января 1909 г. Экономическій отдѣлъ Мануфактура.

руководству всего хода государственнаго хозяйства проектируется привлеченіе представителей промышленности и торговли въ различныя государственныя учрежденія, а также усиленіе биржевыхъ правъ Государственной Думы.

Такъ, окольнымъ путемъ крупная буржуазія начинаетъ возвращаться и къ заинтересованности въ составѣ и ходѣ работъ Думы. Но весь предшествующій ходъ развитія сдѣлалъ Думу орудіемъ въ рукахъ не буржуазіи, а бюрократіи и дворянства. Позиція октябристовъ, старающихся сохранить буржуазію въ союзѣ съ бюрократіей и дворянствомъ, заставила, правда, Государств. Думу сдѣлать нѣкоторые шаги, за которыми широкіе слои буржуазіи слѣдили съ симпатіями и интересомъ. Но именно эти шаги систематически уничтожались противодѣйствіемъ политически господствующихъ силъ. Такъ было съ вопросомъ о реформированіи арміи, объ ассигнованіи денегъ на постройку броненосцевъ, о выпускѣ серій казначейства, о штатахъ морского вѣдомства и, наконецъ, о вѣроисповѣдныхъ законахъ. Поскольку во всѣхъ этихъ шагахъ Государственной Думы проявлялось стремленіе пойти на встрѣчу имперіалистическимъ тенденціямъ крупной буржуазіи[1]), или ея желанію положить свою руку на бюджетъ, или, наконецъ, общимъ культурнымъ потребностямъ ея и, въ частности потребностямъ той «свободной церкви», которою для извѣстныхъ слоевъ буржуазіи все болѣе становится за послѣднее время старообрядчество,—постольку всѣ они терпѣли неудачу. И чѣмъ оформленнѣе становились политико-экономическія требованія буржуазіи, тѣмъ опредѣленнѣе становилась и дворянско-бюрократическая политика правительства.

А между тѣмъ буржуазія подходила къ столкновенію съ дворянствомъ и съ другой стороны—въ органахъ мѣстнаго самоуправленія; особенно въ земствахъ, гдѣ толчекъ къ этому столкновенію былъ данъ вопросами налоговаго обложенія. На этой почвѣ промышленная и торговая буржуазія постепенно приходитъ къ построенію либеральной земской программы съ требованіемъ расширенія избирательнаго права и проч., въ то время какъ реакціонное земское дворянство отстаиваетъ лишь самостоятельность земства отъ бюрократическаго воздѣйствія. Такимъ образомъ начинаетъ происходить перемѣщеніе центра тяжести и земскаго либерализма, этого традиціоннаго прибѣжища помѣстнаго дворянства. И земскій либерализмъ начинаетъ пріобрѣтать все болѣе буржуазную окраску.

Болѣе сложный характеръ носитъ борьба на почвѣ городскаго самоуправленія, хотя содержаніе ея пока не выходитъ за предѣлы элементарныхъ культурно-хозяйственныхъ муниципальныхъ вопросовъ и отстаиванія самостоятельности городскаго самоуправленія отъ вмѣшательства администраціи. Но на этой почвѣ сталкиваются между собой не только интересы буржуазіи, съ одной стороны, дворянско-бюрократической реакціи, съ другой,—но также интересы различныхъ слоевъ городскаго буржуазнаго населенія и различныхъ кликъ внутри привилегированныхъ цензовыхъ круговъ. Все это дѣлаетъ борьбу на почвѣ городскаго самоуправленія крайне сложною и пестрою. А въ то же время порожденныя годами революціи культурныя и идейныя потребности, какъ и проби-

---

[1]) Напомнимъ извѣстное засѣданіе Думы, гдѣ „хлопчато-бумажный“ патріотизмъ Гучкова былъ противопоставленъ патріотизму „барчука“ Пуришкевича.

вающія себѣ путь новыя соціальныя отношенія сильно повысили интересъ всѣхъ слоевъ населенія къ городскому самоуправленію. Борьба на городскихъ выборахъ 1909 года достигла поэтому сильнаго напряженія и способствовала оформленію различныхъ слоевъ городскаго населенія. Его средніе и низшіе слои обнаружили явное тяготѣніе къ реформированію муниципальнаго хозяйства въ буржуазно-прогрессивномъ направленіи. И если эти тенденціи получили лишь крайне слабое выраженіе въ окончательномъ исходѣ выборовъ, то причина тому, помимо усиленнаго давленія администраціи, заключается въ избирательномъ законѣ, отдающемъ городское хозяйство въ руки крайне тѣснаго круга лицъ. Возникшія за послѣднее время «Общества избирателей и обывателей» втягиваютъ въ кругъ муниципальныхъ вопросовъ и тѣ элементы городскаго населенія, которые стоятъ внѣ избирательнаго ценза. Пока дѣятельность этихъ обществъ не выходитъ за предѣлы вопросовъ муниципальнаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но нетрудно видѣть, что, развиваясь дальше въ томъ же направленіи, общества избирателей и обывателей должны натолкнуться на вопросы болѣе широкаго характера и, въ свою очередь, могутъ послужить однимъ изъ факторовъ политической кристаллизаціи городскаго населенія и превращенія городскихъ думъ въ такой же опорный пунктъ политическаго движенія буржуазіи, какимъ стали земства для помѣстнаго дворянства.

Такъ, разностороннимъ давленіемъ созданной годами революціи соціально-политической обстановки всѣ слои буржуазіи, высвобождаясь изъ-подъ вліянія земско-дворянскаго либерализма и идейно-связанныхъ съ нимъ теченій, подготовляются къ окончательному политическому самоопредѣленію. Но это самоопредѣленіе происходитъ какъ послѣ жестокихъ революціонныхъ битвъ, когда рѣзко намѣтились зрѣющіе въ нѣдрахъ освобождающагося буржуазнаго общества классовые антагонизмы и когда въ то же время, вмѣстѣ съ рабочими и крестьянствомъ, была разбита и непролетарская городская армія, такъ и въ эпоху наступательной контръ-революціи, дѣятельными участниками которой были значительные слои буржуазіи, особенно-крупной. Оно протекаетъ при господствѣ свирѣпой политической реакціи и въ обстановкѣ длительнаго экономическаго застоя, обусловливающаго вялость теченія всѣхъ общественныхъ процессовъ. Такая обстановка оказываетъ сильнѣйшее вліяніе какъ на темпъ формированія буржуазныхъ теченій, такъ и на окраску, которую они принимаютъ. Но, съ этой оговоркой, можно констатировать, что теперь вполнѣ отчетливо намѣчаются уже контуры новаго буржуазнаго либерализма съ сильной націоналистической окраской [1]) и новыхъ, болѣе опредѣленно-буржуазныхъ демократическихъ теченій. Если либерализмъ крупной буржуазіи освобождается отъ дворянскаго налета, то демократизмъ нижнихъ слоевъ буржуазіи освобождается отъ налета соціалистическаго. А дополнительные выборы 1909 г. въ Петербургѣ, Одессѣ и Москвѣ, подтвердивъ еще разъ оппозиціонность настроенія низшихъ и среднихъ слоевъ буржуазіи, подчеркнули въ то же время и подготовляющійся поворотъ въ политическомъ настроеніи крупной буржуазіи. Въ этомъ отношеніи особенно важное симптоматическое зна-

---

[1]) Въ идейной подготовкѣ этого либерализма видную роль сыграли извѣстныя московскія совѣщанія „людей милліоновъ и людей науки“.

ченіе имѣютъ выборы по 1-ой городской куріи г. Москвы. Крупное московское купечество, въ свое время первымъ вставшее подъ знамя октябризма, отдало на этотъ разъ свои голоса кадетамъ.

Такой поворотъ въ позиціи крупной буржуазіи предвѣщаетъ конецъ тѣснаго союза ея съ дворянствомъ и бюрократіей, на которомъ держится современное политическое зданіе. Внѣшнимъ образомъ это уже выразилось: въ быстро прогрессирующемъ разложеніи и таяніи октябризма—живого воплощенія современной политической системы; въ дальнѣйшемъ измѣненіи характера к.-д-ой партіи, все больше берущей на себя представительство интересовъ и крупной буржуазіи и тѣмъ увеличивающей свою внутреннюю неоднородность и противорѣчивость своей позиціи; наконецъ,—въ болѣе опредѣленной право-дворянской позиціи, занятой правительствомъ, лишеннымъ возможности опираться на старый буржуазно-дворянскій блокъ.

Таково созданное ходомъ событій неустойчивое равновѣсіе. Развитіе скрывающихся за нимъ соціально-политическихъ антагонизмовъ задерживается общимъ экономическимъ застоемъ, порождающимъ застой всей общественной жизни и парализующимъ движеніе рабочаго класса. Это движеніе уже послужило разъ тѣмъ маховымъ колесомъ, которое привело въ движеніе всѣ другія общественныя силы и вывело такимъ образомъ страну изъ тупика, въ который она была загнана въ 80-ые года прошлаго вѣка. Оно сослужитъ такую же службу и въ будущемъ, лишь только экономическое оживленіе или событія внѣшней политики, поддержанныя въ своемъ дѣйствіи уже ясно намѣтившейся расшаткой бюрократически-дворянско-капиталистическаго союза, создадутъ благопріятныя условія для новаго подъема экономической и политической борьбы пролетаріата.

Тогда намѣтившіяся тенденціи политическаго развитія буржуазіи облекутся въ плоть и кровь и въ ея выступленіяхъ будетъ учтенъ весь тотъ процессъ политическаго самоопредѣленія, который она пережила за годы революціи и контръ-революціи.

Ф. Данъ.

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ.

Движеніе интеллигенціи
(отъ „эпохи довѣрія“ кн. Святополка-Мирскаго до конца періода общественнаго подъема).

1. До 9-го января.

Уже при Плеве, какъ мы видѣли въ I т., профессіональная интеллигенція начала выступать съ открытыми протестами противъ бюрократическаго самовластія. Наиболѣе рѣзкій и рѣшительный характеръ эти протесты приняли въ началѣ 1904 года на III съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію и IX Пироговскомъ съѣздѣ. Но чрезвычайно характерно для этихъ наиболѣе яркихъ при Плеве проявленій движенія «общества», что ни на одномъ изъ этихъ съѣздовъ не было принято резолюціи съ опредѣленнымъ требованіемъ конституціоннаго режима. Это требованіе болѣе или менѣе прозрачно звучало въ рѣчахъ многихъ ораторовъ, но на прямую конституціонную демонстрацію ни тотъ, ни другой съѣздъ не рѣшился. Конституціонныя слова замирали на устахъ представителей «общества» при желѣзномъ режимѣ Плеве. «Довѣріе» къ обществу, провозглашенное преемникомъ Плеве кн. Святополкъ-Мирскимъ, развязало языки и дало сильный толчекъ къ конституціонной мобилизаціи общества. Довольно значительную роль въ начавшемся среди общества конституціонномъ движеніи игралъ «Союзъ Освобожденія».

Въ этой организаціи, какъ мы видѣли въ I т., преобладали профессіонально-интеллигентскіе элементы, но въ него входили также наиболѣе прогрессивные земцы, вліятельные представители либеральнаго земскаго движенія (Петрункевичъ, Родичевъ, Львовъ и др.). Наступленіе «весны» направило усилія «Союза Освобожденія», съ одной стороны на земскую среду, съ другой стороны на профессіональную интеллигенцію. При дѣятельномъ участіи выдающихся членовъ «Союза Освобожденія», въ либеральной земской средѣ созрѣла мысль о необходимости открытаго земского съѣзда съ открытымъ провозглашеніемъ конституціонныхъ требованій. Рядомъ съ этимъ въ октябрѣ 1904 года совѣтъ «Союза Освобожденія» принялъ, въ цѣляхъ агитаціи за введеніе въ Россіи конституціоннаго режима, слѣдующія рѣшенія: 1) принять самое дѣятельное участіе въ предстоящемъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей и употребить всѣ силы, чтобы направить его на путь открытаго заявленія конституціонныхъ требованій; 2) имѣя въ виду, что 20 ноября того же года исполняется сорокалѣтіе судеб-

ныхъ уставовъ, организовать въ этотъ день черезъ своихъ членовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и возможно большемъ количествѣ другихъ городовъ *банкеты*, на которыхъ должны быть приняты конституціонныя и демократическія резолюціи, составленныя въ гораздо болѣе рѣшительномъ тонѣ, нежели тѣ, которыя можно было ожидать отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей; 3) поднять черезъ своихъ членовъ—земцевъ на предстоящихъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, въ возможно большемъ числѣ ихъ, вопросъ о введеніи въ Россіи конституціоннаго строя и необходимости созыва для этой цѣли народнаго представительства на широко-демократической основѣ; 4) начать агитацію за образованіе союзовъ адвокатовъ, инженеровъ, профессоровъ, писателей и другихъ лицъ либеральныхъ профессій, организацію ихъ съѣздовъ, выбора ими постоянныхъ бюро и объединеніе этихъ бюро какъ между собою, такъ и съ бюро земскихъ и городскихъ дѣятелей въ единый союзъ союзовъ. Этотъ союзъ союзовъ долженъ былъ установить организаціонныя связи съ центральными учрежденіями всѣхъ лѣвыхъ политическихъ партій, выработать общую платформу и явиться въ нѣкоторомъ родѣ Vorparlament'омъ [3]).

Размахъ стремленій Союза Освобожденія былъ, такимъ образомъ, очень широкъ. Союзъ Освобожденія стремился сплотить въ одно цѣлое всѣ оппозиціонныя силы Россіи, поднявшись надъ классовыми противоположностями и различіями отдѣльныхъ слоевъ населенія. Но рѣзкія классовыя противорѣчія, достаточно развившіяся у насъ къ этому времени, съ самаго начала стали сильно урѣзывать и ограничивать объединительныя стремленія Союза Освобожденія. Слѣва Союза стояла революціонная интеллигенція, соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, которые во имя интересовъ пролетаріата и крестьянства выдвигали не только требованіе свободъ, не только ликвидацію стараго режима, но и полное народовластіе и—какъ необходимую составную часть его—всеобщее, прямое, равное избирательное право съ тайной подачей голосовъ при выборахъ въ законодательное учрежденіе и, какъ путь къ государственному переустройству,—Учредительное Собраніе, избранное на основаніи той же четырехчленной формулы.

Четырехчленная формула избирательнаго права для народнаго представительства и созывъ избраннаго на основѣ этой формулы Учредительнаго Собранія, эти два требованія въ моментъ объявленія «довѣрія» обществу еще не успѣли стать популярными лозунгами въ широкихъ народныхъ массахъ, но они имѣли уже за собой верхи рабочаго пролетаріата и настойчиво и энергично пропагандировались соціалъ-демократической партіей. Для пролетаріата и массы рабочаго населенія эти два требованія имѣли коренное значеніе; только при ихъ проведеніи могла быть достигнута значительная демократизація государственнаго строя и обезпечено рабочей массѣ серьезное вліяніе на законодательство въ ея интересахъ. Для массы профессіональной интеллигенціи оба эти демократическія требованія не представляли насущной необходимости, хотя и не противорѣчили ея интересамъ. У массы же землевладѣльцевъ и крупной бур-

---

[1]) „Историческій Сборникъ“ (см. ноябрь—декабрь „Былое“ за 1907 г.) ст. Н. П. Бѣлоконскаго о земскомъ движеніи, прим. ред. с. 29.

жуазіи эти требованія могли возбуждать только рѣзко враждебное отношеніе. Профессіональной интеллигенціи, очевидно, приходилось выбирать между народной массой и владѣльческими классами. Но въ моментъ провозглашенія «довѣрія» народъ еще не успѣлъ заговорить, необходимость выбора для массы профессіональной интеллигенціи не была ясна, земская оппозиція въ ея глазахъ была окружена большимъ ореоломъ, и профессіональная интеллигенція поэтому была проникнута сильнѣйшимъ стремленіемъ дѣйствовать солидарно съ земской оппозиціей. И вотъ руководящая интеллигентская организація, Союзъ Освобожденія, чтобы не оттолкнуть отъ себя рабочую массу и революціонные элементы интеллигенціи, у себя дома принимаетъ оба демократическія требованія, четырехчленную формулу и Учредительное Собраніе, включая ихъ въ свою программу, но тѣ же освобожденцы сокращаютъ и урѣзываютъ свои демократическія требованія, вступая въ земскую среду, въ которой сильную и опредѣляющую роль играли интересы землевладѣльцевъ.

На знаменитомъ съѣздѣ земскихъ дѣятелей 6—8 ноября освобожденцамъ удается провести значительнымъ большинствомъ голосовъ рѣшительное конституціонное требованіе о «правильномъ участіи народнаго представительства, какъ особаго выборного учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ надъ законностью дѣйствій администраціи», но Учредительное Собраніе, какъ путь къ государственному переустройству, ими не выдвигается на съѣздѣ, а мѣсто четырехчленной формулы замѣняетъ глухое указаніе въ п. 7 на необходимость равенства политическихъ правъ всѣхъ гражданъ (рядомъ съ личными и гражданскими). А между тѣмъ земскій съѣздъ 6—8 ноября былъ съѣздомъ наиболѣе передовыхъ земскихъ элементовъ и далеко не выражалъ стремленій массы рядовыхъ земцевъ, наполняющихъ земскія собранія. Какъ показала ближайшая сессія земскихъ собраній, земская среда въ своихъ политическихъ стремленіяхъ стояла далеко позади съѣзда 6 – 8 ноября. И жизнь очень скоро должна была поставить профессіональную интеллигенцію передъ дилеммой: или съ земцами противъ народа, или съ народомъ противъ земцевъ. Народъ въ своей массѣ пока еще безмолвствовалъ, но соціалъ-демократическая интеллигенція вмѣстѣ съ верхами пролетаріата уже выдвигала свои демократическія требованія, какъ необходимое условіе для какихъ либо совмѣстныхъ дѣйствій съ либеральными элементами общества. И неудобства той двойной бухгалтеріи, которой вначалѣ пытался заниматься Союзъ Освобожденія, на первыхъ же порахъ дали себя знать. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно интересно засѣданіе литературно-артистическаго общества въ Кіевѣ въ серединѣ ноября, на которомъ участникъ земскаго съѣзда, *Хижняковъ*, докладывалъ о резолюціяхъ съѣзда. Изъ публики послѣ доклада выступаетъ молодой человѣкъ и протестуетъ противъ рукоплесканій собранія резолюціямъ Съѣзда. Онъ указываетъ на главный дефектъ этихъ резолюцій,—на умолчаніе о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи. *Хижняковъ* на это возражаетъ, что съ требованіемъ четырехчленной формулы резолюціи земцевъ не находятся въ противорѣчіи. Но *Водовозовъ* идетъ дальше. «Я безусловно протестую, говоритъ онъ, противъ рѣчи недовольнаго оратора. Пунктъ седьмой говоритъ о равенствѣ личныхъ, гражданскихъ и

политическихъ правъ. Если бы вы были болѣе знакомы съ государственной наукой, вы увидѣли бы, что формула эта разумѣетъ всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право» [1]). Однако, ближайшія же выступленія общества, земцевъ и городской интеллигенціи показали, что агитація, которую подняли соціалъ-демократы противъ недостаточно демократическихъ резолюцій земскаго съѣзда, имѣла твердую почву подъ ногами.

Въ своей цитированной уже нами статьѣ г. Бѣлоконскій утверждаетъ, что «прекрасно организованный Союзъ Освобожденія при посредствѣ своихъ отдѣловъ, быстро оповѣстивъ общество о постановленіяхъ совѣщанія (земцевъ 6—8 ноября), предложилъ устраивать повсемѣстно банкеты и на нихъ открыто, во всеуслышаніе, присоединиться къ названнымъ постановленіямъ совѣщанія». Редакція «Былого» въ примѣчаніи оспариваетъ это утвержденіе: «какъ уже сказано было въ предыдущемъ редакціонномъ примѣчаніи (привед. выше), постановленіе Совѣта «Союза Освобожденія» о повсемѣстной организаціи 20 ноября банкетовъ состоялось не *послѣ* земскаго съѣзда, а *до* него, причемъ всѣмъ членамъ Союза,—организаторамъ банкетовъ,—рекомендовалось предлагать на банкетахъ проекты резолюцій, которыя не выражали бы только «присоединеніе» къ постановленіямъ земскаго съѣзда», а провозглашали бы конституціонныя и демократическія требованія въ формѣ гораздо болѣе яркой и рѣшительной» [2]).

Мы не знаемъ, кто въ данномъ случаѣ правъ, Бѣлоконскій или редакція «Былого», но мы сейчасъ увидимъ, что интеллигентскія выступленія за ноябрь—декабрь 1906 г. въ своемъ большинствѣ далеко не отличались яркостью и рѣшительностью конституціонныхъ и демократическихъ требованій.

Просмотрѣвши соотвѣтственные номера изданій «Освобожденіе», «Искра», «Впередъ», «Рев. Россія», «Русск. Вѣд.», «Сынъ Отеч.», «Наши Дни», «Наша Жизнь» и «Право», я нашелъ въ нихъ достаточно опредѣленныя свѣдѣнія о 44 интеллигентскихъ выступленіяхъ за время съ 1 ноября по 9 января, въ томъ числѣ о 42 собраніяхъ и 2 заявленіяхъ совѣтовъ кіевскаго и с.-петербургскаго политехникумовъ, обратившихъ тогда на себя большое вниманіе. Конечно, получающійся такимъ образомъ списокъ интеллигентскихъ выступленій далеко не полонъ, отдѣльныя провинціальныя выступленія эти изданія могли не зарегистрировать, съ другой стороны и нѣкоторыя выступленія, зарегистрированныя ими, пришлось опустить въ силу неопредѣленности свѣдѣній о нихъ (засѣданіе родительскаго кружка секціи дѣтской гигіены въ Саратовѣ, банкеты въ Ярославлѣ, Тамбовѣ, Курскѣ, Орлѣ, Черниговѣ), но, тѣмъ не менѣе, для приблизительной характеристики интеллигентскихъ выступленій конца 1905 г. составленный мною списокъ вполнѣ достаточенъ. Посмотримъ же, какая картина получается на основаніи собранныхъ мною свѣдѣній.

Прежде всего изъ этихъ выступленій необходимо выдѣлить *четыре*,—*одно* съ несовсѣмъ опредѣленными свѣдѣніями и *три*, не закончившіяся принятіемъ резолюцій.

---

[1]) „Искра" № 79, с. 7.

[2]) Ib. с. 35 и 36.

Первый случай относится къ Саратову. 5 ноября, наканунѣ открытія земскаго съѣзда въ Саратовѣ, въ первоклассной гостинницѣ былъ устроенъ банкетъ съ ужиномъ. Послана была привѣтственная телеграмма земскому съѣзду, составленная, по словамъ корреспондента «Искры»—«въ довольно демократическомъ духѣ». Подписалось «319 человѣкъ, изъ нихъ оказалось 3 предвод. дворянства, 1 предс. уѣздной земской управы, 38 инженеровъ, 19 купцовъ (бывшіе изъ думцевъ), 16 учителей, 3 рабочихъ, 1 крестьянинъ, много врачей, адвокатовъ и т. д. и 1 мѣщанскій староста» [1]). Самая наличность среди подписавшихся—предводителей дворянства и купцовъ заставляетъ думать, что «довольно демократическій духъ» привѣтственной телеграммы этого банкета было очень скромнъ и что онъ навѣрное не дошелъ до требованій Учредительнаго Собранія и четырехчленнаго избирательнаго права. Такое заключеніе вполнѣ подтверждается характеромъ еще болѣе многолюднаго интеллигентскаго банкета въ томъ же Саратовѣ, бывшаго нѣсколько позднѣе — 20 ноября, о которомъ имѣются вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія и на которомъ за подписью 575 лицъ была принята резолюція, ничего не говорящая ни объ Учред. Собраніи, ни о четырехчленной формулѣ избирательнаго права.

Перейдемъ теперь къ случаямъ, въ которыхъ резолюцій принято не было.

6/XI, въ день открытія земскаго съѣзда, происходило надѣлавшее большого шума въ Харьковѣ засѣданіе юридическаго общества. Кромѣ членовъ общества на засѣданіи была масса публики—по преимуществу учащейся молодежи и нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ. Мѣстный комитетъ соц.-дем. партіи рѣшилъ превратить собраніе послѣ закрытія засѣданія юридическаго общества въ революціонный митингъ. Къ сожалѣнію раньше закрытія засѣданія въ концѣ рѣчи прис. пов. Гонтарева, послѣ словъ его «мы требуемъ созыва народныхъ представителей» были брошены въ публику листки комитета; затѣмъ благодаря нетактичному и вызывающему поведенію предсѣдателя проф. Гредескула, дѣло закончилось скандаломъ и засѣданіе юридическаго общества было оборвано. На самомъ засѣданіи боролись два теченія—одно подъ предводительствомъ проф. Гредескула хотѣло провести привѣтственный адресъ кн. Святополкъ-Мирскому съ благодарностью за довѣріе и съ чрезвычайно слабыми конституціонными намеками и другое, самымъ яркимъ представителемъ котораго на собраніи явился прис. пов. Гонтаревъ, стояло за принятіе резолюціи съ требованіемъ созыва народныхъ представителей. Дальше этой неопредѣленной формулы резолюція не шла [2]).

28/XI былъ банкетъ въ Екатеринославѣ, настроеніе котораго, судя по сообщенію «Искры», во всякомъ случаѣ шло не дальше земскаго съѣзда. На банкетѣ предсѣдатель земской управы Родзянко читалъ докладъ о земскомъ съѣздѣ. Резолюціи принято не было [3]).

Остается еще банкетъ въ Екатеринодарѣ 10 декабря, на которомъ тоже резолюціи принято не было. Публика, по словамъ корреспондента «Искры», на

---

[1]) „Искра“ № 80.

[2]) „Искра“ № 79 и личныя воспоминанія.

[3]) „Искра“ № 80.

этомъ банкетѣ была разнообразная: рядомъ съ адвокатами, врачами, торговцами, были студенты, рабочіе. Начался этотъ банкетъ рѣчами адвокатовъ и закончился чисто революціонной рѣчью Н. К—ва, призывавшаго либеральное общество «присоединиться къ авангарду революціоннаго движенія—пролетаріату». —«По окончаніи этой рѣчи группа организованныхъ рабочихъ запѣла «Варшавянку» къ нимъ присоединились студенты и *многіе* изъ публики». Кончилось дѣло столкновеніемъ съ полиціей, ворвавшейся въ залу [1]). Также, какъ на засѣданіи юридическаго общества въ Харьковѣ, тутъ было два слоя, одинъ болѣе умѣренный слой — имущей, обезпеченной интеллигенціи, и другой, составившійся по преимуществу изъ рабочихъ и учащейся молодежи.

Эти же два слоя встрѣчаемъ мы на протяженіи всего банкетнаго движенія. Съ одной стороны выступаютъ передовые рабочіе, учащаяся молодежь, неимущая интеллигенція, мѣстные мелкіе служащіе, наконецъ, профессіоналы революціонныхъ организацій, партій соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Вся эта демократическая масса выступаетъ подъ знаменемъ этихъ обѣихъ революціонныхъ партій—при явномъ, въ общемъ, преобладаніи соціалъ-демократической партіи. Эта масса играетъ довольно крупную роль во всемъ банкетномъ движеніи. Она добивается демократизаціи этого движенія, она старается привить движенію профессіональной интеллигенціи демократическіе лозунги момента, выдвинутые идеологами пролетаріата,—учредительное собраніе и четырехчленное избирательное право. Мы находимъ эту демократическую массу, всегда болѣе или менѣе организованную, почти на всѣхъ банкетахъ. Но на большинствѣ банкетовъ противъ широкаго наполненія ихъ этой массой устраивается барьеръ въ видѣ довольно высокой платы, которую нужно уплатить за обѣдъ или ужинъ, 2—3 рубля, иногда больше. На большинствѣ банкетовъ хозяйничаетъ, поэтому, болѣе имущая, болѣе обезпеченная интеллигенція. Учащаяся молодежь на многихъ изъ нихъ совершенно устраняется. Часто посредствомъ спеціальнаго соглашенія допускается на банкетъ небольшое число рабочихъ (напр. въ Харьковѣ на банкетѣ 5/XII), иногда толпа рабочихъ стоитъ на улицѣ, тщетно пытаясь проникнуть въ залу банкета (напр. въ Ростовѣ на Д.—5/XII). На большинствѣ банкетовъ, такимъ образомъ, демократическіе элементы образуютъ только незначительное меньшинство, иногда рѣзко вмѣшивающееся въ пренія съ провозглашеніемъ демократическихъ лозунговъ и вызывающее раздраженіе и негодованіе большинства. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при болѣе легкомъ доступѣ на собраніе, этимъ элементамъ удается овладѣвать собраніями и придавать имъ свой колоритъ. Мы уже имѣли дѣло съ двумя случаями, въ которыхъ демократическая масса заняла или господствующее, или видное положеніе.

Переходя теперь къ выступленіямъ интеллигенціи, о которыхъ имѣются достаточно полныя свѣдѣнія и на которыхъ были приняты резолюціи, мы должны выдѣлить изъ числа ихъ новыхъ *три* выступленія съ рѣзкимъ преобладаніемъ той же демократической массы.

Два изъ этихъ выступленій приходятся на Одессу: это два митинга, бывшихъ на засѣданіи одесскаго отдѣленія общества охраненія народнаго здравія 18/XI и на собраніи юридическаго общества 20/XI.

---

[1]) „Искра“ № 82.

Засѣданіе о-ва охр. нар. здравія усиліями мѣстнаго комитета соц.-демокр. партіи было просто превращено въ революціонный митингъ, на которомъ господствовали рабочіе, учащаяся молодежь и интеллигенція, примыкающая къ соц.-дем. партіи. Митингъ этотъ былъ заранѣе задуманъ и организованъ соц.-дем. комитетомъ. Всего присутствовало 1—2 тыс. человѣкъ. Главнымъ референтомъ выступилъ соц.-демократъ д-ръ Богомолецъ, который выставилъ цѣлый рядъ требованій въ духѣ минимальной программы соц.-дем. партіи и изъ нихъ на первомъ мѣстѣ Учред. Собраніе, избранное на основѣ четырехчленной формулы. Резолюція, предложенная Богомольцемъ, была покрыта оглушительными аплодисментами. Закончился митингъ уличной демонстраціей [1]).

Такой же революціонный митингъ былъ организовамъ соціалъ-демократами въ зданіи судебн. установленій на засѣданіи юридическаго общества по прочтеніи доклада Хмѣльницкаго на тему «О сорокалѣтіи суд. уставовъ». На засѣданіи юридич. общества *никакой резолюціи принято не было, послѣ же закрытія* засѣданія соц.-демократами былъ открытъ митингъ. Предсѣдателемъ митинга былъ выбранъ одинъ изъ мѣстныхъ работниковъ с.-д. партіи. Митингомъ (отъ лица нѣсколькихъ сотъ человѣкъ) была принята резолюція, выражавшая недовѣріе правительству, требовавшая созыва Учр. Собранія на основѣ четырехчленной формулы и немедленнаго прекращенія войны [2]).

На обоихъ этихъ собраніяхъ по всѣмъ признакамъ превалирующую роль играла учащаяся молодежь и только для нея, «дѣтей» одесской интеллигенціи, и могутъ быть характерны оба эти митинга. Что же касается «отцовъ», то ихъ настроеніе въ Одессѣ нашло выраженіе на банкетѣ въ Благородномъ собраніи 20/XI, организованномъ не комитетомъ соціалъ-демокр. партіи, какъ два вышеописанныхъ митинга, а самими представителями профессіональной интеллигенціи. Но зато на банкетѣ этомъ, собравшемъ отъ 400—500 чел., большинство сгруппировалось вокругъ резолюціи земцевъ. Конкурировавшая съ ней демократическая резолюція собрала 116 подписей, между тѣмъ, какъ подъ земской резолюціей подписалось около 300 чел. [3]).

Не менѣе яркимъ митингомъ, чѣмъ два митинга въ Одессѣ, былъ банкетъ въ Саратовѣ на «Пѣшемъ базарѣ» 20 ноября. Въ день сорокалѣтія суд. уставовъ въ Саратовѣ произошло два грандіозныхъ банкета. «Юристы устроили банкетъ въ гостинницѣ (платный), гдѣ присутствовало до 700 чел., а демократическая публика устроила свое собраніе безъ всякаго разрѣшенія и внѣшняго легальнаго повода, въ народной чайной на «Пѣшемъ базарѣ». Собралось сюда до 1000 чел. (рабочихъ, интеллигенціи, учащихся). Рѣчи говорились вполнѣе вободныя, причемъ одни ораторы говорили въ духѣ соц.-демократовъ, другіе въ духѣ соц.-революціонеровъ. Говорили прямо, безъ обиняковъ... тутъ впервые опредѣленно высказались за демократическую республику». Эта выдержка изъ кореспонденціи «Искры» рисуетъ въ вполнѣ опредѣленномъ свѣтѣ характеръ этого митинга. Митингъ принялъ резолюцію, требующую «1) Созыва учред. собранія на почвѣ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права и тайной подачи голо-

---

[1]) „Искра“ № 79, „Впередъ“ № 2.

[2]) „Впередъ“ № 2.

[3]) „Искра“ №№ 79 и 80.

совъ, 2) немедленнаго прекращенія войны и 3) амнистіи всѣмъ политическимъ». Эта резолюція была доставлена на банкетъ юристовъ, гдѣ была прочитана и вызвала аплодисменты. Но самъ банкетъ юристовъ принялъ (за подписью 575 чел.) гораздо болѣе скромную резолюцію. Въ этой резолюціи говорится, что «правильное отправленіе правосудія въ Россіи станетъ возможнымъ лишь при условіи законодательной гарантіи и свободы личности, слова, печати, собраній и союзовъ, и при участіи въ законодательствѣ страны выборныхъ народныхъ представителей» [1]).

Если мы выключимъ изъ числа выступленій интеллигенціи два революціонныхъ митинга въ Одессѣ и одинъ въ Саратовѣ, то всего зарегистрированныхъ мною выступленій «отцовъ», имущей интеллигенціи, закончившихся принятіемъ резолюцій, окажется 36, а если къ нимъ присоединить еще саратовскій банкетъ 5/XI, о которомъ съ большой вѣроятностью можно предполагать, что въ своей привѣтственной телеграммѣ земскому съѣзду онъ не пошелъ дальше, чѣмъ позднѣйшій банкетъ 20/XI, засѣданіе юридическаго о-ва въ Харьковѣ 6/XI, ораторы котораго не шли дальше простого требованія созыва народнаго представительства, и екатеринославскій банкетъ 28/XI, который можно считать стоявшимъ приблизительно на точкѣ зрѣнія земскаго съѣзда, то мы получимъ всего 39 болѣе или менѣе опредѣленныхъ выступленій профессіональной интеллигенціи. Какую жъ картину даютъ эти 39 выступленій?

Въ резолюціяхъ банкетовъ, говоритъ редакція «Былого», возражая Бѣлоконскому, было выставлено прямое требованіе Учред. Собранія, тогда какъ въ постановленіяхъ земскаго съѣзда, какъ извѣстно, не было произнесено даже самое слово «конституція» [2]).

Если мы обратимся къ статистикѣ собранныхъ мною заявленій интеллигенціи, то окажется, что изъ 39 выступленій только въ 12, или *менѣе, чѣмъ въ трети*, было выдвинуто требованіе Учредительнаго Собранія [3]).

Хотя земскій съѣздъ, затѣмъ, дѣйствительно не произнесъ слово «конституція», но огромнымъ большинствомъ голосовъ принялъ опредѣленную конституціонную формулу «участія нар. представительства въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ надъ законностью дѣйствій администраціи». Если же мы обратимся къ интеллигентскимъ выступленіямъ, то кромѣ 12 отмѣченныхъ выступленій съ требованіемъ учред. собранія можно отмѣтить *еще одно только* выступленіе, болѣе опредѣленное въ конституціонномъ отношеніи, чѣмъ выступленіе земскаго

---

[1]) „Искра“ № 80.

[2]) „Ист. Сборникъ“ с. 36.

[3]) 1. Банкетъ въ Спб. подъ предс. В. Г. Короленко 20/XI — „Право“ 1904 г. № 48, „Ист. Сб.“ с. 36; 2. Банкетъ въ Кіевѣ 20/XI—„Впередъ“ № 1, „Русск. Вѣд.“ № 325; 3. Банкетъ въ Самарѣ 20/XI—„Сынъ Отеч.“ № 13; 4. Банкетъ въ Калугѣ 1/XII—„Освоб.“ № 63; 5. Банкетъ въ Н.-Новгородѣ 2/XII—ib.; 6. Банкетъ въ Харьковѣ 5/XII—„Искра“ № 83; 7. Засѣданіе харьк. общ. библ. 11/XII—„Искра“ № 82; 8. Банкетъ въ Ростовѣ-на-Дону 5/XII—„Искра“ № 80; 9. Банкетъ инжен. всѣхъ спец. въ Спб. 5/XII—„Освоб.“ № 62; 10. Банкетъ въ залѣ Павловой 14/XII—„Освоб.“ № 63, „Искра“ № 82; 11. Банкетъ врачей 18/XII—„Освоб.“ № 63, „Искра“ № 83; 12. V съѣздъ русск. группы межд. союза кримин. 4/I—„Право“ 1905 г. № 5.

съѣзда: спб. педагогическое о-во въ своей резолюціи требовало замѣны «самодержавно-бюрократическаго строя»—«строемъ, основаннымъ на широко-демократическихъ конституціонныхъ началахъ» [1]). Итого, вмѣстѣ съ этимъ выступленіемъ мы получаемъ ровно *треть* выступленій (13 изъ 39), пошедшую дальше земскаго съѣзда.

Затѣмъ 11 выступленій или присоединились къ резолюціи земскаго съѣзда, или приняли тождественную резолюцію [2]). 5 выступленій можно считать близкими по своимъ резолюціямъ земскому съѣзду [3]). Если сюда присоединить еще екатеринославскій банкетъ 28/XI, то получимъ всего 17 выступленій, или 44%, которыя стояли по опредѣленности конституціонныхъ заявленій приблизительно на уровнѣ земскаго съѣзда.

И наконецъ 9 интеллигентскихъ выступленій оказались позади земскаго съѣзда. 4 выступленія выдвинули неопредѣленную формулу «участія народнаго представительства въ законодательствѣ», за которую на земскомъ съѣздѣ высказалось незначительное меньшинство сторонниковъ чисто совѣщательнаго народнаго представительства [4]). Если считать, что саратовскій банкетъ 5 ноября стоялъ на уровнѣ банкета 20 ноября, то сюда же долженъ быть отнесенъ и онъ. 2 затѣмъ выступленія ограничились простымъ требованіемъ созыва народнаго представительства [5]), къ нимъ также можно присоединить и засѣданіе юридическаго о-ва въ Харьковѣ 6 ноября, ораторы котораго не шли дальше

---

[1]) „Освоб." № 62.

[2]) 1. Банкетъ въ благ. собр. въ Одессѣ 20/XI—„Искра" №№ 79 и 80; 2. Собраніе прис. пов. и ихъ пом. въ Спб. 21/XI—„Сынъ Отеч." № 5, „Ист. Сб." с. 37; 3. Банкетъ въ Воронежѣ 20/XI—„Сынъ Отеч." № 9; 4. Банкетъ въ Смоленскѣ—„Сынъ От." № 8; 5. Банкетъ во Владимірѣ 21/XI—„Сынъ От." № 8; 6. Банкетъ въ Баку 25/XI—„Освоб." № 63; 7. Резолюція ростовской адвокатуры, переданная по телегр. депутаціи петерб. адвокатуры для представленія мин. внутр. дѣлъ—„Русск. Вѣд." № 333; 8. Такая же резол. кутаисск. адвокатуры—„Наши Дни" № 1; 9. Банкетъ въ Н.-Новгородѣ—„Русск. Вѣд." № 329, „Сынъ Отеч." № 8; 10. Конст. заявл. Совѣта Спб. политехникума—„Освоб." № 62; 11. Засѣданіе юрид. общества въ Харьковѣ 18/XII—„Наши дни" № 11.

[3]) 1. Банкетъ въ Москвѣ 21/XI въ Эрмитажѣ, выдвинувшій требованіе „представительнаго правленія" и въ то же время привѣтствовавшій резолюцію земцевъ—„Искра" № 81, „Сынъ Отеч." № 9; 2. Резолюція Совѣта проф. кіевскаго политехникума, треб. „представ. правленія"—„Искра" № 80; 3. Собраніе прис. пов. въ Москвѣ, выдвинувшее треб. „коренныхъ реформъ гос. строя, которыя привели бы къ (представительному ?) образу правленія"—„Сынъ Отеч." № 4; 4. Собраніе московскихъ пом. прис. пов., выдвин. требованіе „такого твердаго правопорядка, который гарантировалъ бы участіе въ рѣшеніи законодат. вопросовъ и въ контролѣ за управленіемъ—лицъ облеченныхъ довѣріемъ мѣстнаго населенія"—„Русск. Вѣд." № 325; 5. Банкетъ въ Кутаисѣ 31/XII—„Искра" № 87.

[4]) 1. Привѣтственный адресъ земскому съѣзду собранія помощниковъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ 4 ноября—„Рев. Россія" № 56; 2. Саратовское отд. Имп. русскаго техн. общества 6 ноября („активное участіе въ устроеніи государственной жизни")—„Наша Жизнь" № 7; 3. Банкетъ въ Саратовѣ 20 ноября—„Искра, № 80; 4. Засѣданіе общества сельскаго хозяйства въ Костромѣ—„Освоб." № 63.

[5]) 1. Засѣданіе Богородскаго отд. Имп. русск. техн. общества—„Освоб." № 63 и 2. Обѣдъ прис. пов. въ Кіевѣ 20/XI—„Русск. Вѣд." № 329.

этого требованія. Наконецъ, въ одномъ случаѣ не было даже выдвинуто требованіе созыва народнаго представительства [1]).

Итакъ, подавляющее большинство интеллигентскихъ выступленій по опредѣленности конституціонныхъ заявленій идетъ, во всякомъ случаѣ, не дальше земскаго съѣзда, самая значительная группа ихъ (44%) стоитъ приблизительно на уровнѣ земскаго съѣзда и только *треть* высказалась рѣшительнѣе его.

Посмотримъ теперь, насколько далеко интеллигентскія выступленія идутъ въ своемъ демократизмѣ. Значительный процентъ ихъ, какъ мы видѣли, высказался за созывъ Учредительнаго Собранія, но Учред. Собраніе, взятое независимо отъ способа его избранія, не дастъ еще никакихъ гарантій демократизаціи политическаго строя. За созывъ же Учр. Собранія на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, высказалось только 8 интеллиг. собраній или *немногимъ болѣе одной пятой* всѣхъ выступленій, если же мы къ нимъ присоединимъ еще тѣ выступленія, которыя, не высказываясь за созывъ Учр. Собранія, выдвинули четырехчленную формулу, какъ основу для организаціи народнаго представительства, то мы получимъ всего 11 выступленій изъ 39-ти, или около 28% [2]). Всѣ остальныя интеллигентскія выступленія, т. е. почти $^3/_4$ ихъ (72%), совершенно обходятъ вопросъ объ избирательномъ правѣ.

Если не ошибается редакція «Былого», если дѣйствительно совѣтъ Союза Освобожденія рекомендовалъ на банкетахъ «провозглашать конституціонныя и демократическія требованія въ формѣ гораздо болѣе яркой и рѣшительной», чѣмъ постановленія земскаго съѣзда, то въ такомъ случаѣ ясно одно изъ двухъ: или уровень демократизма самого совѣта Союза Освобожденія въ этотъ моментъ былъ не особенно высокъ, или его вліяніе на интеллигентскіе банкеты было не особенно сильно. По всей вѣроятности, близко къ истинѣ и то, и другое. Что уровень демократизма самого Союза Освобожденія былъ не особенно высокъ, показываютъ петербургскіе банкеты въ ноябрѣ, на которыхъ вліяніе Союза Освобожденія должно было быть максимальнымъ.

Вотъ передъ нами многолюдный митингъ (до 650 чел.) въ залѣ Павловой подъ предсѣдательствомъ В. Г. Короленко—20 ноября. Въ своей резолюціи этотъ банкетъ, указавши на необходимость неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, печати, союзовъ и установленія конституціоннаго режима, заявляетъ въ заключеніе о необходимости «немедленнаго созыва Учред. Собранія сво-

---

[1]) Собраніе мѣстнаго общества содѣйствія нар. образов. въ Курскѣ 8 ноября ограничилось требованіемъ свободы слова, собраній, неприкосновенности личности—„Наша Жизнь“ № 8.

[2]) За Учр. Собр. на основѣ четырехчл. формулы изъ многочисленныхъ ноябрьскихъ банкетовъ высказались только банкеты въ Кіевѣ и Самарѣ 20 ноября, въ декабрѣ же за него высказались: банкетъ въ Н.-Новгородѣ 2 декабря, банкетъ въ Харьковѣ 5/XII, засѣданіе харьковской обществ. библіотеки 11/XII, банкетъ въ залѣ Павловой въ Спб. 14/XII, банкетъ врачей въ Спб. 18/XII, V съѣздъ русской группы междунар. съѣзда криминалистовъ—4 января 1905 г. За четырехчленную формулу избират. права при организаціи народнаго представительства высказались: собраніе пом. прис. пов. въ привѣтственномъ адресѣ земскому съѣзду 5 ноября, банкетъ въ Смоленскѣ 20/XI и засѣданіе общества сельск. хоз. въ Костромѣ—3/XII.

одно выбранныхъ представителей». И только. О способѣ избранія народныхъ представителей ни слова.

Или вотъ другой, не менѣе многолюдный, митингъ въ томъ же Петербургѣ 21-го ноября. Послѣ того, какъ прокуроръ суд. пал. Вуичъ не разрѣшилъ прис. пов. собраться въ зданіи окр. суда, «громадная толпа прис. повѣренныхъ, ихъ помощниковъ и публики въ количествѣ 650 чел., устроила собраніе въ зданіи городской думы, гдѣ, выразивъ негодованіе Вуичу, вынесла слѣдующую резолюцію: «Собравшись въ день сорокалѣтія судебныхъ уставовъ и обсудивъ положеніе русскаго суда, мы находимъ, что правильная организація отправленія правосудія невозможна безъ признанія за всѣми гражданами равныхъ правъ, гарантіи неприкосновенности личности и жилища, свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы печати, собраній, союзовъ. Какъ гарантія этихъ правъ и основа правильнаго теченія государственной жизни, необходимо участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, утвержденіи бюджета и надзорѣ за законностью дѣйствій органовъ администраціи». «Къ этому, добавляетъ г. Бѣлоконскій, было прибавлено ходатайство объ общей амнистіи политическихъ и религіозныхъ преступниковъ». Въ этой резолюціи мы видимъ воспроизведенной *почти* полностью резолюцію земскаго съѣзда съ небольшимъ только опущеніемъ: *о равенствѣ политическихъ правъ* (также какъ личныхъ и гражданскихъ) *не сказано ни слова.*

Уровень московскихъ банкетовъ былъ еще ниже петербургскихъ. Также какъ въ Петербургѣ на интеллигентскихъ выступленіяхъ, въ Москвѣ отсутствуетъ всякое упоминаніе объ избирательномъ правѣ; вмѣсто же Учред. Собранія или конституціонной формулы земскаго съѣзда, фигурируютъ менѣе опредѣленныя формулы, «участія въ рѣшеніи законод. вопросовъ» на собраніи пом. прис. пов. или представительнаго правленія», на собраніи прис. пов. и на банкетѣ въ Эрмитажѣ.

И если въ декабрѣ выступленія какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ городахъ принимаютъ болѣе рѣшительный демократическій характеръ, то, очевидно, тутъ дѣйствовало не внезапное просвѣтленіе Союза Освобожденія, а другія болѣе могущественныя причины.

Но какъ ни низко стояли въ среднемъ интеллигентскія выступленія конца 1904 г., даже они свидѣтельствуютъ о гораздо большей воспріимчивости интеллигенціи къ рѣшительнымъ конституціоннымъ и демократическимъ лозунгамъ по сравненію съ земской средой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно сравнить только интеллигентскія выступленія не съ выступленіями передового отряда земцевъ на земскомъ съѣздѣ 6—8 ноября, а съ земскими собраніями сессіи декабрь—январь 1904—1905 гг.

Въ цитированной уже статьѣ Бѣлоконскаго о земскомъ движеніи сгруппированы резолюціи, выдвинутыя въ 25 губ. земствахъ; присоединяя къ нимъ еще на основаніи корреспонденціи «Освобожденія» резолюціи Тамбовскаго и Пензенскаго собраній, хотя и не прочитанныя на собраніяхъ, но принятыя на частныхъ засѣданіяхъ гласныхъ, получаемъ выступленія огромнаго большинства земствъ (27 изъ 34-хъ) [1]). Какую же картину даютъ эти выступленія по сравненію съ

---

[1]) „Ист. Сб." с. 37—52, „Освоб." №№ 62 и 63.

банкетной компаніей? Мы видѣли, что *треть* интеллигентскихъ выступленій пошла дальше земскаго съѣзда, высказавшись за созывъ учредительнаго собранія и 44% выступленій стояли приблизительно на томъ же уровнѣ конституціонныхъ требованій, на которомъ стоялъ земскій съѣздъ, итого *больше* $^3/_4$ *выступленій по опредѣленности конституціонныхъ заявленій оказались или не ниже, или выше земскаго съѣзда.* Среди земскихъ выступленій не было ни одного съ требованіемъ Учред. Собранія и $^2/_3$ *оказались позади большинства земскаго съѣзда* [1]).

Что касается избирательнаго права, то тогда какъ *четвертая часть* интеллигентскихъ выступленій выдвинула четырехчленное избирательное право, среди 27 земскихъ собраній оно было выдвинуто *только на одномъ*—Саратовскомъ земскомъ собраніи; 21 земство ограничилось неопредѣленными заявленіями о «представительствѣ народа, земли или страны», 2 земства (Черниговское и Казанское) выдвинули «представительство земствъ» и 3 земства (Рязанское, Тульское и Калужское) совершенно не упомянули о народномъ представительствѣ.

Интересно при этомъ отмѣтить, что нѣкоторыя земскія собранія происходили уже послѣ 9 января, послѣ массоваго выступленія петербургскаго пролетаріата подъ лозунгомъ Учред. Собранія и четырехчленнаго избирательнаго права. Это выступленіе не заставило земскую среду демократизировать свои требованія. Интеллигентская среда, какъ мы увидимъ дальше, оказалась въ этомъ отношеніи гораздо болѣе чуткой.

Но и на протяженіи ноября—декабря 1904 г. можно уже замѣтить несомнѣнную эволюцію влѣво профессіональной имущей интеллигенціи. Такъ изъ 26 ноябрьскихъ выступленій, зарегистрированныхъ мною, только въ четырехъ случаяхъ выдвинута четырехчленная формула и только въ двухъ Учред. Собраніе на основѣ четырехчленной формулы, а *изъ 13 декабрьскихъ выступленій мы находимъ въ 7 случаяхъ четырехчленную формулу и въ 6—Учред. Собраніе на основѣ четырехчленной формулы.* Это значительное повышеніе % демократическихъ выступленій въ декабрѣ по сравненію съ ноябремъ не можетъ быть конечно объяснено случайностью. Въ это время, когда отсутствовали еще массовыя выступленія, пролетаріата, оно можетъ быть объяснено только давленіемъ той демократической массы, о которой я говорилъ выше, и въ которой, рядомъ съ передовыми рабочими и профессіоналами революціонныхъ организацій, очень видную роль играла учащаяся молодежь. И эта демократическая масса, выступавшая подъ преобладающимъ вліяніемъ соціалъ-демократической партіи, оказала на выступленія имущей интеллигенціи несомнѣнно огромное вліяніе. Шумомъ борьбы между нею и имущей интеллигенціей, можно сказать, было наполнено все банкетное движеніе. Во многихъ случаяхъ вмѣшательство въ банкетныя выступленія рабочихъ и профессіоналовъ революціи имѣло до-

---

[1]) Присоединились къ формулѣ земскаго съѣзда, или повторили ее 8 земскихъ собраній—Бессарабское, Вятское, Полтавское, Саратовское, Таврическое, Костромское, Тамбовское и Самарское; кромѣ того такой же характеръ имѣли—заявленіе 14 гласныхъ на Вологодскомъ собраніи и особое мнѣніе 16 гласныхъ въ Симбирскомъ.

вольно безтолковый характеръ. Но даже и такой характеръ выступленій нисколько еще не исключалъ давленія ихъ на массу интеллигенціи. Выступленія передовыхъ рабочихъ не могли не производить импонирующаго впечатлѣнія, такъ какъ можно было ожидать, что не сегодня, завтра за ними пойдетъ масса. Кромѣ того борьба за демократизацію банкетнаго движенія была въ то же время вездѣ и повсюду борьбой между «отцами» и «дѣтьми» интеллигенціи, такъ какъ учащаяся молодежь шла за революціонными организаціями и ихъ демократическими лозунгами. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ демократическимъ элементамъ удавалось подъ своимъ руководствомъ организовывать довольно импозантныя выступленія. Такіе тысячные митинги съ рѣзкими и опредѣленными демократическими резолюціями, которые мы отмѣчали выше въ Одессѣ и Саратовѣ, должны были производить сильное впечатлѣніе на все банкетное движеніе, толкая его влѣво. И по отдѣльнымъ крупнымъ городамъ мы можемъ прослѣдить, какъ поддавалась имущая интеллигенція этому давленію демократическихъ элементовъ. Въ Одессѣ, напр., банкету имущей интеллигенціи въ Благородномъ собраніи 20/XI предшествовалъ грандіозный революціонный митингъ 18/XI въ общ. охр. нар. здравія. На самомъ банкетѣ 20/XI при поддержкѣ части собранія выступилъ рабочій, сказавшій энергичную рѣчь отъ лица «пролетаріевъ, собравшихся внизу». И если, тѣмъ не менѣе, большинство, около 300 чел. изъ 400—500 присутствовавшихъ на собраніи, подписалось подъ земской резолюціей, то все-таки демократическимъ элементамъ удалось сгруппировать значительное меньшинство (116 подписей) вокругъ конкуррировавшей съ ней демократической резолюціи [1]).

Мы познакомились выше съ столкновеніемъ въ засѣданіи литературно-артистическаго общества въ Кіевѣ, сейчасъ же послѣ земскаго съѣзда на докладѣ о немъ Хижнякова, когда г. Водовозовъ пытался примирить резолюцію земскаго съѣзда съ требованіями передового пролетаріата. И, конечно, не случайно въ томъ же залѣ литературно-артистическаго общества банкетъ 20/XI, какъ бы желая показать своимъ примѣромъ, что между резолюціей земскаго съѣзда и демократическими требованіями нѣтъ противорѣчія, одновременно присоединяется къ резолюціи земцевъ и выдвигаетъ формулу Учред. Собранія на основѣ четырехчленнаго избирательнаго права.

Въ Харьковѣ столкновеніе 6/XI на засѣданіи юридическаго общества, вызвавши на первыхъ порахъ сильное озлобленіе въ рядахъ имущей интеллигенціи, въ то же время заставило ее считаться съ демократическими элементами, какъ съ силой, и рѣзко и опредѣленно поставило передъ ней вопросъ о выборѣ между робкими и далекими отъ демократизма заявленіями земцевъ и рѣшительными демократическими требованіями, за которыми не сегодня, завтра пойдетъ масса. Борьба, начатая такъ рѣзко въ засѣданіи юридическаго общества, продолжалась затѣмъ въ частныхъ сношеніяхъ, въ отдѣльныхъ совѣщаніяхъ интеллигенціи и чуть не въ каждой семьѣ между «отцами» и «дѣтьми». И этой борьбѣ, по крайней мѣрѣ въ значительной степени, слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что выступленія имущей харьковской интеллигенціи въ декабрѣ—на

---

[1]) „Искра“ № 79 и 80.

банкетѣ 5/XII и на засѣданіи обществ. библіотеки 11/XII, носили уже довольно опредѣленный и рѣшительный демократическій характеръ.

Тѣми же причинами, очевидно, объясняется и эволюція Петербурга. Изъ двухъ громадныхъ ноябрьскихъ митинговъ, какъ видѣли мы выше, одинъ (въ залѣ Павловой) выдвинулъ только Учред. Собраніе и умолчалъ объ избирательномъ правѣ, другой же присоединился къ резолюціи земцевъ. Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ—14 декабря въ той же залѣ Павловой, огромный банкетъ въ числѣ 780 человѣкъ счелъ своимъ долгомъ: «во-первыхъ, единодушно протестовать противъ войны, въ которую русское правительство вовлекло страну и которую оно ведетъ, не считаясь ни съ мнѣніемъ, ни съ интересами народа, и, во-вторыхъ, выразить наше глубокое непоколебимое убѣжденіе, что *вывести страну изъ теперешнихъ затрудненій лучше всего можетъ самъ народъ въ лицѣ свободно избранныхъ имъ на основаніи всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права представителей.* Самыя неотложныя сейчасъ нужды страны—это миръ и свобода». По словамъ корреспондента «Искры» (№ 82), на банкетѣ «присутствовало 30—40 рабочихъ, выставившихъ своихъ собственныхъ ораторовъ, которые произнесли весьма недурныя рѣчи». Вліянію этой группы и соціалъ-демократической интеллигенціи банкета корреспондентъ приписываетъ включеніе въ резолюцію опредѣленнаго указанія на необходимость всеобщаго, прямого и т. д. избирательнаго права, вмѣсто обычнаго на банкетахъ неопредѣленнаго выраженія «свободно выбранные представители всего народа».

Довольно рѣшительную демократическую резолюцію принялъ и банкетъ врачей въ числѣ 300 человѣкъ, собравшійся 18 декабря въ день основанія медико-хирургической академіи (амнистія и созывъ Учред. Собранія по четырехчленной формулѣ).

Но въ бочку демократическаго меду на этомъ банкетѣ попала и изрядная ложка дегтю. Въ предварительномъ проектѣ, выработанномъ организац. бюро, въ числѣ прочихъ свободъ стояла и свобода стачекъ, которую, вообще говоря, интеллигентскіе банкеты систематически опускали, но въ резолюціи, прочитанной на собраніи, ея не оказалось. Одинъ молодой врачъ упрекалъ коллегъ своихъ за это опущеніе, а также за отсутствіе въ резолюціи требованія прекращенія войны, выставленнаго рабочей партіей. Предсѣдатель собранія г. Елпатьевскій, началъ увѣрять, что свобода стачекъ уже содержится будто бы въ принятой резолюціи и что ее не зачѣмъ добавлять. Послѣ этого была предложена особая резолюція о стачкахъ, которая собраніемъ была отклонена [1]).

Съ этими двумя банкетами интересно сопоставить бывшій нѣсколько раньше (5 декабря) банкетъ инженеровъ всѣхъ спеціальностей въ залѣ Контана. На этомъ банкетѣ не было рабочихъ, демократическіе элементы интеллигенціи не вели борьбы за болѣе рѣшительную резолюцію, съ другой стороны въ составѣ этого банкета были гораздо сильнѣе представлены элементы крупной буржуазіи. По словамъ корреспондента «Освобожденія»—«среди собравшихся (485 лицъ) было 15 генераловъ, много владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій, предсѣдателей

---

[1]) „Искра" № 83.

правленій и директоровъ крупнѣйшихъ заводовъ Россіи» [1]). Естественно, что при такихъ условіяхъ, вмѣсто опредѣленнаго выставленія четырехчленной формулы избирательнаго права, банкетъ ограничился требованіемъ «предоставленія *всему народу* участія въ законодательствѣ черезъ свободно избранныхъ представителей», хотя довольно опредѣленно высказался за необходимость созыва Учред. Собранія, не употребляя впрочемъ этого термина.

Но если составъ этого банкета былъ причиной умолчанія о четырехчленной формулѣ избирательнаго права, то тотъ же составъ придалъ совершенно своеобразный колоритъ резолюціи банкета, выдѣливши ее изъ цѣлаго ряда другихъ интеллигентскихъ резолюцій. «Инженеры всѣхъ спеціальностей» выступили въ роли идеологовъ передовыхъ слоевъ буржуазіи. «Преуспѣяніе русской промышленности» является отправной точкой этой резолюціи. Резолюція начинается словами: «Собраніе, обсудивъ положеніе отечественной промышленности, единогласно пришло къ слѣдующему заключенію». Остановившись затѣмъ надъ вопросомъ о преуспѣяніи русской промышленности, банкетъ понятнымъ и убѣдительнымъ для буржуазіи языкомъ аргументируетъ необходимость для этого «преуспѣянія» политической свободы и конституціи. Преуспѣяніе это возможно, по мнѣнію банкета, «только на почвѣ широкаго развитія общественной и личной самодѣятельности». Необходимыми условіями такого развитія являются: полная неприкосновенность личности, свобода собраній и союзовъ, свобода слова и печати. Только при прочной гарантіи этихъ правъ достижимы распространеніе и углубленіе народнаго образованія, *безъ чего невозможно увеличеніе производительности труда.* Отсутствіе этихъ условій ведетъ къ упадку нашего высшаго образованія, *этой основы техническаго прогресса,* приводя ежегодно къ гибели сотни молодыхъ силъ, необходимыхъ для Россіи, отталкивая отъ университетовъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній лучшихъ представителей науки. Только при участіи общества въ законодательной работѣ достижима устойчивость какъ нашей экономической политики, такъ и политики въ области охраны труда, въ настоящее время подверженной безпрестаннымъ колебаніямъ и часто отражающей личные взгляды случайныхъ ея руководителей; *въ этомъ участіи главная гарантія равномѣрнаго удовлетворенія интересовъ всѣхъ общественныхъ классовъ.* Только контроль народныхъ представителей можетъ оберегать *соотвѣтствующее общенароднымъ интересамъ расходованіе народныхъ средствъ».* Этой аргументаціи, отъ начала до конца проникнутой интересами промышленности, соотвѣтствуетъ вполнѣ и заключеніе:

«Въ виду всего этого, собраніе *считаетъ неотложною необходимостью для дальнѣйшаго развитія русской промышленности:* открытіе обществу широкого поля для самодѣятельности, предоставленіе всему народу участія въ законодательствѣ»... и т. д. вплоть до требованія, какъ мы видѣли выше, созыва *Учредительнаго* Собранія [2]).

Намъ приходилось уже при анализѣ банкетнаго движенія касаться той крупной роли, которую даже кое-гдѣ на банкетахъ играла учащаяся молодежь,

---

[1]) „Освоб." № 62.
[2]) „Освоб." № 62.

т. е. прежде всего и больше всего студенчество. Идейная часть студенчества въ своемъ огромномъ подавляющемъ большинствѣ шла за революціонными партіями и вмѣстѣ съ передовыми элементами пролетаріата поддерживала рѣшительные демократическіе лозунги. Она дѣлала это не только путемъ бурнаго вмѣшательства въ солидныя выступленія «отцовъ», но и самостоятельно, вынося на своихъ сходкахъ резолюціи.

Такъ, еще въ началѣ Октября (11-го) сходка политехниковъ въ СПБ. въ своей резолюціи въ отвѣтъ на «довѣріе» странѣ, выраженное кн. Св.-Мирскимъ, выразила правительству недовѣріе и выставила требованіе «прекращенія войны и созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго избирательнаго права», приглашая все русское общество присоединиться къ этому требованію [1]).

Аналогичную резолюцію затѣмъ 18 октября приняла и сходка студентовъ университета въ Петербургѣ, заявивши въ ней кромѣ того о необходимости организаціи «въ самомъ близкомъ будущемъ общенародной демонстраціи».

Новая сходка, собравшаяся въ университетѣ 1 ноября въ количествѣ 1000 человѣкъ, подтвердила какъ старую резолюцію, такъ и свою «готовность активно поддержать свои требованія на общенародной демонстраціи, организованной въ ближайшемъ будущемъ революціонными партіями».

Въ началѣ ноября затѣмъ слушательницы СПБ. Женскаго Медицинскаго Института, собравшіяся въ количествѣ 553 человѣкъ по призыву Об. С.-Д. Орг. студ. СПБ., приняли слѣдующую резолюцію:

1. Требовать немедленнаго прекращенія войны (единогласно).

2. Немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія для всѣхъ гражданъ и гражданокъ, достигшихъ 20-ти лѣтняго возраста (единогласно).

3. Мы готовы подтвердить наши требованія участіемъ въ демонстраціи, устраиваемой соединенными революціонными партіями, или одной изъ нихъ... [2]).

Тождественную резолюцію съ этой приняли также студенты электро-техническаго института на сходкѣ 1 ноября [3]).

Болѣе скромную резолюцію приняли студенты Горнаго Института, ограничившіеся на сходкѣ 8-го ноября требованіями учредительнаго собранія на основѣ четырехчленной формулы и политической амнистіи [4]).

Наконецъ студенты военно-медицинской академіи приняли слѣдующую резолюцію: 1. требовать немедленнаго прекращенія войны; 2. требовать созыва Учредительнаго Собранія, выбраннаго на началахъ всеобщаго избирательнаго права, и 3. предъявить эти требованія открыто въ видѣ демонстраціи [5]).

2 же ноября «состоялась сходка различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, созванная соціалдемократическимъ комитетомъ, на которой присутствовало 400—500 человѣкъ. 213 голосами противъ 186 была признана гегемонія соціалдемократической партіи, но такъ какъ число лицъ, вотировавшихъ за общую

---

[1]) „Револ. Россія.“ № 56.

[2]) „Освобожденіе“ № 61.

[3]) Ib., № 61.

[4]) Ib., № 61.

[5]) Ib., № 61.

демонстрацію, но противъ гегемоніи соціалдемократовъ, было довольно значительно, то окончательная резолюція была составлена въ духѣ компромисса» [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ то время какъ на банкетахъ профессіональной интеллигенціи лозунги Учредительнаго Собранія и всеобщаго избирательнаго права встрѣчались въ ноябрѣ только какъ рѣдкое исключеніе, студенчество не только въ октябрѣ-ноябрѣ уже единодушно выдвигало эти лозунги, но выражало готовность и активно постоять за нихъ. И приведенныя нами резолюціи петербургскаго студенчества были только прелюдіей къ демонстраціи, которая, послѣ долгихъ колебаній и внутренней борьбы въ предѣлахъ соціалъ-демократической организаціи, была назначена ею на 28 ноября и была проведена исключительно силами студенчества. Колебанія и борьба среди организаторовъ этой демонстраціи привели къ тому, что демонстрація, назначенная уже на 28 ноября, за пять дней была отмѣнена, затѣмъ за два дня снова назначена. Окончательное рѣшеніе послѣдовало 26-го, въ пятницу вечеромъ. При такихъ условіяхъ распространеніе призывныхъ листковъ въ субботу среди рабочихъ дѣлалось невозможнымъ и участіе рабочихъ въ демонстраціи тѣмъ самымъ заранѣе исключалось. Такъ или иначе, но на демонстрацію 28 ноября рабочіе не явились, явившаяся же на нее учащаяся молодежь различныхъ учебныхъ заведеній была самымъ жестокимъ образомъ избита заранѣе приготовленными городовыми, жандармами и дворниками. По словамъ корреспондента «Впередъ», передъ ужасами этого избіенія поблѣднѣло казанское побоище 1901 года [2]).

Эта расправа вызвала дружный протестъ писателей, сотрудниковъ различныхъ петербургскихъ изданій. Напечатанный въ нелегальныхъ изданіяхъ, протестъ собралъ 113 подписей [3]).

Такого же типа демонстраціи имѣли мѣсто въ Москвѣ 5 и 6 декабря. Также, какъ на петербургской демонстраціи 28 ноября, тутъ отсутствовали рабочіе и также, какъ тамъ, учащаяся молодежь подверглась сильному избіенію.

На сходкѣ 7 декабря студенты московскаго университета выразили протестъ противъ этого избіенія, заканчивающійся словами: «Совѣщаніе единогласно признаетъ, что единственнымъ исходомъ изъ существующаго положенія и предупрежденіемъ подобныхъ событій является созывъ Учред. Собранія всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ». Вмѣстѣ съ этимъ было постановлено выразить протестъ противъ избіенія 5 и 6 дек. забастовкой съ примѣненіемъ обструкціи. Вслѣдъ за этимъ прекратились занятія, кромѣ университета, также въ Сельско-хозяйственномъ Институтѣ, въ Инженерномъ Училищѣ, на высшихъ женскихъ и на акушерскихъ курсахъ [4]).

Кромѣ Петербурга и Москвы уличныя студенческія демонстраціи происходили и въ другихъ университетскихъ городахъ, напр. въ Харьковѣ, Одессѣ, во

---

[1]) „Освоб.“ № 61.

[2]) Впередъ № 1.

[3]) Подписались члены редакціи и сотрудники „Русскаго Богатства“, „Міра Божьяго“, „Образованія“, „Новаго Пути“, „Правды“, „Вѣстника фабр. закон.“, „Права“, „Хозяина“, „Юриста“, „Экон. газеты“, „Сына отечества“, „Нашей жизни“, „Руси“ и др. пер. изданій. „Искра“ № 81.

[4]) „Рев. Россія“ № 57.

многихъ случаяхъ въ связи съ происходившими банкетами. Точно также и резолюціи съ требованіями прекращенія войны и созыва учред. собранія на основѣ четырехчленной формулы принимались на студенческихъ сходкахъ и въ другихъ университетскихъ городахъ, напр. въ Кіевѣ, на сходкахъ въ Политехникумѣ и Университетѣ [1]), въ Дерптѣ на общей сходкѣ студентовъ Университета и Ветеринарнаго Института [2]).

Вообще въ противоположность участникамъ банкетовъ учащаяся молодежь уже въ ноябрѣ дружно откликнулась на призывы революціонеровъ и сходками въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, также какъ уличными демонстраціями, поддержала выдвинутые ими лозунги прекращенія войны, Учред. Собранія, всеобщаго избирательнаго права. Теперь оставалось только сказать свое вѣское слово самому пролетаріату. И онъ сказалъ его 9 января.

2. Послѣ 9-го января.

Движеніе въ ноябрѣ-декабрѣ 1904 г. было по преимуществу движеніемъ «общества». «Народъ» въ этомъ движеніи принималъ слабое участіе. За него говорили революціонныя партіи изъ интеллигенціи, и ихъ поддерживали, кромѣ учащейся молодежи и неимущей интеллигенціи, только небольшіе передовые отряды рабочихъ. При такихъ условіяхъ было неудивительно, что земскій съѣздъ съ своими робкими и недостаточно демократическими требованіями занялъ центральное мѣсто въ движеніи ноября-декабря 1904 г. Скорѣй нужно удивляться тому, что и передовому меньшинству рабочихъ въ союзѣ съ учащейся молодежью уже въ концу этого періода, путемъ непрерывнаго вмѣшательства въ движеніе, удалось подвинуть значительно влѣво профессіональную интеллигенцію. Въ этомъ движеніи профессіональной интеллигенціи влѣво событіе 9 января должно было сыграть, конечно, рѣшающую роль. На 9 января, поддержанное стачечнымъ движеніемъ пролетаріата во всей Россіи, изъ интеллигенціи сильнѣе всего откликнулась учащаяся молодежь.

Одно за другимъ начали повсюду закрываться высшія учебныя заведенія въ цѣляхъ протеста противъ кровавой расправы съ безоружной массой 9 января, въ цѣляхъ поддержки требованій, выдвинутыхъ пролетаріатомъ. Къ началу февраля, за рѣдкими исключеніями, закрылись почти всѣ высшія учебныя заведенія Россіи. Движеніе студенчества было настолько единодушнымъ и захватывающимъ, что въ немъ приняли участіе даже духовныя академіи, которыя до сихъ поръ никогда не принимали участія въ движеніи. Такъ «26 января въ духовной академіи въ Петербургѣ состоялась сходка, на которой большинствомъ 108 голосовъ противъ 30, при 3-хъ воздержавшихся, постановлено войти въ собраніе профессоровъ академіи съ ходатайствомъ о временной пріостановкѣ учебныхъ занятій» [3]).

Сходныя постановленія были приняты: студентами кіевской дух. академіи

---

[1]) „Искра“ № 79.

[2]) „Освобожд.“ № 61.

[3]) „Право“ за 1905 г., № 4.

*

на сходкѣ 31 января, большинствомъ 132 голосовъ противъ 23-хъ [1]) и студентами казанской духовной академіи на сходкѣ 24 января, большинствомъ 105 противъ 35, при 5 воздержавшихся [2]). Въ московской духовной академіи послѣ цѣлаго ряда сходокъ студенты обратились къ ректору академіи со слѣдующей петиціей: «взволнованные современными событіями и охваченные настоящимъ освободительнымъ движеніемъ, доводимъ до свѣдѣнія вашего преосвященства, что мы не имѣемъ ни физической, ни нравственной возможности продолжать свои занятія, и просимъ совѣтъ профессоровъ академіи войти въ святѣйшій синодъ съ ходатайствомъ о временномъ прекращеніи лекцій» [3]).

Само собою разумѣется, что другія высшія учебныя заведенія никакихъ ходатайствъ ни передъ кѣмъ не возбуждали, а просто самовольно прекращали занятія повсюду огромнымъ большинствомъ голосовъ и почти вездѣ до 1 сентября. Въ качествѣ необычныхъ участниковъ студенческаго движенія интересно отмѣтить въ Спб.—академію художествъ, консерваторію, статистическіе курсы мин. вн. дѣлъ, историко-филологическій институтъ.

Чрезвычайно крупной особенностью движенія высшихъ учебныхъ заведеній была на этотъ разъ довольно дружная поддержка движенія профессорскимъ персоналомъ. Впереди идутъ опять два совѣта политехникумовъ—спб. и кіевскаго, которые и во время банкетной кампаніи выступили съ довольно опредѣленными конституціонными заявленіями.

Совѣтъ спб. политехническаго института по поводу событій 9 января сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

«Изъ семьи спб. политехническаго института насильственной смертью вырванъ одинъ изъ ея членовъ, студентъ Н. В. Савинкинъ, застрѣленный 9 января у Александровскаго сада. Савинкинъ является одной изъ многихъ жертвъ расправы надъ мирно настроенной безоружной толпой. Потрясенный и возмущенный событіями 9 января, показавшими, что въ Россіи не обезпечена даже самая жизнь мирныхъ гражданъ, совѣтъ выражаетъ свое глубокое негодованіе по поводу массоваго разстрѣливанія, жертвой котораго сдѣлался и питомецъ института. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтъ находитъ, что при настоящихъ условіяхъ веденіе учебныхъ занятій представляется безусловно невозможнымъ. На основаніи вышеизложеннаго совѣтъ постановилъ: 1) довести до свѣдѣнія г. министра финансовъ объ отношеніи совѣта къ событіямъ 9 января, 2) учебныя занятія въ институтѣ прекратить» [4]).

Это постановленіе принято было вскорѣ послѣ 9 января. Въ концѣ февраля (23-го) совѣтъ другого политехникума, кіевскаго, въ отвѣтъ на безплодныя стремленія министерства добиться возобновленія занятій, дѣлаетъ слѣдующее категорическое и рѣшительное заявленіе: «въ результатѣ объективнаго разсмотрѣнія всѣхъ общихъ и частныхъ причинъ закрытія института совѣтъ приходитъ къ заключенію, что всѣ попытки возобновленія занятій обречены на неудачу,

---

[1]) Ib., № 6.
[2]) Ib., № 7.
[3]) Ib., № 8.
[4]) „Освобожденіе“ № 65.

пока не будетъ приступлено къ кореннымъ реформамъ государственнаго устройства» [1])...

Аналогичное рѣшеніе принялъ совѣтъ новороссійскаго университета, заявивши министру нар. просв., что, по его мнѣнію, принятому большинствомъ 49 голосовъ, противъ 18—«студенческія волненія не прекратятся окончательно до тѣхъ поръ, пока у молодежи не появится твердая увѣренность въ коренной реформѣ государственнаго строя» [2]).

О необходимости «общей реформы нашего государственнаго строя» говоритъ также постановленіе совѣта харьковскаго университета въ началѣ февраля [3]).

Еще болѣе энергично выступаютъ профессора дерптскаго университета, которые, подобно совѣту спб. политехникума, большинствомъ 33 противъ 6 просто постановляютъ прекратить занятія до 1 сентября [4]).

Такое же рѣшеніе 3 февраля принимаетъ собраніе 105 приватъ-доцентовъ и лаборантовъ спб. университета всѣми голосами, противъ четырехъ [5]).

Атмосфера всеобщаго возбужденія вмѣстѣ съ студенчествомъ захватываетъ и воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Рядомъ съ «отцами» начинаютъ выступать уже дѣти не въ переносномъ, а прямомъ смыслѣ этого слова. Изъ разныхъ концовъ Россіи—изъ Саратова, Рыбинска, Нижняго-Новгорода, Николаева, Херсона, Одессы, Тифлиса, Варшавы, Кѣлецъ, Царскаго Села, Курска, Минска, Казани, Баку, Пскова, Вологды, Рязани, Ярославля, Батума, Тамбова, Кутаиса, Уфы и другихъ городовъ получаются свѣдѣнія о забастовкахъ среднихъ учебныхъ заведеній, объ уличныхъ манифестаціяхъ ихъ воспитанниковъ, о безпощадныхъ избіеніяхъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиціей. Наиболѣе жестоко расправилась полиція съ учащимися въ Курскѣ. Заранѣе были организованы мясники, краснорядцы, мелкіе лавочники и всякій базарный сбродъ. Самое избіеніе одинъ корреспондентъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «бьютъ учениковъ по лицу и куда попало. Тѣ подъ ударами падаютъ на землю, ихъ поднимаютъ за волосы и ударами опять сшибаютъ съ ногъ, топчутъ ногами (пудовыми мужицкими сапогами). Одного гимназиста 11-ти лѣтъ, уже сбитаго съ ногъ, стражникъ схватываетъ за волосы и бьетъ головой о мостовую... Убѣгающихъ били нагайками. Одинъ окол. надзиратель обнаженной шашкой разрубилъ одному гимназисту лицо, другому—пальто» [6]).

Само собою разумѣется, что подобнаго рода мѣры усмиренія вызывали сильнѣйшее возбужденіе какъ среди учащихся, такъ и среди общества, и извѣстія объ этихъ избіеніяхъ давали только толчокъ къ возникновенію движенія учащихся въ другихъ городахъ.

Во многихъ случаяхъ это движеніе сопровождалось болѣе или менѣе опредѣленными политическими заявленіями. Такъ, напримѣръ, въ Саратовѣ была опубликована резолюція *за подписью болѣе 700 учащихся*, въ которой гово-

---

[1]) „Сынъ От." № 16.
[2]) „Право" № 5.
[3]) Ib., № 6.
[4]) Ib., № 5.
[5]) „Право" № 5.
[6]) Ib., № 8.

рится: «мы, нижеподписавшіеся, выражаемъ глубокое чувство негодованія и возмущенія, которое вызвалъ въ насъ фактъ... насилія надъ нашими товарищами въ Курскѣ, Вологдѣ, Псковѣ, Баку и др. городахъ. Избитые «черной сотней», наши товарищи увеличили собой скорбный списокъ жертвъ, приносимыхъ русскимъ обществомъ современному порядку». Заканчивается резолюція выраженіемъ надежды, что «не далекъ тотъ день, когда произволъ и насиліе должны будутъ отойти въ область невозвратнаго прошлаго» [1]).

Въ Ярославлѣ похороны гимназиста 5-го класса, покончившаго самоубійствомъ послѣ столкновенія съ учителемъ, превратились въ настоящую политическую манифестацію. Особенно бурное теченіе имѣли волненія среднихъ учебныхъ заведеній на Кавказѣ. Въ Кутаисѣ толпа гимназистовъ и реалистовъ въ количествѣ 800 двигалась по улицѣ съ пѣніемъ марсельезы. Въ Баку тысячная толпа учащейся молодежи устроила уличную манифестацію съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ [2]).

Учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, подобно студентамъ, принимали также резолюціи съ опредѣленными демократическими требованіями.

Такъ, «учащіеся въ николаевскомъ техническомъ училищѣ громаднымъ большинствомъ голосовъ постановили прекратить занятія до 1 сентября 1905 г. и выразить свою солидарность съ постановленіями студентовъ и съ резолюціями казанскаго, саратовскаго, новозыбковскаго и варшавскаго техническихъ училищъ, херсонскаго сельскохозяйственнаго и другихъ учебныхъ заведеній относительно вопросовъ о прекращеніи войны, созыва учредительнаго собранія по принципу всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ и относительно вопросовъ о свободѣ печати, слова, собраній, союзовъ и свободы личности».

Такъ реагировали «дѣти» интеллигенціи вплоть до дѣтей въ буквальномъ смыслѣ этого слова на событіе 9 января. Не менѣе сильное дѣйствіе это событіе и вызванная имъ всероссійская забастовка рабочихъ оказали и на «отцовъ», на массу профессіональной интеллигенціи съ обезпеченнымъ общественнымъ положеніемъ.

Вскорѣ послѣ 9 января среди общества было распространено воззваніе, напечатанное затѣмъ въ «Освобожденіи» и по своему характеру явно исходившее изъ среды освобожденцевъ. Въ этомъ воззваніи разсказывается, что наканунѣ дня 9 января, 8-го вечеромъ, «депутація петербургскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей вмѣстѣ съ представителемъ рабочихъ отправилась къ министру внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателю комитета министровъ, отправилась съ тѣмъ, чтобы лишній разъ предупредить власти о мирномъ характерѣ предполагаемаго обращенія къ царю и о той громадной отвѣтственности, какую возьметъ на себя правительство, встрѣтивъ рабочихъ безпричиннымъ насиліемъ». Разсказывали о мытарствахъ этой депутаціи, о томъ, что кн. Св.-Мирскій ее не принялъ, а Витте сослался на свое безсиліе, и затѣмъ, достойнымъ образомъ характеризуя событіе 9 января, воззваніе заявляетъ, что «*съ требованіями петербургскихъ рабочихъ*

---

[1]) „Искра" № 96.

[2]) „Впередъ" № 15.

русское общество солидарно», добавляя при этомъ, что «два мѣсяца тому назадъ такія же въ основѣ своей требованія были заявлены на земскомъ съѣздѣ представителями всей земской Россіи». Заканчивается воззваніе призывомъ ко «всѣмъ живымъ силамъ русскаго общества», «придти на помощь рабочимъ, встать на борьбу за общенародное дѣло». [1]).

Вечеромъ 9 января масса интеллигенціи собралась въ Вольно-экономическомъ обществѣ. По свѣдѣніямъ англійской газеты «The Daily Telegraph» собралось около 1.000 человѣкъ. На собраніи было прочитано и подписано 459 лицами «воззваніе къ офицерамъ», въ которомъ заявляется, что «изъ трудныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находится страна, есть только одинъ выходъ. Только самъ народъ можетъ излѣчить свои недуги и заживить свои глубокія раны. Для этого же Россійскому государству нуженъ новый основной законъ: Россіи нужна конституція. Земскіе представители и городскія думы, русская интеллигенція и русское купечество, учащаяся молодежь и рабочія массы не только сознали, но уже формулировали эту основную потребность. Охватившее всѣхъ чувство такъ сильно, что его не смогли сдержать никакія преграды. Оно и прорвалось и прорывается несмотря на всѣ кары. Оно не потухнетъ, хотя бы его много разъ старались залить кровью». Указывая затѣмъ, что кровопролитіе 9-го января было отвѣтомъ на мирный актъ рабочихъ, воззваніе оканчивается обращеніемъ къ офицерамъ [2]).

Говоря о студенческомъ движеніи, мы отмѣчали уже смѣлое выступленіе Совѣта СПБ. политехникума. Подобно Совѣту СПБ. политехникума различныя собранія, происходившія послѣ 9 января, выразили рѣзкій протестъ противъ кровопролитія, устроеннаго правительствомъ. Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе рѣшительныхъ заявленій было постановленіе, принятое Императорскимъ московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства: «Считая невозможнымъ пройти молчаніемъ современныя событія, Императорское моск. общ. сельск. хозяйства въ общемъ собраніи 14 янв. 1905 г. постановило:

1) Выразить свое глубокое негодованіе по поводу безчеловѣчнаго произвола, сказавшагося въ избіеніи безоружной толпы рабочихъ, желавшихъ заявить мирнымъ путемъ о своихъ человѣческихъ правахъ и о своихъ насущныхъ нуждахъ.

2) Признать, что единственнымъ выходомъ изъ современнаго положенія можетъ быть лишь немедленный созывъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

3) Настоящее постановленіе сообщить всѣмъ губернскимъ, уѣзднымъ земскимъ управамъ, всѣмъ городскимъ думамъ, волостнымъ правленіямъ и всѣмъ сельскохозяйственнымъ обществамъ» [3]).

Резолюція, принятая въ Москвѣ же помощниками присяжныхъ повѣренныхъ на собраніи 11 января, кромѣ протеста противъ кровопролитія 9 января, выражаетъ еще убѣжденіе, что послѣ этого кровопролитія «всѣ мирныя средства

---

[1]) „Освобожденіе“ № 65.

[2]) „Впередъ“ № 5, „Рев. Россія“ № 60.

[3]) „Право“ за 1905 г. № 8.

борьбы народа за право и жизнь уже исчерпаны» [1]). Такимъ же настроеніемъ была проникнута и резолюція присяжныхъ повѣренныхъ въ Москвѣ, принятая на собраніи 20 января [2]).

И долго еще, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, интеллигентскія собранія, происходившія въ разныхъ концахъ Россіи возвращались вновь и вновь къ этому кровавому столкновенію правительства съ народомъ. Такъ, напр., бурное засѣданіе Общества грамотности въ Харьковѣ, происходившее ровно черезъ *три* мѣсяца послѣ 9 янв. (9 апр.), «открылось горячей рѣчью, посвященной памяти убитыхъ 9 января» [3]).

Изъ приведенныхъ уже заявленій интеллигенціи видно, какимъ сильнымъ, революціонизирующимъ образомъ подѣйствовало на нее событіе 9 января. Вмѣстѣ съ этимъ, оно заставило интеллигенцію стать на почву тѣхъ рѣшительныхъ демократическихъ требованій, которыхъ она въ своей массѣ еще не рѣшалась принять въ ноябрѣ 1904 г. Тогда для нея путеводной звѣздой былъ земскій съѣздъ 6—8 ноября и, слѣдуя его примѣру, почти всѣ ноябрьскія интеллигентскія собранія совершенно обходили вопросъ объ избирательномъ правѣ и, за немногими исключеніями, не упоминали о необходимости созыва учредительнаго собранія.

Энергичное давленіе передовыхъ слоевъ рабочихъ, ихъ идеологовъ и учащейся молодежи уже въ декабрѣ заставило значительную часть профессіональной интеллигенціи заговорить болѣе рѣшительнымъ демократическимъ языкомъ. Событіе же 9 января и вызванное имъ всероссійское массовое движеніе пролетаріата сыграли въ этомъ отношеніи окончательную рѣшающую роль. Ярче всего эта эволюція въ сторону демократизма бросается въ глаза среди самого живого интеллигентскаго слоя—адвокатовъ.

Въ ноябрѣ взоры адвокатовъ явно обращены въ сторону земскаго съѣзда и вообще земцевъ, тамъ они видятъ сформировавшуюся силу и съ ней считаютъ необходимымъ солидаризироваться. Къ голосу идеологовъ пролетаріата они остаются глухими. И вотъ собраніе прис. повѣренныхъ и ихъ помощниковъ въ СПБ. 21 ноября повторяетъ резолюціи земскаго съѣзда, собраніе московскихъ адвокатовъ 20 ноября говоритъ неопредѣленно о «представительномъ правленіи», собраніе кіевскихъ адвокатовъ (обѣдъ 20 ноября) ограничивается еще болѣе неопредѣленнымъ требованіемъ «представительнаго собранія на основаніи выборнаго начала», а въ Харьковскомъ юридическомъ обществѣ, большинство членовъ котораго составляли присяжные повѣренные, проф. Гредескулу удается еще 18 декабря добиться единогласно присоединенія къ земскимъ резолюціямъ, послѣ того, какъ тотъ же Гредескулъ съ тѣмъ же предложеніемъ потерпѣлъ пораженіе на засѣданіи членовъ Харьковской обществ. библіотеки 11 декабря, принявшемъ рѣшительную демократическую резолюцію. Послѣ 9 января картина рѣзко измѣняется.

Собраніе прис. повѣренныхъ Моск. округа отъ 20 янв. 1905 г., заявивши «о чувствѣ глубокаго ужаса» по поводу кровопролитія 9 янв., выражаетъ «готовность

---

1) „Впередъ" № 6.
2) „Впередъ" № 9.
3) „Впередъ" № 17.

бороться за требованіе русскаго народа — созывъ учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избранія представителей». Постановленіе это принимается единогласно безъ преній, о чемъ и заносится въ протоколъ собранія [1]).

Аналогичное рѣшеніе принимаетъ также общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ округа Харьковской суд. палаты 13 февр. Заявивши, подобно московскимъ адвокатамъ, «о чувствѣ глубокаго ужаса, охватившемъ всѣхъ при извѣстіи о пріемахъ подавленія демонстрацій 9 января», собраніе харьковскихъ адвокатовъ заявляетъ далѣе «о необходимости немедленнаго созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, тайнаго, равнаго и прямого голосованія» [2]).

28 февраля общее собраніе петербургскихъ помощниковъ прис. повѣренныхъ, остановившись надъ рѣшеніемъ вопросовъ, вытекающихъ изъ Высочайшихъ указа и рескрипта 18 февраля, выразило пожеланіе, чтобы задача особаго совѣщанія, предусмотрѣннаго рескриптомъ 18 февраля, была ограничена выработкой закона о созывѣ учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія [3]).

9 марта собраніе СПБ. присяжныхъ повѣренныхъ принимаетъ аналогичное постановленіе: «чтобы единственною и настоятельною задачею этого особаго совѣщанія была выработка избирательнаго закона для выборовъ въ учредит. собраніе на основаніи всеобщаго избирательнаго права, безъ различія національности и религіи, путемъ равной, прямой и тайной подачи голосовъ» [4]).

Къ этому мнѣнію петербургскихъ адвокатовъ присоединяются затѣмъ присяжные повѣренные московскіе [5]) и саратовскіе [6]).

По поводу того-же булыгинскаго совѣщанія общее собраніе кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ заявляетъ: «необходимъ созывъ народнаго учредительнаго собранія, свободно избраннаго населеніемъ путемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ [7]).

Наконецъ, то же самое харьковское юридическое общество подъ предсѣдательствомъ того же проф. Гредескула, которое 18 декабря 1904 г. единогласно присоединилось къ земской резолюціи, 19 марта 1905 г., выразивши отрицательное отношеніе къ булыгинскому совѣщанію, единогласно принимаетъ резолюцію съ требованіемъ всѣхъ свободъ и созыва учредительнаго собранія, избраннаго всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ.

Такая же эволюція наблюдалась и среди другихъ интеллигентскихъ слоевъ, какъ это видно изъ тѣхъ платформъ, которыя принимались интеллигентскими союзами, одинъ за другимъ возникавшими въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ 1905 года. Если мы сопоставимъ платформы этихъ союзовъ съ тѣми резолюціями, которыя выносились на ноябрьскихъ интеллигентскихъ банкетахъ, то замѣтимъ громад-

---

1) „Впередъ“ № 9.
2) „Право“ 1905 г. № 9.
3) „Право“ № 9, „Сынъ От.“ № 16.
4) „Право“ №10
5) „Впередъ“ № 17.
6) „Право“ № 13.
7) „Ib.“ № 14.

ный прогрессъ въ смыслѣ демократизаціи интеллигентскаго движенія. На предварительномъ совѣщаніи делегатовъ 14 всероссійскихъ профессіональныхъ союзовъ [1]), положившемъ начало образованію Союза Союзовъ, была произведена сводка политическихъ платформъ всѣхъ союзовъ и совѣщанію нужно было сдѣлать только небольшую натяжку, чтобы придти къ заключенію, что «*въ своихъ основаніяхъ всѣ эти платформы сходятся и всѣ союзы высказываются за необходимость немедленнаго созыва учредительнаго собранія народныхъ представителей, избираемыхъ всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ*» [2]). И, дѣйствительно, только платформа академическаго союза, сознательно, повидимому, умалчивая о прямомъ избирательномъ правѣ, стоитъ въ противорѣчіи съ этой объединяющей формулой, въ общемъ же требованіе учредительнаго собранія на основѣ четырехчленной формулы становится явно преобладающей нотой во всемъ интеллигентскомъ движеніи. Отъ интеллигенціи оно перебрасывается къ съѣздамъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, къ этому передовому авангарду владѣльческой оппозиціи, но масса буржуазіи и землевладѣльцевъ остается совершенно чуждой этому лозунгу, своей неподвижностью, а потомъ движеніемъ вправо рѣзко подчеркивая особую роль въ общественномъ движеніи профессіональной интеллигенціи, непрерывно, вплоть до декабрьскаго возстанія лѣвѣющей подъ вліяніемъ ростущаго рабочаго движенія.

3. Образованіе интеллигентскихъ союзовъ и ихъ платформа.

Интеллигентскіе союзы образовались не въ тиши, не въ подпольѣ. Они возникли явочнымъ порядкомъ, въ явное нарушеніе существующихъ правилъ и узаконеній, внося самымъ фактомъ своего образованія дезорганизацію въ существующій государственный порядокъ. Кромѣ того «записки» представителей различныхъ интеллигентскихъ профессій, служившія исходной точкой для образованія союзовъ, также какъ первые делегатскіе съѣзды союзовъ, происходившіе въ мартѣ и апрѣлѣ 1905 г., были сами по себѣ явнымъ открытымъ нападеніемъ на тогдашній государственный порядокъ, а вторые, кромѣ того, и отвѣтомъ на жалкія попытки правительства выйти изъ кризиса путемъ булыгинскаго законосовѣщательнаго собранія.

Чтобы оцѣнить вполнѣ крупное значеніе выступленія организованной интеллигенціи послѣ 9 января, слѣдуетъ принять во вниманіе, что если интеллигентскіе союзы шли *за* петербургскимъ пролетаріатомъ, вырабатывая свои платформы подъ несомнѣннымъ вліяніемъ требованій, выдвинутыхъ петербургскими рабочими 9 января, то въ то же время они шли пока еще *впереди* рабочей массы остальной Россіи (кромѣ окраинъ), движеніе которой послѣ 9 янв. носило еще чрезвычайно неопредѣленный политическій характеръ. Остановимся же по-

---

[1]) Академическаго, адвокатовъ, агрономовъ и статистиковъ, врачей, ветеринаровъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, журналистовъ и писателей, земскихъ дѣятелей, союза женскаго равноправія, союза для достиженія равноправія евреевъ въ Россіи, инженеровъ, конторщиковъ и бухгалтеровъ, учителей и фармацевтовъ.

[2]) „Право“ № 20.

дробнѣе надъ процессомъ образованія и первыми выступленіями главнѣйшихъ интеллигентскихъ союзовъ.

А) Всероссійскій союзъ адвокатовъ.

Цѣлый рядъ выступленій адвокатуры въ различныхъ городахъ съ января по мартъ, выступленій, которыхъ мы коснулись въ предыдущей главѣ, закончился всероссійскимъ выступленіемъ адвокатовъ на первомъ делегатскомъ съѣздѣ 28—30 марта. Рѣшеніе о созывѣ этого съѣзда въ цѣляхъ основанія союза было принято на собраніи петербургскихъ адвокатовъ 30 января [1]).

Первое засѣданіе адвокатскаго съѣзда открылось въ помѣщеніи Вольно-Экономическаго Общества, но въ засѣданіе былъ введенъ нарядъ полиціи и, въ виду этого, предсѣдатель, уступая силѣ, былъ вынужденъ закрыть засѣданіе. Второе засѣданіе происходило на частной квартирѣ, туда явился полицейскій приставъ и предъявилъ «требованіе градоначальника разойтись и сообщить списокъ присутствующихъ». Собраніе отклонило требованіе разойтись, списокъ же передало полиціи. Послѣ этого собраніе продолжалось и безпрепятственно закончилось. На третье засѣданіе снова было предъявлено приставомъ требованіе генералъ-губернатора «прекратить засѣданіе и разойтись». Это требованіе было сново отклонено собраніемъ. Приставъ заявилъ, что принужденъ будетъ ввести нарядъ полиціи, но угрозы своей не привелъ въ исполненіе и съѣздъ безпрепятственно закончилъ свои засѣданія [2]).

Засѣданія съѣзда носили очень бурный характеръ.

Соціалдемократическая группа пыталась толкнуть съѣздъ на прямой революціонный путь. Резолюція, предложенная однимъ изъ кавказскихъ делегатовъ отъ лица Ц. К. Р. С. Д. Р. П., призывала адвокатовъ къ «всестороннему обслуживанію пролетаріата въ дѣлѣ подготовки всенароднаго возстанія». Съѣздъ адвокатовъ такъ далеко не склоненъ былъ идти. Но въ первоначальной резолюціи, принятой съѣздомъ, среди другихъ стояли пункты о «матеріальной и нравственной поддержкѣ революціоннымъ партіямъ» (п. 2) и о «содѣйствіи вооруженію населенія» (п. 4). Затѣмъ на съѣздѣ возникли колебанія и, чтобы «не доставить удовольствія прокурорскому надзору», какъ выразился одинъ изъ участниковъ съѣзда, были выкинуты сперва п. 4, а потомъ п. 2. Пунктъ 2 былъ при этомъ выкинутъ только незначительнымъ большинствомъ голосовъ—62-мя противъ 59. Но затѣмъ, чтобы предотвратить выходъ со съѣзда 11 членовъ (8 соц.-дем. и 3 радикаловъ), съѣздъ принялъ слѣдующую компромисную резолюцію: «Признавая громадное культурное и политическое значеніе дѣятельности революціонныхъ партій, съѣздъ адвокатовъ высказываетъ свою полную солидарность съ ними въ стремленіяхъ установить въ Россіи новый государственный порядокъ на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права» [3]).

Задачу образуемаго союза съѣздъ сформулировалъ слѣдующимъ образомъ: «Съѣздъ провозглашаетъ учрежденіе всероссійскаго союза адвокатуры съ цѣлью объединенія общественно—профессіональной дѣятельности адвокатуры и достиженія

---

1) „Памятникъ эпохи 17 окт.“ („Спутникъ избирателя“) с. 156.

2) „Освобожденіе“ № 69—70.

3) „Искра“ № 100.

политическаго освобожденія Россіи на началахъ демократической конституціи» [1]).

Съѣздъ затѣмъ призналъ «необходимой пропаганду союзомъ въ широкихъ кругахъ населенія идеи созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія и учрежденія демократической конституціи» (п. 7) и призналъ «желательной пропаганду въ широкихъ слояхъ населенія идеи пассивнаго сопротивленія правительству путемъ отказа уплачивать налоги и повинности» (п. 11) [2]).

Б) Всероссійскій союзъ медицинскаго персонала.

Въ интеллигентскомъ движеніи врачи играли чрезвычайно крупную роль, они имѣютъ, пожалуй, наибольшія права на званіе передового авангарда интеллигенціи. На Пироговскихъ съѣздахъ они и до образованія союза выступали въ качествѣ объединенной силы. Еще до эпохи довѣрія, при господствѣ Плеве, въ январѣ 1904 года Пироговскій Съѣздъ бросилъ вызовъ бюрократическому режиму, признавши при его существованіи невозможнымъ бороться съ заболѣваемостью и смертностью населенія [3]). Пироговскій же съѣздъ врачей, происходившій въ Москвѣ 21—24 марта 1905 года, выработалъ въ послѣдній день съѣзда платформу союза врачей и уставъ организаціи.

Этотъ Пироговскій съѣздъ, изъ котораго родился союзъ медицинскаго персонала, былъ не менѣе яркимъ и выдающимся явленіемъ въ мартѣ 1905 г., чѣмъ въ свое время былъ предыдущій Пироговскій съѣздъ.

«Пироговскій съѣздъ, пишетъ корреспондентъ газеты «Впередъ», превзошелъ всякія ожиданія, не говоря уже о результатахъ въ видѣ резолюціи, которая является, ни больше, ни меньше, какъ «программой минимумъ». Этотъ фактъ, совершенно вѣрно заключаетъ корреспондентъ, показываетъ, «насколько наше «общество» подвинулось влѣво за какихъ нибудь 3—4 мѣсяца со времени банкетовъ». По словамъ корреспондента, народу на засѣданіи присутствовало больше 3000 чел. «Надо было видѣть этотъ митингъ, продолжаетъ корреспондентъ: народу видимо-невидимо, стоятъ всѣ такъ тѣсно, что яблоку упасть негдѣ, воодушевленіе необыкновенное»... Закончилось послѣднее засѣданіе революціонными возгласами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ [4]).

Резолюція-платформа, принятая Пироговскимъ съѣздомъ, начинается съ энергичнаго заявленія, что «никакая культурная и мирная работа невозможна при существующемъ строѣ, что политика нашего правительства, политика безграничнаго административнаго произвола, безконтрольнаго хозяйничанья въ финансахъ, завоевательныхъ авантюръ ввергла уже нашу родину въ ужасающую по своимъ размѣрамъ нищету, залила поля далекой Манчжуріи потоками дорогой намъ крови. Не мало также пролито крови массовымъ убійствомъ гражданъ на улицахъ С.-Петербурга, Варшавы, Баку, Риги, Курска и др. городовъ». Въ виду этого Пироговскій съѣздъ «заявляетъ о *необходимости врачамъ сорганизо-*

---

[1]) В. Ивановичъ. Россійскія партіи, союзы и лиги—с. 186.

[2]) В. Ивановичъ, с. 186—187.

[3]) См. мою статью въ I т. „Общ. движ.“.

[4]) „Впередъ“ № 15.

ваться для энергичной борьбы рука объ руку съ трудящимися массами противъ бюрократическаго строя для полнаго его устраненія и *за созывъ учредительнаго собранія*. Это собраніе должно быть созвано на основаніяхъ *всеобщаго, равнаго и тайнаго* голосованія, безъ различія пола, вѣроисповѣданія, національности, *при условіи немедленнаго прекращенія войны*, передачи полиціи въ руки общественныхъ учрежденій и предварительнаго проведенія въ жизнь началъ неприкосновенности личности и жилищъ, свободы совѣсти, слова, печати, собраній, союзовъ, *стачекъ* и освобожденія всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія». На этотъ разъ, какъ мы видимъ, врачи не забыли, подобно ихъ петербургскимъ коллегамъ на банкетѣ 18 декабря, предъявить требованіе о прекращеніи войны, и сочли нужнымъ внести требованіе свободы стачекъ, которое банкетъ 18 декабря, несмотря на настойчивыя требованія представителей пролетаріата, отказался внести въ свою резолюцію [1]).

Въ качествѣ необходимыхъ соціальныхъ реформъ резолюція выдвигаетъ: прогрессивно-подоходный налогъ, надѣленіе крестьянъ землей за счетъ государственныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ земель, 8-часовый рабочій день, минимумъ заработной платы, государственное страхованіе отъ болѣзней, старости, инвалидности и безработицы [2]).

В) Всероссійскій союзъ инженеровъ и техниковъ.

Если адвокаты, врачи, профессора, писатели въ своихъ первыхъ выступленіяхъ колебались между стремленіемъ сохранить солидарность съ земской средой и тяготѣніемъ къ единству дѣйствій съ рабочей массой, то инженеры въ силу своей роли въ промышленности колебались между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Въ первой главѣ мы познакомились съ очень характерной резолюціей, принятой на банкетѣ 5 декабря, на которомъ положено было начало и образованію союза инженеровъ [3]). Исходной точкой этой резолюціи были интересы промышленности, во имя ихъ резолюція требовала преобразованія государственнаго строя, причемъ въ своихъ конституціонныхъ требованіяхъ совершенно умалчивала о характерѣ избирательнаго права.

Чрезвычайно характерна также въ этомъ отношеніи принятая на собраніяхъ 13 и 14 янв. и представленная 23 янв. предсѣдателю комитета министровъ, С. Ю. Витте, «Записка 198 инженеровъ», подъ которой подписалось, въ концѣ концовъ, болѣе 800 человѣкъ, и которая служила вмѣстѣ съ резолюціей банкета 5 декабря первоначальной платформой, вокругъ которой объединялись инженеры въ свой союзъ [4]).

Почти одновременно съ этой запиской была изготовлена записка московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, которая была прочитана и въ собраніи петербургскихъ фабрикантовъ въ количествѣ болѣе 200 человѣкъ и покрыта тамъ несмолкаемыми аплодисментами [5]). И если мы сравнимъ обѣ эти записки, инже-

---

[1]) См. объ этомъ раньше, въ первой главѣ.

[2]) „Право“ № 14.

[3]) На банкетѣ было выбрано первоначальное Бюро Союза, см. заявленіе Бюро Союза инженеровъ, напеч. въ „Правѣ“ № 11.

[4]) „Наши дни“ № 28, „Русь“ № 20.

[5]) „Наши дни“ № 29, „Русь“ № 20.

неровъ и фабрикантовъ, то найдемъ въ нихъ поразительное сходство во многихъ отношеніяхъ. Въ обѣихъ запискахъ въ центрѣ стоитъ изобличеніе зубатовской политики правительства, обѣ записки ставятъ въ связь съ этой политикой событіе 9 января, обѣ останавливаются надъ потрясеніями, испытываемыми промышленностью отъ «бурныхъ взрывовъ рабочихъ движеній», и обѣ записки видятъ причины этихъ взрывовъ въ политическомъ недовольствѣ рабочихъ. Записка фабрикантовъ больше отправляется отъ интересовъ промышленниковъ, записка инженеровъ старается подчеркнуть нейтральное свое положеніе вь борьбѣ между промышленниками и рабочими, но обѣ чрезвычайно сходны по общему ходу своихъ разсужденій и по своей аргументаціи. Зубатовская политика должна быть прекращена, говорятъ обѣ записки, и вмѣсто нея рабочимъ, также какъ всему населенію, должны быть даны политическія права.

Московскіе фабриканты и заводчики, дружно поддержанные, какъ мы видѣли, петербургскими промышленниками, предлагаютъ правительству согласиться съ слѣдующимъ выводомъ: «рабочіе, какъ и все русское общество, настолько уже политически созрѣли, что имъ, какъ и всему русскому обществу, *въ интересахъ промышленнаго роста Имперіи*, должны быть дарованы политическія права и свободныя учрежденія». Къ такому же выводу приходитъ и записка инженеровъ, причемъ страхъ передъ дальнѣйшимъ продолженіемъ зубатовской политики и возможнымъ ея вліяніемъ на состояніе промышленности въ этой запискѣ выступаетъ даже еще рельефнѣе, чѣмъ въ запискѣ фабрикантовъ. «Принятіе исключительныхъ мѣръ, говоритъ записка 198 инженеровъ, изъятіе изъ гласнаго обсужденія причинъ и послѣдствій переживаемыхъ промышленностью событій и одновременно съ этимъ заявленное г. с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ намѣреніе возобновить въ еще болѣе широкомъ масштабѣ попытку организовать рабочихъ при посредствѣ администраціи не только не дадутъ странѣ необходимаго успокоенія, а, наоборотъ, внесутъ въ ея промышленную и гражданскую жизнь еще болѣе острыя осложненія. *Мы опасаемся, что отечественная промышленность, нынѣ и безъ того находящаяся въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, можетъ быть поставлена въ безвыходное положеніе, при которомъ участіе въ ней капитала и интеллигентнаго труда сдѣлается совершенно невозможнымъ*». Чрезвычайно характерно также заканчивается записка: «На томъ уровнѣ развитія, котораго достигла русская промышленность, мѣры бюрократическаго попеченія уже не въ состояніи вносить успокоеніе въ умы; напротивъ, *своими постоянными колебаніями то въ направленіи односторонней защиты предпринимателей, то въ сторону показной поддержки рабочихъ онѣ порождаютъ во всѣхъ слояхъ промышленнаго населенія неувѣренность и раздраженіе*. Удовлетвореніе же основнаго требованія рабочаго класса, путемъ дарованія широкой свободы союзовъ и собраній, предполагаетъ проведеніе въ жизнь началъ общегражданской политической свободы». И только. Также какъ въ постановленіи собранія 492 инженеровъ всѣхъ спеціальностей, ни слова о характерѣ избирательнаго права, о тѣхъ условіяхъ, которыя дѣйствительно могли бы гарантировать рабочимъ вліяніе на законодательство страны.

Но и инженеры, также какъ и представители другихъ интеллигентныхъ профессій, испытали на себѣ сильное вліяніе рабочаго движенія и на первомъ

всероссійскомъ делегатскомъ съѣздѣ *22—24 апрѣля*, въ которомъ приняло участіе 125 представителей отъ 3.228 инженеровъ и техниковъ, была принята платформа союза инженеровъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ красуется признаніе «безусловно необходимымъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ». Въ то же время видную часть этой платформы составляютъ требованія мѣръ, направленныхъ къ защитѣ рабочаго класса. Рядомъ съ предоставленіемъ рабочимъ полной свободы стачекъ, делегатскій съѣздъ инженеровъ требуетъ: прогрессивнаго уменьшенія рабочаго дня до 8 час. и введенія государственнаго страхованія рабочихъ отъ безработицы, увѣчій, инвалидности, болѣзней и старости подъ контролемъ рабочихъ организацій. Затѣмъ предлагаются: запрещеніе срочныхъ работъ, сверхурочныхъ работъ, установленіе непрерывнаго отдыха въ теченіе 36 часовъ, рядъ мѣръ, направленныхъ къ защитѣ женскаго и дѣтскаго труда. «Контроль за правильнымъ примѣненіемъ законодательства о защитѣ труда долженъ быть порученъ, по мнѣнію съѣзда, не только независимой отъ полицейской администраціи инспекціи труда, но и рабочимъ комитетамъ».

Для характеристики настроенія съѣзда интересно также слѣдующее его постановленіе:

Въ отношеніи къ рабочему движенію, принявъ во вниманіе, что въ настоящее время инженерамъ часто предлагается принимать участіе въ полицейско-административныхъ репрессіяхъ, съѣздъ призналъ «несовмѣстимымъ съ достоинствомъ инженера: 1) обращеніе за содѣйствіемъ вооруженной силы при конфликтахъ труда и капитала, 2) составленіе списковъ такъ называемыхъ «политически неблагонадежныхъ рабочихъ», 3) увольненіе рабочихъ по спискамъ, составленнымъ заводской администраціей или полиціей, 4) вообще всякое увольненіе рабочихъ и служащихъ по политическимъ мотивамъ, 5) наложеніе какихъ бы то ни было каръ за празднованіе 1 мая».

Въ заключеніе съѣздъ высказался за созывъ всероссійскаго съѣзда рабочихъ [1]).

Г) Союзъ россійскихъ писателей.

По самому характеру своему писательская среда была наименѣе способна къ объединенію на почвѣ какой либо политической платформы. Болѣе рѣзко чѣмъ какой либо другой слой, писатели дѣлятся и должны дѣлиться по различнымъ политическимъ теченіямъ, выразителями которыхъ они являются. И съ какими трудностями тутъ были въ самомъ дѣлѣ связаны всякія широкія попытки объединенія, показываетъ постановленіе редакторовъ петербургскихъ газетъ, принятое 11 января.

Черезъ два дня послѣ того какъ пролилась кровь рабочихъ, шедшихъ подъ знаменемъ Учред. Собранія, редакторы петербургскихъ газетъ принимаютъ резолюцію, по своей опредѣленности стоящую безконечно ниже даже резолюціи земскаго съѣзда 6—8 ноября, выдвигаютъ славянофильское требованіе земскаго

---

1) „Право". № 20

собора. «Совѣщаніе редакторовъ, говоритъ эта странная резолюція, считаетъ своимъ долгомъ заявить, что, по его глубокому убѣжденію, единственнымъ выходомъ изъ нынѣшняго положенія является созывъ земскаго собора для устроенія государственнаго порядка въ Россіи. Соборъ этотъ долженъ состоять изъ свободно выбранныхъ представителей всѣхъ сословій и классовъ населенія и пользоваться неограниченной свободой преній и постановленій. Собранія собора должны происходить при полной гласности»[1]).

Это славянофильское измышленіе понадобилось для того, чтобы въ одномъ и томъ же выступленіи объединить «Право», «Нашу жизнь», «Сына Отечества» съ одной стороны и «Новое Время», «Свѣтъ», «Петербургскія Вѣдомости» съ другой[2]). «Сынъ Отечества» вмѣстѣ съ «Новымъ Временемъ»! Это было почти равносильно объединенію интеллигенціи съ бюрократіей. И бюрократія, въ самомъ дѣлѣ, очень скоро выразила готовность идти на встрѣчу требованію земскаго собора. Рескриптъ 18 февраля возвѣстилъ о предстоящемъ созывѣ законосовѣщательной думы. Но этотъ рескриптъ также мало, какъ резолюція представителей петербургскихъ изданій, соотвѣтствовалъ требованіямъ времени, и предварительный съѣздъ столичныхъ и провинціальныхъ журналистовъ, собравшійся въ Петербургѣ 3—4 марта, почувствовалъ себя вынужденнымъ выступить рѣзко противъ этого рескрипта. Вмѣсто законосовѣщательной думы собравшіеся петербургскіе и провинціальные журналисты потребовали «немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія», и «немедленнаго обезпеченія свободы слова, собраній и печати (безъ различія національности и языка), неприкосновенности личности и жилища и политической амнистіи»; въ отношеніи же булыгинскаго совѣщанія они рѣшили рекомендовать, «организованнымъ общественнымъ силамъ» ограничиться предъявленіемъ ему этихъ требованій[3]).

Это совѣщаніе петербургскихъ и провинціальныхъ журналистовъ положило первое начало образованію союза писателей, избравши изъ своей среды организаціонное бюро и поручивши ему созвать первый съѣздъ россійскихъ журналистовъ. Этотъ съѣздъ состоялся въ Петербургѣ 3—4 марта 1905 г. На съѣздъ явилось 140 писателей, въ томъ числѣ 110 представителей газетныхъ и журнальныхъ редакцій (по одному отъ каждой) и литературныхъ организацій и 30 лицъ особо приглашенныхъ организаціоннымъ бюро. На этомъ съѣздѣ преобладали не только прогрессивные, но и настроенные въ рѣшительномъ демократическомъ духѣ элементы журналистики, но природа писательскаго дѣла рѣзко сказалась на этомъ съѣздѣ, породивши на немъ такія пренія, какія не далъ ни одинъ изъ другихъ профессіональныхъ съѣздовъ.

Въ политическихъ вопросахъ съѣзду удавалось еще достигать довольно большого единодушія, и требованія учредительнаго собранія и организаціи народнаго представительства на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосо-

---

[1]) „Освобожденіе“ № 65.

[2]) Подписались подъ приведеннымъ заявленіемъ редакторы или представители слѣдующихъ изданій. „Право“, „Наша Жизнь“, „Наши Дни“, „Сынъ Отечества“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Новое Время“, „Новости“, „Русь“, „Слово“, „Свѣтъ“, „Петерб. листокъ“ „Петерб. газета,“ „Петерб. Вѣдомости“—ib.

([3]) „Право“ № 10.

ванія принимались огромнымъ большинствомъ голосовъ, но когда съѣздъ приступилъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса, мнѣнія на немъ рѣзко раздѣлились.

Такъ, резолюція по аграрному вопросу, признающая необходимость принципа національзаціи земли, была принята большинствомъ 54 голосовъ противъ 31, а резолюція, требовавшая отстаиванія «немедленнаго введенія 8-часоваго рабочаго дня во всѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ онъ возможенъ по техническимъ условіямъ, въ настоящее время, и немедленнаго принятія мѣръ къ введенію его въ ближайшій срокъ во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ производства», была принята 52 голосами противъ 49. Въ концѣ концовъ, въ виду большихъ разногласій между членами съѣзда по аграрному и рабочему вопросамъ, редакціонная комиссія съѣзда, чтобы предупредить расколъ, предложила съѣзду совершенно выкинуть изъ платформы союза соціально-экономическій вопросъ, объединившись только на почвѣ политическихъ требованій. Это предложеніе и было принято съѣздомъ и для образующагося союза была принята исключительно политическая платформа. Заключительнымъ пунктомъ этой платформы было слѣдующее постановленіе, принятое съѣздомъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, по вопросу о мѣрахъ проведенія въ жизнь принятыхъ имъ политическихъ требованій: «Мы признаемъ наиболѣе цѣлесообразнымъ прямой и активный образъ дѣйствій и считаемъ необходимой настойчивую агитацію въ пользу немедленнаго созыва учредительнаго собранія, производимую путемъ цензурной и безцензурной печати, устройства сходокъ, собраній и народныхъ митинговъ и, наконецъ, въ частности, путемъ образованія ряда профессіональныхъ союзовъ, съ возможнымъ ихъ объединеніемъ въ союзѣ союзовъ» [1]).

Д) Всероссійскій Академическій Союзъ.

Профессорская среда была наиболѣе коснымъ интеллигентскимъ слоемъ, наименѣе способнымъ къ оппозиціи; общественное движеніе расшевелило и этотъ слой. Характерныя черты его сохранились, впрочемъ, и въ его выступленіяхъ. Оппозиціонное шествіе профессоровъ было болѣе медленнымъ, спокойнымъ, умѣреннымъ, чѣмъ движеніе другихъ слоевъ интеллигенціи. Тутъ мы не замѣтимъ рѣзкихъ скачковъ вродѣ того, который сдѣлали адвокаты, отъ совершенно неопредѣленныхъ или очень умѣренныхъ заявленій перешедшіе сразу подъ вліяніемъ рабочаго движенія къ рѣшительнымъ демократическимъ лозунгамъ и чуть не революціонной тактикѣ; тутъ не найдемъ мы и рѣшительной постановки аграрнаго и рабочаго вопросовъ, какъ у врачей, литераторовъ, инженеровъ. Спокойно и осторожно шествуютъ профессора, всегда въ своихъ выступленіяхъ оказываясь, нѣсколько назади другихъ, болѣе живыхъ, слоевъ интеллигенціи. Такъ, въ извѣстной запискѣ 342 дѣятелей ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній, за пять дней до выступленія петербургскаго пролетаріата 9 января, когда значительные слои интеллигенціи уже примкнули къ демократическимъ лозунгамъ учред. собранія и четырехчленной формулы избирательнаго права (банкетъ въ залѣ Павловой 14 дек., банкетъ врачей 18 дек.), профессора повторяютъ еще формулу земскаго съѣзда о «привлеченіи свободно-избранныхъ представителей народа къ осуще-

[1]) „Право“ № 17.

ствленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи» [1]) 25-28 марта, когда лозунги учредит. собранія и четырехчленнаго избирательнаго права, можно сказать, носились въ воздухѣ и когда адвокаты, врачи. инженеры, писатели, какъ мы только что видѣли, довольно единодушно ихъ восприняли, профессора не рѣшаются вполнѣ присоединиться къ нимъ. «Народное представительство будущей Россіи ,говорятъ они, должон быть построено на началахъ всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права». А вмѣсто того, чтобы прямо примкнуть къ пріобрѣвшему широкую популярность лозунгу учредительнаго собранія, профессора предпочитаютъ описательный способъ выраженія: «коренное преобразованіе государственнаго строя и улучшеніе экономическаго положенія не можетъ быть осуществлено средствами бюрократіи. Оно должно быть дѣломъ народныхъ представителей» [2]).

Е) Всероссійскій Союзъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ.

Этотъ союзъ былъ переходнымъ отъ чисто интеллигентскихъ союзовъ къ рабочимъ. Кромѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ него входила также и масса мелкихъ служащихъ, по своему положенію приближающихся къ рабочимъ. Союзъ этотъ сыгралъ затѣмъ большую роль въ октябрьской забастовкѣ. Союзъ былъ учрежденъ на съѣздѣ служащихъ 10 казенныхъ и частныхъ ж. д., имѣвшемъ мѣсто въ Москвѣ 20 и 21 апрѣля. Въ мотивированномъ рѣшеніи объ образованіи союза, принятомъ съѣздомъ, говорится, что «цѣлью союза является защита матеріальныхъ, правовыхъ культурныхъ и служебныхъ интересовъ служащихъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, что можетъ быть достигнуто только при господствѣ демократической идеи въ жизни. Поэтому, самой главной и первѣйшей задачей союза является требованіе такихъ условій, которыя создали бы возможность безпрепятственнаго развитія демократической идеи и, какъ логическое слѣдствіе этого, *требованіе скорѣйшаго созыва возвѣщеннаго собранія народныхъ представителей на началахъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія*». Въ то же время, «не желая ограничиться голымъ провозглашеніемъ принциповъ и становясь съ первыхъ же шаговъ на путь корпоративной дѣятельности, союзъ беретъ на себя и фактическое осуществленіе всѣми партіями въ предѣлахъ желѣзнодорожной корпораціи свободы слова и собраній, а также организацію стачекъ, какъ частныхъ, такъ и всеобщихъ».

Ж) Остальные союзы.

Рядомъ съ профессорами объединились въ союзы также учителя средней и низшей школы. Для учителей средней школы платформой послужила записка о нуждахъ средней школы, принятая на первомъ съѣздѣ союза въ апрѣлѣ 1905 г. [3]), для народныхъ учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію платформой для объединенія послужила «записка о нуждахъ народнаго просвѣщенія

---

[1]) „Наши дни“ № 22, „Русь“ № 20, „Право“ № 3.
[2]) „Право“ № 115.
[3]) „Право“ № 17.

въ связи съ общими условіями русской жизни», принятая на собраніи 12 марта [1]). Первая записка находитъ, что создать условія для нормальнаго положенія средней школы можетъ только «народное представительное правленіе, организованное на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ», а вторая, разбирая «нужды народнаго просвѣщенія», приходитъ къ необходимости: 1) полной гарантіи неприкосновенности личности и жилища, 2) свободы совѣсти, слова, печати, сходокъ, собраній и союзовъ и 3) созыва народнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія.

Подобно учительскимъ съѣздамъ и съѣздъ ветеринаровъ, положившій основаніе союзу ветеринаровъ, въ засѣданіи 21 марта пришелъ къ заключенію, что «ветеринарное дѣло... находится въ тѣсной и непосредственной связи съ общими экономическими, политическими и культурными условіями жизни страны. Условія эти, въ настоящее время приведшія большинство населенія къ полному хозяйственному раззоренію, при угнетающемъ безправіи и некультурности, повергли страну въ тревожное, критическое состояніе, и въ частности являются непреодолимымъ тормазамъ ветеринарной дѣятельности, а потому съѣздъ ветеринаровъ пришелъ къ необходимости «скорѣйшей замѣны бюрократическаго строя демократической конституціей, для каковой цѣли необходимъ немедленный созывъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія» [2]).

Къ совершенно тому же заключенію пришелъ и съѣздъ агрономовъ, статистиковъ и другихъ дѣятелей экономической помощи населенію «при обсужденіи условій своей дѣятельности» [3]). Оба послѣдніе съѣзда, кромѣ того, высказались за широкое рабочее законодательство въ духѣ тѣхъ требованій, которыя были выдвинуты петербургскими рабочими 9 января.

Изъ остальныхъ союзовъ необходимо отмѣтить «Всероссійскій союзъ служащихъ въ правит. учрежденіяхъ» и «Союзъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ», которые самымъ фактомъ своего образованія свидѣтельствовали о наступающей дезорганизаціи въ правительственномъ механизмѣ. Союзъ почтово-телегр. чиновниковъ, кромѣ того, способствовалъ этой дезорганизаціи и своею дѣятельностью, проведя въ ноябрѣ знаменитую почтово-телеграфную забастовку.

Оба эти союза образовались позднѣе другихъ союзовъ. Такъ, союзъ служащихъ въ правит. учрежденіяхъ возникъ въ маѣ 1905 г., окончательный уставъ союза выработанъ на общемъ собраніи 17 ноября 1905 г. Въ этомъ уставѣ задачей союза становится «объединеніе сторонниковъ преобразованія государственнаго строя Россіи на демократическихъ началахъ, при всеобщемъ, равномъ и прямомъ избирательномъ правѣ, съ закрытой подачей голосовъ» [4]). Платформа союза почтовотелеграфныхъ чиновниковъ высказывается еще рѣшительнѣе, требуя «созыва учредит. собранія на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія для выработки основного государственнаго порядка» [5]).

---

[1]) «Сынъ Отеч.» № 26.

[2]) «Право» № 14.

[3]) «Право» № 15.

[4]). В. Ивановичъ. «Россійскіе партіи, союзы и лиги» с. 144.

[5]) Ib. с 194.

Для характеристики того настроенія, которое къ серединѣ 1905 г. начало охватывать даже служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, интересно отмѣтить воззваніе Бюро объединенныхъ петербургскихъ чиновниковъ, вышедшее въ іюнѣ 1905 г. Воззваніе это, горячо призывая чиновниковъ стать прежде всего «гражданами своего отечества», а затѣмъ уже «чиновниками», заканчивается словами: «Не оставайтесь же безучастными: время не ждетъ, объединяйтесь всѣ, кто на сторонѣ новой, молодой Россіи! ... Пусть объединеніе наступитъ скорѣе. Не можетъ, вѣдь, быть, чтобы потребность въ немъ не ощущалась, а какую службу оно въ состояніи сослужить новому строю! Какъ оно желательно, какъ оно необходимо именно въ настоящій историческій моментъ,— моментъ отчаянныхъ усилій стараго режима и всѣхъ темныхъ силъ страны всячески мѣшать осуществленію коренного обновленія старыхъ пріемовъ и порядковъ управленія» [1]).

3) Союзъ Союзовъ.

Объединеніе отдѣльныхъ интеллигентскихъ союзовъ состоялось на съѣздѣ представителей всероссійскихъ профессіональныхъ союзовъ 8—9 мая въ Москвѣ. На съѣздъ прибыло 60 делегатовъ отъ слѣдующихъ 14 союзовъ: инженеровъ, академическаго, конторщиковъ и бухгалтеровъ, учителей, врачей, адвокатовъ, достиженія равноправія евреевъ, фармацевтовъ, писателей, равноправія женщинъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, ветеринаровъ, агрономовъ и статистиковъ, земцевъ. На этомъ съѣздѣ, путемъ сводки платформъ отдѣльныхъ союзовъ, было констатировано, какъ мы указывали уже выше, что эти платформы сходятся въ признаніи необходимости «немедленнаго созыва учредительнаго собранія народныхъ представителей, избираемыхъ всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ». Въ проектѣ устава Союза Союзовъ, принятомъ I-мъ его съѣздомъ, задача его образованія опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

«Союзъ Союзовъ» есть органъ, объединяющій на федеративныхъ началахъ автономные всероссійскіе союзы, ведущіе борьбу за политическое освобожденіе Россіи на началахъ демократизма, и ставящій цѣлью устройство правильныхъ сношеній съ союзами и выполненіе тѣхъ дѣйствій, которыя союзы признаютъ служащими для достиженія ихъ общей политической задачи».

Органами для осуществленія преслѣдуемымъ Союзомъ цѣлей, по проекту устава, являются: а) собраніе делегатовъ отдѣльныхъ союзовъ и б) центральное бюро. Центральное бюро является исполнительнымъ органомъ по отношенію къ собранію делегатовъ и составляется изъ лицъ, уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ союзовъ, по два отъ каждаго [2]).

У порога революціи, единственной организаціей, объединявшей профессіональную интеллигенцію, былъ Союзъ Освобожденія. Но это не была чисто интеллигентская организація: хотя интеллигентскіе элементы въ ней преобладали, но рядомъ съ ними въ ней видную роль играли передовые земцы, и задачей

---

[1]) «Право» № 26.

[2]) „Памятникъ эпохи 17 окт." („Спутникъ избирателя" на 1906 г.), с. 141—144.

Союза Освобожденія было сплачивать въ одно оппозиціонное цѣлое профессіональную интеллигенцію и земскую среду.

Жестокая дѣйствительность посмѣялась затѣмъ надъ мечтами Союза Освобожденія: вмѣсто объединенія и сплоченія начался процессъ рѣзкой дифференціаціи. Передовой отрядъ земцевъ, получившій объединеніе въ періодическихъ земскихъ съѣздахъ, въ своемъ движеніи влѣво, подъ вліяніемъ растущаго движенія рабочихъ массъ все больше отрывается отъ массы рядовыхъ земцевъ, все дальше уходитъ отъ нихъ впередъ, но и самъ оказывается, тѣмъ не менѣе, всегда значительно позади профессіональной интеллигенціи, обособляющейся теперь отъ земцевъ въ самостоятельную организацію Союза Союзовъ и все тѣснѣе сближающейся съ рабочей массой.

Такъ, совѣщаніе земскихъ дѣятелей 22—26 апр. 1905 г. сдѣлало крупный шагъ впередъ по сравненію съ 6—9 ноября 1904 г.: оно признало принципъ всеобщаго, прямого, равного и тайнаго голосованія при организаціи нижней палаты, но довольно единодушно признало необходимость верхней палаты, выбираемой двухстепеннымъ голосованіемъ (представительство органовъ мѣстнаго самоуправленія). Даже для передовыхъ земцевъ необходимость системы двухъ палатъ съ двухстепеннымъ голосованіемъ для верхней палаты казалась чѣмъ то безспорнымъ [1]). Между тѣмъ пироговскій съѣздъ 21—24 марта выразительно подчеркнулъ необходимость «сосредоточить верховную государственную власть въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго на вышеуказанныхъ основахъ (на основахъ всеобщаго, прямого и т. д. голосованіи), *образующаго одну палату, назначающую и увольняющую министровъ, передъ ней отвѣтственныхъ*».

Это былъ настоящій демократическій языкъ, понятный широкимъ рабочимъ массамъ. И хотя другіе интеллигентные съѣзды не высказывались такъ ярко и опредѣленно, но только на съѣздѣ наиболѣе умѣреннаго интеллигентнаго слоя, профессорскаго, была принята резолюція, родственная по духу резолюціи земцевъ.

Или вопросъ объ учредительномъ собраніи. Земцы боятся въ своей резолюціи произнести этотъ лозунгъ, единодушно уже поддержанный въ этотъ моментъ профессіональной интеллигенціей. Мысли своей объ учредительныхъ функціяхъ перваго народнаго представительства они сознательно даютъ такое выраженіе, чтобы была ясна ограниченность правъ этого представительства. Вмѣсто того, чтобы говорить объ учредительномъ собраніи, кладущемъ рѣзкую грань между старой и новой Россіей, они предпочитаютъ скромно говорить о «первомъ представительномъ собраніи, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской имперіи». И въ то время, какъ для подавляющей массы профессіональной интеллигенціи въ этотъ моментъ совершенно ясна необходимость организаціи этого *перваго* представительнаго собранія на основахъ четырехчленной формулы, среди даже передовыхъ земцевъ по этому вопросу происходятъ рѣзкія пренія и разногласія. Сравнительно незначительнымъ большинствомъ (71 голоса) принимается мнѣніе, что это первое собраніе

---

[1]) См. Бѣлокопскій, цитир. статья, с. 66.

«должно состоять изъ одной палаты народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія». Значительное меньшинство (54 голоса) высказалось противъ прямого голосованія въ это первое представительное собраніе, при чемъ 17 голосовъ было за то, чтобы построить это собраніе, главнымъ образомъ, на почвѣ представительства земскихъ собраній и городскихъ думъ[1]).

Различію лозунговъ соотвѣтствовало также и различіе тактики, въ которой къ серединѣ 1905 года склонялись передовые земцы, съ одной стороны, и профессіональная интеллигенція, съ другой.

24—26 мая 1905 года собрались подъ впечатлѣніемъ цусимскаго пораженія одновременно два съѣзда—съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей и съѣздъ Союза Союзовъ (II-ой). Первый съѣздъ закончился посылкой депутаціи къ Государю съ адресомъ, въ которомъ сознательно устранялись тѣ разногласія, которыя раздѣлили участниковъ апрѣльскаго совѣщанія. «Государь, говорилось въ этомъ адресѣ, пока не поздно, для спасенія Россіи во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими» [2]). А С. Н. Трубецкой въ своей рѣчи, во время пріема депутаціи, повторивши эту формулу, нарочито подчеркнулъ: «мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія» [3]).

Совершенно иначе реагировалъ на цусимскую катастрофу происходившій въ то же время съѣздъ Союза Союзовъ; онъ обратился къ обществу съ призывомъ «всѣми силами, всѣми мѣрами добиваться... Учредительнаго Собранія, избраннаго народомъ на основаніи всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго голосованія для всѣхъ гражданъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, чтобы оно могло какъ можно скорѣе покончить съ войной и господствующимъ до сихъ поръ политическимъ режимомъ» [4]).

Въ заключеніе нашей характеристики союзовъ, скажемъ нѣсколько словъ о силѣ и распространеніи, которыя получили отдѣльные союзы.

Въ *Союзѣ адвокатовъ* было около *2¼ тысячъ* членовъ, въ томъ числѣ въ С.-Петербургѣ—350, въ Москвѣ—600, въ Кіевѣ—200, въ Харьковѣ—200, въ Одессѣ—200, въ Казани—50, въ Саратовѣ—100, въ Новочеркасскѣ—60, въ Варшавѣ—300, въ Вильно—300, въ Тифлисѣ—100.

Союзъ медицинскаго персонала насчитывалъ около *2.000 членовъ*. Отдѣленія были въ слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Костромѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Ярославлѣ, Тулѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Новгородѣ, Н.-Новгородѣ, Лохвицѣ, Рязани, Казани.

---

[1]) Бѣлоконскій стр. 67.
[2]) Ib. стр. 74.
[3]) Бѣлоконскій, стр. 76.
[4]) Череванинъ, „Пролетаріатъ въ револ.“. 24 стр.

Союзъ инженеровъ и техниковъ имѣлъ 26 отдѣленій въ слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургъ, Москва, Пермь, Ташкентъ, Тифлисъ, Екатеринославъ, Ярославль, Варшава, Вильна, Кіевъ, Харьковъ, Одесса, Саратовъ, Ростовъ на Дону, Ревель, Иркутскъ, Кострома, Самара, Бѣжица, Рига, Николаевъ, Симферополь, Юзовка, Красноярскъ, Юрьевскій заводъ Екат. губ., Асхабадъ. Общее число членовъ достигало *4.000 человѣкъ*.

На первомъ съѣздѣ *Союза россійскихъ писателей* 5—8 апрѣля были представлены 36 петербургскихъ изданій, 6 московскихъ и 40 провинціальныхъ. Кромѣ того, были представители отъ польской, грузинской, армянской, эстонской, латышской и финской прессы. Союзъ имѣлъ три отдѣленія—въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ. Въ первомъ насчитывалось 220 членовъ.

Академическій Союзъ насчитывалъ 1.544 члена и имѣлъ 13 отдѣленій въ слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургъ (550 членовъ), Кіевъ (111), Харьковъ (112), Одесса (72), Москва (400), Казань (57), Юрьевъ (49), Варшава (41), Томскъ (100), Екатеринославъ (16), Ново-Александрія (22), Ярославль (11), Нѣжинъ (3).

Союзъ конторщиковъ и бухгалтеровъ имѣлъ 17 отдѣленій въ слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургъ (2.500 членовъ), Москва (около 1.000), Кіевъ (1.500), Ростовъ на Дону (1.700), Армавиръ (50), Маріуполь (55), Одесса, Минскъ, Ревель, Екатеринославъ, Томскъ, Варшава, Нижній Новгородъ, Царицынъ, Асхабадъ, Тифлисъ, Таганрогъ.

Союзъ учителей и дѣятелей по народному образованію насчитывалъ около *7.500 членовъ*. Отдѣльныхъ группъ въ разныхъ губерніяхъ числилось 462 [1]).

4. Отъ манифеста 6 августа до манифеста 17 октября.

Въ то время, какъ широкой волной разливалось по всей Россіи рабочее и интеллигентское движеніе и боевымъ лозунгомъ оппозиціонной Россіи становилось требованіе Учред. Собранія, избраннаго всеобщимъ, прямымъ и т. д. голосованіемъ, бюрократическая машина продолжала работать надъ выполненіемъ рескрипта 18 февраля и приготовила проектъ законосовѣщательной Госуд. Думы, которая и была дарована затѣмъ Россіи манифестомъ 6 августа. Еще земскій съѣздъ 6—8 ноября большинствомъ голосовъ высказался за представительное собраніе *съ законодательной властью*, рабочее же и интеллигентское движеніе шло гораздо дальше и требовало, чтобы самъ народъ въ лицѣ свободно избранныхъ представителей рѣшилъ вопросъ о будущемъ государственномъ устройствѣ, и когда эта, болѣе рѣшительная, формула становится господствующей въ общественномъ движеніи, бюрократія отвѣчаетъ уступкой, которая неспособна была

---

1) Свѣдѣнія о силѣ и распространеніи союзовъ взяты изъ „Спутника избирателя на 1906 г.“. Цифры членовъ отдѣльныхъ союзовъ, приведенныя въ текстѣ, мало отличаются отъ цифръ, констатированныхъ уже на II съѣздѣ союза союзовъ. Такъ, на основаніи сообщенія „Руси“ (№ 140 отъ 28 мая), на этомъ съѣздѣ выяснилось, что союзъ адвокатовъ насчитывалъ въ своемъ составѣ—2½ тыс. членовъ, союзъ инженеровъ—4.000 членовъ, союзъ профессоровъ—1½ тыс. Ниже были тогда цифры только для союза конторщиковъ (6 тыс.) и для союза учителей—(5 тыс.).

бы удовлетворить даже передовыхъ земцевъ въ ноябрѣ 1904 г. Именно тѣ два слоя, которые въ 1904 г. и во всю первую половину 1905 года играли главную роль въ движеніи, направленномъ противъ бюрократическаго режима,—рабочій пролетаріатъ и профессіональная интеллигенція, — именно эти два слоя были совершенно лишены избирательныхъ правъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что этотъ продуктъ бюрократическаго творчества, какъ только сдѣлался извѣстнымъ, вызвалъ къ себѣ рѣзко отрицательное отношеніе со стороны подавляющаго большинства оппозиціонныхъ элементовъ Россіи, начиная отъ рабочаго пролетаріата и кончая передовыми земцами. Профессіональная интеллигенція въ лицѣ своей организаціи, Союза Союзовъ, на III-емъ съѣздѣ 2-го іюля, заняла рѣзко отрицательную позицію по отношенію къ булыгинскому проекту, еще раньше появленія манифеста 6 августа.

«Делегатскій съѣздъ Союза Союзовъ находитъ, что правительственный проектъ Государственной Думы создаетъ не народное представительство, а лишь служебную комиссію при Государственномъ Совѣтѣ, составленную изъ свободно избранныхъ представителей привилегированныхъ и имущихъ классовъ; этотъ проектъ ни въ чемъ не ограничиваетъ ни самодержавный строй, ни чиновниковъ, не обезпечиваетъ населенію самыхъ необходимыхъ условій свободной политической жизни и является, такимъ образомъ, лишь попыткой ввести общественное мнѣніе въ заблужденіе путемъ созданія подложнаго народнаго представительства. Такой характеръ проекта, выработаннаго келейной комиссіей чиновниковъ, долженъ окончательно убѣдить страну, что бюрократія не желаетъ добровольно поступиться своей властью и открыть народу единственный путь, который способенъ вывести Россію изъ тяжелаго положенія, нынѣ переживаемаго: свободно избранное всѣмъ безъ исключенія населеніемъ страны народное представительство» [1]).

Эта резолюція была принята на съѣздѣ единогласно и она выражала въ то же время единодушное мнѣніе всѣхъ живыхъ силъ русской оппозиціи въ этотъ моментъ. Но зато рѣзкія разногласія вызывалъ вопросъ о тактикѣ по отношенію къ булыгинской думѣ. Тактика бойкота была принята большинствомъ представителей на томъ же съѣздѣ Союза Союзовъ 1—3 іюля.

Съѣздъ постановилъ:

1) Безотлагательно приступить къ объединенію и мобилизаціи всѣхъ демократическихъ элементовъ страны для устройства массовыхъ протестовъ противъ правительственнаго проекта. Делегатскій съѣздъ Союза Союзовъ заявляетъ, что онъ будетъ протестовать и противъ всякаго иного закона о народномъ представительствѣ, не основаннаго на принципахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія.

2) *Считать недопустимымъ для членовъ Союза Союзовъ ни проведеніе кого либо въ проектированную Государственную Думу, ни личное въ ней участіе.*

3) Во время избирательнаго періода принимать всякаго рода мѣры для разъясненія всему населенію истиннаго характера закона о Госуд. Думѣ, для

---

[1]) „Освоб.“ № 75.

чего въ частности являться въ избирательныя собранія всѣхъ степеней и *агитировать тамъ въ пользу отказа выборщиковъ отъ участія въ выборахъ*. Резолюція эта была принята далеко не единогласно: изъ 16 союзовъ за нее высказалось 9, 3 союза голосовало противъ (союзъ писателей, союзъ профессоровъ и союзъ учителей средней школы) и 4 воздержались: союзъ крестьянскій, равноправія евреевъ, ветеринаровъ и учителей низшей школы [1]).

На собраніяхъ и съѣздахъ отдѣльныхъ союзовъ этотъ вопросъ вызвалъ также довольно рѣзкія разногласія, поэтому въ концѣ концовъ и Союзомъ Союзовъ онъ не считался рѣшеннымъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Его долженъ былъ рѣшить окончательно IV делегатскій съѣздъ, который Центральное Бюро Союза Союзовъ рѣшило созвать 21—23 октября, чтобы предовратить расколъ въ союзной организаціи. Делегаты отдѣльныхъ союзовъ должны были явиться на этотъ съѣздъ съ опредѣленными полномочіями по этому вопросу отъ созванныхъ передъ тѣмъ съѣздовъ [2]). Но 21—23 окт. не пришлось уже рѣшать этотъ вопросъ, такъ какъ жизнь устранила его.

Точка зрѣнія противниковъ бойкота исходила изъ необходимости занимать всякую завоеванную у правительства позицію, если только ее можно занять, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ею для дальнѣйшей борьбы. Эта точка зрѣнія въ интеллигентскомъ движеніи получила по вопросу о Гос. Думѣ наиболѣе яркое выраженіе на II съѣздѣ адвокатовъ въ Москвѣ 5—6 окт., на которомъ присутствовали представители 24 организованныхъ мѣстныхъ отдѣленій союза, въ числѣ 60 человѣкъ. По вопросу объ отношеніи къ Гос. Думѣ были выслушаны отзывы 20 представителей 15 различныхъ мѣстностей. За весьма немногими исключеніями всѣ ораторы характеризовали господствующее настроеніе слѣдующимъ образомъ: адвокатура и другіе классы мѣстнаго интеллигентнаго общества признаютъ необходимымъ самое дѣятельное участіе, какъ въ предварительной агитаціи, такъ и въ самой Думѣ, но не для того, чтобы заниматься въ ней нормальной органической работой, а для того, чтобы добиваться учрежденія правильнаго народнаго представительства [3]). Въ концѣ концовъ, громаднымъ большинствомъ съѣздъ высказался противъ бойкота Госуд. Думы, но призналъ необходимымъ, участвуя въ Думѣ, стремиться къ осуществленію свободы слова, печати, собраній, сходокъ, неприкосновенности личности и жилищъ и къ созыву учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія [4]).

Октябрьская забастовка устранила скоро вопросъ объ отношеніи къ булыгинской думѣ, взорвавши самое эту думу, но, вмѣсто булыгинской думы, возникала виттевская на основѣ болѣе широкаго избирательнаго права, и по существу то же тактическое разногласіе (бойкотъ или участіе въ выборахъ) начало снова раздирать интеллигенцію.

Стараться ли использовать уступки бюрократіи для дальнѣйшей борьбы съ ней или бойкотировать эти уступки, этотъ общій тактическій вопросъ возникалъ

---

[1]) „Памятникъ эпохи 17 окт.“ с. 146—147.

[2]) Ib. с. 148.

[3]) „Сынъ Отечества“. № 204.

[4]) „Русскія Вѣдомости“. № 262.

и по цѣлому ряду другихъ случаевъ. Онъ возникъ, напр., по вопросу о возобновленіи занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ 9 января почти всѣ высшія учебныя заведенія закрылись и большинство постановленій студенчества закрывало ихъ до 1 сентября. 1 сентября приближалось и вмѣстѣ съ тѣмъ возникалъ вопросъ, продолжать ли ту же пассивную тактику бойкота высшихъ учебныхъ заведеній, осуждавшую на бездѣйствіе наиболѣе живой элементъ интеллигенціи, или использовать высшія учебныя заведенія для борьбы съ правительствомъ. «Искра» открыла кампанію противъ продолженія пассивной тактики бойкота, она предлагала студенчеству возобновить занятія и открыть двери высшихъ учебныхъ заведеній для народныхъ собраній и митинговъ. Высочайшимъ указомъ 27 августа была дана автономія университетамъ, ветеринарнымъ и технологическимъ институтамъ, московскому техническому училищу и Ново-александрійскому институту сельскаго хозяйства. Эта уступка правительства давала реальную основу для предложенія «Искры» и открывала широкую возможность использованія высшихъ учебныхъ заведеній въ цѣляхъ борьбы съ бюрократіей. Точка зрѣнія «Искры» оказалась въ этотъ моментъ наиболѣе жизненной и на сходкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, рѣшавшихъ въ сентябрѣ 1905 г. вопросъ о возобновленіи занятій, эта точка зрѣнія вездѣ одерживала побѣду. Такъ, напр., на многолюдной сходкѣ въ СПБ. университетѣ 13-го сентября (свыше 2000 студентовъ), въ результатѣ прочихъ преній, поставлены были на баллотировку двѣ резолюціи: одна предлагала признать «единственно реальнымъ въ данный моментъ протестомъ студенчества всеобщую забастовку», другая предлагала открыть университетъ «для развитія въ стѣнахъ его политической пропаганды, митинговъ, союзовъ и проч.».. Побѣдила вторая резолюція, за которую высказалось 1700 голосовъ, противъ 243-хъ за продолженіе забастовки, при 73 воздержавшихся [1]).

За нѣсколько дней передъ этимъ, 9-го сент. сходка студентовъ Политехническаго института большинствомъ 711, противъ 22 при 5 воздержавшихся, принимаетъ резолюцію, начинающуюся словами: «Студенты СПб. Политехническаго института, обсудивъ согласно своему постановленію положеніе страны, прекращаютъ забастовку, считая ее для настоящаго момента слишкомъ пассивнымъ орудіемъ». Дальше въ резолюціи заявляется, что студенчество будетъ фактически осуществлять право собраній, предоставивъ помѣщеніе общежитій для митинговъ и сходокъ и защищая это право всѣми средствами, которыя находятся въ его распоряженіи [2]).

Аналогичныя рѣшенія принимались студенчествомъ почти всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній какъ Петербурга, такъ и другихъ городовъ, Москвы, Кіева, Харькова. Этимъ рѣшеніемъ студенчество дало огромнѣйшій толчекъ общественному движенію. Разнообразные слои населенія и прежде всего рабочіе хлынули массами въ раскрытыя двери высшихъ учебныхъ заведеній. Свободное слово, зазвучавшее въ ихъ аудиторіяхъ,—расширило базисъ политической пропаганды и облегчило мобилизацію общественныхъ силъ. Какой сильной потребности отвѣ-

---

[1]) „Право“. № 37.
[2]) Ib.

чала новая политика студентовъ, можно видѣть, напр., изъ слѣдующихъ газетныхъ сообщеній:

«21 сентября, въ восьмомъ часу вечера, въ аудиторіи юридическаго корпуса (московскаго университета) начался наплывъ массы посторонней публики. Собралось въ общемъ свыше трехъ тысячъ человѣкъ, занявшихъ въ началѣ нѣсколько аудиторій и столпившихся тѣсной массою въ корридорахъ, на лѣстницахъ и въ швейцарской» [1]).

«1 октября въ политехническомъ институтѣ (въ СПБ.) состоялся митингъ. Собралось около 2 тысячъ человѣкъ, преимущественно рабочихъ. Митингъ продолжался съ 6 ч. вечера и до $1^1/_2$ ночи и прошелъ очень оживленно. Обсуждались вопросы о задачахъ трудящагося класса, объ его отношеніи къ другимъ классамъ, о госуд. думѣ и о тактикѣ передовыхъ партій» [2]).

«Въ зданіи горнаго института 2 октября состоялся общественный митингъ. Митингъ начался съ 4 часовъ дня, а къ 6 час. вечера конференцъ-залъ былъ закрытъ и настолько переполненъ публикой, что угрожалъ проваломъ. Вывѣшенное на дверяхъ зала объявленіе, предупреждавшее объ этой опасности, не остановило, однако, публики. Усиліями студентовъ-хозяевъ значительная часть все прибывавшей публики была отвлечена въ химическую лабораторію по 21-й линіи Васильевскаго острова, но и тамъ вскорѣ за отсутствіемъ свободныхъ мѣстъ пришлось стоять на лѣстницѣ. Въ чертежныхъ, корридорахъ сдвигались столы и образовавшіяся такимъ образомъ мѣста немедленно заполнялись публикой, тутъ же избирался предсѣдатель и открывалась запись ораторовъ. Въ послѣднихъ недостатка не было и вскорѣ изъ различныхъ угловъ обширнаго помѣщенія стали раздаваться рѣчи. Преобладающей темой рѣчей были государственная дума и программа соціалъ-демократической партіи» [3]).

Эти сообщенія относятся ко времени, близкому къ октябрьской забастовкѣ, и можно смѣло сказать, что въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній въ атмосферѣ свободнаго слова и горячаго обмѣна мнѣній готовилась великая октябрьская забастовка.

По мѣрѣ же возникновенія и развитія этой забастовки, высшія учебныя заведенія живутъ все болѣе лихорадочной жизнью. Они становятся сосредоточіемъ общественной жизни; рабочіе, желѣзнодорожные служащіе, представители интеллигентскихъ профессій обсуждаютъ тамъ свои нужды, рѣшаютъ вопросъ о присоединеніи къ начавшейся забастовкѣ, тамъ организуются силы забастовки, тамъ обсуждаются мѣры для ея расширенія. 8-го октября московскій желѣзнодорожный узелъ уже забастовалъ, передъ Петербургомъ только встаетъ еще вопросъ о забастовкѣ.

И сводка газетныхъ извѣстій объ октябрьской забастовкѣ, сдѣланная «Правомъ» регистрируетъ:

«Въ естественно-историческомъ зданіи военно-медицинской академіи состоялся митингъ, на которомъ присутствовали тысячи рабочихъ и студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній». Рядомъ съ общимъ митингомъ, по желанію

---

[1]) „Русское Слово“ 1905 г. № 258.

[2]) „Сынъ Отечества“ № 202.

[3]) „Право“ № 40.

рабочихъ отдѣльныхъ отраслей для обсужденія ихъ нуждъ, «были отведены особыя аудиторіи для рабочихъ-ювелировъ, для рабочихъ орудійнаго завода, желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, литографскихъ и типографскихъ рабочихъ. Въ зданіи анатомическаго института собрались воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній. Митингъ открылся въ 5 ч. вечера, причемъ предсѣдателемъ былъ выбранъ рабочій. Порядокъ дня былъ предложенъ слѣдующій: 1) положеніе на фабрикахъ и заводахъ и результаты прекращенія работы; 2) всеобщее прекращеніе работъ съ идейными цѣлями, его значеніе и способы проведенія» [1]).

Черезъ нѣсколько дней желѣзнодорожные служащіе Петербурга приходятъ къ необходимости рѣшить вопросъ о забастовкѣ. Для рѣшенія этого вопроса, 11-го октября въ актовомъ залѣ петерб. университета собирается пяти-шеститысячная толпа желѣзнодорожныхъ служащихъ, рабочихъ, конторщиковъ, телеграфистовъ, стрѣлочниковъ, машинистовъ, кочегаровъ и цѣлаго ряда другихъ лицъ, причастныхъ къ желѣзнодорожному дѣлу» [2]).

Такія же свѣдѣнія получаются и изъ другихъ городовъ. Такъ 9-го октября «въ *Кіевѣ*, начиная съ 11 часовъ утра до 7 часовъ вечера, въ политехническомъ институтѣ собралось около 4000 человѣкъ». «Въ *Одессѣ*, въ университетѣ состоялся народный митингъ, въ которомъ присутствовало свыше 10.000 человѣкъ» [3]).

По мѣрѣ того, какъ разростается забастовка, митинги принимаютъ все болѣе грандіозный характеръ. Такъ, 14-го октября «къ 6 часамъ всѣ улицы, прилегающія къ университету, были полны толпами, направлявшимися къ университету. Всего около 40.000 человѣкъ». Всѣ аудиторіи были заняты отдѣльными союзами» [4]). Затѣмъ 15-го вечеромъ состоялся въ университетѣ грандіознѣйшій митингъ. Присутствовало около 30.000 рабочихъ». Того же числа родился Петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. «15-го октября на митингахъ начались выборы рабочими депутатовъ» [5]).

Въ то время какъ студенчество, такимъ образомъ, вновь оказывало существенную услугу освободительному движенію въ моментъ его наивысшаго напряженія, профессора кое-гдѣ упорно пытались убѣдить студентовъ, что учебныя заведенія не мѣсто для митинговъ. И не только пытались убѣдить, но активно мѣшали устройству митинговъ, закрывая на основаніи совѣтской автономіи высшія учебныя заведенія. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлились московскіе профессора во главѣ съ покойнымъ С. Н. Трубецкимъ и Мануйловымъ. Послѣ описаннаго нами выше митинга въ московскомъ университетѣ 21-го сент., профессорская комиссія, подъ предсѣдательствомъ ректора, признала необходимымъ временно закрыть университетъ, мотивируя это постановленіе той опасностью, съ которой сопряжены подобныя собранія, какъ для университета, такъ и для самихъ участниковъ [6]).

---

[1]) Сводка „Права“ при № 45—46, стр. 4.
[2]) «Сынъ Отечества» № 208.
[3]) Сводка „Права“ с. 10.
[4]) Ibid. с. 48.
[5]) Ibid. с. 64.
[6]) „Русское Слово“ № 258.

9-го октября, когда уже бастовалъ весь московскій желѣзнодорожный узелъ, кромѣ Николаевской дороги, общее собраніе московскаго отдѣленія академическаго союза, поставивши на голосованіе вопросъ «желательна ли организація публичныхъ политическихъ митинговъ въ стѣнахъ высшей школы *въ настоящее время?*», большинствомъ 129 голосовъ противъ 61-го, при 13 воздержавшихся, *признало такіе митинги нежелательными* [1]).

Одновременно тѣ же московскіе профессора приняли единогласно резолюцію о «безусловной необходимости немедленнаго удовлетворенія потребности въ широкомъ и свободномъ осуществленіи права политическихъ собраній» [2]).

Въ самомъ разгарѣ борьбы, въ тотъ самый день (14 окт.), когда въ Петербургѣ появилось знаменитое объявленіе Трепова «холостыхъ залповъ не давать и патроновъ не жалѣть», въ этотъ самый моментъ совѣтъ московскаго университета пытался телеграммой убѣдить министровъ устранить ненормальное положеніе, при которомъ «высшія школы оказываются единственнымъ мѣстомъ, гдѣ могутъ безпрепятственно происходить митинги и собранія, въ которыхъ вся страна ощущаетъ самую настоятельную потребность»; для устраненія этого «ненормальнаго положенія» московскіе профессора совѣтуютъ министрамъ или объявить свободу собраній, или «предоставить для политическихъ собраній какія нибудь другія помѣщенія, болѣе подходящія для этой цѣли, обезпечивъ участникамъ происходящихъ тамъ собраній ту же неприкосновенность, которую они фактически находятъ въ помѣщеніяхъ высшихъ школъ» [3]).

Петербургскіе профессора, въ общемъ, отличались гораздо большимъ пониманіемъ требованій момента. Хотя совѣтъ петерб. университета былъ тоже противъ устройства въ его стѣнахъ политическихъ митинговъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, не принималъ репрессивныхъ мѣръ, не закрывалъ университета. Хотя онъ тоже обращался въ соотвѣтствующимъ властямъ, убѣждая ихъ отвести для собраній другія помѣщенія, но сдѣлалъ онъ это во всякомъ случаѣ еще до начала забастовки, 1-го октября, а не въ разгарѣ ея. Общая же масса профессорскаго персонала Петербурга была кромѣ того несомнѣнно лѣвѣе совѣта петерб. университета. И между тѣмъ, какъ московское отдѣленіе академическаго союза 9-го октября, въ началѣ забастовки, значительнымъ большинствомъ голосовъ признало нежелательными («въ настоящее время«) политическіе митинги въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, общее собраніе членовъ петерб. отдѣленія академическаго союза еще 1-го октября «пришло къ заключенію, что, при наличныхъ условіяхъ политической жизни страны, нельзя противодѣйствовать устройству митинговъ» [4]). А въ разгаръ забастовки, 14-го октября, то же петербургское отдѣленіе академическаго союза приняло слѣдующую рѣшительную резолюцію: «Признавая, что въ настоящее время устройство митинговъ является потребностью страны, неудовлетворяемой вновь созданными правилами собраній, мы, члены петерб. отдѣленія академ. союза, въ отвѣтъ на распоряженіе правительства, опубликованное 14-го октября, заявляемъ, что препятствовать устройству митинговъ въ стѣнахъ высшихъ

---

[1]) „Русскія Вѣдомости" № 265.
[2]) „Русскія Вѣдомости" № 268.
[3]) Сводка „Права" с. 15.
[4]) „Право" № 40.

учебныхъ заведеній мы не будемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы рѣшительно отказываемся закрывать высшія учебныя заведенія. Примѣненіе правительствомъ вооруженной силы къ прекращенію митинговъ мы считаемъ преступленіемъ противъ народа» [1]).

Открывши двери высшихъ учебныхъ заведеній для митинговъ, студенчество оказало огромную услугу общественному движенію, но въ то же время оно и само играло тогда чрезвычайно активную роль въ движеніи. Оно было живымъ элементомъ всѣхъ политическихъ сходокъ во время октябрьской борьбы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ выступало даже на первый планъ въ общественной борьбѣ. Такъ, напр., изъ Харькова отъ 12-го октября пишутъ въ петерб. газеты: «Университетъ превращенъ въ крѣпость. Днемъ въ университетѣ перебывало до 10.000 человѣкъ, самый же гарнизонъ крѣпости къ вечеру опредѣлился въ 2.000 человѣкъ». Въ 2 часа дня изъ магазина «Спортъ» было принесено оружіе—револьверы, ружья, масса патроновъ, сюда же были принесены заготовленныя бомбы. Оружіе было распредѣлено между гарнизономъ; всего вооруженныхъ было до 700 человѣкъ. Вооруженные были распредѣлены по отрядамъ, которые заняли главныя баррикады и окна, выходившія на улицу» [2]).

15-го октября сходное явленіе произошло и въ московск. университетѣ. «Съ утра въ университетъ потянулись студенты и посторонніе лица. Хотя учебныя занятія были пріостановлены (о чемъ гласило объявленіе, появившееся въ газетахъ и вывѣшенное при входѣ), однако студенты и публика наполнили аудиторіи и университетскій дворъ. Около часа со стороны Охотнаго ряда и Думской площади, послѣ бывшаго тамъ столкновенія съ охотнорядцами и казаками, къ университету бросилась толпа учащихся и публики... Въ ожиданіи нападенія на университетъ молодежь забаррикадировала ворота, ведущія съ Моховой къ анатомическому театру, а также стали разбирать плиты съ тротуара, булыжникъ со двора, доставать откуда-то доски, брусья, желѣзныя палки и другіе предметы, пригодные для обороны» [3]).

Рядомъ съ высшими учебными заведеніями въ октябрьскомъ движеніи принимаютъ участіе и среднія. Къ общей забастовкѣ примыкаютъ гимназіи, реальныя училища, семинаріи въ Петербургѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Смоленскѣ, Курскѣ, Самарѣ, Астрахани и др. городахъ. Мѣстами учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ играютъ въ движеніи такую же активную роль, какъ студенты. Такъ, изъ Вильны отъ 11-го октября сообщаютъ: «учащіеся устраиваютъ по Большой улицѣ сборища, разсѣиваемыя полиціей. Задержанные патрулемъ гимназисты доставлены во дворъ гимназіи; столкновеній съ полиціей не было, молодежь волнуется» [4])

Или изъ Смоленска отъ 12-го: «въ 1 часъ дня въ мужской гимназіи состоялся многолюдный митингъ. Кромѣ учащихся различныхъ учебныхъ заведеній, собралось много посторонней публики» [5]).

Кромѣ студенчества громадную роль въ октябрьской забастовкѣ играла и

---

[1]) Сводка „Права“ объ окт. заб. с. 50.
[2]) Сводка „Права“ с. 34.
[3]) Ibid. с. 64—65.
[4]) Сводка „Права“ с. 24.
[5]) Ibid. с. 36.

вообще профессіональная интеллигенція. Прежде всего тутъ необходимо отмѣтить громадную роль въ забастовкѣ массы желѣзнодорожныхъ служащихъ, этого переходнаго слоя, на верхнихъ ступеняхъ своихъ сливающагося съ имущей, обезпеченной интеллигенціей, на нижнихъ примыкающаго къ рабочей массѣ.

Центральное мѣсто въ забастовкѣ играли несомнѣнно желѣзныя дороги. Въ желѣзнодорожной же забастовкѣ рядомъ съ рабочими и мелкими служащими играли большую роль и служащіе, занимающіе сравнительно высокое положеніе. Только благодаря желѣзнодорожной интеллигенціи могла быть вообще проведена забастовка на линіи; безъ ея объединяющей и руководящей роли, линейные рабочіе и низшіе служащіе по своей разъединенности и слабой сознательности, конечно, не въ состояніи были бы провести желѣзнодорожную забастовку. Хотя, затѣмъ, желѣзнодорожная забастовка началась стихійно, но сплоченное и единодушное выступленіе желѣзнодорожной массы несомнѣнно обязано объединяющему вліянію, съ одной стороны, всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, съ другой—засѣдавшаго во время забастовки делегатскаго съѣзда желѣзныхъ дорогъ, созваннаго незадолго до забастовки правительствомъ. Желѣзнодорожный союзъ, въ которомъ руководящую роль играла несомнѣнно желѣзнодорожная интеллигенція, хотя и не вызвалъ желѣзнодорожной забастовки, но съ самаго начала игралъ въ ней очень активную роль и способствовалъ ея дальнѣйшему развитію. Въ первый же день забастовки, стихійно возникшей на московско-казанской жел. д., московскимъ узловымъ комитетомъ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза были выставлены 11 требованій для всеобщей желѣзнодорожной забастовки и среди нихъ рядомъ съ требованіями, касающимися улучшенія быта желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, выставлены требованія: «свободы собраній, сходокъ, союзовъ, организацій, совѣсти, слова, печати и стачекъ, неприкосновенности личности и жилища» (7 п.), «созыва народныхъ представителей съ законодательной властью, выбранныхъ всѣмъ населеніемъ страны всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ, безъ различія національности, пола и вѣроисповѣданія, для выработки новыхъ основныхъ законовъ страны въ интересахъ трудящихся классовъ» (п. 9), «неприкосновенности всѣхъ участниковъ забастовки и возвращенія всѣхъ пострадавшихъ за участіе въ забастовкахъ и союзахъ» (п. 10) и «полной амнистіи пострадавшимъ за такъ называемыя политическія и религіозныя преступленія» (п. 11) [1]. Московскимъ узловымъ комитетомъ здѣсь были выставлены тѣ требованія, которыя объединили затѣмъ всю октябрьскую забастовку.

Очень большую роль въ дѣлѣ сплоченія желѣзнодорожной массы, какъ передъ забастовкой, такъ и во время ея, сыгралъ желѣзнодорожный съѣздъ.

Исторія этого съѣзда чрезвычайно любопытна. Въ началѣ это былъ вовсе не делегатскій съѣздъ, а созванное правительствомъ «особое совѣщаніе по пересмотру дѣйствующихъ уставовъ желѣзнодорожныхъ пенсіонныхъ и сберегательно-вспомогательныхъ кассъ», въ которое, правда, должны были войти выбранные, съ разрѣшенія правительства, представители отъ служащихъ желѣзныхъ дорогъ, но рядомъ съ ними съ такимъ же рѣшающимъ голосомъ должны были засѣдать и завѣдующіе пенсіонными кассами.

---

[1]) Сводка „Права“, стр. 2.

Это «особое совѣщаніе» открылось 20 сентября въ помѣщеніи желѣзнодорожнаго клуба подъ предсѣдательствомъ назначеннаго министромъ пут. сообщ. завѣдующаго дѣлами пенсіоннаго комитета А. Покотилова.

Засѣданіе этого «особаго совѣщанія» въ тотъ же день было прервано: по требованію выборныхъ представителей былъ объявленъ перерывъ, во время котораго открыто частное ихъ засѣданіе. На этомъ частномъ засѣданіи были выставлены слѣдующія требованія: 1) право рѣшающаго голоса должно быть предоставлено исключительно выборнымъ представителямъ желѣзныхъ дорогъ; 2) завѣдующіе пенсіонными кассами и г. Покотиловъ присутствуютъ только съ правомъ совѣщательнаго голоса; 3) собраніе избираетъ предсѣдателя изъ своей среды; 4) свобода слова, гарантіи неприкосновенности личности представителей и ихъ жилища, и 5) публичность засѣданій.

21 сентября г. Покотиловъ на новомъ засѣданіи «особаго совѣщанія» сообщаетъ о своихъ переговорахъ съ министромъ по поводу выбора представителями отъ служащихъ изъ своей среды предсѣдателя. Министръ идетъ навстрѣчу этому желанію, но рядомъ съ этимъ «не встрѣчаетъ препятствій» къ тому, чтобы и представители комитетовъ отдѣльныхъ кассъ также выбрали изъ своей среды предсѣдателя «для обсужденія возбужденныхъ центральнымъ комитетомъ пожеланій по тому же вопросу о пересмотрѣ уставовъ». Однимъ словомъ, министръ сдѣлалъ попытку раздѣлить «особое совѣщаніе» на двѣ комиссіи, очевидно, подготовительнаго характера, изъ которыхъ одна состояла бы изъ выборныхъ элементовъ «совѣщанія», другая изъ бюрократическихъ, а потомъ, очевидно, пришлось бы объединять работу обѣихъ комиссій, для чего могла бы быть образована смѣшанная комиссія съ бюрократическимъ предсѣдателемъ. Такъ именно были истолкованы намѣренія министра новымъ частнымъ совѣщаніемъ выборныхъ представителей. Частное совѣщаніе отвергло раздѣленіе на двѣ комиссіи и приняло слѣдующую рѣшительную резолюцію: «собраніе свободно избранныхъ представителей находитъ необходимымъ немедленно приступить къ тому дѣлу, ради котораго оно собралось, подъ предсѣдательствомъ свободно избраннаго лица, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ необходимымъ въ интересахъ дѣла присутствіе въ засѣданіяхъ съ совѣщательнымъ голосомъ завѣдующихъ пенсіонными кассами». Эта резолюція была объявлена офиціальному предсѣдателю Покотилову и послѣ его удаленія собраніе приступило къ выбору предсѣдателя. Избранный предсѣдателемъ представитель служащихъ Рязанско-Уральской ж. д. Орѣховъ привѣтствовалъ собраніе съ открытіемъ «*перваго всероссійскаго делегатскаго съѣзда представителей служащихъ жел. дорогъ*» [1]).

Затѣмъ начались засѣданія съѣзда, на которыхъ подвергалась рѣзкой критикѣ организація пенсіонныхъ кассъ и выдвигались рѣшительныя мѣры для поднятія положенія служащихъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ делегатскій съѣздъ, говоря словами Хрусталева, «приковалъ къ себѣ вниманіе всей желѣзнодорожной арміи труда. Избиратели телеграммами засыпали делегатовъ, поручая имъ со всей смѣлостью отстаивать всѣ требованія. Настроеніе съѣзда повышалось, съѣздъ эволюціонировалъ влѣво...» Хрусталевъ ставитъ даже въ

---

[1]) „Сынъ Отеч.", №№ 190 и 191.

связь съ засѣданіями съѣзда—возникновеніе забастовки. «Съ каждымъ днемъ, говоритъ онъ, напряженіе росло... Властный и свободный языкъ делегатскаго съѣзда внушалъ опасеніе, что съѣздъ будетъ закрытъ, а делегаты будутъ арестованы. 7 октября по Москвѣ разнесся слухъ, что делегаты съѣзда уже арестованы, и хотя слухъ былъ опровергнутъ по телефону самими делегатами, и хотя делегаты высказались за отложеніе стачки, низы Московско-Казанской дороги прорвали плотину выжидательнаго напряженія» [1]).

9 октября, когда забастовка охватила еще только московскій узелъ жел. дорогъ, делегатскій съѣздъ представителей жел.-дор. служащихъ единогласно принимаетъ резолюцію, въ которой высказывается за цѣлый рядъ мѣръ къ улучшенію положенія служащихъ (въ томъ числѣ за повышеніе заработной платы, отмѣну сверхурочныхъ работъ, 8-ми-часовый рабочій день и друг.). Но всѣ эти мѣры предполагаютъ, по мнѣнію съѣзда, необходимость гарантій, обезпечивающихъ проведеніе ихъ въ жизнь. «Но возможны ли, спрашиваетъ резолюція, гарантіи экономическихъ и профессіональныхъ правъ трудящейся массы при порядкахъ, не обезпечивающихъ самыхъ естественныхъ и основныхъ правъ человѣка и гражданина. Поэтому *мы, орудіе нашихъ товарищей, мы, слуги народа, не можемъ молчать, когда заговорилъ весь народъ, и, какъ частица многомилліонной трудящейся массы, требуемъ* немедленной и безусловной отмѣны положенія объ усиленной охранѣ и военнаго положенія, а также и всѣхъ прочихъ законовъ и административныхъ распоряженій, ограничивающихъ права русскаго гражданина, передачи полиціи въ руки органовъ самоуправленія и уничтоженія жандармской полиціи; немедленной отмѣны смертной казни; немедленнаго освобожденія отъ наказанія и возвращенія правъ всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія; немедленнаго объявленія свободы слова, совѣсти, печати, свободнаго открытія типографій, неприкосновенности личности и жилища; свободы передвиженія съ отмѣной черты осѣдлости; свободы стачекъ, союзовъ, собраній; неприкосновенности всѣхъ участниковъ забастовокъ; устраненія всѣхъ національныхъ ограниченій и признаніе за каждой національностью правъ на самоопредѣленіе, немедленнаго созыва собранія на демократическихъ основахъ, при условіи прямого и тайнаго голосованія, для установленія основного закона новыхъ порядковъ въ Россіи».

О содержаніи этихъ положеній съѣздъ призналъ необходимымъ и неотложнымъ оповѣстить всѣ желѣзныя дороги телеграммой [2]).

Вмѣстѣ съ этимъ двѣ депутаціи, по 5 чел. каждая, были избраны для представленія этой резолюціи предсѣдателю комитета министровъ гр. Витте и министру путей сообщенія кн. Хилкову. Гр. Витте въ своемъ отвѣтѣ депутаціи призналъ ихъ экономическія требованія исполнимыми. «Но ваши политическія требованія, заявилъ онъ имъ, въ особенности требованіе учредительнаго собранія на основаніи тайнаго, всеобщаго, равнаго голосованія, мнѣ кажутся совершенно не отвѣчающими требованіямъ времени». Онъ пугалъ ихъ примѣромъ Америки, гдѣ на почвѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права воцарилось царство буржуазіи. «Вы хотите царства буржуазіи, спрашивалъ онъ. Но врядъ ли тогда вы добьетесь

[1]) „Исторія Совѣта рабочихъ депутатовъ“, стр. 56.
[2]) „Сынъ Отеч.“, № 206. Сводка „Права“, стр. 7—10.

какихъ-нибудь экономическихъ улучшеній». Въ дальнѣйшемъ онъ уговаривалъ ихъ повліять на прекращеніе забастовки [1]).

Эти переговоры съ Витте были доложены затѣмъ Орѣховымъ на желѣзнодорожномъ митингѣ, состоявшемся въ количествѣ 5—6 тысячъ человѣкъ въ университетѣ.

Послѣ доклада начался горячій обмѣнъ мнѣній. *Говорили депутаты всѣхъ желѣзныхъ дорогъ петербургскаго узла.* Въ результатѣ долгихъ и страстныхъ преній почти единогласно было рѣшено объявить всеобщую желѣзнодорожную забастовку и съ 12-го октября прекратить отправленіе поѣздовъ со станцій петербургскаго узла по всѣмъ направленіямъ [2]).

Къ этому рѣшенію прибилъ затѣмъ свою авторитетную печать первый всероссійскій делегатскій съѣздъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, принявши 12 окт. слѣдующую резолюцію: «Съѣздъ, выслушавъ докладъ депутацій о результатахъ посѣщенія предсѣдателя комитета министровъ и министра путей сообщенія, пришелъ къ заключенію, что *труженикамъ желѣзнодорожнаго дѣла остается надѣяться только на свои силы и силы трудящихся классовъ...*» [3]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что если желѣзнодорожная масса служащихъ и рабочихъ играла въ октябрьской забастовкѣ центральную роль, то въ дѣлѣ сплоченія и объединенія этой массы игралъ въ свою очередь огромную роль делегатскій съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ. По составу же своему этотъ съѣздъ только въ меньшинствѣ своемъ состоялъ изъ рабочихъ, большинство же его составляли инженеры, помощники юрисконсультовъ и агенты разныхъ службъ [4]).

Остальная интеллигентская масса не играла въ октябрьской забастовкѣ такой крупной роли, какъ желѣзнодорожная интеллигенція, но она дружно поддержала забастовку. На слѣдующій день послѣ желѣзнодорожнаго митинга, объявившаго всероссійскую забастовку, 12 окт. состоялось засѣданіе центр. бюро Союза Союзовъ, въ которомъ было постановлено немедленно созвать общее собраніе всѣхъ союзовъ, входящихъ въ Союзъ Союзовъ, для обсужденія вопроса о поддержкѣ желѣзнодорожной забастовки. Собраніе было назначено въ пятницу 14-го октября, въ 8 ч. вечера въ университетѣ [5]). Хроника «Права» отмѣчаетъ: «Къ 6-ти часамъ всѣ улицы, прилегающія къ университету, были полны толпами, направлявшимися къ университету... *Всѣ аудиторіи заняты были отдѣльными союзами*». А въ итогѣ: «*Къ забастовкѣ примкнуло 17 союзовъ*» [6]).

На собраніяхъ союзовъ 14 октября были образованы стачечные комитеты отдѣльныхъ союзовъ. Эти стачечные комитеты организовали цѣлый рядъ делегацій въ общественныя, правительственныя и частныя учрежденія съ цѣлью

---

[1]) „Русское Слово“, № 267.
[2]) Сводка „Права“, стр. 18.
[3]) „Сынъ Отеч.“, № 209.
[4]) „Исторія Совѣта рабочихъ депутатовъ“, стр. 56.
[5]) Сводка „Права“ с. 31.
[6]) Ib. с. 48—49

прекращенія занятій. Делегаты являлись въ банки, техническія конторы, правленія, промышленныя общества, суды, школы, даже въ Сенатъ [1]).

Но еще раньше 14 октября, раньше коллективнаго рѣшенія всѣхъ союзовъ примкнуть къ забастовкѣ, можно уже отмѣтить цѣлый рядъ выступленій интеллигенціи.

Такъ, 12 числа въ актовомъ залѣ технологическаго института состоялось общее собраніе *петерб.* отдѣленія союза инженеровъ. Собраніе разрослось въ огромнѣйшій митингъ (до 2000 челов.), въ которомъ приняли участіе рабочіе и служащіе николаевской ж. д. Собраніе приняло слѣдующую резолюцію: «Принимая во вниманіе все растущее оппозиціонное движеніе и обсудивъ положеніе вещей, собраніе предлагаетъ товарищамъ и петербургскимъ рабочимъ примкнуть къ желѣзнодорожной политической забастовкѣ для показанія политической сознательности пролетаріата» [2]).

Въ тотъ же день, 12-го окт., общее собраніе *моск.* отд. союза инженеровъ и техниковъ всѣхъ спеціальностей приняло резолюцію о присоединеніи ко всеобщей политической забастовкѣ. На основаніи этого постановленія въ рядѣ техническихъ конторъ немедленно прекратились занятія [3]).

За тотъ же день получаются свѣдѣнія и изъ другихъ городовъ о присоединеніи интеллигенціи къ забастовкѣ.

Такъ, въ *Саратовѣ* въ этотъ день забастовали служащіе земской и городской управы, всѣ учрежденія городского самоуправленія за исключеніемъ водопровода и больницъ [4]).

Въ *Самарѣ* закрылись всѣ банки и правительственныя учрежденія, за исключеніемъ, кажется, губернскаго правленія и канцеляріи губернатора [5]).

Затѣмъ 13-го октября прекращаются занятія на три дня въ СПБ. земствѣ и въ правленіи СПБ. округа путей сообщенія. Закрываются 87 аптекъ. На три дня прекращаются занятія въ СПБ. окружномъ судѣ. Сигналомъ къ этому послужило заявленіе присяжныхъ засѣдателей одной изъ сессій уголовнаго суда о невозможности заниматься рѣшеніемъ дѣлъ при настоящемъ тревожномъ состояніи [6]).

Послѣ 14-го числа забастовка лицъ интеллигентскихъ профессій принимаетъ чрезвычайно широкій характеръ. Рядомъ съ лицами свободныхъ профессій и служащими въ частныхъ учрежденіяхъ покидаетъ правительственные ряды и переходитъ на сторону забастовки и чиновничество. Такъ, 15-го октября въ Вольно-экономическомъ обществѣ состоялось общее собраніе чиновниковъ государственнаго банка и министерства финансовъ. Собраніе постановило присоединиться ко всеобщей политической забастовкѣ [7]).

Чтобы оттѣнить громадную роль профессіональной интеллигенціи въ октябрь-

---

[1]) „Памятникъ эпохи 17 окт.“ с. 148.
[2]) Сводка „Права“ с. 30—31.
[3]) Ib. с. 34.
[4]) Ib. с. 36.
[5]) Ib. с. 36.
[6]) Сводка „Права“ с. 39—40.
[7]) Ib. с. 62.

*

ской забастовкѣ, намъ остается еще отмѣтить, что московскій стачечный комитетъ состоялъ главнымъ образомъ изъ представителей интеллигентскихъ союзовъ.

Вообще, общую картину октябрьской забастовки можно нарисовать слѣдующими чертами: пассивное отношеніе крестьянства, дружественный нейтралитетъ широкихъ слоевъ буржуазіи и значительной части землевладѣльцевъ и бурный натискъ со стороны городского рабочаго пролетаріата и профессіональный интеллигенціи, при чемъ роль послѣдней въ октябрьской забастовкѣ была въ своемъ родѣ не менѣе важна и значительна, чѣмъ роль рабочаго пролетаріата. Только дружное выступленіе обоихъ этихъ слоевъ населенія и могло придать октябрьской забастовкѣ характеръ единодушнаго натиска городской Россіи на устои стараго порядка.

5. Послѣ 17 октября.

Послѣ манифеста 17 октября начинается совершенно новый періодъ въ исторіи русской интеллигенціи.

Мы видѣли интеллигенцію въ ноябрѣ—декабрѣ 1904 г. впереди всего движенія. Она стремится тогда стать центромъ этого движенія; она стремится, съ одной стороны, сгруппировать вокругъ себя оппозиціонные слои землевладѣльцевъ и буржуазіи, съ другой—оглядывается на рабочія массы и ищетъ солидарности съ ними. Въ результатѣ колеблющіеся шаги, неопредѣленная позиція. Давленіе затѣмъ передовыхъ слоевъ рабочихъ, студенчества и революціоннаго крыла интеллигенціи явно склоняетъ массу профессіональной интеллигенціи влѣво, выступленіе петербургскихъ рабочихъ 9 января играетъ въ этомъ процессѣ окончательную рѣшительную роль.

Послѣ 9 января начинается второй періодъ участія профессіональной интеллигенціи въ революціи. Интеллигенція мобилизуется вокругъ лозунговъ передового пролетаріата, мобилизуется при этомъ раньше, чѣмъ масса рабочаго пролетаріата Россіи явно, открыто примыкаетъ къ этимъ лозунгамъ. Профессіональная интеллигенція идетъ за петербургскимъ пролетаріатомъ и пролетаріатомъ окраинъ, но по отношенію къ массѣ пролетаріата коренной Россіи она и теперь остается передовымъ авангардомъ движенія. Роль профессіональной интеллигенціи въ общественномъ движеніи достигаетъ затѣмъ своего зенита въ октябрьскую забастовку, когда въ первые моменты забастовки желѣзнодорожная интеллигенція становится даже въ центрѣ всего движенія, а въ дальнѣйшемъ масса профессіональной интеллигенціи идетъ рука объ руку съ рабочимъ пролетаріатомъ, не отставая отъ него.

Послѣ 17 октября новый третій періодъ участія въ революціи интеллигенціи характеризуется паденіемъ ея роли и значенія. На первый планъ выдвигается рабочій пролетаріатъ. Только съ этого момента масса рабочаго пролетаріата начинаетъ выступать, какъ организованная политическая сила съ опредѣленной политической программой и тактикой. Возникаетъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ Петербургѣ, организуется въ совѣты рабочихъ депутатовъ рабочая масса и въ другихъ городахъ. Совѣты рабочихъ депутатовъ вступаютъ вездѣ въ тѣсную связь съ соціалъ-демократической партіей. При явной гегемоніи этой партіи вступаютъ съ совѣтами депутатовъ въ организаціонную связь пар-

тія соціалистовъ-революціонеровъ и другія революціонныя партіи. Пролетаріатъ, такимъ образомъ, организуется подъ знакомъ революціоннаго соціализма и рѣшительной борьбы со старымъ режимомъ.

Въ какое отношеніе становится къ пролетаріату профессіональная интеллигенція?

Почти одновременно съ образованіемъ петерб. совѣта рабочихъ депутатовъ въ послѣдніе дни октябрьской забастовки происходитъ учредительный съѣздъ конституціонно-демократической партіи. Конституціонно-демократическая партія, развившаяся изъ Союза Освобожденія, выступаетъ на политическую арену въ качествѣ сплоченія профессіональной интеллигенціи съ передовыми земцами. Она не нарушаетъ на первыхъ порахъ согласнаго хора октябрьской забастовки. 14 октября учредительскій съѣздъ к.-д. партіи въ своемъ постановленіи заявляетъ: «требованія забастовщиковъ, какъ онѣ формулированы ими самими, сводятся, главнымъ образомъ, къ немедленному введенію основныхъ свободъ, свободному избранію народныхъ представителей въ учредительное собраніе на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія и общей политической амнистіи. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ эти цѣли—общія у нихъ съ требованіями конституціонно-демократической партіи. Въ виду такого согласія въ цѣляхъ, учредительный съѣздъ конституціонно-демократической партіи считаетъ долгомъ заявить свою полную солидарность съ забастовочнымъ движеніемъ» [1]).

1905 г.

Но *программа* этой партіи имѣетъ только демократически-буржуазный характеръ, а послѣ 17 октября и тактика этой партіи все болѣе и болѣе рѣзко расходится съ тактикой революціонныхъ партій.

Типъ *внѣпартійныхъ* профессіонально-политическихъ интеллигентскихъ союзовъ передъ лицомъ борьбы, разгорающейся между *открытыми* политическими партіями, дѣлается явно неумѣстнымъ, не отвѣчающимъ требованіямъ момента.

Организованнымъ интеллигентскимъ союзамъ приходилось или выбирать между соціалистическими партіями и партіей к.-д., или положить начало новой радикальной партіи—лѣвѣе кадетовъ. Въ дѣйствительности интеллигентскіе союзы продолжаютъ сохранять внѣпартійный характеръ, но въ нихъ въ это время получаютъ преобладающее вліяніе элементы лѣвѣе к.-д., стремящіеся къ солидарнымъ дѣйствіямъ съ революціонными партіями и рабочимъ пролетаріатомъ. Это не мѣшаетъ организованному пролетаріату подъ вліяніемъ соціалъ-демократической партіи относиться къ нимъ съ явнымъ недовѣріемъ, какъ буржуазнымъ организаціямъ. Тщетно добиваются представители союза союзовъ, союза инженеровъ посылки своихъ представителей въ петерб. совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Послѣдній допускаетъ представителей крестьянскаго союза, допускаетъ представителей союза почтово-телеграфныхъ чиновниковъ въ виду его полупролетарскаго характера, но представительство другихъ интеллигентскихъ союзовъ рѣшительно отвергаетъ.

Въ Москвѣ же организація пролетаріата начинается съ разрушенія интел-

---

[1]) Сводка „Права“ с. 57.

лигентскаго стачечнаго комитета, состоявшаго въ главной своей массѣ изъ представителей интеллигентскихъ союзовъ. 18-го октября московскій стачечный комитетъ выпустилъ довольно радикальное воззваніе, въ которомъ предлагаетъ «бастующимъ товарищамъ» въ виду того, что они «*силою* добились отъ правительства признанія—правда, пока только на словахъ—нѣкоторыхъ изъ своихъ требованій,—*временно* прекратить забастовку» [1]).

Немедленно послѣ этого воззванія московскій комитетъ и московская группа соц.-дем. рабочей партіи «сочли необходимымъ разъяснить рабочимъ г. Москвы, что отъ московскаго пролетаріата въ составъ даннаго стачечнаго комитета входятъ лишь представители отъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, отъ рабочихъ городского самоуправленія и отъ торговыхъ служащихъ. Разрѣшеніе вопроса о прекращеніи всеобщей стачки въ Москвѣ подлежитъ обсужденію общаго стачечнаго комитета, къ созыву котораго и приступлено» [2]).

Затѣмъ, послѣ возникновенія совѣта рабочихъ депутатовъ въ Москвѣ въ засѣданіе стачечнаго комитета меньшинствомъ его вносится слѣдующая резолюція: «Московскій стачечный комитетъ, находя дальнѣйшее свое существованіе нецѣлесообразнымъ, объявляетъ себя распущеннымъ и предлагаетъ всѣмъ рабочимъ и служащимъ, въ немъ представленнымъ, организовавшись, примкнуть къ создаваемому московскому совѣту рабочихъ депутатовъ» [3]).

Резолюція эта была отвергнута громаднымъ большинствомъ, но дни стачечнаго комитета были сочтены, скоро онъ умеръ естественной смертью, не выдержавши конкурренціи съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ.

Это рѣзкое отмежеваніе пролетаріата и его руководящихъ элементовъ отъ организованной интеллигенціи не мѣшаетъ послѣдней въ ноябрьскіе и декабрьскіе дни явно подчиняться гегемоніи пролетаріата. Въ то время, какъ часть профессіональной интеллигенціи уходитъ подъ знамя кадетской партіи и тутъ, объединившись съ передовыми земцами, пріобрѣтаетъ особую индивидуальность, пытается вести свою особую тактическую линію, отличную отъ линіи революціонныхъ партій, спеціально интеллигентская организація—Союзъ союзовъ—съ большинствомъ входящихъ въ нее союзовъ теряетъ послѣ октябрьской забастовки всякую индивидуальность, она, какъ тѣнь, слѣдуетъ за революціоннымъ пролетаріатомъ, поддерживая его выступленія, переписывая его резолюціи.

Особая индивидуальность кадетской партіи чувствуется уже въ постановленіи съѣзда к.-д. партіи, принятомъ на слѣдующій день послѣ манифеста 17 октября; постановленіе это имѣетъ довольно рѣшительный характеръ, основное требованіе момента—созывъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго и т. д. голосованія, выдвинуто тамъ достаточно ярко и опредѣленно, и тѣмъ не менѣе, постановленіе въ общемъ не носитъ непримиримаго характера по отношенію къ правительству. Постановленіе не отвергаетъ Думы, реформируемой согласно манифесту, постановленіе считаетъ возможнымъ использовать ее, «какъ одно изъ средствъ на пути къ осуществленію той же цѣли» (созыва учр. собр.),

---

[1]) „Русское слово“, № 274.
[2]) Ib., № 276.
[3]) Ib., № 291.

и все постановленіе имѣетъ характеръ открытія переговоровъ съ правительствомъ въ цѣляхъ посредничества между нимъ и народомъ [1]).

Еще болѣе умѣреннымъ духомъ отличается резолюція академическаго союза, союза, въ которомъ какъ разъ наиболѣе сильно было съ самаго начала вліяніе к-д. партіи. «Оставаясь на почвѣ всѣхъ выставленныхъ ранѣе политическихъ и академическихъ требованій, члены петербургскаго отдѣла академическаго союза заявляютъ, что *для умиротворенія страны* необходимо рѣшительное и быстрое осуществленіе во всемъ ихъ объемѣ основныхъ началъ гражданской свободы, провозглашенныхъ актомъ 17 октября, и какъ вытекающее отсюда слѣдствіе—отмѣна всѣхъ исключительныхъ законовъ и прежде всего военнаго положенія объ усиленной охранѣ и генералъ-губернаторствъ [2]).

Совершенно другимъ языкомъ отличается резолюція соединеннаго засѣданія членовъ центральнаго бюро союза союзовъ, всероссійскихъ и мѣстныхъ петербургскихъ бюро союзовъ, принятая въ ночь съ 17 на 18 октября.

«Союзъ союзовъ, говорится тамъ, между прочимъ, помня, что дѣло устроенія государства должно быть дѣломъ всего народа и что настоящія уступки завоеваны народомъ, объявляетъ, что онъ продолжаетъ оставаться на своемъ посту въ борьбѣ за демократическую платформу и будетъ считать свою миссію законченной лишь съ момента начала работъ правильно избраннаго учредительнаго собранія» [3]).

Черезъ нѣсколько дней совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановляетъ прекратить забастовку, мотивируя свое постановленіе необходимостью готовиться къ болѣе рѣшительной борьбѣ.

И какъ блѣдная копія слѣдуетъ за этой резолюціей резолюція союза инженеровъ и техниковъ, заканчивающаяся словами: «Общее собраніе петербургскаго отдѣла союза инженеровъ и техниковъ убѣждено, что только правильно избранное учредительное собраніе можетъ организовать политическую свободу. Въ настоящій моментъ общее собраніе союза, по соглашенію съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, объявляетъ прекращеніе забастовки инженеровъ и техниковъ въ пятницу, 21-го октября, въ 12 ч. дня. При этомъ собраніе признаетъ, что политическая забастовка должна быть объявлена вновь, когда это потребуется ходомъ борьбы за свободу и государственную власть народа» [4]).

1 ноября, по поводу преданія кронштадтскихъ матросовъ военно-полевому суду и введенія военнаго положенія въ Польшѣ, Совѣтъ рабочихъ депутатовъ призываетъ пролетаріатъ Петербурга къ общей политической забастовкѣ. Слѣдомъ за нимъ идетъ Союзъ Союзовъ. Собраніе всероссійскихъ и мѣстныхъ бюро союзовъ, находящихся въ Петербургѣ, принимаетъ резолюцію, въ которой выражаетъ протестъ противъ преданія матросовъ военно-полевому суду и введенія военнаго положенія въ Польшѣ, и затѣмъ продолжаетъ:

«Усматривая въ забастовкѣ, объявленной Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ,

---

[1]) Сводка „Права“ при № 48—49, с. 95—96.

[2]) Сводка „Права“ при № 48—49 с. 95—96.

[3]) Ib. с. 97.

[4]) Ib. с. 96—97.

[5]) Сводка „Права“ с. 113—114, Сынъ Отеч. № 210.

протестъ противъ такого образа дѣйствій правительства, Собраніе постановило: 1) признать желательнымъ присоединеніе всѣхъ союзовъ къ забастовкѣ, объявленной Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, и 2) предложить всѣмъ бюро немедленно созвать союзы для рѣшенія вопроса о присоединеніи ихъ къ забастовкѣ». [1])

Не вездѣ, впрочемъ, среди союзовъ стремленіе поддержать забастовку нашло на этотъ разъ горячій откликъ. Такъ, созванный для обсужденія этого вопроса—3 ноября—митингъ адвокатовъ оказался очень малолюднымъ, пришлось поэтому отложить рѣшеніе до митинга 5 ноября. Послѣдній митингъ оказался болѣе многолюднымъ. Правда, присяжный пов. Н. Д. Соколовъ обратилъ вниманіе собранія на то, что теперь уже поздно рѣшать вопросъ о забастовкѣ, такъ какъ Совѣтъ раб. депутатовъ намѣренъ съ понедѣльника ее прекратить. Тѣмъ не менѣе собраніе начало обсуждать вопросъ и высказалось за забастовку. [2])

У адвокатовъ забастовка встрѣтила къ себѣ холодное отношеніе, а у учителей средней школы даже противодѣйствіе. На митингѣ учителей средней школы 4 ноября «вопросъ о новой забастовкѣ вызвалъ весьма продолжительныя пренія. Большинство высказалось противъ забастовки». Въ итогѣ собраніе ограничилось только выраженіемъ «горячаго сочувствія тѣмъ освободительнымъ стремленіямъ, которыя двинули на политическую забастовку рабочій пролетаріатъ и рядъ профессіональныхъ союзовъ» и единогласнымъ словеснымъ присоединеніемъ къ ихъ протесту. [3])

Большинство петерб. отдѣленій союзовъ отнеслось, впрочемъ, къ забастовкѣ сочувственно и поддержало ее, въ томъ числѣ такіе вліятельные союзы, какъ союзъ инженеровъ и желѣзнодорожный союзъ. Союзъ инженеровъ, объявляя о рѣшеніи прекратить забастовку 7 ноября въ 12 ч. дня, предлагаетъ «продолжать дальнѣйшую внутреннюю организацію, чтобы въ полной боевой готовности идти по пути закрѣпленія завоеванныхъ свободъ для завоеванія полнаго народовластія и учред. собранія на основѣ и т. д.»

5 ноября забастовочный комитетъ желѣзнодоророжнаго союза, объявляя вмѣстѣ съ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и Союзомъ инженеровъ о прекращеніи забастовки 7-го въ 12 ч. дня, заканчиваетъ свое обращеніе къ желѣзнодорожной массѣ призывомъ: «собирайте всѣ ваши силы и если послѣ этого дня признано будетъ необходимымъ бастовать, то бастовать будутъ всѣ дороги сразу и бастовать онѣ будутъ до тѣхъ поръ, пока рѣшительно всѣ политическія и экономическія требованія правительство не исполнитъ» [4]).

Послѣ ареста Хрусталева, когда Совѣтъ рабочихъ депутатовъ принялъ 27-го по этому поводу свою извѣстную резолюцію, Центр. Комитетъ и Ц. Бюро Союза Союзовъ приняли совершенно аналогичное постановленіе [5]).

30 ноября въ Соляномъ городкѣ состоялось многолюдное общее собраніе Союза инженеровъ и техниковъ. На собраніи было принято открытое письмо къ Хрусталеву, рѣзко протестующее противъ его ареста и заявляющее о солидар-

---

[1]) „Русское Слово“ № 291, „Сынъ Отеч.“ № 222.
[2]) „Сынъ От.“ № 222.
[3]) Ib. № 222.
[4]) Ib. № 222.
[5]) „Сынъ Отеч.“ № 243.

ности съ дѣятельностью совѣта рабочихъ депутатовъ, предсѣдателемъ котораго является Хрусталевъ. [1])

5 декабря исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ съ участіемъ всѣхъ политическихъ партій рѣшилъ объявить всеобщую россійскую стачку съ 12 ч. дня въ четвергъ, 8 декабря.

На слѣдующій день, 7 декабря къ этому рѣшенію присоединяется петерб. центр. комитетъ Союза Союзовъ и выпускаетъ воззваніе, призывая своихъ членовъ присоединиться къ забастовкѣ; тѣхъ же, кто не можетъ лично принять въ ней участіе, поддержать бастующихъ матеріально. [2])

8 декабря въ 8 ч. вечера въ Соляномъ городкѣ началось годовое общее собраніе союза инженеровъ и техниковъ. Говорившіе ораторы призывали къ забастовкѣ. Ворвавшаяся полиція разогнала собраніе. Въ $10^1/_2$ ч. вечера состоялось собраніе бюро союза инженеровъ, которое, въ виду того, что общее собраніе союза разогнано вооруженной силой, на основаніи полномочій, данныхъ общимъ собраніемъ 4 декабря, объявило для всѣхъ членовъ союза всеобщую политическую забастовку. [3])

За день раньше чѣмъ состоялось рѣшеніе въ пользу забастовки Исполнительн Совѣта раб. депутатовъ въ Петербургѣ, 5 дек. Моск. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ объявилъ всеобщую забастовку съ 12 ч. дня 7-го дек. и къ *этому рѣшенію присоединилась* конференція 29 жел. дорогъ, засѣдавшая въ это время, вмѣстѣ съ Центр. Бюро Всеросс. желѣзнодор. Союза. [4]).

9 декабря московскій союзъ союзовъ открылъ непрерывныя засѣданія для поддержки движенія [5]).

Такимъ образомъ, и въ декабрьской забастовкѣ организованная интеллигенція выступаетъ солидарно съ пролетаріатомъ. Но роли ихъ совершенно на этотъ разъ измѣняются. Инициатива забастовки и руководящая роль въ ней принадлежатъ теперь не желѣзнодорожной массѣ, а организаціямъ пролетаріата. Интеллигентская масса дѣйствуетъ на этотъ разъ далеко не такъ дружно, какъ въ октябрѣ. Петербургскій желѣзнодорожный узелъ совершенно не бастуетъ. И если и среди рабочихъ Петербурга, обезсиленныхъ предыдущей борьбой, третья забастовка проходитъ слабѣе, то банки, земскія правительственныя учрежденія въ Петербургѣ на этотъ разъ никакого участія въ забастовкѣ не принимаютъ. Болѣе дружно проходитъ забастовка въ Москвѣ, гдѣ прекращаютъ занятія въ банкахъ, городскихъ и земскихъ предпріятіяхъ.

Декабрьское движеніе затѣмъ подавлено. Возникаетъ вопросъ объ отношеніи къ Государственной Думѣ, созываемой на новыхъ основаніяхъ—на основѣ избирательнаго закона 11 декабря. Этотъ избирательный законъ явился несомнѣнно значительной уступкой движенію, привлекая къ участію въ выборахъ рабочихъ и профессіональную интеллигенцію, которые по Булыгинскому проекту были совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ. Среди соціалъ-демократической и другихъ рево-

---

[1]) Ib. № 245.

[2]) „Молва“ отъ 8 дек. № 4.

[3]) „Молва“ № 5.

[4]) „Москва въ декабрѣ“ с. 11—12.

[5]) „Молва № 5“.

люціонныхъ партій господствуетъ бойкотистское отношеніе къ Думѣ. Къ этому отношенію присоединяется и Союзъ Союзовъ. IV Всерос. Делегатскій Съѣздъ Союза союзовъ въ засѣданіи своемъ 16 янв. 1906 г. принялъ рѣшеніе:

1) всѣми способами разъяснять странѣ истинный смыслъ положенія о Гос. Думѣ 6 авг.—11 дек., чтобы лишить это учрежденіе всякаго авторитета, какъ въ глазахъ населенія имперіи, такъ и въ глазахъ Европы;

2) отказываться отъ участія, какъ въ Гос. Думѣ, такъ и въ выборахъ въ нее во всѣхъ стадіяхъ;

3) использовать по мѣрѣ возможности предвыборную кампанію для широкой пропаганды вышеуказаннаго отношенія къ Госуд. Думѣ и основной платформы Союза Союзовъ, т. е. Созыва учред. собранія на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права [1]).

Это классическое постановленіе было несомнѣнно началомъ конца союзной интеллигентской организаціи. Какъ разъ выборы въ Госуд. Думу, на основаніи новаго избирательнаго закона, давали возможность профессіональной интеллигенціи сыграть значительную политическую роль благодаря большому значенію въ избирательной борьбѣ городской куріи.

И профессіональная интеллигенція въ данномъ случаѣ не послѣдовала призыву Союза Союзовъ, она въ своей массѣ сплотилась вокругъ партіи к.-д. и дала возможность послѣдней выступить въ качествѣ руководящей силы I-й Гос. Думы. И если въ своей ошибочной тактикѣ бойкота Думы соціалдемократическая партія имѣла за собой по крайней мѣрѣ значительныя массы пролетаріата, то Союзъ Союзовъ со своей бойкотисткой резолюціей просто повисъ въ воздухѣ. Профессіональная интеллигенція за нимъ не пошла, а блестящіе результаты выборовъ въ I Думу не могли не способствоватъ потерѣ вліянія и авторитета среди интеллигенціи этой внѣпартійной организаціи. И, дѣйствительно, дальше начинается постепенное ея умираніе, а къ половинѣ 1906 г. она совершенно исчезаетъ со сцены.

Роль интеллигенціи въ дальнѣйшемъ движеніи—въ 1906—1907 г.—неразрывно сливается съ ролью партійныхъ образованій, борющихся между собою. На выборахъ во II и III Гос. Думы интеллигенція разбивается между партіей к.-д. и такъ наз. «лѣвымъ блокомъ», этимъ соединеніемъ всѣхъ партій лѣвѣе кадетовъ для борьбы съ ними. Этотъ лѣвый блокъ образовывается спеціально для борьбы въ интеллигентской II куріи и, несмотря на участіе въ немъ и представителей пролетарскаго движенія, можетъ быть разсматриваемъ, какъ спеціально интеллигентское партійное теченіе, идущее на встрѣчу стремленію значительной части профессіональной интеллигенціи занять болѣе рѣшительную демократическую позицію, чѣмъ какую занимаетъ партія к.-д. Процессъ этого сплоченія интеллигенціи въ различныя партійныя образованія будетъ разсмотрѣнъ въ III томѣ.

---

[1]) В. Ивановичъ „Росс. партіи, союзы и лиги“ стр. 146.

П. МАСЛОВЪ.

Крестьянское движеніе 1905—7 г.[1]).

I.

Экономическое положеніе крестьянъ въ началѣ столѣтія.

Въ первомъ томѣ [2]) мы старались выяснить экономическія и политическія причины, которыя вызвали крестьянское движеніе наканунѣ и во время революціи.

Основной экономической причиной крестьянскаго движенія былъ кризисъ крестьянскаго продовольственнаго хозяйства, вызванный, съ одной стороны, высокими налогами, падавшими на крестьянское хозяйство, съ другой стороны, повышеніемъ арендныхъ цѣнъ на землю, которое было вызвано взаимной конкурренціей малоземельныхъ крестьянъ, нуждающихся въ арендѣ для поддержанія своего хозяйства.

Кризисъ крестьянскаго хозяйства сначала (къ концу XIX вѣка) выражался въ побѣдѣ мелкой крестьянской продовольственной аренды надъ капиталистической и надъ капиталистическимъ крупнымъ хозяйствомъ. Т. е. арендныя цѣны мелкой продовольственной аренды такъ повышались, что оттѣсняли какъ капиталистовъ арендаторовъ, такъ и экономическія запашки самихъ землевладѣльцевъ. Самымъ выгоднымъ способомъ веденія хозяйства для землевладѣльцевъ оказывалась сдача земли въ мелкую аренду, или за деньги, или подъ отработки.

Это повышеніе цѣнъ мелкой продовольственной аренды не только дѣлало менѣе выгоднымъ веденіе капиталистическаго земледѣльческаго хозяйства, но въ корнѣ подрывало и мелкое крестьянское хозяйство и вело его постепенно къ кризису. Арендуя частновладѣльческія земли, мелкіе арендаторы, вслѣдствіе взаимной конкурренціи, стали платить такія высокія арендныя цѣны,

---

[1]) Въ настоящей статьѣ нами использованъ матеріалъ, собранный Вл. Горномъ, по случайнымъ обстоятельствамъ не имѣвшимъ возможности принять участіе въ работахъ этого тома.

[2]) П. Масловъ. Развитіе земледѣлія и положеніе крестьянъ до начала XX вѣка „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка". т. I.

что обработка арендуемой земли не оплачивалась имъ даже по обычной заработной платѣ за сельскохозяйственный трудъ.

Такъ какъ, съ другой стороны, за свои надѣльныя земли крестьяне принуждены были платить высокіе налоги и нести всяческія повинности, то доходъ, получаемый и съ надѣльной, и съ арендуемой земли, не давалъ большинству крестьянъ даже необходимыхъ средствъ для существованія. Арендаторы, чтобы платить налоги, продолжать аренду и чтобы прокормиться, должны были сокращать свои средства производства, проѣдать скотъ или продавать его для того, чтобы уплатить аренду. Продавался ли скотъ для того, чтобы купить хлѣбъ для пропитанія, или для уплаты налоговъ и аренды, мелкая продовольственная аренда сохранялась и оттѣсняла капиталистическое хозяйство только благодаря тому, что крестьяне пополняли понемногу свой бюджетъ сокращеніемъ скота, необходимаго для веденія хозяйства.

Чѣмъ выше поднимались арендныя цѣны, чѣмъ меньше оставалось крестьянину отъ аренды земли, тѣмъ больше онъ долженъ былъ черпать изъ основного хозяйственнаго фонда, тѣмъ быстрѣе сокращалось въ хозяйствѣ количество скота, тѣмъ раньше подрывались самыя основы продовольственнаго хозяйства, тѣмъ раньше долженъ былъ наступить его кризисъ.

Въ первомъ томѣ мы приводили данныя объ относительномъ сокращеніи къ началу 90-хъ годовъ крестьянскихъ посѣвовъ (по отношенію къ земледѣльческому населенію) и о сокращеніи скота въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Это сокращеніе количества скота въ различныхъ раіонахъ Россіи было различно и, въ связи съ этимъ, какъ положеніе крестьянскаго хозяйства, такъ и характеръ крестьянскаго движенія имѣли различный характеръ.

Данныя о коневладѣніи крестьянъ въ началѣ двадцатаго вѣка даютъ слѣдующую картину измѣненія количества лошадей у различныхъ группъ населенія.

Въ центральномъ черноземномъ раіонѣ [1]) коневладѣніе различныхъ группъ земледѣльческаго населенія опредѣляется слѣдующей таблицей:

Годы.	ВЪ ПРОЦЕНТАХЪ: безлошадн.	съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	24,8	—	—	—	—	1,9
1888 . .	24	25,8	21,2	21,1	7,9	1,9
1899 . .	30,2	29,2	20.6	15,5	4,5	1,5
1905 . .	28,8	28,5	21,3	16,6	4,8	1,6

Изъ таблицы мы видимъ, что съ 1888 къ 1899 году количество лошадей сокращалось какъ абсолютно (среднее число скота на дворъ), такъ и по группамъ, причемъ особенно много теряли группы хозяйствъ трехъ и болѣе лошадныхъ, а увеличивалось число безлошадныхъ и съ одной лошадью.

Кризисъ въ наиболѣе острой формѣ въ этомъ раіонѣ наступилъ во время неурожайныхъ лѣтъ 1891—2 годовъ. Въ 1905 году, какъ видно изъ таблицы, произошло даже нѣкоторое увеличеніе числа (1,6 на дворъ) лошадей противъ 1899 года (1,5 на дворъ), хотя далеко не достигло уровня коневладѣнія 1888 г. (1,9 на дворъ).

---

[1]) 60 у. губерній: Рязанской, Тульской, Тамбовской, Орловской и Воронежской.

Въ юго-западномъ раіонѣ [1]) размѣры коневладѣнія были слѣдующіе:

Годы.	безлошадн.	въ процентахъ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	50,8	—	—	—	—	1,3
1888 . .	51,0	5,1	24,5	14,0	5,4	1,3
1899 . .	51,9	5,3	27,5	12,4	2,9	1,2
1906 . .	54,3	6,4	28,7	9,2	1,4	1,0

Изъ таблицы видно, что уже въ 1882 году половина населенія не имѣетъ лошадей. Въ юго-западномъ раіонѣ сокращеніе числа лошадей происходитъ съ большей правильностью, вплоть до 1906 года. Число безлошадныхъ съ правильной послѣдовательностью увеличивается, между тѣмъ какъ многолошадныя съ такой же правильной послѣдовательностью совершенно исчезаютъ, причемъ число дворовъ съ 5 и болѣе лошадей на дворъ сократилось съ 5,4% въ 1888 г. до 1,4% въ 1906 г. Здѣсь уже въ 80-хъ годахъ продовольственное хозяйство пережило кризисъ и большая половина населенія должна была прибѣгать не къ арендѣ земли, а къ сельскохозяйственному найму.

Въ средне-волжскомъ раіонѣ [2]) экономическое положеніе населенія сходно съ положеніемъ его въ центральномъ раіонѣ. Поэтому и таблица о коневладѣніи даетъ такую же картину сокращенія лошадей въ 90-хъ годахъ и нѣкотораго увеличенія ихъ числа въ 1905 г.:

Годы.	безлошадн.	въ процентахъ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	22,0	—	—	—	—	1,8
1891 . .	26,9	32,7	21,1	15,2	4,1	1,5
1899 . .	29,3	35,2	20,1	12,5	2,9	1,3
1905 . .	28,3	35,2	20,4	13,2	2,9	1,4

Въ нижне-волжскомъ раіонѣ [3]) хотя произошло нѣкоторое уменьшеніе числа лошадей противъ 1882 года, но это уменьшеніе въ 90-хъ годахъ не было такъ значительно, какъ въ другихъ раіонахъ, и къ 1905 году число лошадей значительно увеличилось:

Годы.	безлошадн.	въ процентахъ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	11,2	—	—	—	—	3,7
1891 . .	18,4	22,3	17,6	21,1	20,6	3,0
1899/1900	17,3	23,8	18.6	21,5	18,8	2,8
1905 . .	12,6	22,3	18,7	23,8	22,6	3,2

Изъ таблицы видно, что въ нижне-волжскомъ раіонѣ о кризисѣ крестьянскаго хозяйства въ концѣ XIX вѣка не можетъ быть и рѣчи. Среднее количество лошадей на дворъ въ этомъ раіонѣ въ 1905 году было въ 2—3 раза выше, чѣмъ въ другихъ черноземныхъ раіонахъ. Количество лошадей къ 1905 г. противъ 1891 года увеличилось и абсолютно, и относительно, причемъ значи-

---

1) 36 уѣздовъ въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской.

2) 51 уѣздъ въ губерніяхъ: Саратовской, Пензенской, Симбирской, Казанской и Нижегородской.

3) Губерніи Самарская и Оренбургская.

тельно увеличилась группа многолошадныхъ дворовъ, имѣющихъ больше двухъ лошадей, т. е. увеличилась пропасть между безлошадными хозяйствами, съ одной стороны, и многолошадными, съ другой. Хотя число безлошадныхъ хозяйствъ сократилось, но это сокращеніе, разумѣется, не уменьшило различія въ хозяйственномъ положеніи безлошадныхъ и многолошадныхъ. Такъ какъ арендаторами частновладѣльческихъ земель являются обыкновенно многолошадные, то въ нижне-волжскомъ раіонѣ должна была происходить обратная тенденція,—замѣны продовольственной аренды арендой капиталистической, для полученія прибыли, ибо зажиточная группа крестьянъ не разорялась, а постепенно крѣпла.

Разумѣется, и въ этомъ раіонѣ, особенно въ Самарской губерніи была продовольственная аренда малолошадныхъ и безлошадныхъ хозяйствъ; въ нѣкоторыхъ пунктахъ населеніе бѣдствовало такъ же, какъ и въ центральномъ земледѣльческомъ раіонѣ, но это были отдѣльные пункты въ болѣе плотно населенныхъ раіонахъ. Благодаря этому, какъ увидимъ, крестьянское движеніе нижневолжскаго раіона не носило такого стихійнаго массоваго характера, охватывающаго сплошной раіонъ, какъ было въ другихъ областяхъ Россіи.

Совершенно другую картину представляетъ раіонъ малороссійскихъ губерній. Здѣсь также, какъ въ юго-западномъ краѣ, группа безлошадныхъ уже въ 1882 году состояла [1]) почти изъ половины всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ и, слѣдовательно, значительная часть крестьянъ, не имѣвшая воловъ и лошадей, не могла прибѣгать къ арендѣ земли, а существовала въ значительной мѣрѣ сельскохозяйственнымъ наймомъ. Коневладѣніе въ этомъ раіонѣ измѣнилось въ періодъ 1882—1900 г. слѣдующимъ образомъ:

	ВЪ ПРОЦЕНТАХЪ:					
Годы.	безлошадн.	съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	44,9	—	–	—	—	1,2
1888 . .	43,4	25,1	16,6	11,4	3,5	1,2
1900 . .	38,4	28,4	18,6	11,7	2,9	1,2

Въ этомъ раіонѣ никакого измѣненія въ среднемъ количествѣ лошадей на дворъ не произошло. Здѣсь мы должны искать причины крестьянскаго движенія не только въ кризисѣ продовольственнаго хозяйства и въ арендныхъ отношеніяхъ. Какъ увидимъ, здѣсь, такъ же какъ и въ юго-западномъ раіонѣ, движеніе въ большой степени происходило на почвѣ борьбы за повышеніе заработной платы, а не изъ за аренды земли.

Въ новороссійскомъ раіонѣ [2]) по своему экономическому положенію населеніе занимаетъ среднее мѣсто между нижне-волжскимъ раіономъ, наиболѣе обезпеченнымъ скотомъ, и между центральнымъ черноземнымъ раіономъ, переживавшимъ кризисъ продовольственнаго хозяйства. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

---

1) Высокій процентъ безлошадныхъ отчасти объясняется употребленіемъ воловъ вмѣсто лошадей.

2) 30 уѣздовъ въ губ.: Екатеринославской, Херсонской, Бессарабской и Таврической.

Годы.	В ТЪ ПРОЦЕНТАХЪ: безлошадн.	съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ
1882 . .	39,4	—	—	—	—	1,7
1891 . .	39,8	9,6	30,1	13,7	6,8	1,7
1896 . .	34,6	7,9	30,1	17,8	9,6	2,0
1904 . .	36,4	7,9	34,5	13,7	7,5	1,8

Въ этомъ раіонѣ при высокомъ процентѣ безлошадныхъ [1]) довольно значителенъ и процентъ *многолошадныхъ* хозяйствъ, и среднее количество лошадей на дворъ выше, чѣмъ въ центральномъ или малороссійскомъ раіонѣ. Новороссійскій раіонъ даетъ картину большаго разслоенія населенія по экономическому благосостоянію и здѣсь должна была имѣть мѣсто какъ борьба за землю, такъ и борьба за улучшеніе условій наемнаго труда.

Итакъ, во всѣхъ черноземныхъ раіонахъ количество лошадей въ началѣ текущаго столѣтія уменьшилось противъ начала 80-хъ годовъ XIX столѣтія, хотя уменьшеніе происходило съ различными колебаніями, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ 1891—2 неурожайныхъ годовъ. Только въ новороссійскомъ раіонѣ произошло нѣкоторое увеличеніе числа лошадей, увеличеніе, которое, вѣроятно, объясняется замѣной воловъ лошадьми.

Въ нечерноземномъ раіонѣ развитіе крестьянскаго хозяйства шло въ томъ же направленіи. Количество скота сокращалось почти во всѣхъ раіонахъ. Это видно изъ слѣдующихъ таблицъ.

Въ московскомъ промышленномъ раіонѣ [2]) былъ слѣдующій процентъ:

Годы.	В ТЪ ПРОЦЕНТАХЪ: безлошадн.	съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	25,2	—	—	—	—	1,2
1888 . .	24,3	43,0	20,9	10,3	1,5	1,3
1906 . .	27,7	45,7	18,8	7,1	0,7	1,1

Количество скота въ этомъ раіонѣ къ 1906 году значительно сократилось, главнымъ образомъ, въ 3—4 лошадныхъ и въ многолошадныхъ хозяйствахъ. Произошло увеличеніе однолошадныхъ и безлошадныхъ.

Въ пріозерномъ раіонѣ [3]) происходило то же самое:

Годы.	В ТЪ ПРОЦЕНТАХЪ: безлошадн.	съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	18	—	—	—	—	1,4
1888 . .	16,3	44,1	24,6	13,6	1,4	1,4
1900 . .	20,0	45,7	22,5	10,8	1,0	1,3

Въ Бѣлорусскомъ раіонѣ [4]) процессъ сокращенія числа лошадей происхо-

---

[1]) Высокій процентъ безлошадныхъ на всемъ югѣ объясняется отчасти употребленіемъ для сельскохозяйственной работы воловъ.

[2]) 59 уѣздовъ въ губерніяхъ: Тверской, Ярославской, Владимірской, Калужской и Московской.

[3]) 27 уѣздовъ въ губерніяхъ: Псковской, Новгородской и С.-Петербургской.

[4]) 43 уѣзда въ губерніяхъ: Могилевской, Минской, Витебской и Смоленской.

дилъ значительно сильнѣе и кризисъ крестьянскаго хозяйства, какъ видно изъ ниже приведенной таблицы, долженъ былъ проявиться острѣе.

Годы.	безлошадн.	съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
	ВЪ ПРОЦЕНТАХЪ:					
1882 . .	16,0	—	—	—	—	1,9
1888 . .	13,2	30,3	26,7	23,3	6,5	2,0
1906 . .	19,1	38,4	24,4	15,5	2,6	1,5

Почти въ такихъ же размѣрахъ и у тѣхъ же группъ населенія произошло сокращеніе числа лошадей въ литовскомъ раіонѣ [1]), а именно:

Годы.	безлошадн.	съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
	ВЪ ПРОЦЕНТАХЪ:					
1882 . .	17,8	—	—	—	—	1,5
1888 . .	19,1	43,0	21,7	13,3	2,9	1,5
1906 . .	24,8	51,1	15,5	7,3	1,3	1,1

Въ литовскомъ раіонѣ, такъ же какъ и въ бѣлорусскомъ, произошло къ 1906 году огромное увеличеніе числа безлошадныхъ и однолошадныхъ дворовъ и сокращеніе числа многолошадныхъ. Среднее количество лошадей на дворъ сократилось, разумѣется, также въ огромной степени.

Въ прибалтійскомъ краѣ [2]) экономическое положеніе крестьянскаго населенія совершенно особенное и состояніе коневладѣнія можетъ характеризовать только имущую часть земледѣльческаго населенія. Какъ извѣстно, огромный процентъ населенія прибалтійскаго края безземеленъ и занимается батрачествомъ, не имѣя своего самостоятельнаго хозяйства. Поэтому, въ группировкѣ по коневладѣнію эта часть населенія не попала въ число безлошадныхъ хозяйствъ. Тѣмъ не менѣе, и среди крестьянъ, имѣющихъ свое собственное хозяйство, количество безлошадныхъ увеличилось, хотя среднее количество лошадей на дворъ и не измѣнилось. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	безлошадн.	съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
	ВЪ ПРОЦЕНТАХЪ:					
1888 . .	7,5	32,8	21,3	27,1	11,3	2,3
1900 . .	12,6	30,2	19,9	25,4	11,9	2,3

Такимъ образомъ, и въ этомъ раіонѣ увеличивалось количество пролетаризующихся крестьянъ, не имѣющихъ лошадей, но характеръ крестьянскаго движенія опредѣлялся, главнымъ образомъ, положеніемъ батраковъ, высотой ихъ заработной платы и проч., такъ какъ эта часть населенія была наименѣе удовлетворенной существующими экономическими отношеніями. Въ нѣкоторой степени такіе выводы имѣютъ мѣсто и по отношенію къ литовскому раіону, гдѣ процентъ безземельнаго крестьянскаго населенія также высокъ. Итакъ, во всемъ нечерноземномъ раіонѣ мы наблюдаемъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ въ черноземномъ раіонѣ, сокращеніе количества лошадей, которое мы считаемъ характернымъ признакомъ кризиса крестьянскаго хозяйства. *Степень* сокращенія числа лошадей въ различныхъ раіонахъ не одинакова и находится въ

[1]) 23 уѣзда въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской и Гродненской.

[2]) 23 уѣзда въ губерніяхъ: Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

значительной зависимости отъ того, какъ рано начался этотъ процессъ. Такъ въ юго-западномъ и малороссійскомъ районахъ крестьянское населеніе уже поддерживало свое хозяйство не столько арендой земли, сколько наемнымъ трудомъ, такъ какъ очевидно уже не могло конкуррировать съ капиталистическимъ хозяйствомъ.

II.

1905 годъ.

Начало движенія.

1.

Изъ статьи Вл. Горна въ первомъ томѣ читатель уже видѣлъ, что крестьянское движеніе мѣстами вспыхивало въ самомъ началѣ XX столѣтія. Въ 1901 году массовое крестьянское движеніе возникаетъ въ Гуріи, а въ 1902 году крестьянское движеніе въ Полтавской и въ Харьковской губерніяхъ увлекаетъ десятки тысячъ крестьянъ въ четырехъ уѣздахъ, при чемъ только къ суду за ети массовые безпорядки было привлечено болѣе тысячи человѣкъ. Въ значительныхъ размѣрахъ крестьянское движеніе происходило также въ Воронежской и Саратовской губ.

Въ 1903—4 годахъ движеніе возникаетъ въ различныхъ пунктахъ Россіи, при чемъ въ Гуріи оно продолжало развиваться еще шире, между тѣмъ какъ въ другихъ пунктахъ оно вспыхивало и быстро подавлялось. Уже въ 1903—4 годахъ встрѣчаются всѣ формы крестьянскаго движенія, которыя въ болѣе широкихъ размѣрахъ развились въ 1905—6 годахъ.

Къ началу 1905 года броженіе всѣхъ классовъ населенія, вызванное отчасти неудачами русско-японской войны, становится чрезвычайно напряженнымъ. Слухи о событіяхъ въ Петербургѣ послѣ 9-го января, конечно, проникали и въ деревню. Всѣ событія 1904 и начала 1905 года должны были зажечь пожаромъ тотъ горючій матеріалъ, который накопился въ деревнѣ. И, дѣйствительно, съ февраля мѣсяца крестьянское движеніе вспыхиваетъ съ еще небывалой силой, возникая стихійно въ различныхъ мѣстахъ обширной страны.

Атмосфера напряженнаго состоянія въ настроеніи крестьянъ стала чувствоваться вездѣ. «Мужикъ какъ-то незамѣтно умственно выросъ, пишетъ корреспондентъ «Слова», кругозоръ (мужика) увеличился и жизненная неправда имъ стала чувствоваться и сознаваться опредѣленнѣе, яснѣе и требовательнѣе. Онъ уже начинаетъ и возмущаться барствомъ, не потому, впрочемъ, что тѣ бары, а онъ мужикъ, а потому, что у баръ онъ видитъ много неправды по отношенію къ себѣ, а у властей потачки первымъ и угнетеніе его. И вотъ результаты: во многія деревни мѣстная полиція боится уже показаться, а урядника нерѣдко стали и поколачивать — и уже совершенно не въ пьяномъ видѣ и не по пьяному дѣлу, а преднамѣренно, обдуманно. Прошлымъ лѣтомъ какъ-то безъ широкаго уговора явилась стачка» [1]).

Естественно, что, при такомъ настроеніи и при усилившемся движеніи другихъ слоевъ населенія, крестьянскіе безпорядки возникаютъ одновременно въ

---

[1]) См. П. Маеловъ. Аграр. вопросъ т. II стр. 145.

самыхъ отдаленныхъ одно отъ другого мѣстахъ, какъ будто по предварительному уговору.

Такъ, 15 февраля начинаются безпорядки въ Дмитровскомъ уѣздѣ Курской губ. и распространяются на сосѣдніе уѣзды Орловской и Черниговской губ.

18 февраля, въ виду аграрныхъ безпорядковъ, Озургетскій уѣздъ Кутаисской губ. и Контришскій участокъ Батумской области передаются изъ вѣдѣнія губернаторовъ военнымъ властямъ.

Съ 15 февраля по 1-е марта въ Харьковскомъ уѣздѣ начинаются порубки лѣса.

28 февраля въ Шаропанскомъ уѣздѣ (Кутаисск. губ.) крестьяне разбиваютъ сельскія канцеляріи и уничтожаютъ документы. То же одновременно происходитъ въ Сенакскомъ уѣздѣ. 9 марта начинается движеніе въ Горійскомъ у. Тифлисской губ., а 10-го въ Двинскомъ, Рѣжицкомъ и Люцинскомъ уѣздахъ Витебской губ., т. е. на противоположномъ концѣ Европейской Россіи, крестьяне рубятъ лѣсъ и нападаютъ на экономіи. 10-го же марта начинается сильное движеніе въ Лифляндской губерніи. 12-го начинаются забастовки батраковъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губ. Одновременно отмѣчается крестьянское движеніе и движеніе батраковъ и въ другихъ пунктахъ Польши.

27 марта около Риги происходятъ собранія для выработки общихъ требованій; 28 марта начинаются безпорядки въ Телавскомъ уѣздѣ Тифлисской губ. 31 марта отправляются казаки въ Луганскъ для усмиренія сосѣднихъ крестьянъ и въ то же время осетины на Сѣверномъ Кавказѣ дѣлаютъ вооруженныя нападенія на казенные лѣса. Въ мартѣ же происходятъ безпорядки и забастовки крестьянъ въ Подольской губ., порубки лѣсовъ въ Харьковской губ. и т. д. и т. д. [1]).

Въ зависимости отъ экономическихъ условій, отъ культурнаго уровня населенія различныхъ районовъ, а также отъ болѣе или менѣе близкаго участія различныхъ революціонныхъ партій и характеръ крестьянскаго движенія въ различныхъ мѣстахъ былъ различенъ.

2.

Движеніе началось въ 1905 году прежде всего въ Дмитровскомъ уѣздѣ Курской губ. и Сѣвскомъ у. Орловской губ.

«Уже давно среди крестьянства Курской губ., пишетъ корреспондентъ «Рев. Рос.», ходятъ слухи о необходимости произвести съ весны «общее поравненіе».—«Вотъ какъ только вернутся къ веснѣ запасные, мы и произведемъ «поравненіе». Крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ждутъ, что руководить движеніемъ будутъ студенты».

«Въ пострадавшемъ раіонѣ, пишетъ корреспондентъ «Слова» [2]), крестьянство жило почти впроголодь, сосѣдство же богатыхъ имѣній съ обширными угодьями рельефно оттѣняло дефекты его нищеты и тѣсноты. Когда, однако, крестьянство пошло на приступъ, то чрезмѣрно пострадавшими оказались не столько обладатели крупныхъ имѣній, сколько средніе помѣщики...»

---

[1]) Ibid. Стр. 146—7.

[2]) „Слово“. № 102, 1905 г.

Подвигаясь изъ Орловской губ., разрушительное шествіе крестьянской толпы въ предѣлахъ Глуховскаго уѣзда Черниговской губ. разгромило семнадцать хуторовъ и имѣній. Паника охватила всѣхъ помѣщиковъ. «Помѣщики всѣ подѣвались куда-то, въ экономіяхъ было пусто, ни души, весь скотъ прятали неизвѣстно куда... Словно все вымерло... [1]).

Подвигаясь впередъ, разгромивши рядъ имѣній, крестьянская толпа въ Сѣвскѣ натолкнулась на войска, которыя привелъ черниговскій губернаторъ, и крестьяне разсѣялись.

Наиболѣе пострадали въ Глуховскомъ уѣздѣ имѣнія дворянина Терещенки, у котораго въ ночь на 23 февраля были разобраны Николаевскій и Михайловскій хутора, при чемъ изъ Николаевскаго хутора былъ вывезенъ хлѣбъ въ зернѣ, а изъ Михайловскаго хутора, въ которомъ находился сахаро-рафинадный заводъ, была увезена часть сахара и другого имущества, а зданіе завода и дома были сожжены.

По даннымъ обвинительнаго акта [2]), крестьянскіе безпорядки происходили при слѣдующихъ условіяхъ.

«Крестьяне какъ села Сальнаго, такъ и другихъ окрестныхъ деревень, въ томъ числѣ и Глуховскаго уѣзда—люди крайне бѣдные, имѣютъ небольшіе надѣлы, въ среднемъ около $2^3/_4$ десятины на ревизскую душу, а, напримѣръ, въ с. Ломленкѣ, Глуховскаго уѣзда, на 38 дворовъ приходится 32 десятины; многіе же изъ крестьянъ и совсѣмъ надѣла не имѣютъ; земля очень плохого качества (песокъ, болото и глина), такъ что своего хлѣба не хватаетъ, недостатокъ выгоновъ, отсутствіе лѣса и луговъ; пользоваться же владѣльческой землей на арендномъ правѣ было невозможно, такъ какъ почти вся земля обрабатывалась самими владѣльцами, и *если сдавалась подъ посѣвы, то худшая часть, и притомъ съ обязательствомъ отработковъ въ экономіи*, что дѣлало также пользованіе экономической землей убыточнымъ для крестьянъ. Только крайняя нужда и незначительный размѣръ надѣльной земли заставляли крестьянъ брать землю на такихъ условіяхъ у помѣщиковъ, притомъ, если положено, напримѣръ, отработать въ экономіи Терещенко 40 десятинъ, то экономія требуетъ, чтобы ихъ убрать въ два дня, а если крестьяне не успѣютъ, то съ нихъ вычитываютъ по 6 рублей съ десятины и сѣна вовсе не даютъ, снопы заставляютъ вязать въ пудъ вѣсомъ, и, въ случаѣ во время работы сломается экономическая телѣга, то за это съ возчика вычитаютъ рубль, при остановкѣ же работъ изъ-за дождя въ теченіе часа, съ рабочихъ вычитаютъ плату за полдня.

«Вслѣдствіе такого недостатка въ землѣ крестьяне вынуждены были искать заработковъ путемъ отхожихъ промысловъ, отправляясь для этой цѣли на югъ въ Одессу, Ростовъ на-Дону, Ялту, Юзовскіе заводы, а также прибѣгать къ мѣстнымъ заработкамъ, какіе давалъ сахарный заводъ въ видѣ возки топлива, извоза сахара и работы на самомъ заводѣ. По возвращеніи же изъ отхожихъ промысловъ крестьяне становились хуже въ нравственномъ отношеніи, къ старшимъ (sic!) и къ начальству относились высокомѣрно и нерѣдко дерзко, и не

---

[1]) „Слово" № 102, 1905 г.

[2]) „Право„ № 9, 5 марта 1905 г.

*

хотѣли уже заниматься земледѣліемъ. Незадолго до возникновенія погромовъ въ с. Сальномъ, Дмитріевскаго уѣзда, и въ сосѣднемъ селѣ Добромъ полѣ появились прокламаціи революціоннаго содержанія, подъ заглавіемъ «Братья крестьяне», призывающія крестьянъ къ массовому возстанію противъ помѣщиковъ и властей, причемъ имъ начертывалась программа дѣятельности: сначала тайная пропаганда среди односельцевъ, малыя сходки и собранія въ цѣляхъ объединенія, а затѣмъ повсемѣстное массовое открытое возстаніе. Читались эти прокламаціи толпами крестьянъ, не позволяя ихъ никому сорвать, съ видимымъ удовольствіемъ говоря, что вышелъ «праведный законъ», что теперь все наше, и поля, и луга, и лѣса, все можно теперь намъ забирать отъ владѣльцевъ, пахать землю, жать, рубить лѣса». Крестьяне были убѣждены, что прокламаціи «идутъ отъ начальства», и поэтому имъ нужно вѣрить. Вскорости послѣ появленія упомянутой прокламаціи крестьяне села Сальнаго начали производить самовольныя потравы и порубки, а затѣмъ въ ночь на 13 февраля 1905 г. открыто похитили хлѣбъ изъ экономіи Чехничена; въ ночь же на 22 того же февраля было разграблено еще нѣсколько экономій въ Сѣвскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ томъ числѣ и экономія Николы Терещенко при селѣ Хинели. Во время разграбленія 22 февраля находившагося въ Сѣвскомъ уѣздѣ Николаевскаго хутора Терещенко одинъ изъ толпы говорилъ: «отъ пановъ и намъ, и вамъ плохо, а *вотъ они подадутся, такъ земля и будетъ наша, на весну можете пахать и жать всю землю.* Вотъ теперь здѣсь берите, а чтобы въ 6 часовъ вечера всѣ были въ Михайловскомъ хуторѣ...» Въ тотъ же день, въ Михайловскомъ хуторѣ Терещенко часа за два до погрома этого хутора одинъ говорилъ, обращаясь къ группѣ крестьянъ: «я не имѣю куска земли, а помѣщики имѣютъ землю и живутъ себѣ вольно... я самъ первый начну разбивать и громить». Во время же самаго погрома одинъ изъ крестьянъ, принимавшій участіе въ погромѣ, на вопросъ, почему они не только грабятъ, но и жгутъ заводъ и постройки при немъ, отвѣтилъ: «заводъ не нуженъ, мы сахару варить не умѣемъ, намъ земля нужна, на весну гречиху тутъ будемъ сѣять... Одна крестьянка на тотъ же вопросъ, а также на вопросъ откуда она, отвѣтила: «изъ села Хинеля, пріѣхали грабить панское добро, *намъ самъ Царь батюшка повелѣлъ это дѣлать и прислалъ намъ бумагу съ короной*». По разграбленіи Хинельской экономіи... почти всѣ крестьяне села Хинеля, вмѣстѣ со старостой, поѣхали въ Михайловскій хуторъ. Отправились не только мужчины, но и женщины и даже дѣти. Такъ какъ путь лежалъ на деревни Ломленку и Родіоновку и село Чуйковку, Глуховскаго уѣзда, то, проѣзжая, приглашали мѣстныхъ крестьянъ присоединиться къ нимъ и ѣхать въ Михайловскій хуторъ «по сахаръ», угрожая на случай отказа поджогомъ на обратномъ пути. Между Чуйковкой и Михайловскимъ хуторомъ ѣхавшіе подожгли расположенные у дороги сараи, находившіеся на Федоровскомъ хуторѣ Терещенко и нѣсколько далѣе въ разстояніи 1½ версты отъ Михайловскаго хутора, три большихъ навѣса для сушки кирпича, которые и сгорѣли впослѣдствіи, и затѣмъ, около 7 часовъ вечера, подъѣхали къ Михайловскому хутору. Всѣхъ подводъ ѣхало до 500, а въ улицу Михайловскаго хутора въѣхало подводъ 6—7, на коихъ сидѣло по 2 и по 3 человѣка. На вопросъ одного изъ служащихъ на заводѣ, для чего они пріѣхали, послѣдніе отвѣтили: «развѣ не знаете для чего?

грабить, жечь и громить». Вслѣдъ за тѣмъ, со стороны Чуйковки стали въѣзжать подводы, а когда первыя поровнялись съ зданіемъ больницы, находившимся при въѣздѣ въ Михайловскій хуторъ, надзирательница больницы Михайлова обратилась къ проѣзжавшимъ съ просьбой не громить больницы. Въ толпѣ раздались голоса—не трогать больницы и зданіе это уцѣлѣло, подводы двинулись дальше по улицѣ. Часть подводъ, приблизительно до 300, свернула въ экономическій дворъ Николаевскаго хутора, расположенный почти противъ больницы и стала расхищать хранившійся тамъ въ 6 амбарахъ разный хлѣбъ въ зернѣ, мукѣ, крупѣ и отрубяхъ, котораго было до 10 тысячъ пудовъ, а остальныя подводы продолжали двигаться по направленію къ заводу. Впереди съ шумомъ и крикомъ проѣхало подводъ 200 крестьянъ села Хинеля и другихъ селъ Орловской губ., а за ними потянулись подводы крестьянъ Глуховскаго уѣзда, очевидно присоединившихся по пути къ первымъ. Ѣхали подводы по нѣсколько врядъ, всего было ихъ около тысячи. У нѣкоторыхъ изъ ѣхавшихъ видны были въ рукахъ топоры, ломы и колья. Двигаясь по улицѣ, въ началѣ которой расположены дома съ квартирами низшихъ служащихъ на заводѣ, толпа ограничилась лишь тѣмъ, что разбила стекла въ нѣсколькихъ окнахъ этихъ домовъ. Возлѣ бондарнаго двора изъ толпы отдѣлилось человѣкъ шесть, которые, въѣхавъ въ этотъ дворъ, отбили замокъ у сарая, гдѣ сложенъ былъ сахаръ въ мѣшкахъ и стали расхищать его, складывая на подводы, но подоспѣвшему приказчику бондарнаго двора Москаленко съ нѣсколькими бондарями удалось отстоять этотъ складъ. Подъѣхавъ далѣе къ дому, въ которомъ была квартира доктора завода Смаковскаго и служащаго на заводѣ Алфимова, толпа стала бить окна въ квартирѣ Смаковскаго и расхищать его имущество. Видя это, стоявшіе возлѣ дома Алфимовъ съ сыновьями... обратились съ просьбою къ одному изъ крестьянъ, не грабить и не жечь ихъ квартиры, говоря, что они люди бѣдные. Этотъ крестьянинъ осмотрѣвъ обстановку въ квартирѣ Алфимова, крикнулъ толпѣ: «братцы этоо квартиры не трогать». Крикъ этотъ былъ подхваченъ толпою, и квартира Алфимова разграблена не была. Движеніе подводъ все продолжалось; въ это время, по показанію свидѣтелей, раздался звукъ рожка и свистка... Послѣ этого послышался звонъ разбиваемыхъ стеколъ и оказалось, что толпа бросилась въ квартиры служащихъ, расположенныя далѣе по улицѣ, стала бить окна, расхищать имуществ и затѣмъ поджигать ихъ... Одновременно съ этимъ, двигавшаяся впередъ толпа раздѣлилась: часть вошла въ хозяйственный дворъ, гдѣ, отбивъ замки у сарая, расхитила находившійся тамъ сахаръ, а также муку и крупу, и похитила изъ этого двора трехъ лошадей, выпущенныхъ ранѣе, въ виду пожара, изъ конюшни, другая часть направилась въ заводскій дворъ и, бросившись къ зданію завода, четыремъ амбарамъ съ сахаромъ, конторѣ завода, при которой помѣщалась и квартира управляющаго заводомъ Гусаченко, стала ломать замки, двери, бить окна и расхищать сахаръ и другое имущество, складывая все это на подводы, а затѣмъ подожгла эти зданія. Заводъ былъ подожженъ одновременно съ трехъ сторонъ. Всѣ эти зданія, контора, склады съ сахаромъ и заводъ сгорѣли... Толпа разсыпалась по всему хутору, продолжая грабить и жечь. Въ разныхъ мѣстахъ возникли отъ поджоговъ новые пожары»...

Въ то время, когда толпа еще продолжала грабить и жечь, по улицѣ по-

тянулись къ выѣзду подводы, нагруженныя разнымъ имуществомъ, а на встрѣчу имъ двигались порожнія, принадлежавшія крестьянамъ окрестныхъ селъ и деревень. Вновь прибывшіе, въ свою очередь, принимали участіе въ разграбленіи и такое движеніе продолжалось въ теченіе всей ночи. *Всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ погромѣ, было болѣе трехъ тысячъ человѣкъ.*

Въ теченіе недѣли были ограблены экономіи Хатута, Погребы, Калиновка, хуторъ Дмитріевскій, хуторъ Елизаветинскій (г. Шауфусъ), Дубовицы (бар. Мейендорфъ), Гламаздино (Волкова), Прилѣпы (бар. Мейендорфа), Романовка, Сковородня, Позднышевка, хутора Попова, Зайцевыхъ, Линтваревой, Петровскаго, Хинель (Терещенко).

Нарисованная выше картина разгрома экономіи является типичной для центральнаго черноземнаго раіона и повторяется съ различными варіаціями и въ другихъ мѣстахъ этого раіона. Движеніе носитъ характеръ стихійнаго, мало сознательнаго движенія, иногда основаннаго, повидимому, на томъ соображеніи, что послѣ разгрома имѣнія помѣщикъ уже не въ состояніи будетъ вести хозяйство и земля достанется крестьянамъ. Какъ и въ приведенномъ выше случаѣ, крестьяне иногда полагали, что разгромъ имѣній совершается съ дозволенія царя и что за это никакого наказанія не будетъ.

Въ безпорядкахъ обыкновенно принимали участіе крестьяне цѣлаго ряда деревень совмѣстно. Большею частью крестьяне предупреждали заранѣе владѣльцевъ, что явятся къ нимъ тогда-то, [1]) при чемъ иногда приходила предварительно небольшая группа, осматривала экономію и уже послѣ того заявляла, что крестьяне придутъ въ извѣстный день.

Въ назначенный день недалеко отъ усадьбы зажигался ометъ соломы, костеръ или просто большой пукъ соломы на длинной жерди, и по этому сигналу собиралась толпа крестьянъ съ подводами; подводъ иногда съѣзжалось до 500—700. Собравшись, крестьяне направлялись въ экономію, подходя къ ней, дѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, ломали замки у амбаровъ, нагружали хлѣбъ на подводы и уѣзжали.

Присутствіе хозяина или управляющаго нисколько не смущало ихъ: они дозволяли ему быть свидѣтелемъ происходящаго, не отгоняли отъ себя, но и и не вступали съ нимъ ни въ какія объясненія. Брали, главнымъ образомъ, зерновой хлѣбъ; другіе продукты увозили въ рѣдкихъ случаяхъ, поэтому никакихъ другихъ построекъ кромѣ хлѣбныхъ амбаровъ, обыкновенно, не трогали. Въ Прилѣпахъ крестьяне разграбили хлѣбъ, но не тронули сахарнаго завода; у Петровскаго также увезли хлѣбъ и оставили въ покоѣ винокуренный заводъ. Въ дома обыкновенно не заглядывали. Денегъ не требовали, насилій никакихъ не дѣлалось. Вообще крестьяне старались вести себя сдержанно и не выходили изъ извѣстныхъ предѣловъ. На больницы и школы никакихъ покушеній не дѣлалось, такъ что нѣкоторые помѣщики бросали усадьбы и укрывались въ школахъ. Въ разборкѣ экономій принимали участіе цѣлыя деревни,—мужчины, женщины и подростки; въ числѣ арестованныхъ въ сѣвской тюрьмѣ былъ, между прочимъ,

---

[1]) „Помѣщики Сѣвскаго уѣзда Орловской губ. знали опредѣленно о погромѣ за шесть дней до его наступленія и принимали мѣры предосторожности". „Слово„ № 102, 1905 г.

одинъ слѣпой нищій, котораго сельчане снабдили лошадью и подводой, помогли насыпать хлѣба и онъ, такимъ образомъ, привезъ себѣ цѣлый возъ.

Какого нибудь распредѣленія экономій между деревнями не было, пріѣзжалъ кто хотѣлъ и какой бы то ни было деревни, иногда очень издалека.

Хотя крестьяне, какъ сказано, старались не выходить изъ извѣстныхъ границъ, но это имъ не всегда удавалось. Иногда подъ вліяніемъ возбужденія, опьяненія или особенно обостренныхъ отношеній, страсти разгорались и тогда уже происходилъ разгромъ въ полномъ смыслѣ этого слова [1]).

3.

Въ Сѣверозападномъ краѣ одновременно происходитъ то же самое. Такъ, въ большомъ и богатомъ селѣ, извѣстномъ по большому винокуренному заводу Волкова, по сообщенію «Свѣта,» [2]) «бунтовщики окружили предначертанный ими погромъ особенной торжественностью. «Собираться» положено было по сигналу и сигналомъ былъ назначенъ ударъ въ набатъ. Въ 6 часовъ вечера призывной ударъ раздался и всѣ мужики явились на сборный пунктъ, выкинувъ при этомъ «для порядка» красный флагъ, считающійся у нихъ первымъ символомъ порядка. На вопросы о красномъ флагѣ бунтовщики пресерьезно отвѣчали: «а для того мы и вывѣсили красный флагъ, чтобы всѣ знали, что мы идемъ не на разбой, не для озорства, а за дѣломъ. Винокуренный заводъ они сожгли до тла, часть спирта пролили, а остальной подѣлили самымъ миролюбивымъ образомъ, такъ же какъ и инвентарь экономіи, причемъ усердіе ихъ доходило до того, что одинъ «вояка», на долю котораго пришлись тесовыя ворота и откормленная телка, за 25 верстъ уволокъ эти трофеи на себѣ».

«Между собой у нихъ ссоръ не выходило, положительно, никакихъ, но это миролюбивое отношеніе всецѣло ограничивалось ихъ взаимными отношеніями, и когда въ одномъ изъ селъ помѣщикъ, предчувствуя недоброе, попытался самъ заблаговременно вырубить свой лѣсъ, то мужики «запретили» ему это, говоря: «Не смѣй! Все наше! И земля наша, и лѣсъ нашъ!» Помѣщикъ отступилъ передъ стихійной силой, выставилъ имъ вина, сталъ униженно просить, чтобы они не трогали его дома, убѣждая ихъ, что надобно же ему гдѣ нибудь жить. Не стали слушать, прогнали и отправились «міромъ» его лѣсъ рубить. Въ этомъ повальномъ стихійномъ опустошеніи бунтовщики добрались и до казеннаго лѣса, принялись, было, его рубить, но живо спохватились и бросили работу».

При разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ, возникшихъ по поводу февральскихъ безпорядковъ, оказалось, что никакихъ агитаторовъ или стороннихъ подстрекателей не было; судомъ были даже отвергнуты почти всѣ обвиненія въ подстрекательствѣ. «Самое тщательное изслѣдованіе дѣла установило, что «разбирать» экономіи крестьяне пошли единственно на основаніи быстро распространившихся слуховъ о томъ, что это дозволено свыше. Другое основаніе состояло въ непреодолимомъ желаніи вѣрить всякимъ такимъ слухамъ, которые сулятъ освобожденіе ихъ изъ того невыносимаго экономическаго положенія, въ которомъ они нахо-

---

[1]) П. Масловъ. Цитир. соч., стр. 150—151.

[2]) „Свѣтъ“ отъ 16 марта 1905 г.

дятся и которое можетъ быть опредѣлено двумя словами: «хроническое недоѣданіе» по причинѣ малоземелья и увеличенія народонаселенія. Въ настоящее время, спустя сорокъ лѣтъ, они такъ размножились, что надѣльной земли сдѣлалось уже недостаточно для ихъ прокормленія, а потому они должны были бы получить новый надѣлъ, на что однако помѣщики не соглашаются и бунтуютъ противъ царя. Потому имъ, крестьянамъ, слѣдуетъ придти на помощь и насильно отобрать отъ господъ землю, которую они не хотятъ отдать добровольно; въ данную же минуту слѣдуетъ взять у нихъ и полученныя ими отъ этой земли доходы въ видѣ хлѣба и скота. Это убѣжденіе до такой степени проникло въ сознаніе крестьянъ, что многіе изъ нихъ и на судѣ упорно старались доказать его справедливость. Дошли ли они до него собственнымъ умомъ, подъ вліяніемъ гнетущей безысходной нужды, или оно было внушено имъ кѣмъ нибудь изъ ихъ среды,—доискаться было трудно, но изъ судебныхъ дѣлъ вовсе не усматривалось, чтобы это убѣжденіе было результатомъ революціонной пропаганды».

4.

Въ Юго-западномъ краѣ движеніе крестьянъ началось съ порубки крестьянами помѣщичьихъ лѣсовъ въ самомъ началѣ 1905 года. Корреспонденты изображаютъ порубочное движеніе, какъ предшествующее забастовочному движенію, которое наступило позднѣе съ началомъ полевыхъ работъ, и называютъ порубки «стихійными» въ томъ смыслѣ, что въ этомъ движеніи замѣчалось полное отсутствіе подготовки и планомѣрности. Движеніе въ Каменецкомъ уѣздѣ Подольской губерніи возникло самостоятельно: никакой агитаціи въ 1905 году, когда особенно сильны были порубки, не замѣчалось. Въ концѣ февраля порубки приняли эпидемическій характеръ. Явились власти, или, какъ говорятъ крестьяне, «комысія» Было произведено много обысковъ и найдено много срубленныхъ деревьевъ [1]).

Въ другихъ уѣздахъ Подольской губерніи движеніе въ началѣ 1905 года проявлялось въ различныхъ мѣстахъ въ различныхъ формахъ, но не носило такого «эпидемическаго» характера. Въ Балтскомъ уѣздѣ, въ большинствѣ случаевъ движеніе начала 1905 года было связано съ арендными отношеніями крестьянъ и *расширеніемъ помѣщичьихъ запашекъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безпорядки окончились разгромомъ усадьбъ и убійствами помѣщиковъ. Первый случай разгрома усадьбы произошелъ въ с. Круты въ имѣніи кн. Абамелекъ-Лазарева, и вызванъ былъ убійствомъ крестьянина объѣздчикомъ помѣщика. Толпа въ 1000 человѣкъ разгромила все имущество. Какъ выяснилось на судѣ, крестьяне были озлоблены распашкой экономіей тѣхъ мѣстъ, которыя раньше служили у крестьянъ пастбищемъ, вслѣдствіе чего крестьяне стали торять скотъ.

Подобный же разгромъ, сопровождавшійся убійствомъ, произошелъ 6 мая на хуторѣ землевладѣльца А. Войтенко, при чемъ усадьба была разгромлена а домъ сожженъ. Точно также и здѣсь землевладѣлецъ, еще въ 1904 году сдававшій землю исполу крестьянамъ, въ 1905 году большую часть земли сталъ обрабатывать. Другіе случаи столкновенія крестьянъ съ землевладѣльцами носятъ точно также чисто мѣстный характеръ и не захватываютъ сосѣднихъ крестьянъ.

---

[1]) А. Е. Лосицкій. Аграрное движеніе 1905-6 годовъ. Югозападныя губерніи. Труды В. Э. Общества № 4—5, 1908 г. Стр. 237—8.

Значительно шире въ югозападномъ краѣ (въ Подольской губерніи) весной 1905 года было забастовочное движеніе крестьянъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Въ Подольской губ. можно отмѣтить нѣсколько раіоновъ забастовочнаго движенія, которое распространялось въ этихъ раіонахъ въ извѣстной хронологической послѣдовательности. Раньше другихъ движеніе началось въ мѣстностяхъ съ сравнительно слабымъ развитіемъ посѣвовъ сахарной свекловицы, но за то самыхъ малоземельныхъ (Каменецкій, Углицкій, Проскуровскій и Могилевскій уѣзды). Требованія крестьянъ касались не только поденной платы во время весеннихъ работъ, но и платы сроковымъ рабочимъ и вознагражденія за трудъ во время жатвы.

Первый раіонъ забастовочнаго движенія охватываетъ сѣверозападную часть Углицкаго уѣзда, Проскуровскій и Каменецкій у.у. Движеніе началось въ концѣ марта и охватило въ апрѣлѣ мѣсяцѣ десятки селъ. Второй раіонъ состоитъ изъ Могилевскаго и Ямпольскаго у.у. съ юговосточной частью Углицкаго. Здѣсь движеніе развилось въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ. Еще позже, въ маѣ и началѣ іюня, оно распространилось въ сѣверныхъ волостяхъ Ямпольскаго у., югозападной части Винницкаго и въ сосѣднихъ частяхъ Могилевскаго и Брацлавскаго уѣздовъ. Въ то же время забастовка охватила болѣе 20 селъ Гайсанскаго уѣзда. [1])

Забастовочное движеніе началось съ того, что въ концѣ марта крестьяне м. Солобковецъ Углицкаго у., собравшись въ присутствіи старосты на сходъ, постановили приговоръ о томъ, что никто изъ членовъ общества не долженъ наниматься на работы въ мѣстную экономію дешевле 1 рубля въ день для взрослаго и 50 коп. для работницы. Это постановленіе въ ближайшій ярмарочный день уполномоченные общества объявили и окрестнымъ крестьянамъ. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля произошли забастовки въ десяткахъ селъ смежныхъ волостей Углицкаго, Проскуровскаго и Каменецкаго уѣздовъ. Уполномоченные отъ крестьянъ предъявили помѣщикамъ и поссесорамъ требованія о повышеніи заработной платы, какъ поденнымъ и сдѣльнымъ, такъ и постояннымъ рабочимъ. Были выставлены требованія: 1) поденная плата взрослому рабочему 60 коп., вмѣсто обычныхъ ранѣе 20—30 коп., а подростку и женщинѣ по 30 коп., вмѣсто 10—15 коп.

2) Годовая плата парубкамъ и другимъ рабочимъ 120 руб. и 18 корцовъ ординаріи (вмѣсто 30—50 руб. и 7—9 корцовъ ординаріи).

3) Во время жатвы платить по 1 руб. въ день, или 7-й снопъ, вмѣсто 40—50 коп. въ день, или 16—17-й снопъ.

Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ уполномоченные разгоняли работавшихъ на помѣщичьихъ поляхъ парубковъ, а иногда прогоняли и домашнюю прислугу, но прогнанные потомъ сами заявляли о своей солидарности съ забастовавшими.

По описанію корреспондента В. Э. О-ва движеніе, начавшись въ Углицкомъ у., распространялось постепенно, не минуя почти ни одного села по дорогѣ своего распространенія, и дошло до экономіи корреспондента. Толпа пришла въ экономію, удалила всѣхъ экономическихъ рабочихъ, безъ заявленія какихъ либо требованій. На слѣдующій день на сходѣ, созванномъ мировымъ посредникомъ, крестьяне предъявили требованіе поденной платы въ 1 рубль. Забастовка про-

---

[1]) Ibid. стр. 167.

должалась три дня, въ теченіе которыхъ въ экономіи былъ помѣщенъ отрядъ войска, защищавшій батраковъ, вызванныхъ изъ другой экономіи.

Въ сосѣднихъ экономіяхъ забастовки носили сходный характеръ и продолжались 3—4 недѣли.

Движеніе было направлено противъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ, безъ различія сословій, вообще противъ всѣхъ хозяйствъ, носящихъ характеръ экономій отъ 1.000 до 50 десятинъ. При этомъ, если имѣніе состоитъ изъ нѣсколькихъ экономій, то движеніе велось противъ каждой экономіи отдѣльно, такъ какъ вездѣ участвовали только мѣстные крестьяне. Движеніе возникло съ одинаковой силой во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ до того были хорошія или плохія отношенія [1]).

Въ разные пункты раіона вызваны были драгуны и казаки. Несмотря на это и на многочисленные аресты, забастовки не сразу прекратились. Къ 6 апрѣля они почти прекратились въ сѣверо-западной части Углицкаго уѣзда, но продолжались въ Проскуровскомъ у.

По донесеніямъ исправниковъ, къ маю мѣсяцу движеніе въ этихъ уѣздахъ совершенно улеглось. Всего въ этихъ уѣздахъ было охвачено движеніемъ 110 селеній.

Другимъ очагомъ забастовочнаго движенія была южная половина Могилевскаго уѣзда съ сосѣдними мѣстностями Углицкаго и Ямпольскаго уѣздовъ.

Движеніе началось въ Могилевскомъ у. въ началѣ апрѣля 1905 года, въ селахъ Посоховѣ, Котюханахъ и м. Снитковѣ. Въ половинѣ и въ концѣ мая оно разлилось по сосѣднимъ волостямъ.

Въ Ямпольскомъ уѣздѣ движеніе, начавшись въ Бабчинецкой волости, въ теченіе мая распространилось почти на весь уѣздъ.

Движеніе въ Могилевскомъ и Углицкомъ уѣздахъ выражалось въ съемѣ всѣхъ экономическихъ рабочихъ и служащихъ, а также въ недопущеніи къ работамъ поденныхъ рабочихъ изъ другихъ селъ и въ полномъ прекращеніи работъ. Съемъ постоянныхъ рабочихъ былъ только маневромъ, такъ какъ батраки, мѣстные же крестьяне, сами были солидарны съ приходившими, но считали болѣе удобнымъ, чтобы ихъ снимали, и, такимъ образомъ, избавляли отъ отвѣтственности по договорамъ. Забастовавшіе крестьяне предъявляли требованія объ увеличеніи платы до 1 руб. въ день мужчинѣ и 75 коп. женщинѣ при 8 часовомъ рабочемъ днѣ.

Не желая подавать повода для вмѣшательства властей, крестьяне строго слѣдили, чтобы не было насилій; они ставили караулы и устраивали обходы, чтобы не было потравъ и, наконецъ, посылали рабочихъ для корма скота. Были выставлены караулы въ селахъ, чтобы никто изъ села не отлучался и не могъ уклониться отъ исполненія принятыхъ рѣшеній. Солидарность, порядокъ и отсутствіе оппозиціи, по словамъ корреспондентовъ, были поразительны. Въ движеніи участвовали всѣ мѣстные крестьяне безъ исключенія; руководителями были болѣе зажиточные (богатыхъ, по словамъ корреспондента, въ бастовавшихъ селахъ не было). Безземельные были болѣе боязливыми, такъ какъ безъ ежедневнаго зара-

---

[1]) Ibid. стр. 169.

ботка они не могутъ существовать. Были попытки поддержать бѣдняковъ сборомъ провизіи съ зажиточныхъ крестьянъ, что, вѣроятно, было бы выполнено, если бы на мѣсто движенія не прибыли войска. Вліянія какихъ либо стороннихъ лицъ не было, но передъ началомъ движенія были распространены прокламаціи, «которыя сами по себѣ не могли поднять движенія, но, отвѣчая мыслямъ и желаніямъ крестьянъ, помогали разобраться въ формахъ и изложеніи требованій и, вѣроятно, придавали бодрости и увѣренности, что забастовщики не одиноки» 1).

Въ Ямпольскомъ уѣздѣ движеніе было, повидимому, менѣе сознательнымъ. Крестьяне были болѣе возбуждены, при предъявленіи своихъ требованій грозили насильственными дѣйствіями противъ помѣщиковъ, допускали потравы помѣщичьихъ полей.

Въ раіонѣ Винницкаго, Брацлавскаго, Гайсинскаго и сосѣднихъ мѣстностей Ямпольскаго и Могилевскаго уѣздовъ движеніе началось въ началѣ мая. Забастовка началась 7 мая на сахарномъ заводѣ Шпиковскаго имѣнія Балашева въ Брацлавскомъ уѣздѣ. Къ забастовкѣ присоединились рабочіе на свеклосахарныхъ плантаціяхъ въ шпиковской и сосѣднихъ экономіяхъ. 10-го мая администрація имѣнія пришла къ соглашенію съ крестьянами и забастовка прекратилась.

Въ другихъ экономіяхъ этого уѣзда забастовки и съемъ рабочихъ начались также въ началѣ мая и къ концу мѣсяца движеніе такъ разрослось, что для усмиренія безпорядковъ были призваны войска.

Въ Винницкомъ у. крестьяне распредѣлили рабочій раіонъ по селеніямъ, запрещая приглашеніе рабочихъ изъ другихъ мѣстъ и энергично поддерживая, какъ это распредѣленіе, такъ и выработанныя ими нормы рабочей платы. Въ Винницкомъ уѣздѣ забастовки охватили болѣе 13 селъ.

Въ то же время въ Гайсинскомъ уѣздѣ бастовало болѣе 20 селъ.

Они также требовали повышенія заработной платы и не допускали постороннихъ рабочихъ 2).

Въ серединѣ іюня движеніе въ Подольской губ. стихло, но около начала іюля безпорядки вновь обострились въ Могилевскомъ уѣздѣ, такъ что мѣстами для усмиренія были вновь вызваны войска.

Въ Кіевской губ. забастовочное движеніе началось въ началѣ мая.

2-го мая въ имѣніи Терещенко въ Сквирскомъ уѣздѣ крестьяне въ отвѣтъ на пониженіе заработной платы прекратили работы и потребовали повышенія платы. Несмотря на то, что никакихъ насилій со стороны бастовавшихъ крестьянъ не было, были вызваны драгуны и арестовано 30 человѣкъ и многіе избиты. Въ той же части Сквирскаго уѣзда произошла забастовка въ с. Кривомъ. Этими забастовками и ограничилось движеніе въ началѣ мая. Но во второй половинѣ мая забастовки почти одновременно вспыхнули въ трехъ другихъ различныхъ раіонахъ. Первый охватывалъ южную часть Кіевскаго и сѣверную Каневскаго уѣздовъ; второй—сѣверо-восточную часть Звенигородскаго, юго-западную Черкасскаго, западную Чигиринскаго и южную часть Каневскаго у. у., наконецъ, третій западную часть Таращанскаго и южную часть Сквирскаго у. у.

Большая забастовка произошла въ шести экономіяхъ генерала Черткова,

---

1) Ibid. стр. 170.
2) Ibid. стр. 172.

гдѣ постоянно работаетъ на свекловичныхъ плантаціяхъ нѣсколько тысячъ мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ. Забастовка началась 18-го мая и носила во всѣхъ экономіяхъ одинаковый характеръ. Рабочіе приходили только въ экономію и требовали сокращенія рабочаго дня, увеличенія заработной платы и предоставленія работы всѣмъ желающимъ работать. Суду было предано 29 человѣкъ, случайно выхваченныхъ изъ толпы.

Аналогичныя забастовки происходили и въ другихъ имѣніяхъ. По отзывамъ корреспондентовъ, движеніе началось *безъ вліянія постороннихъ лицъ, которое обнаружилось только позднѣе*, зимою 1905—6 годовъ.

Движеніе въ Звенигородскомъ, Черкасскомъ и Чигиринскомъ уѣздахъ началось также въ концѣ мая и въ началѣ іюня и имѣло такой же характеръ, какъ и въ другихъ раіонахъ губерніи. Широкихъ размѣровъ забастовка достигла въ Шполянскомъ имѣніи кн. Урусовой, гдѣ бастовали во всѣхъ экономіяхъ, и у Н. А. Терещенко, а также у графини Браницкой, баронессы Врангель и наслѣдн. Энгельгардтъ.

Характерно, что забастовку чинили преимущественно бабы и дѣвушки, осаждавшія барскіе дома по цѣлымъ днямъ тысячною толпою, собиравшейся съ нѣсколькихъ деревень.

Въ «Смѣлянщинѣ» Черкасскаго и Чигиринскаго уѣздовъ движеніе впервые проявилось въ іюнѣ. Выразилось оно въ общей забастовкѣ, охватившей всѣ селенія этого раіона (въ особенности села Райгородъ, Прусы, Лозановка Черкасскаго у., сс. Грушевка, Каменка Чигиринскаго у.).

Въ Таращанскомъ раіонѣ движеніе началось въ серединѣ мая и захватило цѣлый рядъ волостей. Движеніе проявилось исключительно въ забастовкахъ съ требованіемъ улучшенія условій найма на свекловичныхъ плантаціяхъ.

Въ Волынской губерніи весеннія забастовки были только въ Житомірскомъ у. въ крупныхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ представителямъ фамиліи Терещенко и имѣли болѣе случайный характеръ.

5.

Почти одновременно съ безпорядками въ Курской и Орловской губ. вспыхиваетъ движеніе батраковъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ. Движеніе вспыхнуло вслѣдъ за забастовками фабричныхъ рабочихъ въ крупныхъ центрахъ Польши, въ Варшавѣ, Лодзи, Сосновицахъ и на привислянскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Движеніе батраковъ выразилось въ массовыхъ забастовкахъ рабочихъ, живущихъ въ имѣніяхъ. Какъ въ центральной Россіи движеніе крестьянъ было вызвано повышеніемъ аренды, такъ батрацкое движеніе въ Польшѣ, немного позже въ Прибалтійскомъ краѣ, Литвѣ и проч., было вызвано повышеніемъ цѣнъ на средства существованія сельскохозяйственныхъ рабочихъ и, благодаря этому, относительнымъ пониженіемъ заработной платы.

Даже «Новое Время», склонное всегда искать причины недовольства крестьянъ и рабочихъ въ козняхъ «злоумышленниковъ», констатируетъ невыносимое положеніе польскихъ батраковъ.

«Съ положеніемъ рабочихъ въ каменноугольныхъ шахтахъ, говоритъ

«Новое Время» [1]), можно вполнѣ въ уровень поставить жизнь рабочихъ помѣщичьихъ въ такъ называемыхъ «гворакахъ». Гвораки—это рядъ небольшихъ, съ землянымъ поломъ, низкимъ потолкомъ и малыми окнами, избъ, изъ которыхъ въ каждой помѣщается не менѣе двухъ, трехъ семействъ, размѣщенныхъ въ трехъ углахъ ея, а въ четвертомъ печка. По отзывамъ очевидцевъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, посланныхъ въ мѣста безпорядковъ, и властей, производившихъ дознаніе о причинахъ ихъ, сердце невольно сжимается и содрогается отъ ужаса при видѣ этихъ живыхъ, грязныхъ, заморенныхъ человѣческихъ тѣней, безъ кровинки въ лицѣ, задыхающихся въ наполненномъ разными міазмами воздухѣ... Напряженность ожиданія улучшенія выразилась, между прочимъ, въ томъ, что толпами человѣкъ въ 200—100 крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходили къ коммиссарамъ и требовали выдачи имъ царской грамоты о надѣлѣ ихъ землею отъ помѣщиковъ, которую отъ нихъ коммисары будто бы скрываютъ, дѣйствуя за одно съ помѣщиками. Но когда на ихъ подобныя требованія коммиссары предлагали имъ разобрать всю ихъ канцелярію и найти тамъ несуществующую грамоту, то удивленные такимъ неожиданнымъ предложеніемъ крестьяне уходили мирно домой».

Забастовка сельскохозяйственныхъ рабочихъ началась въ экономіи Яна Кленевскаго (владѣющаго 15-ю имѣніями), а затѣмъ перешла на фольваркъ: Солжака въ Полянувцахъ, Веселова въ Корчмишкахъ, Горбовѣ и т. д.

Требованія, предъявленныя рабочими, сводились, главнымъ образомъ, къ повышенію заработной платы на 5 руб. въ годъ, безплатной и постоянной врачебной помощи, пары коровъ для семьи, къ улучшенію продовольствія, учрежденію школы для дѣтей рабочихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій были удовлетворены. Въ большинствѣ экономій послѣ этого работы сначала было возобновились, но затѣмъ опять прекратились, вслѣдствіе возобновленія аграрнаго движенія. Движеніе проявилось въ томъ, что «толпа сельскохозяйственныхъ рабочихъ Люблинскаго уѣзда, числомъ болѣе 500 человѣкъ, вооруженная револьверами, одностволками и палками, явилась въ имѣніе помѣщика Домбровскаго въ смежномъ Красноставскомъ уѣздѣ, обезоружила владѣльца имѣнія, потребовала отъ него 75 руб. на прокормленіе и, забравъ съ собой всѣхъ рабочихъ, находившихся въ этомъ имѣніи, направилась дальше въ другія имѣнія. Тамъ повторялось тоже самое. Значительно увеличившись въ своей численности послѣ присоединенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ имѣніяхъ, толпа раздѣлилась на двѣ части, по пути останавливалась въ фольваркахъ и прекращала тамъ сельскохозяйственныя работы. Рабочіе по дорогѣ присоединялись къ толпѣ, пока около Красностава ей не преградили путь высланныя изъ Люблина войска. Отрядъ Тарутинскаго полка, окруживъ забастовщиковъ, разоружилъ ихъ, а затѣмъ разогналъ, арестовавши нѣкоторыхъ.

Изъ Красноставскаго уѣзда движеніе перешло въ Замостьскій. Здѣсь движеніе имѣло такой же характеръ; только мѣстами, по сообщеніямъ газетъ, забастовщики прибѣгали къ угрозамъ и насиліямъ.

---

[1]) „Новое Время„ № 10455.

При содѣйствіи войскъ движеніе было прекращено въ теченіе трехъ дней— безъ всякихъ инцидентовъ [1]).

Въ Варшавской губ. въ началѣ марта толпа забастовавшихъ рабочихъ отправилась изъ Гостынинскаго уѣзда въ Кутновскій и въ Ланцентахъ встрѣтилась съ мѣстными сельскими рабочими, тоже забастовавшими. Толпой въ 200 человѣкъ они вмѣстѣ направились дальше, чтобы привлечь къ забастовкѣ рабочихъ другихъ имѣній уѣзда, но натолкнулись на отрядъ земской стражи, которая послѣ предварительныхъ уговоровъ разогнала толпу залпомъ, которымъ было убито 11 и ранено 10 человѣкъ.

На ряду съ забастовочнымъ движеніемъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, къ которому крестьяне относились въ высшей степени враждебно, въ февралѣ же мѣсяцѣ въ Сѣдлецкой и Петроковской губерніяхъ началось крестьянское движеніе, но оно не достигло и не достигало позже въ Польшѣ широкихъ размѣровъ. Такъ, въ Петроковскомъ уѣздѣ 24-го февраля толпа крестьянъ въ 150 человѣкъ изъ Уминской и Ленчковской гминъ вырубила лѣсъ въ казенномъ лѣсничествѣ и не хотѣла возвратить. Въ Петроковскомъ же уѣздѣ 2-го марта крестьяне села Живоцинъ, въ числѣ около 400 человѣкъ, разобрала постройку на усадьбѣ лѣсника маіоратной дачи Васильево и т. д. и т. д. Вообще крестьянское движеніе въ Польшѣ проявилось слабѣе движенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ и скоро затихло.

6.

Гораздо значительнѣе по своимъ размѣрамъ и по своей организованности и сознательности было крестьянское и батрацкое движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ въ началѣ 1905 года.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, первыми забастовали малоземельные крестьяне-арендаторы Рижскаго уѣзда, обремененные крайне тяжелыми условіями аренды. Они выставили рядъ экономическихъ требованій и до исполненія ихъ отказались отъ уплаты аренды и несенія всякихъ повинностей.

Они устроили нѣсколько собраній для обсужденія своихъ дѣлъ. Забастовка кончилась удовлетвореніемъ нѣкоторыхъ требованій крестьянъ.

Въ мартѣ вспыхнуло уже болѣе сильное движеніе среди батраковъ Курляндіи и Лифляндіи, перешедшее во всеобщую забастовку.

Къ тому времени въ деревняхъ уже организовались группы соціалдемократовъ, руководившія движеніемъ, распространявшія соціалдемократическую литературу и устраивавшія митинги. Такъ, въ началѣ марта состоялось два митинга, на которыхъ были батраки изъ разныхъ имѣній и гдѣ было рѣшено начать забастовку.

Третій митингъ состоялся вскорѣ въ той же мѣстности около церкви. Во время богослуженія, въ церковь вошли нѣсколько человѣкъ, развернули красное знамя и пригласили народъ выйти изъ церкви на собраніе.

Стачка началась въ мартѣ, охватила значительную часть Курляндіи и

---

1) См. К. Залевскій. Аграрныя отнош. и крестьянское движ. въ Царствѣ Польскомъ, въ книгѣ П. Маслова „Аграрн. вопросъ“, т. II. Приложеніе, стр. 113—114.

распространилась также на Лифляндію. Батраки прекратили всякія работы на помѣщиковъ и предъявили цѣлый рядъ экономическихъ требованій: 1) увеличеніе заработной платы до 300 руб. въ годъ и выдачу ея только деньгами, а не продуктами, 2) устройство квартиръ,—для семейныхъ 2 комнаты съ кухней, для одинокихъ—1 комнату, 3) отмѣну т. н. женскихъ рабочихъ дней и т. д. [1]).

Землевладѣльцы сначала не хотѣли вступать ни въ какія соглашенія съ забастовщиками. Нѣкоторые выписали драгунъ и казаковъ, но это не помогло. Забастовка продолжалась, работы останавливались, мѣстами рабочіе насильственно снимались съ работъ. По отношенію къ тѣмъ помѣщикамъ, которые вытребовали солдатъ и отказались вступать въ переговоры со стачечниками, былъ объявленъ бойкотъ, причемъ было воспрещено исполнять всѣ работы, даже кормить скотъ и доить коровъ. Работы эти пришлось исполнять женамъ и дочерямъ помѣщиковъ,—баронессамъ, или солдатамъ, размѣщеннымъ въ имѣніяхъ.

Забастовка сопровождалась демонстраціями и митингами.

6 марта произошла большая демонстрація двухтысячной толпы въ Гренцгофѣ въ Курляндіи. Въ Лифляндіи въ Лаздонской вол. въ демонстраціи участвовало до 6.000 человѣкъ, и т. д. При этомъ толпа иногда заставляла наиболѣе ненавистныхъ лицъ изъ пасторовъ, полицейскихъ, бароновъ и проч. участвовать въ демонстраціи и нести красные флаги.

Центромъ забастовокъ были Газенпотскій, Гробинскій, Гольдингенскій и Виндавскій уѣзды, причемъ только въ двухъ уѣздахъ «безпорядки» охватили 62 имѣнія.

Для того, чтобы прекратить сношенія войскъ и полиціи, стачечники стали срубать телефонные столбы и портить провода. Это облегчало безпрепятственно устраивать митинги и демонстраціи.

Первая стачка батраковъ закончилась въ апрѣлѣ, причемъ многія требованія ихъ были удовлетворены. Въ забастовкѣ принимали участіе лишь помѣщичьи батраки, крестьянскіе же батраки и арендаторы участія въ забастовкѣ не принимали. Забастовка сильно подняла настроеніе крестьянскихъ массъ, подготовила ее къ новому болѣе широкому движенію, которое снова возникло лѣтомъ и осенью того же года, и укрѣпила вліяніе с.-д. организаціи.

1 мая было отпраздновано сельскохозяйственными рабочими однодневною забастовкою, митингами и многолюдными демонстраціями.

Въ маѣ движеніе затихаетъ, но въ іюнѣ оно принимаетъ обширные размѣры и ясно выраженный политическій характеръ. Начинается бойкотъ казенныхъ учрежденій, мѣстныхъ властей и администраціи. Винныя лавки закрываются, причемъ вся водка сжигается, а выручка конфискуется революціонными комитетами. Движеніе выражается также въ митингахъ, демонстраціяхъ и забастовкахъ.

7.

Въ Закавказьѣ движеніе вспыхиваетъ также въ концѣ февраля и въ началѣ марта, причемъ проявляется въ самыхъ различныхъ формахъ. Горійскій

---

[1]) К. Ландеръ. Крестьянское движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ. Приложеніе въ книгѣ П. Маслова „Аграрн. вопр.“ т. II, стр. 50—51.

уѣздный предводитель дворянства кн. Багратіонъ-Давидовъ объѣзжаетъ сельскія общества, гдѣ броженіе крестьянъ, направленное противъ помѣщиковъ, приняло болѣе острый характеръ и выразилось въ сходкахъ крестьянъ и бойкотѣ помѣщиковъ, у которыхъ ушла вся прислуга и всѣ служащіе. Многія сельскія хозяства, оставшись безъ рабочихъ, принуждены были пріостановить всѣ работы. Увѣщанія кн. Багратіонъ-Давидова не привели ни къ чему и движеніе крестьянъ вскорѣ захватило всѣ села и деревни Горійскаго уѣзда. 2 марта на ст. Гоми, закавк. ж. д. наблюдалось огромное стеченіе крестьянъ близь лежащихъ деревень. Результатомъ этого схода было предложеніе всѣмъ крестьянамъ прекратить общеніе съ помѣщиками и у послѣднихъ стала уходить прислуга. Сельскохозяйственныя работы были пріостановлены [1]).

По оффиціальному сообщенію [2]) «въ ночь на 5-е марта въ Шаропанскомъ уѣздѣ сожжены сельскія управленія Карачульское, Мутурское, Саханское, Хреитское и Квалитское. Въ ночь на 6-е марта въ селеніи Рѣѣ Зугдидскаго у., въ имѣніи принцессы Мюратъ, толпою до 300 крестьянъ оказано вооруженное сопротивленіе приставамъ и полицейской стражѣ, командированнымъ съ офицеромъ для ареста зачинщиковъ крестьянскаго движенія. При задержаніи пяти обвиняемыхъ толпа, окруживъ команду, требовала освобожденія арестованныхъ и, получивъ отказъ, начала стрѣлять въ стражниковъ. Во время перестрѣлки убито изъ толпы нѣсколько человѣкъ. Въ ту же ночь сожжена дидинезская сельская канцелярія.... 14 марта въ Цхинвальскомъ участкѣ разгромлена дицкая сельская канцелярія; въ метерскомъ обществѣ насильно удалены сельскія должностныя лица, закрыты сельскія управленія, отобраны у помѣщиковъ какія-то подписки и удалена прислуга. Крестьяне цукарскаго, дицкаго, бѣлотскаго, шиндискаго обществъ, собравшись, принудили священника привести ихъ къ присягѣ на единство и т. д. и т. д.

При разгромѣ сельскихъ канцелярій уничтожались дѣла, бумаги.

Броженіе перешло въ Тифлисскій уѣздъ.

«Уѣздная администрація была вынуждена покинуть свои посты; судъ бездѣйствовалъ, такъ какъ гурійцы отказались прибѣгать къ установленному суду и администраціи» [3]).

Мѣстная администрація, напуганная усилившимся движеніемъ, пытается принять мѣры для его успокоенія и подавленія.

Приказомъ 18 февраля Озургетскій уѣздъ Кутаисской губ. и Кинтришскій участокъ Батумской области объявляются на военномъ положеніи.

Въ то же время генералъ Малама командируетъ въ Озургетскій уѣздъ Султанъ-Крымъ-Гирея, которому поручено объѣхать всѣ сельскія общества Гуріи, ознакомиться съ мурзами населенія, выяснить причины неудовольствія и объявить, что всѣ законныя и справедливыя ходатайства, если они окажутся въ предѣлахъ власти главнокомандующаго, будутъ удовлетворены немедленно; хода-

---

1) См. П. Масловъ. Цит. соч., стр. 433.
2) „Русь“ № 60.
3) "Русск. Вѣд.“ № 51, 1905 г.

тайства же, выходящія изъ предѣловъ правъ мѣстной власти, будутъ доведены до свѣдѣнія Его Величества»....

Султанъ Крымъ-Гирей, въ сопровожденіи переводчика и секретаря объѣхавъ Гурію, собиралъ крестьянскіе сходы и выслушивалъ требованія крестьянъ.

На сходкахъ обыкновенно выступалъ одинъ или нѣсколько депутатовъ и излагалъ свои нужды и требованія. Такъ, по сообщенію «Цнобичъ Пурцели», въ селѣ Кидистави, гдѣ обнаружилось наиболѣе сильное движеніе, состоялась сходка болѣе 2.000 человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Послѣ рѣчи Крымъ-Гирея были избраны 25 депутатовъ, въ томъ числѣ три женщины. Депутаты заявили, прежде всего, о необходимости обезпеченія имъ свободы слова и личной неприкосновенности. Послѣ этого депутаты стали излагать свои требованія.

Требованія крестьянъ всѣхъ посѣщенныхъ селеній сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Конфискація всѣхъ удѣльныхъ, церковныхъ и монастырскихъ земель и передача ихъ въ безвозмездное пользованіе всего трудового народа.

2) Передача въ полное распоряженіе крестьянъ надѣльныхъ земель какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ. Земли эти должны перейти въ руки крестьянъ безвозмездно. Выкупные платежи, взятые съ крестьянъ, должны быть возвращены полностью.

3) Учрежденіе выборныхъ крестьянскихъ комитетовъ для проведенія въ жизнь земельной реформы. Выборы въ комитеты должны быть всеобщими, равными и тайными.

4) Уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога, причемъ доходы ниже опредѣленной нормы должны быть освобождены отъ всякаго обложенія.

5) Уничтоженіе сословій и установленіе полнаго равенства всѣхъ передъ закономъ. Свобода передвиженій и уничтоженіе паспортной системы.

6) Полная самостоятельность населенія въ дѣлѣ организаціи самоуправленія въ селеніяхъ, обществахъ и округахъ.

7) Свобода слова и печати, свобода собраній, союзовъ, стачекъ; свобода совѣсти.

8) Неприкосновенность личности и жилища.

9) Выборность судей и отвѣтственность чиновниковъ передъ народомъ.

10) Уничтоженіе постоянной арміи и введеніе всеобщаго вооруженія народа.

11) Отдѣленіе церкви отъ государства. Содержаніе духовенства должно быть предоставлено тѣмъ лицамъ, союзамъ и обществамъ, которыя желаютъ пользоваться услугами духовенства.

12) Свѣтская школа. Устраненіе духовенства отъ обученія и воспитанія молодежи.

13) Обязательное обученіе дѣтей до 16-лѣтняго возраста: всеобщее, безплатное, безъ различія пола.

14) Созывъ Учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія.

Кромѣ того, крестьяне требовали немедленнаго освобожденія всѣхъ аре-

стованныхъ, высланныхъ и сосланныхъ по политическимъ дѣламъ и за борьбу крестьянъ съ помѣщиками и духовенствомъ.

Въ Горійской уѣздъ, «для выясненія нуждъ крестьянъ уѣзда», отправился д. с. с. Вейденбаумъ, услышавшій здѣсь тѣ же требованія, какъ и Крымъ-Гирей.

Въ Душетскомъ уѣздѣ комиссія для переговоровъ съ крестьянами пригласила въ Мухранскую сельскую канцелярію представителей трехъ селеній.

Но, вмѣсто нихъ, собрались жители 14 селеній, около 1.000 вооруженныхъ крестьянъ, выставившихъ требованія, аналогичныя съ предъявленными Крымъ-Гирею, при чемъ поставили ультиматумъ: «для исполненія въ точности требованій дается срокъ до 14 марта (сходка состоялась 6 марта), послѣ чего они получаютъ полную свободу дѣйствій» [1]).

Изъ изложенныхъ требованій видно, что уже въ это время крестьянское движеніе въ Закавказьѣ находилось подъ руководствомъ соціалъ-демократовъ. Даже такое требованіе, какъ «возвращеніе полностью выкупныхъ платежей», было выставлено подъ вліяніемъ соціалъ-демократовъ.

Фактически уже во время объѣзда Гуріи Крымъ-Гиреемъ тамъ вездѣ было введено народное самоуправленіе и руководящую роль играли с.-демократическіе комитеты. Судебныя функціи исполнялись или сходами, или выборными комитетами, отвѣтственными передъ сходами.

Крестьянскіе комитеты вынесли, между прочимъ, такія постановленія:

1) Воспретить крестьянамъ винокуреніе, за которое они уплачивали высокій акцизъ, и запретить употребленіе водки.

2) Установить таксы за духовныя требы.

3) Комитеты постановили, чтобы никакихъ грабежей и разбоевъ больше не было. Значеніе и авторитетъ комитетовъ были такъ велики, что въ теченіе шести-восьми мѣсяцевъ было только нѣсколько случаевъ воровства и виновные понесли наказаніе. Наказанія были назначены комитетами слѣдующія: за первое нарушеніе постановленія комитета—бойкотъ, за второе—изгнаніе изъ предѣловъ Гуріи, за третье—смерть.

4) Комитеты постановили: народъ долженъ прекратить всякія сношенія съ администраціей,—и никто изъ Гурійцевъ, подъ страхомъ смерти, не долженъ занимать административныя мѣста.

Земли фактически были отобраны у помѣщиковъ. Въ каждомъ селѣ была образована особая выборная комиссія, которая распредѣляла всѣ имѣющіяся земли между жителями села.

Школы были реформированы. Учителя приглашались по рекомендаціи «союза школьныхъ учителей Кутаисской губ.».

Такое самоуправленіе въ Гуріи сохранилось до начала 1906 года, когда назначенный генералъ губернаторомъ ген. Алихановъ приступилъ къ усмиренію Грузіи...

Одновременно съ движеніемъ въ Закавказьѣ въ началѣ 1905 года началось сильное движеніе осетинъ, расположенныхъ на сѣверныхъ склонахъ Кавказа.

---

[1]) „Аграрный вопросъ“ т. II, стр. 434—439.

Движеніе началось съ порубокъ лѣсовъ, отнятыхъ у осетинъ въ казну. Усилились столкновенія съ объѣздчиками и населеніе взялось за оружіе. «Въ короткое время лѣса были очищены отъ лѣсной стражи. Послѣдней было предложено или удалиться навсегда или подвергнуться риску быть убитымъ. Нѣсколько десятковъ лѣсныхъ сторожекъ и караулокъ было сожжено. Лѣсъ снова сдѣлался общественнымъ достояніемъ, однако жители еще не оказались въ состояніи собственными средствами урегулировать пользованіе лѣсомъ и, боясь, что правительство постарается отобрать лѣса снова, они довольно хищнически начали истреблять лѣсъ.

«Со времени этой борьбы за лѣсъ (начало 1905 г.) въ жизнь горцевъ начинаетъ проникать созидающее и организующее начало въ лицѣ осетинъ соціалъ-демократовъ» [1]). Движеніе разростается. Обеспокоенная администрація командируетъ особое лицо, которое должно собрать представителей всѣхъ горскихъ обществъ, «объявить имъ о милостяхъ правительства и выслушать просьбы и жалобы.»

Представители осетинскихъ обществъ, собравшись, предварительно выработали рядъ требованій, сначала общаго характера вплоть до созыва учредительнаго собранія съ 4-хъ-членной формулой, а затѣмъ подробно изложили свои нужды.

Результатомъ начавшагося броженія среди горцевъ было опубликованіе новыхъ правилъ о выборности старшинъ, а также обѣщанія многихъ льготъ, если населеніе будетъ вести себя спокойно. Но движеніе остановить уже было невозможно. Оно разросталась все сильнѣе; напримѣръ, въ Курташинскомъ ущельѣ было введено революціонное самоуправленіе.

Кромѣ перечисленныхъ нами пунктовъ крестьянскаго массоваго движенія въ началѣ 1905 года, крестьянскіе безпорядки вспыхивали въ отдѣльныхъ пунктахъ и другихъ раіоновъ.

Отъ перечисленныхъ *очаговъ* движенія оно въ слѣдующіе мѣсяцы распространяется въ ширь. Въ первыхъ числахъ апрѣля крестьянское движеніе отмѣчается въ Харьковскомъ у. (порубки), подъ Москвой, въ Коротоянскомъ у. Воронежской губ. (запашка помѣщичьихъ земель), въ Царицинскомъ и Балашевскомъ у.у. Сарат. губ., въ Богородицкомъ у. Тульской губ. (разгромъ имѣнія), въ Кишиневскомъ у. Бессарабской губ., въ Кирсановскомъ у. Тамб. губ., въ окрестностяхъ Ревеля, въ Джеванширскомъ у., въ Макарьевскомъ и Васильсурскомъ у. Нижегородской губ., въ Таврической, Пензенской и др. губерніяхъ.

Лѣтомъ 1905 года въ центральномъ черноземномъ раіонѣ, вслѣдствіе неурожая хлѣбовъ и травъ, голодъ заставилъ крестьянъ сначала захватывать луга и выпасы, а потомъ и хлѣбъ. Напримѣръ, въ Аткарскомъ у., вслѣдствіе безкормицы, чуть не всѣ крестьяне стали захватывать частновладѣльческіе луга. Въ Бобровскомъ у. были случаи захвата луговъ по установленнымъ сельскими сходами цѣнамъ. Движеніе охватило: Бугурусланскій, Бузулукскій, Николаевскій, Самарскій, Корсунскій, Аткарскій, Петровскій, Балашовскій, Саратовскій, Камышинскій, Бобровскій, Городищенскій, Вязниковскій, Меленковскій, Сумской, Ле-

---

[1]) Ахм. Ца—новъ „Революціонное движеніе въ Осетіи". Сборн. „Итоги и перспективы".

*

бединскій, Елецкій, Александровскій, Херсонскій, Тираспольскій, Брестскій, Вилькомирскій и Новоалександрійскій уѣзды. Въ концѣ іюня были разобраны и сожжены двѣ помѣщичьи усадьбы въ Саратовскомъ у. Въ Балашевскомъ, Аткарскомъ, Петровскомъ и Верхнеднѣпровскомъ у. послѣ уборки ржи крестьяне стали ее свозить къ себѣ на гумна. Мѣстами сжигались скирды хлѣба [1]).

Между тѣмъ, въ теченіе лѣта движеніе среди крестьянъ усиливалось въ видѣ митинговаго и приговорнаго движенія. Агитація среди крестьянъ въ теченіе лѣта также расширилась, но широкое стихійное движеніе вспыхнуло лишь въ октябрѣ мѣсяцѣ и особенно послѣ манифеста 17 октября, сыгравшаго въ революціи огромную роль.

Къ осени, какъ извѣстно, борьба общественныхъ классовъ въ Россіи достигла наивысшей степени напряженія. Среди крестьянства это напряженное состояніе выразилось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ широкаго стихійнаго движенія.

8.

Изъ приведеннаго выше обзора начала крестьянскаго движенія видно, что характеръ его въ различныхъ областяхъ страны былъ не одинаковъ и обусловливался, главнымъ образомъ, хозяйственными условіями каждой мѣстности. Но общей чертой крестьянскаго движенія всѣхъ мѣстностей является то, что движеніе *начинается* съ предъявленія *экономическихъ* требованій. Исключеніе изъ этого правила, повидимому, представляетъ крестьянское движеніе въ Гуріи, но это произошло только потому, что чисто экономическое движеніе тамъ происходило еще въ 1901—3 годахъ и движеніе въ началѣ 1905 года было непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго движенія, во время котораго и укрѣпилось вліяніе соціалдемократіи.

Такимъ же путемъ развивалось движеніе и въ другихъ мѣстахъ. Направленное сначала исключительно противъ землевладѣльцевъ, въ формѣ ли забастовки, бойкота, потравъ и, наконецъ, разгромовъ, движеніе наталкивается на правительственную власть, съ одной стороны, и сталкивается съ революціонерами— съ другой. Послѣдніе придаютъ болѣе сознательный и планомѣрный характеръ движенію: на ряду съ экономическими требованіями начинаютъ выдвигаться политическія. Въ зависимости отъ вліянія политическихъ партій, главнымъ образомъ, революціонеровъ, этотъ характеръ движеніе принимаетъ раньше, или позже. Такъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, уже вскорѣ послѣ начала движенія, оно принимаетъ характеръ не только борьбы съ землевладѣльцами, но и характеръ политическихъ демонстрацій, между тѣмъ какъ въ центральной Россіи политическія требованія крестьянъ, какъ увидимъ, появляются только послѣ 17 октября.

Точно также почти *во всѣхъ* раіонахъ начало движенія происходило безъ участія революціонныхъ партій. Только въ процессѣ борьбы крестьянская масса начинаетъ прислушиваться къ революціонерамъ и подчиняться ихъ вліянію, которое выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы внести планомѣрность въ стихійное движеніе. Изъ этого ясно, что искать причинъ крестьянскаго дви-

---

[1]) Прокоповичъ. Аграрн. движенія осенью 1905 г. „Безъ Заглавія„, № 7.

женія нужно не въ революціонной пропагандѣ, а въ экономическихъ условіяхъ, которыя крестьяне стремились тѣмъ или другимъ путемъ измѣнить.

Эти экономическія отношенія вліяли и *на формы* движенія. Въ Юго-западномъ краѣ, Польшѣ и Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ ведется уже капиталистическое земледѣльческое хозяйство, гдѣ крестьяне выступаютъ, главнымъ образомъ, въ качествѣ поденныхъ и сроковыхъ рабочихъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ, крестьянское движеніе приняло характеръ стачечнаго движенія, сходный съ рабочимъ движеніемъ въ городахъ.

Напротивъ, въ раіонахъ продовольственной аренды движеніе имѣло цѣлью или понизить арендныя цѣны, или выражалось въ нападеніяхъ на экономіи съ цѣлью выжить помѣщика въ надеждѣ, что тогда земля достанется крестьянамъ. Иногда, впрочемъ, и стачки имѣли цѣлью сдѣлать невозможной экономическую запашку. Съ этой цѣлью назначалась такая высокая плата за сельскохозяйственныя работы, которую, по мнѣнію крестьянъ, хозяйство не можетъ выдержать. Но и такого рода стачки распространились впослѣдствіи, главнымъ образомъ, въ черноземномъ раіонѣ. Причиной стачечнаго движенія было повышеніе цѣнъ на жизненные продукты и относительное пониженіе, благодаря этому, заработной платы. Причиной аграрнаго движенія крестьянъ центральной Россіи и Закавказья былъ кризисъ продовольственнаго арендного хозяйства, вызванный повышеніемъ арендныхъ цѣнъ.

Такъ какъ главными арендаторами являлись болѣе зажиточные крестьяне, то въ безпорядкахъ, которые происходили въ раіонахъ арендного крестьянскаго хозяйства, близкое участіе принимали, а иногда играли и руководящую роль болѣе зажиточные крестьяне, лавочники и проч. Эта часть деревенскаго населенія стала враждебно относиться къ движенію уже впослѣдствіи, когда, потерявши надежду захватить помѣщичью землю, могла на основаніи закона 9 ноября расширить свое землевладѣніе на счетъ общинныхъ земель.

Напротивъ, въ раіонахъ стачечнаго батрацкаго движенія въ Польшѣ и Прибалтійскомъ краѣ со стороны самостоятельныхъ крестьянъ замѣчалось или индифферентное, или даже враждебное отношеніе къ стачечникамъ.

III.

Причины движенія.

Мы выше замѣтили, что при началѣ движенія, пока не было вліянія на крестьянъ политическихъ партій, оно имѣло характеръ чисто экономическаго движенія. Поэтому, въ началѣ движенія, въ требованіяхъ крестьянъ его экономическія причины яснѣе видны, чѣмъ впослѣдствіи, когда общее *политическое* движеніе всѣхъ слоевъ населенія захватило и крестьянъ.

На высоту арендной платы, какъ на основную причину крестьянскаго движенія центральной Россіи, указываютъ не только сообщенія корреспондентовъ о крестьянскихъ безпорядкахъ, но и сами крестьяне въ своихъ приговорахъ. Процессъ повышенія продовольственной ренты [1]) до такой высоты, при которой

---

[1]) О законахъ роста продовольственной ренты, см. „Аграрный вопросъ“, т. I. О цѣнахъ на землю см. т. II, стр. 8—11.

поглощались средства производства мелкаго хозяйства, процессъ, на который мы указали въ началѣ статьи, *сознавался крестьянами, какъ процессъ раззоренія, съ которымъ можно было бороться или пониженіемъ арендной платы, или раздѣломъ помѣщичьихъ земель.* Крестьяне преимущественно и добивались или того, или другого.

Для характеристики движенія и его причинъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ требованій крестьянъ въ первую половину 1905 года, изложенныхъ мною болѣе подробно во II т. «Аграрнаго вопроса».

Во многихъ случаяхъ констатируется, что капиталистическая аренда стала вытѣснять продовольственную. Это ставило крестьянъ въ безвыходное положеніе, и они требуютъ пониженія *для нихъ* арендной платы и прекращенія сдачи земли богатымъ арендаторамъ.

Въ с. Полотовѣ, Тамбовской губ. Кирсановскаго уѣзда, крестьяне постановляютъ приговоръ, чтобы земли на отработки не брать, а снимать только за деньги... Арендную плату за десятину земли ни въ какомъ случаѣ не поднимать выше 15 руб. [1]).

Однородный приговоръ составленъ былъ и въ Богословской волости и предъявленъ помѣщику. Послѣдній не согласился на предложенныя условія, земля была у него не разобрана и въ имѣніи была расквартирована рота солдатъ, которые и исполняли работы по имѣнію. У Петрово-Соловово также не было взято крестьянами ни одной десятины.

У землевладѣлицы Масловой, согласившейся на предложенныя условія, земля была разобрана и засѣяна.

Въ Хованщинѣ Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., крестьяне постановили приговоръ, по которому мужики не должны поденно работать дешевле 1 р. 50 коп. (вмѣсто 30 коп.), а женщины дешевле 75 коп. (вмѣсто 20 коп.) въ день. Постановляется арендовать землю обществами, а не въ одиночку. «Землю (арендовать) больше по той цѣнѣ не будемъ, а если желаютъ они продавать (сдавать) по 5 руб. за десятину, то будемъ покупать (арендовать)... желаемъ покупать всѣмъ обществомъ.... а *не только одни богатые*».

«*Крестьяне во многихъ мѣстахъ не хотятъ платить безбожно высокой платы за аренду земли, какую платили раньше*». Напр., въ *Воронежской* губ., въ имѣніи гр. Толстыхъ (Острог. у.) крестьяне отказались арендовать землю, пока экономія не понизила арендную плату. Въ экономіи Звянцево (Бобровск. у.) пришлось каждому арендатору дать безплатно по одной десятинѣ земли на одинъ посѣвъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Саратовской* губ. крестьяне добились пониженія аренды. Въ Острогожскомъ у. Воронежской губ., въ с. Сагунахъ, крестьяне заявили землевладѣльцу, что они скосятъ лугъ, но *не по той цѣнѣ, по которой онъ уже сданъ другимъ* лицамъ, а гораздо дешевле. Въ Корсунскомъ у. *Симбирской* губ., въ с. Берешкахъ, крестьяне подали землевладѣлицѣ петицію объ улучшеніи условій аренды, съ угрозой, что при неудовлетвореніи просьбы произойдутъ послѣдствія «весьма грустныя».

Въ *Кіевской* губ. около Бѣлой Церкви крестьяне многихъ деревень доби-

---

[1]) „Рев. Р." № 64.

вались, чтобы гр. Браницкая сдавала смежныя ихъ надѣламъ поля *имъ, а не богатымъ арендаторамъ*, а также не оставляла этихъ полей въ своемъ хозяйствѣ.

Въ *Орловской* и *Пензенской* губ. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне отказались снимать земли въ аренду. Въ *Балахнинскомъ* у. крестьяне требовали *возстановленія прежнихъ* арендныхъ цѣнъ. Въ Балтскомъ у. *Подольской* губ. въ имѣніи Абамелекъ-Лазарева крестьяне потребовали изъятія земли отъ богатыхъ арендаторовъ и отдачи крестьянамъ земли въ аренду на *прежнихъ* условіяхъ и т. д. и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ Юго-западномъ краѣ, ясно обнаруживается, что капиталистическая аренда уже вытѣснила продовольственную, и крестьяне должны были прибѣгнуть къ силѣ, чтобы заставить землевладѣльцевъ сдавать имъ землю по пониженнымъ цѣнамъ, а не богатымъ арендаторамъ. Борьба на почвѣ рыночной конкурренціи для экономически обезсилѣвшихъ крестьянъ стала уже невозможной и они стали бороться за свое существованіе «не рублемъ, а дубьемъ».

На этой же почвѣ происходятъ насильственныя запашки помѣщичьихъ земель, потравы и проч. При невозможности арендовать выгонъ, лугъ, пашню, крестьяне захватываютъ ихъ даромъ... Обыкновенно потравы, выкосы луговъ и пр. являлись первыми предвѣстниками начинающагося движенія.

Въ раіонахъ, гдѣ уже укрѣпилось капиталистическое хозяйство, гдѣ аренда помѣщичьихъ земель уже не являлась для крестьянъ необходимымъ подспорьемъ, движеніе выразилось, какъ мы видѣли, въ борьбѣ за повышеніе заработной платы и формы аграрнаго движенія были уже другія.

Указомъ 18 февраля 1905 года было предоставлено право подавать петиціи.

Петиціонная форма движенія, благодаря этому, послѣ 18 февраля приняла довольно широкіе размѣры.

Эта форма движенія въ теченіе лѣта и особенно осенью 1905 года и въ 1906 году сыграла крупную роль не только потому, что, составляя приговоры, крестьяне организовались на этой почвѣ, но и потому, что выработка требованій содѣйствовала развитію сознанія широкихъ народныхъ массъ.

Въ петиціяхъ крестьяне также жалуются на непомѣрное повышеніе арендныхъ цѣнъ и на малоземелье. Такъ, три волостныхъ схода Бобровскаго у. Воронежской губ. отправили непосредственно царю телеграмму, гдѣ просили обратить вниманіе на ихъ малоземелье и непомѣрно высокую арендную плату, поднявшуюся за послѣднее время съ 7—8 до 25—35 рублей въ годъ за десятину.

Крестьяне двухъ деревень Елисаветградскаго у. Херсонской губ. послали приговоръ, въ которомъ указываютъ на малоземелье и высокія арендныя цѣны, какъ на причины своего обѣдненія.

Крестьяне села Чирикова Балашевскаго у. Сарат. губ. пишутъ въ комитетъ министровъ, что главная причина ихъ бѣдствія малоземелье и высокая

арендная плата за земли, совершенно *недоступная* для крестьянъ. Изъ д. Петровки того же уѣзда жалуются, что арендная плата съ каждымъ годомъ растетъ и дошла до 20 рублей за десятину. «Такую высокую плату земля оправдать не можетъ. Какъ намъ жить дальше, чѣмъ платить подати и кормиться самимъ, мы не знаемъ»... и т. д. и т. д.

На ряду съ жалобами на свои мѣстныя нужды крестьяне дѣлали указанія и на общеполитическія условія, но эти указанія въ первый періодъ, въ началѣ и въ серединѣ 1905 года, занимали второстепенное мѣсто. Крестьянамъ еще не выяснилась связь общаго политическаго и соціальнаго строя съ ихъ положеніемъ. Лишь въ концѣ 1905 и въ 1906 году, особенно въ періодъ дѣятельности первой Государственной Думы, когда политическія партіи подошли ближе къ крестьянству, крестьяне въ своихъ приговорахъ выставляютъ широкія програмныя требованія той или другой политической партіи, которыя наиболѣе, по мнѣнію крестьянъ, отвѣчаютъ ихъ потребностямъ. Въ такого рода приговорахъ уже не такъ выпукло выдвигаются мѣстныя потребности.

Корреспонденты, писавшіе о причинахъ крестьянскаго движенія, указываютъ, какъ на главную причину его развитія,—на малоземелье.

Но малоземелье было и раньше. Оно стало болѣе чувствительнымъ въ особенности тогда, когда малоземельные крестьяне, вслѣдствіе сокращенія своихъ средствъ и повышенія арендныхъ цѣнъ, уже не въ силахъ оказались арендовать помѣщичьи земли. Такимъ образомъ, мнѣнія корреспондентовъ не противорѣчатъ установленнымъ выше причинамъ крестьянскаго движенія. Веденіе хозяйства было возможно для малоземельныхъ крестьянъ, пока они могли пополнять свой бюджетъ сборомъ хлѣба съ арендуемыхъ земель, хотя, какъ мы указывали, этого было недостаточно и крестьяне всетаки раззорялись. Когда же арендныя цѣны еще болѣе повысились, и когда землевладѣльцы стали сокращать сдачу земель малоземельнымъ крестьянамъ, послѣдніе оказались въ безвыходномъ положеніи и тогда стало особенно чувствительно малоземелье.

Даже въ многоземельныхъ раіонахъ корреспонденты [1]) указываютъ, какъ на причину движенія, на малоземелье.

Такъ, въ Кубанской области корреспондентъ причиной движенія считаетъ малоземелье. Въ Бессарабской—малоземелье; въ области войска Донского—малоземелье. Отсутствіе луговъ и лѣсовъ. Въ Екатеринославской—только въ одномъ случаѣ указывается на неурожай, въ остальныхъ случаяхъ на малоземелье. Въ Самарской—малоземелье и безземелье, въ Таврической—малоземелье, въ Херсонской—малоземелье и высокая арендная плата и т. д. и т. д.

Анкета Вольно-Экономич. Общества лишь добавляетъ списокъ мѣстностей, въ которыхъ были предъявлены требованія пониженія арендной платы или требованія сдавать землю крестьянамъ, а не крупнымъ арендаторамъ.

Такимъ образомъ, повышеніе арендной платы и кризисъ продовольственнаго хозяйства, съ одной стороны, относительное пониженіе заработной платы—съ другой, происшедшіе наканунѣ революціи, толкнули крестьянъ на борьбу за пониженіе арендной платы и за повышеніе заработной платы. Дальнѣйшее раз-

---

[1]) По анкетѣ И. В. Э. общества. См. „Труды В. Э. О.“ №№ 3, 4, 5.

витіе аграрнаго движенія крестьянъ и политическаго движенія другихъ классовъ населенія неизбѣжно натолкнуло крестьянъ на путь политической борьбы и на идею отобранія земли у помѣщиковъ, идею, которая бродила у крестьянъ и раньше, имѣя корни въ далекомъ прошломъ: идею, что государство за налоги и повинности крестьянъ должно прирѣзать имъ землю, которой у нихъ стало мало.

IV.

Отношеніе правительства и политическихъ партій къ движенію.

Вспыхнувшее въ февралѣ и мартѣ крестьянское движеніе застало врасплохъ и правительство, и помѣщиковъ. Послѣдніе въ паникѣ бѣжали изъ своихъ имѣній въ губернскіе и уѣздные города, чтобы спастись отъ погромовъ и посовѣтоваться о прекращенія крестьянскаго движенія. Впрочемъ, такого рода совѣщанія, хотя кое-гдѣ и происходили, но ни къ чему не привели. По словамъ «Приднѣпровскаго края», въ Харьковѣ небывалый съѣздъ сельскихъ хозяевъ и ихъ управляющихъ. «Въ оружейныхъ магазинахъ Харькова не имѣется въ продажѣ ни одного револьвера,—все раскупили». Многіе землевладѣльцы стали организовать вооруженные отряды изъ своихъ служащихъ.

По мѣрѣ прекращенія весеннихъ безпорядковъ землевладѣльцы стали оправляться, и уже лѣтомъ 1905 года реакція начинаетъ организоваться. Въ Саратовѣ организуется «русскій союзъ землевладѣльцевъ»,—сначала «тайное общество», съ цѣлью «борьбы съ революціей». Въ сентябрѣ этотъ союзъ легализовался и организовалъ отдѣленія въ Саратовѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Но пока народное движеніе развивалось, этотъ союзъ не рѣшался ничѣмъ проявить себя, а лишь тайкомъ подготовлялъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми представителями администраціи, нападеніе на освободительное движеніе...

Правительство, со своей стороны, также ничего не предпринимало кромѣ усмиренія военной силой волновавшихся крестьянъ и кромѣ нѣсколькихъ указовъ, которые не могли повести къ успокоенію крестьянъ. Мы упоминали выше объ указѣ 18 февраля, которымъ было предоставлено право «всѣмъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ» подавать петиціи на Высочайшее имя по вопросамъ «улучшенія государственнаго устройства и народнаго благосостоянія». Этимъ указомъ широко воспользовались крестьяне, чтобы сформировать свои требованія, чтобы собираться обсуждать не только свои мѣстныя дѣла, но и обще-государственныя. Агитаторы политическихъ партій использовали этотъ указъ для болѣе широкой агитаціи въ крестьянскихъ массахъ. Указомъ 30 марта было упразднено особое совѣщаніе о нуждахъ сельскаго хозяйства, а вмѣсто него учреждено, подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина, «особое совѣщаніе о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія». Разумѣется, и этотъ указъ не могъ устранить причинъ крестьянскаго движенія.

Указомъ 10 апрѣля устанавливаются особыя временныя комиссіи въ мѣстностяхъ, гдѣ были безпорядки: 1) для слѣдственно-полицейскихъ цѣлей по выясненію участниковъ безпорядковъ среди крестьянъ и 2) для опредѣленія размѣ-

ровъ убытковъ. Эти комиссіи должны были составляться предводителями дворянства изъ предсѣдателей земскихъ управъ, уѣздныхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ, податныхъ инспекторовъ и одного или двухъ гласныхъ. Но въ этотъ періодъ въ земствахъ еще преобладали либеральныя теченія и земцы бойкотировали комиссіи.

Наконецъ, указомъ 5 апрѣля были сложены съ населенія недоимки по продовольственному долгу, а указомъ 6 мая учрежденъ «комитетъ по земельнымъ дѣламъ». Всѣ эти указы не могли повліять на крестьянское движеніе. Оно подавлялось исключительно военной силой, причемъ часто происходили столкновенія, кончавшіяся убійствомъ крестьянъ, массовыми арестами, а мѣстами и порокой. Нѣкоторыми губернаторами (ген.-губернаторомъ Юго-Западнаго края, губернаторами Петроковской и Люблинской губ.) были изданы обязательныя постановленія о преданіи военному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени, крестьянъ, «виновныхъ не только въ нападеніи на помѣщичьи усадьбы», но и «въ предъявленіи помѣщикамъ разныхъ, сопровождаемыхъ угрозами и насиліями, требованій».

Земства также дѣлали слабыя попытки повліять на крестьянъ, но эти попытки не имѣли никакого успѣха. Такъ, послѣ извѣстнаго пріема царемъ 6 іюня депутаціи земцевъ, нѣкоторыя, тогда еще либеральныя, земства пытались разослать по деревнямъ сообщеніе объ этомъ пріемѣ, но мѣстная администрація въ большинствѣ случаевъ не допустила ихъ распространенія.

Въ концѣ лѣта и въ началѣ осени многія земства стали приглашать въ экономическіе совѣты представителей крестьянъ, съ цѣлью смягчить обострившіяся отношенія между ними и землевладѣльцами. На совѣщаніяхъ, организованныхъ земцами, крестьяне очень рѣзко выставляли свои требованія; на нѣкоторыхъ совѣщаніяхъ рѣшено было организоваться въ «крестьянскій союзъ». Напр., въ Сумахъ крестьяне самовольно явились на засѣданіе сел.-хоз. общества въ количествѣ около 5 тыс. человѣкъ. Засѣданіе не состоялось, но крестьяне устроили собраніе около земскаго дома [1]).

Болѣе всего въ періодъ крестьянскаго движенія укрѣпилось и расширилось вліяніе революціонныхъ партій. Если реакціонеры, въ періодъ развитія движенія, были пугливы, слабы и нерѣшительны, то, съ другой стороны, революціонеры обнаружили колоссальную энергію.

Какъ только началось крестьянское движеніе, такъ начинается усиленная агитація революціонеровъ въ деревняхъ. Ораторы пользуются огромнымъ успѣхомъ и разъѣзжаютъ неутомимо по деревнямъ. Крестьяне начинаютъ даже искать «олаторовъ».

«Сфера вліянія» революціонныхъ партій въ значительной степени опредѣлялась также экономическими условіями. Дѣятельность соціалъ-демократовъ въ деревнѣ сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ районахъ съ болѣе развитыми капиталистическими отношеніями въ деревнѣ, въ Малороссіи, Юго-западномъ краѣ, Литвѣ, Прибалтійскомъ краѣ, въ горнозаводскомъ Уралѣ, на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Закавказьѣ. Вліяніе соціалистовъ-революціонеровъ сосредотачивалось больше

---

[1]) „Веч. Почта“ 28, VII, 1905 г.

въ районахъ господства продовольственной аренды, въ особенности въ Саратовской и смежныхъ губерніяхъ центральнаго черноземнаго района.

Подъ вліяніемъ агитаціи организація крестьянъ быстро росла, но она не была прочной. Вслѣдствіе общаго возбужденія агитаторы спѣшили захватить наиболѣе широкій районъ и, благодаря этому, ихъ связь съ деревней и вліяніе, въ большинствѣ случаевъ, были мимолетными. Поэтому только въ такихъ районахъ, какъ часть Малороссіи и Юго-западнаго края, Прибалтійскій край и Грузія, вліяніе соціалъ-демократіи упрочилось и сохранилось даже въ эпоху реакціи. Въ другихъ мѣстахъ, если появляется соціалъ-демократъ, крестьяне соглашаются съ нимъ, если появляется соціалистъ-революціонеръ, они и съ нимъ соглашаются. Представители и той, и другой партіи, не упрочивая своего вліянія въ центральныхъ губерніяхъ, лишь бросали въ народную массу новыя идеи, вызывая идейное броженіе, пытались одновременно организовать крестьянъ, но прочной организаціи не могло быть не только вслѣдствіе отсталости и распыленности крестьянъ и проявившагося впослѣдствіи противорѣчія интересовъ въ ихъ средѣ, но и вслѣдствіе мимолетности столкновеній крестьянъ съ представителями революціонныхъ партій.

Нѣкоторые агитаторы объѣзжали обширный районъ, созывали многолюдные и многочисленные митинги и тутъ же организовали комитеты, которые росли, какъ грибы. Но когда наступили отливъ движенія и реакціонная волна, эти организаціи такъ же быстро исчезли, какъ и появились.

Дѣятельность революціонеровъ въ нѣкоторой степени вліяла и на характеръ аграрнаго движенія, хотя основной причиной, опредѣлявшей формы движенія, были экономическія условія. Но такъ какъ при различныхъ экономическихъ условіяхъ имѣли вліяніе и различныя партіи, то связь между характеромъ движенія и политическими партіями вполнѣ естественна. Въ районѣ продовольственнаго хозяйства, съ преобладаніемъ погромнаго движенія, преобладало вліяніе соціалъ-революціонеровъ, а въ районахъ стачечнаго движенія вліяніе соціалъ-демократовъ. Вообще, повидимому, тамъ, гдѣ было вліяніе соц.-демократовъ и крестьянскаго союза, погромовъ и поджоговъ было меньше и движеніе было болѣе организованнымъ. Впослѣдствіи, когда организація крестьянскаго союза была разрушена, начались массовые поджоги тамъ, гдѣ раньше было болѣе организованное движеніе.

Наконецъ, лѣтомъ 1905 года усилилась и дѣятельность реакціонеровъ. Агитаціей занимались, главнымъ образомъ, духовенство и полиція. Начинаютъ издаваться брошюры (напр., еписк. Никона), въ которыхъ революціонеровъ обвиняютъ въ томъ, что они подкуплены японцами. Особенно энергично велась агитація въ Саратовѣ, гдѣ, подъ покровительствомъ еп. Гермогена, издавались «Братскіе листки», въ которыхъ велась энергичная агитація противъ учителей и врачей. Въ с. Елани, подъ вліяніемъ агитаціи священниковъ и полиціи, крестьяне разгромили школу. Эта агитація и подготовила рядъ погромовъ, которые начались послѣ 17 октября. Благодаря агитаціи же реакціонеровъ лѣтомъ 1905 года возникъ и крестьянскій союзъ.

V.

Крестьянскій союзъ.

Наиболѣе широкой политической организаціей, правда, существовавшей короткое время, среди крестьянъ центральной Россіи былъ «Крестьянскій союзъ».

Движеніе, охватившее крестьянскія массы, должно было рано или поздно натолкнуть на мысль объ образованіи крестьянской демократической партіи. Какъ мы замѣтили, въ центральномъ районѣ въ началѣ движеніе охватило всѣ слои крестьянства; противорѣчія ихъ экономическихъ интересовъ, особенно въ центральномъ районѣ, еще не выступали рѣзко,—они выступили лишь въ періодъ реакціи.

Броженіе среди крестьянъ привлекло агитаторовъ не только партійныхъ, соц.-революціонеровъ и соц.-демократовъ, но и безпартійныхъ интеллигентовъ, настроенныхъ демократически. Идея организаціи крестьянскаго союза привлекла какъ этихъ безпартійныхъ интеллигентовъ, такъ и нѣкоторыхъ соц.-демократовъ и особенно соц.-революціонеровъ, программа и міровоззрѣніе которыхъ болѣе подходили къ такой неопредѣленной организаціи. Благодаря этому, соціалисты-революціонеры имѣли и большее вліяніе въ крестьянскомъ союзѣ, отражавшемъ надежды и интересы среднихъ слоевъ крестьянства.

Первымъ толчкомъ, послужившимъ къ образованію союза, послужила попытка московскаго губернатора и г. Самарина склонить нѣкоторыя общества крестьянъ Московской губ. къ составленію «патріотическихъ» адресовъ съ выраженіемъ готовности продолжать войну и проч... Эта попытка была предпринята для того, чтобы противопоставить демократическимъ требованіямъ интеллигенціи реакціонныя требованія крестьянъ. Но у московскихъ крестьянъ, благодаря этому, возникла мысль составлять приговоры противуположнаго характера, такъ какъ сфабрикованные реакціонерами приговоры, разумѣется, не соотвѣтствовали интересамъ и стремленіямъ крестьянъ. Въ маѣ мѣсяцѣ прогрессивная часть крестьянъ устроила въ Москвѣ съѣздъ, который, подъ вліяніемъ интеллигенціи, организовавшейся тогда въ союзы различныхъ профессій, постановилъ организоваться въ крестьянскій союзъ. Резолюція объ этомъ была напечатана въ газетахъ и въ большомъ количествѣ была распространена по всей Россіи.

Организація союза заключалась въ томъ, что центръ его составлялся изъ пяти представителей отъ каждой губерніи. Губернскія отдѣленія составлялись изъ представителей уѣздовъ, по 5 отъ каждаго; уѣздныя—по 5 отъ каждой волости, а волостныя—изъ наличнаго числа членовъ, но не менѣе пяти. Въ резолюціи объ организаціи крестьянскаго союза указывается на недостатки политическаго строя, на тяжелое экономическое положеніе крестьянъ. «Для достиженія всѣхъ намѣченныхъ (въ резолюціи) благъ народа и впредь до уравненія крестьянъ съ остальными сословіями, учреждается всероссійскій крестьянскій союзъ».

Идея образованія союза была подхвачена крестьянами и въ цѣломъ рядѣ губерній образовались мѣстные крестьянскіе союзы. Напримѣръ, въ Тульской губ. «уже года три тому назадъ стали складываться среди крестьянъ кружки само-

образованія, особенно въ Богородицкомъ уѣздѣ. Въ іюнѣ (1905 г.) былъ съѣздъ, на которомъ было рѣшено организовать Тульскій отдѣлъ Всер. Крест. Союза и начать его организацію въ уѣздахъ» [1]).

Въ Курской губ., по словамъ делегата на всероссійскомъ съѣздѣ, на образованіе союза натолкнула крестьянъ прокламація московскихъ крестьянъ объ образованіи крестьянскаго союза. Она произвела большое впечатлѣніе. Были намѣчены надежныя лица и 3-го іюня состоялся съѣздъ 47 выборныхъ отъ разныхъ уѣздовъ. На съѣздѣ былъ организованъ союзъ и были выбраны делегаты на всероссійскій съѣздъ и т. д.

На учредительный съѣздъ крестьянскаго союза, происходившій въ Москвѣ 31-го іюля и 1-го августа, прибыли представители 22 губерній (Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Казанской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской, Ярославской и Донской Области). Всего делегатовъ было больше 100 человѣкъ. Нѣкоторые изъ делегатовъ представили приговоры сельскихъ обществъ. Съѣздъ, по вопросу о народномъ представительствѣ, высказался въ пользу самыхъ широкихъ демократическихъ началъ. Женщины должны пользоваться какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ и т. д. По аграрному вопросу было предложено всѣ частновладѣльческія земли обратить въ государственную собственность, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отчужденіе частновладѣльческихъ земель могло быть произведено на началахъ выкупа [2]).

Это рѣшеніе вопроса наиболѣе соотвѣтствовало міровоззрѣнію крестьянъ, которые, какъ мы указывали, и раньше, до аграрныхъ волненій, и во время ихъ, ожидали отъ центральной правительственной власти прирѣзки себѣ земли.

Первый съѣздъ крестьянскаго союза организовалъ главный комитетъ союза, но руководящую роль играло «бюро содѣйствія» союзу, которое организовалось на странныхъ началахъ. Чтобы противодѣйствовать вліянію организованныхъ политическихъ партій (особенно соціалъ-демократовъ), безпартійные интеллигенты постоянно говорили о «самостоятельности» крестьянъ и о необходимости организовать чисто *крестьянскій* союзъ. Но, чтобы сохранить *свое* вліяніе, небольшая группа интеллигентовъ организовала «бюро содѣйствія» *при* крестьянскомъ союзѣ и старалась взять въ свои руки руководящую роль, но проявила полную политическую несамостоятельность и неопытность, особенно впослѣдствіи, во время дѣятельности второй Государственной Думы.

Въ концѣ октября 1905 года было разослано по мѣстнымъ комитетамъ, а потомъ напечатано въ газетахъ приглашеніе отъ комитета всероссійскаго крестьянскаго союза, въ которомъ извѣщались всѣ организаціи союза о созывѣ въ Москвѣ на 6 ноября 1905 г. второго всероссійскаго съѣзда членовъ союза. Предлагалось каждому губернскому отдѣленію прислать по два делегата,—одного отъ губернскаго комитета, другого отъ бюро содѣйствія союзу. Уѣзднымъ организаціямъ также предлагалось посылать по два делегата отъ уѣзда.

---

[1]) „Агр. вопросъ", т. II, стр. 220—221.
[2]) „Русь", 7, VIII, 1905 г.

6 ноября начались засѣданія съѣзда и продолжались въ теченіе пяти дней, легально, въ присутствіи корреспондентовъ отъ газетъ. Въ засѣданіяхъ участвовало 187 делегатовъ отъ 75 уѣздовъ изъ 27 губерній: Владимірской, Воронежской, Вятской, Донской Области, Екатеринославской, Калужской, Казанской, Кіевской, Костромской, Курской, Минской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской и Ярославской. 105 делегатовъ изъ 187 представили приговоры о полномочіяхъ отъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ, остальные отъ мѣстныхъ комитетовъ.

При обсужденіи экономическихъ вопросовъ, съѣздъ, вполнѣ естественно, обнаружилъ большую наивность, такъ какъ крестьяне недостаточно знакомы были съ народнымъ хозяйствомъ, а интеллигентная часть съѣзда, можетъ быть, приспособлялась къ крестьянскому міровоззрѣнію, можетъ быть, была также мало освѣдомлена въ экономическихъ вопросахъ, какъ и крестьяне.

Напримѣръ, рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ совершенно не затрагивался, такъ какъ крестьяне, вѣроятно, полагали, что послѣ превращенія земли «въ общенародную собственность» наемнаго труда не будетъ. Такъ какъ крестьянскій союзъ охватывалъ, главнымъ образомъ, районъ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія, то существованіе мелкой частной собственности, земельной ренты и проч. игнорировалось.

По вопросу о тактикѣ, которому, главнымъ образомъ, былъ посвященъ ноябрьскій съѣздъ, намѣтились два направленія. Защитники «митинговаго» и «приговорнаго» направленія отстаивали «мирную» тактику, забастовки, организацію революціоннаго самоуправленія и даже «мирныя» запашки помѣщичьихъ земель, отказы платить подати, давать рекрутовъ и т. д. Другая часть делегатовъ, особенно изъ Саратовской губ., гдѣ въ это время началось сильное «разгромное» движеніе крестьянъ, призывало къ вооруженому возстанію, къ поддержкѣ начавшагося тамъ движенія.

Съѣздъ принялъ слѣдующія резолюціи:

1) Прекратить бѣдствія народа, проистекающія отъ недостатка земли, можетъ только переходъ всей земли въ общую собственность всего народа съ тѣмъ, чтобы пользовались ею только тѣ, кто трудится на землѣ самъ своей семьей, или въ товариществѣ. 2) Установить законодательнымъ путемъ прочное, справедливое и согласное съ волей народа земельное устройство должно учредительное собраніе, созванное для составленія основныхъ законовъ государства. Учредительное собраніе должно быть избрано всеобщимъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ, безъ различія пола, народности и вѣроисповѣданія... 3) Учредительное собраніе обязано разрѣшить земельный вопросъ на благо народа и согласно его требованію. 4) Крестьянство, объединенное въ одинъ великій всероссійскій союзъ, добьется удовлетворенія своего требованія о созывѣ учредительнаго собранія. 5) Крестьянскій союзъ беретъ на себя руководство дѣйствіями крестьянства и войдетъ въ соглашеніе съ союзами рабочихъ, а также съ организаціями, защищающими интересы трудящагося народа. 6) Чтобы ускорить передачу земли народу, постановлено: не покупать земли у владѣльцевъ; въ

случаѣ, если требованія народа не будутъ исполнены, крестьянскій союзъ прибѣгнетъ къ забастовкѣ: откажетъ владѣльцамъ хозяйствъ въ рабочей силѣ. 7) На преслѣдованіе крестьянскаго союза онъ отвѣтитъ отказомъ въ уплатѣ податей, поставкѣ рекрутъ и запасныхъ, потребуетъ изъ сберегательныхъ кассъ и банковъ всѣ свои вклады и крестьянскіе капиталы и закроетъ всѣ винныя лавки. 8) Постановляетъ прекратить употребленіе вина.

Этотъ съѣздъ состоялся уже послѣ 17 октября, когда народное движеніе достигло кульминаціоннаго пункта. Послѣ ноябрьскаго съѣзда крестьянскій союзъ начинаетъ падать. Вскорѣ послѣ съѣзда представители бюро союза были арестованы и начались преслѣдованія союза на мѣстахъ. Были разосланы исправникамъ циркуляры, въ которыхъ предписывалось подвергать обыску и аресту агитаторовъ, дѣйствующихъ отъ имени крестьянскаго союза.

Отсутствіе политическаго такта у руководителей союза ускорило паденіе вліянія организаціи. Не обладая прочно организованными силами, опираясь на «приговорныя» организаціи, союзъ, вслѣдъ за с.-революціонерами, объявилъ бойкотъ первой государственной думы и тѣмъ оторвался отъ крестьянской массы, вѣрившей въ силу приговоровъ и принимавшей участіе въ выборахъ въ Думу.

Хотя послѣ ноябрьскаго съѣзда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходили районные съѣзды, но они имѣли уже второстепенное значеніе.

Въ мартѣ 1906 года въ Москвѣ собрался третій съѣздъ союза, на которомъ были представители отъ 18 губерній, но этотъ съѣздъ имѣлъ мало значенія. Въ 1907 году была попытка новаго съѣзда, но значительная часть его участниковъ была арестована.

Во время дѣятельности второй Госуд. Думы представители крестьянскаго союза пыталиеь организовать въ трудовой группѣ автономную группу крестьянскаго союза, но эта попытка не имѣла ни смысла, ни значенія, такъ какъ группа трудовиковъ лучше отражала интересы и настроеніе крестьянскихъ массъ...

Крестьянскій союзъ въ свое время, въ 1905 и первой половинѣ 1906 года, сыгралъ большую роль въ крестьянскомъ движеніи, организуя тѣ элементы крестьянства, которые не могли идти за революціонными лозунгами революціонныхъ партій. Онъ объединялъ, правда, на короткое время, группы крестьянъ, отражая ихъ настроеніе неопредѣленностью и программы, и тактики. Изъ дальнѣйшей характеристики крестьянскаго движенія 1905—1906 годовъ будетъ видно, что крестьянское движеніе развивалось своимъ путемъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне организовались подъ знаменемъ крестьяскаго союза, импонировавшаго крестьянамъ какъ своимъ названіемъ, такъ и лозунгомъ...

VI.

Крестьянское движеніе послѣ 17 октября.

1.

Послѣ весенняго массоваго движенія лѣтомъ 1905 года наступаетъ нѣкоторое затишье въ томъ смыслѣ, что безпорядки не охватываютъ такихъ сплошныхъ районовъ, какъ было весной. Хотя въ теченіе лѣта во многихъ мѣстахъ

крестьяне захватывали луга, дѣлали порубки лѣсовъ, а послѣ уборки хлѣбовъ свозили ихъ къ себѣ на гумна, но это были отдѣльные случаи, которые не безпокоили особенно ни правительство, ни помѣщиковъ.

Крестьяне, узнавши объ указѣ 18 февраля, пытаются путемъ приговоровъ ознакомить правительство со своимъ положеніемъ и «приговорное» движеніе мѣстами охватываетъ сплошной районъ. Такъ, въ Донской области, братья Мазуренко, поднявшіе тамъ приговорное движеніе, объѣзжали цѣлый рядъ селеній, и осенью движеніе охватило весь Донецкій и часть Черкасскаго округа. Въ Саратовской губерніи были составлены петиціи и приговоры въ селеніяхъ Ивановкѣ, Чириковѣ, Трубчинѣ, Ключахъ, Двоенкахъ, Кочетовкѣ, Широкомъ, Дмитріевкѣ Балашовскаго и Аткарскаго уѣздовъ, въ Поповкѣ Саратовскаго у. и т. д.

Но власти и на это движеніе смотрѣли, какъ на опасное, аресты же «зачинщиковъ» ослабляли его, разрушая надежды крестьянъ на мирный выходъ изъ ихъ положенія.

Только въ одной Саратовской губ. за лѣто 1905 года было приговорено въ административномъ порядкѣ губернаторомъ до 600 крестьянъ на разные сроки до 3 мѣсяцевъ. Отряды казаковъ постоянно путешествовали по «безпокойнымъ» уѣздамъ, безчинствуя тамъ. Все это, разумѣется, лишь озлобляло крестьянъ и толкало ихъ на другой путь борьбы....

Между тѣмъ, благодаря неурожаю хлѣбовъ въ 1905 году, положеніе крестьянъ центральнаго черноземнаго района, особенно послѣ неурожая 1904 года, сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ: грозилъ голодъ.

Такимъ образомъ, къ осени положеніе на столько обострилось, что нуженъ былъ лишь поводъ, чтобы движеніе вспыхнуло съ небывалой силой. Поводомъ къ осеннему движенію во многихъ мѣстахъ послужилъ манифестъ 17 октября и поведеніе администраціи.

Съ появленіемъ манифеста 17 октября агитація реакціонеровъ при поддержкѣ правительства усиливается, а мѣстная администрація и духовенство всѣми силами стараются воспрепятствовать ознакомленію населенія съ манифестомъ. Разумѣется, слухи о манифестѣ, который даетъ «свободу», быстро распространились. Населеніе не могло не знать также и о всеобщей октябрьской забастовкѣ, когда всюду прекратилось желѣзнодорожное сообщеніе. Утаиваніе манифеста привело лишь къ тому, что «свобода», которую онъ обѣщалъ, толковалась реакціонерами, какъ свобода въ теченіе опредѣленнаго срока громить евреевъ и интеллигенцію, а крестьянами *понималась*, какъ свобода громить помѣщиковъ въ теченіе опредѣленнаго срока (обыкновенно въ теченіе 3-хъ дней).

Всѣ политическія событія 1905 года, агитація и проч. бросили въ крестьянство такую массу идей, фактовъ и впечатлѣній, что крестьяне не могли сразу во всемъ разобраться и реагировали на всѣ эти событія крайне разнообразно. Какъ понимались, напримѣръ, газеты, можно судить по слѣдующему разсказу крестьянина Яновской волости, Донецкаго округа.

— «Читаемъ газету на вокзали. А тамъ просютъ помощи. *Значитъ*, щобъ робить забастовку. Пійтти на сходъ. Все, якъ слідъ, «имѣли сужденіе» и при-

говоромъ приговорили: іти до пана *зъ забастовкою.* Прійшли. Заразъ собакъ зъ ружіевъ, прикащиківъ—у винбаръ (амбаръ) *забастували.* Пішли ділить хлібъ. *Все по правилу:* кажному добрітоі и плохітоі пшениці досталось. Колы черезъ часъ счинився крикъ: «идетъ *вторая забастовка*». Підойшло сусідське обчиство. Ми и ихъ приняли до присутствія. Ми добре распорядились. Честь честью. Усе дожидались васъ (агитаторовъ): хотіли послухати наставленія. А потомъ чуємо, *васъ забастували.* Отъ и ми за вами», добавляетъ разсказчикъ, приведенный въ тюрьму, гдѣ встрѣчается съ агитаторами.

Въ данномъ случаѣ крестьяне вычитали, что нужно бастовать, и они собакъ изъ ружей «забастовали», прикащиковъ въ амбарѣ забастовали, хлѣбъ забастовали, пока, наконецъ, ихъ самихъ въ тюрьму не «забастовали»!

Въ однихъ мѣстахъ на разборку экономій смотрѣли, какъ на легальное дѣло, въ другихъ мѣстахъ разгромъ являлся результатомъ озлобленія и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Московской, Харьковской, Екатеринославской, Черниговской и проч., движеніе началось реакціонерами съ еврейскихъ погромовъ. Въ Саратовской губ. одновременно начались и черносотенные погромы интеллигенціи, и погромы помѣщиковъ.

Наконецъ, во многихъ мѣстахъ движеніе было уже организованнымъ и выразилось въ болѣе мирныхъ формахъ: приговорахъ, митингахъ и забастовкахъ.

«Взбудораженная всѣми быстро слѣдовавшими одно за другими политическими событіями, пишетъ корреспондентъ В.-Э. Общества, мало подготовленная крестьянская масса глухо волновалась, съ трудомъ разбираясь среди новыхъ явленій. Настроеніе подымалось, росло и выливалось въ цѣлый рядъ неопредѣленныхъ ожиданій и желаній, поддерживаясь, главнымъ образомъ, газетной литературой и митингами. Всѣ адреса и постановленія сходовъ относительно видовъ и предположеній о лучшемъ благоустройствѣ страны, по преимуществу исходитъ отъ отдѣльныхъ лицъ и, несмотря на многочисленныя подписи, общаго настроенія деревни не выражали. Такъ было до манифеста 17 октября и второй желѣзнодорожной забастовки. Разразившійся вслѣдъ за этимъ въ гор. Александровскѣ еврейскій погромъ, въ деревняхъ сочувствія не встрѣтилъ.

... Летучая революціонная литература въ перемежку съ погромными листками александровской организаціи, агитаторы соціалистическихъ партій и разнаго рода добровольцы со стороны, деревенская интеллигенція, все это въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время, а иногда и совмѣстно дѣйствуя, дало начало деревенскимъ митингамъ и было первымъ толчкомъ къ попыткѣ политическаго выступленія деревни.

Такъ какъ въ этотъ періодъ всякое крестьянское начальство и деревенская полиція гдѣ-то притаились, то почти въ каждомъ селѣ безпрерывно шли митинги, образовывались мѣстныя отдѣленія крестьянскаго союза, въ которыя записывались въ громадномъ большинствѣ крестьяне».

Митинговое движеніе особенно сильно развилось въ Донской области, въ Югозападномъ и Бѣлорусскомъ районѣ, Херсонской, Нижегородской, Московской, Ярославской, Костромской, Петербургской губ. и въ Прибалтійскомъ краѣ.

Политическіе интересы такъ захватили населеніе, что, напримѣръ, крестьяне

разносчики, при ежедневныхъ поѣздкахъ изъ деревни въ Петербургъ и обратно, устраивали митинги въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ. Иногда митинги устраивались даже мѣстной администраціей. Напр., въ с. Чардышъ, Сарат. губ., земскій начальникъ устроилъ митингъ и предложилъ программу партіи правоваго порядка, но тутъ же были прочитаны и обсуждены программы революціонныхъ партій. Въ Псковской губ. начало митингамъ положилъ гр. Гейденъ, но крестьяне примыкали не къ мирнообновленцамъ, а къ лѣвымъ партіямъ. Въ Смоленской губ. митинги созывали либеральные помѣщики для разъясненія манифеста и т. д. и т. д.

2.

Митинговое движеніе не вездѣ происходило безпрепятственно. Такъ, въ Саратовской губ. даже составленіе общественныхъ приговоровъ и коллективныхъ заявленій, согласно указу 18 февраля, было признано незаконнымъ и въ концѣ іюля, особымъ циркуляромъ губернатора, было запрещено подъ угрозой рѣшительныхъ наказаній.

Глухое и глубокое броженіе крестьянъ, разумѣется, не прекращалось ни объѣздами губернатора, ни отрядами разъѣзжавшихъ по деревнямъ и чинившихъ насилія казаковъ, ни преслѣдованіемъ мирныхъ и легальныхъ формъ борьбы. Общая забастовка въ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ явилась послѣднимъ толчкомъ къ взрыву.

Въ Саратовской губ. волненія крестьянъ сразу начались въ нѣсколькихъ уѣздахъ и выразились, главнымъ образомъ, въ разгромѣ и поджогахъ усадебъ и экономій, увозѣ сѣна, сноповъ, захватѣ земель и раздѣлѣ ихъ. Разгромное движеніе происходило въ Балашовскомъ, Аткарскомъ, Петровскомъ, Сердобскомъ, Кузнецкомъ и Саратовскомъ уѣздахъ.

Во всѣхъ уѣздахъ оно совершалось всегда по одному и тому же типу. Задолго до движенія начинались разговоры «объ уравненіи земли», о «революціи», о «борьбѣ за право». Далѣе, какъ только ночью кругомъ начинали показываться «зарева», крестьяне данной деревни рѣшали, что настаетъ и ихъ «чередъ» дѣйствовать. Иногда въ это время пріѣзжали «неизвѣстные», которые брали на себя руководство движеніемъ. Прежде, чѣмъ начать разгромъ имѣнія, крестьяне иногда приходили къ помѣщику и требовали отъ него ключи, деньги, оружіе. Иногда, прежде, чѣмъ сжечь усадьбу, крестьяне разбирали изъ амбаровъ хлѣбъ. Покончивъ съ однимъ имѣніемъ, толпа переходила въ другое, и движеніе оканчивалось, мѣстами, только тогда, когда всѣ помѣщичьи усадьбы въ окрестностяхъ были разгромлены.

Въ разгромномъ движеніи, въ большинствѣ случаевъ, крестьяне не предъявляли помѣщику никакихъ требованій. Здѣсь преслѣдовалась единственная цѣль: «выкурить», «выжить» помѣщиковъ и завладѣть ихъ землей «даромъ» или «по дешевой цѣнѣ». «Громить надо частныхъ владѣльцевъ: они скорѣе землю отдадутъ» [1]). Въ разгромномъ движеніи принимали участіе, главнымъ образомъ, бѣдные и средніе слои крестьянства, хотя временами къ движенію

[1]) И. В. Чернышевъ. Аграрное движеніе 1905—6 гг. Средневолжскія губерніи. Труды В. Э. Общества № 3, 1908 г. стр. 146.

примыкали и зажиточные. Когда зажиточные шли рядомъ съ бѣдными, то при разгромѣ имѣнія, «каждый становился въ очередь и каждый былъ доволенъ привезеннымъ». Случалось, что у зажиточныхъ крестьянъ, поѣхавшихъ «за *чужбинкой*», въ ихъ отсутствіе сжигали постройки. Послѣднее имѣло мѣсто въ томъ случаѣ, когда мотивомъ къ участію въ движеніи у богатыхъ была «легкая нажива».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ко времени движенія возвратились манчжурскіе солдаты и усиливали общее возбужденіе. Найдя свое хозяйство раззореннымъ; узнавши, что ихъ женамъ и семьямъ пособій не выдавали, или выдавали не регулярно, они приставали къ движенію и требовали себѣ земли: «за что мы кровь проливали, а у насъ земли нѣтъ»! [1])

Главные моменты дѣйствій крестьянъ были слѣдующіе: 1) Удаленіе помѣщика съ семьей изъ усадьбы. 2) Разборъ и дѣлежъ хлѣба и продуктовъ, а иногда и движимой собственности. 3) Выведеніе скота. 4) Разсчетъ батраковъ и домашней прислуги; и 5) часто поджоги экономическихъ построекъ. Помѣщики выѣзжаютъ по предупрежденію крестьянъ, и насилій надъ ними никакихъ не допускается. Одновременно съ разгромомъ экономій, крестьяне въ принципѣ рѣшаютъ о передачѣ съ весны помѣщичьей земли въ уравнительное пользованіе міра, о чемъ во многихъ мѣстахъ составляются приговоры. Урядники и стражники скрываются, а мѣстами и арестуются крестьянами. Во главѣ толпы, нападающей на помѣщичьи усадьбы, стоитъ обыкновенно вооруженная дружина; дѣлежемъ хлѣба и продуктовъ и деньгами завѣдуютъ комитеты или братства изъ мѣстныхъ крестьянъ. Захваченныя въ экономическихъ конторахъ, въ казенныхъ винныхъ лавкахъ, или у сборщиковъ питейныхъ доходовъ суммы обращаются въ общественную собственность.

Поджоги, какъ сказано, мотивируются особыми соображеніями крестьянъ: если постройки сожжены, то помѣщики не могутъ вернуться и, слѣдовательно, легче можетъ упрочиться новый порядокъ землевладѣнія.

Если постройки останутся цѣлы, то онѣ послужатъ удобнымъ помѣщеніемъ для казаковъ, къ которымъ у крестьянъ всеобщая ненависть. Когда вооруженной дружины въ толпѣ нѣтъ, то было достаточно двухъ, трехъ вооруженныхъ людей въ усадьбѣ, чтобы остановить разгромъ. Такъ, въ Балашовскомъ уѣздѣ крестьянинъ землевладѣлецъ съ вооруженными сыновьями вернулъ обратно съ дороги нѣсколько десятковъ подводъ крестьянъ, ѣхавшихъ громить его усадьбу.

Въ результатѣ въ Саратовскомъ, Петровскомъ, Балашовскомъ и Аткарскомъ уѣздахъ были истреблены пожарами сотни построекъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Сожжены до тла всѣ постройки въ огромныхъ имѣніяхъ герцога Лейхтенбергскаго, кн. Вяземскаго, дома—дворцы кн. Прозоровскаго, Демидова, раззорены до основанія старинныя дворянскія усадьбы съ цѣнными библіотеками, картинами и проч. Сжигались постройки безотносительно, дурны или хороши были отношенія у владѣльца съ крестьянами. Пострадали какъ либеральные земцы, такъ и реакціонеры. Уцѣлѣвшія усадьбы въ перечисленныхъ уѣздахъ считаются единицами.

---

[1]) Ibid. стр. 147.

Хотя движеніе не было организованнымъ, но, мѣстами, въ селахъ были выбраны комитеты, которые разсылали къ помѣщикамъ «дружины» съ требованіемъ хлѣба и денегъ.

Движеніе изъ Балашовскаго, Саратовскаго и Аткарскаго уѣздовъ распространилось и на другіе уѣзды губерніи: Петровскій, Вольскій, Хвалынскій, Камышинскій и Царицынскій. Слово «безпорядокъ», пишетъ корреспондентъ, не точно характеризуетъ то народное волненіе, которое охватило за послѣдніе дни большую часть губерніи и перебросилось въ восточные уѣзды Тамбовской и Пензенской губ. Это движеніе правильнѣе было бы назвать *возстаніемъ* противъ помѣщиковъ и сельской администраціи.... При распространеніи движенія къ нему привлекаются и тѣ селенія, которыя самостоятельно ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы на поджогъ и «разборъ» экономій.

Одинъ изъ участниковъ движенія, описывающій [1]) разгромъ экономій, констатируетъ, что въ нѣкоторыхъ селахъ крестьяне сначала только смотрѣли, какъ нѣсколько человѣкъ пришлыхъ со стороны начинали разгромъ экономіи, но потомъ толпа заражалась примѣромъ и уже основательно заканчивала разгромъ.

Картина движенія, по описаніямъ очевидцевъ, во всѣхъ уѣздахъ была одинакова. «Начинается освѣщеніе небосклона всю ночь заревами.... картина ужасная,—съ утра вы видите несущіяся вереницы экипажей, тройками и парами, наполненныхъ людьми, бѣгущими изъ усадебъ, а какъ только смеркнется, весь горизонтъ одѣваетъ какъ бы огненное ожерелье изъ заревъ. Были ночи, когда насчитывали по 16 заревъ заразъ».

Погромы были или «сознательные», когда ставилось цѣлью удаленіе помѣщика, или «стихійные», гдѣ, по удаленіи владѣльца, разгромлялось и уничтожалось все его имущество, а постройки предавались огню. Погромы перваго рода происходили тамъ, гдѣ крестьяне издавна пользовались репутаціей бунтовщиковъ и крамольниковъ. Какъ разъ въ этихъ мѣстностяхъ разгрома совершенно не было и крестьяне сами охраняли оставленныя помѣщиками имѣнія. Въ мѣстахъ наименѣе культурныхъ и разгромы носили соотвѣтствующій характеръ. Въ такихъ мѣстахъ, нетронутыхъ организаціей, погромы происходили иногда въ самой дикой формѣ. Въ имѣніи кн. Голицина толпа ворвалась во дворецъ и устроила полный погромъ: били мраморныя статуи, рвали рѣдкія картины, ковры. Много было взято оружія и всякихъ вещей. Когда участники погрома взяли столько, сколько могли унести, дворецъ зажгли и удалились.

Въ концѣ октября въ Саратовскую губ. былъ назначенъ съ чрезвычайными полномочіями ген.-адъютантъ Сахаровъ, для прекращенія безпорядковъ. Въ союзѣ съ черной сотней началось «усмиреніе» со всѣми его ужасами....

3.

Движеніе, какъ сказано, изъ Саратовской губ. перекинулось на сосѣднія губерніи, Тамбовскую, Пензенскую и Самарскую.

Изъ Борисоглѣбска Тамбовской губ. телеграфируютъ «Русскимъ Вѣдомо-

---

[1]) „Русск. Бог". №№ 4 и 5 за 1909 г.

стямъ»: [1]) «Аграрное движеніе возрастаетъ. Имъ охвачена почти вся помѣщичья часть уѣзда. Движеніе перешло на сосѣдній — Новохоперскій уѣздъ. Вице-губернаторъ отдалъ приказъ меньше арестовать, а больше стрѣлять. Войсками убито до ста человѣкъ, раненыхъ очень много. Озлобленіе растетъ. Крестьяне хлѣбъ увозятъ, постройки сжигаютъ, а владѣльцамъ предлагаютъ добровольно отречься отъ земли и «уволиться» изъ усадебъ. Управляющихъ изгоняютъ. Телефонъ въ уѣздѣ прерываютъ. Землевладѣльцы въ паникѣ и съѣзжаются въ городъ. Почта и Государственный банкъ охраняются войсками.» Изъ Тамбовскаго у. въ «Московскую газету» сообщаютъ объ аграрныхъ безпорядкахъ и о поркѣ, которой власти подвергаютъ крестьянъ посреди селъ въ присутствіи дѣтей, о поркѣ не только мужчинъ, но и женщинъ. [2]) Аграрные безпорядки быстро распространились по всѣмъ уѣздамъ губерніи и не было ни одного уѣзда, неохваченнаго движеніемъ. [3]) Въ нѣсколько дней, пишутъ [4]) изъ Кирсановскаго у., крестьянами были уничтожены и сожжены 13 помѣщичьихъ усадебъ, при чемъ въ числѣ пострадавшихъ оказались крупныя экономіи и конные заводы.

Всего въ Тамбовской губ. пострадало отъ волненій 130 имѣній. Во многихъ случаяхъ имѣнія раззорены до тла: хлѣбъ разобранъ, скотъ частью угнанъ, частію уничтоженъ, имущество разграблено, постройки сожжены. Насилій надъ людьми не было.

Среди крестьянъ существовало убѣжденіе, что царь уже давно велѣлъ помѣщикамъ отдать землю крестьянамъ, но они все медлятъ и вотъ царь далъ тайный приказъ крестьянамъ самимъ брать землю отъ помѣщиковъ. Отъѣздъ заблаговременно помѣщиковъ изъ имѣній укрѣплялъ это мнѣніе крестьянъ. Нѣкоторые помѣщики спасались отъ разгрома угрозами поджечь деревни крестьянъ.

Наканунѣ «разборки» къ помѣщику являлся кто нибудь изъ крестьянъ и отъ имени «студентовъ» предлагалъ уѣхать. Вечеромъ пріѣзжали съ подводами крестьяне и, сдѣлавши «для острастки» нѣсколько выстрѣловъ, забирали что попало... «Для свѣта» зажигали солому [5]).

Въ Самарской губерніи аграрное движеніе охватило четыре уѣзда и не имѣло такого остраго характера, какъ въ Саратовской и Тамбовской губерніяхъ. Крестьяне являлись на хутора, забирали только кормъ для скота и, какъ они выражались, дѣйствовали «по совѣсти»: подсчитывали, сколько имѣется на хуторѣ скота, оставляли для его прокормленія необходимое количество корма, а излишекъ увозили. Дѣлали все спокойно, «чтобы не было никакого скандала». Потомъ стали разбирать на хуторахъ хлѣбъ, тоже «по совѣсти», оставляя владѣльцу на прокормленіе до весны и даже на сѣмена. Но вскорѣ крестьяне наталкиваются на сопротивленіе, которыя сопровождаются полнымъ уничтоженіемъ усадьбъ.

Въ Орловской губ. движеніе не было такимъ интенсивнымъ, какъ въ

---

[1]) „Право“ № 45—46, 1905 г.

[2]) См. Вечерн. Почта 24; XI. № 289.

[3]) „Русск. Вѣд.“ 21, XI, № 307.

[4]) „Нов. Дня“ 5, XI, № 8043.

[5]) С. Н. Прокоповичъ. „Аграрное движеніе въ 1905—6 гг. Центральныя земл. губ.“ Труды В. Э. Общества № 3, 1908 г.

Саратовской, Тамбовской и Воронежской губ., тѣмъ не менѣе и тамъ, мѣстами разгромъ имѣній былъ полный. Такъ изъ Малоархангельскаго у. пишутъ: [1]) «Съ 19 по 23 ноября включительно произошло какое-то спѣшное, усиленное выжиганіе и разграбленіе помѣщичьихъ усадебъ, такъ что въ теченіе пяти дней уничтожено десять большихъ экономій... Породистый культурный скотъ подвергся безжалостному истребленію». Изъ Елецкаго у. [2]): «Аграрные безпорядки... усиливаются. Помѣщики бросаютъ свои имѣнія и хутора на произволъ судьбы и бѣгутъ въ города». Всюду, разумѣется, были разосланы отряды казаковъ.

Сильное движеніе и въ болѣе разнообразныхъ формахъ проявилось въ Курской губерніи. Здѣсь, напр., въ Суджанскомъ уѣздѣ въ однихъ мѣстахъ крестьяне не грабили имѣній, а отказывались лишь платить подати и хотя были отправлены войска всѣхъ родовъ оружія, но примѣнять его не было возможности, такъ какъ крестьяне вели себя спокойно. Между тѣмъ, въ другихъ пунктахъ того же Суджанскаго у. «было разграблено 13 большихъ усадебъ; общій убытокъ насчитывается въ полтора милліона рублей» [3]). Въ Тимскомъ у. «масса имѣній разграблена и сожжена. Помѣщики въ паническомъ страхѣ покидаютъ на произволъ судьбы свои имѣнія. Подъѣздные пути испорчены» [4]).

Изъ Новооскольскаго у.: «Аграрное движеніе усиливается. Въ особенности пострадалъ Новооскольскій у., гдѣ разграблены и сожжены многія частныя владѣнія» [5]) и т. д. и т. д.

4.

Въ *Малороссійскомъ* раіонѣ наиболѣе сильное разгромное движеніе было въ Черниговской и Полтавской губ., между тѣмъ какъ въ Харьковской губ. оно было болѣе организованнымъ и, поэтому, менѣе разрушительнымъ.

Аграрное движеніе началось непосредственно послѣ появленія манифеста 17 октября, причемъ въ Черниговской и Полтавской губ. мѣстами началось съ еврейскихъ погромовъ и потомъ перешло къ разгрому помѣщичьихъ усадебъ.

Мѣстами движеніе началось съ требованія удалить всѣхъ постороннихъ служащихъ и рабочихъ, увеличенія заработной платы мѣстнымъ рабочимъ, уменьшенія арендной платы и увеличенія сдачи земли въ аренду. А затѣмъ начался разгромъ и расхищеніе экономическаго имущества, который сопровождался иногда сожженіемъ экономическихъ построекъ [6]).

Характерно, что на фонѣ общаго возбужденія, при широкомъ участіи населенія въ движеніи, основной формой его въ Полтавской губ. является, главнымъ образомъ, снятіе экономическихъ рабочихъ, а остальныя формы движенія прибавляются въ качествѣ сопутствующихъ его проявленій.

Въ *Черниговской* губ. послѣ 17 октября движеніе возникло одновременно въ Черниговскомъ и Городнянскомъ уѣздахъ. На 23 апрѣля въ Черниговѣ былъ

---

[1]) „Нов. Вр." отъ 11 XI, 1905 г. № 10683.

[2]) „Слово" 1, XII, № 317.

[3]) „Бирж. Вѣд." 11, XI, 1905 г.

[4]) „Право" № 47, 1905 г.

[5]) „Бирж. Вѣд." № 1907.

[6]) В. С. Голубевъ. Аграрн. движ. въ 1905—7 гг. Малороссійскія губ. Тр. В. Э. О. № 4—5, 1905 г. стр. 329.

назначенъ еврейскій погромъ. Тысячи крестьянъ, говорятъ, по приглашенію полиціи, потянулись въ городъ. Но погромъ былъ «отмѣненъ» и крестьяне двинулись громить евреевъ въ селеніяхъ, а потомъ и помѣщиковъ [1]). Толпа человѣкъ въ 500 на подводахъ, разгромивъ и разграбивъ нѣсколько экономій и усадебъ, двинулась на мѣстечки Сновскъ, Добрянку и гор. Городню. «Но крестьяне сначала были разбиты подъ Сновскомъ самообороной, затѣмъ окончательно разсѣяны самообороной города Городни, причемъ было убитыхъ человѣкъ 40, а затѣмъ уже разогнанныхъ избивали сами болѣе зажиточные и хозяйственные крестьяне, убивали жестоко, вилами, топорами, кольями. Самозащиты со стороны крупныхъ помѣщиковъ не было, но мелкіе землевладѣльцы защищались отчаянно и не безъ успѣха: многіе отстояли свои усадьбы, пуская въ ходъ ружья» [2]).

Какъ въ этомъ «походѣ», такъ и въ другихъ участвовали лица, принимавшія участіе въ еврейскихъ погромахъ, а мѣстные крестьяне только доканчивали разгромъ экономій. «Бывшіе въ Черниговѣ во время еврейскихъ погромовъ крестьяне видѣли, что власти бездѣйствовали, а потому принесли вѣсть, что бить пановъ и жидовъ разрѣшено; во время базара (въ Рѣпинской вол.) начался разгромъ еврейскихъ лавокъ и домовъ, экономій, арендуемыхъ евреями, и, наконецъ, помѣщиковъ, причемъ хлѣбъ и скотъ развозили по домамъ, а имущество уничтожали.

Въ Черниговскомъ уѣздѣ разгромное движеніе также натолкнулось на сопротивленіе богатыхъ крестьянъ, которые, напр., въ Выхвостовѣ ловили грабителей, отвозили на сборню и «предавали смертной казни».

Въ *Харьковской* губерніи хотя были отдѣльные случаи острыхъ крестьянскихъ безпорядковъ, но они не имѣли массоваго, «стихійнаго» характера. Наиболѣе сильное движеніе было въ Сумскомъ уѣздѣ, но оно имѣло мирный характеръ, благодаря весьма сплоченной организаціи отдѣленій крестьянскаго союза.

29 октября состоялся съѣздъ представителей крестьянъ Сумскаго уѣзда, Среди его постановленій можно отмѣтить слѣдующія: требованіе объ изданіи «въ теченіе ноября мѣсяца закона о созывѣ въ январѣ 1906 года учредительнаго собранія на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ», а также постановленіе о томъ, «что земля должна быть общественной и находиться въ рукахъ трудящагося населенія уравнительно, безъ права покупки, продажи и залога, словомъ раскрѣпощена. Всѣ земли, находящіяся на территоріи русскаго государства, выкупу не подлежатъ. Фабрики и заводы должны принадлежать той же общинѣ, въ районѣ которой они находятся... Присоединиться къ крестьянскому союзу, принимая въ мѣстный союзъ заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ»... Отдѣленіе союза уже прибѣгало къ забастовкѣ въ экономіяхъ графини Строгановой. Въ назначенный день всѣ работавшіе крестьяне и прислуга оставили занятія. «Впечатлѣніе получилось ошеломляющее: помѣщики поспѣшили уѣхать въ городъ» [3]).

Только въ Волчанскомъ уѣздѣ Харьковской губ. движеніе носило погром-

---

[1]) Ibid. стр. 357—8.

[2]) „Сѣв. Гол." 7, XII.

[3]) „Наша Жизнь" 8, XI, 1905, № 328.

ный характеръ: сразу горѣло нѣсколько экономій. Пожары сопровождались разгромами [1]).

Въ *Юго-западномъ* районѣ, гдѣ весной и лѣтомъ было особенно широкое забастовочное движеніе, осенью оно было слабѣе. Движеніемъ было охвачено только шесть уѣздовъ, между тѣмъ какъ весной забастовочное движеніе было въ 16 уѣздахъ. Осеннее забастовочное движеніе было вообще слабѣе и не охватывало сплошныхъ районовъ, какъ было весной. Забастовочное движеніе происходило одновременно съ развитіемъ митинговаго движенія, охватившаго всѣ слои населенія послѣ 17 октября. Такъ, въ концѣ ноября движеніе охватило цѣлый рядъ селъ, деревень и мѣстечекъ Новоградволынскаго у., тѣсно прилегающихъ другъ къ другу. Словно сговорившись, въ одинъ и тотъ же день, послѣ бесѣды мирового посредника о выборахъ въ Государственную Думу, крестьяне рѣшили предъявить экономіямъ и промышленнымъ заведеніямъ свои требованія. По замѣчаніямъ корреспондента, они дѣйствовали въ этомъ случаѣ совершенно самостоятельно, безъ всякаго воздѣйствія агитаціи со стороны. Въ то же время забастовали мельницы въ Новой Чарторіи, Педынкахъ, Острополѣ и Мирополѣ. Требованія рабочихъ были удовлетворены.

Въ экономіяхъ же вышли острыя столкновенія. Нѣкоторые помѣщики бѣжали. Движеніе охватило въ этомъ раіонѣ 44 селенія.

Въ Острожскомъ у. движеніе началось въ ноябрѣ и охватило пять волостей въ южной части уѣзда, выразившись въ прекращеніи работъ въ экономіяхъ и насильственномъ снятіи рабочихъ и прислуги.

Въ Кіевской губ. движеніе осенью и зимой проявлялось очень слабо. Въ Звенигородскомъ у. много разъ собирались на сходы и обсуждали вопросъ, присоединяться ли къ крестьянскому союзу, или нѣтъ. Характерно, что въ этотъ именно періодъ отмѣчено вліяніе здѣсь «постороннихъ лицъ», которое раньше во время движенія не проявлялось. Совершенно изолированно стоитъ случай разгрома винокуреннаго и сахарнаго завода въ Уманскомъ у. [2]).

Въ *Подольской* губ. также въ теченіе осени и зимы имѣются только отрывочныя свѣдѣнія о забастовкахъ то тамъ, то здѣсь, не имѣвшихъ массоваго характера и не захватывавшихъ сосѣднихъ селъ.

Наконецъ, въ *Волынской* губерніи въ ноябрѣ и декабрѣ отмѣчается порубочное движеніе, имѣвшее въ этомъ раіонѣ второстепенное значеніе.

5.

Совершенно въ другой формѣ проявилось осеннее движеніе въ Новороссіи. Здѣсь оно имѣло такой же характеръ, какъ въ Саратовской и Тамбовской губ. Такъ, изъ Днѣпровскаго у. *Таврич.* губ. пишутъ: [3]) «Трудно описать все то, чему мы были свидѣтелями, пробывши три дня на мѣстѣ аграрныхъ безпорядковъ. Точно ураганъ, пронеслось здѣсь это движеніе, уничтоживъ свыше двадцати экономій, хуторовъ и проч. Все происходило такъ же, какъ въ Саратов-

---

1) „Нов. Дня", 5, XII 1905 г.

2) А. Лосицкій. Цит. соч. стр. 244, 188, 189.

3) „Нар. Хоз." отъ 29 XII. 1905 г.

ской, Самарской и др. губерніяхъ: приходили огромныя толпы народа съ массою подводъ. Въ большинствѣ случаевъ къ помѣщикамъ являются депутаты отъ крестьянъ съ требованіемъ отдать землю въ аренду по установленной ими раньше цѣнѣ. Такъ, Фальцъ-Фейна заставили отдать землю по 4 руб., вмѣсто 15 руб., но нѣкоторыя экономіи пострадали весьма значительно: у Вассала разобрали 80 тыс. пудовъ пшеницы, угнали скотъ и овецъ. Замѣчательно, что крестьяне заявляютъ, что они дѣйствуютъ и будутъ впередъ дѣйствовать «по божески». Они великолѣпно знаютъ, какъ досталась каждому помѣщику земля. Фальцъ-Фейнъ купилъ ее за гроши,—они дали ему по 4 рубля за десятину: кн. Трубецкой получилъ землю даромъ,—ему дали только 2 руб. за десятину; у Безюкова монастыря отняли 15 тыс. десятинъ земли, говоря, что монахи должны молиться Богу, а не барышевать землей. Экономіи быстро опустѣли, и владѣльцы почти всѣ безъ исключенія бѣжали заграницу или въ Одессу и Симферополь».

Въ *Херсонской* губ. аграрное движеніе, начавшись въ Херсонскомъ у., перешло на восточную часть губерніи. Крестьяне громили огромными толпами, являясь на мѣсто съ массою подводъ для вывоза подѣленнаго имущества. Насилій и убійствъ не было, потому что не было сопротивленія,—растерявшіеся помѣщики и управляющіе бѣгутъ и открываютъ амбары по первому требованію крестьянъ...

Въ *Екатеринославской* губ., Верхнеднѣпровскомъ у., по словамъ помѣщика, корреспондента В. Э. О., «по выходѣ манифеста 17 октября пошли толки среди крестьянъ о землѣ, объ отобраніи ея отъ землевладѣльцевъ, независимо отъ сословности. 30 ноября началось одновременно во всѣхъ мѣстностяхъ, какъ бы по командѣ, аграрное движеніе, сопровождавшееся почти ежедневными сходами, митингами, приговорами, образованіемъ партій и союзовъ. Выразилось движеніе въ самовольномъ расхищеніи всего движимаго и уничтоженіемъ недвижимаго имущества землевладѣльцевъ, въ сниманіи зимнихъ рабочихъ въ экономіяхъ съ работъ» [1]). Въ Екатеринославскомъ у. движеніе имѣло такой же характеръ: «Незадолго до начала движенія образовался крестьянскій союзъ, устроены были особые комитеты и выборные рѣшали, какія мѣры долженъ принять народъ; причемъ на собраніи *было воспрещено грабить*. Съ октября 1905 г. село Покровское и Копиловка Покровской вол. Екатеринославскаго у., с. Кашенка, Знаменка и Ушкалка Таврич. губ. и с. Грушевка Херсонской губ. соединились всѣ вмѣстѣ и начали дѣлать страшнѣйшій безпорядокъ: рѣзали и угоняли на продажу скотъ, жгли постройки, уничтожали лѣсъ въ плавняхъ, строили бойкотъ, т. е. не нанимались служить и даже поотбирали рабочихъ, ходили каждый день въ экономію требовать земли и возврата штрафныхъ денегъ, т. е. денегъ, вычитаемыхъ за неработу въ ненастное время въ размѣрѣ 1 руб. въ день. Требовали вѣжливаго обращенія со стороны помѣщиковъ и управляющихъ» [2]).

Формы движенія—самыя разнообразныя: отказъ отъ податей и повинно-

---

[1]) В. Г. Громанъ. Аграрное движ. 1905—6 г.г. Новороссійскія губ. Тр. В. Э. О. № 4—5, стр. 443—4.

[2]) Тамъ-же стр. 444.

стей, непосредственная борьба съ агентами власти, захватъ власти выборнымъ народнымъ комитетомъ и т. д. Политическія формы борьбы встрѣчаются въ Екатеринославской губ. вблизи отъ заводовъ, рудниковъ, шахтъ и т. д. Въ этомъ же раіонѣ отмѣчается умѣрляющее вліяніе толстовцевъ. Въ Александровскомъ у., хотя причиной движенія былъ аграрный вопросъ, но рѣшеніе его переносилось не на поля помѣщиковъ, а на сходы крестьянскихъ союзовъ. Захватнаго движенія почти не было, исключая отдѣльные случаи недоразумѣній, сопровождавшихся насиліемъ и вызываемыхъ мѣстными и личными обстоятельствами. Въ этомъ раіонѣ движеніе имѣло настолько сознательный характеръ, что всѣ сельскія общества уѣзда откликнулись на приглашеніе александровской земской управы прислать уполномоченныхъ и приговоры въ сельско-хозяйственный совѣтъ, созванный по постановленію земскаго собранія, для урегулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами. На этотъ совѣтъ явились уполномоченные отъ всѣхъ обществъ и привезли съ собою приговоры, составленные въ духѣ постановленій крестьянскаго союза. Это засѣданіе с.-х. совѣта было прервано нарядомъ полиціи, явившимся въ земскую управу и арестовавшимъ предсѣдателя и 7 участниковъ крестьянъ. Терроризированные и возмущенные делегаты разъѣхались по домамъ, а, вслѣдъ за ними, въ силу введеннаго военнаго положенія, по селамъ стали разъѣзжать экспедиціи, арестовывавшія народныхъ учителей и передовыхъ крестьянъ. Всѣ крупныя и мелкія власти, какъ бы въ отместку за временное бездѣйствіе, старались во всю, отыскивая «вредные» элементы и сажая ихъ въ Александровскую тюрьму.

6.

Въ промышленномъ нечерноземномъ раіонѣ движеніе носило гораздо болѣе характеръ политическаго движенія, выражавшагося въ отказѣ платить подати, въ бойкотѣ администраціи, и лишь мѣстами въ порубкахъ и поджогахъ. Въ Новинской волости Тверского у. еще въ послѣднихъ числахъ октября на волостномъ сходѣ было рѣшено отказаться отъ уплаты податей и исполненія всѣхъ повинностей, а также бойкотировать мѣстныя власти и организовать свои революціонные комитеты. Подъ руководствомъ тверского комитета р. с. д. р. п. организованъ былъ рядъ митинговъ по деревнямъ и производились выборы депутатовъ отъ сельскихъ обществъ для завѣдыванія волостными дѣлами и для объединенія крестьянъ. «Населеніе находится въ состояніи необычайнаго волненія и возбужденія, пишутъ въ «Русск. Вѣд.» [1]) изъ Тверского уѣзда, къ счастію насильственныхъ проявленій, характеризующихъ крестьянское движеніе въ другихъ мѣстностяхъ, какъ разгромъ усадебъ и проч., здѣсь нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ, *такъ какъ большинство населенія живетъ, главнымъ образомъ, не землей,* а работами на фабрикахъ, отхожими и кустарными заработками, и земля, а съ ней и аграрная реформа не имѣютъ въ глазахъ крестьянъ первенствующаго значенія... Проявляютъ большую дѣятельность и пользуются большимъ сочувствіемъ... соціалъ-демократы. Послѣдніе почти ежедневно устраиваютъ въ различныхъ мѣстностяхъ уѣзда митинги, на которыхъ произносятъ

[1]) „Русск. Вѣд. отъ 29, XI, 1905 г.

рѣчи... Въ Первинской волости... полное и открытое отрицаніе существованія властей. Власть земскаго начальника не существуетъ; на основаніи общественныхъ приговоровъ (тридцати обществъ) смѣщены власти волостныя и сельскія. Всѣми дѣлами управляютъ избранные населеніемъ депутаты, волостными дѣлами завѣдуетъ комитетъ. Изъ повинностей собираются только страховые платежи. Митинги сопровождаются шествіями съ флагами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ».

Такой же характеръ имѣло движеніе и въ другихъ губерніяхъ промышленнаго раіона. Такъ, «въ бюро крестьянскаго союза получены были свѣдѣнія о сильномъ крестьянскомъ движеніи, охватившемъ Юрьевскій и Переяславскій уѣзды Владимірской губ. Во всѣхъ волостяхъ названныхъ уѣздовъ организованы отдѣленія крестьянскихъ союзовъ съ волостными комитетами во главѣ. Часто устраиваются уѣздные съѣзды волостныхъ делегатовъ. Въ силу рѣшенія одного изъ такихъ съѣздовъ, крестьянскія общества предъявили требованія о передачѣ въ ихъ распоряженіе продовольственныхъ капиталовъ. Въ большинствѣ случаевъ требованія исполнены земскими начальниками. Движеніе носитъ совершенно мирный характеръ. На съѣздахъ и митингахъ выставляются требованія о землѣ и власти для народа. *Фактически уѣздное и сельское начальство упразднены*, никто ихъ власти и распоряженій не признаетъ» [1]). Отказы въ уплатѣ податей имѣли мѣсто и въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ярославской губ. Въ Московской губерніи имѣло мѣсто, главнымъ образомъ, мѣтинговое и приговорное движеніе. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ черносотенцами было поднято погромное движеніе противъ интеллигенціи, но оно успѣха не имѣло.

Въ Пріозерномъ раіонѣ, какъ мы уже указывали, распространилось митинговое движеніе, хотя, мѣстами, происходили одновременно обширныя лѣсныя порубки и разгромы. Такъ въ *Новгородской* губ., «аграрное движеніе распространяется съ поразительной быстротой. Оно уже охватило уѣзды Кирилловскій, Бѣлозерскій, Череповецкій и Крестецкій, гдѣ крестьяне производятъ сплошныя вырубки помѣщичьихъ и казенныхъ лѣсовъ... Движеніе проявляется преимущественно въ видѣ захвата лѣсовъ, потому что губернія не земледѣльческая, а лѣсная, и теперь какъ разъ время производства лѣсныхъ заготовокъ» [2]).

Въ Новоржевскомъ у. *Псковской* губ. сожжено нѣсколько имѣній [3]).

Начало митингамъ положилъ гр. Гейденъ. «Народъ сталъ по немногу раскачиваться, сознавать свои интересы, силу. Начинала чувствоваться потребность перейти отъ словъ къ дѣлу. Вотъ для перваго начала и рѣшили «бастовать лѣсъ».

7.

Въ Сѣверо-западномъ раіонѣ также движеніе принимало различныя формы но, въ общемъ, имѣло сходный характеръ съ движеніемъ въ промышленномъ и пріозерномъ раіонахъ.

Въ Ноябрѣ въ Вильнѣ собрался первый съѣздъ делегатовъ литовскаго на-

---

[1]) „Нов. Дня“ 4, XII 1905 г.
[2]) „Нов. Дня“ 1, XII, 1905 г.
[3]) „Право“ № 51, 1905 г.

рода. Собралось болѣе 2.000 человѣкъ, представившихъ болѣе 1.000 письменныхъ полномочій. Главную массу делегатовъ составляли крестьяне и фабричные рабочіе, затѣмъ довольно много было духовенства и интеллигенціи. Исполняя постановленіе виленскаго съѣзда, населеніе смѣнило волостныхъ писарей, старшинъ, учителей народныхъ училищъ, прогнало жандармовъ, земскихъ начальниковъ и ввело выборные суды и волостные исполнительные комитеты. Но вскорѣ въ деревняхъ появились карательные отряды, которые арестовали и истязали вновь выбранныхъ должностныхъ лицъ, обстрѣливали деревни ружейнымъ, а иногда и орудійнымъ огнемъ, сѣкли нагайками и проч.

Движеніе, какъ сказано, въ различныхъ пунктахъ имѣло различныя формы. «Крестьяне нѣкоторыхъ волостей Ново-Александровскаго, Поневѣжскаго, Вилькомірскаго и Шавельскаго уѣздовъ *Ковенской* губ. отказываютъ въ повиновеніи земскимъ начальникамъ и чинамъ полиціи, прогоняютъ русскихъ учителей и волостныхъ писарей, требуя замѣнить ихъ литовцами, и не даютъ подводъ для передвиженія войскъ» [1]). Въ Поневѣжскомъ у., къ концу декабря преимущественно безземельными крестьянами изъ 20 волостныхъ правленій было закрыто 12 [2]). Въ *Минской* губ. «въ окрестностяхъ Минска и въ Игуменскомъ у. развилось сильное аграрное движеніе: крестьяне рубятъ помѣщичьи лѣса и грабятъ сѣно» [3]). Въ гминѣ Вильно волостной сходъ уничтожилъ русскіе гербы надъ управленіемъ [4]). Въ Новогрудкѣ были попытки рубить лѣсъ, остановленныя казаками и т. д. и т. д.

Въ *Витебскую* губ., въ Рѣжицкій у., движеніе перекинулось изъ Прибалтійскаго края. Безпорядки приняли серьезный характеръ. Организованные и хорошо вооруженные повстанцы обходятъ имѣнія, конфискуя оружіе и деньги [5]).

Въ *Гродненской* губ. «крестьяне рубятъ лѣсъ во многихъ имѣніяхъ, вызванные драгуны разгоняютъ толпы крестьянъ. Арестовано много зачинщиковъ».

Въ *Смоленской* губ., по сообщенію «Новаго Времени», крестьянское движеніе вспыхнуло было въ Смоленскомъ, Краснинскомъ, Рославльскомъ и Гжатскомъ уѣздахъ... Кое-гдѣ начались было рубки лѣсовъ,... но, ко всеобщему удивленію, начавшееся, было, аграрное движеніе крестьянъ почти прекратилось. Что же повліяло на умиротвореніе крестьянъ?.. Войска съ казаками?.. *Крестьянъ успокоили, какъ это ни странно, агитаторы стачекъ, забастовокъ и бойкота;* они теперь стали убѣждать крестьянъ, что этимъ путемъ добьются всего, чего пожелаютъ, что путь насилія, которымъ, было, пошли многіе изъ крестьянъ, путь самый крайній и онъ прежде всего непроченъ, что разгромы и поджоги имѣній, какъ будущаго достоянія крестьянъ, созданнаго ихъ же трудами, раззорительны для самихъ же крестьянъ» [6]). Характерно въ этомъ сообщеніи признаніе даже со стороны «Нов. Времени» за агитаторами такой роли...

---

[1]) „Право“ № 48—9, 1905 г., отъ 5 дек.
[2]) Тамъ же, № 52.
[3]) „Нов. Вр.“ 6, XII, 1905 г.
[4]) „Право“ № 45—6.
[5]) „Нар. Хоз.“ 17, XII, 1905 г.
[6]) „Нов. Время“ 4, XII, 1905 г.

8.

Въ *Прибалтійскомъ* краѣ, революціонное движеніе, начавшись съ весны, вплоть до осени не прекращалось. 6 августа въ Курляндской губерніи было введено военное положеніе. Послѣ октябрьскихъ событій въ Ригѣ и другихъ городахъ края начались митинги и вооруженныя демонстраціи по всему краю. Всѣ, самые глухіе уголки, самыя отдаленныя деревни примкнули къ октябрьско-ноябрьскому движенію.

Въ ожиданіи «свободъ» населеніе сначала воздерживалось отъ выбора новыхъ должностныхъ лицъ, прекратило «партизанскія» дѣйствія и церковныя демонстраціи.

Сначала, какъ мы замѣтили, движеніе было митинговымъ и петиціоннымъ. Повсемѣстно происходятъ огромные митинги съ тысячами участниковъ. Митинги произошли болѣе, чѣмъ въ 200 мѣстахъ. Повсюду принимались резолюціи о скорѣйшей реализаціи обѣщанныхъ свободъ и, одновременно, о прекращеніи партизанскихъ дѣйствій и церковныхъ демонстрацій. Народъ ожидалъ осуществленія свободъ сверху. Посылались изъ латышскихъ деревень многочисленныя телеграммы г. Витте съ требованіемъ амнистіи, отмѣны военнаго положенія и т. д. Одновременно прекратился взносъ платежей и отбываніе повинностей до урегулированія вопроса законодательнымъ путемъ.

Но вмѣсто «свободъ» явились въ латышскія деревни отряды казаковъ и драгунъ. Поведеніе бароновъ дѣлалось все болѣе и болѣе вызывающимъ. Войска стали разгонять митинги выстрѣлами, избивать собравшихся, а иногда и безъ предупрежденія въ нихъ стрѣлять.

Между тѣмъ, въ Ригѣ была перехвачена телеграмма рижскаго губернатора Звягинцева, ходатайствовавшаго о введеніи въ Лифляндіи военнаго положенія въ виду растущаго возбужденія. Слухъ объ этой телеграммѣ быстро дошелъ до деревни и вызвалъ страшное возбужденіе умовъ. Раздраженіе росло на митингахъ, стали открыто поговаривать о вооруженномъ возстаніи.

10 ноября собирается въ Ригѣ конгрессъ латышскихъ народныхъ учителей, на который съѣхались учителя изъ всѣхъ уголковъ края,—свыше 1.000 человѣкъ. Съ конгресса учителя разъѣхались по всему краю, чтобы проводить въ жизнь новую постановку народнаго образованія.

Между тѣмъ, попытки арестовъ драгунами и полиціей революціонеровъ приводили все къ болѣе и болѣе обостреннымъ столкновеніямъ съ войсками. На демонстраціи и митинги всѣ крестьяне стали приходить вооруженными. Начались партизанскія дѣйствія, попытки, иногда удачныя, отбить у драгунъ и казаковъ арестованныхъ революціонеровъ и т. д. [1]).

19 ноября въ Ригѣ состоялся съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ. На съѣздѣ было единогласно постановлено немедленно же приступить на мѣстахъ къ выборамъ новыхъ органовъ крестьянскаго самоуправленія; немедленно же созвать во всѣхъ волостяхъ всѣхъ членовъ волости (обоего пола) для выбора распорядительныхъ комитетовъ и переизбранія волостныхъ судовъ.

---

[1]) К. Ландеръ. Цит. соч. стр. 62—5.

Были выработаны инструкціи распорядительнымъ комитетамъ. Имъ запрещено было поддерживать какія либо связи съ правительственными органами. Комитеты должны были: 1) уволить и выселить всѣхъ пасторовъ; 2) принять отъ старыхъ волостныхъ правленій всѣ общественныя суммы и имущество; 3) ввести прогрессивный подоходный налогъ; 4) содержать волостного учителя, писаря и членовъ комитета; 5) заботиться о нищихъ; 6) наблюдать за преподаваніемъ въ школахъ и т. д., а также слѣдить, чтобы помѣщики не вырубали лѣсовъ; закрыть всѣ корчмы и винныя лавки; заботиться о положеніи батраковъ; наблюдать за исправнымъ веденіемъ хозяйства скрывшихся помѣщиковъ, а также за хозяйствами конфискованныхъ за нарушеніе права стачекъ, за дурное обращеніе съ батраками и проч. помѣщичьихъ имѣній. Такія имѣнія отдавались батракамъ на правахъ аренды. Отмѣнить всѣ дворянскія привилегіи, организовать самооборону противъ черной сотни и т. д.

Населеніе немедленно же стало проводить въ жизнь постановленія крестьянскаго съѣзда. Въ болѣе, чѣмъ 200 волостяхъ были смѣщены старыя власти и выбраны распорядительные комитеты, уволены и выселены пасторы, урядники, уѣздные начальники. Были, мѣстами, конфискованы помѣщичьи имѣнія, образованы отряды милиціи и введена новая программа въ школахъ.

Новый порядокъ мѣстами продержался около 2 мѣсяцевъ, мѣстами же только около 1 мѣсяца [1]).

Всѣ мѣстныя организаціи были организаціонно связаны съ центромъ, находившимся въ Ригѣ.

«Почти повсемѣстно крестьянскимъ населеніемъ рѣшено было отказаться къ веснѣ отъ дорожной повинности, *если помѣщики не примутъ участія въ ремонтѣ дорогъ*, и отказались платить взносы въ земскую кассу до тѣхъ поръ, пока крестьянскіе представители не будутъ допущены въ органы мѣстнаго самоуправленія. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ 3-го ноября состоялись постановленія о прекращеніи арендной платы и взносовъ въ дворянскія кредитныя общества... Сообщеніями о народныхъ митингахъ переполнены всѣ газеты... На всѣхъ митингахъ были формулированы и приняты резолюціи спеціально по корчемному и по церковному дѣлу, а также и по вопросамъ о самоуправленіи. Волостные суды и правленія перестали дѣйствовать и ими никто больше не интересуется. Мызные платежи и волостные сборы повсюду прекратились. Въ волостяхъ организовались большія вооруженныя толпы крестьянъ. Во многихъ уѣздахъ волостные старшины и писаря рѣшили отказаться отъ должностей» [2]).

Благодаря почтово-телеграфной забастовкѣ чрезвычайныя полномочія генералъ-губернатора лишились значенія и являлись формальностью.

Почти такое же положеніе оказалось въ латышскихъ уѣздахъ Лифляндской губ. На либавскомъ съѣздѣ волостныхъ старшинъ и писарей постановлено было упразднить старыя волостныя правленія и организовать на новыхъ началахъ самоуправленіе, реорганизовавшее налоги. Въ Фридрихштадтскомъ уѣздѣ, вмѣсто смѣщенныхъ учителей, были назначены новые, рекомендованные с.-демо-

---

[1]) Тамъ же. Стр. 65—6.

[2]) „Русскій Листокъ“ отъ 27 декабря 1905 г.

кратической партіей. Помѣщики, растерявшись, стали выѣзжать въ Германію, продавать имѣнія, а лѣса продавать на срубъ.

Въ то же время въ «Нов. Время» телеграфируютъ [1]), что «пока» движеніе не коснулось только Перновскаго уѣзда. Мызная администрація повсюду бѣжала; покинутыми имѣніями владѣютъ батраки; они ведутъ хозяйства, ходятъ за скотомъ и распоряжаются доходами. Почти повсемѣстно введено новое самоуправленіе, завѣдывавшее сборами общественныхъ налоговъ.

Между тѣмъ начинаются столкновенія съ посланными войсками.

Такъ, 28-го ноября у имѣнія Ленневарденъ произошло столкновеніе между драгунскимъ отрядомъ, сопровождавшимъ значительный караванъ покинувшихъ свои имѣнія бароновъ, и повстанцами. Послѣ продолжительной перестрѣлки, въ теченіе которой съ обѣихъ сторонъ оказались убитые и раненые, помѣщики, уступая численному превосходству, вынуждены были отступить. Они заперлись въ близлежащемъ замкѣ, но видя, что толпа осаждающихъ усилилась, выкинули надъ замкомъ бѣлый флагъ. Взятые въ плѣнъ они были разоружены и арестованы, причемъ имъ была обѣщана свобода, если лифляндскимъ дворянствомъ будутъ исполнены требованія латышей. 2-го декабря конвентъ лифляндскаго дворянства получилъ отъ плѣнныхъ бароновъ петицію, въ которой они просятъ конвентъ: 1) содѣйствовать отмѣнѣ военнаго положенія въ Лифляндской и Курляндской губ. и удаленію изъ провинціи войскъ; 2) отказаться отъ всѣхъ дворянскихъ привилегій и преимуществъ въ краѣ; 3) распредѣлить справедливо повинности.

Впослѣдствіи выпущенные изъ плѣна жестоко отомстили крестьянамъ за свой вынужденный либерализмъ.

Въ Курляндскихъ городахъ и мѣстечкахъ власти были низложены, или принуждены были бездѣйствовать. Въ г. Гольдингенѣ, напримѣръ, была введена с.-демократическая полиція, съ красными повязками на рукавахъ, и новое городское самоуправленіе. Въ первый же день революціонный комитетъ посадилъ подъ арестъ 17 воровъ.

Постоянныя столкновенія съ войсками привели къ настоящей партизанской войнѣ. «На протяженіи ста верстъ отъ Нитаурена до Зегевольда запылали помѣщичьи замки и усадьбы. 35 замковъ было сожжено до тла и разрушено. Народъ повсюду вооружался. Небольшіе казачьи и драгунскіе отряды поспѣшно отступали, избѣгая стычекъ съ превосходящими ихъ силами революціонерами. Въ Ригѣ тѣмъ временемъ снаряжались сильные отряды войскъ...

О характерѣ и размѣрахъ движенія можно судить, напримѣръ, по слѣдующему случаю въ г. Газенпотѣ (уѣздный городъ Курляндской губ.). 17-го ноября полиціймейстеръ города извѣстилъ трехъ изъ проживающихъ въ городѣ учителей и одного ветеринара, что они, по приказанію генералъ-губернатора, высылаются изъ края, что кромѣ того къ высылкѣ предназначено еще 40 человѣкъ. Мѣстная с.-д. организація въ особыхъ листкахъ пригласила окрестное населеніе протестовать противъ административнаго произвола. На это приглашеніе откликнулось все окрестное населеніе на разстояніи до 10 миль. Со всѣхъ сторонъ стали стекаться толпы вооруженныхъ крестьянъ. Изъ дальнихъ мѣстъ пріѣзжали на

---

[1]) „Нов. Вр." отъ 5 дек. 1905 г.

подводахъ. Всю ночь по дорогамъ, ведущимъ къ городу, тянулись вереницы подводъ съ вооруженными людьми и пѣшеходовъ, вооруженныхъ чѣмъ попало,— вилами, топорами, дубинами, охотничьими ружьями, пистолетами и т. п. На другое утро городъ оказался занятымъ 30.000 вооруженнымъ отрядомъ крестьянъ. Это событіе, извѣстное подъ именемъ «газенпотской мобилизаціи», произвело сильное впечатлѣніе на весь край. Собравшіеся провозгласили въ городѣ военное положеніе и захватили всю власть въ свои руки. Полиціймейстеру были предъявлены слѣдующія требованія: 1) отмѣна распоряженія о высылкѣ намѣченныхъ администраціей лицъ; 2) освобожденіе всѣхъ политическихъ; 3) прекращеніе арестовъ на политической почвѣ; 4) отозваніе изъ города войскъ и удаленіе полиціи, чтобы возможно было устраивать митинги и собранія. По исполненіи этихъ требованій народное ополченіе будетъ распущено [1]).

24-го ноября рижскимъ почтово-телеграфнымъ союзомъ была перехвачена телеграмма о введеніи въ Лифляндіи военнаго положенія, а 25-го въ Ригѣ началась всеобщая забастовка, о которой русскія газеты сообщили: «въ отвѣтъ на новую репрессивную мѣру правительства... командующій краемъ, — городъ Рига — провозгласилъ вооруженное возстаніе». Хотя вооруженнаго возстанія не было объявлено, но въ различныхъ мѣстахъ края начались вооруженныя столкновенія съ казачьими отрядами, сжигались замки и проч.

Часто насилія солдатъ, съ одной стороны, и возбужденіе и раздраженіе населенія, съ другой, приводили къ внезапнымъ схваткамъ, въ которыхъ побѣда иногда была на сторонѣ болѣе многочисленныхъ милиціонеровъ. Такъ въ Туккумѣ, извѣстное «Туккумское дѣло» было вызвано нападеніями драгунъ на дежурившіе въ городѣ патрули революціонеровъ. Это вызвало такое раздраженіе, что изъ окрестныхъ деревень явились толпы вооруженныхъ крестьянъ и милиціонеры осадили запершихся въ гостинницѣ драгунъ. Часть драгунъ была убита во время боя, остальные взяты въ плѣнъ и городъ всецѣло попалъ въ руки революціонеровъ. Въ концѣ концовъ, дѣло закончилось взятіемъ города войсками,—причемъ убито было свыше 200 человѣкъ крестьянъ,—и судебнымъ процессомъ, закончившимся разстрѣломъ 17 человѣкъ.

5-го декабря было учреждено Прибалтійское генералъ-губернаторство, а 14-го декабря на мѣсто г. Соллогуба прибылъ новый генералъ-губернаторъ и усмиритель, генералъ Орловъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ жестокими расправами съ повстанцами. До 300 озлобленныхъ крестьянскимъ движеніемъ бароновъ участвовало въ карательныхъ экспедиціяхъ въ качествѣ руководителей и вдохновителей. По всему краю были разосланы крупные карательные отряды, съ которыми иногда, конечно безуспѣшно, пытались бороться революціонеры. Такъ у Салисбурга 2000 милиціонеровъ сражались съ полуторатысячнымъ отрядомъ солдатъ, но были разбиты и бѣжали. Жертвы усмиренія насчитывались сотнями, а въ 1906 году уже тысячами. Общее количество убитыхъ и казненныхъ достигаетъ 10.000 человѣкъ...

Въ *Эстляндіи* аграрное движеніе такъ же, какъ и въ другихъ губерніяхъ Прибалтійскаго края, начавшись съ весны 1905 года, наиболѣе сильно развилось послѣ манифеста 17 октября. Такъ же, какъ въ Лифляндіи и Курляндіи, нача-

---

[1]) К. Ландеръ. Цит. соч., стр. 69.

лись митинги, забастовки, смѣщеніе старыхъ властей и выборы распорядительныхъ комитетовъ на основѣ четырехчленной формулы. Но движеніе здѣсь имѣло менѣе организованный характеръ.

Начавшись весной въ мирныхъ формахъ, въ видѣ требованія въ петиціяхъ пониженія арендной платы, надѣленія землей и проч., осенью движеніе приняло бурный характеръ. Волостныя власти смѣнялись, всѣ документы и дѣловыя бумаги старыхъ властей сжигались, корчмы и казенныя винныя лавки сжигались и разрушались, имѣнія, вызывавшія драгунъ, уничтожались.

Всего было сожжено въ Эстляндіи 113 имѣній, пасторатовъ и винныхъ лавокъ.

Въ концѣ ноября, въ Юрьевѣ собрался конгрессъ представителей эстонскаго народа, на которомъ, между прочимъ, были приняты слѣдующія постановленія: для уничтоженія правительственнаго произвола городское и сельское населеніе призывается къ борьбѣ слѣдующими средствами:

1) введеніе революціоннаго самоуправленія въ городахъ и деревняхъ съ центральнымъ областнымъ съѣздомъ;

2) бойкотъ правительственныхъ учрежденій;

3) закрытіе всѣхъ корчмъ, пивоваренъ и казенныхъ винныхъ лавокъ;

4) бойкотъ военной службы, отказъ въ постоѣ и фуражѣ солдатамъ, сопротивленіе передвиженіямъ войскъ и т. д.;

5) взятіе денегъ изъ банковъ и сберегательныхъ кассъ, обмѣнъ бумажныхъ денегъ на золото;

6) отказъ отъ уплаты налоговъ и несенія повинностей въ пользу церкви и помѣщиковъ;

7) передача школъ въ вѣдѣніе органовъ самоуправленія;

8) призывъ къ оружію всего населенія;

9) поддержка всеобщей стачки, если она будетъ объявлена и т. д.;

10) уничтоженіе дворянскихъ привилегій и уравненіе въ правахъ всѣхъ сословій; уничтоженіе ограниченій сословныхъ правъ и повинностей крестьянъ;

11) конфискація и раздѣлъ помѣщичьихъ земель и передача арендуемыхъ земель арендаторамъ по цѣнѣ, установленной коммиссіями;

12) немедленное введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога;

13) свобода стачекъ, собраній и проч.;

14) отмѣна военнаго положенія, смертной казни, освобожденіе политическихъ заключенныхъ, возвращеніе манчжурской арміи и т. д.

Одновременно со съѣздомъ началось въ деревняхъ сильнѣйшее волненіе, организовались отряды милиціи, нападенія ихъ на имѣнія помѣщиковъ, разгромы и поджоги усадебъ и проч. Въ одномъ Горрійскомъ округѣ въ началѣ декабря было сожжено 20 замковъ и 25 винокуренныхъ заводовъ, въ Викскомъ округѣ было разрушено 10 замковъ и винокуренъ, а къ концу декабря всего было разрушенныхъ замковъ и имѣній свыше 100. На островахъ Эзель, Даго и др. также было введено революціонное самоуправленіе, закрыты казенныя винныя лавки и проч.

Вскорѣ край былъ наводненъ карательными отрядами войскъ, во главѣ которыхъ стояли бароны и пасторы. До ста бароновъ участвовало въ каратель-

ныхъ экспедиціяхъ. Началось «усмиреніе»... Для его характеристики приведемъ только одну выдержку изъ консервативной нѣмецкой газеты.. «Въ Арггофѣ арестованы всѣ батраки и батрачки... Бѣдный (!) священникъ едва успѣваетъ причащать жертвы карательныхъ экспедицій»... [1]).

9.

Въ Польшѣ, какъ мы замѣтили, крестьянское движеніе было слабѣе, чѣмъ въ другихъ раіонахъ. Начавшись весной, оно къ осени совсѣмъ утихло.

Послѣ 17-го октября, подъ вліяніемъ всеобщей политической забастовки, движеніе возобновилось. Болѣе крупные размѣры оно приняло въ губерніяхъ Радомской, Люблинской, Сувалкской и Петроковской. Крестьяне этихъ губерній громили винныя лавки, гминныя управленія, школы.

Въ Конскомъ у. Радомской губерніи начались массовыя порубки лѣсовъ, а въ Илжецкомъ у. появились боевыя дружины. Крестьяне, разгромляя гминныя управленія, сжигали дѣла и книги, иногда конфисковали кассы. Мѣстами начали выбирать новыхъ гминныхъ войтовъ и т. д.

Довольно распространеннымъ было приговорное движеніе, причемъ гминные сходы принимали демократическія резолюціи. Напримѣръ, гминный сходъ гмины Ренчко, Петроковскаго уѣзда принялъ такую резолюцію: ввиду особыхъ условій быта Царства Польскаго, являющагося составной частью Россійскаго государства, отъ котораго край этотъ не желаетъ отдѣляться, мы требуемъ самоуправленія для Царства Польскаго съ сеймомъ въ Варшавѣ, выбранномъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого голосованія [2]). Или, въ посадѣ Лятовичи 1500 крестьянъ приняли резолюцію, въ которой требуютъ: 1) снятія военнаго положенія и усиленной охраны, 2) освобожденія политическихъ заключенныхъ, 3) неприкосновенности личности, жилища, свободы слова, печати, союзовъ и собраній, 4) организаціи милиціи, 5) учредительнаго собранія и т. д. Кромѣ того рѣшено:

1) не платить налоговъ, 2) въ гминномъ управленіи, въ судахъ и школѣ употреблять польскій языкъ и т. д.

Почти аналогичныя рѣшенія принимались и на другихъ митингахъ.

Хотя среди польскаго крестьянства, также какъ и въ Россіи, организовался «крестьянскій союзъ», но онъ не имѣлъ такого значенія, какъ въ Россіи.

Союзъ ставилъ своей задачей «защиту политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ интересовъ земледѣльческаго населенія Царства Польскаго... Признавая, что дѣйствительная защита этихъ интересовъ можетъ быть достигнута только путемъ широкой соціальной самодѣятельности земледѣльческихъ классовъ, крестьянскій союзъ стремится къ объединенію всѣхъ сознательныхъ элементовъ польскаго крестьянства въ самостоятельную политическую партію».

Главнымъ ближайшимъ политическимъ требованіемъ союза является требованіе польской автономіи, «основанной на собственномъ основномъ законѣ, который долженъ быть выработанъ сеймомъ, избраннымъ путемъ всеобщей, равной,

---

[1]) Тамъ же стр. 86—7.

[2]) К. Залевскій. Цит. соч. стр. 119—20.

прямой и тайной подачи голосовъ, безъ различія вѣры, пола и національности, а утвержденъ всероссійскимъ собраніемъ народныхъ представителей» [1]).

Въ экономической части программы ставится на первомъ планѣ организація просвѣтительныхъ, хозяйственныхъ и проч. обществъ, союзовъ с.-хозяйственныхъ рабочихъ, крестьянскихъ обществъ для покупки орудій, сѣмянъ и проч., установленіе минимальной заработной платы, прогрессивнаго обложенія земель, націонализація лѣсовъ, казенныхъ и монастырскихъ земель, рудниковъ и путей сообщенія.

Вслѣдствіе рѣзкой дифференціаціи крестьянскаго населенія, союзъ, несмотря на свою демократическую программу, не могъ привлечь ни широкой крестьянской массы, ни батраковъ.

Революціонныя соціалистическія партіи не успѣли достаточно укрѣпить своего вліянія въ деревнѣ, а принятый ими бойкотъ выборовъ въ первую Государственную Думу совсѣмъ оторвалъ деревенскую массу отъ этихъ партій и толкнулъ ее въ руки націоналъ-демократовъ...

Въ Гуріи, какъ мы видѣли, еще до октябрьской забастовки было фактически введено революціонное самоуправленіе. Октябрьская забастовка отрѣзала Гурію отъ всего остального міра, такъ какъ желѣзнодорожное и телеграфное сообщеніе было прервано.

Гурійцы начали разоружать мѣстную полицію и удалять изъ Грузіи.

На отправленный въ Грузію отрядъ пластуновъ было даже сдѣлано нападеніе, послѣ чего и остальные пластуны, стоявшіе въ Озургетахъ, были отозваны.

Правительство въ это время чувствовало себя настолько слабымъ, что для успокоенія населенія назначило губернаторомъ въ Кутаисскую губернію либеральнаго агронома Старосельскаго. Новый губернаторъ, чтобы проникнуть въ Гурію и удержать населеніе отъ активныхъ выступленій, долженъ былъ обратиться къ с.-демократическому комитету и къ охранѣ дружинниковъ.

Въ концѣ ноября было рѣшено провести начала самоуправленія и въ мѣстномъ административномъ центрѣ, городѣ Озургетахъ. Небольшой гарнизонъ, оставленный тамъ властями послѣ отозванія пластуновъ, не имѣлъ для гурійцевъ никакого значенія, такъ же какъ и мѣстная полиція... Въ городъ прибыла изъ окружающихъ селеній масса крестьянъ и рабочихъ, устроившихъ на Майданѣ, въ центрѣ города, огромное собраніе, на которомъ было рѣшено смѣстить служащихъ городского управленія и избрать новыхъ лицъ. Правомъ голосованія пользовались всѣ присутствовавшіе взрослые граждане, безъ различія пола, религіи и національностей. Выбраннымъ лицамъ даны были надлежащія указанія или инструкціи по разнымъ отраслямъ городского хозяйства и собраніе съ пѣніемъ пѣсенъ мирно разошлось. Этимъ было закончено демократическое устройство мѣстнаго самоуправленія Гуріи [2]).

Въ другихъ раіонахъ Закавказья, въ Карталиніи и Кахетіи, происходило такое же движеніе крестьянъ, но въ менѣе организованныхъ формахъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 122.

[2]) „Аграрный вопросъ“ т. II стр. 439—40.

Съ начала 1906 года на Грузію надвигается реакція. Въ январѣ Кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ ген. Алихановъ, и въ Западную Грузію были отправлены войска. Хотя часть желѣзнодорожнаго пути была разрушена, хотя дружины дѣлали попытки сопротивленія, но войска заняли всю Гурію, а повстанцы должны были бѣжать въ горы. Начались обычныя дѣйствія карательныхъ отрядовъ, насилія, поджоги, разстрѣлы, контрибуціи съ крестьянъ и пр. и пр.

Движеніе гурійцевъ захватило даже жителей «свободной», не знавшей никогда крѣпостного права, Верхней Сванетіи. Нѣсколько сотъ вооруженныхъ горцевъ въ революціонные дни спустились съ горъ, чтобы «воевать [1]) за республику». Такъ какъ вооруженнаго возстанія въ тотъ моментъ еще не было, то помощь прибывшаго отряда оказалась ненужной. Съ трудомъ удалось убѣдить ихъ вернуться назадъ въ горы, такъ какъ сванеты считали позорнымъ вернуться ни съ чѣмъ, «не омочивши кинжаловъ въ крови». Впослѣдствіи, во время движенія карательныхъ экспедицій, верхняя Сванетія явилась неприступнымъ убѣжищемъ для бѣжавшихъ съ низинъ революціонеровъ...

10.

«Въ итогѣ» осенняго крестьянскаго движенія въ Россіи оказались сожженными, разграбленными и, вообще, уничтоженными свыше 2.000 усадебъ, причемъ убытки только по 19 затронутымъ движеніемъ губерніямъ опредѣляются, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 29 милліоновъ рублей.

По размѣрамъ убытковъ эти губерніи (за исключеніемъ прибалтійскихъ, польскихъ и закавказскихъ губ.) слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ.

1)	Саратовская	губ.	9.550.320 руб.
2)	Самарская	»	3.915.012 »
3)	Курская	»	3.052.148 »
4)	Черниговская	»	3.000.500 »
5)	Тамбовская	»	2.475.608 »
6)	Херсонская	»	1.778.900 »
7)	Воронежская	»	1.018.314 »
8)	Екатериносл.	»	775.000 »
9)	Орловская	»	744.663 »
10)	Полтавская	»	529.000 »
11)	Пензенская	»	542.150 »
12)	Симбирская	»	420.550 »
13)	Могилевская	»	411.000 »
14)	Витебская	»	283.000 »
15)	Тульская	»	99.470 »
16)	Нижегородск.	»	99.425 »
17)	Казанская	»	75.000 »
18)	Смоленская	»	35.150 »

Количество разрушенныхъ помѣщичьихъ усадебъ, Б. Веселовскій, на основаніи имѣющихся минимальныхъ данныхъ, насчитываетъ:

---

[1]) „Крестьянскій вопросъ“, стр. 86—7.

Въ Саратовской губ.	272
» Тамбовской »	130
» Орловской »	84
» Пензенской »	30
» Курской »	127
» Верхнеднѣпр. у.	66
» Борисовскомъ »	50
» Волчанскомъ »	33
» Днѣпровскомъ »	30
» Черниговск. »	25
» Курмышскомъ »	20
» Прибалтійск. краѣ	260

Вслѣдствіе разнообразія условій въ различныхъ мѣстностяхъ, различнаго уровня сознательности крестьянъ въ одномъ и томъ же раіонѣ, вслѣдствіе вліянія различныхъ политическихъ партій и, наконецъ, вслѣдствіе различнаго отношенія правительственной власти къ крестьянскому движенію, оно имѣло самыя разнообразныя формы даже въ одной и той же мѣстности. Иногда оно вспыхивало сразу въ видѣ разгромнаго движенія, какъ было въ центральной Россіи, въ большинствѣ же случаевъ осеннее движеніе начиналось въ видѣ мирнаго митинговаго и петиціоннаго движенія и потомъ, вслѣдствіе репрессій, озлобленное населеніе переходило къ разгромамъ, а мѣстами и къ вооруженному возстанію. Вообще, въ этотъ періодъ крестьянское движеніе больше имѣло въ себѣ элементовъ политическаго движенія, связаннаго съ экономическими требованіями, хотя и сопровождалось одновременно, особенно въ сѣверномъ раіонѣ, порубками, вызванными просто нуждой и надеждой, что теперь это можно дѣлать безнаказанно.

Какъ мы упоминали, мѣстами, разгромы имѣній были вызваны черносотенной агитаціей и призывомъ къ разгрому евреевъ, мѣстами попыткой администраціи скрыть появленіе манифеста 17 октября и т. д.

Крестьянскимъ движеніемъ конца 1905 года было охвачено болѣе 160 уѣздовъ Европейской Россіи, не считая Кавказа и Польши. Оно закончилось страшными репрессіями со стороны властей. Притомъ, пока движеніе было наиболѣе интенсивнымъ, всякаго рода власти или скрывались, или не рѣшались остановить движенія. Только появленіе войскъ, обыкновенно, сразу вызывало административную энергію, которая проявлялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше пассивности администрація обнаруживала во время волненій, проявлялась тогда, когда, какъ часто бывало, крестьяне уже мирно сидѣли въ своихъ избахъ.

Въ каждой области, въ каждомъ раіонѣ были свои «герои», которые отличались особенной жестокостью. Въ Тамбовской губ. особенной жестокостью отличался совѣтникъ губернскаго правленія Луженовскій, въ Саратовской губ. ген.-ад. Сахаровъ,—оба впослѣдствіи убитые. Эти усмирители, обладавшіе почти неограниченной властью, въ свою очередь, передавали свою власть низшимъ чинамъ, которые использовали ее, какъ только хотѣли.

Въ Черниговской и части Могилевской губ. карателями было разрушено 30 строеній. Въ Смоленской губ. въ с. Коровникахъ пьяные стражники застрѣ-

лили нѣсколько крестьянъ, вышедшихъ для переговоровъ, а потомъ назначенъ былъ судъ надъ оставшимися въ живыхъ крестьянами, предварительно пересѣченными и т. д. и т. д. Казаки убивали, «походя», мужчинъ, насиловали женщинъ, грабили, захватывая все, что можно было унести. Такое отношеніе низшихъ чиновъ къ населенію будетъ понятно, если принять во вниманіе, что отъ министра внутреннихъ дѣлъ П. Дурново былъ, напр., такого рода приказъ кіевскому генералъ-губернатору:... «аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей невозможно... предлагаю немедленно истреблять силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія—сжигать ихъ жилища... Необходимо, чтобы войска прониклись выше изложенными указаніями». Мѣстная администрація, разумѣется, «прониклась»: въ Тамбовской губ. исправникъ Латонскій приказывалъ становымъ приставамъ: «убѣжденія оставьте, дѣйствуйте огнемъ. Чѣмъ больше у васъ будетъ убитыхъ, тѣмъ больше у васъ заслугъ передъ начальствомъ». Въ свою очередь, вице-губернаторъ говорилъ этому исправнику: «меньше арестовывайте, больше истребляйте»... Въ наказаніе крестьянамъ мѣстами была прекращена выдача продовольственныхъ ссудъ.

Озлобленные землевладѣльцы не только одобряли такого рода мѣры, но иногда находили жестокія мѣры усмирителей недостаточно рѣшительными. Такъ, въ Тамбовской губ., на келейномъ совѣщаніи нѣсколькихъ землевладѣльцевъ было заявлено требованіе о примѣненіи военно-полевого суда къ участникамъ крестьянскихъ погромовъ.

Въ прибалтійскихъ губерніяхъ, какъ упомянуто, бароны участвовали въ огромномъ числѣ въ карательныхъ отрядахъ [1]).

Русскіе землевладѣльцы не участвовали сами въ карательныхъ отрядахъ, но за то осаждали правительство требованіями присылки воинскихъ отрядовъ, организовали собственную стражу изъ ингушей, чеченцевъ и казаковъ и видѣли одно средство противъ крестьянскаго движенія: «укрѣпленіе сильной власти на мѣстахъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, землевладѣльцы продолжаютъ организоваться для политической борьбы за свои интересы.

Хотя крестьянское движеніе въ началѣ 1906 года не затихло, но вниманіе и надежды крестьянъ сосредоточиваются на выборахъ въ Государственную Думу. Борьба классовъ переносится еще на новую арену.

---

[1]) О характерѣ „усмиренія“ можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ газеты: „Въ Феллинъ, Лифляндской губ., для усмиренія прибылъ штабъ-ротмистръ баронъ Гроссъ-Сиверсъ. Здѣсь разстрѣляно 9 января 40 человѣкъ и 11-го янв.—13 человѣкъ эстовъ. Разстрѣламъ и экзекуціямъ (двѣсти ударовъ) не насталъ еще конецъ, ежедневно аресты производятся. Въ ночь на 9 января *за три часа* до казни, схвачены были 26 челов. ... и вмѣстѣ съ 14 преступниками, содержащимися въ тюрьмѣ... разстрѣляны“... (Право, № 3, 1906 г.)... „Въ Долелѣ разстрѣляно 11 человѣкъ. Много крестьянъ избито нагайками. Сожжено 9 усадебъ. Въ Куртенгофѣ уланы сжигаютъ усадьбы. Разстрѣляно 4 крестьянина. Въ Бербенской вол. происходятъ разстрѣлы ежедневно“... и т. д. и т. д.

1906-й годъ.

I. Выборы въ Госуд. Думу и наказы.

Ни неудачи предыдущаго движенія, ни правительственныя репрессіи не уничтожили у крестьянъ стремленія и надежды получить землю. Крестьянское движеніе не прекратилось; но въ 1906 году оно въ большей части раіоновъ приняло новыя формы, такъ какъ измѣнились и внѣшнія условія.

Присутствіе въ мѣстахъ безпорядковъ казаковъ и стражниковъ, насилія ихъ повели къ столкновеніямъ съ ними крестьянъ, съ одной стороны, и къ измѣненію формы борьбы—съ другой. Крестьяне даже въ центральномъ земледѣльческомъ раіонѣ начинаютъ прибѣгать къ стачкѣ.

Предстоявшій созывъ Государственной Думы, въ свою очередь, направилъ вниманіе крестьянъ на новый путь борьбы за землю, черезъ своихъ представителей въ Государственной Думѣ, путемъ наказовъ своимъ депутатамъ, резолюцій и проч.

Обнародованіе избирательнаго закона въ Государственную Думу произошло уже въ періодѣ репрессій и реакціи. Революціонныя партіи отнеслись съ недовѣріемъ къ этому мѣропріятію правительства и рѣшили бойкотировать выборы. Такъ рѣшили соціалисты-революціонеры, а за ними и крестьянскій союзъ, такъ же были склонны рѣшить вопросъ и соціалъ-демократы, но спохватились и только на объединительномъ съѣздѣ въ Стокгольмѣ, когда уже въ большей части Россіи выборы прошли, побѣдило «меньшевистское» теченіе и рѣшено было принять участіе въ избирательной кампаніи тамъ, гдѣ выборы еще не состоялись.

На крестьянскую массу бойкотистское настроеніе интеллигенціи (бойкотировалъ выборы и «Союзъ союзовъ») не имѣло почти никакого вліянія. Крестьянство увидѣло въ Государственной Думѣ новый путь къ тому, чтобы добиться земли. Уже задолго до выборовъ крестьяне начинаютъ составлять приговоры и наказы для будущихъ депутатовъ.

Даже во время самыхъ острыхъ волненій въ Россіи (за исключеніемъ окраинъ), крестьянъ не покидала мысль, что надѣленію крестьянъ землею мѣшаютъ помѣщики и чиновники, вопреки желанію царя.

Указъ о выборахъ въ Государственную Думу оживилъ надежды крестьянъ, которые черезъ депутатовъ теперь надѣялись освѣдомить «высшія сферы» о своей нуждѣ. Во многихъ губерніяхъ, основываясь на какомъ-то манифестѣ, читаемомъ въ церквахъ, крестьяне ждутъ въ веснѣ отъ царя «радости». «Радость»—нарѣзка на каждаго мужчину по пяти десятинъ. Очень можетъ быть, пишутъ «Русск. Вѣд.», что пріуроченіе «радости» къ веснѣ объясняется тѣмъ, что весной предполагается созывъ Государственной Думы. Государственная же Дума, какъ это теперь все болѣе и болѣе выясняется, по мнѣнію крестьянъ, прежде всего должна будетъ заняться обезпеченіемъ землей трудящагося населенія. Въ Тульской и Калужской губерніяхъ, напримѣръ, крестьяне прямо го-

ворятъ, что въ Государственную Думу они идутъ для справедливаго рѣшенія вопроса о землѣ, а «разныя свободы» ихъ не касаются, что выбирать депутатовъ въ Думу они рѣшили непремѣнно изъ крестьянъ, притомъ изъ крестьянъ бѣдныхъ, ибо только такіе крестьяне понимаютъ ихъ нужду и будутъ стоять за нихъ въ Думѣ.

Тѣмъ не менѣе, во время періода октябрьскихъ свободъ и во время осенняго движенія вліяніе революціонныхъ идей черезъ агитаторовъ, газоты и проч. такъ проникло въ крестьянскую среду, что въ наказахъ депутатамъ и въ приговорахъ, написанныхъ въ Государственную Думу, политическія требованія встрѣчаются въ большемъ количествѣ и болѣе осмысленныя, чѣмъ въ приговорахъ, составленныхъ на основаніи февральскаго указа въ 1905 году.

Такъ, въ Покровской слободѣ Самарской губ. еще въ декабрѣ былъ собранъ волостной сходъ для разсмотрѣнія, обсужденія и утвержденія проекта комиссіи по составленію наказа будущему избраннику въ Государственную Думу. На сходъ явилось около 1000 слобожанъ, причемъ были одобрены слѣдующія требованія:

1) Немедленное осуществленіе свободъ, объявленныхъ манифестомъ 17 октября, — свобода совѣсти, слова, собраній, союзовъ и неприкосновенность личности.

Принято требованіе единогласно.

2) Выборы въ Государственную Думу должны быть всеобщими, равными, прямыми. Сословное раздѣленіе должно быть уничтожено.

3) Изъ казенныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, кабинетскихъ, а также изъ отчужденныхъ за выкупъ частновладѣльческихъ земель долженъ быть образованъ государственный фондъ для надѣленія землей малоземельныхъ, безземельныхъ и всѣхъ желающихъ обрабатывать землю личнымъ трудомъ.

4) Организація государственнаго дешеваго, доступнаго для крестьянъ, кредита.

5) Отмѣна налоговъ на предметы первой необходимости и замѣна ихъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

6) Безплатное обязательное первоначальное образованіе.

7) Упраздненіе института земскихъ начальниковъ.

8) Всесословное волостное управленіе, основанное на демократическихъ выборахъ.

9) Демократизація земствъ на тѣхъ же началахъ.

10) Защита с.-хозяйственныхъ рабочихъ особымъ закономъ.

Въ 1905 году, крестьяне въ своихъ петиціяхъ и требованіяхъ, предъявляемыхъ помѣщикамъ, обыкновенно говорили о пониженіи арендной платы и повышеніи заработной платы. Теперь въ своихъ наказахъ крестьяне ставятъ вопросъ болѣе радикально и говорятъ о землевладѣніи и землепользованіи.

Въ надеждѣ, что черезъ Государственную Думу можно добиться земли, крестьяне приняли горячее участіе въ избирательной кампаніи.

Избирательная кампанія началась инструкціей министерства внутреннихъ дѣлъ земскимъ начальникамъ, въ которой рекомендуется: 1) Воздерживаясь отъ «явнаго вмѣшательства» въ избирательную кампанію, земскіе начальники должны

наблюдать, чтобы не было насилій со стороны лѣвыхъ партій. 2) Вести съ крестьянами частныя собесѣдованія, *выясняя* населенію *программы* различныхъ партій, и вмѣняются въ обязанность разъяснять всю неосновательность программъ, клонящихся къ измѣненію основного государственнаго строя. 3) Во время выборовъ *слѣдить* черезъ довѣренныхъ лицъ за тѣми изъ ораторовъ, которые, чтобы попасть въ Государственную Думу, «обольщали бы крестьянъ несбыточными надеждами на даровое надѣленіе частновладѣльческими земельными участками. Такихъ ораторовъ предлагается *удалять*, *какъ безпокойный элементъ*, причемъ удаленіе должно производиться отнюдь не оффиціальными представителями власти, а черезъ «довѣренныхъ людей».

4) Удаленію должны подлежать не только нетрезвыя лица, но и «крикуны».

5) *Наканунѣ выборовъ* позаботиться о недопущеніи въ помѣщеніе для выборщиковъ «неблагонадежныхъ» лицъ. Въ помѣщеніи для выборщиковъ вывѣсить списокъ лицъ, «кои по неблагонадежности своей кандидатами быть не могутъ», и предупреждать, что выборы такихъ лицъ будутъ неправильными.

Согласно такому распоряженію, передъ выборами начались аресты лицъ, которыя, по мнѣнію мѣстнаго начальства, оказались «неблагонадежными» и «вредными». Арестовывались и ссылались учителя, фельдшера, болѣе сознательные крестьяне. Популярные въ деревнѣ лица должны были скрываться, чтобы не быть арестованными наканунѣ выборовъ. Въ Новозыбковскомъ у. за поимку одного уполномоченнаго была даже назначена награда въ 100 руб. Тюрьмы оказались переполненными и мѣстами спѣшно приспособлялись частные дома для кандидатовъ въ уполномоченные и въ выборщики. Даже крестьянскій союзъ партіи правового порядка жаловался гр. Витте, что предвыборные сходы крестьянъ, на которыхъ они могли бы избрать выборщиковъ, повсюду разгоняются мѣстнымъ начальствомъ.

Несмотря на то, что мѣстное начальство энергично исполняло инструкцію министерства внутреннихъ дѣлъ, крестьяне обнаружили большое «упорство» и выбирали депутатовъ, руководствуясь своими соображеніями, а не видами начальства. Часто преслѣдованія администраціей какого нибудь лица служило лучшей и единственной рекомендаціей для выбора его въ депутаты. «Нынче сажаютъ тѣхъ, кто не съ панами», говорили крестьяне и часто выбирали лицъ, сосланныхъ или заключенныхъ въ тюрьму администраціей.

Такъ какъ масса крестьянства еще не была сгруппирована въ политическія партіи, то много отъ крестьянъ было избрано «безпартійныхъ» депутатовъ, примкнувшихъ только во время думской дѣятельности къ той или другой партіи.

По партіямъ крестьянскіе депутаты дѣлились слѣдующимъ образомъ:

Конституціоныхъ демократовъ	24
Трудовиковъ (въ томъ числѣ соц.-револ. и соціалдемократовъ)	68
Автономистовъ	15
Партіи 17 октября	1
Безпартійныхъ	59
Всего . .	167

Правительственныя репрессіи и бойкотъ революціонными партіями выборовъ, а также малая политическая сознательность крестьянскихъ массъ повели къ выбору большого числа «безпартійныхъ» кандидатовъ.

Нѣкоторые депутаты даже съ вполнѣ опредѣлившимися взглядами называли себя безпартійными, чтобы не быть арестованными передъ выборами. Крестьяне довольствовались обѣщаніемъ кандидата добиваться «земли и воли», не спрашивая и не зная, *какимъ путемъ* будущій депутатъ будетъ этого добиваться. При подобныхъ условіяхъ политическая физіономія крестьянскихъ депутатовъ не была такой опредѣленной, какъ у кандидатовъ революціонныхъ партій, но, всетаки, болѣе демократической, чѣмъ у кандидатовъ партіи к.-д. Эти условія были наиболѣе благопріятны для образованія новой *парламентской* «трудовой» группы депутатовъ, съ демократическимъ настроеніемъ и съ радикальными требованіями въ области аграрнаго вопроса. По своей программѣ эта группа стояла ближе къ революціоннымъ партіямъ, а въ своей тактикѣ она слѣдовала за конституціонными демократами, проявляя большую рѣзкость въ рѣчахъ депутатовъ и стремленіе сохранить связь съ народомъ.

Въ проектѣ аграрной программы группа «находитъ необходимымъ немедленное изданіе закона, по которому земли казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія, церковныя, помѣщичьи и всѣ прочія, служащія предметомъ эксплуатаціи и закабаленія трудящихся, отчуждаются принудительно въ народный земельный фондъ, для надѣленія безземельныхъ и малоземельныхъ, желающихъ личнымъ трудомъ обрабатывать землю. Подробную разработку земельнаго вопроса и всю подготовку къ его практическому проведенію въ жизнь согласно этому закону *передать на мѣста*. Народъ путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія изберетъ волостные, уѣздные и губернскіе комитеты», которые должны рѣшать вопросъ на мѣстахъ.

Представляя интересы массы крестьянства, трудовая группа была тѣсно связана съ этими массами, присылавшими въ Думу свои приговоры и наказы, и отражала интересы и настроенія крестьянства, выраженные въ наказахъ.

Изъ имѣвшихся у меня [1]) 536 наказовъ и приговоровъ, адресованныхъ въ Государственную Думу, большая часть содержитъ различныя программныя требованія, причемъ требованіе земли имѣется въ 358 приговорахъ, политическія требованія въ 343 и требованія амнистіи въ 178 случаяхъ. Кромѣ того, въ значительной части наказовъ и приговоровъ обѣщается поддержка требованій депутатовъ всѣми средствами, имѣющимися у крестьянъ.

Среди другихъ требованій большое мѣсто занимаютъ требованіе отмѣны смертной казни, всеобщаго безплатнаго обученія, отмѣны косвенныхъ налоговъ и введеніе прогрессивно подоходнаго налога, сословнаго равноправія, всеобщаго, равнаго и т. д. избирательнаго права и проч., и проч.

Изъ Западнаго Края, гдѣ большое вліяніе имѣли націоналистическія партіи и были выбраны правые депутаты, связи ихъ съ населеніемъ почти не было, не было и наказовъ.

Крестьянскіе наказы и мотивировка крестьянскихъ требованій лучше всего характеризуется слѣдующимъ призывомъ въ одномъ изъ наказовъ:

---

[1]) См. „Аграрный Вопросъ", т. II, стр. 280—285.

«Ратуйте жъ, думці, бо голодуємъ»!, потому что «люди ті вже взморылись, паны-же вже напанувались», «крестьянамъ требуется вся земля и такіе чиновники, которые служили бы имъ, а не господамъ».

Отправляя наказы, крестьяне съ напряженнымъ интересомъ слѣдили за дѣятельностью Думы даже въ раіонахъ, пославшихъ реакціонныхъ депутатовъ. Изъ Бессарабской губ. пишутъ: «Мочи нѣтъ жить такъ; дастъ Богъ Дума вывезетъ» [1]); въ Гродненской губ. «населеніе мысленно живетъ съ Думой и въ Думѣ» [2]); въ Рязанской губ. «все ушло на задній планъ и деревня напряженно ждетъ» и т. д. и т. д.

Поѣздки депутатовъ на мѣста, откуда они были посланы, еще болѣе оживляли интересы крестьянства и пробуждали его политическое сознаніе. Связь съ Думой все больше и больше укрѣплялась. Между тѣмъ, въ Государственной Думѣ былъ поставленъ на обсужденіе аграрный вопросъ, (о дѣятельности правительства и Думы въ области аграрнаго вопроса и о положеніи крестьянства будетъ написано въ IV томѣ «Общественнаго Движенія», вопросъ, наиболѣе волновавшій крестьянъ. Такъ какъ въ первой Государственной Думѣ было большинство, высказывавшееся за принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель, то правительство рѣшило сразу покончить съ этимъ вопросомъ и распустило Думу, назначивши новые выборы, а лѣвые депутаты (соц.-демократы, трудовики и конституціонные демократы) тотчасъ послѣ роспуска выпустили извѣстное выборгское воззваніе...

II. Крестьянское движеніе въ 1906 году.

1.

Крестьянское движеніе 1905 года закончилось, какъ мы видѣли, жестокими репрессіями со стороны правительства. Жестокость полиціи, казаковъ и проч. вызывала часто столкновенія, кончавшіяся убійствами крестьянъ, а иногда стражниковъ и казаковъ. Такъ, въ Прилукскомъ у. Полтавской губ. въ одно изъ имѣній, близь мѣстечка Логатино, прибылъ эскадронъ казаковъ. «Ночью въ селѣ раздался вдругъ набатъ... Встревоженные казаки, ночевавшіе въ усадьбѣ помѣщика, помчались въ село. На площади передъ церковью эскадронъ въ потьмахъ налетѣлъ на желѣзныя бороны, положенныя въ нѣсколько рядовъ зубьями вверхъ. Образовалась груда искалѣченныхъ людей и животныхъ. Уцѣлѣли только задніе ряды казаковъ». Но обыкновенно жертвами столкновеній были крестьяне. Возмущенные безчинствами полиціи и казаковъ или арестами, они вооружались чѣмъ попало и нападали на стражниковъ, драгунъ или казаковъ.

Мы упоминали уже, что еще задолго до выборовъ въ Государственную Думу надежды крестьянъ обращаются къ ней. Тѣмъ не менѣе, крестьянское движеніе въ старыхъ формахъ не исчезаетъ. Зимой 1905—1906 г. было широкое порубочное движеніе, которое по подсчету Б. Веселовскаго было въ 53 уѣздахъ Европейской Россіи.

---

[1]) „Рѣчь“ 14, VI, 1906 г.

[2]) „Наша Жизнь“ 3, VI, 1906 г.

Разгромное движеніе послѣ опыта 1905 года происходило уже въ меньшихъ размѣрахъ, но за то широко разлилось забастовочное движеніе.

Разгромное движеніе началось въ началѣ декабря 1905 года въ Днѣпровскомъ у. Таврической губ. и перебросилась въ Мелитопольскій у. Движеніе имѣло такой же характеръ, какъ и осенью 1905 года: экономіи сжигались, имущество уничтожалось, а потомъ являлись войска, начинались экзекуціи и разстрѣлы. Всего было разгромлено въ этомъ раіонѣ 32 экономіи и 72 хутора.

«Движеніе возникло подъ вліяніемъ общаго аграрнаго движенія и, главнымъ образомъ, движенія въ сосѣднихъ уѣздахъ» (Екатериносл. и Херсонск у.).

Развилось оно постепенно, начавшись съ требованія пониженія арендной платы, возврата штрафныхъ денегъ и проч. [1]) Потомъ начались разгромы.

Разгромъ рогачинской экономіи вел. кн. Михаила Николаевича выразился «въ поврежденіи и расхищеніи соединенными силами имущества экономіи (увезено, по даннымъ обвинительнаго акта, болѣе 45.000 пуд. зерна), въ уничтоженіи огнемъ экономическихъ построекъ и расхищеніи имущества служащихъ». Вообще же движеніе выразилось въ разборкѣ и поджогахъ экономій, увозѣ живого и мертваго инвентаря, запасовъ зернового хлѣба, рубкѣ лѣса.

Въ другихъ губерніяхъ Новороссійскаго раіона волна разгромнаго движенія въ началѣ 1906 г. уже спадала, хотя были отдѣльные случаи разгромовъ. Такъ, въ февралѣ мѣсяцѣ въ «Русь [2]) сообщаютъ, что въ Херсонской губ., имѣніе богача г. Аркаса «Пески» разгромлено и сожжено, скотъ перерѣзанъ, частію уведенъ, земля свыше 4.000 дес. захвачена крестьянами.

Довольно сильное разгромное движеніе возникло въ Черниговской губ. и части Могилевской. Движеніе также проявилось въ разгромѣ экономій, въ разборкѣ хлѣба, сѣна и проч. и въ «непризнаніи» правительственной власти. Въ Тонеловкѣ и Погорѣльцахъ Сосницкаго уѣзда четырехтысячной толпой разгромлены экономіи и сожженъ заводъ [3]).

Изъ Стародуба сообщаютъ [4]), что сожжено, уничтожено и разграблено нѣсколько имѣній, причемъ уничтожались всѣ постройки. Но вообще въ 1906 году разгромное движеніе проявлялось слабѣе и преобладало стачечное и митинговое движеніе.

Наиболѣе сильное стачечное движеніе было въ Югозападномъ раіонѣ. Въ Подольской губ. раньше всего, въ февралѣ, началось стачечное движеніе въ Каменецкомъ у. Оно вспыхивало то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ, не захватывая сплошного раіона. Въ началѣ мая вспыхиваетъ движеніе въ Могилевскомъ у., охвативши рядъ селъ этого уѣзда. Крестьяне, собираясь толпой, снимали рабочихъ, а мѣстами и батраковъ. Нѣкоторыхъ владѣльцевъ оставили вовсе безъ батраковъ, но старались не трогать имущества. Предъявлялось лишь требованіе повышенія заработной платы.

Гораздо большее количество селъ забастовочное движеніе охватило въ

---

[1]) В. Г. Громанъ. Крестьянское движ. въ 1905—1906 г. Новороссійскій раіонъ. Тр. В. Э. О. 1908 г., № 45, стр. 500.

[2]) „Русь“ 23, II, 1906 г.

[3]) „Право“ № 1, отъ 9 янв 1906 г.

[4]) „Новости“ 3, II, 1906 г.

уѣздахъ Винницкомъ, Брацлавскомъ и Гайсинскомъ, т. е. въ раіонахъ наибольшаго распространенія свекловичной культуры [1]).

Забастовки происходили во время весеннихъ работъ на свекловичныхъ плантаціяхъ.

Изъ Кіевской губ. имѣются свѣдѣнія и о зимнихъ забастовкахъ, но болѣе серьезное забастовочное движеніе также было связано съ весенними работами по культурѣ свеклы. Въ маѣ и въ началѣ іюня оно охватило, прежде всего, Липовецкій и Уманьскій у.у., а также отчасти Таращанскій, Черкасскій, Чигиринскій, Сквирскій, Васильковскій и Радомысльскій.

Въ Липовецкомъ у. въ первыхъ числахъ мая забастовки начались почти повсемѣстно. Крестьяне отказывались работать въ помѣщичьихъ плантаціяхъ и изгоняли пришлыхъ рабочихъ. На мѣста движенія были высланы конные стражники. Движеніе приняло форму борьбы за болѣе высокую плату. Потребность въ рабочихъ рукахъ вслѣдствіе обильныхъ дождей была велика и землевладѣльцы были принуждены повысить заработную плату съ 20—30 коп. до 80 к. въ день. Въ концѣ мая почти весь уѣздъ былъ охваченъ крестьянскими волненіями, которыя продолжались и въ началѣ іюня.

Въ Сквирскомъ и Радомысльскомъ у.у. у крестьянъ еще ранней весной происходили совѣщанія, на которыхъ разбирался вопросъ о заработной платѣ. Крестьяне-арендаторы передъ косовицей не безъ успѣха вступали въ переговоры о пониженіи арендной платы. Въ Васильковскомъ и Таращанскомъ у.у. образовывались забастовочные комитеты, которые должны были устанавливать цѣны на рабочія руки и слѣдить за тѣмъ, чтобы ниже установленной нормы никто не работалъ.

Приговоры свои крестьяне скрѣпляли честнымъ словомъ или прикладываніемъ къ чтимымъ мѣстнымъ иконамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они выносили рѣшенія на сельскихъ и волостныхъ сходахъ и составляли приговоры. Были даже попытки устроить совѣщаніе делегатовъ отъ крестьянъ отъ селъ и деревень цѣлыхъ уѣздовъ.

На организацію движенія большое вліяніе оказали соціалдемократы.

Передъ первымъ мая по селамъ въ большомъ количествѣ были распространены прокламаціи, призывавшія праздновать 1-е мая. Вмѣстѣ со всѣми городками Васильковскаго и Сквирскаго уѣздовъ въ празднованіи принялъ участіе цѣлый рядъ селъ. «Жизнь замерла на всѣхъ панскихъ фольваркахъ и бураковыхъ плантаціяхъ: экономическіе рабочіе праздновали всѣ». При празднованіи раздавались голоса, недовольные 30 копѣечной платой за рабочій день и его длиной. Одного возбужденія этого вопроса было достаточно, чтобы помѣщики 2-го мая объявили 40 коп. въ день и сократили рабочій день. Крупные помѣщики не уступили и съ ними завязалась упорная борьба. Тамъ демонстративно разгуливали служившіе въ имѣніяхъ казаки... «До кровавыхъ столкновеній дѣло не доходило; потасовки были, но обоюдныя» [2]).

Въ Подольской губ. такъ же, какъ въ Волынской и Кіевской, были орга-

---

1) А. Е. Лосицкій. Цит. соч. стр 191—3.

2) Тамъ же, стр. 200—202.

низованы забастовочные комитеты, а въ началѣ мая въ 26 селахъ Брацлавскаго и Гайсинскаго уѣздовъ организовались даже «совѣты крестьянскихъ депутатовъ», но забастовочное движеніе въ Подольской губерніи въ 1906 году вплоть до жатвы было слабымъ.

Ко времени жатвы въ губерніяхъ Югозападнаго края уже совершенно сформировались забастовочныя организаціи крестьянъ, сыгравшія большую роль въ крестьянскомъ движеніи этого раіона.

Весной мѣстные дѣятели крайнихъ лѣвыхъ партій устроили съѣздъ для обсужденія способовъ лучшей организаціи сельскаго населенія. Наиболѣе цѣлесообразными формами организаціи были признаны сельскіе стачечные комитеты. Постановлено было стремиться къ организаціи комитета въ каждой деревнѣ. Представители сельскихъ комитетовъ образуютъ волостной, а представители волостей уѣздный комитетъ. Безъ труда устраивались въ селахъ собранія. Сельская полиція сама по себѣ была безсильна разогнать собраніе, а до пріѣзда стражниковъ собраніе уже успѣвало выбрать стачечный комитетъ. Комитету крестьяне подчинялись безпрекословно. Стоило комитету объявить забастовку, и рабочіе охотно прекращали работу на поляхъ и съ пѣснями расходились по домамъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ въ стачечный комитетъ вошли и женщины.

Въ іюнѣ происходили забастовки, главнымъ образомъ, на свекловичныхъ плантаціяхъ, такъ какъ полевыя работы были еще впереди. Комитеты заняты были подготовительной работой и прежде всего стремились установить единообразную поденную плату. При наступленіи уборки хлѣбовъ они разсчитывали развернуть полностью свои силы [1]).

Помимо организаціи экономической борьбы сельскіе комитеты устраивали собранія, на которыхъ крестьяне много говорили о Государственной Думѣ, и вырабатывали наказы своимъ депутатамъ. Тутъ же крестьянамъ разъяснялось все значеніе организованной защиты не только экономическихъ интересовъ, но и политическихъ правъ. Организаціонная работа шла непрерывно.

Дѣятельность уѣздныхъ совѣтовъ заключалась въ организаціи всеобщей мѣстной забастовки, когда наступитъ жатва и сѣнокосъ.

Вліяніе революціонныхъ, главнымъ образомъ—соціалдемократической, партій на крестьянство укрѣпилось въ Югозападномъ районѣ въ періодъ стихійныхъ весеннихъ забастовокъ весной 1905 года. Послѣ нихъ всѣ уѣздныя тюрьмы были переполнены «соціалистами» изъ крестьянъ, которые часто отъ жандармовъ впервые узнавали, что такое соціализмъ. По выходѣ изъ тюрьмы аграрники встрѣчали въ деревняхъ участливое отношеніе и даже почетъ. Ихъ выслушивали съ особымъ вниманіемъ; разсказы ихъ о «политикахъ», «студентахъ» и проч. расчищали путь демократической, а за ней и соціалистической пропагандѣ въ деревнѣ. «Связи» съ крестьянами сильно разрослись и укрѣпились образованіемъ «сельскихъ соціалдемократическихъ комитетовъ», черезъ которые направлялась литература, которые организовывали собранія, устанавливали «членскіе взносы» и т. д. Большинство комитетовъ, основанныхъ на демократическихъ началахъ и избранныхъ на митингахъ, арестовывались, но на ихъ мѣста высту-

---

[1]) См. „Волжск. Вѣсти", № 166.

пали наиболѣе энергичные и сознательные крестьяне, а арестованные въ тюрьмахъ заканчивали свое политическое воспитаніе [1]).

Такое политическое воспитаніе давалось крестьянамъ въ теченіе всей зимы, поэтому движеніе лѣтомъ 1906 года уже было болѣе сознательнымъ и организованнымъ. Требованія были намѣчены слѣдующія:

8—9 часовой рабочій день.

Поденная плата на буракахъ 75 - 50 коп.

На косьбѣ сѣна 1 р. 50 к.—1 р. 20 к.

Жатва за снопъ: 4—5-й снопъ; за копу 1 р. 20 к.—1 р.

Вязанье 50 коп.

Еженедѣльный разсчетъ по субботамъ.

Подготовить движеніе должны были общія районныя конференціи. Постановленія конференцій сводились къ слѣдующему:

1) Необходимо проводить вездѣ «бурякові» забастовки «для практики».

2) Подготовлять почву для всеобщей забастовки «на жнива»:

a) популяризируя вездѣ однообразныя условія оплаты труда;

b) созданіемъ забастовочныхъ комитетовъ;

c) избраніемъ забастовочнаго бюро, объединяющаго комитеты;

d) доставлять литературу и устраивать массовки для просвѣщенія штрейкбрехеровъ;

e) организовать общую междурайонную конференцію [2])

Подготовленное, такимъ образомъ, забастовочное движеніе во время жатвы охватило Проскуровскій, Летичевскій, Каменецкій, Ушицкій, Могилевскій, Ямпольскій, Винницкій, Брацлавскій и Гайсинскій уѣзды Подольской губ., Чигиринскій и Черкасскій уѣзды Кіевской губ., Староконстантиновскій и Проскуровскій у.у. Волынской губ.

Движеніе приводило иногда къ столкновеніямъ съ войсками, присланными «для порядка». Такъ въ с. Череповкѣ Проскуровскаго у., когда драгуны, прибывшіе въ село, хотѣли арестовать «зачинщиковъ», крестьяне ударили въ набатъ. Сбѣжалось все село и крестьяне напали на драгунъ съ косами и камнями. 12 драгунъ было ранено, а изъ крестьянъ убито 5, а раненыхъ неизвѣстно сколько.

Движеніе происходило въ десяткахъ экономій, такъ что въ иныхъ экономіяхъ былъ полный застой полевыхъ работъ. Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ Проскуровскаго у. уже къ 9 іюля достигнуто было соглашеніе путемъ взаимныхъ уступокъ. Забастовки привели къ новому явленію: на сельскихъ сходахъ было рѣшено обязать всѣхъ зажиточныхъ односельчанъ выдать отъ 5 до 10 сноповъ съ каждаго морга земли въ пользу безземельныхъ, чтобы избавить ихъ изъ за нужды прибѣгать къ штрейкбрехерству. Повинность эта была принята зажиточными добровольно, чѣмъ и объясняется стойкость требованій рабочихъ...

---

[1]) См. А. Лосицкій, стр. 206—9.

[2]) Тамъ же, стр. 209—10.

Въ Ушицкомъ у. забастовочное движеніе распространилось чуть ли не по всѣмъ имѣніямъ; оно носило явные слѣды организаціи. Помѣщики, при солидарности крестьянъ, должны были повысить плату за уборку хлѣба. Въ г. Новую Ушицу ежедневно приводили партіи арестованныхъ крестьянъ для заключенія въ тюрьму. Драгуны въ селахъ избивали крестьянъ [1]).

Въ такихъ же размѣрахъ и съ такимъ же успѣхомъ, но и съ такими же избіеніями со стороны солдатъ, происходили забастовки въ Винницкомъ уѣздѣ и въ Брацлавскомъ. Большой районъ движеніе охватило въ Гайсинскомъ, Ольгопольскомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ, при чемъ, напр., въ имѣніи гр. Орлова, крестьяне отказались убирать хлѣбъ. Прибылъ губернаторъ съ войсками. Крестьяне держали себя мирно, но заявили, что ни за какія деньги не будутъ работать на помѣщика.

Въ *Кіевской* губ. движеніе во время жатвы распространилось въ Чигиринскомъ, Уманьскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ. Движеніе сурово подавлялось войсками. О характерѣ вмѣшательства властей даетъ понятіе слѣдующая телеграмма, посланная двумя депутатами Госуд. Думы на имя предсѣдателя совѣта министровъ: «въ Черкасскомъ, Уманьскомъ и Чигиринскомъ уѣздахъ полиція силой вынуждаетъ крестьянъ работать въ экономіяхъ, отказъ разсматривается, какъ сопротивленіе властямъ. Администрація переходитъ къ насиліямъ и ведетъ населеніе къ взрыву». Депутаты просили о пріостановкѣ насилій.

Въ другихъ уѣздахъ Кіевской губ. также были забастовки и проводились населеніемъ мирно и организованно.

Въ *Минской* губ. забастовочное движеніе во время жатвы проявилось преимущественно въ Староконстантиновскомъ и Заславльскомъ уѣздахъ.

Попытки нѣкоторыхъ помѣщиковъ задобрить батраковъ выпивкой не увѣнчались успѣхомъ и забастовки проходили дружно.

Послѣ жатвы забастовочное движеніе въ Югозападномъ карѣ не получило особеннаго развитія, хотя и случались забастовки при копкѣ свеклы и картофеля и бойкотъ помѣщиковъ... [2])

Наряду съ забастовочнымъ движеніемъ, въ этомъ районѣ происходили порубки лѣсовъ, потравы, поджоги и проч., но эти формы движенія не имѣли особеннаго значенія, хотя и вызывали репрессіи со стороны властей, сопровождались убійствами, насиліями и проч.

2.

Въ центральномъ черноземномъ районѣ въ 1906 году разгромное движеніе смѣнилось забастовочнымъ, хотя одновременно происходили въ большихъ размѣрахъ поджоги помѣщичьихъ усадебъ. Только въ Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи въ концѣ іюня вспыхнуло массовое разгромное движеніе.

Здѣсь столкновенія начались еще съ весны. Въ маѣ начались забастовки, составлялись приговоры, снимались рабочіе и т. д.

Съ 20 чиселъ іюня начались погромы и продолжались въ теченіе двухъ

---

[1]) Напр., въ селѣ Корыжемъ Могил. у. драгуны окружили забастовщиковъ, 4-хъ убили и многихъ ранили. „Русск. Сл.“, 20, VII, 901.

[2]) А. Лосицкій, стр., 221—233.

недѣль, шли они постепенно, день за днемъ, съ сѣвера на югъ по р. Битюгу и его окрестностямъ. Крестьяне собирались огромными толпами и переходили изъ имѣнія въ имѣніе, не щадя ничего. «Раздавался набатъ съ церковной колокольни, собиралась толпа и, вооружившись кольями, двигалась къ намѣченному имѣнію, за ней слѣдовали подводы съ бабами, подростками, и все это двигалось съ криками, гиканьемъ и шумомъ. При первыхъ случаяхъ разгромовъ владѣльцы были захвачены врасплохъ; другіе до послѣдней минуты оставались убѣжденными, что ихъ не тронутъ. Однако, толпа являлась и начинался разгромъ. Бывшій предводитель дворянства Спѣшневъ спрятался подъ телѣгу, кн. Орловъ просидѣлъ подъ откосомъ р. Битюга, Гаевъ ускакалъ на тройкѣ» и т. д.

Паника охватила весь уѣздъ... «Картина, дѣйствительно, ужасная: по селамъ гудитъ набатъ, кругомъ вьются и заволакиваютъ небо густые столбы дыма; почью повсюду на горизонтѣ зарево. Мимо селеній, а иногда и черезъ селенія, проходятъ толпы; населеніе прячется. Толпа то уменьшается, то увеличивается. Часть отстаетъ, но черезъ нѣсколько времени къ ней пристаютъ новые люди, и имѣніе, попадающееся на дорогѣ, разгромляется и сжигается». Въ день уничтожалось по 5—10 имѣній; былъ день, когда очевидцы насчитывали до 13 пожаровъ...

По сообщеніямъ корреспондентовъ, въ погромахъ принимали участіе черносотенные элементы, городскіе хулиганы и проч. Войска отсутствовали. Они явились лишь «карать». Иногда происходили столкновенія погромщиковъ со стражниками и охраной экономій. Такъ, имѣніе кн. Мещерскаго защищалось три дня, имѣя 42 человѣка вооруженныхъ рабочихъ и служащихъ. Тѣмъ не менѣе, имѣніе было сожжено. Сахарный заводъ кн. Орловыхъ былъ отбитъ казаками отъ толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ при чемъ среди крестьянъ было много убитыхъ и раненыхъ.

Въ Бирючевскомъ у. крестьяне слоб. Алексѣевки произвели разгромъ экономіи гр. Шереметьева, а затѣмъ разгромили лавки и казенныя учрежденія, желѣзнодорожную станцію и т. д. Въ столкновеніи пострадало 57 стражниковъ и масса крестьянъ. Въ с. Перлевкѣ также произошло столкновеніе съ стражниками и казаками, которые должны были отстрѣливаться до вечера отъ наступавшихъ крестьянъ [1]) и т. д. и т. д.

Всего было разграблено и сожжено до 60 имѣній. Убытки нѣкоторыхъ изъ нихъ были весьма значительны. На конскомъ заводѣ Орловыхъ-Давыдовыхъ было разобрано до 800 лошадей, а самый заводъ разрушенъ.

Крестьяне брали все, что можно было взять: хлѣбъ, рожь, муку, соль, сѣно, овощи. Слухъ о разгромѣ мигомъ распространился по окрестнымъ селеніямъ и крестьяне спѣшили брать, что осталось: лампы, столы, посуду, одежду и проч.

Движеніе распространилось по Воронежскому и Землянскому уѣздамъ и проявлялось здѣсь или въ разгромахъ, или болѣе мирныхъ формахъ: составлялись приговоры о цѣнахъ за косьбу травы, уборку хлѣба и проч.

Въ *Рязанской* губ. также были случаи разборки, забастовки, потравы и

---

[1]) Б. Веселовскій. Крест. вопр., стр. 112.

проч. Но разборка хлѣба не имѣла «стихійнаго» характера, а происходила въ единичныхъ случаяхъ на почвѣ крайней нужды и голода. Значительно шире были распространены забастовки и захваты луговъ, но и эти формы движенія не захватывали сплошныхъ раіоновъ.

Наиболѣе сильное забастовочное движеніе происходило въ Сапожковскомъ у., гдѣ крестьяне держались спокойно, но стойко [1]).

Гораздо значительнѣе крестьянское движеніе было въ *Тульской* губ. Въ Епифановскомъ у. забастовочное движеніе охватило весь его юго-восточный край. Крестьяне вездѣ устанавливаютъ таксу за работу [2]).

«Въ уѣздъ былъ отправленъ почти весь наличный составъ войска, но послѣдніе оказались безсильными въ борьбѣ (съ мирной забастовкой!) съ стихійнымъ движеніемъ крестьянъ» [3]).

Тоже происходитъ въ Одоевскомъ, Ефремовскомъ, Богородскомъ и Веневскомъ уѣздахъ. Были случаи отказа войскъ стрѣлять въ забастовщиковъ. Были случаи поджоговъ помѣщичьихъ усадебъ и проч.

Разнообразныя формы аграрное движеніе имѣло и въ *Орловской* губ. Такъ, въ Елецкомъ у. «аграрные безпорядки принимаютъ все большіе и большіе размѣры, сообщаетъ «Право». Крестьяне ночами выкашиваютъ луга, увозятъ скошенное сѣно... Въ Афанасьевской вол. разгромленъ домъ владѣльца, управляющій котораго успѣлъ уѣхать, отстрѣливаясь отъ нападавшихъ крестьянъ. Во многихъ имѣніяхъ «снимаютъ» рабочихъ; приговорами устанавливаютъ цѣну 1—3 руб. мужчинѣ въ день; стороннихъ рабочихъ не допускаютъ. Митинги происходятъ въ лѣсахъ и оврагахъ. На митингахъ постановляютъ примѣнять забастовки, чтобы вынудить продать землю крестьянамъ. Все это движеніе идетъ полосой по тѣмъ раіонамъ, гдѣ были погромы и безпорядки осенью прошлаго года» [4]).

Въ Трубчевскомъ у. «возникли массовыя забастовки. Крестьяне силой снимаютъ рабочихъ, прогоняютъ служащихъ. Посланы казаки и драгуны, выѣхалъ губернаторъ» [5]) и т. д.

Въ *Курской* губ., Грайворонскомъ, Бѣлгородскомъ, Суджанскомъ и Льговскомъ уѣздахъ крестьяне сами устанавливаютъ таксы на рабочія руки и земельныя аренды... Помѣщики вынуждены уступать [6]).

Происходятъ столкновенія съ стражниками, съ администраціей и проч. Особенно неблагопріятное впечатлѣніе на крестьянъ произвела министерская декларація, послѣ которой во многихъ губерніяхъ столкновенія обострились.

Въ *Саратовской* губ. происходили также, главнымъ образомъ, забастовочное движеніе и тайные поджоги помѣщичьихъ усадьбъ, такъ какъ идти на разгромы населеніе уже не рѣшалось.

Наиболѣе крупная стачка произошла въ с. Аркадакѣ Балашовск. уѣзда. Это село является однимъ изъ крупныхъ пунктовъ сельско-хозяйственнаго найма.

---

[1]) „Русск. Вѣд.“ отъ 3, VI, 1906 г.
[2]) „Наша жизнь“, № 480.
[3]) „Соврем.“, № 78.
[4]) „Право“, № 24.
[5]) „Право“, № 26.
[6]) „Русск. Сл.“, № 146.

Стачка охватила 10 волостей. Къ ней присоединились и пришлые рабочіе. Стачка держалась 10 дней, при чемъ стачечники удерживали другъ друга отъ насилій, пьянства и т. п. Но пришлый элементъ пополнялся вновь пришедшими, средствъ существованія не было, и стачка прекратилась.

Въ это время начинаетъ уже замѣчаться рѣзкій расколъ между крестьянами отчасти на партійной почвѣ, но, главнымъ образомъ, на экономической почвѣ между богатыми и бѣдными. Бѣдные стали жечь богатыхъ, богатые— бѣдныхъ, и взаимное озлобленіе начало все болѣе и болѣе обостряться.

Въ *Тамбовской* губ. также развилось широкое забастовочное движеніе. По сообщенію корреспондента «Рѣчи», «словно по приказу, переданному телеграфомъ, крестьяне постановляютъ приговоры, въ которыхъ указываютъ цѣны на всякую работу у помѣщиковъ». Помѣщики обратились къ содѣйствію губернскихъ властей, но это мало помогало... Въ газетахъ сообщается цѣлый рядъ разстрѣловъ войсками забастовщиковъ.

Забастовочное движеніе центральнаго черноземнаго района имѣло другое значеніе, чѣмъ въ Западномъ и Юго-западномъ раіонахъ. Въ центральномъ раіонѣ забастовки большею частію устраивались крестьянами для того, чтобы совершенно лишить крупныхъ землевладѣльцевъ возможности вести свое хозяйство и принудить ихъ сдавать землю въ аренду по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Для этого забастовщики-крестьяне требовали плату въ 5—6 разъ выше противъ прежней цѣны. Между тѣмъ какъ въ Юго-западномъ раіонѣ, какъ мы видѣли, забастовки происходили съ цѣлью повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня. Въ послѣднемъ случаѣ результаты получались болѣе существенные...

Сильное забастовочное движеніе развилось въ Сѣверо-западномъ краѣ.

Такъ, изъ Слонимскаго у. Гродненской губ. сообщаютъ, что крестьяне совершенно отказываются отъ полевыхъ работъ [1]). О томъ же сообщаютъ изъ Пружанскаго уѣзда съ тѣмъ лишь различіемъ, что забастовки происходятъ менѣе спокойно [2]). Повсюду происходятъ столкновенія съ стражниками и казаками.

Въ *Виленской* губ. «членъ госуд. сов. Гавронскій разъѣзжаетъ съ драгунами по своимъ имѣніямъ и при помощи драгунъ заставляетъ бастующихъ крестьянъ становиться на работы» [3]).

Забастовки происходятъ и въ Дисненскомъ уѣздѣ.

Такого же рода извѣстія сообщаются изъ *Ковенской* губ.

Въ *Витебской* губ. «Двинскій у. богатъ цѣлымъ рядомъ волненій, залитыхъ потоками крови» [4]), во многихъ мѣстахъ забастовки.

Въ *Смоленской* губ. безпорядки возникли въ широкихъ размѣрахъ послѣ роспуска Госуд. Думы. Въ это же время возникли забастовки въ Новогрудскомъ у. *Минской* губ. Забастовки коснулись Бобруйскаго, Пинскаго, Игуменскаго и

---

[1]) „Право“, № 27.
[2]) „Страна“, 2, VII, 1906 г.
[3]) „Право“, № 28.
[4]) „Рѣчь“, 7, IV, 1906 г.

Слуцкаго уѣздов. Въ Новогрудскомъ у. бастуютъ рабочіе почти всѣхъ имѣній [1]). Послѣ репрессій начались поджоги строеній и сѣна у помѣщиковъ.

Въ *Могилевской* губ. въ Мстиславскомъ у., а также и въ другихъ мѣстахъ, развивается стачечное движеніе, иногда объединенное въ стачечные комитеты.

Въ промышленномъ нечерноземномъ, а также въ пріозерномъ раіонахъ движеніе проявилось больше на экономической почвѣ, въ неплатежѣ податей, въ столкновеніяхъ съ администраціей на почвѣ ихъ взысканія, хотя въ то же время происходили во многихъ мѣстахъ потравы, забастовки и разгромы.

Новгородскій губернаторъ, напримѣръ, пишетъ такого рода прокламацію: «Уже второй годъ крестьяне Новгородской губ. не платятъ ни казенныхъ, ни земскихъ сборовъ. По ихъ словамъ, это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока они не получатъ прирѣзки земли» [2]). Въ Бѣлозерскомъ у. происходятъ крупные безпорядки, поджоги усадебъ, лѣсовъ и т. д.

Въ Тверскомъ и Новоторжскомъ у.у. *Тверской* губ. аграрные безпорядки захватили значительный раіонъ. «Крестьяне хозяйничаютъ въ помѣщичьихъ владѣніяхъ». Оттуда же сообщается объ отказахъ крестьянъ платить налоги, о захватахъ помѣщичьяго скота, рубкѣ лѣса, запашкахъ земли.

Въ *Ярославской* губ. крестьяне не платятъ налоговъ и запрещаютъ помѣщикамъ рубить лѣсъ.

Въ Муромскомъ, Покровскомъ и Юрьевскомъ у.у. *Владимірской* губ. крестьяне разгромили нѣсколько имѣній. Въ тѣхъ же уѣздахъ крестьяне отказываются работать у помѣщиковъ и т. д. и т. д.

Довольно широкое забастовочное движеніе возникло въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Царства Польскаго. Сохачевскій уѣздъ въ началѣ апрѣля былъ почти весь охваченъ забастовками. Широкое забастовочное движеніе было также въ Лодзинскомъ у., въ окрестностяхъ г. Плоцка, въ Маковскомъ у. близь Ломжи, въ Варшавскомъ и Блонскомъ у.у. Въ іюлѣ происходятъ забастовки въ Сѣдлецкой, Варшавской и Сувалкской губерніяхъ. Во многихъ случаяхъ забастовки окончились обоюдными соглашеніями.

Наконецъ, на Кавказѣ, въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ неистовствуютъ карательные отряды, въ другихъ мѣстахъ продолжается или снова вспыхиваетъ аграрное движеніе. Во многихъ пунктахъ помѣщичьи земли въ 1906 году остались необработанными. Въ Кутаисской губ. отмѣчаются отказы населенія въ платежѣ податей, но всѣ эти явленія уже были послѣдними отзвуками затихающаго подавленнаго движенія. Оно затихло и только выборами соціалъ-демократическихъ депутатовъ и во вторую, и даже въ третью Думу населеніе показало, что оно не примирилось...

Роспускъ первой Государственной Думы и послѣдовавшее за нимъ Выборгское воззваніе, повидимому, увеличили неплатежъ податей населеніемъ, но на аграрное движеніе особеннаго вліянія не имѣли. О неплатежѣ по-

---

[1]) „Страна“, № 118.
[2]) „Рѣчь“, № 82.

датей сообщалось изъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ: изъ Черниговской губ., гдѣ крестьяне па сходахъ постановляютъ не платить подати, изъ Курской губ., Новгородской, Петербургской, Казанской, Воронежской и т. д. Въ общемъ итогѣ получились слѣдующіе результаты: въ 1905 году за первое полугодіе поступило 15 милл. руб. земскихъ сборовъ (около 50% оклада), а въ 1906 году за тѣ же мѣсяцы внесено около 8 милл. руб., т. е. около 20% оклада. Наборъ новобранцевъ также не прошелъ гладко. Въ Вятскомъ краѣ и въ Закавказьѣ значительная часть новобранцевъ вели себя вызывающе.

Подводя итоги крестьянскаго (экономическаго) движенія весной и лѣтомъ 1906 года, Н. Саваренскій насчитываетъ, что оно охватило 215 уѣздовъ, или половину уѣздовъ всей Россіи, тогда какъ осеннее движеніе 1905 года наблюдалось только въ 161, или 37% уѣздовъ. Разумѣется, только въ немногихъ пунктахъ движеніе захватывало *все* крестьянское населеніе; въ большей же части уѣздовъ движеніе охватывало или отдѣльныя села, или нѣсколько селъ и волостей. Даже въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ въ движеніи участвовали мѣстами всѣ села района, по подсчетамъ А. Лосицкаго, движеніе охватило изъ общаго числа уѣздовъ, волостей и селеній слѣдующій процентъ [1]):

	всего	затронуто движеніемъ	%
число уѣздовъ	12	9	75
» волостей	156	26	17
» селеній вообще	1.729	174	10

Такимъ образомъ, хотя въ этомъ раіонѣ было затронуто движеніемъ 75% уѣздовъ, но участвовало въ движеніи только 10% всѣхъ селеній этого раіона.

III. Конецъ и результаты крестьянскаго движенія.

Роспускъ первой Государственной Думы не уничтожилъ надеждъ крестьянства на ея помощь въ его тяжеломъ положеніи. Правда, какъ видно изъ наказовъ во вторую Гос. Думу, крестьяне чаще стали обращаться въ Государственную Думу со своими мѣстными нуждами и меньше пишутъ объ общеполитическихъ требованіяхъ и о такихъ рѣшительныхъ мѣрахъ, какъ націонализація земли. Тѣмъ не менѣе, крестьяне оцѣнивали значеніе ея дѣятельности и при выборахъ во вторую Думу, несмотря на всѣ препятствія, старались выбрать «своихъ» депутатовъ.

Правительство, со своей стороны, дѣлало всѣ усилія, чтобы создать «послушную» Думу и устранить неблагонадежныхъ депутатовъ. Многіе депутаты первой Думы, какъ извѣстно, были преданы суду или просто арестованы; роспущеннымъ депутатамъ препятствовали давать избирателямъ отчетъ о своей дѣятельности; сенатскія разъясненія устраняли отъ выборовъ въ деревнѣ интеллигентныхъ людей, были устранены «не домохозяева» и т. д.

Не менѣе энергично дѣйствовала мѣстная администрація «при подготовкѣ» выборовъ. Въ теченіе всего 1906 года происходили аресты и высылки огромнаго числа «неблагонадежныхъ» лицъ. Но особенно усилились аресты передъ

[1]) Цитир. соч., стр. 162.

выборами. Оппозиціонныя газеты конфискуются и не допускаются въ деревню.

Хотя доступъ стороннихъ агитаторовъ крайне затруднился, но среди крестьянъ еще сохранялись остатки революціонныхъ организацій. Крестьяне тайно устраивали собранія для обсужденія избирательной кампаніи. При оппозиціонномъ настроеніи, несмотря на всѣ препятствія, отъ крестьянъ прошло большинство выборщиковъ, принадлежащихъ къ оппозиціоннымъ партіямъ. По подсчетамъ А. Смирнова, къ 21 января составъ вновь избранныхъ крестьянскихъ уполномоченныхъ опредѣлился такой: изъ 1474 уполномоченныхъ—884 человѣка, или 60%, вполнѣ сознательно принадлежало къ оппозиціоннымъ партіямъ. Къ правымъ же партіямъ принадлежало только 152 человѣка или 10%. Изъ остальныхъ—400 называли себя безпартійными, 24—умѣренными и 4—октябристами. Администрація начала арестовывать уполномоченныхъ; тѣмъ не менѣе во вторую Думу отъ крестьянъ прошло значительно больше депутатовъ, принадлежащихъ къ революціоннымъ партіямъ, чѣмъ въ первую Думу. Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

	Соціалисты.	Радик. демокр.	Кадеты.	Правые.	Безпарт.
Въ первой Думѣ . . .	3.1 %	29.9 % (33 %)	34.4 %	18 %	14.6 %
Въ второй Думѣ . . .	38.2 %	23.6 % (61.8 %)	29.9 %	6.7 %	2.3 %

Избравши «своихъ» депутатовъ, крестьяне продолжаютъ обращаться къ нимъ съ приговорами и наказами, но эти приговоры уже не выражаютъ того приподнятаго настроенія, которое чувствуется въ приговорахъ, адресованныхъ въ первую Думу.

Этотъ упадокъ настроенія замѣчается и на мѣстахъ, въ аграрномъ движеніи. Къ концу 1906 года крестьянское движеніе ослабѣваетъ и въ 1907 году уже не проявляется съ прежней силой.

Характерной особенностью движенія 1907 года является его распыленность. Правда, порубка лѣсовъ, стачки дѣлаются «скопомъ», но и они не захватываютъ сплошныхъ раіоновъ, а поджоги, смѣнившіе массовые разгромы, производились тайно отдѣльными личностями. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются «разборки» помѣщичьяго хлѣба и инвентаря. Движеніе пошло на убыль....

Особенно сильно безпокоили помѣщиковъ поджоги ихъ усадебъ. Сильно распространились поджоги въ Курской губ., преимущественно въ волостяхъ, гдѣ было движеніе въ 1906 году. Курскіе дворяне, встревоженные этимъ, подаютъ на Высочайшее имя телеграмму, въ которой дворянство проситъ подтвердить неприкосновенность частной собственности.

Въ Саратовской губ., въ Сердобскомъ и Аткарскомъ у., на ряду съ поджогами и рубкой лѣса, встрѣчаются случаи и разборки помѣщичьяго хлѣба

и инвентаря. Въ другихъ уѣздахъ Саратовской губ., на ряду съ поджогами помѣщичьихъ усадебъ, обостряется взаимное озлобленіе богатыхъ и бѣдныхъ слоевъ крестьянства, сопровождающееся также взаимными поджогами и убійствами. Это взаимное озлобленіе явилось результатомъ того, что пониженіемъ арендной платы, вызваннымъ предыдущимъ аграрнымъ движеніемъ, воспользовались зажиточные слои населенія, которые теперь, при упадкѣ настроенія, стремились упрочить свое хозяйство на почвѣ *существующихъ* хозяйственныхъ отношеній.

О пожарахъ сообщается изъ всѣхъ раіоновъ Европейской Россіи, но учесть размѣры пожаровъ и степень ихъ распространенія почти невозможно. То изъ того, то изъ другого уѣзда сообщаютъ: «горимъ, горимъ, горимъ»! Повидимому, въ большей части центральной Россіи эта форма борьбы съ землевладѣльцами сдѣлалась въ 1907 году самой распространенной и достигла небывалыхъ размѣровъ. Но свѣдѣнія о пожарахъ самыя неопредѣленныя. Изъ Радомской губ. телеграфируютъ: помѣщичьи усадьбы горятъ. Помѣщики бѣгутъ въ города, оставляя свои хозяйства на произволъ судьбы. Изъ Нѣжинскаго у. пишутъ: «каждую ночь видны зарева пылающихъ экономій». Изъ Рязани: «въ разныхъ пунктахъ губерніи, преимущественно въ южныхъ уѣздахъ, запылали помѣщичьи усадьбы и экономіи и съ нѣкоторыми перерывами продолжаютъ горѣть и теперь. Съ наступленіемъ вечера то та, то другая сторона неба озаряется свѣтомъ пожара; мужики, завидѣвъ зарево, сумрачно говорятъ: «Наши попаливаютъ». Изъ Кіевской губ. сообщаютъ, что въ Васильковскомъ у. чуть не каждую ночь было по 5—7 пожаровъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Тоже сообщаютъ изъ Звенигородскаго у.

Изъ Поволжскихъ губ. пишутъ: «что ни ночь, то пожары. Земскіе страховые агенты констатируютъ, что весной 1907 года было вдвое больше пожаровъ, чѣмъ въ предыдущемъ году». Тоже самое происходитъ въ Полтавской губ. и т. д. и т. д. [1]) «Землевладѣльцы испытываютъ настоящую панику, пишутъ изъ Курской губ. въ «Голосъ Москвы». Поджигаютъ, главнымъ образомъ, хлѣбъ—и въ скирдахъ, и въ клупяхъ, иногда на току, во время молотьбы. Дѣло въ томъ, что врагъ.... массами не выступаетъ, какъ въ прошломъ году, а между тѣмъ держитъ землевладѣльцевъ буквально въ осадномъ положеніи. Врагъ неуловимъ..... Охрана стала почти безполезною.... Существуютъ поджигательныя дружины»...

Были случаи поджога по жребію. Такъ, въ Минскомъ окружномъ судѣ судился крестьянинъ за поджогъ, который былъ сдѣланъ крестьяниномъ по постановленію мірскаго союза, и сдѣланъ по жребію. Въ Васильковскомъ у. только у одной граф. Браницкой было сожжено около 10 экономій, говорятъ, сообществомъ крестьянъ, рѣшившимъ пожарами «выжить пановъ».

Даже тамъ гдѣ раньше были забастовки, въ 1907 году движеніе стало выражаться въ поджогахъ, кражахъ и проч., потому что помѣщики приняли всѣ мѣры, чтобы не дать вспыхнуть забастовочному движенію, выписавши рабочихъ изъ другихъ раіоновъ, нанимая «охрану» и проч.

---

[1]) См. „Аграрный вопр“. стр. 378—9.

Тѣмъ не менѣе, во многихъ уѣздахъ,—по подсчету С. Прокоповича [1]) въ 28 уѣздахъ,—было болѣе или менѣе организовано забастовочное движеніе, главнымъ образомъ, въ Югозападномъ краѣ. Но и въ этомъ раіонѣ забастовки проявились слабѣе, отчасти вслѣдствіе многочисленныхъ арестовъ и тяжелыхъ репрессій, вызвавшихъ анархическія формы «распыленной» борьбы. Аресты были, главнымъ образомъ, въ раіонахъ наиболѣе сильнаго вліянія украинскаго областного союза (спилки), подъ руководствомъ котораго происходило стачечное движеніе въ 1906 году. Озлобленіе крестьянъ, вызванное репрессіями, выразилось въ увеличеніи числа «экспропріацій» и поджоговъ.

На ряду съ поджогами происходятъ столкновенія крестьянъ съ представителями мѣстной администраціи, выражающіяся въ мѣстномъ террорѣ: убиваютъ мелкихъ представителей власти: урядниковъ, стражниковъ, старшинъ, чаще же всего доносчиковъ и шпіоновъ.

Забастовки, какъ мы замѣтили, происходили, главнымъ образомъ, въ Югозападномъ краѣ. Здѣсь, несмотря на репрессіи, сохранились связи крестьянъ съ украинскимъ соц.-демократическимъ союзомъ (спілкой) и стачки были организованными.

Забастовки начались въ этомъ раіонѣ около половины мая на свекловичныхъ плантаціяхъ.

Однимъ изъ основнымъ мотивовъ забастовокъ являлся вопросъ о пришлыхъ рабочихъ. Хозяева, ожидая забастовокъ и стараясь обезпечить себя, нанимали стороннихъ рабочихъ. На этой почвѣ и возникли наиболѣе крупныя столкновенія, которыя имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, въ Кіевской губ. въ Бердичевскомъ, Липовецкомъ, Звенигородскомъ, Уманскомъ, Сквирскомъ и др. уѣздахъ и частію въ Подольск. губ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, забастовка сельскохозяйственныхъ рабочихъ охватываетъ собой слѣдующіе уѣзды: Сѣвскій, Малоархангельскій—Орловской губ., Глуховской—Черниговской губ., Путивльскій, Льговскій, Фатежскій и Щигровскій—Курской губ., а также нѣсколько уѣздовъ Екатеринославской губ.

Широкое забастовочное движеніе было въ Опочецкомъ и Новоржевскомъ уѣздахъ Псковской губ., гдѣ «толпа крестьянъ въ 100 и болѣе человѣкъ двигалась отъ одного имѣнія къ другому, предъявляя всюду одни и тѣ же требованія: 1 рубль въ день мужчинѣ за косьбу и 75 коп. женщинѣ. Въ случаѣ отказа снимали рабочихъ. Значительная часть помѣщиковъ согласилась повысить плату на 20 коп. противъ прежней цѣны». Прибыла полиція и рота солдатъ.

Своеобразное движеніе въ 1907 году развивается на Волыни, гдѣ во главѣ столкновеній съ помѣщиками стоитъ «союзъ русскаго народа». «Въ имѣніи Грохольскаго произошло кровавое столкновеніе со стражниками». Въ имѣніи Подгоруцкаго уничтожены посѣвы и т. д. Такого рода сообщенія сопровождаются прибавленіемъ: «крестьяне, участвовавшіе въ безпорядкахъ, числятся союзниками». Эти явленія были результатомъ агитаціи Почаевскаго монастыря, съ монахомъ Иліодоромъ во главѣ, противъ польскихъ помѣщиковъ. Агитаторы союза приводили слѣдующій аргументъ: «кто запишется въ «союзъ русскаго народа», дастъ

---

[1]) „Аграр. движ. въ 1907 году". „Тов". № 392.

полтинникъ и получитъ значекъ, тотъ будетъ русскимъ и получитъ право на участіе въ раздѣлѣ польской земли; кто не запишется, тотъ не русскій и земли не получитъ».

На почвѣ такой антипольской агитаціи проходили выборы въ Государственную Думу и съ большимъ успѣхомъ....

Широкое аграрное движеніе въ концѣ 1906 и въ началѣ 1907 года развилось на поссессіонныхъ заводахъ Урала, гдѣ земельныя отношенія горнозаводскихъ крестьянъ съ управленіями заводовъ были крайне запутаны и ненормальны.

Въ декабрѣ 1906 года до населенія донеслись извѣстія, что заводчики готовы выкупить поссессіонныя земли, уплачивая по 2 копѣйки въ годъ за десятину, съ разсрочкой на 30 лѣтъ. Эта «справедливая» оцѣнка естественно вызвала недовольство мѣстнаго населенія, которое уже раньше организовало волостные комитеты для урегулированія земельныхъ отношеній съ землевладѣльцами. Весной и лѣтомъ 1907 года движеніе разрослось: происходили постоянно собранія то въ той, то въ другой части горнозаводскаго Урала. Отношенія съ администраціей обострились. Въ нѣкоторыя мѣста были посланы солдаты, производилась масса арестовъ, было нѣсколько столкновеній съ полиціей, но въ концѣ концовъ движеніе было подавлено.

На характеристикѣ экономическаго положенія крестьянства мы остановимся въ спеціальной статьѣ объ экономическомъ положеніи крестьянства во время и послѣ революціи. Здѣсь мы укажемъ лишь на непосредственные результаты аграрнаго движенія. Аграрное движеніе повело къ временному пониженію арендныхъ цѣнъ въ раіонахъ наиболѣе сильнаго аграрнаго движенія, къ повышенію заработной платы въ раіонахъ сильнаго забастовочнаго движенія и къ усиленной мобилизаціи дворянскихъ земель. Въ Саратовской губ., гдѣ было очень сильное крестьянское движеніе, было предложено крестьянскому банку, за періодъ съ 3-го ноября 1905 года по 1-е янв. 1907 года, купить 503 имѣнія съ площадью въ 707 тыс. дес., а по всему восточному раіону (Саратовской, Пензенской, Уфимской, Симбирской и Казанской губ.) было предложено 1.306 имѣній съ 1.559 тыс. десятинъ. Кромѣ того большое количество сдѣлокъ по продажѣ земли крестьянамъ было совершено помимо крестьянскаго банка.

Арендныя цѣны въ Саратовской губерніи въ 1905—6 г. значительно понизились. Напр. въ Аткарскомъ у., вмѣсто 16 р. 17 к.—10 р. 45 к., въ Балашовскомъ вмѣсто 17 р. 73 к.—14 р. 95 коп. въ Сердобскомъ—было 17 р. 84 к., стало—14 р. 20 коп. и т. д.

Заработная плата въ Югозападномъ раіонѣ, гдѣ были наиболѣе организованныя стачки, повысилась въ слѣдующихъ размѣрахъ:

		средняя за 1902—4 г.	за 1905 г.	за 1906 г.
Подольская губ.	сѣвъ	35 коп.	35 коп.	45 коп.
	сѣнокосъ	45 »	50 »	65 »
Кіевская »	сѣвъ	38 »	45 »	50 »
	сѣнокосъ	55 »	70 »	80 »
Волынская »	сѣвъ	36 »	35 »	45 »
	сѣнокосъ	46 »	60 »	60 »

Въ зависимости отъ хозяйственныхъ условій и формъ аграрнаго движенія получились не только различные результаты, но и этими результатами воспользовались различные слои населенія.

Въ раіонахъ забастовочнаго движенія произошло повышеніе заработной платы и этимъ воспользовались или болѣе бѣдные крестьяне, или батраки. Напротивъ, въ раіонахъ движенія погромнаго, въ раіонахъ продовольственной аренды, ея пониженіемъ воспользовались богатые крестьяне, которые имѣли больше средствъ для расширенія аренды по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Это обстоятельство и усилило разслоеніе крестьянства въ такихъ пунктахъ, какъ Саратовская губ., гдѣ богатые крестьяне, воспользовавшись плодами аграрнаго движенія, стали бороться противъ, крестьянской бѣдноты. Разслоеніе крестьянства еще болѣе усилилось, благодаря законодательству правительства, которое закономъ 9 ноября дало толчекъ къ раздѣлу общинныхъ земель.

П. Масловъ.

Приложеніе.

А. МАРТЫНОВЪ.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма.

I. Группа освобожденія труда.

Критика „Народной Воли". Борьба съ народничествомъ. Національныя особенности русской революціи.

Марксизмъ съ самаго начала выступалъ у насъ не какъ абстрактное ученіе о капиталистическомъ обществѣ, о борьбѣ труда съ капиталомъ, а какъ единственный конкретный и непротиворѣчивый отвѣтъ на вопросы, выдвинутые нашей «самобытной» дѣйствительностью и именно практикой движенія 1870—1880 гг.

Революціонное народничество въ концѣ 70-хъ гг. практически обанкротилось еще раньше, чѣмъ оно было теоретически опровергнуто. Безплодность соціально-революціонной работы въ деревнѣ, гдѣ пропагандисты, по выраженію № 1 «Народной Воли», «бились, какъ рыба объ ледъ», и жестокія преслѣдованія правительства положили конецъ «хожденію въ народъ» разночинной интеллигенціи и вовлекли ее стихійно въ террористическую борьбу, т. е. фактически въ борьбу съ абсолютизмомъ, вопреки господствовавшей въ ея средѣ теоріи, которая отрицала всякое государство и всякую «политику».

Практически дѣло революціоннаго народничества было проиграно. Но революціонеры, выступившіе инстинктивно на новый путь политической борьбы, первоначально даже не изъ общеполитическихъ мотивовъ, а изъ чувства мести и ради огражденія чести партіи, продолжали оставаться на старой теоретической почвѣ бакунизма. Создалось, такимъ образомъ, противорѣчіе между теоріей и практикой.

Вотъ это-то противорѣчіе побудило небольшую группу народниковъ-чернопередѣльцевъ, оставшихся вѣрными старому принципу, что «освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса», и «раздражавшихся непослѣдовательностью» террористовъ, приступить къ «внимательному изученію соціальнаго вопроса» заграницей.

Первоначальная цѣль этихъ теоретическихъ изысканій была—болѣе глубокое обоснованіе терявшаго кредитъ народничества, неожиданнымъ результатомъ—капитуляція передъ марксизмомъ, единственнымъ ученіемъ, которое безъ

противорѣчій примиряло политическую борьбу съ принципомъ самоосвобожденія рабочаго класса.

«Споры съ террористами», разсказываетъ Г. В. Плехановъ, «вращавшіеся главнымъ образомъ, вокругъ вопроса о томъ, имѣетъ ли *соціалистъ* право заниматься *политической борьбой*, заставляли насъ глубже вдуматься въ главнѣйшія теоретическія основы нашего ученія, и тутъ, противъ нашего ожиданія, въ глубинѣ нашей души начиналъ пошевеливаться червякъ разъѣдающаго сомнѣнія» [1]).

Ближайшее ознакомленіе съ литературой современнаго научнаго соціализма заграницей весьма скоро разрѣшило эти «сомнѣнія» нашихъ народниковъ-чернопередѣльцевъ въ положительномъ смыслѣ. «По крайней мѣрѣ, о себѣ я могу съ увѣренностью сказать», говоритъ Г. В. Плехановъ, «что уже ко времени выхода второго номера «Чернаго Передѣла», т. е. лѣтомъ... 1880 г., я былъ уже едва ли не на половину соціалдемократомъ» [2]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что *марксизмъ и народовольчество были у насъ почти историческими близнецами*. Та же самая причина—обнаружившіяся на опытѣ безсиліе бунтарства и неизбѣжность для соціалистовъ борьбы за политическую свободу—породила почти единовременно и *практику* народовольцевъ, завоевавшихъ себѣ быстро симпатіи революціонеровъ и относившихся весьма беззаботно ко всякимъ теоріямъ, и *теоретическую* эволюцію небольшой группы революціонеровъ въ сторону марксизма, закончившуюся въ періодъ упадка «Народной Воли», послѣ чего понадобилось еще 10 лѣтъ пропаганды чтобы новое ученіе претворилось въ широкое практическое движеніе.

Сознаніе необходимости политической борьбы, до котораго народовольцы дошли эмпирически, ощупью, а бывшіе чернопередѣльцы теоретически, до извѣстной степени примирило и сблизило ихъ между собой, но только до извѣстной степени. Пока народовольцы вели героическое единоборство съ абсолютизмомъ, пока они дѣлали исторію, піонеры марксизма не подвергали критикѣ ихъ противорѣчивую и устарѣлую теоретическую позицію, чтобы не бросать палки подъ колеса единственной въ то время активной партіи. Но теоретическая безпринципность народовольцевъ скоро дала себя почувствовать на практикѣ. Когда, послѣ 1-го марта 1881 г., террористическіе рессурсы «Народной Воли» были истощены, когда, параллельно и въ тѣсной связи съ упадкомъ революціонной энергіи, у вождей ея стали роиться фантастическіе планы «захвата власти» соціалистами, наши первые марксисты ясно поняли, что народническіе теоретическіе предразсудки составляютъ непреодолимое препятствіе для развитія революціоннаго движенія и что выходъ изъ тупика, въ которомъ очутилась «Народная Воля», возможенъ только въ томъ случаѣ, если она окончательно порветъ съ самобытной народнической теоріей и станетъ на точку зрѣнія современнаго научнаго соціализма.

Тогда марксисты и рѣшили открыто выступить у насъ съ критикой баку-

---

[1]) См. Г. В. Плехановъ. Почему и какъ мы разошлись съ редакціей „Вѣстника Народной Воли". „Искра", № 54, 1-го декабря 1903 г.

[2]) Ibid.

нистской теоріи и заговорщицкой тактики и съ пропагандой научнаго соціализма. Эта критика, данная въ брошюрѣ Г. В. Плеханова «Соціализмъ и политическая борьба», преслѣдовала цѣль не разрушенія партіи «Народной Воли», а, напротивъ, ея возрожденія, и она была еще настолько благожелательна, что должна была, по соглашенію съ Л. Тихомировымъ, появиться въ 1-ой книжкѣ «Вѣстника Народной Воли», въ редакцію котораго вслѣдъ за С. Кравчинскимъ и П. Лавровымъ вступилъ по приглашенію и Г. В. Плехановъ [1])...

Въ своей брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба», Г. В. Плехановъ опровергаетъ, во 1-хъ, теоретически тѣ бунтарскіе предразсудки противъ политической борьбы, отъ которыхъ народовольцы уже практически отказались; во 2-хъ, тѣ утопическіе взгляды на осуществленіе соціализма, которыхъ народовольцы еще придерживались и которые мѣшали имъ вести политическую борьбу въ цѣлесообразныхъ формахъ. «Типичнымъ образчикомъ этихъ взглядовъ было извѣстное пророчество народовольцевъ о томъ, что въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи 90% депутатовъ явятся сторонниками соціальной революціи, если только мы добьемся всеобщаго избирательнаго права»... Эта фикція, хотя и «укрѣпляла временно энергію бойцовъ, нуждавшихся въ теоретическомъ обоснованіи своей практической дѣятельности» [2]), имѣла крайне вредныя практическія послѣдствія.

«Не пора ли,—писалъ Плехановъ въ «Нашихъ разногласіяхъ»,—перестать пугать общество появленіемъ «краснаго призрака» съ той стороны, съ которой никогда не можетъ появиться красное знамя рабочаго класса? Толки объ этомъ логически невозможномъ появленіи вредны не по одному тому, что «лишаютъ насъ содѣйствія либераловъ при борьбѣ за конституцію». Они вселяютъ въ насъ ни на чемъ не основанную увѣренность въ томъ, что соціалистическая революція «ждетъ» насъ помимо всякихъ усилій съ нашей стороны, отвлекаютъ наше вниманіе отъ самаго важнаго пункта: *организаціи рабочаго класса для борьбы съ его настоящими будущими врагами*» [3]).

Говоря о пропагандировавшемся въ «Народной Волѣ *захватѣ власти*, Плехановъ замѣчаетъ: «Мы не принадлежимъ къ числу принципіальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей». По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собой послѣдній и притомъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую на извѣстной ступени общественнаго развитія долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію. Но диктатура класса, какъ небо отъ земли, отличается отъ диктатуры группы революціонеровъ-разночинцевъ». [4]).

Эта задача, которую себѣ поставила теперь «Народная Воля», подсказывалась ей все той же народнической вѣрой, что отсталая крестьянская Россія находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для соціалистической революціи. Основываясь на этой «старой вѣрѣ», народовольцы ставили себѣ фан-

---

[1]) Ibid.

[2]) См. Г. В. Плехановъ. Соціализмъ и политическая борьба. Сочиненія, т. I-й, стр., 160.

[3]) См. Г. В. Плехановъ. Наши разногласія. Сочиненія, т. I, стр. 311.

[4]) Ibid., стр. 201.

тастическія задачи, которыя въ *послѣднемъ счетѣ* грозили дезорганизовать больше всего силы революціи.

Плехановъ далѣе показываетъ, что успѣхъ заговора въ условіяхъ даннаго момента возможенъ лишь цѣною вытравленія изъ него всякаго революціоннаго содержанія; въ случаѣ же сохраненія послѣдняго, заговоръ соціалистической интеллигенціи обреченъ на неуспѣхъ.

«Честь сообщенія новаго размаха нашему движенію безспорно принадлежитъ «Народной Волѣ», говоритъ Г. В. Плехановъ, но партія «Народной Воли» есть дѣтище переходнаго времени». Въ ея программѣ еще много фантастическихъ элементовъ, вытекающихъ изъ ея стремленія примирить свою практику съ народнической теоріей, утверждающей, что «старыя формы нашей народной жизни .... могутъ «развиться въ высшую коммунистическую форму» безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ сильной и хорошо организованной *рабочей* соціалистической партіи [1]). Отъ этихъ народническихъ предразсудковъ, отъ этого устарѣлаго утопическаго балласта «Народная Воля» должна освободиться, если она не хочетъ идти на встрѣчу своему вырожденію.

«Связывать въ одно два такихъ существенно различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и соціалистическая революція, вести революціонную борьбу съ разсчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества—*значитъ отдалять наступленіе и того, и другого*. Но отъ насъ зависитъ *сблизить* эти два момента. Мы должны послѣдовать прекрасному примѣру нѣмецкихъ коммунистовъ, которые, по словамъ манифеста, «шли рядомъ съ буржуазіей, поскольку она являлась революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, и въ то же время не переставали вырабатывать въ умахъ рабочихъ болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата [2]). «Единственной не фантастической цѣлью русскихъ соціалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій, съ одной стороны, и выработка элементовъ для образованія будущей *рабочей соціалистической партіи* Россіи — съ другой» [3])....

* * *

Надежда нашихъ первыхъ марксистовъ на то, что партія «Народной Воли» усвоитъ точку зрѣнія научнаго соціализма и, такимъ образомъ, выйдетъ изъ тупика, не оправдалась и, какъ теперь для насъ ясно, не могла оправдаться.

Народовольчество не было началомъ новой революціонной эры, а послѣднимъ героическимъ усиліемъ революціонеровъ «старой вѣры» осуществить царство соціализма на почвѣ разлагающагося натуральнаго быта крестьянъ. Народовольцы, по удачному выраженію Г. В. Плеханова, «упрашивали старуху-исторію потоптаться на одномъ мѣстѣ, пока они проложатъ для нея новые, болѣе прямые и торные пути». «Отпираясь» отъ хода историческаго развитія вмѣсто того, чтобы «опереться» на него, народовольчество, послѣ ряда пораженій, есте-

---

[1]) Ibid., стр. 155, 156, 196, 141.
[2]) Ibid., стр. 212, 213.
[3]) Ibid., стр. 288.

ственно, должно было извѣриться въ революціи и причалить къ пристани мелкобуржуазнаго реформизма народниковъ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ.

Крупнѣйшій народническій публицистъ, Н. К. Михайловскій былъ въ такой же мѣрѣ теоретикомъ революціонныхъ народовольцевъ, мечтавшихъ о захватѣ власти для соціалистическаго переворота, какъ и послѣдующаго поколѣнія культурниковъ и либеральныхъ народниковъ, которые противоставляли созидательную «творческую» силу крестьянства безплодной «разрушительной» силѣ пролетаріата и готовы были въ большей или меньшей степени поступиться политическими требованіями «общества» для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить «народу» осуществленіе экономическихъ реформъ сверху.

Духъ критики отлетаетъ отъ партіи вмѣстѣ съ духомъ жизни. Какъ разъ въ то самое время, когда стали явно обнаруживаться признаки разложенія партіи «Народной Воли», когда Л. Тихомировъ, какъ онъ впослѣдствіи признался, уже считалъ партію «трупомъ», когда она уже начала заражаться ядомъ дегаевщины, ея руководители особенно укрѣпились въ своихъ теоретическихъ предразсудкахъ и послѣ нѣкоторыхъ колебаній окончательно отказались принять «Группу Освобожденія Труда», какъ таковую, какъ организацію, въ партію [1]).

Марксистамъ очевидно стало, что русское освободительное движеніе нуждается не въ «реформѣ», а въ «революціи», и что насущнѣйшей очередной задачей является теоретическая переоцѣнка всѣхъ старыхъ идейныхъ цѣнностей. За эту работу и взялась «Группа Освобожденія Труда».

Народническое міровоззрѣніе, какъ извѣстно, держалось на двухъ китахъ, на «субъективномъ методѣ» въ соціологіи и на «самобытной» теоріи русскаго экономическаго развитія. Противъ этихъ китовъ концентрировала свою аттаку «Гр. Осв. Тр.» въ лицѣ Г. В. Плеханова. Рѣшающее значеніе въ этой войнѣ имѣли два его произведенія—«Наши разногласія» (1884 г.) и «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» Бельтова (1895 г.).

Главный теоретическій грѣхъ «субъективной школы русской соціологіи» заключался въ томъ, что она не сумѣла рѣшить и даже правильно поставить вопросъ—объ отношеніи свободы къ необходимости. Этого вопроса уже касаются первыя произведенія Плеханова, спеціально ему посвящается его книга «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію».

Бельтовъ показываетъ, какъ тщетно пытались рѣшить эту важнѣйшую философскую проблему предтечи марксизма—французскіе матеріалисты XVIII вѣка, французскіе историки временъ реставраціи, соціалисты-утописты и нѣмецкая идеалистическая философія, на какія противорѣчія всѣ они наталкивались, и какимъ образомъ эти противорѣчія нашли свое примиреніе и разрѣшеніе въ діалектическомъ матеріализмѣ Маркса и Энгельса. Попутно Бельтовъ показываетъ, какъ наши соціологи-субъективисты, претендующіе на самобытность и оригинальность, фактически тащатъ насъ назадъ отъ Маркса и Энгельса черезъ Бруно Бауэра и соціалистовъ-утопистовъ къ философіи XVIII вѣка, подтверждая на своемъ собственномъ примѣрѣ слова Н. Михайловскаго: «Мы... играемъ отно-

---

[1]) См. Г. В. Плехановъ. Почему и какъ мы разошлись съ редакціей „В. Н. В. „Искра“ № 54.

сительно Зап. Европы роль кухарки, получающей отъ барыни по наслѣдству старомодныя шляпки».

Н. К. Михайловскій «научно» обосновалъ свою «формулу прогресса» законами физіологіи и біологіи. Бельтовъ показываетъ, что это мнимо-научное обоснованіе «теоріи прогресса» есть повтореніе неудачной попытки Ог. Конта и еще болѣе ранней и столь же неудачной попытки одного сенъ-симониста. Онъ показываетъ, что Михайловскій игнорируетъ особые соціологическіе законы и прибѣгаетъ къ поверхностной аналогіи съ естественными науками, даетъ на самомъ дѣлѣ не законы проявлявшагося и въ прошлой исторіи общественнаго развитія, а лишь «гигіеническій рецептъ» для этого развитія [1]).

Столь же утопичны всѣ наши «реалистическіе» элементы народническаго міровоззрѣнія.

Николай—онъ и другіе народники-субъективисты считали себя неповинными въ утопизмѣ, потому что они свои «средства для устраненія» капитализма не выдумывали изъ головы, а находили въ «наличныхъ матеріальныхъ условіяхъ производства», въ натуральномъ общинномъ хозяйствѣ нашихъ крестьянъ. Но планы Фурье тоже не противорѣчили «матеріальнымъ условіямъ» современнаго ему производства. Однако, онъ былъ утопистъ. И такіе же утописты они, потому что они разсматриваютъ наши экономическія «условія» такими, *каковы они есть*, а не такими, *какими они становятся*, потому что они игнорируютъ связанное съ этимъ направленіе въ развитіи общественныхъ силъ и, подобно Фурье, возлагаютъ свои надежды на общественныя силы, которыя или не смогутъ или не захотятъ осуществить ихъ планы. И жалобы народниковъ на «наши» прошлыя историческія «ошибки», какъ двѣ капли воды напоминаютъ увѣренія Сенъ-Симона, что «во время революціи правительство *по недоразумѣнію* пошло противъ законныхъ требованій промышленниковъ» [2]).

Французскіе матеріалисты XVIII в. вращались въ заколдованномъ кругу: они разсматривали «всѣ психическія функціи человѣка, какъ видоизмѣненія ощущеній», и «считали всѣ понятія человѣка результатомъ воздѣйствія на него окружающей среды». Но, будучи чужды идеѣ общественной эволюціи, они, какъ только дѣло касалось исторіи, покидали свою матеріалистическую точку зрѣнія и заявляли, что «міръ (т. е. общественныя отношенія людей) управляется мнѣніемъ» [3]).

Марксъ въ свое время указалъ на источникъ этихъ противорѣчій: «Главный недостатокъ матеріализма, до Фейербаховскаго включительно», говорилъ онъ, «состоялъ въ томъ, что онъ разсматривалъ дѣйствительность, предметный... міръ лишь въ формѣ *объекта*..., а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности..., не субъективно. Поэтому *дѣятельную* сторону, въ противоположность матеріализму, развивалъ до сихъ поръ идеализмъ, но развивалъ отвлеченно» [4]). Этотъ недостатокъ въ полной мѣрѣ присущъ и народникамъ-субъективистамъ, разсмат-

---

[1]) См. Бельтовъ. Къ вопр. о развитіи монист. взгляда на исторію. Стр. 54, 55, 57, 58.

[2]) Ibid. стр. 49, 50, 51.

[3]) Ibid. стр. 56, 56.

[4]) Ibid. стр. 178, 179 и слѣд.

ривающимъ «народъ» лишь какъ «объектъ» для благодѣтельнаго воздѣйствія надклассовой «интеллигенціи». На этомъ заблужденіи П. Лавровъ построилъ въ своихъ «Историческихъ письмахъ» пресловутую теорію «критически-мыслящихъ личностей», теорію, которую онъ всецѣло заимствовалъ у Бруно Бауэра, раскритикованнаго Марксомъ въ «Die heilige Familie».

Раздѣлаться окончательно съ субъективнымъ идеализмомъ при изученіи исторіи, т. е. съ метафизикой, и опредѣлить условія освобожденія русскаго народа, условія, при которыхъ русская «толпа» сама станетъ героемъ историческаго дѣйствія, возможно только, рѣшивши проблему объ отношеніи свободы къ необходимости. Но народники не только не приблизились, но значительно удалились отъ ея рѣшенія по сравненію съ предыдущимъ поколѣніемъ русской передовой интеллигенціи.

Еще въ 1890 г. въ статьяхъ о Н. Г. Чернышевскомъ, а впослѣдствіи въ статьѣ о Бѣлинскомъ, Г. Плехановъ, возстановляя оборвавшуюся нить развитія русской передовой общественной мысли, показывалъ, что эта мысль сдѣлала и чего она не додѣлала въ этой главнѣйшей философской проблемѣ. Въ книгѣ «Къ вопросу о развитіи» онъ показываетъ, какъ этотъ вопросъ пыталась рѣшить и въ концѣ концовъ рѣшила зап.-европейская философская мысль.

Съ точки зрѣнія чисто *антропологической* вопросъ о взаимоотношеніи свободы и необходимости былъ рѣшенъ очень давно. Въ этомъ смыслѣ дали на него правильный отвѣтъ и Спиноза, и Лейбницъ, и матеріалисты XVIII в. «Вообразите», разсуждалъ Спиноза, «что камень мыслитъ, что онъ сознаетъ свое движеніе, доставляющее ему удовольствіе, но не знаетъ его причины... Какъ представится въ такомъ случаѣ камню его собственное движеніе? Непремѣнно, какъ результатъ его собственнаго желанія...; онъ скажетъ себѣ: я движусь, потому что я хочу двигаться. Такова и та человѣческая свобода, которой такъ гордятся всѣ люди...» [1]). Спиноза, впрочемъ, различалъ «свободную» дѣятельность человѣка отъ «несвободной». Но различіе съ точки зрѣнія Спинозы тутъ заключается лишь въ томъ, что «несвободный» человѣкъ дѣйствуетъ непосредственно подъ вліяніемъ аффектовъ, «свободный» же человѣкъ дѣйствуетъ на основаніи накопленнаго и переработаннаго имъ опыта, сознавая необходимость своихъ дѣйствій.

Этимъ рѣшался вопросъ съ точки зрѣнія антропологической, т. е. въ примѣненіи къ человѣку, къ извѣстной зоологической особи. Но этимъ онъ еще не рѣшался въ примѣненіи къ человѣческой *исторіи*. Въ исторіи мы имѣемъ дѣло не съ отдѣльной личностью, а съ массой людей. Чтобы доказать, что и здѣсь свобода *каждаго*, какъ сознаніе необходимости его дѣйствій, не нарушаетъ свободы остальныхъ, необходимо предварительно установить существованіе закономѣрности въ общественныхъ отношеніяхъ людей.

Французскій матеріализмъ XVIII в. не въ состояніи былъ открыть эту закономѣрность, потому что онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія абстрактной и неизмѣнной человѣческой природы, потому что ему была чужда идея развитія. Проблему эту сознательно поставила себѣ идеалистическая нѣмецкая философія и въ лицѣ

---

[1]) Ibid. стр. 88, 89, 90.

Гегеля значительно приблизилась къ ея рѣшенію, благодаря тому, что она стала на точку зрѣнія *діалектическую*.

Съ этой діалектической точки зрѣнія «каждое явленіе, дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ силъ, которыя обусловливаютъ его существованіе, рано или поздно, но неизбѣжно превращается въ свою противоположность» [1]). Все въ мірѣ течетъ и измѣняется, причемъ *количественныя* измѣненія, постепенно накопляясь, раньше или позже, приводятъ къ *качественнымъ*, эволюція подготовляетъ революцію. Съ этой точки зрѣнія различныя общественныя формы, смѣняющія другъ друга въ исторіи, нужно разсматривать не какъ рядъ капризныхъ случайностей, не какъ рядъ ошибочныхъ отклоненій общества отъ разъ навсегда даннаго разумнаго идеала, а какъ послѣдовательныя общественныя фазы, связанныя имманентными, внутренними законами развитія.

Признаніемъ объективной закономѣрности общественнаго развитія нѣмецкая діалектическая философія разрушила кучу вреднѣйшихъ предразсудковъ субъективныхъ идеалистовъ.

Какъ же діалектическая философія Гегеля рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи свободы къ необходимости въ исторіи? Люди, говоритъ она, сознательно преслѣдуютъ свои частныя личныя цѣли, но изъ сознательныхъ поступковъ отдѣльныхъ людей необходимо вытекаютъ неожиданныя для нихъ, непредвидѣнныя ими послѣдствія, касающіяся всего общества, т. е., вліяющія на совокупность взаимныхъ отношеній тѣхъ же людей. Личная свобода этихъ людей безъ ихъ вѣдома претворяется въ историческую необходимость. Съ теченіемъ времени эта историческая необходимость воплощается въ свободу. Съ теченіемъ времени «люди начинаютъ вдумываться въ свой собственный общественный строй», но только тогда, когда этотъ строй уже отжилъ и готовится уступить мѣсто новому порядку. «Сова Минервы вылетаетъ только ночью». Такимъ образомъ, *въ конечномъ счетѣ* въ исторіи не «мнѣніе», не «философія» обусловливаетъ измѣненіе общественныхъ отношеній, а наоборотъ. Въ исторической, какъ и въ индивидуальной дѣятельности свобода опредѣляется, въ конечномъ счетѣ, необходимостью. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, однако, что періодическіе полеты «совы Минервы» безполезны. Напротивъ того, только полеты этой мудрой птицы, только «философія» даетъ твердую опору для цѣлесообразной общественной дѣятельности. Поэтому Гегель приходилъ къ выводу, что «всемірная исторія есть прогрессъ въ сознаніи свободы, который мы должны понять въ его необходимости» [2]).

Такъ Гегель при помощи діалектики рѣшилъ въ примѣненіи къ *исторіи* вопросъ объ отношеніи свободы къ необходимости. Однако, онъ рѣшилъ эту проблему лишь *формально*. Онъ лишь установилъ фактъ существованія исторической необходимости, т. е. закономѣрности общественнаго развитія и связь между этимъ развитіемъ и свободой въ исторической дѣятельности. Но онъ не объяснилъ по существу самой природы общественныхъ отношеній, природы исторической необходимости и не могъ этого объяснить, поскольку его философія была *идеалистической*. Вслѣдствіе этого онъ окольнымъ путемъ приходилъ, въ концѣ концовъ, къ тому же противорѣчію, изъ котораго не могла выпутаться

---

[1]) Ibid. стр 64.

[2]) Ibid. стр. 70, 87, 93, 94.

философія XVIII вѣка. Окольнымъ путемъ олицетворенія процесса нашего логическаго мышленія (т. е. одной изъ сторонъ человѣческой природы) идеалисты-діалектики вернулись къ той же точкѣ зрѣнія матеріалистовъ XVIII в.» [1]).

Чтобы прорвать заколдованный кругъ, въ которомъ вращалась философская мысль съ XVIII в., нужно было отказаться—окончательно—разъ навсегда отъ попытокъ антропологическаго объясненія исторіи одними свойствами неизмѣнной человѣческой природы, нужно было открыть матеріальную пружину общественнаго развитія, лежащую *внѣ* человѣка. Это сдѣлали Марксъ и Энгельсъ при помощи метода діалектическаго матеріализма и тѣмъ самымъ окончательно рѣшили проблему. Они показали, что сама природа общественнаго человѣка мѣняется подъ вліяніемъ причинъ, лежащихъ *внѣ* его. «Дѣйствуя на внѣшнюю природу, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу». «Въ этихъ немногихъ словахъ», говоритъ Бельтовъ, «содержится сущность всей исторической теоріи Маркса» [2]).

Два момента являются, съ точки зрѣнія Маркса, исходной точкой исторіи человѣчества, во 1-хъ, то, что человѣкъ есть *животное общественное*, во 2-хъ, то, что это общественное животное научилось пользоваться *орудіями*, какъ главнымъ средствомъ въ борьбѣ за свое существованіе. «Въ орудіяхъ труда человѣкъ пріобрѣтаетъ какъ бы новые органы, измѣняющіе его анатомическое строеніе. Съ того времени, какъ онъ возвысился до ихъ употребленія, онъ придаетъ совершенно новый видъ исторіи своего развитія: прежде она, какъ у всѣхъ остальныхъ животныхъ, сводилась къ видоизмѣненіямъ его естественныхъ органовъ; теперь *она становится прежде всего исторіей* усовершенствованія его искусственныхъ органовъ, *роста его производительныхъ силъ*» [3]).

Ростъ производительныхъ силъ есть конечная причина историческаго прогресса. Степень ихъ развитія въ каждую данную историческую эпоху обусловливаетъ опредѣленный способъ общественнаго производства, опредѣленное взаимоотношеніе людей въ процессѣ производства и соотвѣтствующую этому идеологическую надстройку—систему правовыхъ учрежденій, господствующія этическія понятія и пр. Вся эта идеологическая надстройка, какъ бы «идеально» къ ней ни относились члены даннаго общества, опредѣляется его нуждами и интересами, которые, въ свою очередь, обусловливаются экономической структурой общества. Но идеологическая надстройка общества не есть нѣчто постоянное, она мѣняется и раньше или позже «превращается въ свою противоположность». И Марксъ показываетъ, какъ въ исторіи осуществляется этотъ общій законъ діалектическаго развитія; какъ развитіе производительныхъ силъ подготовляетъ революцію въ общественныхъ отношеніяхъ, субъективнымъ агентомъ которой являются прогрессивные общественные классы. Классовая борьба заполняетъ всю исторію человѣчества.

Показавши, какъ она обусловливается развитіемъ производительныхъ силъ и какъ она, въ свою очередь, подготовляетъ и совершаетъ всѣ политическія революціи, Марксъ окончательно заполнилъ пропасть между субъектомъ и объектомъ

---

[1]) Ibid. стр. 95, 96, 98.

[2]) Ibid, стр. 108.

[3]) Ibid. стр. 110.

исторической жизни, черезъ которую философія XVIII вѣка не въ состояніи была перекинуть мостъ. Эту марксистскую философію исторіи наши народники отвергали, какъ фаталистическую, обрекающую историческую личность на квіетизмъ. Это обвиненіе, говоритъ Бельтовъ, направлено не по адресу. Въ фатализмѣ повинны наши субъективные соціологи: «У субъективнаго идеалиста тотчасъ же за стѣнами крошечнаго садика идеала начинается необъятное поле случайности, а, слѣдовательно, и слѣпой необходимости. Діалектическій матеріализмъ указываетъ тѣ пріемы, съ помощью которыхъ все это необъятное поле можно превратить въ цвѣтущій садъ идеала... средства этого превращенія скрыты въ нѣдрахъ самого того поля, надо только найти ихъ и умѣть воспользоваться ими» [1]).

Г. В. Плехановъ въ своемъ долголѣтнемъ спорѣ съ народниками каждый разъ снова и снова возвращался къ разъясненію и иллюстраціи метода діалектическаго матеріализма, и не даромъ. Закоренѣлые навыки субъективнаго метода мышленія, не выходящаго за предѣлы такъ называемаго здраваго смысла, были главной причиной превратнаго пониманія практической программы новаго революціоннаго теченія и стереотипныхъ обвиненій, которыя сыпались на него. Уже въ «Нашихъ разногласіяхъ» Г. Плехановъ извѣстными словами Энгельса охарактеризовалъ этотъ обычный метафизическій способъ разсужденія народниковъ, благодаря которому г. Тихомировъ, вслѣдъ за В. В., утверждалъ, что «людямъ, убѣжденнымъ въ исторической неизбѣжности русскаго капитализма, остается лишь поступать на службу къ рыцарямъ первоначальнаго накопленія» [2]). То, что г. Тихомировъ говорилъ въ 1883 г., то въ теченіе десяти лѣтъ на всѣ лады повторяли г.г. Кривенко и К°, и Бельтову еще и еще разъ приходилось разъяснять народникамъ, что «приспособлять свои идеалы къ дѣйствительности» еще не значитъ стать «прислужникомъ ликующихъ», ибо «всякая дѣйствительность антагонистична», что «ликующіе опираются на уже отживающую дѣйствительность, подъ которой зарождается новая, дѣйствительность будущаго» [3]).

Нужно было доказать несостоятельность субъективной школы соціологіи, чтобы подготовить почву для объективной оцѣнки экономическихъ судебъ Россіи. Но само собою разумѣется, что вопросъ объ этихъ судьбахъ и съ марксистской точки зрѣнія могъ быть рѣшенъ только на основаніи конкретнаго анализа дѣйствительности. Иначе смотрѣли на это дѣло народники. Н. К. Михайловскій усмотрѣлъ въ свое время въ 1-омъ т. Капитала и въ частности въ главѣ о «первоначальномъ накопленіи» цѣлую философско-историческую теорію. Когда Марксъ по этому поводу въ 1877 г. въ письмѣ къ редактору Отечеств. Записокъ заявилъ, что онъ въ «Капиталѣ» вовсе не намѣренъ былъ дать «теорію историческаго пути народовъ, роковымъ образомъ начертаннаго для каждаго изъ нихъ», и что, по его мнѣнію, частный законъ капиталистическаго развитія придется примѣнить къ Россіи лишь въ томъ случаѣ, «если Россія будетъ продолжать идти путемъ, избраннымъ ею послѣ 1861 г.», народники рѣшили, что претензія русскихъ учениковъ Маркса выводить непосредственно изъ «Капитала» будущія судьбы Россіи отнынѣ должна пасть. Но у русскихъ «учениковъ» такой пре-

---

[1]) Ibid. стр. 202.
[2]) Ibid. стр. 428.
[3]) Бельтовъ, стр. 179.

тензіи не было никогда. Г. В. Плехановъ еще въ первой своей брошюрѣ—«Соціализмъ и политическая борьба» протестовалъ противъ того, что «ученію Маркса подсказывается тотъ смѣшной выводъ, что Россія должна пройти совершенно тѣ же фазы историко-экономическаго развитія, которыя были пройдены Западомъ» [1]). Вопросъ объ экономическихъ судьбахъ Россіи съ точки зрѣнія марксизма, говоритъ онъ, могъ быть рѣшенъ не путемъ дедукціи изъ отвлеченныхъ формулъ, а лишь конкретнымъ анализомъ русской дѣйствительности—и потому онъ уже въ 1884 г. въ «Нашихъ разногласіяхъ» сдѣлалъ первый опытъ такого анализа на основаніи статистическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ народнической экономической литературѣ.

Именно изслѣдованіе роста числа наемныхъ рабочихъ въ Россіи, эволюціи кустарнаго производства и разложенія общиннаго землевладѣнія привело Г. Плеханова къ заключенію, что Россія уже безповоротно вступила на путь капитализма. Въ этомъ его убѣждало, во-1-хъ, то, что нашъ капитализмъ значительно подвинулся впередъ по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда Марксъ высказался еще условно объ его судьбѣ; во-2-хъ, то, что у насъ нѣтъ на лицо внутреннихъ силъ, которыя могли бы совратить Россію съ капиталистическаго пути. Анализъ, сдѣланный Г. Плехановымъ въ 1884 г., болѣе обстоятельно и на основаніи гораздо болѣе обширныхъ матеріаловъ былъ продѣланъ впослѣдствіи въ марксистской литературѣ 90-хъ г.г., въ произведеніяхъ Струве, Ильина, Туганъ-Барановскаго и др. Они пришли къ тому же выводу, что и Плехановъ, съ той лишь разницей, что Г. В. Плехановъ въ 80-хъ г.г. болѣе осторожно оцѣнивалъ завоеванія, которыя уже успѣлъ сдѣлать русскій капитализмъ вообще и въ области земледѣлія въ особенности. Въ «Нашихъ разногласіяхъ» онъ утверждалъ, что въ сферѣ обрабатывающей промышленности «не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежитъ капитализму», въ сферѣ же земледѣлія можно только констатировать непредотвратимую тенденцію къ капиталистическому развитію. Соотвѣтственно съ этимъ онъ пришелъ къ общему выводу: «*Главный потокъ русскаго капитализма пока еще не великъ*..., но въ этотъ потокъ со всѣхъ сторонъ направляется такое множество мелкихъ и крупныхъ ручейковъ,... что быстрый сильный ростъ потока не подлежитъ сомнѣнію» [2]).

Противъ экономическаго прогноза марксистовъ народники, В. В., а впослѣдствіи Николай—онъ, выдвинули пресловутую «теорію рынковъ»: въ Россіи капитализмъ не можетъ имѣть будущаго, говорили они, во 1-хъ, потому, что онъ, разоряя народъ, самъ разрушаетъ свой внутренній рынокъ; во-2хъ, потому, что позднее выступленіе на міровую арену разъ навсегда отрѣзало отъ него внѣшніе рынки. Эта теорія, какъ мы увидимъ, подвергнута была обстоятельной, но односторонней критикѣ въ марксистской литературѣ 90-хъ г.г. Въ общихъ чертахъ несостоятельность ея была доказана Г. В. Плехановымъ въ «Нашихъ разногласіяхъ», а затѣмъ въ «Обоснованіи народничества» (Волгинъ). Плехановъ показалъ, во-1-хъ, что капитализмъ всюду до извѣстной степени самъ создавалъ себѣ внутренній рынокъ, во-2-хъ, что западныя страны тоже не сразу, а лишь

---

[1]) См. Г. Плехановъ. Соціализмъ и полит. борьба. Соч. т. I, стр. 164.

[2]) См. Г. В. Плехановъ. Наши разногласія. Сочин. т. I., стр. 429. 431.

послѣдовательно вступали на капиталистическій путь, наталкиваясь на конкурренцію болѣе передовыхъ странъ, причемъ тамъ, какъ и у насъ, государство тоже принимало на первыхъ порахъ «искусственныя» мѣры къ огражденію національнаго капиталистическаго производства; и эти «искусственныя» мѣры, наряду съ благопріятными географическими условіями для развитія тѣхъ или другихъ отраслей промышленности, помогали этихъ странамъ, какъ помогутъ и намъ, завоевать себѣ мѣсто на міровомъ рынкѣ. Подводя итогъ спору о рынкахъ, Г. Плехановъ, вскорѣ послѣ выхода «Нашихъ разногласій», писалъ: «г. В. В. думаетъ, что, разъ добившись господства на всемірномъ рынкѣ, болѣе развитыя въ промышленномъ отношеніи страны окончательно закрываютъ доступъ къ нему менѣе развитымъ странамъ и тѣмъ толкаютъ эти послѣднія на путь соціальной реформы, каковыя реформы и должны быть предприняты будто бы стоящимъ выше классовыхъ интересовъ правительствомъ... Факты же говорятъ намъ, что менѣе развитыя страны не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а постепенно расчищаютъ себѣ путь на всемірномъ рынкѣ и своей конкурренціей толкаютъ болѣе развитыя страны на путь соціальной революціи, которая будетъ совершена пролетаріатомъ» [1]).

* * *

Какъ разрѣшится конфликтъ между нашимъ «искусственнымъ» капитализмомъ и русскими «самобытными» устоями? Вотъ коренной вопросъ, который поставили революціонные народники, а рѣшили наши первые марксисты. Они рѣшили его въ томъ смыслѣ, что Россія можетъ прійти къ соціализму только черезъ буржуазную революцію и тернистый путь капиталистическаго развитія, и, соотвѣтственно этому, призывали революціонеровъ сосредоточивать свою дѣятельность въ средѣ пролетаріата. Однако пропаганда «Гр. Осв. Тр.» въ теченіе 80 г.г. не находила себѣ отклика; она долго не могла преодолѣть народническую рутину, которая подъ новымъ видомъ культурничества и апологіи «маленькихъ дѣлъ» продолжала властвовать надъ умами интеллигенціи.

Въ виду этого «Гр. Осв. Тр.» *въ то время*, въ 80 г.г., естественно сосредоточивала свое вниманіе не на тѣхъ особенныхъ національныхъ условіяхъ, въ которыхъ зарождалась русская соціалъ-демократія, а, напротивъ, на тѣхъ чертахъ русской жизни, которыя уподобляютъ ее зап.-европейской и тѣмъ самымъ оправдываютъ самое существованіе соц.-демократическаго движенія и въ нашей «самобытной» странѣ.

Еще въ срединѣ 80-хъ г. г., въ народовольческій періодъ, когда Л. Тихоміровъ доказывалъ невозможность наступленія буржуазной революціи въ Россіи, ссылаясь на трусость русскихъ буржуазныхъ либераловъ, Г. В. Плехановъ на это отвѣтилъ: «Что значатъ увѣренія историковъ въ томъ, что въ такой-то историческій періодъ буржуазія или—что почти то же самое—общество боролось въ такой-то странѣ противъ абсолютизма? Ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что буржуазія толкала и вела рабочій классъ на борьбу.... обезпечьте нашему «обществу» поддержку однихъ только городскихъ предмѣстій,—и вы увидите, что оно знаетъ, чего хочетъ». [2]) Въ слѣдующій періодъ, въ концѣ 80-хъ г. г.,

---

[1]) Ibid стр. 385.

[2]) См. Г. Плехановъ. „Наши разногласія". Соч. т. I, стр. 519, 520.

«Гр. Осв. Тр.» продолжала ту же борьбу съ рутинностью нашей радикальной интеллигенціи, оправдывавшей въ то время свою собственную пассивность негодностью русскихъ либераловъ. Этому посвящена была статья Вѣры Засуличъ, написанная въ 90 г., въ которой авторъ доказываетъ, что либералы «отцы» и въ западныхъ революціяхъ 19-го вѣка вели себя не болѣе храбро, чѣмъ наши: что либералы выполняютъ свою миссію, поскольку они, не осмѣливаясь сами идти въ бой, косвенно заражаютъ своихъ «дѣтей» революціоннымъ духомъ, поскольку они въ критическій моментъ на Западѣ заражали и у насъ, вѣроятно, заразятъ нерѣшительностью господствующую власть; что это достаточно благопріятныя условія для того, чтобы наши буржуазныя «дѣти» шли къ рабочимъ, какъ они шли на Западѣ въ 30—40 хъ годахъ. [1]) И Г. Плехановъ въ тотъ періодъ, въ концѣ 80 хъ г. г., систематически бичевалъ ренегатствующую народническую интеллигенцію и указывалъ «новой интеллигенціи» новые пути, ссылаясь на аналогію съ Западомъ. «Уже теперь», писалъ онъ въ 1890 г., «при всемъ разнообразіи революціонныхъ взглядовъ ясно, что только два направленія могутъ у насъ разсчитывать на будущее: либеральное и соціалъ-демократическое». Но русскій либерализмъ еще не опредѣлился въ соціально-политическомъ смыслѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ—нуль. Можно ли, спрашиваетъ онъ, «разсчитывать на политическій смыслъ «общества», въ которомъ главную роль до сихъ поръ играетъ дворянство?...» «Помилуйте, да вѣдь они и сами никогда на себя не разсчитывали! Остается рабочій классъ, на который указываетъ нашимъ революціонерамъ соціалъ-демократія». Но рабочій классъ не будетъ одинокъ, ибо буржуазный либерализмъ еще не сказалъ послѣдняго слова. «Впрочемъ, точно ли оно (дворянство) играетъ до сихъ поръ главную роль?» спрашиваетъ себя авторъ. Оно является у насъ самымъ «культурнымъ» сословіемъ, «но намъ, право, кажется, что въ своихъ отношеніяхъ къ правительству торгово-промышленный классъ проявляетъ гораздо больше зрѣлости... Купечество говоритъ въ прошеніяхъ тономъ человѣка, состоящаго «при своемъ капиталѣ», знающаго, что имъ «за все заплочено» и, поэтому, увѣреннаго, что безъ него дѣло не обойдется. Въ дворянскихъ же адресахъ и ходатайствахъ слышится тонъ человѣка, который нѣсколько поиздержался». Каково же вѣроятное въ будущемъ соотношеніе силъ въ нашей освободительной эпохѣ? «Условія нашей соціальной жизни измѣняются, они уже значительно измѣнились... Поэтому слѣдующій за дворянствомъ классъ, буржуазія, сыграетъ роль уже во многихъ отношеніяхъ похожую на роль западной буржуазіи [2]). Рабочій же классъ прямо не въ состояніи будетъ найти иной роли, чѣмъ та, которую этотъ классъ имѣлъ на Западѣ» [3]). Повторяемъ, до 90-хъ г. г. основной мотивъ пропаганды «Гр. Осв. Тр.» заключался въ томъ, что Россія такъ же, какъ и западныя страны, должна пережить еще *буржуазную революцію*, что въ этой революціи

---

[1]) См. В. Засуличъ: „Революціонеры изъ буржуазной среды": „Соц-демократъ" т. I, 1890 г.

[2]) Тутъ Г. Плехановъ въ примѣчаніи отмѣчаетъ, что и на Западѣ, впрочемъ, буржуазія въ разныхъ государствахъ играла различную роль.

[3]) См. „Соц. демократъ", Кн. I, 1890 г. Внутр. Обозр. стр. 61, 64, 65, 66.

у насъ, какъ и на Западѣ, городскіе рабочіе сыграютъ роль той революціонной силы, которая приступомъ возьметъ твердыню стараго порядка.

Только послѣ голода 91 г., когда, съ одной стороны, политическая пассивность стараго поколѣнія народнической интеллигенціи въ виду народнаго бѣдствія доказала съ очевидностью, что отъ нея больше нечего ждать, когда, съ другой стороны, начавшійся новый подъемъ стачечнаго движенія (92 г.) и первые опыты соц.-демократической кружковой пропаганды въ Россіи создали, наконецъ, для «Гр. Осв. Тр.» свою собственную аудиторію, только тогда она, имѣя въ виду эту соціалдемократическую аудиторію, стала болѣе конкретно разрабатывать основы соц.-дем. тактики въ связи съ русскими національными особенностями, съ которыми эта тактика должна сообразоваться.

Главныя изъ этихъ особенностей—двѣ: во 1), исключительно важное значеніе аграрнаго вопроса въ Россіи, по сравненію не только съ современной Зап. Европой, но и съ прежними аналогичными революціонными эпохами на Западѣ, во 2), возможность организаціи рабочей партіи, какъ самостоятельнаго и *сознательнаго авангарда* въ борьбѣ за буржуазный переворотъ.

«Гр. Осв. Тр.», вышедшая изъ народническаго лагеря и отточившая свое оружіе на критикѣ народничества, всегда удѣляла много вниманія аграрному вопросу въ Россіи. Еще въ 1885 г. въ своемъ проектѣ программы она въ числѣ «ближайшихъ экономическихъ требованій» на первое мѣсто поставила: «радикальный пересмотръ нашихъ аграныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленія ею крестьянскихъ обществъ». Въ томъ же проектѣ она указывала на то, что торжество революціоннаго движенія «послужило бы прежде всего на пользу крестьянства», [1]) и Г. В. Плехановъ въ своей первой же марксистской брошюрѣ—«Соціализмъ и политическая борьба»—отмѣчаетъ условія, при которыхъ соціалисты, идя навстрѣчу крестьянскимъ стремленіямъ, должны были бы ввести «націонализацію земли» въ число своихъ программныхъ требованій. Призывая революціонную интеллигенцію сосредоточивать свою работу въ пролетаріатѣ, Г. Плехановъ въ срединѣ 80-хъ годовъ указываетъ, что это, между прочимъ, послужило бы лучшимъ способомъ для воздѣйствія на крестьянъ, что задача соц.-дем.—организація передовыхъ силъ города «для вовлеченія деревни въ русло всемірно-историческаго движенія». И П. Б. Аксельродъ также, какъ и Плехановъ, и въ 84 г., и въ 89 г. подчеркивалъ въ своихъ статьяхъ, что будущая русская рабочая партія должна «глубоко проникнуться сознаніемъ *тѣсной связи* между условіями благосостоянія крестьянъ и промышленныхъ рабочихъ и пониманіемъ задачъ рабочаго класса, какъ руководителя всѣхъ трудящихся массъ» [2]). Въ брошюрѣ «Задачи соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ» Плехановъ подробно разбираетъ значеніе аграрнаго вопроса въ Россіи и выражаетъ ту мысль, что, если кризисъ въ деревнѣ вызоветъ серьезное движеніе среди крестьянъ, соціалдемократы должны будутъ поддержать его и выставить требованіе экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ. Но какъ согласить эту перспективу съ тѣмъ, что говорится въ «Нашихъ разногласіяхъ». Очень легко, отвѣчаетъ Г. Плехановъ:

---

[1]) См. Программа и объявленіе о возобн. изд. „Гр. Осв. Тр.“ стр. 5 и 7.

[2]) Аксельродъ. Раб. движ. и соц. дем. п. XIII—XIV.

«Въ нашихъ разногласіяхъ» я старательно указывалъ читателю на тотъ фактъ, что община разлагается всего скорѣе именно тамъ, гдѣ землей дорожатъ, т. е. тамъ, гдѣ крестьянское хозяйство поставлено въ сколько нибудь благопріятныя условія» [1]). Къ той же темѣ возвращается по поводу новаго голода 98 г. П. Б. Аксельродъ въ статьѣ, въ которой авторъ доказываетъ, что элементарнѣйшіе интересы промышленныхъ рабочихъ неизбѣжно должны ихъ живо заинтересовать рѣшеніемъ аграрнаго вопроса, который имѣетъ въ Россіи исключительно революціонное значеніе. «Россійскій капитализмъ», говоритъ онъ тамъ, «развиваясь на основѣ самой усовершенствованной техники, въ то же время окруженъ атмосферой соціальнаго варварства, экономическій узелъ котораго завязанъ въ деревнѣ. Крестьянство, получившее въ наслѣдіе отъ «эпохи великихъ реформъ» закрѣпощеніе государству, крайнее малоземелье и непомѣрные платежи, наслѣдство, осложненное прелестями «первоначальнаго накопленія», является главнымъ героемъ «всероссійскаго раззоренія», создающаго колоссальное земледѣльческое перенаселеніе, стѣсняющаго развитіе внутренняго рынка и угрожающаго судьбамъ россійскаго капитализма. Такъ наз. аграрный вопросъ является такимъ образомъ центральнымъ пунктомъ русской жизни и почвой, на которой развивается антагонизмъ между сторонниками раціональнаго капиталистическаго прогресса—подъ флагомъ антикапиталистическимъ—и абсолютизмомъ» [2]).

Приведенныя разсужденія Г. Плеханова и П. Аксельрода легли въ основу постановки аграрнаго вопроса, которая нашла себѣ выраженіе впослѣдствіи въ 1900 г.г. отчасти въ соц.-демократической программѣ, утвержденной на Лондонскомъ съѣздѣ 1903 г., отчасти въ болѣе позднихъ резолюціяхъ по аграрному вопросу, которыя приняты были на съѣздахъ двухъ фракцій въ 1905 г.

Другой вопросъ, который впервые былъ выдвинутъ «Г. О. Т.» только въ срединѣ 90-хъ г. г., былъ вопросъ о руководящей роли пролетаріата въ процессѣ буржуазнаго переворота.

Въ моментъ своего возникновенія «Г. О. Т.» еще не потеряла надежды на то, что народовольческое движеніе возродится, ставши на точку зрѣнія научнаго соціализма, и что оно непосредственно приведетъ къ низверженію стараго порядка. Поскольку, такимъ образомъ, паденіе стараго порядка представлялось ей близкимъ, поскольку, съ другой стороны, рабочее движеніе еще отсутствовало, невозможно было въ то время расчитывать на особенно крупные успѣхи въ развитіи политической сознательности и организованности пролетаріата въ дореволюціонный періодъ. Поэтому Г. В. Плехановъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ еще весьма скромно оцѣнивалъ *степень* самостоятельности, которую сможетъ проявить нашъ пролетаріатъ *до революціи*. Онъ въ этихъ произведеніяхъ доказывалъ, что классовое движеніе рабочихъ самымъ фактомъ своего возникновенія разбудитъ всѣ дремлющія силы населенія, что одни рабочіе въ открытомъ бою способны будутъ нанести рѣшительный ударъ старому

---

[1]) См. Г. Плехановъ. „О задачахъ соц. въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, 1892 г. стр. 33, 34, 35, 67, 87, 88, 89.

[2]) См. П. Аксельродъ „По поводу новаго народнаго бѣдствія“ „Работникъ“ № 5—6. 99 г. стр. 172, 177, 211.

режиму. Мало того, ссылаясь на то, что у насъ соціалистическое движеніе возникло за долго до того, какъ капитализмъ пустилъ глубокіе корни въ странѣ, онъ утверждалъ, что у насъ не только рабочіе нужны будутъ для революціи, но что соціалисты смогутъ теперь много сдѣлать для того, чтобы «революція была полезна для трудящагося населенія страны», что при разумной тактикѣ соціалисты смогутъ уже въ періодъ переворота «измѣнить соотношеніе силъ въ пользу рабочаго класса». Тѣмъ не менѣе, онъ въ то время считался, какъ съ наиболѣе вѣроятной перспективой, съ тѣмъ, что до революціи удастся лишь «выработать элементы для образованія будущей рабочей партіи», что только «въ первый періодъ конституціонной жизни Россіи» рабочій классъ сможетъ выступить «въ качествѣ особой партіи».

Только послѣ голоднаго 91 г., окончательно доказавшаго нежизнеспособность стараго поколѣнія интеллигенціи, когда выяснилось, то Россія стоитъ на порогѣ затяжной переходной эпохи, что приходится, нѣкоторымъ образомъ, начинать исторію сначала, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, проявились первые симптомы пробужденія рабочихъ (майскія рѣчи рабочихъ въ 91 г., адресъ, поднесенный рабочими Шелгунову, стачки 92 г. и проч.), только тогда, въ срединѣ 90-хъ г.г., «Гр. О. Тр.» стала все болѣе укрѣпляться въ мысли, что, благодаря особенностямъ историческаго положенія Россеіи, у насъ есть много основаній разсчитывать на то, что пролетаріатъ постепенно возвысится до роли сознательнаго авангарда и даже руководителя буржуазнаго переворота.

Эта мысль проглядываетъ уже во всѣхъ статьяхъ П. Б. Аксельрода, помѣщенныхъ въ «Работникѣ». Въ 97 г. онъ ее высказываетъ ясно, хотя и въ отрывочной формѣ, въ противоположность зарождающемуся тогда такъ наз. «экономизму», въ «Письмахъ о современныхъ задачахъ и тактикѣ». Въ 98 г. онъ ее развиваетъ въ законченномъ видѣ и въ конкретно-историческихъ терминахъ въ статьѣ, помѣщенной въ Neue Zeit, затѣмъ переведенной на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціальной демократіи въ Россіи».

Уже въ 90—92 г.г. П. Аксельродъ въ рядѣ статей, посвященныхъ германской соціалдемократіи, связывалъ ея тактику и ея успѣхи съ тѣмъ, что она играетъ роль авангарда въ борьбѣ за демократизацію страны. Анализируя политическую обстановку, въ которой ей приходится дѣйствовать, онъ показываетъ, что она въ этой роли наталкивается на сопротивленіе почти всѣхъ слоевъ буржуазнаго населенія, потому что на уровнѣ соціально-политическаго развитія Германіи рѣшительная побѣда соціалдемократіи была бы практически прологомъ къ соціалистической революціи. Принципіально отлично, говоритъ Аксельродъ, положеніе вещей въ современной Россіи, гдѣ абсолютизмъ опирается почти исключительно «на инерцію, дезорганизованность и забитость населенія» [1]). Ту-же мысль онъ развиваетъ въ 98 г. на страницахъ Neue Zeit: «Даже въ свободныхъ государствахъ отношеніе къ буржуазіи, какъ къ сплошной одинаковой «реакціонной массѣ», шло бы въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Но извѣстный

---

[1]) См. П. Аксельродъ „Политическая роль с-демократіи и послѣдніе выборы въ Германскій рейхстагъ“, „Соціалъ-демокр.“ 1902 г, IV стр. 26,45.

1894.

политическій лозунгъ германской соціалдемократіи имѣетъ въ основаніи своемъ все таки реальную историческую подкладку... Въ Россіи же, гдѣ историческая почва для такого враждебнаго отношенія всей буржуазіи къ пролетаріату еще не созрѣла, такая тактика стояла бы въ рѣзкомъ противорѣчіи съ реальнымъ положеніемъ этихъ классовъ,... она искусственно способствовала бы изолированію нашего рабочаго движенія въ то время, когда оно еще нуждается въ союзникахъ и во внѣшней помощи» [1]). Аксельродъ указываетъ на то, что наша профессіональная интеллигенція и наши землевладѣльцы-дворяне въ настоящее время особенно терпятъ отъ отсталыхъ методовъ первоначальнаго накопленія и отъ россійскаго раззоренія, связанныхъ со всей нашей политической и финансовой системой, а такъ какъ въ то-же время промышленники и коммерсанты пользуются исключительнымъ покровительствомъ правительства и поэтому живутъ съ нимъ въ ладу, то въ результатѣ у насъ получается сейчасъ своеобразное въ исторіи явленіе: «въ Россіи передовые элементы дворянства и интеллигенціи борются тоже за національные интересы и потребности капиталистическаго прогресса, но только *противъ*... соціальнаго представителя капитализма». Это положеніе, говоритъ авторъ, не прочно: «это было бы противно самымъ элементарнымъ представленіямъ о движеніи общества... Именно, дальнѣйшія, все болѣе и болѣе увеличивающіяся проявленія потребностей и стремленій оппозиціонныхъ, враждебныхъ капиталистической буржуазіи, классовъ и сословій должны вызвать въ недалекомъ будущемъ столкновеніе между ней и правительствомъ»... Но это дѣло будущаго; пока-же изъ *переходнаго* состоянія русскаго либерализма вытекаютъ очень важныя послѣдствія для пролетаріата: «русскій либерализмъ лишенъ пока возможности найти себѣ достаточную поддержку въ имущихъ *массахъ*, чтобы заставить правительство выступить на путь серьезныхъ политическихъ уступокъ». Отсюда вытекаетъ «*политическая* слабость русскаго либерализма», но поскольку либералы занимаютъ очень выгодныя общественныя позиціи, они имѣютъ возможность, побуждаемые своей политической слабостью, содѣйствовать пробужденію общественной иниціативы за счетъ бюрократическаго произвола, содѣйствовать распространенію народнаго образованія и проч. Все это само по себѣ не имѣло-бы политическаго значенія. Но тутъ на сцену выступаетъ пролетаріатъ. «Постепенное проникновеніе культурныхъ и общественныхъ элементовъ въ русскую жизнь [2]) создаетъ почву и орудіе для *политическаго* пробужденія пролетаріата уже въ тискахъ абсолютизма. Въ томъ то и заключается революціонное значеніе и центръ тяжести съ формальной, внѣшней стороны политически совершенно невинныхъ усилій нашего либерализма преобразовать русскую дѣйствительность». Не нужно, однако, думать, говоритъ авторъ, что либералы, чувствуя свою слабость, сами готовы будутъ аппелировать къ пролетаріату. Эта задача у насъ выпадаетъ на

---

[1]) Аксельродъ. „Къ вопросу о соврем. задачахъ и тактикѣ русскихъ соц-демократовъ“, 1898 г. стр. 13, 15, 16.

[2]) Еще въ статьяхъ,помѣщенныхъ въ Neue Zeit въ 1892 и 95 гг, П. Аксельродъ показалъ, какъ специфическія условія развитія русскаго государства въ современной международной обстановкѣ создаютъ почву для такого культурнаго подъема народныхъ *низовъ*, котораго не зналъ Западъ въ эпохи буржуазныхъ революцій.

долю демократической интеллигенціи: ее на этотъ путь толкаетъ то же либеральное безсиліе; она не можетъ удовлетвориться «черепашьимъ прогрессомъ», ей претитъ «смиреніе» либераловъ, на знамени ея написанъ лозунгъ—«безпощадная война» съ силами стараго порядка [1]).

Въ чемъ же могутъ заключаться первые шаги интеллигенціи, идущей къ рабочимъ массамъ? Уже Г. Плехановъ въ «Соціалдемократѣ», въ статьяхъ подъ заглавіемъ «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи», и П. Аксельродъ въ «письмѣ», изданномъ на гектографѣ въ 87 г. (оно цитируется въ его печатномъ «письмѣ» въ ред. «Рабочаго дѣла»), на основаніи опыта и наблюденій 70-хъ годовъ указывали, что лучшая почва для первоначальной массовой политической агитаціи у насъ—стихійныя столкновенія между рабочими и предпринимателями, повседневная борьба труда съ капиталомъ. Въ 98 г., въ статьѣ «Историческое положеніе и т. д.» П. Аксельродъ повторяетъ то же самое уже на основаніи новыхъ крупныхъ проявленій стачечнаго движенія въ 95 и 96 гг. и на основаніи первыхъ шаговъ молодыхъ русскихъ соц.-демократовъ, эмпирически пришедшихъ къ сознанію необходимости перехода отъ кружковой пропаганды къ массовой агитаціи на почвѣ ближайшихъ экономическихъ нуждъ [2]). Но Г. Плехановъ и П. Аксельродъ въ 90-хъ г.г. неоднократно указывали, что даже въ первой фазѣ массового рабочаго движенія матеріалъ для политической агитаціи долженъ черпаться *не только* изъ сферы антагонизма рабочихъ съ предпринимателями. Въ дальнѣйшемъ же прямая «аттака на абсолютизмъ» не только явится необходимымъ условіемъ для выполненія пролетаріатомъ его исторической миссіи, какъ авангарда въ борьбѣ за демократію,—она явится также необходимымъ условіемъ для ближайшихъ успѣховъ рабочаго движенія, ибо, говоритъ П. Аксельродъ, «начавши недавно только выдѣляться изъ закрѣпощеннаго государству, малокультурнаго крестьянства, онъ (пролетаріатъ) и теперь еще въ массѣ слишкомъ глубоко тонетъ въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, чтобы быть въ состояніи—въ тискахъ абсолютизма—совершенно самостоятельно, безъ всякой посторонней поддержки, подняться на высоту сознательной революціонной силы»; этой же поддержки пролетаріатъ лишился бы, если бы онъ не выступилъ на борьбу съ абсолютизмомъ, «хотя и подъ классовымъ знаменемъ пролетаріата, но во имя и въ защиту всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ» [3]). Задача привлеченія себѣ союзниковъ изъ другихъ слоевъ населенія есть, такимъ образомъ, одна изъ насущнѣйшихъ для пролетаріата. «Но для воздѣйствія на эти слои», писалъ П. Аксельродъ въ 98 г., «отнюдь нѣтъ необходимости, чтобы соціалдемократы отправились дѣйствовать въ ихъ средѣ. Задача пріобрѣтенія русскими соц.-демократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ среди непролетарскихъ классовъ рѣшается, прежде всего и главнымъ образомъ, характеромъ агитаціонно-пропагандистской дѣятельности въ средѣ *самого пролетаріата*... Указанная задача требуетъ расширенія объема агитаціи и пропаганды вопросами, представляющими собою узловые пункты, въ которыхъ схо-

---

[1]) См. П. Аксельродъ „Историч. положеніе и проч.“ стр 42, 46, 48, 49, 56, 58.

[2]) Ibid, стр. 59.

[3]) См. П. Аксельродъ. „Историческое положеніе и взаимоотношеніе либеральн. и соціальн. демокр. въ Россіи“. Работникъ № 5,—6 стр. 63—64.

дятся и переплетаются интересы какъ пролетаріата, такъ и другихъ классовъ, угнетаемыхъ или тѣснимыхъ абсолютизмомъ и покровительствуемой имъ капиталистической буржуазіей» [1]).

Этимъ намѣчается путь, по которому пролетаріатъ постепенно можетъ возвыситься до роли передового борца за демократію: «Разъ наше рабочее движеніе сознательно пойдетъ по этому пути .. пролетаріатъ станетъ, вмѣсто крестьянства, средоточіемъ ея (демократической интеллигенціи) идеальныхъ интересовъ, стремленій и надеждъ... До сихъ поръ.. крестьянство имѣло какъ бы привиллегію быть спеціальнымъ объектомъ ихъ (общественныхъ учрежденій) заботливости и народолюбія. Но оно играетъ при этомъ роль пассивнаго и безпомощнаго существа, вызывающаго лишь чувство состраданія. Съ пріобрѣтеніемъ же пролетаріатомъ вліянія въ этихъ сферахъ народолюбіе оппозиціонной буржуазіи получитъ... существенно иной характеръ. Импульсы будутъ исходить изъ среды революціоннаго борющагося народнаго класса и станутъ удобной почвой для постояннаго воздѣйствія и своего рода союза между организованнымъ авангардомъ этого класса и передовыми свободомыслящими кругами буржуазіи» [2]). Въ другомъ мѣстѣ П. Аксельродъ изображаетъ ту же перспективу другими словами: «Соціалдемократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, *частью рядомъ и въ союзѣ* съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), а частью же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи» [3]).

Что касается крестьянскихъ массъ, о которыхъ П. Аксельродъ здѣсь не упоминаетъ, то онѣ, по неоднократно высказанному имъ и Г. Плехановымъ мнѣнію въ періодъ существованія «Гр. Осв. Тр.», на самостоятельное политическое движеніе, вѣроятно, не будутъ способны и пойдутъ за рабочей партіей, поскольку таковая сложится въ дореволюціонную эпоху. Возможности же, что крестьяне пойдутъ за народниками, что революціонное народничество еще разъ воскреснетъ въ новой формѣ и еще разъ сыграетъ извѣстную роль въ исторіи, «Гр. Осв. Тр.» не предвидѣла въ 90 гг., когда марксизмъ отвоевалъ у народничества всѣ позиціи.

Изображая въ разсматриваемыхъ статьяхъ возможную будущую роль пролетаріата, П. Аксельродъ, какъ мы видѣли, представлялъ себѣ дѣло такъ, что отъ рабочей партіи будутъ исходить главные импульсы революціи, что она будетъ непосредственно руководить движеніемъ болѣе революціонныхъ и демократическихъ слоевъ населенія и будетъ извнѣ поддерживать и толкать впередъ болѣе умѣренныя фракціи имущей оппозиціи, вступая съ ними въ тѣ или иныя соглашенія въ цѣляхъ общаго натиска на абсолютизмъ. О внутреннихъ конфликтахъ внутри общенаціональнаго освободительнаго движенія онъ въ этихъ статьяхъ не говоритъ. Неизбѣжность такихъ конфликтовъ, особенно въ разгаръ рево-

---

[1]) Ibid стр. 16, 17.

[2]) Ibid. Стр. 16, 17.

[3]) См. П. Аксельродъ. „Истор. положеніе и т. д.“ „Работникъ“, № 5—6, стр. 65, 66,

[4]) См. П. Аксельродъ. „Къ вопросу о совр. зад. и т. д. стр. 20.

люціи, была, конечно, аксіомой какъ для П. Аксельрода, такъ и для Г. Плеханова. Объ этомъ П. Аксельродъ говорилъ въ 89 г. въ популярной брошюрѣ «Задачи рабочей интеллигенціи въ Россіи»; въ виду этихъ неизбѣжныхъ конфликтовъ онъ началъ борьбу съ такъ наз. «экономизмомъ» съ перваго же момента его зарожденія; въ виду этого же, наконецъ, «Гр. Осв. Тр.» съ самаго начала своего существованія настаивала на неизбѣжности образованія элементовъ *самостоятельной* рабочей партіи. И уже изъ статьи «Истор. полож. и пр.» можно было усмотрѣть, при какихъ условіяхъ эти конфликты возникнутъ. Какъ мы видѣли, П. Аксельродъ указывалъ, что сама борьба пролетаріата съ капиталистической буржуазіей толкнетъ послѣднюю въ будущемъ на путь оппозиціи подъ знамя либерализма. Но если пріобщеніе капиталистической буржуазіи къ освободительному движенію должно было значительно усилить шансы его побѣды, то, съ другой стороны, это же неизбѣжно должно было сопровождаться усиленіемъ борьбы и внутри общенаціональной оппозиціи, хотя бы по тому одному ужъ, что нашъ пролетаріатъ извлекалъ свои первые политическіе уроки именно изъ своей борьбы съ капиталомъ.

Таковы были рамки, въ которыхъ въ то время, въ 90 гг., «Группѣ Осв. Тр.» рисовалась перспектива гегемоніи или руководящей роли пролетаріата. И объ этой гегемоніи рѣчь шла, какъ объ исторической возможности, которая можетъ претвориться въ дѣствительность лишь при двухъ условіяхъ: если пролетаріатъ будетъ вести борьбу подъ знаменемъ соціалъ-демократіи и если соц.-демократія будетъ на высотѣ своихъ задачъ. «Двѣ крайности,» писалъ П. Аксельродъ въ 98 г., могутъ угрожать нашему рабочему движенію. «Во первыхъ, если бы это движеніе не вышло изъ колеи частныхъ столкновеній рабочихъ съ отдѣльными предпринимателями,—это лишило бы его всякаго политическаго интереса... Но быть можетъ еще хуже была бы другая крайность. Я имѣю въ виду тотъ случай, еслибъ наше рабочее движеніе, увлеченное бакунистскими и бланкистскими теченіями, поставило бы своей *непосредственной* практической цѣлью анархическую или коммунистическую революцію. На практикѣ оно выразилось бы тогда въ безпорядкахъ, легкомысленно вызываемыхъ стачкахъ, сопровождающихся насиліями, и силы пролетаріата были бы, такимъ образомъ, растрачены понапрасну... Что касается первой крайности, то отъ нея мы застрахованы . . . режимомъ. А предохранить наше рабочее движеніе отъ вліяніи бакунистовъ и бланкистовъ есть прямая обязанность господствующихъ въ немъ соц.-демократическихъ элементовъ» [1]).

II. 90-ые годы.

Схема и дѣйствительность. Недооцѣнка девятидесятниками тормазовъ экономическаго развитія Россіи и общенаціональнаго характера наростающаго движенія. Расцвѣтъ „экономизма". Поворотъ союзниковъ соц.-демократіи къ идеализму.

«Гр. Ос. Т.», опираясь на уроки потерпѣвшаго пораженіе «самобытнаго» движенія 70 гг. и на опытъ передовыхъ европейскихъ странъ, намѣтила главныя вѣхи революціоннаго развитія Россіи и вытекающія отсюда основныя проблемы русской соц.-демократіи. Дѣйствительность, въ общемъ и цѣломъ, вполнѣ подтвердила вѣрность ея представленія о *направленіи* революціоннаго развитія.

[1]) См. П. Аксельродъ. „Истор. полож. и пр." стр. 67.

Но развитіе шло въ этомъ направленіи туго, ощупью, окольными путями. Русская соціалдемократія не совсѣмъ избѣгла участи своихъ собратьевъ—необходимости учиться, преимущественно, на собственномъ опытѣ и отчасти на собственныхъ ошибкахъ.

Уже тѣ самыя историческія условія, которыя дали основаніе П. Аксельроду въ 90-хъ г. г. говорить о возможности революціонной гегемоніи русскаго пролетаріата, заключали въ себѣ оборотную сторону медали. Наличность развитой индустріи и ея спутника—промышленныхъ рабочихъ, воспріимчивыхъ для современныхъ соціалистическихъ идей, съ одной стороны, крайне отсталая національная общественная обстановка, съ другой, дѣлали нашъ рабочій классъ главнымъ рычагомъ развитія революціи. Отсталость общественныхъ отношеній, неразвитость городовъ, политическая незрѣлость капиталистической буржуазіи, полунатуральный бытъ милліоновъ крестьянъ-общинниковъ—все это благопріятствовало привлеченію къ борющемуся пролетаріату симпатій все болѣе и болѣе широкихъ слоевъ населенія порабощенной страны. Но тѣ же условія лишали его въ борьбѣ *самостоятельно организованныхъ* союзниковъ изъ буржуазныхъ классовъ. А это обстоятельство не только значительно ослабило силу общенароднаго натиска на старый порядокъ, стихійно ускореннаго японской войной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно замедлило процессъ классового самоопредѣленія самого пролетаріата въ предреволюціонную эпоху.

Благодаря политической недифференцированности и аморфности населенія, на долю русской интеллигенціи въ истекшую эпоху выпала еще разъ самодовлѣющая и очень выдающаяся политическая роль. Принадлежа по своему соціальному положенію къ буржуазной демократіи, русская разночинная интеллигенція, благодаря политической недифференцированности населенія, выступала наканунѣ революціи, по-прежнему, какъ главная сознательная носительница революціонныхъ интересовъ націи, и, какъ таковая, она, при тогдашнихъ условіяхъ, въ массѣ своей неизбѣжно тяготѣла къ пролетарскому или «трудовому» соціализму. На Западѣ пролетаріатъ вовлекался въ политическую жизнь отчасти соціалистическими выходцами изъ буржуазной среды, отчасти явными буржуазными радикалами. У насъ эту задачу выполняла только первая категорія интеллигенціи, и потому, въ общемъ, она выполнялась въ Россіи болѣе безкорыстно.

Но это же имѣло и невыгодныя стороны. При всемъ своемъ безкорыстіи, при всей своей самоотверженности соціалистическая интеллигенція въ массѣ не могла вытравить свою соціальную природу. Поэтому оказалось, что въ 90-хъ годахъ подъ общимъ марксистскимъ флагомъ складывалась цѣлая новая формація будущихъ буржуазныхъ либераловъ, а въ 900-хъ г. г. подъ тѣмъ же марксистскимъ флагомъ скрывались тенденціи, подчасъ чисто радикально-демократическія. Исторія, такимъ образомъ, долго маскировала неизбѣжный процессъ политической дифференціаціи населенія, а это, съ одной стороны, замедляло высвобожденіе пролетаріата изъ-подъ непосредственнаго вліянія революціонной буржуазной демократіи, съ другой, осложняло необходимыя для успѣха революціи временныя и условныя коалиціи революціоннаго пролетаріата съ широкими и вліятельными слоями оппозиціонной буржуазіи. Россія не избѣгла иллюзіи, которая не мало

вреда принесла во Франціи и Германіи наканунѣ революцій 19 вѣка: у насъ, какъ и тамъ, почти все радикальное казалось соціалистическимъ, и наоборотъ, всѣ элементы, чуждающіеся соціализма, сваливались преждевременно въ одну сплошную реакціонную или контр-революціонную массу. Въ результатѣ получилось то, что хотя пролетаріатъ до 1905 года включительно и былъ центральной фигурой освободительнаго движенія, а марксизмъ наиболѣе вліятельнымъ революціоннымъ теченіемъ, однако, рабочая партія въ полномъ смыслѣ этого слова и до сихъ поръ не успѣла еще сложиться; рабочій же классъ, если и не былъ у насъ лишь боевой силой, какъ на Западѣ, *наканунѣ и во время* буржуазныхъ революцій, то и не проявилъ все же той степени сознательности и самостоятельности, которая давала бы право говорить о гегемоніи пролетаріата въ истекшій періодъ. Послѣ 1905 г. это положеніе начало быстро мѣняться. Сильно подвинувшаяся впередъ за время революціи и контръ-революціи политическая дифференціація страны создала, наконецъ, съ этой стороны благопріятныя условія для болѣе всесторонняго классоваго самоопредѣленія пролетаріата и для организаціи массовой рабочей партіи; но за то пережитыя уже разъ острыя столкновенія пролетаріата съ буржуазіей въ будущемъ ставятъ относительно болѣе тѣсныя границы для воздѣйствія пролетаріата на другіе классы, хотя, конечно, при господствующемъ у насъ режимѣ до изолированности зап. европейскаго пролетаріата намъ еще очень и очень далеко.

Этимъ не ограничиваются препятствія, которыя исторія ставила практическому осуществленію первоначальныхъ схемъ русскаго марксизма. Та же безформенность и соціально-политическая отсталость Россіи, о которой мы выше говорили, имѣла своимъ послѣдствіемъ бѣдность политической жизни страны въ предреволюціонную эпоху, несмотря на быстрое наростаніе революціоннаго настроенія. Эта бѣдность политической жизни не могла быть возмѣщена относительно благопріятными условіями для культурнаго подъема нашихъ «низовъ». Вслѣдствіе этого, въ соц.-демократическомъ движеніи минувшаго періода содержаніе агитаціи роковымъ образомъ отставало отъ содержанія пропаганды, и вся соц.-демократическая практика вообще отличалась въ значительной мѣрѣ элементарностью, упрощенностью и односторонностью, вопреки сложности задачъ, стоявшихъ передъ соц.-демократіей. На этой почвѣ въ 90-хъ г. г., въ періодъ промышленнаго подъема и слабыхъ зачатковъ политическаго оживленія, въ движеніи укрѣпился такъ наз. «экономизмъ», а въ слѣдующій періодъ промышленнаго кризиса, войны и кануна революціонныхъ бурь — такъ назыв. «большевизмъ»,—два направленія, съ внѣшней стороны противоположныя, но тѣмъ не менѣе, по существу весьма родственныя: и то, и другое направленіе культивировали больше боевое настроеніе рабочихъ массъ, нежели ихъ политическую сознательность и самостоятельность, и то, и другое имѣли много общаго съ традиціоннымъ русскимъ бунтарствомъ...

Эти бѣглыя общія замѣчанія необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки того направленія, которое принялъ русскій марксизмъ въ срединѣ 90 гг., когда онъ впервые изъ теоретическаго исповѣданія небольшой группы соц.-демократовъ превратился въ широкое общественное движеніе.

* * *

Двѣ очередныхъ задачи стояли въ то время передъ молодой русской соц.-демократіей: во 1-хъ, развить въ большомъ масштабѣ и съ открытой легальной трибуны ту идейную борьбу съ народничествомъ, которую до того велъ за рубежомъ Г. В. Плехановъ, и, такимъ образомъ, завоевать для марксизма тѣ важныя позиціи въ литературныхъ и вообще интеллигентныхъ кругахъ, которыми до того безраздѣльно владѣли народники; во 2-хъ, проложить для марксистовъ первые пути къ рабочимъ массамъ. Обѣ эти трудныя задачи съ успѣхомъ были выполнены соц.-демократическимъ поколѣніемъ 90-хъ гг., и въ этомъ его крупный активъ. Но подъ вліяніемъ указанныхъ выше условій, подъ вліяніемъ неоформленности политической жизни и замаскированности ея тенденцій, уже одно энергичное преслѣдованіе неотложныхъ задачъ сегодняшняго дня въ сознаніи девятидесятниковъ значительно суживало и упрощало и безъ того смутное, абстрактное представленіе о задачахъ ближайшаго будущаго и тѣмъ самымъ обрекало движеніе на скачки и зигзаги.

Русская марксистская мысль 90-хъ годовъ преимущественно работала въ плоскости «экономики» и недаромъ: въ «экономикѣ» лежалъ ключъ къ рѣшенію наиболѣе злободневныхъ вопросовъ русской политической жизни. Молодое поколѣніе марксистовъ девятидесятниковъ переживало еще разгаръ борьбы съ народнической самобытной теоріей экономическаго развитія Россіи. В. В., Ник—онъ и другіе народники доказывали, что капитализмъ, а стало быть, и рабочее движеніе, не можетъ въ Россіи развиваться, потому что онъ, разоривъ крестьянство, разрушаетъ свой собственный внутренній рынокъ, а новые внѣшніе рынки Россіи уже недоступны, приэтомъ они ссылались на якобы марксистскую теорію кризисовъ, а въ дѣйствительности на теорію мелкобуржуазныхъ утопистовъ, вродѣ Сисмонди. Молодые марксисты 90-хъ г. г., Ильинъ (Ленинъ), Булгаковъ, Туганъ-Барановскій, Струве и др., продолжая нить разсужденій Плеханова въ рядѣ статей и спеціальныхъ изслѣдованій, опровергали и опровергли эти народническіе предразсудки, но они въ пылу борьбы упростили вопросъ и, рѣшая его прямолинейно, доказывали больше, чѣмъ требовалось доказать.

Существуютъ «двѣ теоріи кризисовъ»... писалъ Ильинъ (Ленинъ) въ 1899 году. «Первая объясняетъ ихъ противорѣчіемъ между производствомъ и потребленіемъ рабочаго класса, а вторая...—противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства и частнымъ характеромъ присвоенія»..., т. е. «безпорядочнымъ производствомъ» [1]). Вмѣсто того, чтобы искать причину кризисовъ въ сочетаніи *обоихъ* указанныхъ противорѣчій, В. Ильинъ рѣшительно отвергаетъ связь между первымъ и кризисами [2]) и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что вопросъ о внѣшнемъ рынкѣ не имѣетъ абсолютно ничего общаго съ вопросомъ о реализаціи [3]) товаровъ въ капиталистическомъ обществѣ. В. Ильинъ,

---

[1]) См. В. Ильинъ: „Экономическіе этюды. Къ характеристикѣ эконом. романтизма", стр. 30.

[2]) Ibid., стр. 12, 15, 29.

[3]) Ibid. стр. 26.

Булгаковъ, Т. Барановскій [1])—ссылались приэтомъ на теорію реализаціи, данную Марксомъ во 2-мъ томѣ Капитала. Однако, эти ссылки доказывали только, что всѣ они далеко еще не усвоили революціоннаго діалектическаго метода мышленія Маркса. Марксъ во 2-мъ томѣ Капитала въ извѣстныхъ «схемахъ» далъ лишь *статику* обмѣна, *условія его равновѣсія*. Но специфическая задача Маркса вообще, какъ «критика политической экономіи», заключалась въ установленіи законовъ *экономической динамики*. Этихъ законовъ динамики обращенія капиталовъ Марксъ не далъ во 2-мъ томѣ по той простой причинѣ, что онъ, какъ извѣстно, не успѣлъ закончить свою работу. И если бы наши девятидесятники ввели въ условія равновѣсія обмѣна элементъ динамическій — послѣдовательное измѣненіе органическаго состава капитала и послѣдовательное увеличеніе нормы накопленія, — то они въ *самыхъ условіяхъ равновѣсія* [2]) открыли бы причину, почему это логически *возможное* равновѣсіе въ капиталистическомъ обществѣ должно *фактически* осуществляться путемъ его нарушенія, путемъ кризисовъ, возникающихъ на почвѣ противорѣчій между *безграничнымъ* стремленіемъ къ накопленію, съ одной стороны, и *относительнымъ* сокращеніемъ потребленія рабочихъ массъ, съ другой. Анархія производства, которую признавали Ильинъ и его товарищи, есть только та *почва* товарнаго хозяйства, на которой, по мѣрѣ развитія капитализма, развивается противорѣчіе «между производствомъ и потребленіемъ». И именно послѣднее является *непосредственной* причиной обостренія классоваго антагонизма, оно же является *непосредственной* причиной кризисовъ, въ немъ ярче всего обнаруживается противорѣчіе между развитіемъ производительныхъ силъ и устарѣлыми имущественными отношеніями, ведущее къ крушенію капитализма. Тѣ, которые отрицаютъ противорѣчіе «между производствомъ и потребленіемъ», должны логически придти къ бернштейніанской теоріи притупленія классовой борьбы и органическаго развитія къ соціализму. И характерно, что даже Ильинъ, бывшій и оставшійся ортодоксальнымъ марксистомъ, до этого уже почти договаривался въ указанной статьѣ: «чѣмъ быстрѣе ростъ богатства... *тѣмъ лучше положеніе рабочихъ*» [3]), заявляетъ онъ, не оговариваясь, что оно часто лучше абсолютно, но всегда относительно хуже. «Чѣмъ дольше развивается это противорѣчіе (анархія производства А. М.), *тѣмъ легче выходъ изъ него*», говоритъ онъ тамъ же, не оговариваясь, что этотъ «легкій» выходъ заключается въ «тяжелыхъ катастрофахъ»... Девятидесятники очутились въ области теоріи на покатой плоскости. А между тѣмъ многіе изъ нихъ въ то время, и особенно В. Ильинъ, *сознательно* вовсе не стремились доказать смягченіе противорѣчій и классовой борьбы въ капиталистическомъ обществѣ. Напротивъ того, В. Ильинъ, напр., въ 95 году самъ критиковалъ Струве именно за эту оппортунистическую тенденцію [4]).

---

[1]) См. Булгаковъ, „Теорія рынковъ". Туг.-Барановскій, „Промышленные кризисы".

[2]) Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ здѣсь останавливаться на этомъ интересномъ вопросѣ.

[3]) См. В. Ильинъ, „Эконом. этюды. Къ характеристикѣ экономич. романт.", стр. 13, 33, 34.

[4]) См. В. Ильинъ, „За 12 лѣтъ". „Эконом. содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве".

Наши молодые марксисты 90-хъ годовъ сбились съ пути въ толкованіи марксистской теоріи кризисовъ исключительно потому, что имъ хотѣлось доказать *полную* независимость судебъ русскаго капиталистическаго производства отъ сокращенія крестьянскаго потребленія, отъ крестьянскаго раззоренія, о которомъ говорила народническая литература. Для защиты этого ложнаго, односторонняго взгляда Туг.-Барановскій, напр., въ своей «Фабрикѣ» привелъ діаграмму, якобы свидѣтельствующую о независимости русскихъ промышленныхъ кризисовъ отъ колебаній урожая. Но уже въ дебатахъ въ Вольно-Эконом. Обществѣ по поводу его доклада ему было указано Касперовымъ, что его же собственная діаграмма доказываетъ противоположное, а именно: въ 12 случаяхъ эта зависимость установлена, и лишь въ 8 случаяхъ ея не видно[1]).

Въ узкомъ, одностороннемъ пониманіи коренного соціальнаго вопроса русской переходной эпохи—аграрнаго вопроса, острота котораго маскировалась промышленнымъ подъемомъ 90-хъ годовъ, лежитъ источникъ экономическихъ заблужденій тогдашняго поколѣнія марксистовъ. Оспаривая ложное утвержденіе народниковъ, что капитализмъ въ Россіи мертворожденный, наши марксисты девятидесятники, перегибая лукъ, почти устраняли съ своего поля зрѣнія тѣ препятствія, которыя наша полукрѣпостническая обстановка ставитъ развитію капитализма, особенно въ деревнѣ. Тѣмъ самымъ въ ихъ представленіи суживался размахъ грядущаго русскаго переворота и затушевывался его радикальный соціальный характеръ. Г. Плехановъ и П. Аксельродъ, какъ мы уже говорили, въ 90-хъ гг. подчеркивали, что полукрѣпостническая соціально-политическая обстановка, въ которой развивается русскій капитализмъ, ведетъ къ тому, что крестьянство наше не только раскалывается, пролетаризируется, но въ значительной степени равномѣрно пауперизируется, нищаетъ. На почвѣ этого «всероссійскаго раззоренія» въ деревнѣ, рядомъ съ нарождающимся антагонизмомъ между батраками и сельской буржуазіей, долженъ былъ обостряться другой, старый антагонизмъ—между крестьянствомъ въ цѣломъ, между крестьянскимъ *сословіемъ*, и всѣмъ нашимъ крѣпостническимъ строемъ. Впослѣдствіи, въ 1903 г., П. Масловъ, въ своей книгѣ «Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи» обстоятельно развилъ экономическую сторону этого вопроса. Онъ разработалъ съ марксистской точки зрѣнія теорію борьбы продовольственной и капиталистической ренты *въ обстановкѣ развитого товарнаго обращенія* Россіи. На основаніи этой теоріи онъ объяснилъ, почему въ Россіи, *благодаря расхищенію производительныхъ силъ* страны, въ огромныхъ районахъ, въ связи съ отсутствіемъ городского и отдаленностью иностраннаго рынка и съ низкими цѣнами на хлѣбъ (весь черноземный центръ), продольственное крестьянское хозяйство *выживаетъ* въ борьбѣ съ капиталистическимъ цѣною общаго «уравнительнаго» упадка крестьянскаго хозяйства; онъ объяснилъ, почему въ этихъ районахъ рядомъ съ быстрой дифференціаціей *крестьянъ* происходитъ нищенская нивеллировка крестьянскаго земледѣльческаго *хозяйства*. Но въ 90-хъ гг. эти взгляды были чужды почти всѣмъ нашимъ молодымъ марксистамъ

---

1) См. Статистистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи. Докладъ члена Вол. Эк. Общ. Туг.-Барановскаго. и пренія. 1898 г., стр. 37 и др.

(за исключеніемъ отчасти П. Струве). Наши девятидесятники, вмѣсто того, чтобы дать марксистскую оцѣнку обнищанія крестьянъ (не смѣшивать съ пролетаризаціей) въ значительной части Россіи, просто отвергали этотъ фактъ. Лучше всего это можно прослѣдить на работахъ нашего главнаго теоретика аграрнаго вопроса 90-хъ гг., Ильина, книга котораго «Развитіе капитализма въ Россіи», при всѣхъ ея недостаткахъ, составила крупный вкладъ въ нашу экономическую литературу. Въ указанной выше статьѣ противъ Струве В. Ильинъ справедливо обвиняетъ Струве въ томъ, что тотъ въ своихъ «Критическихъ Замѣткахъ» затушевываетъ классовый антагонизмъ между зарождающимися въ деревнѣ пролетаріатомъ и буржуазіей. Но приэтомъ онъ, въ противоположность Струве, самъ затушевываетъ другое противорѣчіе—между интересами капиталистическаго развитія въ цѣломъ и господствующими у насъ въ деревнѣ имущественными отношеніями. «Но г. Струве», пишетъ онъ иронически, «и тутъ не могъ обойтись безъ своего мальтузіанства; въ указанномъ процессѣ (въ развитіи классового антагонизма въ деревнѣ, А. М.), по его мнѣнію, выражается лишь *одна сторона* дѣла («только прогрессивная сторона»), рядомъ съ которой есть и другая: техническая нераціональность всего крестьянскаго хозяйства; въ ней выражается, такъ сказать, регрессивная сторона всего процесса», она «нивеллируетъ» крестьянство, сглаживаетъ неравенство, дѣйствуя въ связи съ ростомъ населенія» [1]). На эту «другую сторону», отмѣченную П. Струве, Ильинъ, какъ и другіе марксисты—девятидесятники, систематически закрывали глаза. По поводу фразы Струве, что «во всякомъ случаѣ, недостаточное производство—основной, доминирующій фактъ нашего народнаго хозяйства», В. Ильинъ заявляетъ: «совершенно голословно»..: почему «основнымъ, доминирующимъ фактомъ» не является то, что крестьянство, какъ цѣлое, есть фикція, ибо (?!) внутри его складываются враждебные классы» [2]). Итакъ, Ильинъ объявляетъ «доминирующимъ фактомъ» для Россіи, задыхающейся еще въ полукрѣпостнической обстановкѣ, лишь ту борьбу съ капиталомъ, которая заполняетъ жизнь развитыхъ капиталистическихъ странъ, и, такимъ образомъ, однимъ росчеркомъ пера устраняетъ одну изъ главныхъ соціальныхъ пружинъ русской буржуазной революціи. Правда, въ своей книгѣ «Развитіе капитализма въ Россіи», вышедшей въ 1899 г., такъ же впрочемъ, какъ и въ указанной статьѣ противъ Струве, Ильинъ говоритъ объ экономически реакціонной роли «остатковъ крѣпостничества» въ деревнѣ. Но онъ подъ этими остатками крѣпостничества понимаетъ не все крѣпостное наслѣдіе прошлаго, не всю совокупную національную обстановку русской жизни, тормозящую развитіе нашего капиталистическаго сельскаго хозяйства. Онъ видитъ проявленіе этихъ особенностей лишь въ частностяхъ, вродѣ «отработочной формы» аренды, которую онъ самъ же характеризуетъ, какъ нѣчто быстро преходящее, какъ естественную переходную стадію отъ барщиннаго помѣщичьяго хозяйства къ капиталистическому. Приэтомъ онъ констатируетъ, что въ помѣщичьемъ хозяйствѣ капиталистическая аренда уже теперь преобла-

---

1) См. В. Ильинъ, „За 12 лѣтъ", стр. 107.
2) Ibid стр. 97, 98.

даетъ надъ отработочной [1]). Что же касается самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, т. е. хозяйства крестьянъ на надѣльной и купчей землѣ, то онъ доказываетъ, что въ Россіи уже теперь *повсемѣстно* 20% крестьянскихъ дворовъ должны быть зачислены въ буржуазію, а 40% дворовъ пролетаризированы, причемъ онъ въ разсчетахъ оперируетъ исключительно съ понятіемъ «крестьянскій дворъ», а между тѣмъ, какъ это было указано въ литературѣ, по общему правилу, богатые крестьянскіе дворы—многосемейны, а бѣдные—малосемейны, обстоятельство, которое можетъ внести болѣе или менѣе существенное измѣненіе въ экономическую картину, нарисованную Ильинымъ [2]).

Читатель видитъ, что Ильинъ, какъ и большинство девятидесятниковъ, плохо понималъ основное экономическое противорѣчіе современной Россіи. Отсюда, между прочимъ, должно было вытекать непониманіе специфическаго характера, которымъ должно было отличаться крестьянское движеніе, если бы оно разыгралось, и которымъ оно, какъ мы теперь знаемъ, дѣйствительно отличалось въ 1905 и 1906 годахъ.

Тутъ кстати будетъ указать на связь между этими взглядами и первой аграрной программой русской с.-демократіи, съ ея требованіемъ «возвращенія отрѣзковъ». Ленинъ былъ авторомъ проекта аграрнаго отдѣла программы 1902 г., этотъ проектъ въ значительно исправленномъ видѣ былъ принятъ всей старой коллегіей редакціи «Искры». Однако, члены «Гр. Осв. Труда», какъ мы увидимъ, при выработкѣ аграрной программы 1902 г., исходили изъ принципіально отличныхъ соображеній, чѣмъ Ленинъ. Какъ видно изъ комментарія Ленина къ аграрной программѣ, онъ въ 1902 г. уже до извѣстной степени усвоилъ взглядъ Плеханова и Аксельрода на особенность историческаго положенія современнаго русскаго крестьянства, но только до извѣстной степени. Мотивируя въ полемикѣ со мною и попутно съ Р. Люксембургъ требованіе возвращенія отрѣзковъ, Ленинъ писалъ въ 1902 г.: «наши крестьянскія требованія... должны быть сообразованы не съ тѣмъ, *достижимы* ли они при данномъ соотношеніи силъ, а съ тѣмъ, *совмѣстимы* ли они съ существующимъ общественнымъ строемъ и способно ли проведеніе ихъ облегчить классовую борьбу пролетаріата»; «такъ и въ крестьянскихъ требованіяхъ наше дѣло опредѣлить на основаніи научныхъ данныхъ—*максимумъ* (курсивъ Ленина) этихъ требованій» [3]). Итакъ, еще въ 1902 г. Ленинъ полагалъ, что возвращеніе крестьянамъ «отрѣзныхъ земель» есть максимумъ того, что можетъ быть завоевано революціей безъ нарушенія интересовъ общественнаго, т. е. при наличныхъ условіяхъ, капиталистическаго развитія и безъ нарушенія интересовъ классовой борьбы пролетаріата. Еще въ 1902 г. Ленинъ думалъ, стало быть, что полная экспропріація крупнаго земле-

---

[1]) См. В. Ильинъ, „Развитіе капитализма въ Россіи".

[2]) См. Н. Черненковъ, „Къ характеристикѣ крестьян. хозяйства".

Если бы Ильинъ ввелъ въ разсчетъ численный составъ крест. двора, то во 1) % буржуазіи получился бы меньшій, во 2) обнаружилось бы, что онъ подчасъ приписываетъ капит. характеръ такому хозяйству, которое носитъ еще всѣ слѣды старой семейной общины, находящейся въ процессѣ разложенія.

[3]) См. Заря № 4, „Агр. прогр. рус. соц.-дем." Н. Ленина, стр. 63.

владѣнія была бы мѣрой экономически реакціонной въ Россіи [1]). Принципіально иначе смотрѣла на значеніе требованія возвращенія отрѣзковъ «Группа Освоб. Труда». По мотивировкѣ Г. В. Плеханова, именно только «соотношеніе силъ» даннаго момента, т. е. тактическія соображенія—опасность контръ-революціонной коалиціи буржуазныхъ классовъ противъ радикальныхъ аграрныхъ требованій, при отсутствіи въ данное время дѣйствительно сильнаго крестьянскаго движенія для ихъ поддержки, обязывала соціалъ-демократію воздержаться отъ внесенія въ программу полной экспропріаціи. При благопріятномъ же измѣненіи соотношенія силъ и при развитіи революціоннаго движенія крестьянъ, онъ, Г. Плехановъ, считалъ возможнымъ и цѣлесообразнымъ расширить требованія вплоть до полной экспропріаціи, нисколько не опасаясь, что это повредитъ развитію капитализма. Приэтомъ онъ, сознательно не дѣлая въ то время изъ экспропріаціи боевого лозунга, въ то же время по-прежнему [2]) не скрывалъ своего взгляда на этотъ счетъ и, одновременно съ Ленинымъ, далъ въ «Зарѣ» *свой* комментарій къ аграрной программѣ, принципіально расходящійся съ Ленинскимъ.

Обостреніе противорѣчія между развивающимся капиталистическимъ производствомъ и отсталыми имущественными и правовыми отношеніями, противорѣчія, главный узелъ котораго завязанъ въ закабаленной деревнѣ— такова экономическая пружина нашей надвигающейся буржуазной революціи, говорили Г. Плехановъ и П. Аксельродъ въ 90-хъ гг. Но молодые соц.-демократы 90-хъ гг., какъ мы указывали выше, всей остроты этого противорѣчія не видѣли. Они не дооцѣнивали значенія аграрнаго вопроса въ Россіи, а съ этимъ логически связана была недооцѣнка размаха и общенаціональнаго характера грядущей революціи. Именно закабаленность и обнищаніе деревни должны были при данныхъ условіяхъ, раньше или позже, революціонизировать крестьянъ, это же, тормазя развитіе капитализма, должно было раньше или позже увлечь и буржуазію на путь оппозиціи. Естественно, что съ односторонней оцѣнкой экономической дѣйствительности у девятидесятниковъ тѣсно связанъ былъ неправильный взглядъ ихъ на возможную революціонную роль разныхъ общественныхъ классовъ въ Россіи.

На Лондонскій интернаціональный соціалистическій конгрессъ 1896 г. русскіе соціалъ-демократы, делегированные десятью городами, представили привезенный изъ Россіи докладъ о нашемъ рабочемъ движеніи съ приложеніемъ— «Аграрный вопросъ и соціальная демократія въ Россіи». Въ этомъ оффиціальномъ документѣ, въ «Приложеніи» къ докладу делегаціи, мы читаемъ: «Аграрный вопросъ и практическое отношеніе къ нему становится настоятельнымъ дѣломъ для соціалъ-демократіи, когда промышленное населеніе, этотъ историческій носитель рабочаго соціализма, является *уже насыщеннымъ соціалистическими*

---

[1]) Долженъ сказать pro domo sua, что у меня лично, подъ вліяніемъ той же марксистской литературы 90-хъ годовъ, въ то время „неосновательныя опасенія“ шли еще гораздо дальше. Впрочемъ, нашу самобытную теорію кризисовъ я и тогда уже рѣзко осудилъ въ статьѣ, которая по случайнымъ причинамъ не появилась въ печати.

[2]) См. Г. Плехановъ, „Соціализмъ и полит. борьба“ и его же „О задачахъ соц. въ борьбѣ съ голодомъ“.

идеями. Мы же переживаемъ еще самое начало движенія, когда идеѣ классовой борьбы предстоитъ еще завоевать большинство населенія, занятаго въ крупной промышленности» [1]).

Читатель видитъ изъ этихъ словъ, что молодые соціалъ-демократы 90-хъ гг., отождествляли аграрный вопросъ въ Россіи и на Западѣ, что они не видѣли его особенностей у насъ въ странѣ, находящейся еще наканунѣ буржуазной революціи, и, соотвѣтственно этому, отсрачивали «настоятельность» самой постановки его до кануна соціалистической революціи. Неудивительно потому, что приведенный «докладъ» приходитъ къ весьма тощимъ практическимъ выводамъ въ этой борьбѣ: «задача ея (русской соціалъ-демократіи) въ этой области (аграрныхъ отношеній) сводится, главнымъ образомъ, къ борьбѣ противъ реакціонныхъ поползновеній, имѣющихъ цѣлью задержать ростъ силы пролетаріата» [2]).

То же недостаточное пониманіе исторической особенности нашего положенія обнаруживаетъ другой, еще болѣе оффиціальный с.-дем. документъ того времени,— «Манифестъ Россійской Соц.-дем. Раб. Партіи», изданный въ 1898 г. «Манифестъ» говоритъ: «чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя, политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата. На своихъ крѣпкихъ плечахъ русскій рабочій классъ долженъ вынести и вынесетъ дѣло завоеванія политической свободы». Манифестъ устанавливаетъ поверхностный эмпирическій законъ. Онъ принимаетъ во вниманіе лишь то, что на буржуазію въ запоздалыхъ восточныхъ революціяхъ *реакціонно* дѣйствуетъ развитое соціалистическое движеніе пролетаріата на западѣ. Онъ не принимаетъ во вниманіе, что на нее *революціонно* дѣйствуетъ развитой деспотизмъ и крѣпостничество на Востокѣ. Поэтому онъ совершенно отождествляетъ судьбы либерализма въ современной Россіи наканунѣ революціи съ его судьбами въ современномъ Западѣ послѣ революціи, поэтому же онъ не только не задается вопросомъ объ отношеніи пролетаріата къ будущему оппозиціонному и революціонному движенію тѣхъ или другихъ буржуазныхъ элементовъ общества; онъ, вообще, объ этомъ движеніи ни словомъ не упоминаетъ и изображаетъ предстоящую революціонную борьбу пролетаріата, какъ совершенно *изолированную*.

Логически политическіе взгляды девятидесятниковъ вытекали изъ ихъ экономическаго анализа русской дѣйствительности. *Фактически*, конечно, на самомъ этомъ анализѣ отразилась лишь соціально-политическая обстановка нашего движенія въ 90-хъ годахъ,—во-первыхъ, самый промышленный подъемъ, связанный съ быстрыми успѣхами капитализма; во-вторыхъ, еще полное почти въ то время отсутствіе политически дифференцированныхъ непролетарскихъ теченій въ освободительномъ лагерѣ. Неизбѣжное возникновеніе наканунѣ революціи разныхъ самостоятельныхъ политическихъ движеній въ непролетарскихъ классахъ маскировалось тѣмъ, что въ Россіи, благодаря отсталости общественныхъ отношеній, эта дифференціація обнаружилась первоначально не въ движеніи самихъ этихъ классовъ, а въ движеніи ихъ идеологовъ, въ движеніи

---

[1]) См. Докладъ рус. соц.-дем. междунар. раб. соціал. конгр. въ Лондонѣ въ 1896 г. Изданіе „Союза Русск. соц.-дем." стр. 29.

[2]) См. тамъ же, стр. 32.

интеллигенціи; въ 90-хъ же годахъ даже и въ интеллигенціи еще мирно сосуществовали подъ общимъ флагомъ будущіе либералы и соц.-демократы. Чтобы при такихъ условіяхъ уже въ то время открыть зачатки этой дифференціаціи, необходимо было оцѣнить правильно роль интеллигенціи въ русской политической жизни и зорко слѣдить за совершающимися въ ней молекулярными процессами. Но тогдашнее поколѣніе марксистовъ изъ реакціи противъ народниковъ вмѣсто того, чтобы матеріалистически объяснить «роль личности» въ исторіи, склонно было ее просто игнорировать и, соотвѣтственно этому, разсматривать интеллигенцію, какъ ничтожную величину, какъ quantité negligeable [1]).

И въ то время были, конечно, исключенія. Такъ, напр., А. Потресовъ въ статьѣ, написанной въ дополненіе къ статьѣ В. Ильина—«Отъ какого наслѣдства мы отказываемся», описываетъ самостоятельныя судьбы русской «разночинной интеллигенціи», характеризующіяся тремя чертами—отщепенствомъ, свободолюбіемъ и потребностью найти точку опоры въ массахъ. Въ этой статьѣ онъ показываетъ, что старая вражда между «свиступами» 60-хъ годовъ (Добролюбовъ и Чернышевскій) и либералами послѣ голода 1891 г. возродилась, при измѣнившихся историческихъ условіяхъ, въ новой формѣ борьбы между марксистами и народниками, причемъ народники нашли себѣ теперь новую соціальную базу и превратились по существу въ либераловъ; марксисты же укрѣпились въ покинутой народниками соціальной средѣ разночинцевъ и связались съ новымъ «общественнымъ элементомъ» (т. е. съ пролетаріатомъ). Эта борьба, говоритъ авторъ, конечно, способна нарушить «добрыя сосѣдскія отношенія и ослабить силу совмѣстнаго и дружнаго... бездѣйствія», о которомъ мечтаетъ Южаковъ и К°, но она же создаетъ почву для цѣлесообразныхъ «совмѣстныхъ дѣйствій», при которыхъ можно будетъ, «не пряча въ карманъ своихъ идеаловъ, поставить дѣло, такъ сказать, на дѣловую почву, безъ сентиментальностей и безплодныхъ заигрываній...» [2]). Это писалъ А. Потресовъ въ 1899 г. Но, повторяемъ, въ 90-хъ годахъ такія разсужденія были исключеніемъ, подтверждающимъ лишь общее правило. Характернымъ для этого времени и особенно для средины 90-хъ годовъ были не эти взгляды, а тѣ, которые красной нитью проходили почти черезъ всѣ статьи тогдашняго марксистскаго органа «Новое Слово» и которые формулированы были въ приведенныхъ выше партійныхъ документахъ. По ироніи судьбы тотъ самый П. Струве, который впослѣдствіи положилъ начало либеральной партіи, какъ человѣкъ, особенно чувствительно отражающій вѣянія времени, въ 1897 г. былъ яркимъ выразителемъ теоріи изолированія борьбы пролетаріата. Именно онъ былъ авторомъ цитированнаго «Доклада», онъ же былъ авторомъ «Манифеста» 1898 года, наконецъ, онъ же въ 1897 году въ «Работникѣ» подъ псевдонимомъ «Петербуржецъ» писалъ: «Русское рабочее движеніе, проникнутое соц.-демократическими идеями, будетъ главнѣйшей силой, которая своимъ непрерывнымъ развитіемъ низвергнетъ существующій въ Россіи политическій строй.. Рабочій классъ въ Россіи есть единственный революціонный

---

[1]) См., напр., П. Струве „Критическія замѣтки".

[2]) См. А. Потресовъ. О „наслѣдствѣ" и „наслѣдникахъ", „Этюды о рус. интел." стр. 74, 89, 100, 105, 108.

классъ...» [1]). Эти слова сами по себѣ могли бы быть разно истолкованы. Но дѣйствительно скрывающаяся въ нихъ тенденція станетъ очевидна, если ихъ сопоставить, съ одной стороны, съ «Манифестомъ» и «Докладомъ», съ другой, съ практикой соц.-демократовъ конца 90-хъ годовъ.

* * *

Изъ теоретическихъ посылокъ молодыхъ марксистовъ средины 90-хъ годовъ, изъ недостаточнаго пониманія основного экономическаго противорѣчія современной Россіи логически вытекала практика такъ называемаго «экономизма». Распространеніе экономизма находилось въ связи съ переходомъ соц.-демократіи отъ кружковой пропаганды къ массовой агитаціи, и задатки этого направленія имѣлись уже въ извѣстной брошюрѣ «Объ агитаціи», которая сыграла большую роль, какъ руководство въ новомъ дѣлѣ агитаціи среди широкихъ массъ. Условія, при которыхъ въ то время приходилось вести массовую агитацію, несомнѣнно весьма предрасполагали къ «экономизму». Однако, само по себѣ приспособленіе соц.-демократіи въ обстановкѣ 90-хъ годовъ къ условіямъ массовой агитаціи и въ то время не могло бы привести къ возведенію «экономизма» въ принципъ и къ суженію соц.-демократическихъ задачъ, если бы соц.-демократическіе агитаторы отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что при данныхъ русскихъ условіяхъ оживленіе рабочаго движенія неизбѣжно должно будетъ привести раньше или позже къ наростанію оппозиціоннаго или революціоннаго настроенія въ другихъ классахъ, что этотъ подъемъ общественнаго настроенія дастъ неизбѣжно толчекъ и политическому самоопредѣленію этихъ классовъ, съ которыми рабочей партіи очень скоро придется считаться, какъ съ соратниками или соперниками, и что совокупное дѣйствіе этихъ силъ вызоветъ общенаціональную революцію. Но именно эта перспектива плохо вязалась со всѣмъ тѣмъ, что говорилось въ произведеніяхъ молодыхъ марксистскихъ теоретиковъ средины 90-хъ гг., представлявшихъ себѣ борьбу русскаго пролетаріата почти совершенно изолированной.

Было бы, конечно, неосновательно возлагать отвѣтственность за крайности практики такъ назыв. «экономизма» непосредственно и всецѣло на молодыхъ теоретиковъ средины 90-хъ годовъ. Нѣкоторые изъ этихъ теоретиковъ, особенно тѣ, которые стояли во главѣ движенія въ слѣдующій «искровскій» періодъ, уже тогда, въ 90-хъ годахъ, яснѣе понимали политическое положеніе и шире ставили задачи соц.-демократіи, нежели большинство соц.-демократовъ того времени [2]). Мы сошлемся, напримѣръ, на два документа—на брошюру Л. Мартова «Современная Россія», написанную въ 1897 г. и изданную въ 1898 г., и на написанную въ то же время брошюру Н. Ленина «Задачи русскихъ соц.-демокра-

---

[1]) См. Петербуржецъ. „По поводу петерб. стачки“, „Работникъ“ № 3 и 4, 1897 г.

[2]) И въ послѣдней редакціонной коллегіи заграничнаго органа „Рабочее Дѣло“, въ общемъ точно отражавшаго уровень развитія движенія 90-хъ годовъ, не всѣ удовлетворялись этимъ уровнемъ. См. статью Мартынова „Очередные вопросы“, направленную противъ „теоріи стадій“ и противъ „теоріи завоеванія частичныхъ правъ“, „Рабочее Дѣло“ № 9.

товъ». Л. Мартовъ въ упомянутой брошюрѣ даетъ конкретный анализъ политическаго положенія Россіи въ царствованіе Александра III и Николая II. Анализъ въ той части, которая касается эпохи 90-хъ годовъ, почти совершенно совпадаетъ съ анализомъ, сдѣланнымъ П. Аксельродомъ въ 90-хъ гг. Но тѣмъ не менѣе авторъ изъ этого анализа не дѣлаетъ тѣхъ практическихъ выводовъ, къ которымъ пришелъ П. Аксельродъ, и, говоря о задачахъ агитаціи среди рабочихъ, не указываетъ еще на необходимость выдвигать именно тѣ вопросы, въ которыхъ скрещиваются интересы разныхъ классовъ [1]). Съ другой стороны, Н. Ленинъ въ упомянутой брошюрѣ выдвигаетъ въ большей или меньшей степени именно эти агитаціонныя задачи, говоритъ о пролетаріатѣ, какъ о «передовомъ борцѣ русской демократіи», говоритъ о работѣ надъ образованіемъ «единой соц.-демократической рабочей партіи» и т. д. Но авторъ этой брошюры, написавшій ее въ защиту русской соц.-демократіи отъ нападокъ народовольцевъ и народоправцевъ, излагаетъ задачи соц.-демократіи такъ абстрактно, схематично, безъ связи съ конкретной политической обстановкой, что впослѣдствіи, въ 1900 г., редакція «Рабочаго Дѣла», отрицавшая господство «экономизма», въ спорѣ съ П. Аксельродомъ нашла возможнымъ ссылаться на эту брошюру въ доказательство того, что, вопреки мнѣнію П. Аксельрода, изложенному въ предисловіи къ брошюрѣ, она описываетъ *фактическое* состояніе соц.-демократіи конца 90-хъ гг. и что программа «Рабочаго Дѣла» цѣликомъ совпадаетъ съ сутью брошюры «Задачи» [2]). Вообще же говоря, не эти взгляды отдѣльныхъ единицъ, въ которыхъ къ тому же не было еще стройной логической связи между политическимъ анализомъ и постановкой фактическихъ задачъ, были характерны для средины 90-хъ годовъ. Неизмѣримо больше вліянія оказали на тогдашнее марксистское поколѣніе тѣ экономическія статьи и изслѣдованія В. Ильина-Ленина и другихъ молодыхъ теоретиковъ того времени, о которыхъ мы раньше говорили. Въ этихъ же изслѣдованіяхъ заключались несомнѣнно уже многія существенныя предпосылки для практики такъ наз. «экономизма».

Въ самомъ дѣлѣ: если правъ былъ Ленинъ, когда онъ въ 1895 г. утверждалъ, что у насъ уже теперь «основнымъ, доминирующимъ фактомъ является то, что крестьянство, какъ цѣлое, есть фикція»; если онъ былъ правъ, когда на всѣ лады доказывалъ, что у насъ уже теперь «основнымъ, доминирующимъ фактомъ» является антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей; если вѣрны были соотвѣтствующіе этому взгляды составителей доклада на лондонскій интернаціональный съѣздъ и вдохновителей автора Манифеста 1898 г., то очевидно, что и полицейская защита и финансовое покровительство, оказываемыя правительствомъ капиталистамъ, должны были, по аналогіи съ Западомъ, казаться проявленіемъ непосредственнаго политическаго господства буржуазіи, какъ класса. Если вѣрны были эти взгляды, то у насъ такъ же, какъ и на Западѣ, движущія силы революціонной борьбы пролетаріата лежатъ цѣликомъ въ сферѣ его антагонизма съ капиталистической буржуазіей и совершенно не коренятся въ

---

[1]) См. „Соврем. Россія“ 1898 г. гл. II „Либерализмъ и демокр. оппозиція“ и гл. V „Полит. значеніе рус. раб. движенія“.

[2]) См. Н. Ленинъ „Задачи рус. соц.-демократовъ“, съ предисл. П. Аксельрода и „Отвѣтъ ред. „Раб. Дѣла“ на письма П. Аксельрода“.

общенаціональномъ антагонизмѣ со старымъ порядкомъ. Отсюда иллюзія, что борьба рабочихъ съ непосредственными эксплуататорами-предпринимателями и съ защищающей ихъ полиціей есть уже политическая борьба въ широкомъ смыслѣ слова. Отсюда пресловутая «теорія стадій», признававшая борьбу съ предпринимателями единственной школой политической борьбы. Отсюда и пресловутая теорія завоеванія «частичныхъ правъ», предполагавшая, что пролетаріатъ будетъ бороться всегда въ политически безвоздушномъ пространствѣ, что онъ самъ и для себя завоюетъ постепенно одно право за другимъ въ борьбѣ съ соединенными силами правительства и капиталистической буржуазіи.

* * *

Соціалдемократы 90-хъ гг., при всей односторонности своихъ взглядовъ, сдѣлали большое историческое дѣло. Ихъ дружный натискъ на народниковъ вынудилъ послѣднихъ къ отступленію по всей линіи, послѣдствіемъ чего было привлеченіе вниманія всей демократической интеллигенціи къ пролетаріату; дѣятельность же соц.-демократовъ практиковъ вовлекла впервые широкія рабочія массы въ движеніе. Тотъ фактъ, что классъ-освободитель выступилъ, наконецъ, на историческую сцену, окрыляя своимъ выступленіемъ надежды всѣхъ передовыхъ людей Россіи, былъ въ немалой степени результатомъ побѣдоносной борьбы марксизма 90-хъ гг. съ народничествомъ. Предвидя этотъ результатъ,—выходъ изъ политическаго тупика,—многіе, по своей тенденціи, чисто либеральные элементы интеллигенціи стали на сторону марксизма и подъ его знамя съ того самаго момента, какъ указанная борьба загорѣлась на страницахъ нашей легальной прессы, т. е. съ средины 90-хъ гг. Будущіе «освобожденцы» и кадеты—Струве, Туганъ-Барановскій, Булгаковъ, Бердяевъ, Изгоевъ, Богучарскій, отчасти Милюковъ и другіе выступали въ то время открыто съ защитой марксизма или подъ его флагомъ, а въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ велись марксистскіе дебаты подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ не кого иного, какъ гр. Гейдена. Хотя въ этомъ общемъ хорѣ будущіе буржуазные либералы уже и въ то время всегда подчеркивали больше неизбѣжность капиталистическаго развитія Россіи и необходимость ея европеизаціи, а соц.-демократы—необходимость развитія классовой борьбы, тѣмъ не менѣе, это не вносило дисгармоніи въ хоръ, и участники его въ теченіе нѣкотораго времени не сознавали необходимости размежевываться. По крайней мѣрѣ, въ журналѣ «Новое Слово» хоръ постепенно вполнѣ спѣлся [1]).

Сосуществованіе скрытыхъ буржуазныхъ либераловъ и соц.-демократовъ подъ общимъ марксистскимъ флагомъ оказалось возможнымъ потому, что задачи, какъ онѣ ставились въ то время обѣими сторонами, хотя и не вполнѣ сходились, тѣмъ не менѣе ни въ одномъ пунктѣ еще враждебно не сталкивались. Молодые соц.-демократы девятидесятники, правда, выдвигали на первый планъ,

---

[1]) Первоначальныя апологетическія ноты въ оцѣнкѣ капитализма у П. Струве, Тугана-Барановскаго и другихъ, одно время почти исчезли подъ вліяніемъ критики Тулина (Ленинъ) и „самарцевъ“ (П. Масловъ, Гвоздевъ и Санинъ) и еще больше подъ вліяніемъ роста рабочаго движенія, и книга, напр., Туг.-Барановскаго „Фабрика“ давала практикамъ богатый агитаціонный матеріалъ.

наряду съ борьбой противъ политическаго безправія, борьбу съ капиталистами но цѣли буржуазіи, какъ класса, идутъ гораздо дальше цѣли непосредственной эксплоатаціи, преслѣдуемой предпринимателями; о предстоящемъ же *политическомъ* самоопредѣленіи буржуазіи подъ флагомъ либерализма и о необходимости *политической* борьбы съ буржуазіей, какъ съ классомъ, за вліяніе на ходъ и исходъ революціи соц.-демократы девятидесятники, какъ мы видѣли, и не задумывались еще. И политическія надежды ихъ тоже не шли дальше либеральныхъ: «Русская соц.-демократія вообще чужда вѣры въ политическія чудеса, и, въ частности, она не вѣритъ въ полную демократизацію русскихъ государственныхъ учрежденій въ ближайшемъ будущемъ», говорилъ, напр., ихъ докладъ на лондонскій интернаціональный конгрессъ въ 1896 г. Съ другой стороны, и либерализмъ не имѣлъ никакихъ основаній еще непосредственно опасаться тѣхъ элементарныхъ формъ, которыя тогда стихійно принимало рабочее движеніе, и тѣхъ методовъ воздѣйствія на рабочихъ, къ которымъ въ то время прибѣгали практики соц.-демократы. Напротивъ того, либерализмъ инстинктивно чувствовалъ, что на этой стадіи развитія рабочее движеніе является, между прочимъ, необходимой предпосылкой его собственнаго возрожденія.

Однако положеніе это было весьма не прочно. Марксизмъ привлекалъ Струве и его единомышленниковъ только извѣстными своими сторонами. Но теорія эта, служа имъ незамѣнимымъ оружіемъ въ борьбѣ съ народничествомъ, въ то же время связывала и обязывала ихъ. Поэтому, когда народничество оказалось побѣжденнымъ и когда, вскорѣ послѣ того, обнаружились первые признаки оживленія въ буржуазной интеллигенціи подъ косвеннымъ вліяніемъ рабочаго движенія, Струве и его единомышленники, нащупавши почву для возрожденія либерализма, торопливо начали высвобождаться изъ марксистскаго плѣна и сбрасывать съ себя оковы нетерпимой и «узкой» марксовой догмы. Наступила эра русской «критики» Маркса, которая по времени нѣсколько предупредила бернштейніанское теченіе на Западѣ, затѣмъ короткое время шла съ нимъ въ ногу, но скоро оставила его далеко позади себя, не вызывая уже ни въ комъ сомнѣнія въ ея буржуазной соціальной подкладкѣ. Впрочемъ, уже съ первыхъ своихъ шаговъ эта «критика» лишь слегка видоизмѣняла и комбинировала положенія, защищавшіяся новѣйшими представителями зап.-европейской буржуазной мысли, Брентано, Рилемъ, Виндельбандомъ, Зомбартомъ, Зиммелемъ, Штамлеромъ и др.

Уже въ 1894 г. въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ» П. Струве оговаривался, что онъ не ортодоксальный марксистъ; уже тогда онъ въ робкой формѣ пытался «дополнить» марксизмъ философскимъ критицизмомъ, вносилъ мальтузіанскія поправки въ марксову теорію народонаселенія и усиленно выдвигалъ на первый планъ національно-культурныя задачи, затушевывая въ то же время классовыя задачи пролетаріата. Но эти зачатки «критики» марксизма, встрѣтившіе съ самаго начала отпоръ въ статьѣ Тулина (Ленина), по-своему тоже, впрочемъ, весьма однобокой, получили дальнѣйшее развитіе лишь отчасти въ 1897 г., особенно же въ 1899 г. Въ 1897 г. Струве помѣщаетъ въ «Вопросахъ философіи и психологіи» статью—«Свобода и историческая необходимость», направленную противъ матеріализма и въ защиту кантіанскаго крити-

цизма. Въ этомъ же году онъ въ статьѣ о цюрихскомъ конгрессѣ по вопросамъ охраны рабочихъ, помѣщенной въ «Новомъ Словѣ», констатируетъ фактическій, якобы, отказъ современнаго соціализма отъ теоріи революціонныхъ катастрофъ. Затѣмъ въ 1899 г. онъ въ статьѣ, помѣщенной въ Braun's Archiv, подвергаетъ рѣшительной критикѣ взглядъ Маркса на соціальную революцію. Черезъ годъ П. Струве вмѣстѣ съ Туганъ-Барановскимъ подвергаетъ критикѣ марксову теорію стоимости въ статьѣ «Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности». Одновременно онъ въ предисловіи къ книгѣ Бердяева выступаетъ впервые на защиту метафизики. Вслѣдъ за Струве эволюцію въ томъ же направленіи продѣлываютъ его единомышленники. Въ 1900 г. Бердяевъ выпускаетъ свою книгу «Субъективизмъ и индивидуализмъ», въ которой онъ развиваетъ свое новое profession de foi. Въ томъ же году Булгаковъ выпускаетъ свое сочиненіе «Капитализмъ и земледѣліе», въ которомъ онъ вслѣдъ за ревизіонистомъ Герцемъ, опровергаетъ марксову теорію аграрной эволюціи. Наконецъ, въ 1902 г. появляется боевой сборникъ «Проблемы идеализма», въ которомъ бывшіе марксисты окончательно отряхаютъ прахъ отъ ногъ своихъ.

Критика марксизма шла у насъ, какъ и на Западѣ, параллельно двумя путями: съ одной стороны, борьба велась въ плоскости философіи, противъ «догматическаго» матеріализма, во имя «критическаго» идеализма и закончилась капитуляціей передъ религіей и метафизикой. Съ другой, она велась противъ «ошибокъ» соціально-политическаго ученія Маркса, противъ теоріи обостренія классовыхъ противорѣчій, противъ теоріи соціальной революціи, расширяясь постепенно въ борьбу противъ «деспотизма» демократіи во имя свободы личности и правъ человѣка. Обѣ стороны «критики» находились, конечно, въ тѣснѣйшей связи и взаимно дополняли другъ друга.

Въ своей статьѣ «Свобода и историческая необходимость» П. Струве заявляетъ, что «послѣ Канта тщетны всѣ попытки объединить свободу и необходимость въ одномъ высшемъ началѣ». Стараясь затѣмъ опредѣлить сферу компетенціи свободы, онъ предварительно отождествляетъ бытіе съ мышленіемъ, «ибо мышленіе бытія равносильно бытію мышленія» и, такимъ образомъ, лишаетъ оцѣнку нашей свободной дѣятельности всякаго объективнаго критерія, взятаго изъ дѣйствительности, изъ объективнаго «бытія». Чѣмъ же отличается царство свободы и долженствованія отъ царства бытія и необходимости? Тѣмъ же, чѣмъ, якобы, отличается субъективное отъ объективнаго—не по содержанію, а количественно, по степени «связности и прочности элементовъ (опредѣленіе Зиммеля). Свобода и долженствованіе есть, такимъ образомъ, то же бытіе, но не связное, непрочное, призрачное бытіе, «состояніе между небытіемъ и бытіемъ» [1]). Этотъ выводъ имѣлъ для Струве ту высокую «идеалистическую» цѣнность, что онъ превращалъ будущій соціалистическій строй, къ осуществленію котораго онъ «свободно» стремился, изъ чего-то неизбѣжнаго въ неразрѣшенную «проблему», въ призракъ, въ «состояніе между бытіемъ и небытіемъ». Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Бердяева Струве дѣлаетъ еще шагъ впередъ въ этомъ напра-

---

[1]) См. П. Струве. „На разныя темы“ (1893—1901 гг.). Сборникъ статей, стр. 488, 493, 494.

вленіи. Чтобы окончательно скинуть съ себя стѣснительныя узы дѣйствительности, онъ заявляетъ уже тамъ, что «носителемъ свободы является духовная одухотворенная субстанція» и что «наша позитивная теорія познанія... съ полной ясностью обнаруживаетъ ограниченность позитивизма и необходимость метафизики» [1]).

Параллельно съ тѣмъ, какъ П. Струве въ области философіи подвигался назадъ отъ матеріализма черезъ «критическій позитивизмъ» къ «метафизическому идеализму», онъ, въ области политики, отъ точки зрѣнія классовой борьбы постепенно переходилъ къ точкѣ зрѣнія «соціальнаго мира». Уже въ 97 г. онъ, на основаніи своихъ наблюденій на Цюрихскомъ конгрессѣ, утверждаетъ: «Все болѣе и болѣе распространяется и крѣпнетъ убѣжденіе, что соціальныя реформы вовсе не представляютъ изъ себя жалкаго штопанія, а, наоборотъ, являются лишь звеньями въ той органической цѣпи формъ, которая ведетъ отъ одной общественно-политической формаціи къ другой» [2]). Въ 99 г. въ своей статьѣ въ Braun's Archiv'ѣ онъ не только констатируетъ фактъ притупленія классовыхъ противорѣчій, но доказываетъ невозможность ихъ обостренія, невозможность соціальной революціи, ибо это понятіе противорѣчитъ-де логическому «закону непрерывности». Въ 1900 же году въ статьѣ объ «Антиноміяхъ» онъ доказываетъ, что цѣнность создается не только трудомъ, но и капиталомъ, и тѣмъ самымъ опровергаетъ самую наличность принудительнаго антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазіей.

Въ томъ же направленіи, какъ П. Струве, хотя и другими тропинками, подвигается Н. Бердяевъ. Въ своей книгѣ—«Субъективизмъ и индивидуализмъ», направленной формально противъ Н. Михайловскаго, онъ ставитъ себѣ цѣлью соединить «марксовскій соціальный монизмъ» съ «кантовскимъ философскимъ критицизмомъ» [3]). Весь историческій процессъ съ его развитіемъ производительныхъ силъ, съ его классовой борьбой и классовыми идеалами, а заодно и всѣ законы «историческаго матеріализма» Бердяевъ относитъ всецѣло къ области *психологіи*, «черпающей все свое содержаніе изъ опыта» [4]). Все это, по его словамъ, имѣетъ лишь эмпирическую, относительную, «субъективную» цѣнность». Поэтому онъ считаетъ необходимымъ «соціальный монизмъ» Маркса, какъ мы видѣли, совершенно не матеріалистически имъ понятый, дополнить трансцедентальной философіей Канта, которая одна лишь даетъ намъ апріорную, общеобязательную и абсолютную истину и абсолютныя, общеобязательныя этическія нормы. Къ счастью для теоріи Маркса, Бердяевъ въ этой книгѣ не усматриваетъ противорѣчія между эмпирическимъ міромъ, который, по его мнѣнію, есть царство свободы, подлежащее вѣдѣнію Маркса, и трансцедентальнымъ міромъ, царствомъ необходимости, подлежащимъ вѣдѣнію Канта, ибо историческій прогрессъ, носителемъ котораго является прогрессивный классъ, стремится приблизиться къ абсолютной истинѣ и абсолютной справедливости, порукой чему служитъ «нравственный міропорядокъ, постулируемый нашимъ практическимъ разумомъ» [5]).

---

[1]) См. Н. Бердяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ", стр. XXXII, LII.
[2]) См. И. Струве. „На разныя темы", стр. 414, 415.
[3]) См. Н. Бердяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ", стр. 19.
[4]) Ibid., стр. 85, 86, 21.
[5]) Ibid., стр 48, 75, 106.

Однако Бердяевъ, объявившій законы историческаго развитія законами чисто-психологическими и поднявшійся надъ эмпирической исторіей въ область трансцендентальную, очень много въ этой земной исторіи сталъ недоглядывать. Такъ, онъ уже въ этой книгѣ объявляетъ «теорію катастрофъ» нелѣпостью, отмѣчаетъ необходимость подвергнуть теорію цѣнности Маркса «глубокой переработкѣ», «окончательно» провозглашаетъ девизъ—«чѣмъ лучше, тѣмъ лучше», и заявляетъ съ чувствомъ самоудовлетворенія: «Поправки, создаваемыя самимъ капиталистическимъ развитіемъ, до тѣхъ поръ будутъ штопать дыры существующаго общества, пока вся общественная жизнь не сдѣлается сплошь новой» [1]). То же суверенное пренебреженіе къ «грубому» эмпирическому міру побуждаетъ Бердяева пѣть дифирамбы сверхчеловѣку Ничше и восхвалять новѣйшія «декадентскія» теченія въ искусствѣ, которыя «выражаютъ необыкновенную душевную утонченность» [2]).

На этомъ эволюція Н. Бердяева не заканчивается. Черезъ два года въ статьѣ—«Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма» онъ подымается еще на большую трансцендентальную высоту и, соотвѣтственно съ этимъ, для него обезцѣниваются не только соціалистическія, но и многія общедемократическія цѣнности. Въ этой статьѣ онъ уже опредѣленно становится на точку зрѣнія метафизики и религіи («этическаго пантеизма»): «Метафизика», говоритъ онъ,— «къ которой этика неизбѣжно приводитъ, объединяетъ въ понятіи Верховнаго Блага индивидуальное духовное «я» съ универсальнымъ духовнымъ «я». Что же послѣ этого объединенія стало съ духовнымъ «я» Н. Бердяева? Оно прежде всего обрушивается на эвдемонизмъ, на «погоню за счастьемъ»: «Нравственность», говоритъ Н. Бердяевъ, «нельзя выводить изъ такихъ не этическихъ понятій, какъ удовольствіе или счастье; само счастье подлежитъ *нравственному* суду». Это одинаково относится, какъ къ эгоизму, такъ и къ «общественному, альтруистическому утилитаризму»: «если постыдно для человѣка посвятить жизнь собственному наибольшему удовольствію, то не менѣе постыдно обратить себя въ орудіе чужого наибольшаго удовольствія». Отсюда выводъ: «нравственная проблема есть прежде всего проблема индивидуалистическая»; «борьба за соціальность, т. е. за форму общественнаго сотрудничества, этически всегда подчинена борьбѣ за гуманность». Н. Бердяевъ знаетъ, конечно, какіе практическіе выводы изъ этой индивидуалистической морали дѣлаются въ «эмпирическомъ мірѣ» и заранѣе протестуетъ противъ нихъ: «я хотѣлъ бы, чтобы было наложено клеймо позора на тѣхъ, которые нагло и беззастѣнчиво совмѣщаютъ въ себѣ безобразное противорѣчіе — признаніе за человѣческимъ духомъ безусловной цѣнности, съ одной стороны, и оправданіе гнета и эксплоатаціи... съ другой». Тѣмъ не менѣе, вѣрный буржуазный инстинктъ подсказываетъ ему, что юридическія *гарантіи* нужны не для «соціальности», а лишь для «гуманности»: «Мы отрицаемъ», говоритъ онъ, «этико-правовой принципъ народнаго суверенитета и противополагаемъ ему принципъ неотчуждаемыхъ личныхъ правъ» [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 50, 257, 260, 261.

[2]) Ibid., стр. 170.

[3]) См. Н. Бердяевъ. „Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма". Сборникъ: „Проблемы идеализма", стр. 100, 102, 107, 113,.

Въ нѣсколько другой варіаціи ту же эволюцію вслѣдъ за П. Струве и Н. Бердяевымъ продѣлалъ С. Булгаковъ. Въ своей статьѣ—«Основныя проблемы теоріи прогресса» онъ начинаетъ съ того, что религія и метафизика призваны *дополнить* наше ограниченное точное знаніе, ибо у человѣка есть врожденное стремленіе «выйти за предѣлы своего я», «стремленіе къ недосягаемому совершенству»; но тутъ же, на глазахъ читателя, онъ расширяетъ компетенцію религіи и метафизики, пытаясь при ихъ помощи *вытѣснить* науку изъ области ею уже завоеванной, именно изъ области историческаго прогресса, законы котораго «претендовалъ» дать Марксъ. Это представляется необходимымъ, во-первыхъ, потому, что Риккертъ «совершенно неопровержимо» доказалъ невозможность историческихъ предсказаній, во 2-хъ, потому, что вѣдѣніе будущаго «обезвкусило бы жизнь и особенно будущее, которое теперь невозбранно можетъ заполнять фантазія». Избавившись такимъ способомъ отъ непріятной «исторической необходимости», С. Булгаковъ начинаетъ заполнять будущее тѣмъ содержаніемъ, которое ему представляется привлекательнымъ. Для этого онъ, подобно Бердяеву, обрушивается на соціальный эвдемонизмъ, считающій цѣлью прогресса «возможно большій ростъ счастья возможно большаго числа лицъ», какъ на теорію «вполнѣ буржуазную», «грозящую обратить человѣчество въ животное состояніе», и противоставляетъ ей философію, доказывающую «внутреннее безсиліе зла, его призрачность, его—страшно сказать—конечную разумность». Въ заключеніе онъ предсказываетъ, что религія займетъ въ жизни «подобающее ей центральное мѣсто» и что уже теперь наше участіе въ соціальной борьбѣ должно мотивироваться «не классовымъ эгоистическимъ интересомъ, а... велѣніемъ Бога» [1]).

Таковъ финалъ эволюціи П. Струве и его единомышленниковъ. Объективно весь этотъ эпизодъ въ исторіи русскаго марксизма означалъ первое выступленіе *новой формаціи буржуазнаго либерализма*, приспособлявшагося къ развитымъ капиталистическимъ отношеніямъ и къ постепенному политическому раскрѣпощенію страны безъ революціонныхъ потрясеній и безъ героическихъ усилій демократіи, приспособлявшагося, словомъ, къ тѣмъ перспективамъ, которыя строили большинство девятидесятниковъ. Необходимость полной экономической и политической европеизаціи Россіи—таковъ былъ исходный пунктъ этого новаго либеральнаго движенія. Благодаря этому, оно могло извѣстное время идти рука объ руку съ соц.-демократіей, благодаря этому же новая либеральная формація во многихъ отношеніяхъ оказалась радикальнѣе предыдущаго поколѣнія народническихъ либераловъ даже въ концѣ своей эволюціи. Но именно потому, что она твердо стала на точку зрѣнія европейскую и что она чувствовала себя какъ бы одной ногой уже на европейской почвѣ, она съ первыхъ же шаговъ запаслась тѣмъ духовнымъ оружіемъ, которымъ западно-европейская буржуазія давно пользовалась уже въ борьбѣ съ пролетаріатомъ—философскимъ идеализмомъ со всѣми его современными спутниками: индивидуализмомъ, мистикой, декадентствомъ. Она торопливо запаслась оружіемъ, въ которомъ прежнее либеральное поколѣніе, не вѣрившее въ русское рабочее движеніе и потому не за-

---

[1]) См. С. Булгаковъ. „Основныя проблемы теоріи прогресса". Сборникъ: „Проблемы идеализма", стр. 5, 11, 12, 14, 22, 23, 34, 46.

думывавшееся еще надъ классовымъ антагонизмомъ между пролетаріатомъ и буржуазіей, не чувствовало еще никакой потребности. Не представляя себѣ ясно того широкаго демократическаго размаха, который должна принять русская революція для того, чтобы справиться съ старымъ порядкомъ, Струве и его единомышленники стали оттачивать это оружіе субъективно *заблаговременно*, а съ точки зрѣнія объективныхъ интересовъ буржуазіи *преждевременно* не только противъ пролетаріата, но и противъ демократіи вообще, мечтая, что вся русская демократія въ освободительную эпоху пойдетъ покорно на поводу у модернизированнаго либерализма. Скоро обнаружилось, что это была иллюзія. Такимъ образомъ, поворотъ отъ матеріализма къ идеализму, вытекавшій изъ неизбѣжнаго процесса самоопредѣленія буржуазіи, придалъ этому самоопредѣленію характеръ реакціонный даже съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ буржуазіи. *Въ этомъ отношеніи* новая либеральная формація сдѣлала значительный шагъ назадъ даже по сравненію съ невиннымъ либерализмомъ стараго поколѣнія. Слишкомъ уже эти люди торопились усвоить «цѣльное» міровоззрѣніе современнаго зап.-европейскаго буржуа, успѣвши основательно забыть муки родовъ европейской свободы.

Въ современную историческую эпоху буржуазная интеллигенція можетъ еще участвовать въ революціи или подъ чужимъ, соціалистическимъ, флагомъ, или, поскольку она чувствуетъ, что это отрываетъ отъ нея массу буржуазныхъ обывателей,—безъ теоретическаго знамени, эмпирически, подчиняясь властнымъ запросамъ момента. Поэтому, какъ только П. Струве и его единомышленники попытались найти высшее философское оправданіе для своего перехода въ буржуазный лагерь, они роковымъ образомъ стали ковать оружіе противъ революціи и противъ демократіи. Поэтому же, когда въ Россіи запахло революціей, П. Струве, обладавшій болѣе тонкимъ политическимъ обоняніемъ, чѣмъ его единомышленники, забросилъ на время свою идеалистическую метафизику. Характерно, что въ 1902 г. въ боевомъ сборникѣ «Проблемы идеализма» принимали участіе совращенные Петромъ Струве Булгаковъ, Бердяевъ и К°, онъ же самъ въ это время думалъ уже больше о земной жизни, объ основаніи «Союза освобожденія» и о совмѣстныхъ съ революціонной соціалъ-демократіей выступленіяхъ. Поэтому наконецъ, впослѣдствіи, когда революція потерпѣла пораженіе, идеализмъ и метафизика опять выступили на сцену. Такимъ образомъ, «Проблемы идеализма» оказались прелюдіей къ настоящей симфоніи, которая была разыграна значительно позже въ пресловутыхъ «Вѣхахъ».

III. Переходное время (1900—1903 г. г.).

Борьба ортодоксальной соціалъ-демократіи съ „критикой" Маркса и „экономизмомъ". Начало новаго поворота—къ бланкизму.

Легальный марксизмъ 90-хъ г. г., изъ котораго взяли начало, съ одной стороны, «экономизмъ», съ другой—либерализмъ новаго типа, былъ отраженіемъ общаго положенія Россіи въ эти годы—быстраго промышленнаго расцвѣта, сопровождавшагося подъемомъ стачечнаго движенія рабочихъ, съ одной стороны,

и очень медленнымъ пробужденіомъ интеллигенціи отъ состоянія апатіи и подавленности, съ другой. Къ началу девятисотыхъ годовъ положеніе круто мѣняется. Съ 1899 г. надвигается промышленный кризисъ, обостряющій чувство недовольства въ рабочихъ массахъ; это даетъ новое направленіе движенію пролетаріата, прошедшаго извѣстную школу въ предыдущій стачечный періодъ, что, въ свою очередь, косвенно отражается на настроеніи интеллигенціи. Среди болѣе чуткой части ея—среди студенчества въ 99 г. начинается массовое движеніе, которое въ 1901 г. принимаетъ острыя, революціонныя формы. Все это, въ связи съ начавшейся вновь идейной дифференціаціей въ интеллигенціи, создало, наконецъ, благопріятную почву для той болѣе широкой постановки соц.-демократической работы, къ которой въ 90-хъ г. г. тщетно призывала «Гр. Осв. Труда»—благопріятную почву для пропаганды идей революціоннаго марксизма, для организаціоннаго сплоченія с.-демократіи и для открытія общенаціональной политической кампаніи противъ стараго порядка по ея иниціативѣ. Учитывая измѣнившееся положеніе вещей, группа соц.-демократовъ, вернувшаяся изъ ссылки (Н. Ленинъ, Л. Мартовъ и Старовѣръ) беретъ на себя иниціативу реорганизаціи партіи на новыхъ началахъ. Объединившись для этой цѣли съ «Гр. Осв. Тр.», она приступаетъ въ концѣ 1900 г. къ изданію политической газеты «Искра» и теоретическаго журнала «Заря».

Партію приходилось почти заново строить. Если принять во вниманіе тѣ громадныя и сложныя задачи, которыя передъ ней стояли въ виду явно наступавшаго революціоннаго періода, если принять во вниманіе, что при сравнительной незрѣлости пролетаріата, отвѣтственную роль въ партіи тогда могъ играть только сравнительно тѣсный кругъ профессіональныхъ революціонеровъ изъ интеллигенціи, что стихія буржуазной революціи имѣла всегда тенденцію совлекать партію съ соціалистическаго пути, то понятно будетъ, какое исключительно важное значеніе для партіи въ то время долженъ былъ имѣть надежный теоретическій компасъ революціоннаго марксизма. Неудивительно поэтому, что во главу своихъ задачъ организація «Искры» и «Зари» поставила борьбу съ «критикой» Маркса за «ортодоксію», рука объ руку съ международной революціонной соц.-демократіей.

Въ русской соц.-демократіи застрѣльщикомъ въ этой борьбѣ въ доискровскій еще періодъ былъ Г. В. Плехановъ. Въ своей полемикѣ противъ Бернштейна Г. Плехановъ отмѣтилъ, что «историческій матеріализмъ» составляетъ лишь «часть матеріалистическаго міросозерцанія Маркса—Энгельса» и что именно методъ діалектическаго матеріализма и составляетъ «душу» марксизма. Поэтому, Г. Плехановъ обращалъ всегда особенное вниманіе на пропаганду этого философскаго метода и забилъ тревогу при первыхъ же попыткахъ вернуться назадъ отъ матеріализма къ идеализму. Еще въ 92 г., выпуская переводъ книжки Энгельса о Л. Фейербахѣ со своими примѣчаніями, онъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать тѣмъ реакціоннымъ идеямъ, которыя начали пропагандироваться на страницахъ русскаго журнала «Вопросы философіи и психологіи» въ противовѣсъ «отрицательному направленію шестидесятыхъ годовъ». Мы отмѣтимъ здѣсь лишь главнѣйшіе моменты въ борьбѣ Г. Плеханова противъ идеалистической реакціи.

Въ указанныхъ «примѣчаніяхъ» къ «Фейербаху» Г. Плехановъ впервые сжато формулируетъ различіе между матеріалистическимъ взглядомъ на объективный внѣшній міръ и идеалистическимъ взглядомъ Канта. «Ощущенія, а, слѣдовательно, и образы предметовъ», говоритъ онъ, «есть равнодѣйствующая двухъ силъ: свойствъ предметовъ, производящихъ на насъ извѣстное впечатлѣніе, и свойствъ того пріемника, который получаетъ эти впечатлѣнія». По этому одному уже ощущеніе не можетъ быть то же самое, что вызывающій его предметъ: ощущеніе звука не тождественно съ вызвавшимъ его движеніемъ воздушныхъ волнъ. Но «пусть наши впечатлѣнія... будутъ лишь условными знаками,—во всякомъ случаѣ чувствуемому нами сходству и различію знаковъ соотвѣтствуетъ сходство и различіе дѣйствительное. Поэтому невѣрно, что «формы нашего мышленія», какъ причинность, пространство, время, суть *только* «апріорныя формы», несвойственныя самимъ предметамъ. Неправъ, поэтому, Кантъ, утверждая, что мы не можемъ познать «вещь въ себѣ»: «я знаю, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя ея свойства, именно тѣ, черезъ посредство которыхъ я заставляю ее дѣйствовать». Въ этихъ же «примѣчаніяхъ» Г. Плехановъ противоставляетъ матеріалистическій взглядъ на «идеалы» кантіанскому категорическому императиву. По поводу идеаловъ послѣдняго рода Энгельсъ писалъ: «Идеалъ, отвѣчаетъ филистеръ, это цѣль, къ которой мы нравственно обязаны стремиться, но которая стоитъ такъ высоко, что мы никогда ея не достигнемъ». Матеріализму совершенно чуждо это оправданіе двойной морали. Но какъ же, спросятъ, Энгельсъ со своей матеріалистической точки зрѣнія можетъ примирить свои объективные идеалы съ объективной необходимостью? Какъ онъ можетъ осуществлять свою свободу въ царствѣ необходимости? «Съ *объективной* стороны», отвѣчаетъ Г. Плехановъ, «положеніе Энгельса представляется такъ: въ процессѣ перехода изъ одной своей формы въ другую дѣйствительность захватила его, какъ одно изъ необходимыхъ орудій предстоящаго переворота. Съ *субъективной* стороны выходитъ, что Энгельсу пріятно это участіе въ историческомъ движеніи, что онъ считаетъ его своимъ долгомъ» [1]).

Въ 98 г., когда Бернштейнъ, подъ вліяніемъ Конрада Шмидта, сталъ призывать «назадъ къ Канту», Г. Плехановъ снова возвращается къ этимъ вопросамъ и вступаетъ на страницахъ «Neue Zeit» въ философскую полемику съ тѣмъ и другимъ. Въ статьѣ «Бернштейнъ и матеріализмъ» онъ, борясь противъ вульгарнаго пониманія матеріализма, которымъ многіе обязаны были сознательному извращенію взглядовъ матеріалистовъ XVIII в. современной буржуазной наукой, доказываетъ, что «матеріалистическая философія Фейербаха была, какъ и философія Дидро, лишь родомъ спинозизма», что такимъ же родомъ спинозизма является философія Маркса и Энгельса. Въ отличіе отъ дѣйствительно вульгарныхъ матеріалистовъ всѣ эти философы не сводили мышленіе къ движенію матеріи, не отождествляли его съ послѣднимъ, а согласно со Спинозой полагали, что мышленіе и протяженіе суть два аттрибута одной и той же субстанціи. Этому какъ бы противорѣчитъ положеніе Энгельса, что «мышленіе происходитъ изъ бытія». Но то «мышленіе», о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть

---

1) Ф. Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ. Переводъ Г. В. Плеханова съ примѣчаніями переводчика. 1892 г. стр. 96, 98, 99, 101, 103.

человѣческое сознаніе, т. е. высшая форма «мышленія» и предпосылка бытія этому мышленію ни въ коемъ случаѣ не исключаетъ «одушевленности матеріи» [1]). Въ полемическихъ статьяхъ противъ Конрада Шмидта, Г. Плехановъ реставрируетъ истинные взгляды Канта, искаженные его же современными учениками, и вскрываетъ то основное противорѣчіе, изъ котораго дуалистъ Кантъ не въ силахъ былъ выпутаться. Въ первомъ изданіи «Критики чистаго разума», говоритъ Г. Плехановъ, Кантъ смотрѣлъ на «вещь въ себѣ» лишь какъ на «предѣльное понятіе», которому ничего не соотвѣтствуетъ внѣ нашего сознанія, и стоялъ, такимъ образомъ, на точкѣ зрѣнія «скептическаго идеализма». Но, дѣлая уступки реалистической критикѣ его взглядовъ, онъ впослѣдствіи въ «Пролегоменахъ» и во 2-мъ изданіи «Критики чистаго разума» начинаетъ признавать реальное существованіе «вещи въ себѣ» и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ отгораживаться отъ идеалистовъ. Однако, сдѣлавши этотъ шагъ впередъ, онъ очутился въ безвыходномъ противорѣчіи съ самимъ собой, на что указывали въ свое время Якоби и другіе: съ одной стороны, его «вещь въ себѣ» дѣйствуетъ на наши чувства *во времени* и является *причиной* нашихъ ощущеній; съ другой стороны, по его мнѣнію, категоріи времени, пространства и причинности присущи *только* нашему сознанію и не свойственны безформенному внѣшнему міру нуменовъ, «вещей въ себѣ». Изъ этого противорѣчія возможны были лишь два выхода—либо къ матеріализму, либо къ субъективному идеализму. По второму пути пошелъ Фихте. Но этотъ путь ведетъ къ абсурду: если «истинное и дѣйствительное бытіе духовно», то всѣ люди представляютъ собой «только видоизмѣненіе моего сознанія» и тогда «моя мать... какъ явленіе ...существуетъ только во мнѣ». Правда, Фихте протестовалъ противъ этого логическаго вывода изъ его взглядовъ, какъ противъ эгоистическаго, и поэтому объяснялъ, что его «я» не индивидуальное, а міровое, абсолютное «я». Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы «вывести» существованіе людей, Фихте дѣлаетъ ихъ бытіе *моральнымъ постулатомъ*. Но это значитъ не преодолѣть препятствіе, а обойти его». Кантъ не хотѣлъ, чтобы его взгляды толковались въ смыслѣ фихтіанскомъ. Что же мѣшало ему рѣшительно порвать съ идеализмомъ? На это онъ самъ ясно отвѣтилъ въ предисловіи ко второму изданію «Критики чистаго разума»: «Я не могу даже предположить Бога, свободу и безсмертіе, которые необходимы для практическихъ цѣлей моего разума, безъ того, чтобы вмѣстѣ съ этимъ не *лишить* спекулятивный разумъ его чрезмѣрнаго притязанія на проницательность... Я долженъ былъ, стало быть, уничтожить знаніе для того, чтобы очистить мѣсто вѣрѣ» [2]). Вотъ въ чемъ истинная подкладка современнаго идеализма.

Параллельно съ защитой матеріализма Г. Плехановъ отстаивалъ другой элементъ философіи Маркса—гегелевскую діалектику, которую «критики» тоже сознательно или безсознательно искажали, чтобы тѣмъ легче ее опровергнуть. Я укажу здѣсь лишь на два обвиненія, выдвинутыя противъ діалектики Эд.

---

[1]) См. Бельтовъ. Бернштейнъ и матеріализмъ. „Критика нашихъ критиковъ". стр. 159, 160, 165.

[2]) См. Н. Бельтовъ—ibid. Конрадъ Шмидтъ противъ К. Маркса и Фр. Энгельса стр. 173.; Матеріализмъ или кантіанизмъ? стр. 193, 194, 201.

Бернштейномъ и П. Струве, которыя, хотя взаимно исключали другъ друга, но преслѣдовали одну и ту же цѣль. Несостоятельность обоихъ этихъ обвиненій Г. Плехановъ доказалъ въ своихъ статьяхъ въ «Зарѣ».

Эд. Бернштейнъ, не понимая, что съ точки зрѣнія діалектической *быстрота* реальнаго отрицанія одной общественной формы другой зависитъ отъ *конкретныхъ* условій, что, напротивъ того, «*логическій* процессъ отрицанія совершается *внѣ времени*», полагалъ, что Марксъ и Энгельсъ, именно благодаря соблазнамъ діалектической логики, представляли себѣ слишкомъ быстрымъ темпъ общественнаго развитія. Поэтому онъ обвинялъ Гегеля и его учениковъ въ томъ, что они видѣли только процессъ непрерывнаго измѣненія вещей, въ которомъ они растворяли безъ остатка самыя вещи, что они «пренебрежительно относились къ точно опредѣленнымъ понятіямъ, считая ихъ *метафизикой*». Возражая Бернштейну, Г. Плехановъ показываетъ, что «Гегель не только не игнорируетъ правъ *разсудка* (*а, слѣдовательно, и точно опредѣленныхъ понятій*), но энергично отстаиваетъ его права даже въ такихъ областяхъ, казалось бы, далекихъ отъ «разсудочности», какъ... искусство». «Удачное художественное произведеніе предполагаетъ», напр., по Гегелю, «рядъ точно опредѣленныхъ характеровъ». По Гегелю, такимъ образомъ, необходимо отдавать должное и (діалектическому) *разуму*, и *разсудку*. П. Струве, въ противоположность Бернштейну, но изъ той же боязни «скачковъ» въ общественномъ развитіи, которыхъ «не терпитъ нашъ интеллектъ», обвиняетъ діалектику въ томъ, что она противорѣчитъ логическому «закону непрерывности», закону непрерывности измѣненій. На это Г. Плехановъ возражаетъ: не говоря о томъ, что исторія природы и общества сплошь и рядомъ дѣлала и дѣлаетъ скачки, хотя «интеллектъ Струве скачковъ не терпитъ», все это обвиненіе возникло изъ непониманія смысла закона непрерывности, установленнаго еще до Канта Лейбницемъ. Этотъ законъ имѣетъ въ виду исключительно количественныя измѣненія однородной субстанціи. Онъ не касается *сложныхъ* явленій измѣненія *отношенія* между частями субстанціи. Поэтому, онъ самъ по себѣ не въ состояніи объяснить ни возникновенія явленія, ни его исчезновенія, ни перехода количества въ качество, ни столкновенія между содержаніемъ и формой, а между тѣмъ всякое общество есть именно сложный комплексъ, а не «однородная субстанція». Оба обвиненія противъ діалектики, такимъ образомъ, вытекаютъ изъ ея непониманія. Для діалектика всякій, забывающій о правахъ «разума», есть *метафизикъ*, всякій, упускающій изъ виду права «разсудка», есть *скептикъ* [1].)

Той же защитѣ философіи марксизма отъ идеалистической «критики» посвященъ былъ рядъ статей Вѣры Засуличъ и Ортодоксъ (Л. Аксельродъ), помѣщенныхъ въ «Зарѣ» и направленныхъ противъ философскихъ упражненій П. Струве и Н. Бердяева и противъ сборника «Проблемы идеализма».

Ортодоксъ отмѣчаетъ, что наши идеалисты, отвергнувъ единственный критерій объективной истины—ея соотвѣтствіе внѣшней дѣйствительности, пытались замѣнить его другими негодными суррогатами, вродѣ «прочности, повто-

1) „Заря“ № 2-3, стр. 209, 210, 211, 217, а также „Критика нашихъ критиковъ“ „Заря“ № 4, стр. 1—12.

ряемости представленій», общепризнанности ихъ и т. п. Что говорятъ эти критеріи сами по себѣ? У всѣхъ «нормально организованныхъ» людей существуетъ представленіе о деревѣ. Но вопросъ въ томъ, «въ какомъ мѣстѣ и въ какое время должно совпадать это представленіе у всѣхъ людей». А что доказываетъ «прочность» и «постоянство» представленій? Ничто, какъ извѣстно, не бываетъ такъ прочно, какъ заблужденія. Очевидно, все это лишь *«условія критерія научнаго опыта, но не базисъ его»*. Наши идеалисты, отвергая этотъ базисъ—«реальный міръ внѣшнихъ вещей»—и отрывая свободу отъ необходимости, тѣмъ самымъ фаталистически преклоняются передъ «естественнымъ ходомъ вещей», отражая «болѣзнь воли», которой страдаетъ современная разслабленная и развинченная буржуазная интеллигенція. Впрочемъ, они отвергаютъ законы исторической необходимости и возможность историческихъ предсказаній только тогда, когда эти предсказанія неблагопріятны для буржуазіи. Тотъ же Струве, напр., не отказывается «предсказывать» неизбѣжность притупленія классовыхъ противорѣчій въ будущемъ и доказывать невозможность въ будущемъ соціальной революціи. Той же неискренностью и непослѣдовательностью отличаются ихъ этическія теоріи: нападая на эвдемонизмъ во имя высшаго нравственнаго блага, они одновременно защищаютъ «діонисово начало жизни», т. е. тотъ же эвдемонизмъ, но въ самой грубой эгоистической его формѣ [1]).

Свое отступленіе отъ соціалистической идеологіи къ буржуазной наши идеалисты прикрывали контръ-обвиненіемъ современнаго пролетаріата и его коммунистическаго идеала въ «буржуазности» и «мѣщанствѣ». Противъ этого обвиненія выступила въ «Зарѣ» Вѣра Засуличъ, объясняя попутно его психологическую подкладку. «Въ сознаніи вѣрующихъ», говоритъ она, «старый Богъ существовалъ не потому, что былъ нуженъ. Наоборотъ, онъ потому только и могъ удовлетворять—посредствомъ загробнаго рая—потребность въ надеждѣ на лучшее будущее..., что его существованіе было внѣ всякаго сомнѣнія».... Для чего же Струве и Бердяевъ «придумали» Бога, не будучи убѣжденными въ его существованіи? «Для спасенія отъ пессимизма ему (Струве) нужно чтобы въ капиталистической лавкѣ невидимо присутствовалъ Богъ и направлялъ торговлю въ сторону идеала». Когда Бердяевъ старался согласить Канта съ Марксомъ, онъ, правда, уже отбросилъ революціонный соціализмъ и проповѣдывалъ теорію «штопанія», но все же въ то время Кантъ нуженъ былъ ему еще, «чтобы знать объективно, навѣрняка, почему именно демократическій идеалъ выше буржуазнаго, почему лучше, чтобы сердце пріятно билось (оно и такъ бьется, но г. Бердяеву нужно знать, почему это лучше) при словахъ—справедливость и благо народа, чѣмъ при словахъ—кнутъ и обузданіе». Но г. Струве указалъ ему на послѣдствія «привлеченія Канта». «Расхваливъ г. Бердяева... за «душевный подъемъ, рождающій вѣру и энтузіазмъ», онъ взялъ да и прихлопнулъ съ одного удара всю его «вѣру». «Подчеркнувъ, что съ ихъ общей внѣклассовой.... точки зрѣнія въ психологіи оппозиціоннаго класса *лишь эмпирически случайно*... могутъ встрѣтиться пред-

---

[1]) См. Ортодоксъ. „О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ критиковъ". „Заря" № 4, стр. 48, 50, 52, 61, 63. См. ея же. "Почему мы не хотимъ итти назадъ". „Заря" № 2—3 и ея же, О „проблемахъ идеализма".

посылки нахожденія истины», «г. Струве сообщилъ г. Бердяеву непріятную вѣсть», что именно въ настоящую эпоху «этой счастливой случайности не случилось», ибо пролетаріатъ оказался «глубоко проникнутымъ моральной буржуазностью». Почему же это такъ случилось? Потому, говорятъ Струве и иже съ нимъ, что въ капиталистическомъ мірѣ царитъ мѣщанство, «культъ довольства», которому поклоняется пролетаріатъ одинаково съ буржуазіей. Это невѣрно, возражаетъ В. Засуличъ: въ капиталистическомъ мірѣ у буржуазіи царитъ не столько «культъ довольства», сколько «*культъ наживы*»; въ пролетаріатѣ же капиталистическій строй вырабатываетъ совершенно иную психологію—«*солидарности*». Когда марксисты спорили съ народниками, послѣдніе указывали, что психологія нашего крестьянина отражаетъ *непосредственныя* условія его разнообразнаго труда въ натуральномъ хозяйствѣ, что психологія пролетаріата тоже соотвѣтственно должна отражать лишь то, что онъ есть «придатокъ къ машинѣ». Но это перенесеніе *непосредственной* связи между психологіей и характеромъ производительнаго труда съ натуральнаго быта на сложное капиталистическое общество, раздѣленное на классы, совершенно неосновательно. Еслибъ это было вѣрно, то «пролетарій оказался бы тупѣе не то, что крестьянина», а всякаго животнаго, самостоятельно добывающаго себѣ пищу. Но въ томъ-то и дѣло, что, въ отличіе отъ крестьянина, пролетарій «связанъ съ работой только тѣломъ». Это же относится и къ будущему соціалистическому строю. Утописты, прельщая высшіе классы соціализмомъ, обѣщали превращеніе труда въ наслажденіе. Основатели научнаго соціализма въ противоположность имъ утверждали, что всестороннее развитіе личности возможно лишь «за предѣлами труда для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей». Вотъ почему неосновательны предсказанія идеалистовъ. Они съ своей глубоко «аристократической», ницшеанской точки зрѣнія опасаются, что «люди превратятся въ свиней, если начнутъ ѣсть досыта». «Это такъ же вѣроятно, какъ то, чтобы выпущенная изъ клѣтки птица вдругъ... превратилась въ лягушку» [1]).

Возвратъ къ идеализму нуженъ былъ «критикамъ» Маркса для того, чтобы облегчить себѣ борьбу съ его теоріей соціальнаго развитія. Противъ этой Марксовой теоріи выступилъ Струве въ статьѣ, помѣщенной въ Braun's Archiv'ѣ. Въ защиту ея отъ нападокъ П. Струве, Г. Плехановъ помѣстилъ рядъ статей въ «Зарѣ» подъ заглавіемъ «Критика нашихъ критиковъ». Чтобы облегчить себѣ задачу «критики», П. Струве предварительно искажаетъ Маркса. Подмѣнивши противорѣчіе между производительными силами и имущественными отношеніями, о которомъ говорилъ Марксъ, противорѣчіемъ между «хозяйствомъ и правомъ», онъ вслѣдъ за Штамлеромъ доказываетъ, что это противорѣчіе легко разрѣшается постепеннымъ приспособленіемъ «права» къ «хозяйству». Г. Плехановъ, разоблачивши эту подтасовку понятій, попутно разъясняетъ точный смыслъ указаннаго выше основного положенія Марксовой соціальной теоріи. Марксъ, говоритъ Г. Плехановъ, употребляетъ часто въ одномъ смыслѣ два понятія—

---

[1]) См. В. Засуличъ. „Элементы идеализма въ соціализмѣ". „Заря" № 2—3, стр. 307, 308, 311, 312. „Заря" № 4, стр. 76, 77, 79, 80, 84.

«имущественныя отношенія» и «производственныя отношенія», но на языкѣ Маркса «производственныя отношенія» есть понятіе болѣе широкое, чѣмъ «имущественныя отношенія». Первое понятіе включаетъ въ себѣ и такія категоріи, какъ «капиталъ», «прибавочная стоимость» и т. п., и такія, какъ «организація труда» въ фабричной мастерской или мануфактурѣ, которая вовсе не является «имущественнымъ отношеніемъ». Только послѣдняго рода производственныя отношенія (организація труда въ мастерской) могутъ развиваться параллельно съ производительными силами; имущественныя же отношенія неизбѣжно раньше или позже вступаютъ въ конфликтъ съ производительными силами, въ результатѣ котораго имущественныя отношенія падаютъ вмѣстѣ со своей идеологической надстройкой—съ господствующей правовой системой. Что касается этой «надстройки»—правовой системы—то она, конечно, постоянно приспособляется къ своему «базису», къ «хозяйству», въ извѣстномъ смыслѣ этого слова. Но, чтобы опровергнуть Маркса, нужно было бы доказать другое—что именно современныя капиталистическія имущественныя отношенія постепенно и исподволь приспособляются къ росту производительныхъ силъ, что они «соціализируются», что соціальная пропасть между пролетаріатомъ и буржуазіей постепенно заполняется. П. Струве и Эд. Бернштейнъ и это пытались доказать. Но и тутъ они для облегченія своей задачи предварительно приписали Марксу то, чего онъ не утверждалъ—теорію *абсолютнаго* обнищанія пролетаріата. Отмѣтивши это новое искаженіе Маркса, Г. Плехановъ, на основаніи анализа цифровыхъ данныхъ, смыслъ которыхъ обычно искусно маскируется извѣстными статистическими пріемами, показываетъ, что во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, согласно утвержденію Маркса, наблюдается *относительное* обнищаніе пролетаріата, постепенное уменьшеніе его *доли* въ національномъ доходѣ, что неизбѣжно должно привести къ росту его возмущенія [1]). Той же защитѣ соціально-экономической теоріи Маркса отъ ревизіонистской «критики» посвящены—статья Ленина въ № 2—3 «Зари» (по вопросу аграрному) и статья Карелина (В. Засуличъ) въ № 10 и № 11 «Научнаго Обозрѣнія» 1900 г. (противъ «исправленій» марксовой теоріи стоимости). Подводя итогъ «ревизіи» ученія Маркса, которую предпринялъ П. Струве и К°, Г. Плехановъ говоритъ: «Въ результатѣ ихъ «пересмотра» получилась такая доктрина, которая, давая «положительное объясненіе» капитализму, отказывается объяснить его «неизбѣжное паденіе»... Такимъ образомъ, нашъ «нео-марксизмъ является самымъ надежнымъ оружіемъ русской буржуазіи въ борьбѣ ея за духовное господство въ нашей странѣ» [2]).

Идейная борьба русскихъ «ортодоксальныхъ» марксистовъ противъ Струве и его единомышленниковъ и по времени, и по содержанію совпадала съ борьбой международной революціонной соц.-демократіи съ бернштейніанствомъ. Но редакціи «Зари» и «Искры», для огражденія политической самостоятельности пролетаріата, приходилось вести борьбу, не только обусловленную общеевропей-

---

[1]) См. Г. Плехановъ. „Крит. нашихъ крит.“ „Г. П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи соціальнаго развитія“. „Заря“ № 1, стр. 87, 88, 96, 104. „Заря“ № 2—3, продолженіе.

[2]) См. Г. Плехановъ. „Крит. нашихъ крит.“ „Заря“ № 4.

скимъ такъ наз. «кризисомъ марксизма», но и спеціально русскими условіями. Ей приходилось бороться, съ одной стороны, съ «экономизмомъ», который, впрочемъ, быстро терялъ почву подъ ногами, по мѣрѣ роста политическаго возбужденія въ странѣ, съ другой,—съ революціоннымъ народничествомъ, которое столь же быстро возрождалось въ связи съ политическимъ оживленіемъ среди интеллигенціи, подкрѣпляя свои устарѣлые теоретическіе аргументы новыми, взятыми изъ арсенала «критиковъ» Маркса.

Характеристику взглядовъ этого «подновленнаго» народничества далъ Старовѣръ въ «Зарѣ» [1]). Критикѣ этихъ же взглядовъ посвящено было нѣсколько фельетоновъ Г. Плеханова подъ заглавіемъ «Пролетаріатъ и крестьянство» и много др. статей въ «Искрѣ». Дѣло, однако, было въ то время не въ эклектической народнической *теоріи*, отъ отдѣльныхъ частей которой не оставила камня на камнѣ критика марксистовъ, раньше въ борьбѣ съ Михайловскимъ, В. В. и К°, а потомъ—съ бернштейніанцами. Дѣло было въ террористической практикѣ, которая, послѣ выстрѣловъ Карповича, Балмашова и Леккерта, привлекала къ себѣ симпатіи, отвлекая соціалистическіе элементы отъ трудной и сложной работы надъ сплачиваніемъ рабочей партіи. Противъ этихъ-то террористическихъ увлеченій открыла систематическій походъ «Искра».

Что касается «экономизма», то, хотя онъ въ то время естественно вымиралъ, его критика имѣла еще тогда гораздо большее принципіальное значеніе для соц.-демократіи. Это выяснилъ П. Аксельродъ, который далъ исчерпывающую критику «экономизма» уже въ самый моментъ его зарожденія, въ 96 г., въ «Послѣсловіи» къ брошюрѣ «Объ агитаціи», и затѣмъ въ 97 г., въ письмахъ о тактикѣ. Въ своемъ «Послѣсловіи» П. Аксельродъ отмѣтилъ родственность тактики «экономизма» съ *бунтарской* тактикой бакунистовъ и общій ихъ источникъ—элементарность политическаго мышленія и «игнорированіе историческаго *движенія* буржуазнаго общества и взаимныхъ отношеній составныхъ элементовъ господствующихъ классовъ». Въ своихъ письмахъ о тактикѣ П. Аксельродъ говорилъ по поводу распространявшагося уже тогда быстро «экономизма», что ему представляются двѣ возможныя перспективы: «Либо рабочія массы не играютъ въ освободительномъ движеніи самостоятельной революціонной роли, идутъ за буржуазной интеллигенціей и сражаются за свободу не подъ собственнымъ знаменемъ, а чужимъ. Либо же соц.-демократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, *частью рядомъ и въ союзѣ* съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), а частью привлекая въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи» [2]). Отмѣченное давно П. Аксельродомъ сродство между «экономизмомъ» и бунтарствомъ въ разсматриваемый періодъ очень скоро обнаружилось, когда Б. Кричевскій, защищавшій въ «Рабочемъ Дѣлѣ» «тактику—прогрессъ» и «теорію стадій», предложилъ вскорѣ послѣ этого «въ 24 часа перемѣнить тактику» и

---

1) См. ст. Современная весталка. „Заря“ № 2—3.

2) См. „Объ агитаціи“. Послѣсловіе П. Аксельрода 1896 г., стр. 35, 36, 43 и П. Аксельродъ. „Къ вопросу о соврем. задачахъ и тактикѣ рус. соц.-демократовъ“, стр. 19, 20.

«строиться въ штурмовыя колонны». Поэтому «Искра», начавъ борьбу съ постепеновщиной «экономистовъ», скоро должна была признать ихъ основнымъ грѣхомъ—«преклоненіе передъ стихійностью». Что касается извѣстныхъ «двухъ перспективъ» П. Аксельрода, то ихъ правильность ярко подтвердилась въ мартовскіе дни 1901 г., когда рабочіе боролись подъ руководствомъ не соц.-демократіи, а студенчества, не взирая на долгую работу соц.-дем. въ рабочей средѣ. Въ разсматриваемый періодъ значеніе этихъ «двухъ перспективъ» настолько хорошо было оцѣнено передовыми соц.-демократами, что именно онѣ то и послужили исходнымъ пунктомъ всей идейной кампаніи, предпринятой «Зарей» и «Искрой», политическій смыслъ которой разъяснили на страницахъ «Зари» Г. Плехановъ въ статьѣ—«Еще разъ соціализмъ и политическая борьба» и Л. Мартовъ въ статьѣ—«Всегда въ меньшинствѣ».

Въ переходное время начала движенія девятисотыхъ годовъ русская с.-демократія въ борьбѣ съ разными идейными теченіями воздвигла прочный теоретическій фундаментъ для всей своей будущей дѣятельности. Итоги этой борьбы были закрѣплены программой, выработанной редакціей «Искры» и «Зари» и принятой на съѣздѣ Партіи въ 1903 г. Соц.-демократія «выпрямилась», вернувшись къ традиціямъ «Гр. Осв. Тр.» Однако, вскорѣ намѣтился уже новый, крутой поворотъ съ прямой дороги въ сторону, противоположную повороту 90-хъ годовъ.

Въ апрѣлѣ 1901 г. Старовѣръ, заканчивая свою статью «Что случилось?» говоритъ: «И пора бы, кажется, современному разночинцу взять опять бразды гегемоніи изъ дряблыхъ рукъ нашей маскированной демократіи... Я сказалъ бы моимъ единомышленникамъ: *выходите и выводите рабочее движеніе на широкій путь политической борьбы, никогда и ни при какихъ условіяхъ не поступайтесь своей общественной личностью, не отрекайтесь отъ славнаго прошлаго разночинной интеллигенціи*» [1]). Эти слова, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ борьбы съ «экономистами» и русскими ревизіонистами, показываютъ, что въ то время русскіе революціонные соц.-демократы еще не предвидѣли никакой опасности отъ неизбѣжнаго, впрочемъ, еще при тогдашнихъ условіяхъ господства революціонной интеллигенціи въ соціалистическомъ движеніи. Однако, скоро обнаружилось, что именно стремленіе этой интеллигенціи къ сохраненію своей «общественной личности» представляетъ опасность для руководимаго ею соц.-дем. движенія даже въ томъ случаѣ, когда она исповѣдуетъ искренне принципы революціоннаго марксизма, ибо эта «общественная личность» состоитъ въ слишкомъ близкомъ соціальномъ родствѣ съ буржуазной демократіей. Обнаружилось это въ вопросѣ о роли соц.-демократіи въ освободительномъ движеніи.

Мы говорили уже въ первой главѣ, что П. Аксельродъ, формулируя въ 90-хъ гг. тактическія задачи русской соц.-демократіи, исходилъ изъ исторической возможности гегемоніи нашего пролетаріата въ грядущей буржуазной революціи. Эта идея, въ то время не нашедшая себѣ отклика, въ началѣ искровскаго періода, въ началѣ 900-хъ гг., стала центральной идеей русской соц.-демократіи. Этому благопріятствовали условія, при которыхъ начала свою дѣя-

---

[1]) См. Старовѣръ. „Что случилось?“ „Заря“ № 1. стр. 73. 74.

тельность группа «Искры» и «Зари». Во 1), незадолго до этого, въ 90-хъ гг., марксизмъ, *какъ теорія*, уже фактически пріобрѣлъ гегемонію въ идейной жизни передовой интеллигенціи, и начавшаяся въ концѣ 90-хъ гг. «критика марксизма» не успѣла еще уничтожить его обаянія въ этой средѣ. Во 2), въ началѣ 900-хъ гг. соц.-демократія была единственнымъ теченіемъ, которое имѣло прочныя связи въ народныхъ пролетарскихъ массахъ, единственнымъ теченіемъ, создавшимъ уже хотя бы первоначальные элементы большой народной политической партіи. Наконецъ, группа «Искры» уже тѣмъ самымъ, что она первая взяла на себя *иниціативу* систематической обличительной кампаніи противъ абсолютизма, подготовляла почву для революціонной гегемоніи пролетаріата.

Идея, возникшая въ срединѣ 90-хъ гг., начала осуществляться. Но она начала осуществляться при измѣнившихся условіяхъ, которыя неизбѣжно должны были внести нѣкоторыя важныя измѣненія въ первоначальную перспективу. Когда П. Аксельродъ писалъ въ 90-хъ гг. свои статьи о тактикѣ, марксизмъ только что завершилъ свою побѣдоносную борьбу съ народничествомъ. Когда начала издаваться «Искра», по всей линіи шла «критика Маркса», изъ которой вскорѣ вылупились два новыхъ политическихъ теченія — новая формація буржуазнаго либерализма и новая формація революціоннаго народничества. Будущіе политическіе союзники соц.-демократіи формировались, такимъ образомъ, не независимо отъ нея и рядомъ съ ней, а въ ея нѣдрахъ и въ борьбѣ съ ней, угрожая самому ея существованію. Это обстоятельство вынуждало революціонную соц.-демократію уже съ первыхъ шаговъ вести такую ожесточенную войну за вліяніе, которая угрожала оттѣсненіемъ главной очередной задачи — *совмѣстныхъ* выступленій противъ абсолютизма. Этимъ не исчерпывалась перемѣна обстановки. Когда П. Аксельродъ въ 90-хъ гг. говорилъ о возможной гегемоніи пролетаріата, онъ разсчитывалъ на затяжную предреволюціонную эпоху, на долгій процессъ политическаго воспитанія рабочихъ, на то, что *сами рабочіе*, хотя бы въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, возвысятся постепенно до руководящей роли въ революціи. Когда начала выходить «Искра», политическая атмосфера уже была насыщена революціонными бациллами, революціонныя событія быстро слѣдовали другъ за другомъ. Соотвѣтственно съ этимъ, группа «Искры», приступая спѣшно къ строенію партіи, въ основу ея клала пока по необходимости тѣ элементы, которые скорѣе и легче поддавались теоретическому воспитанію — именно профессіональныхъ революціонеровъ, преимущественно изъ интеллигенціи. *Непосредственно*, такимъ образомъ, тогда подготовлялась еще не гегемонія пролетаріата въ строгомъ смыслѣ слова, а гегемонія соц.-демократіи вообще. Партія строилась на спѣхъ подъ перекрестнымъ огнемъ, какъ бы въ обстановкѣ осаднаго положенія. Тѣмъ не менѣе «искровцы», благодаря своему идейному багажу, *въ теченіе нѣкотораго времени* сумѣли устоять противъ вліянія капризныхъ стихій и вести партію по тому курсу, который въ общихъ чертахъ намѣченъ былъ еще «Группой Осв. Тр.»

«Искра» играла роль «колокола»: она будила пролетаріатъ и демократію и революціонизировала умы. Но она дѣлала это въ ясномъ сознаніи тѣхъ препятствій, черезъ которыя невозможно перескочить, которыя должно было на дѣлѣ преодолѣть революціонное развитіе. Несмотря на быстрое наростаніе боевого на-

строенія среди рабочихъ и интеллигенціи, редакція «Искры» и «Зари» сама устояла и партію удержала отъ террористическихъ и всякаго рода революціонно-авантюристическихъ увлеченій и, насколько это возможно было путемъ одного литературнаго воздѣйствія сверху, содѣйствовала систематическому и планомѣрному воспитанію *политическаго сознанія* рабочихъ. Во имя этой задачи «Искра» обрушилась на Б. Кричевскаго, который въ статьѣ «Историческій поворотъ» призывалъ немедленно «строиться въ штурмовыя колонны». Во имя нея она подвергала критикѣ Надеждина—редактора «Свободы» и автора «Кануна революціи». Во имя нея же она вела систематическую борьбу съ соціалистами-революціонерами, проявлявшими по мѣткому выраженію постояннаго сотрудника «Искры», Троцкаго, «нервность вмѣсто тактики и благородство вмѣсто программы». Въ то же время «Искра» стремилась къ тому, чтобы борьба пролетаріата не осталась изолированной. Ни быстрое революціонизированіе рабочихъ, ни зачаточное состояніе и крайняя робость первыхъ выступленій буржуазной оппозиціи, не помѣшали искровцамъ до партійнаго раскола и даже послѣ него до 1904 г. работать надъ привлеченіемъ союзниковъ пролэтаріату изъ буржуазныхъ классовъ.

«Рабочая демократія своими политическими требованіями», писалъ Н. Ленинъ въ февралѣ 1902 г., «не принципіально, а только по степени отличается отъ буржуазной демократіи... Забываютъ, что интересы самодержавія совпадаютъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и только съ извѣстными интересами имущихъ классовъ и притомъ частью не съ интересами всѣхъ этихъ классовъ вообще, а съ интересами отдѣльныхъ слоевъ ихъ. Интересы другихъ слоевъ буржуазіи, а также болѣе широко понятые интересы *всей* буржуазіи... необходимо порождаютъ либеральную оппозицію самодержавію... Именно въ силу классовой точки зрѣнія *непозволительно* соц.-демократу оставаться безучастнымъ къ недовольству и протестамъ «Стаховичей» [1]).

Исходя изъ этихъ тактическихъ принциповъ, редакція «Искры» и «Зари» первоначально оказывала техническую поддержку разрозненнымъ элементамъ буржуазной оппозиціи и даже готова была предоставлять столбцы своихъ органовъ для обличительныхъ статей буржуазныхъ публицистовъ, и П. Струве дѣйствительно помѣстилъ пару статей въ первыхъ номерахъ «Искры». Изъ этого однако не слѣдуетъ, что редакція «Искры» считала вѣроятнымъ или желательнымъ съ точки зрѣнія интересовъ революціи, чтобы соц.-демократія оставалась и впередъ *единственнымъ* центромъ освободительнаго движенія, чтобы оппозиціонная буржуазія не сложилась до революціи въ самостоятельную политическую партію.

«Наша партія»... говорилъ Г. Плехановъ въ № 1 «Зари», «возьметъ на себя *иниціативу* борьбы съ абсолютизмомъ, а слѣдовательно и *гегемонію* въ этой борьбѣ... Наша партія сдѣлается центромъ, къ которому будутъ тяготѣть всѣ демократическія симпатіи и изъ котораго будутъ исходить всѣ наиболѣе крупные революціонные протесты» [2]). Но эта перспектива не исключала существованія рядомъ и другого центра тяготѣнія для болѣе умѣренныхъ элементовъ

---

[1]) См. „Искра“ № 16. „Политич. агитація и классовая точка зрѣнія“.

[2]) См. Г. Плехановъ. „Еще разъ соціализмъ и полит. борьба„. „Заря“ № 1, стр. 92.

освободительнаго движенія. Поэтому тотъ же Г. Плехановъ, заканчивая въ 1901 г. свою критику П. Струве, говоритъ по его адресу: «Теоретики нашей мелкой буржуазіи видятъ дальше и судятъ лучше, чѣмъ дѣльцы—вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикамъ нашей мелкой буржуазіи будетъ принадлежать руководящая роль въ освободительномъ движеніи нашего «средняго» класса» [1]).

Такъ же представлялось тогда взаимоотношеніе соціальной и либеральной демократіи Л. Мартову. «Для буржуазной интеллигенціи», писалъ онъ, «ея возстаніе противъ «ортодоксіи» представляется шагомъ впередъ по пути прогресса: его ближайшей цѣлью является освобожденіе радикализма отъ тѣхъ революціонныхъ элементовъ соціально-политическаго міровоззрѣнія, которые мѣшаютъ усвоенію этого міровоззрѣнія всей массой буржуазнаго общества, стоя такимъ образомъ на пути сплоченія всего этого общества въ политическую силу». «Но для тѣхъ, кто свои надежды на политическій прогрессъ Россіи пріурочиваетъ не къ обществу, а главнымъ образомъ къ пролетаріату, значеніе этой борьбы представляется въ другомъ свѣтѣ... Съ этой точки зрѣнія аттака «критической» интеллигенціи на марксистскую ортодоксію представляется дѣломъ, враждебнымъ революціи», между прочимъ потому, что она можетъ привести къ утратѣ пролетаріатомъ своей революціонной гегемоніи. Изъ этихъ словъ можно было бы вычитать отрицательное отношеніе автора къ самостоятельному политическому сплоченію буржуазіи въ современную эпоху въ какой бы то ни было формѣ. Однако авторъ это рѣшительно отвергаетъ: «Эта идейная борьба», говоритъ онъ, «должна привести къ выживанію въ каждомъ лагерѣ элементовъ наиболѣе приспособленныхъ къ данной исторической обстановкѣ, властно требующей комбинированія силъ революціонныхъ и просто оппозиціонныхъ элементовъ... Взоръ тѣхъ, кто удрученъ картиной повальнаго безлюдья въ либеральномъ лагерѣ, можетъ съ надеждой обратиться къ образу *будущихъ* русскихъ Лафайетовъ и Якоби» [2]).

Когда гипотеза редакторовъ «Искры и «Зари» стала осуществляться, осенью 1902 г., когда основанъ былъ самостоятельный либеральный «Союзъ освобожденія», когда вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что его литературный органъ, редактируемый П. Б. Струве, не столько заботился о томъ, чтобы поднять имущую буржуазную оппозицію до уровня демократическихъ задачъ русской революціи, сколько о томъ, чтобы приспособить эти задачи къ политической отсталости и трусости нашего либеральнаго общества, редакція «Искры», подвергая рѣзкой критикѣ эти оппортунистическія тенденціи, въ то же время упорно толкала либераловъ влѣво, выискивая для этой цѣли болѣе жизнеспособные элементы либерализма и ободряя ихъ своей поддержкой. Укажемъ, напр., на статьи Л. Мартова.—«Программа русскихъ либераловъ», Старовѣра.—«Еще нѣсколько словъ о дебютирующихъ либералахъ» и Ленина — «Политическая борьба и политиканство». Авторъ послѣдней статьи, между прочимъ, говоритъ: «Отъ политиканства передовой статьи («Освобожденія». А. М.) съ удовольствіемъ отдыхаешь на дальнѣйшихъ статьяхъ сотрудниковъ: г. Антона Старицкаго и еще

---

[1]) См. Г. Плехановъ. „Критика нашихъ критиковъ". „Заря" № 4 стр. 30

[2]) См. Л. Мартовъ. „Всегда въ меньшинствѣ". „Заря" № 2—3, стр. 183, 191, 192.

болѣе земскаго гласнаго г. Т... Г. земскій гласный *всецѣло* подтверждаетъ данную нами въ «Искрѣ» оцѣнку программы «Освобожденія». Больше того: его статья доказываетъ не только правильность нашей точки зрѣнія, но цѣлесообразность нашего рѣзкаго изобличенія половинчатости либерализма. Оказывается, что и въ самой земской средѣ есть люди, которымъ претитъ всякое вилянiе и которыхъ мы особенно должны стараться поддержать безпощадной критикой этого вилянія съ нашей точки зрѣнія» [1]).

Въ общемъ, тактика «Искры» разсматриваемаго періода нашла себѣ правильную оцѣнку въ письмѣ «Рабочаго юга», адресованнаго въ редакцію: «Искра» первая указала намъ, рабочимъ, что мы должны интересоваться не только однимъ рабочимъ движеніемъ, но и жизнью, и движеніемъ всего народа и общества. «Искра» первая высказала вслухъ, что въ революціи въ Россіи примутъ участіе, кромѣ рабочихъ, и крестьяне, и общество. Мы, рабочіе, не можемъ не высказать редакціи сердечную благодарность за то, что она вывела изъ узкаго круга мыслей и понятій насъ... и обратила наше вниманіе на всѣ слои общества, которые, частью, также заинтересованы въ радикальномъ измѣненіи существующаго строя. Этимъ указаніемъ «Искра» разрѣшила сомнѣнія въ возможности революціи и ободрила рабочихъ, которые почувствовали себя и сильнѣе, и не одинокими» [2]).

«Ортодоксально марксистская «Искра» шла *по* теченію, поскольку оно увлекало страну на путь революціи, *противъ* него, поскольку оно отвлекало соціалъ-демократію отъ самостоятельной пролетарской политики въ этой революціи. Однако, вліяніе самобытной исторической стихіи отсталой Россіи оказалось сильнѣе вліянія марксистскихъ идейныхъ традицій, учитывавшихъ опытъ передовыхъ странъ Запада. «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно», и по ироніи исторіи какъ разъ та борьба за самостоятельность рабочаго движенія и за гегемонію пролетаріата въ революціи, которую вела такъ упорно «Искра», послужила почвой для возникновенія новыхъ тенденцій къ растворенію классовыхъ задачъ соц.-демократіи въ демократическихъ задачахъ революціи, къ ущербу тѣхъ и другихъ. Эти новыя тенденціи возникли, благодаря отмѣченнымъ выше особеннымъ условіямъ, при которыхъ складывалась организація «Искры» и, прежде всего, благодаря «общественной личности» профессіональныхъ революціонеровъ изъ интеллигенціи, господствовавшихъ въ созидаемой «Искрой» партіи, благодаря той самой «общественной личности», о которой писалъ Старовѣръ въ своей статьѣ «Что случилось?». Наиболѣе типичнымъ выразителемъ этой «общественной личности» русскаго революціоннаго разночинца былъ Ленинъ, и потому въ его произведеніяхъ искровскаго періода сравнительно очень скоро въ идею гегемоніи пролетаріата стало вкладываться принципіально новое содержаніе.

Послѣ партійнаго раскола 1903 г. Н. Ленинъ писалъ: «Якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы, это и есть революціонный соц.-демократъ» [3]). Это якобинское толкованіе марксизма проходило уже красной нитью черезъ всю брошюру Ленина

---

[1]) См. „Искра“ №№: 23, 1 авг. 1901 г.; 24, 1 сент. 1902 г. и 26-ой, 15 окт.

[2]) См. „Бесѣда по поводу писемъ читателей“. „Искра“ № 14.

[3]) См. Ленинъ. „Шагъ впередъ, два шага назадъ“, ст. 140.

«Что дѣлать?», написанную имъ еще въ началѣ 1902 г. и вскорѣ пріобрѣвшую огромное вліяніе на всѣхъ рядовыхъ работниковъ русской соц.-демократіи. Если тѣмъ не менѣе брошюра «Что дѣлать?», при самомъ своемъ появленіи, не вызвала сомнѣній и опасеній среди товарищей Ленина по редакціи, оставшихся вѣрными русскимъ марксистскимъ традиціямъ, то это можно объяснить только тѣмъ, что звучавшія въ ней «самобытныя» ткачевскія ноты объяснялись ими въ то время полемическимъ увлеченіемъ въ борьбѣ съ такъ наз. «экономизмомъ». И самъ Ленинъ, впрочемъ, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ «переворотѣ», который онъ совершалъ, ибо онъ на Лондонскомъ съѣздѣ партіи 1903 г., защищаясь противъ нападокъ на «Что дѣлать»?», заявилъ, что онъ вынужденъ былъ въ борьбѣ съ «экономистами» въ брошюрѣ «перегибать лукъ въ другую сторону».

Дальнѣйшее развитіе соц.-демократіи показало, однако, что дѣло тутъ было не въ полемическихъ увлеченіяхъ. Н. Ленинъ противъ практики «экономистовъ», принижавшихъ роль сознанія въ движеніи и приспособлявшихся къ отсталымъ слоямъ пролетаріата, выдвинулъ въ «Что дѣлать?» цѣлую новую теорію, которая, до извѣстной степени, реставрировала народническій взглядъ на роль личности въ исторіи: «О самостоятельно самими рабочими массами въ самомъ ходѣ ихъ движенія вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи», писалъ онъ; у рабочихъ «и быть *не могло* сознанія *непримиримой противоположности* ихъ интересовъ всему современному... строю», «теоретическое ученіе соц.-демократіи возникло *совершенно независимо* отъ стихійнаго роста рабочаго движенія»; «соц.-демократическое сознаніе могло быть внесено *только» изъ-внѣ* у насъ, какъ и на Западѣ, въ рабочую среду; рабочій классъ стихійно стремится лишь «къ трэдъ-юніонизму»; задача соц.-демократіи заключается въ томъ, чтобы «совлечь» пролетаріатъ съ этого пути, по которому онъ стихійно идетъ и т. д. [1]). Эта теорія, какъ это часто бываетъ, возводила фактъ въ принципъ, возводила временное фактическое господство революц. интеллигенціи въ соц.-демократическомъ движеніи въ общій непререкаемый законъ. Такимъ образомъ, старая тенденція къ закрѣпленію отсталости рус. соц. движенія возродилась въ новой формѣ. Это сказалось также въ отношеніи автора «Что дѣлать?» къ другимъ принципіальнымъ вопросамъ. По первоначальной схемѣ русскаго марксизма важная задача привлеченія союзниковъ пролетаріату могла и должна была быть достигнута соотвѣтственной агитаціонной дѣятельностью въ самой рабочей средѣ, постепеннымъ вовлеченіемъ рабочихъ массъ въ политическую жизнь страны, постепеннымъ развитіемъ ихъ политической самодѣятельности, которое тѣмъ самымъ привлекло бы къ нимъ симпатіи союзниковъ». Этотъ путь казался слишкомъ длиннымъ и сложнымъ Ленину и его сторонникамъ. Въ виду этого, онъ въ своей брошюрѣ намѣчаетъ болѣе прямой путь къ цѣли: «Чтобы принести рабочимъ политическое знаніе», пишетъ онъ, «соц.-демократы должны итти во всѣ классы населенія—и въ качествѣ теоретиковъ, и въ качествѣ пропагандистовъ, и въ качествѣ организаторовъ». Мы «должны одновременно руководить активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ», «диктовать для нихъ положительную

---

[1]) См. Ленинъ „Что дѣлать"? стр. 71 и друг.

программу дѣйствій» [1]). Утопическая идея «диктованія программы», хотя бы оппозиціоннымъ, но все же антагонистическимъ элементамъ общества единымъ центромъ могла возникнуть только въ отсталой обстановкѣ крайне недифференцированной политической жизни и только въ головахъ революціонной интеллигенціи, существующей какъ бы внѣ классовъ и надъ классами. По мѣрѣ же развитія неизбѣжной политической дифференціаціи это стремленіе должно было привести и дѣйствительно привело къ двойному результату: съ одной стороны, стиралась грань между различными революціонными элементами, которые временно выдвигали болѣе или менѣе общую программу дѣйствій и выставляли болѣе или менѣе однородныя политическія требованія; съ другой, совершенно скидывались со счета революціи и зачислялись въ сплошную реакціонную массу тѣ буржуазные элементы, которые подъ этой единой программой не могли или не хотѣли подписаться. Задача привлеченія союзниковъ такимъ способомъ неизбѣжно должна была превратиться въ свою противоположность—въ ихъ отталкиваніе.

Весь этотъ продуктъ подпольнаго кружковаго мышленія вѣнчался задачей «подготовки, назначенія и проведенія всенароднаго вооруженнаго возстанія» [2]), причемъ, соотвѣтственно крайнему упрощенію всей политической перспективы, и эту задачу предполагалось осуществить весьма простымъ методомъ. Въ другой брошюрѣ Ленина, появившейся въ то же приблизительно время, авторъ говоритъ: «Наладить, сорганизовать дѣло быстрой и правильной передачи литературы, листковъ, прокламацій и пр., пріурочить къ этому цѣлую сѣть агентовъ, это значитъ сдѣлать *большую* половину дѣла по подготовкѣ въ будущемъ демонстраціи или возстанія» [3]).

Всѣ эти взгляды формулированы были впервые Ленинымъ; но они не остались его индивидуальными взглядами. Отражая чрезвычайно неразвитыя общественныя отношенія, въ обстановкѣ которыхъ въ 900-хъ г.г. быстро надвигались революціонныя событія, они нашли себѣ живой откликъ и съ каждымъ днемъ пріобрѣтали все большую популярность въ соц.-демократической аудиторіи. Такимъ образомъ, новый крупный шагъ впередъ въ развитіи русской соц.-демократіи былъ купленъ цѣной новаго поворота—къ *бланкизму*.

Сова Минервы вылетаетъ ночью, и указанная бланкистская тенденція привела къ расколу партіи на двѣ части—«большинство» и «меньшинство», какъ разъ на съѣздѣ 1903 г., какъ разъ въ тотъ моментъ, когда искровцамъ, строившимъ партію, казалось, что ихъ трехлѣтней борьбой съ оппортунизмомъ достигнуто было, наконецъ, полнѣйшее идейное единомысліе въ соц.-демократіи. Расколъ произошелъ исключительно по организаціонному вопросу и только впослѣдствіи для обѣихъ сторонъ выяснилось, что подъ организаціоннымъ разногласіемъ скрывалось глубокое расхожденіе по принципіальнымъ политическимъ вопросамъ. Въ задачу настоящей статьи не входитъ описаніе борьбы между

---

1) Ibid стр. 59, 61, 64.

2) Ibid. стр. 136.

3) См. Ленинъ. „Письмо къ товарищу о нашихъ организаціонныхъ задачахъ“, стр. 11, курсивъ автора.

«большевиками» и «меньшевиками», заполнявшую идейную жизнь соц.-демократической партіи отъ 1903 г. по настоящій день. Отмѣтимъ лишь, что «меньшевики», при своихъ тактическихъ построеніяхъ, держались тѣхъ вѣхъ, которыя въ общихъ чертахъ намѣчены были еще «Гр. О. Т.» въ 90-хъ г.г. и которыя правильно опредѣляли общее направленіе и конечныя тенденціи русскаго револ. развитія; «большевики» же, болѣе чувствительно отражавшіе «вѣяніе времени», больше приспособлялись къ тому зигзагу, который стихійно продѣлало это развитіе въ истекшемъ періодѣ. Благодаря этому, «большевики», подчиняясь логикѣ революціоннаго интеллигентскаго подполья, начавши съ гегемоніи «профессіональныхъ революціонеровъ» и съ технической подготовки возстанія изъ единаго центра, пришли къ истребительной войнѣ съ буржуазнымъ либерализмомъ, какъ съ контръ-революціонной силой, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ началъ, наконецъ, складываться въ оппозиціонную политическую партію.

Подчиняясь той же логикѣ, они пришли къ сближенію съ соц.-революціонерами, которыхъ старые искровцы честили «революціонными авантюристами», и къ идеѣ «диктатуры пролетаріата и крестьянства». Союзъ между соц.-демократами и либералами для борьбы съ народничествомъ, который *фактически* заключенъ былъ въ серединѣ 90-хъ годовъ, въ слѣдующее десятилѣтіе смѣнился, такимъ образомъ, фактически союзомъ между соц.-демократами большевистскаго толка и революціонными народниками для борьбы съ либералами. Это былъ съ внѣшней стороны поворотъ въ 180°. Въ дѣйствительности, какъ мы говорили вначалѣ 2-ой главы, оба эти теченія—«экономизмъ» 90-хъ г.г. и «большевизмъ» 900-хъ, имѣютъ много родственнаго и одинаково свидѣтельствуютъ объ отсталости русскихъ общественныхъ отношеній, дѣлающихъ особенно затяжными и мучительными роды русскаго буржуазнаго строя.

А. Мартыновъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Т-ВА ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА

СПБ., Большая Подъяческая, 39.

Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Подъ ред. А. И. Кастелянскаго.

Содержаніе: Кастелянскій. Предисловіе. Ч. 1-я **Австро-Венгрія.** Шпрингеръ. Политическая эволюція національностей въ Австро-Венгріи. Нѣмецко-чешская борьба. Фишель. **Нѣмцы.** Горачекъ. **Чехи.** Польско-украинская борьба. Василевскій. **Поляки.** Проф. М. Грушевскій. **Украинцы.** Ахеръ. **Евреи.** Питтони. **Итальянцы.** Кристанъ. **Южные славяне.** I. Крекъ. Южные славяне. II. Треймундъ. **Нѣмцы въ Венгріи.** Куна. **Словаки.** Ч. 2-я. Россія Финляндія. Славинскій. Національная структура Россіи и великороссы. Недержавныя національности и первые этапы національнаго строительства. Проф. Грушевскій. **Украинцы.** Крживицкій. **Поляки.** I. Рёмеръ. Поляки. II. Новина. **Бѣлоруссы.** Дубновъ. **Евреи.** Булатъ. **Литовцы.** Петерсонъ. **Латыши.** Аваловъ. **Грузины. Армяне.** На зарѣ. національной эволюціи. Штернбергъ. **Инородцы.** Букейхановъ. **Киргизы.** Штернбергъ. **Буряты.** Игельстромъ. **Финляндія.** Ч. 3-я. Германія. Мархлевскій. **Поляки въ Пруссіи.** Гансенъ. **Датчане.** Пасманикъ. **Сіонизмъ.** Водовозовъ. Національность и пролетаріатъ. Вл. Меденъ. Національное движеніе и національныя соціалистическія партіи въ Россіи. Пернерсторферъ. Національный вопросъ и соціалъ демократія въ Австріи. Ц. 7 р. 50 к.

АКСЕЛЬРОДЪ, И. Рабочій классъ и революціонное движеніе въ Россіи. Ц. 40 к.
АРИСТОТЕЛЬ. ЭТИКА. Переводъ Радлова. Ц. 1 р. 50 к.
БЕЛЬТОВЪ, Н. (Г. Плехановъ). Къ вопросу о развитіи монист. взгляда на исторію. Ц. 1 р. 25 к.
— Критика нашихъ критиковъ. Ц. 2 р.
БЕЛЬТОВЪ. За двадцать лѣтъ. Изд. 3-е. Ц. 3 р.
Бауэръ. Національный вопросъ и соціалъ-демократія. Ц. 3 р.
ВЕББЪ и КОКСЪ. 8-ми-часовой рабочій день. 2-е изд. 1 р. 25 к.
ВЕББЪ, С. Соціализмъ въ Англіи Ц. 1 р.
ГЕФФДИНГЪ, Г. Проф. Философія религіи. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р 50 к.
ДАВИДЪ, Э. Соціализмъ и сельское хозяйство. 2-е испр. изд. Ц. 2 р. 50 к.
ЗЕЛИГМАНЪ. Основы политической экономіи. Ц. 3 р.
КАУТСКІЙ, К. Изъ исторіи общественныхъ теченій. Т. I. Изд. II. Ц. 2 р.
— Изъ исторіи общественныхъ теченій. Т. II. Изд. II-е. Ц. 1 р. 50 к.
КОНШТЕДТЪ. Аграрный вопросъ въ германск. соціалъ-демократіи съ прилож. статьи К. Каутскаго. Ц. 75 к.
ЛАФАРГЪ. Собственность и ея происхожденіе Ц. 50 к.
ЛЕРУА. Эволюція государственной власти. (Синдикаты чиновниковъ). Ц. 70 к.
ЛЕСКЮРЪ. Общіе и періодическіе промышленные кризисы. Ц. 2 р. 50 к.
ЛОУ, С. Государственный строй Англіи. Пер. съ англ. Ц. 1 р. 50 к.
ЛУИ, ПОЛЬ. Рабочій и государство. Ц. 1 р. 50 к.
МАЧИНСКІЙ, (Мечъ). О человѣческой культурѣ. Ц. 1 р.
Писарева, А. Краткій курсъ русской исторіи для самообр. Ч. I Ц. 40 к.
ПИСЬМА МАРКСА Энгельса и др. къ Зорге и др. Пер. подъ редакц. и съ предисловіемъ Аксельрода. 2 р.
ПОЛЯНСКІЙ, Н. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. Ц. 1 р. 50 к.
ПАЖИТНОВЪ, К. А. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. 2-е изд. Ц. 1 р.
ПАЖИТНОВЪ, К. Нѣкоторые итоги и перспективы въ области рабочаго вопроса въ Россіи. Ц. 75 к.
СУВИРОВЪ, И. Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ З. Евр. Ц. 75 к.
Тотоміанцъ. Сельскохозяйственная кооперація, очерки съ прилож. образцовыхъ уставовъ. Ц. 2 р.
ШПРИНГЕРЪ, Р. Національная проблема (Національн. борьба въ Австріи). Ц. 2 р.
ФИЛОСОФІЯ въ систематическомъ изложеніи В. Дильтея, А. Рипля, В. Оствальда, В. Вундта, Эббингауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена, В. Тюнха, Т. Липпса. Перев. со 2-го нѣмец. изд. Ц. 3 р.
Форъ. Міровая скорбь. Ц. 1 р.
ФУЛЬЕ. Ницше и имморализмъ. Ц. 1 р. 50 к.
ЭНГЕЛЬСЪ, Ф. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Ц. 1 р.

Складъ выполняетъ заказы на **всѣ** книги, имѣющіяся въ продажѣ. Заказы высылаются нал. плат. Каталоги по требованію безплатно.

Томъ II. Массовое движеніе.

ЧАСТЬ I. а) Классовое строеніе страны. б) Общая картина общественныхъ движеній.

ЧАСТЬ II. Проявленіе массовыхъ классовыхъ движеній въ 1904—1907 годахъ: Отд. 1. Положеніе рабочаго класса и рабочее движеніе. Отд. 2. Крестьянское движеніе. Отд. 3. Движеніе крупной буржуазіи и городское самоуправленіе. Отд. 4. Движеніе землевладѣльцевъ и земства. Отд. 5. Движеніе интеллигенціи, служащихъ и мелкой буржуазіи. Отд. 6. Національныя движенія.

Томъ III. Партіи—ихъ составъ, развитіе и проявленіе въ массовомъ движеніи, на выборахъ и въ Думѣ.

С.-Д., С.-Р. и Н.-С. Трудовики и Крестьянскій союзъ. Кадеты. Октябристы. Правые и С. Р. Н. Національныя движенія.

Томъ IV. Измѣненія въ теченіе 1904—7 гг. экономическаго и политическаго строя.

Отд. 1. Измѣненіе хозяйственныхъ отношеній: а) въ сферѣ земледѣлія, б) промышленности, в) торговли и кредита. Отд. 2. Измѣненія финансовъ. Отд. 3. Международныя отношенія. Отд. 4. Общая политика правительства, измѣненіе государственной организаціи, три созыва Думы.

Томъ V. Эволюція идей. Заключеніе.

Отд. 1. Культурное движеніе. Отд. 2. Развитіе идеологіи. Отд. 3. Художественная литература. Отд. 4. Развитіе философской мысли. Отд. 5. Общіе выводы характера экономической эволюціи во время движенія. Отд. 6. Общіе выводы о характерѣ политической эволюціи за время движенія. Отд. 7. Итоги.

ЛЬГОТНЫЯ УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ 1 Марта 1910 года.

Задатокъ **2** р., за пересылку каждаго тома **50** к., при полученіи I, II и III т. по **3** р. **50** к., IV и V по **2** р. **50** к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ т-вѣ „Общественная Польза“, Спб. Б. Подъяческая, 39.

По выходѣ III тома подписка прекращается.

Цѣна 2 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Въ книжномъ складѣ т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 годъ

НА НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НАША ЗАРЯ.

Выходитъ въ Петербургѣ разъ въ мѣсяцъ книгами въ 6—8 листовъ каждая.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИМУТЪ ПОСТОЯННОЕ УЧАСТІЕ:

К. Августовскій, Л. Аксельродъ, М. Александровъ, Н. Андреевъ, Н. Балабановъ, доц. М. Бернацкій, П. Берлинъ, проф. М. Боголѣповъ, Б. Веселовскій, Н. Валентиновъ, А. Вейсбрутъ, д-ръ Н. Вигдорчикъ, К. Ганъ, д-ръ Д. Герценштейнъ, В. Громанъ, Д. Гурари, Ф. Даниловъ, А. Доборинъ, К. Дмитріевъ, А. Ерманскій, Ст. Ивановичъ, Л. Клейнбортъ, А. Коллонтай, В. Краинхфельдъ, Д. Кольцовъ, В. Левицкій, З. Лепскій, А. Лосицкій, М. Лукомскій, В. Львовъ-Рогачевскій, Е. Маевскій, А. Михайловъ, П. Масловъ, Л. Мартовъ, М. Морозовъ, В. Мировъ, В. Мукосѣевъ, М. Невѣдомскій, Г. Наумовъ, М. Панинъ, Я. Пилецкій, А. Потресовъ, С. Сватиковъ, Е. Смирновъ, С. Струмилинъ, А. Финъ-Енотаевскій, М. Хейсинъ, Е. Чарскій, Ю. Чацкій, Череванинъ, Н. Чернышевъ, В. Щегловъ, Л. Экспертъ, П. Юшкевичъ и др.

Постоянные отдѣлы: внутреннее обозрѣніе, иностранное обозрѣніе, библіографія.

Условія подписки: на годъ **4** р., на полгода **2** р. **30** к., на три мѣсяца **1** р. **20** к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается **разсрочка**: при подпискѣ **1** р. и затѣмъ по **1** рублю къ 1 марта, 1 апрѣля и 1 мая.

Годовые подписчики, внесшіе плату полностію сразу или въ разсрочку, получаютъ въ видѣ безплатной преміи слѣдующія **4 книги**, стоющія въ отдѣльной продажѣ 4 руб.: 1) **Ж. Вейль** «Исторіи соціальнаго движенія во Франціи (1852—1902)» ц. 1 руб. 80 коп., 2) **Хилкуитъ** «Исторія соціализма въ Соед. Штатахъ» ц. 75 к., 3) **Парвусъ** «Въ рядахъ германской соціалдемократіи» ц. 1. р. и 4) **П. Лафаргъ** „Собственность" ц. 50 к. Пересылка означенныхъ книгъ за счетъ подписчиковъ за 7 ф. по растоянію т. е. въ предѣлахъ Европейской Россіи 45 к., въ Западную Сибирь и Среднюю Азію 85 к., въ Восточную Сибирь 1 р. 25 к.

Годовые подписчики могутъ или прислать всю причитающуюся съ нихъ сумму (т. е. 4 р. и стоимость пересылки приложеній) или прислать задатокъ не менѣе 50 к. можно (почт. марками), по полученіи коего будутъ высланы всѣ вышедшіе номера журнала и всѣ приложенія съ наложеніемъ платежа на остальную сумму.

Цѣна отдѣльной книги журнала 40 коп.

Временный адресъ: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая, 39, для журнала „НАША ЗАРЯ".